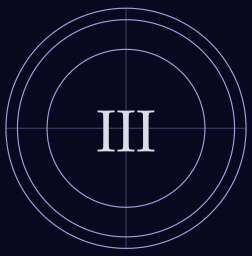
ГЕНРИХ КОРНЕЛИЙ
АГРИППА

О СОКРОВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

КНИГА III
ЦЕРЕМОНИАЛЬНАЯ МАГИЯ

РУССКИЙ ПЕРЕВОД · ФАКСИМИЛЕ
O.V.K — X.T.R

Генрих Корнелий Агриппа
из Неттесгейма

О СОКРОВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

КНИГА III

Церемониальная магия

✧

Русский перевод с латинского
С факсимиле рисунков и страниц
издания 1533 года

2026

Об этой книге

Генрих Корнелий Агриппа из Неттесгейма. «О сокровенной философии». Книга 3. Церемониальная магия.

Русский перевод с латинского текста издания 1533 года. В конце тома — факсимиле страниц издания со всеми рисунками, таблицами и печатями.

Содержание

Генриха Корнелия Агриппы о сокровенной философии, или о магии, книга третья и последняя 10

Глава I. О необходимости, силе и пользе религии 11

Глава II. О молчании и сокрытии религиозных тайн 13

Глава III. Какое обретение достоинства требуется, чтобы стать истинным магом и совершителем чудес 17

Глава IV. О двух опорах церемониальной магии — религии и суеверии 20

Глава V. О трёх вождях религии, приводящих нас на путь истины 24

Глава VI. Как под водительством этих вождей человеческая душа восходит к божественной природе и становится совершительницей чудес 26

Глава VII. О том, что магу необходимо познание истинного Бога, и о том, что думали о Боге древние маги и философы 28

Глава VIII. Что древние философы думали о божественной Троице 32

Глава IX. Какова истинная правоверная вера в Бога и Пресвятую Троицу 36

Глава X. О божественных истечениях, которые евреи называют исчислениями, другие — атрибутами, а язычники называли богами и божествами; о десяти сефирот и десяти святейших именах Божиих, над ними начальствующих, и об их толковании 38

Глава XI. О божественных именах, их могуществе и силе 44

Глава XII. О влиянии божественных имён через отдельных посредников на нижние вещи 52

Глава XIII. О членах Бога и об их влиянии на наши члены 56

Глава XIV. О богах язычников, о душах небесных тел и о том, какие места каким божествам были посвящены в древности 59

Глава XV. Что думают наши богословы о небесных душах 64

Глава XVI. Об интеллигенциях и демонах, о трёх их родах и различных наименованиях, а также о преисподних и подземных демонах 66

Глава XVII. О них же согласно мнениям богословов 72

Глава XVIII. О чинах злых демонов, их падении и различных природах 75

Глава XIX. О телах демонов 81

Глава XX. О нападениях злых демонов и об охране, оказываемой нам добрыми демонами 84

Глава XXI. О повиновении собственному гению и исследовании его природы 88

Глава XXII. О том, что у каждого человека три хранителя, и о происхождении каждого из них 91

Глава XXIII. О языке ангелов и об их беседах между собой и с нами 94

Глава XXIV. Об именах духов, о различных способах их наречения и о духах, управляющих звёздами, знаками, углами неба и стихиями 96

Каким образом еврейские каббалисты извлекают священные имена ангелов из Священного Писания; о семидесяти двух ангелах, несущих имя Бога, с таблицами цируфа и перестановок букв и чисел 100

Глава XXV 101

Глава XXVI. О нахождении имён духов и гениев по расположению небесных тел 111

О вычислительном искусстве таких имён по преданию каббалистов 113

Глава XXVII 114

Глава XXVIII. Каким образом имена духов иногда берутся от самих вещей, над которыми они поставлены 119

Глава XXIX. О знаках и печатях духов 123

Другой способ образования знаков, переданный каббалистами 124

Глава XXX 125

Ещё один способ образования знаков; о печатях духов, полученных только через откровение 127

Глава XXXI 128

Как мы привлекаем добрых демонов и как побеждаем злых демонов 130

Глава XXXII 131

Об узах духов, их заклинаниях и изгнаниях 135

Глава XXXIII 136

О чине душ и героях 137

Глава XXXIV 138

О богах смертных и земных 140

Глава XXXV 141

О человеке: как он создан по образу Бога 143

Глава XXXVI 144

О человеческой душе и о том, какими посредниками она соединяется с телом 152

Глава XXXVII 153

Какие божественные дары человек получает свыше от каждого чина небес и интеллигенций 154

Глава XXXVIII 155

Как вышние влияния, будучи по природе добрыми, искажаются в нижних вещах и становятся причинами зла 158

Глава XXXIX 159

Глава XL. О том, что в каждом человеке запечатлён божественный знак, силой которого он может достигнуть совершения чудес 162

Глава XLI. Различные мнения о том, что бывает с человеком после смерти 164

Глава XLII. На каких основаниях маги и некроманты полагали, что могут вызывать души умерших 182

Глава XLIII. О силе человеческой души в уме, рассудке и образе 186

Глава XLIV. О ступенях душ и об их гибели либо бессмертии 191

Глава XLV. О прорицании и исступлении 195

Глава XLVI. О первом виде исступления, происходящем от Муз 196

Глава XLVII. О втором виде, происходящем от Диониса 200

Глава XLVIII. О третьем виде исступления, происходящем от Аполлона 202

Глава XLIX. О четвёртом виде исступления, происходящем от Венеры 206

Глава L. О восхищении и экстазе и о прорицаниях, случающихся у страдающих падучей болезнью и обмороком, а также у умирающих 208

Глава LI. О пророческом сновидении 211

Глава LII. О жребиях и приметах, обладающих несомненной силой оракулов 216

Глава LIII. Как должен устроить себя желающий получать оракулы 219

Глава LIV. О чистоте и о том, как её соблюдать 222

Глава LV. О воздержании и постах, целомудрии, уединении, спокойствии и восхождении духа 225

Глава LVI. О покаянии и милостыне 230

Глава LVII. О том, что, применяемое извне, способствует очищению 232

Глава LVIII. О поклонениях и обетах 234

Глава LIX. О жертвах и приношениях, их видах и способах 237

Глава LX. Какие моления и обряды древние обыкновенно применяли при жертвах и приношениях 244

Глава LXI. Как всё это следует совершать перед Богом и низшими божествами 246

Глава LXII. Об освящениях и их способе 248

Глава LXIII. Что называют священным и освящённым, каково его отношение к нам и божествам, и о священных временах 252

Глава LXIV. О некоторых религиозных соблюдениях, церемониях и обрядах курений, умащений и подобного 259

Глава LXV. Заключение всего сочинения 266

Конец третьей книги 267

Достопочтенному отцу, магистру священного богословия Аврелию из Аквапенденте, августинцу, Генрих Корнелий Агриппа шлёт приветствие 267

К тому же 269

Генрих Корнелий Агриппа шлёт приветствие одному своему другу при королевском дворе 271

Суждение, или отречение, Генриха Корнелия Агриппы о магии 278

Конец «Сокровенной философии» Генриха Корнелия Агриппы 297

Высокочтимому господину, светлейшему князю Герману фон Виду, князю-курфюрсту, герцогу Вестфалии и Ангрии, господину и архиепископу Кёльнскому и Падерборнскому, своему милостивейшему господину — Генрих Корнелий Агриппа Неттесгеймский

Есть у древних магов весьма благородное изречение, светлейший князь: ни о чём в этой жизни нам не следует заботиться более, чем о том, чтобы нисколько не отступить от благородства души, которым мы всего ближе подходим к Богу и облекаемся в божественную природу; чтобы когда-нибудь душа, оцепеневшая в пустой праздности, не опустилась до немощи земного тела и пороков плоти и мы не погубили её, словно брошенную в тёмные пропасти извращённых желаний. Поэтому надлежит так воспитывать душу, чтобы она сама, помня о своём достоинстве и благородстве, всегда помышляла, совершала и творила нечто достойное себя. Это дарует нам единственно и в высшей степени познание божественной науки: памятуя о её величии и постоянно занятые божественными занятиями, мы каждое мгновение созерцаем божественные предметы посредством проницательного и неусыпного исследования и, восходя по отдельным ступеням творений до самого первообраза, черпаем из него безошибочную силу всех вещей. Те же, кто пренебрегает этим и полагается лишь на природное и мирское, часто запутываются в различных заблуждениях и обманах и весьма часто бывают обмануты злыми демонами. Познание божественного очищает ум от заблуждений и делает его

божественным, сообщает нашим делам безошибочную силу, далеко отгоняет козни и препятствия всех злых демонов и вместе с тем подчиняет их нашей власти; оно даже побуждает добрых ангелов и все силы мира служить нам, ибо сила наших действий привлекается от самого первообраза. Когда мы восходим к нему, всякое творение неизбежно нам повинуется и весь хор небожителей следует за нами. Ибо, как говорит Гомер, когда Юпитер двинется, никто из богов не осмелится остаться на своём месте; и тотчас он управляет, как говорит Аристофан, через кого-либо из богов, кому дозволено принимать приказания и кто тогда по своему служению исполняет наши просьбы согласно нашему желанию. Итак, светлейший князь, поскольку тебе дана божественная и бессмертная душа и благость божественного провидения, благоприятная судьба и щедрость природы так одарили тебя, что остротою ума и неповреждёнными чувствами ты способен рассматривать, исследовать, созерцать, различать и оценивать прекрасные зрелища природных вещей, высокие чертоги небес и самые труднодоступные святилища божественного, я, связанный с тобою столь великими твоими достоинствами, обязан также без зависти сообщить в истинных определениях учения те тайны божественной и церемониальной магии, которым я без притворства научился, и не скрывать их понимания. В этой третьей книге о сокровенной философии я раскрываю тебе всё, что о них передали древние египетские жрецы Исиды, старинные вавилонские прорицатели-халдеи, божественные мудрецы евреев — каббалисты, а также орфики, пифагорейцы и платоники, глубочайшие философы греков, индийские брахманы, эфиопские гимнософисты и непорочные богословы нашей религии; какой силою слов, каким могуществом печатей, какими песнопениями благословений и

проклятий, какою силою соблюдения обрядов они некогда совершали столь поразительные и дивные чудеса. Я вывожу на свет то, что доныне лежало под налётом древности, окутанное мглою забвения, словно киммерийским мраком. Итак, теперь в этих трёх книгах мы представляем тебе полное и цельное сочинение о сокровенной философии, или магии, завершённое нами с неусыпной заботой, трудом души и тела и величайшим усилием: хотя и неискусное по языку, оно посвящено предмету чрезвычайно трудному. Поэтому заранее прошу лишь об одном снисхождении: не ищи в этих книгах прелести речи и изящества слога; мы написали их ещё в юности, когда язык наш был груб, а речь не обработана, и теперь пересмотрели только последовательность мыслей, а не словесную ткань. Мы меньше заботились об изяществе языка, место которого заняло обилие материала. Полагаю, что мы достаточно исполнили свой долг, если по мере сил выполнили обещанное относительно тайн магии и освободили свою совесть от обязательства перед тобою.

Но я не сомневаюсь, что против меня сговорятся многие заносчивые софисты из числа тех, кто хвалится, будто они внуки Божии, всецело исполненные божественности, и присваивает себе право судить о листах Сивиллы. И поскольку наш салат не по вкусу их губам, а майоран непривычен их ноздрям, и поскольку искры давно зародившейся против меня ненависти едва таятся под пеплом, они с новым пожаром бросятся судить и осуждать наш труд ещё прежде, чем что-нибудь из него прочтут или вообще правильно поймут. Поэтому, светлейший князь и мудрейший первосвященник, это произведение, посвящённое мною заслугам твоих добродетелей и ставшее уже твоим, мы к тому же подчиняем твоему суду и вверяем твоей защите: если бесчестные и вероломные софисты в грубом безумии зависти и

клеветы захотят его изгрызть, благополучно защити и огради его проницательностью твоего рассуждения и чистотою твоего суда. Желаю тебе всяческого благополучия.

Генриха Корнелия Агриппы о сокровенной философии, или о магии, книга третья и последняя

Глава I. О необходимости, силе и пользе религии

Настало время обратиться к более высокому и к той части магии, которая учит нас владеть законами религий и знать их; тому, как должно достигать истины посредством божественной религии, и тому, как надлежащим образом совершенствовать душу и ум, которым одним мы можем постичь истину. Ведь у магов общеизвестно положение: если ум и душа нездоровы, тело не может быть здоровым. Человек же поистине здоров тогда, когда душа и тело так соединены и согласны между собою, что крепость ума и души не уступает телесным силам. Крепкого же и сильного ума, как говорит Гермес, мы не можем приобрести иначе, чем непорочностью жизни, благочестием и, наконец, божественной религией. Ибо священная религия очищает ум и делает его божественным; она помогает также природе и укрепляет природные силы, как врач содействует здоровью тела, а земледелец — плодородию земли. Кто же, оставив религию, полагается лишь на природное, тот весьма часто бывает обманут злыми демонами. Из понимания религии рождаются презрение к порокам и исцеление от них, а также защита от злых демонов. Наконец, ничто не угоднее и не приятнее Богу, чем совершенно благочестивый и истинно религиозный человек: он настолько превосходит остальных людей, насколько сам уступает бессмертным богам. Итак, прежде всего мы должны, очистившись, предложить и вверить себя божественному благочестию и религии, а затем, усыпив чувства, спокойным умом ожидать того божественного амброзийного нектара — нектара, который пророк Захария называет вином, взращивающим дев, — восхваляя и почитая того наднебесного

Вакха, верховного предстоятеля богов и жрецов, основателя царственной власти, которого древние поэты воспевали как дважды рождённого и от которого столь божественные потоки изливаются в наши сердца.

Глава II. О молчании и сокрытии религиозных тайн

Итак, кто бы ты ни был, стремящийся теперь изучать эту науку, покрой молчанием столь священное учение в тайных святилищах своего благочестивого сердца и скрывай его постоянной немотой. Ибо, как говорит Меркурий, обнародовать перед многими речь, преисполненную столь великого божественного величия, свойственно нечестивому уму; и божественный Платон заповедал не разглашать народу священное и тайное в мистериях. Пифагор и Порфирий также посвящали своих последователей посредством священного молчания. Орфей же от тех, кого приобщал к священным обрядам, требовал клятвы молчания с некою грозною религиозною властью, чтобы тайны религии не были преданы непосвящённым ушам. Поэтому в стихотворении о священном слове он поёт:

Вы, почитающие добродетель, вы одни
Склоните слух к моим словам и направьте к ним ваши души.
А вы, презирающие священные законы,
Бегите отсюда; прочь, несчастные, прочь, непосвящённые!
Ты же, Мусей, созерцающий божественное
И постигающий его высоким умом, прими эти слова
И, взирая на них священными очами, храни в сердце.
Вступив на этот путь, взирай лишь на Него,
Великого Создателя мира, единственного не знающего гибели:
Кто Он, мы возвещаем нынешнею речью.

Также у Вергилия читаем о Сивилле:

Когда приближается богиня: «Прочь, о прочь, непосвящённые! —
Восклицает прорицательница. — Покиньте всю рощу!»

Поэтому и к совершению таинств элевсинской Цереры допускались только посвящённые, причём глашатай велел непосвящённой толпе удалиться. У Ездры мы читаем то же предписание относительно каббалистических тайн евреев, выраженное такими словами: «Передай эти книги мудрым из народа, о сердцах которых ты знаешь, что они способны вместить и сохранить эти тайны». Поэтому религиозные книги египтян, относившиеся к тайнам обрядов, изготовлялись из иератической, то есть освящённой, бумаги; в них начертывали неведомые письмена, называемые священными. Макробий, Марцеллин и другие сообщают, что они называются иероглифическими: именно для того, чтобы непосвящённые не могли понять таких писаний. Об этом свидетельствует и Апулей следующими словами: «По совершении жертвоприношения он выносит из потаённых глубин святилища какие-то книги, исписанные неведомыми письменами: частью изображения подобных животных кратко передают слова задуманной речи; частью узловатые, извивающиеся наподобие колеса и густо переплетённые, словно виноградные усики, знаки оберегают чтение от любопытства непосвящённых».

Итак, соблюдая молчание и скрывая тайны религии, мы будем достойными учениками этой науки. Ибо, как говорит Тертуллиан, религиям причитается верность молчания; поступающие иначе близки к опасности. Поэтому Апулей говорит о священных тайнах: «Я сказал бы, если бы говорить было дозволено; ты узнал бы, если бы дозволено было слышать. Но и уши, и язык навлекли бы на себя равную вину безрассудного

любопытства». Так, мы читаем, что трагический поэт Феодот лишился зрения, когда захотел перенести некоторые тайны иудейского Писания в одну из своих трагедий. Феопомп также, начав переводить кое-что из божественного закона на греческий язык, тотчас был поражён неким расстройством ума и души; поэтому впоследствии усердно моля Бога объяснить причину случившегося, он получил во сне ответ: это произошло потому, что он осквернял божественное угодничеством, разглашая его перед народом. Также некий Нумений, чрезмерно любопытствовавший о тайнах, навлёк на себя гнев божеств, поскольку истолковал и обнародовал таинства элевсинской богини. Ему приснились элевсинские богини, стоявшие в наряде блудниц перед открытым публичным домом. Когда он удивился, они гневно ответили, что он сам насильно вывел их из ограды целомудрия и предоставил всякому приходящему. Тем самым ему было внушено, что обряды богов никоим образом не следует разглашать. Поэтому древние всегда стремились облекать покровом таинства Бога и природы и скрывать их под различными загадками. Этот закон соблюдали индийцы, брахманы, эфиопы, персы, египтяне. Его с нерушимой верностью хранили Меркурий, Орфей, все древние прорицатели и философы: Пифагор, Сократ, Платон, Аристоксен, Аммоний. Поэтому Плотин, Ориген и прочие ученики Аммония, как рассказывает Порфирий в книге о воспитании и обучении Плотина, поклялись не обнародовать учений своего наставника. А поскольку Плотин, нарушив данную Аммонию клятву, обнародовал таинства, то, как утверждают некоторые, в наказание за преступление был истреблён ужасным пожиранием вшей. И сам Христос, пребывая ещё на земле, говорил по такому правилу и таким образом, чтобы лишь ближайшие ученики понимали

тайну Слова Божия, а прочие воспринимали одни притчи. Кроме того, Он заповедал не давать святыни псам и не бросать жемчуга перед свиньями. Поэтому пророк говорит: «В сердце моём сокрыл я слова Твои, чтобы не грешить пред Тобою».

Итак, не подобает предавать общедоступному письму тайны, которые надлежит сообщать лишь немногим мудрецам из уст в уста. Поэтому вы простите меня, если я обойду молчанием многие, притом важнейшие, сокровенные таинства церемониальной магии. Полагаю, однако, что сделаю достаточно, если изложу необходимое для знания и вы уйдёте от чтения этой книги не вовсе лишёнными тех таинств. Но пусть они будут сообщены вам на том условии, которым Дионисий обязывает Тимофея: чтобы воспринявшие их не открывали тайн недостойным, но, собрав их среди мудрых, хранили с подобающим благоговением. Кроме того, в самом начале хочу предупредить вас: как сами божества ненавидят общедоступное и несвященное и любят тайное, так и всякий магический опыт избегает публичности, ищет сокрытия, укрепляется молчанием, а от разглашения разрушается, и тогда полного действия не получается. Всё это терпит ущерб, когда сообщается болтливым и неверующим душам. Поэтому занимающийся магией, если хочет получить плод, должен быть скрытен и никому не открывать ни своего дела, ни места, ни времени, ни желания, ни воли, кроме учителя, помощника или товарища; тот также должен быть верным, верующим, молчаливым и обретшим достоинство от природы или воспитания. Ибо даже болтливость, неверие и недостоинство товарища препятствуют действию всякого предприятия и нарушают его.

Глава III. Какое обретение достоинства требуется, чтобы стать истинным магом и совершителем чудес

В начале первой книги этого сочинения мы говорили, каким должен быть маг. Теперь же поведаем нечто сокровенное, необходимое и тайное для всякого, кто стремится действовать в этом искусстве: то, что является началом, завершением и ключом всех магических действий, — обретение человеком достоинства для столь возвышенной силы и власти. Ибо эта способность требует от человека дивного достоинства: сам находящийся в нас интеллект, высший ум души, один только и совершает чудеса. Когда же он погружён в чрезмерное общение с плотью и занят чувственной душой тела, он не заслуживает власти над божественными сущностями; поэтому многие напрасно занимаются этим искусством.

Итак, нам, стремящимся к такой высоте, надлежит прежде всего обдумать две вещи: во-первых, каким образом оставить плотские влечения, преходящее чувство и материальные страсти; во-вторых, каким путём и каким способом подняться к самому чистому интеллекту, соединённому с силами богов. Без этого мы никогда не сможем успешно возвыситься до исследования сокровенных вещей и силы чудесных действий. Именно в этом состоит всё обретение достоинства, которое дают природа, заслуга и некое религиозное искусство. Природное достоинство есть наилучшее устройство тела и его органов, не затемняющее самой души никакою грубостью, не препятствующее ей никаким смятением или влагой. Оно происходит от положения, движения, света и влияния небесных тел и душ, действующих

при рождении каждого: таковы люди, чей девятый дом благоприятно отмечен Сатурном, Солнцем и Меркурием. Марс в девятом доме также повелевает духами. Но об этом подробно говорится в книгах о звёздах. Кто же не таков, тому необходимо восполнить недостаток природы воспитанием, наилучшим образом жизни и благоприятным употреблением природных вещей, пока он не достигнет всякого внутреннего и внешнего совершенства. Поэтому в Моисеевом законе с таким усердием предписано, чтобы священник не был осквернён мертвецом, вдовой или женщиной во время месячных; чтобы он был свободен от проказы, истечения крови и грыжи; чтобы все его члены были целы, чтобы он не был слепым, хромым, горбатым или с уродливым носом. И Апулей в своей «Апологии» говорит: мальчика, которого посредством магического заклинания посвящают в прорицание, надлежит выбирать здорового, невредимого, даровитого, красивого, непорочного, живого умом и красноречивого, чтобы божественная сила обитала в нём словно в хорошем доме и сама душа мальчика, быстро пробудившись, возвращалась к своей божественности.

Достоинство заслуги достигается двумя путями: учением и делом. Цель учения — познать истину. Поэтому, как сказано в начале первой книги, необходимо быть учёным и опытным в тех трёх дисциплинах; затем, устранив препятствия, всецело обратить саму душу к созерцанию и направить её в себя самое. Ибо в нас самих заключены постижение и власть над всеми вещами. Пользоваться ими мешают страсти, препятствующие нам от рождения, ложные представления и неумеренные желания; когда они изгнаны, тотчас являются божественное знание и власть. Религиозное же действие обладает не меньшей действенностью, поскольку часто даже само по себе способно

приобрести для нас обоживающую силу. Ибо такова сила священных действий, надлежащим образом совершённых и исполненных, что, даже будучи непонятыми, но благочестиво и безукоризненно соблюдаемыми и принимаемыми с твёрдой верой, они обладают не меньшей действенностью, украшая нас божественной властью. Достоинство же, приобретаемое искусством религии, достигается посредством определённых религиозных церемоний, очищений, посвящений и священных обрядов, совершаемых тем, чей дух освятила общественная религия и кто обладает властью возлагать руки и посвящать силою таинства. Благодаря этому запечатлевается знак божественной силы и власти, который называют божественным согласием: опираясь на божественную природу и став словно соучастником небожителей, человек носит в себе присущую божеству мощь. Этот обряд причислен к церковным таинствам. Итак, если ты человек, совершенный священным религиозным умом, благочестиво и неколебимо мыслишь о религии и веруешь без сомнения; если ты таков, что священная власть и природа сообщили тебе преимущественное достоинство и божества нисколько тобою не пренебрегают, — ты сможешь молитвами, освящениями, жертвоприношениями и призываниями привлекать духовные и небесные силы, запечатлевать их в каких пожелаешь своих вещах и оживотворять ими всякое произведение магической науки. Но кто дерзнёт совершать что-либо в магии без должностной власти, без заслуги святости и учёности, без достоинства природы и воспитания, тот будет трудиться бесплодно, обманет и себя, и доверяющих ему и подвергнется гневу божеств, сопряжённому с опасностью.

Глава IV. О двух опорах церемониальной магии — религии и суеверии

Две вещи управляют всяким действием церемониальной магии: религия и суеверие. Сама религия есть непрестанное созерцание божественного и связь с Богом и божественными силами посредством благочестивых дел; через неё в благоговейном служении воздаётся достойное их почитание и священный культ, а обряды богопочитания совершаются надлежащим образом. Таким образом, религия есть некое учение о внешних священнодействиях и церемониях, через которые, словно через знаки, нам напоминают о вещах внутренних и духовных. Она настолько заложена в нас природой, что ею мы отличаемся от остальных животных более, чем разумностью. Поэтому всякий, кто, пренебрегая ею, полагается лишь на силы природных вещей, как мы сказали выше, весьма часто бывает обманут злыми демонами. Вот почему люди, воспитанные более религиозно и свято, не сажают дерева, не прививают лозы и не приступают ни к какому даже малому делу без призывания Бога; так учитель народов предписывает колоссянам: «Всё, что делаете словом или делом, делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря Его и Бога Отца через Него». Итак, прибавлять силы религии к природным и математическим силам настолько далеко от вины, что не присоединять их было бы нечестивым преступлением. Поэтому в книге старцев рабби Хенития говорит: «Всякий, кто пользуется каким-нибудь творением, опустив благословение, считается присвоившим его словно воровством и грабежом у Бога и Церкви» — о чём написано у Соломона: «Кто похищает что-либо у отца или матери, тот сообщник губителя». Отец же есть Бог, а мать — Церковь, как написано: «Не Он ли

Отец твой, Который приобрёл тебя?» И в другом месте: «Сын мой, слушай наставление отца твоего и не отвергай закона матери твоей». Ничто так не неугодно Богу, как пренебрежение и презрение; ничто так не угодно Ему, как почитание и поклонение. Поэтому Он не допустил, чтобы хоть одно создание мира было лишено религии. Всё почитает Бога, всё молится, как говорит Прокл, и воспевает гимны предводителям своего чина: одно — природным способом, другое — чувственным, иное — разумным, а иное — интеллектуальным; и всё по-своему, согласно Песни трёх отроков, благословляет Господа. Обряды и церемонии религии различны соответственно разнообразию времён и стран, и в каждой религии есть нечто доброе, направленное к самому Богу-Творцу. Хотя Бог одобряет одну только христианскую религию, Он не отвергает всецело и прочие виды почитания, принятые ради Него: если не вечной, то хотя бы временной наградой не оставляет их без воздаяния или по крайней мере наказывает меньше. Нечестивых же и совершенно безрелигиозных Он ненавидит как врагов, поражает молниями и истребляет: их нечестие больше, чем нечестие последовавших ложной и ошибочной религии. Ибо, по свидетельству Лактанция, нет столь ошибочной религии, которая не содержала бы чего-либо мудрого; благодаря этому могут получить прощение те, кто исполнил высшую обязанность человека если не на деле, то хотя бы в намерении.

Но к истинной религии человек не может прийти сам собою, если не будет научен Богом. Поэтому всякий культ, чуждый истинной религии, есть суеверие; и всякое почитание, вносящее в богослужение больше, чем истинная религия, также есть суеверие; равно и то, которое воздаёт божественные почести тому, кому не должно, либо способом, каким не должно.

Поэтому нужно особенно остерегаться, чтобы каким-либо извращённым суеверным культом не нанести оскорбления высочайшему всемогущему Богу и подчинённым Ему священным божественным силам: это было бы и преступно, и совершенно недостойно философов. Однако суеверие, хотя оно чуждо истинной религии, осуждено не целиком и не всякое: во многом оно допускается и соблюдается даже предстоятелями религии. Я говорю главным образом о том суеверии, которое представляет собою некое подобие религии: поскольку оно подражает всему, что есть в религии, — чудесам, таинствам, обрядам, соблюдениям и прочему подобному, — оно приобретает отсюда немалую мощь; не меньшую силу получает оно и от убеждённости совершающего действие.

Сколько может твёрдая убеждённость, сказано в первой книге и общеизвестно в народе. Итак, суеверие требует убеждённости, как религия — веры. Твёрдая убеждённость способна на столь многое, что творит даже чудеса при ложных мнениях и действиях. Ведь каждый в своей религии, даже ложной, лишь бы он твёрдо считал её истинной, благодаря самой этой убеждённости возвышает свой дух, пока тот не уподобится духам, являющимся вождями и правителями этой религии, и не станет совершать то, чего разум и природа не постигают. Колебание же убеждённости и недоверие ослабляют всякое дело не только в суеверии, но и в истинной религии и лишают силы искомое действие даже самых могущественных опытов. Как суеверие подражает религии, показывают тебе следующие примеры: когда червей и саранчу отлучают от Церкви, чтобы они не вредили посевам; когда крестят колокола и изображения, и многое подобное. Но поскольку те древние маги, которые у древних были основоположниками этого искусства, являлись халдеями,

египтянами, ассирийцами, персами и арабами, чья религия была совершенно извращена и осквернена идолопоклонством, нам следует особенно остерегаться, чтобы не позволить их заблуждениям возобладать над основаниями нашей католической религии. Это было бы богохульством, подлежащим проклятию; и я также был бы богохульником в этой науке, если бы не предупредил вас об этом. Поэтому, где бы вы ни встретили у нас написанное в таком роде, знайте: оно пересказано вам из чужих авторов и преподано мною не как истина, но как предположение, близкое к истине, и как наставление в подражании тому, что истинно. Следовательно, нам надлежит извлекать истину из их заблуждений. Это труд, требующий глубокого понимания, безупречного благочестия, трудного и усердного старания; и мудрость умеет извлекать добро из всякого зла и приспосабливать всё кривое к прямому употреблению того, чем управляет. Так Августин приводит здесь пример плотника, которому кривые и изогнутые инструменты необходимы и пригодны не менее прямых.

Глава V. О трёх вождях религии, приводящих нас на путь истины

Три вождя религии приводят нас на путь истины и управляют всей религией, которая целиком на них зиждется: *любовь*, надежда и вера. *Любовь*, превосходнейшая колесница души, нисходя свыше от умопостигаемого вплоть до низшего, собирает и обращает наш ум к божественной красоте. Она также сохраняет нас во всяком действии и дарует исполнение желаемого, сообщая силу нашим молениям: так у Гомера читаем, что Аполлон внял молящему Хрису, потому что тот был ему весьма дорог; и о Марии Магдалине читаем в Евангелиях: «Прощаются ей многие грехи, потому что она много возлюбила». Надежда же, неподвижно устремлённая к тому, чего желает, когда она несомненна и невозмутима, питает и совершенствует душу, утверждая всё по отдельности во благе. Вера же, превосходящая все прочие силы, поскольку всецело опирается на божественное откровение, а не на человеческие рассуждения, озаряет всё во вселенной. Ибо, нисходя свыше от первого света и пребывая ближе к нему, она намного благороднее и превосходнее наук, искусств и убеждений, достигающих нашего интеллекта от низших вещей посредством отражения, полученного от первого света. Наконец, через веру человек становится в чём-то единым с вышними существами и пользуется той же властью. Поэтому Прокл говорит: «Как вера, являющаяся убеждённостью, ниже знания, так вера, являющаяся истинной верой, сверхсущностно выше всякого знания и интеллекта, непосредственно соединяя нас с Богом». Ведь вера — корень всех чудес; через неё одну, как свидетельствуют платоники, мы приближаемся к Богу и обретаем божественную защиту и силу. Так, читаем, что Даниил

избежал опасности от львов, потому что веровал в своего Бога; и Христос сказал кровоточивой: «Вера твоя спасла тебя». От слепых же, просивших зрения, Он потребовал веры, говоря: «Верите ли, что Я могу дать вам зрение?» Так и Паллада у Гомера утешает Ахилла словами:

Я пришла усмирить твой гнев, если ты поверишь.

Поэтому поэт Лин поёт, что следует верить всему, ибо Богу всё легко; нет для Него ничего невозможного, следовательно, нет ничего невероятного. Итак, веруя в относящееся к религии, мы обретаем его силу. Когда же отступаем от веры, совершаем не достойное удивления, но достойное наказания; пример этого читаем у Луки в таких словах: «Некоторые из странствующих иудейских заклинателей попытались призывать над одержимыми злыми духами имя Иисуса, говоря: заклинаю вас Иисусом, Которого проповедует Павел. Злой же дух ответил им: Иисуса знаю, и Павел мне известен; а вы кто? И человек, в котором был злейший демон, бросился на них, овладел обоими и одолел их, так что они нагими и израненными убежали из того дома».

Глава VI. Как под водительством этих вождей человеческая душа восходит к божественной природе и становится совершительницей чудес

Итак, наш чистый и божественный ум, пламенеющий религиозной любовью, украшенный надеждой и направляемый верой, поставленный на вершине и высшей точке человеческой души, привлекает истину и в самой божественной истине, словно в некоем зеркале вечности, созерцает и мгновенно постигает все состояния, основания, причины и знания вещей как смертных, так и бессмертных. Отсюда происходит то, что мы, пребывая в природе, познаём находящееся выше природы и понимаем всё низшее; притом постоянно получаем прорицания не только о существующем и бывшем, но и о том, что произойдёт вскоре и чему предстоит случиться много позже. Кроме того, такой ум присваивает себе божественную силу не только в науках, искусствах и прорицаниях, но приобретает чудотворную власть повелением преобразовывать любые вещи. Отсюда бывает, что мы, пребывая в природе, порою властвуем над природой и совершаем столь дивные, столь внезапные и столь трудные действия, что им повинуются души умерших, возмущаются звёзды, принуждаются божества и служат стихии. Так люди, преданные Богу и возвышенные этими богословскими добродетелями, повелевают стихиями, рассеивают туманы, вызывают ветры, заставляют облака проливаться дождями, исцеляют болезни, воскрешают мёртвых. О том, что всё это совершалось у различных народов, поют поэты и рассказывают историки; возможность таких свершений подтверждают все

славнейшие философы вместе с богословами. Так пророки, так апостолы, так и прочие мужи прославились величайшим могуществом. Итак, следует знать: как под воздействием первого деятеля часто производится нечто без содействия промежуточных причин, так и одним действием религии совершается что-либо без приложения природных и небесных сил. Но никто не может действовать посредством одной чистой религии, кроме того, кто целиком стал интеллектуальным. Всякий же, кто действует одной религией, без примеси других сил, если долго пребывает в этом действии, поглощается божеством и не сможет долго жить. А кто приступит неочищенным, навлечёт на себя суд и будет предан злому духу на пожрание.

Глава VII. О том, что магу необходимо познание истинного Бога, и о том, что думали о Боге древние маги и философы

Поскольку бытие и действие всех вещей зависят от высочайшего Бога, Создателя всего, а затем также от прочих божественных сил, которым дана власть созидать и творить — не первоначально, но в качестве орудий силою первого Творца, — всякому магу необходимо знать самого Бога, Производителя всего и первую причину, а также остальных богов, или божественные силы, которых мы называем вторыми причинами. Ибо начало всех вещей есть первая причина; произведённое вторыми причинами ещё более производится первой, которая производит и самые вторые причины, отчего мы и называем их вторичными богами. Магу надлежит также знать, каким культом, каким почитанием и какими священнодействиями, сообразными состоянию каждого, следует чтить каждого из них. Ведь кто, призвав богов, не воздаёт им подобающей чести и не распределяет между ними надлежащим образом соответствующее каждому, тот не достигает их присутствия и желаемых от них действий: как в гармонии, если оборвётся одна струна, тотчас всё становится нестройным. Иногда он подвергается также опасности и наказанию: так написано об ассирийцах, которых Салманасар переселил в Самарию, — поскольку они не знали установлений Бога той земли, Господь послал на них львов, умертвивших их, ибо они не знали обряда Бога этой земли.

Теперь рассмотрим, что согласного между собою думали о Боге древние маги и философы. Читаем, что когда Никокреонт,

тиран киприотов, спросил, кто есть высший Бог, оракул Сераписа ответил ему: величайшим Богом следует считать Того, чья голова — небо, чрево — моря, ноги — земля, уши помещены в самом эфире, а глаза — свет ярко сияющего Солнца. Нечто весьма сходное воспел Орфей в таких стихах:

И сам Юпитер — царь звёздного дома,
Начало и исток; одна лишь сила и один Бог,
Единый и всемогущий, в царственном теле Которого
Содержится всё: земля, вода, огонь и воздух,
Ночь вместе с днём, мудрость и первоначало.
И сладостная любовь — в этом великом теле
Царя, высокого Юпитера; ведь шею Его ты увидишь,
Взирая вверх на почтенные великие своды неба.

Вот златокудрая голова: с темени сияют
Светлые волосы — пламенные лучи звёзд;
Затем голова простирает два золотых рога,
Совсем подобных рогам бычьей головы:
Один из них — сам восход, другой — закат.
А глаза — Феб, блистающий огромным светом,
И Луна, увенчанная пурпурным цветом Феба.
Ум, предвидящий будущее, — царственный эфир,
От которого не могут укрыться ни шум, ни сила,
Ни молва, ни тайна; победно проникает он во всё.
Далее непобедимое тело простирается
Без конца и меры; великие плечи и широкая грудь —
Воздух; а крылья Его — ветры.
На них летая повсюду, Он быстрее самого Эвра.
Священное чрево вздымается древней матерью Землёй
И огромным встаёт из высоких гор;
Посредине звучащее море опоясывает его должным

образом.
Кроме того, крайние пределы земель, основания
Обширного шара и яростный Тартар —
Стопы великого Владыки Олимпа.
Он, скрыв всё под землёю, затем
Извлёк из глубин и вывел на благодатный свет.

Итак, Юпитером считают весь мир и, собственно, ум самого мира, который, содержа мир в самом себе, произвёл его. Поэтому Софокл говорит: «Поистине есть лишь один Бог, создавший это небо и вместительную землю». А Еврипид говорит: «Видишь ли Возвышенного, Который со всех сторон объемлет руками этот беспредельный эфир и землю? Его считай Юпитером, Его полагай Богом». Поэтому поэт Энний поёт:

Взгляни на это сияющее в вышине, которое все
Называют Юпитером.

Следовательно, весь мир есть Юпитер, как говорит Порфирий: живое существо, составленное из живых существ, Бог, составленный из богов. Юпитер же есть таковой, поскольку Он — интеллект, от которого производится всё, творящий всё мышлением. Поэтому Орфей в песне о священном слове поёт:

Есть один совершенный Бог, Который всё сотворил,
Всё питает и Сам возвышается над всем;
Он постигается только умом, видим лишь уму,
Никогда не насылает смертным никакого зла,
И кроме Него нет иного.

И немного далее:

Сам Он — начало, середина и конец.
Всему этому научили нас древние прорицатели:
Некогда Бог передал им это на двух скрижалях.

И в той же песне называет Его

Единственным великим Создателем мира, не знающим гибели.

Зороастр также в священной истории о персидских делах так определяет Бога: «Бог — первый среди всего, что не подвержено порче и разрушению, нерождённый и никогда не погибающий, не имеющий частей и вполне подобный самому Себе, возничий и создатель всех благ, Отец всех вещей, наилучший и премудрейший, священный свет справедливости, совершеннейшая полнота природы, её изобретатель и мудрость». Апулей же описывает Его как басилея, то есть царя, причину всей природы вещей, её разумное основание и первоначальный исток, высочайшего Родителя души, вечного хранителя живых существ, Родителя без телесного размножения, не охватываемого ни местом, ни временем, ни какой-либо переменой; поэтому немногие способны Его помыслить, а высказать не способен никто. Итак, Еврипид предписывает именовать высшего Бога Юпитером, через голову Которого, как воспел Орфей, всё вышло на свет. Прочие же силы надлежит считать служительницами: именно те, что находятся вне Бога и отделены от Него. Поэтому философы называют их богами-служителями и отдельными интеллигенциями. Итак, этому высочайшему Юпитеру и лишь Ему одному, говорят они, причитается религиозное поклонение, а прочим божествам — только ради Него.

Глава VIII. Что древние философы думали о божественной Троице

Августин и Порфирий свидетельствуют, что платоники полагали в Боге три лица: первое называли Отцом вселенной; второе — Сыном и первым Умом, как называет его и Макробий; третье — Духом, или Душой мира. Её также Вергилий, следуя мнению Платона, называет духом, когда поёт:

Дух питает изнутри, и ум, разлитый по членам,
Движет всю громаду.

Плотин и Филон учат, что Сын Божий, первый Ум, то есть божественный интеллект, исходит от Бога Отца, как слово от говорящего или свет от света. Отсюда Он получил имена Слова, Речи и Сияния Бога Отца. Ибо божественный Ум, единым и никогда не прерывающимся действием, без всякого различения или чередования, мысля Себя, высочайшее Благо, рождает в Себе порождение и Сына, который есть полное понимание, полный образ Его самого и полный образец мира. Наш Иоанн и Меркурий называют Его Словом, или Речью; Платон — Сыном Бога Отца; Орфей же — Палладой, рождённой из головы Юпитера, то есть Мудростью. Это высочайший образ Бога-Родителя, отличающийся от Родившего неким отношением или чем-либо внутренним безотносительным как рождённый. Он говорит в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «Я вышла из уст Всевышнего, перворождённая прежде всякого творения». Что этот Сын вместе с Отцом есть один и тот же Бог по сущности, свидетельствует Ямвлих, называя Бога Отцом и Сыном самого Себя. Меркурий Трисмегист также в разных местах «Асклепия»

утверждает бытие Сына Божия. Он говорит: «Бог мой и Отец породил Себе другой ум, творящий». И в другом месте: «Монада рождает монаду и отражает на себя своё пламя». А в «Поймандре», где он словно пророчествует о грядущем законе благодати и о таинстве возрождения, говорит: «Совершитель возрождения — Сын Божий, человек, по воле единого Бога». Он также называет Бога всецело исполненным плодородия обоих полов. Подобным образом индийские философы утверждают, что мир есть живое существо, отчасти мужское, отчасти женское. И Орфей называет природу мира и мирового Юпитера одновременно мужчиной и женщиной, утверждая, что богам присущи оба пола. Поэтому в гимнах он так обращается к Минерве: «Ты рождена и мужем, и женщиной». Апулей же в написанной им книге «О мире» перевёл из орфического богословия такой стих о Юпитере:

Юпитер — и муж, и женщина, не ведающая смерти.

И Вергилий, говоря о Венере, поёт:

Схожу, ведомый богом.

И в другом месте, подразумевая Юнону или Алекто, говорит:

И бог не отказал молящей деснице.

И Тибулл поёт:

Я, словом оскорбивший могущество великого бога Венеры.

Читаем также, что народ Карр с удивительным благоговением почитал бога Луну. Из этого понимания, исполненного высшего плодородия, производится любовь, связывающая понимание с умом; и тем более, чем несоизмеримо теснее их взаимная

близость, нежели близость прочих порождений к их родителям. Это — третье лицо, а именно Святой Дух. Ямвлих также приводит халдейские оракулы, полагающие в Боге отеческое могущество, истечение интеллекта от Отца и огненную любовь, исходящую от Отца и Сына и являющуюся тем же Богом. Поэтому у Плутарха читаем, что язычники описывали Бога как сам интеллектуальный и огненный дух, не имеющий образа, но преобразующийся во что пожелает и уподобляющийся всему. И во Второзаконии читаем: «Бог есть огонь поядающий». О нём и Зороастр говорит, что всё рождено от единого огня. И Гераклит Эфесский учил, что всё рождено из огня. Поэтому божественный Платон полагал, что Бог обитает в огненной сущности, подразумевая, конечно, неизреченное сияние Бога в самом Себе и любовь Его к самому Себе. И у Гомера читаем, что эфир — царство Юпитера, когда он поёт:

Юпитер, сгущающий тучи и царствующий в эфире.

И он же в другом месте:

Удел Юпитера — небо; в облаках широкого эфира восседает Он.

По правилам греческого языка «эфир» происходит от *αἴθω*, означающего «горю», и *aer*, «дух», словно *aethaer*, то есть «горящий дух». Поэтому Орфей назвал эфир *πυρίπνουν*, то есть «огненным дыханием». Итак, Отец, Сын и Дух любви, он же огненный, называются у богословов тремя лицами. Орфей также призывает их в заклинаниях такими словами: «Заклинаю тебя, небо, мудрое творение великого Бога. Заклинаю тебя, голос Отца, который Он впервые произнёс, когда утвердил весь мир Своими замыслами». Те же лица признаёт Гесиод в своей «Теогонии» под именами Юпитера, Минервы и Булы, излагая двойное рождение Юпитера

в таких словах: «Первою — сероокую дочь Тритонию, равную могуществом Отцу, и мудрую Булу», то есть Совет. Орфей в приведённых стихах употребил это во множественном числе вследствие двойного её исхождения: она производится равно от Юпитера и Минервы. И сам Августин в четвёртой книге «О граде Божием» свидетельствует, что платоник Порфирий полагал в Боге три лица: первое он называет Отцом вселенной; второе — первым Умом, названным у Макробия Сыном; третье — Душой мира, которую Вергилий, следуя мнению Платона, называет духом, говоря:

Дух питает изнутри, и ум, разлитый по членам,
Движет всю громаду.

Итак, Бог есть Тот, как говорит Павел, от Кого всё, в Ком всё и через Кого всё. Ибо от Отца, как от первого источника, всё исходит; в Сыне же, словно в водоёме, всё размещается по своим идеям; через Святого Духа всё развёртывается, и отдельные вещи распределяются по присущим им ступеням.

Глава IX. Какова истинная правоверная вера в Бога и Пресвятую Троицу

Католические учители и верующий народ установили, что следует мыслить и исповедовать так: есть один-единственный истинный Бог, несотворённый, безмерный, всемогущий, вечный — Отец, Сын и Святой Дух; три лица, совечные и равные друг другу, но одна сущность и субстанция, совершенно простая природа. Такова католическая вера, такова правоверная религия, такова христианская истина: почитать единого Бога в Троице и Троицу в единстве, не смешивая лиц и не разделяя субстанции. Отец от вечности родил Сына и дал Ему Свою субстанцию, сохранив её тем не менее. И Сын, рождаясь, получил субстанцию Отца, но не принял собственного лица Отца, и Отец не перенёс его на Сына: оба имеют одну и ту же субстанцию, но разные лица. Хотя этот Сын совечен Отцу, рождённый из субстанции Отца прежде веков, тем не менее во времени Он родился из субстанции Девы, и наречено Ему имя Иисус: совершенный Бог и совершенный человек, состоящий из разумной души и человеческой плоти, Которому не недоставало ничего человеческого, кроме греха. Поэтому необходимо веровать, что Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, есть Бог и человек: одно лицо, две природы. Прежде веков Он рождён как Бог без матери; во времени родился как человек без отца от Девы, непорочной и до, и после родов. Пострадав на кресте, Он умер, но на кресте восстановил жизнь и смертью упразднил смерть; был погребён и сошёл во ад, но вывел из ада души отцов; на третий день воскрес собственною силой, вознёсся на небеса и послал Духа Своего Утешителя; и Он придёт судить живых и мёртвых. При Его пришествии все люди воскреснут в своей плоти и дадут отчёт в

собственных делах. Такова истинная вера; кто в неё не уверует или в ней усомнится, тот чужд надежде жизни и вечного спасения.

Глава X. О божественных истечениях, которые евреи называют исчислениями, другие — атрибутами, а язычники называли богами и божествами; о десяти сефирот и десяти святейших именах Божиих, над ними начальствующих, и об их толковании

Хотя сам Бог в троичности лиц обладает всецело единой сущностью, мы не сомневаемся, что в Нём есть многие божественные силы, словно исходящие от Него лучи. Языческие философы называют их богами, еврейские учители — исчислениями, а мы — атрибутами: например, мудрость, которую Орфей называет Палладой; понимание — Меркурием; порождение формы — Сатурном; производящую силу — Нептуном; сокровенную природу вещей — Юноной; любовь — Венерой; светоносную жизнь — Солнцем, или Аполлоном; разумное основание всего мира — Паном. Душу же, поскольку она рождает низшее, созерцает высшее и обращается в себя саму, он воспевает под тройным именем Моря, Нептуна и Океана. И многое иное в этом роде, о чём в другом месте он поёт:

Юпитер, Плутон, Феб, Дионис — одно.
Но зачем повторяться? Во всём присутствует один Бог.

Об этом же Валерий Соран воспел:

Юпитер всемогущий, сам царь царей и Бог,
Родитель и родительница богов, единый Бог и всё.

Так мудрейшие богословы язычников под различными именами и божественными силами, даже под различным полом,

почитали единого Бога. Его, как говорит Плиний, немощное и страдающее человечество, памятуя о своей слабости, разделило на многих, чтобы каждый почитал по частям то, в чём особенно нуждался. Так, нуждавшиеся в верности призывали Юпитера; в провидении — Аполлона; в мудрости — Минерву; нуждавшиеся в других вещах призывали Его иными именами. Отсюда это множественное разнообразие божеств вследствие множественного и различного распределения даров; Бог же один, от Которого всё. Поэтому Апулей в книге «О мире», обращённой к Фаустину, говорит: «Хотя Бог один и божество то же самое, Он называется многими именами из-за множества видов, разнообразие которых делает Его многообразным». И Марк Варрон в книге «О почитании богов» говорит: «Как все души сводятся к одной душе мира, или вселенной, так и все боги относятся к одному Юпитеру, который, оставаясь тем же Богом, почитается под различными божественными силами». Поэтому всякий, кто хочет верно понимать гимны Орфея и древних магов, должен уметь посредством сокровенной аналогии вполне возводить чувственные свойства к интеллектуальному. Тогда он обнаружит, что они очень мало отличаются от каббалистических тайн и правоверных преданий. Ибо тех, кого Орфей называет куретами и непорочными богами, Дионисий именует властями; каббалисты относят их к исчислению Пахад, то есть божественному страху. Так, то, что в каббале зовётся Эйн-Соф, Орфей называет Ночью; Тифон у Орфея — то же, что Замаэль в каббале. Еврейские же мекуббалы, весьма сведущие в божественном, приняли десять главных божественных имён как некие божества, словно члены Бога. Через десять исчислений, называемых сефирот, как через одежды, орудия или образцы первообраза, они в определённом порядке влияют на всё

сотворённое, через каждое высшее вплоть до низшего. Прежде всего и непосредственно они влияют на девять ангельских чинов и хор блаженных душ, а через них — на небесные сферы, планеты и людей, от которых затем каждая вещь получает мощь и силу.

Первое из этих имён — Эхие, имя божественной сущности. Его исчисление называется Кетер, что переводится «венец», или «диадема»; оно означает простейшее бытие божества и называется тем, «чего глаз не видел». Оно приписывается Богу Отцу и влияет через чин серафимов, или, как называют их евреи, Хайот ха-Кадош, то есть «животные святости», а затем — через первое движимое, даруя всему бытие и наполняя вселенную по всей окружности и в центре. Его особая интеллигенция называется Метатрон, то есть «князь лиц»: его служение — вводить других пред лицо государя; через него Господь говорил Моисею.

Второе имя — Иод, или Тетраграмматон, соединённый с Иод. Его исчисление — Хохма, то есть «мудрость»; оно означает божество, исполненное идей, и перворождённого, приписывается Сыну и влияет через чин херувимов, называемый евреями Офан, то есть «формы», или «колёса», а затем — на звёздное небо, образуя там столько фигур, сколько содержит в себе идей, и разделяя самый хаос творений посредством особой интеллигенции по имени Разиэль, приставленной к Адаму.

Третье имя называется Тетраграмматон Элохим; его исчисление называется Бина, то есть «провидение», или «понимание». Оно означает отпущение, покой, юбилей, покаянное обращение, великую трубу, искупление мира и жизнь будущего века; приписывается Святому Духу и влияет через чин престолов, которых евреи называют Аралим, то есть «ангелы

великие, сильные и крепкие», а затем — через сферу Сатурна, сообщая форму текучей материи. Его особая интеллигенция — Зафкиэль, приставленная к Ною, и другая интеллигенция — Иофиэль, приставленная к Симу. Таковы три главных и высших исчисления, словно престолы божественных лиц, по повелению которых совершается всё; но исполняют они через остальные семь, поэтому называемые исчислениями созидания. Итак, четвёртое имя — Эль; его исчисление — Хесед, то есть «милость», или «благость». Оно означает благодать, милосердие, благочестие, великолепие, скипетр и правую руку; влияет через чин господств, называемый евреями Хашмалим, посредством сферы Юпитера, образуя образы и даруя всем милость и мирную справедливость. Его особая интеллигенция — Задкиэль, приставленная к Аврааму.

Пятое имя — Элохим Гибор, то есть «Бог крепкий», наказывающий преступления нечестивых. Его исчисление называется Гебура, то есть «могущество», «строгость», «сила», «безопасность», «суд»; оно карает опустошениями и войнами, соотносится с судилищем Божиим, поясом Божиим, мечом и левой рукой; называется также Пахад, то есть «страх». Оно влияет через чин властей, называемый евреями серафимами, а затем — через сферу Марса, которой присущи сила, война и бедствие, и производит стихии. Его особая интеллигенция — Камаэль, приставленная к Самсону.

Шестое имя — Элоха, или четырёхбуквенное имя, соединённое с Вав-Даат. Его исчисление — Тиферет, то есть «украшение», «красота», «слава», «наслаждение»; оно означает древо жизни и влияет через чин сил, называемый евреями Малахим, то есть «ангелы», на сферу Солнца, даруя ей сияние и жизнь и затем

производя металлы. Его особая интеллигенция — Рафаэль, приставленная к Исааку и младшему Товии, а также ангел Пелиэль, приставленный к Иакову.

Седьмое имя — Тетраграмматон Саваоф, или Адонай Саваоф, то есть «Бог воинств»; его исчисление — Нецах, то есть «торжество» и «победа». Ему соответствует правый столп; оно означает вечность и справедливость Бога-мстителя и через чин начал, называемый евреями Элохим, то есть «боги», изливает в сферу Венеры ревность и любовь к справедливости; производит растения. Его интеллигенция — Ханиэль и ангел Цервиэль, приставленный к Давиду.

Восьмое имя называется Элохим Саваоф, что также переводится «Бог воинств», но воинств не войны и правосудия, а благочестия и согласия. Ибо оба имени — это и предыдущее — имеют каждое своё воинство. Его исчисление называется Ход, что переводится как «хвала», «исповедание», «красота» и «слава»; ему приписывается левый столп. Через чин архангелов, называемый евреями Бне Элохим, то есть «сыны богов», оно изливает в сферу Меркурия изящество убранства и созвучие, производя животных. Его интеллигенция — Михаэль, приставленная к Соломону.

Девятое имя называется Шаддай, то есть «Всемогущий и всему достаточный», и Эль-Хай, то есть «Бог живой». Его исчисление — Йесод, то есть «основание»; оно означает добрый интеллект, завет, искупление и покой. Через чин ангелов, называемый евреями херувимами, оно изливает в сферу Луны возрастание и убывание всех вещей; заботится о гениях и хранителях людей и распределяет их. Его интеллигенция — Габриэль, приставленная к Иосифу, Иисусу Навину и Даниилу. Десятое имя — Адонай Мелех, то есть «Господь и Царь»; его исчисление — Малхут, то

есть «царство» и «власть». Оно означает Церковь, храм Божий и врата; влияет через чин душ, то есть блаженных душ, который у евреев называется Ишим, то есть «благородные», «герои» и «князья». Они ниже иерархий и сообщают сынам человеческим познание, дивную науку о вещах, искусность и пророчество. Над ними начальствует душа Мессии, или, как говорят другие, интеллигенция Мататтрон, называемая первым творением, или Душой мира, и приставленная к Моисею.

Глава XI. О божественных именах, их могуществе и силе

Хотя сам Бог всецело един, Он получает различные имена, выражающие не различные Его сущности или божества, но определённые исходящие от Него свойства. Через эти имена, словно по каналам, в нас и во всё сотворённое струятся многие благодеяния и различные дары. Выше мы описали десять из этих имён, перечисляемых также Иеронимом в послании к Марцелле; Дионисий собирает сорок пять имён как Бога Отца, так и Христа. Еврейские мекуббалы выводят из одного текста в Исходе семьдесят два имени как ангелов, так и Бога, называя это именем из семидесяти двух букв и Шемхамфораш, то есть «изъяснительным». Другие, идя дальше, указывают в отдельных местах Писания столько божественных имён, что и число их, и их значения нам совершенно неизвестны.

Помимо упомянутых выше, среди них есть имя божественной сущности Эхейе, אהיה, которое Платон перевёл как ὄν. Поэтому Бога называют τὸ ὄν, а другие — ὁ ὤν. Есть и другое имя — Ху, הוא, открытое Исайе и указывающее на бездну божества; греки перевели его ταυτὸν, а латиняне — *idemipsum*, «то же самое». Есть также имя Эш, אש, полученное Моисеем и означающее огонь; и имя Божие На, נא, которое следует призывать в смятениях и скорбях. Есть также имя Иах, יה; имя Элион, עליון; имя Маком, מקום; имя Кафу, כפו; имя Иннон, ינון; и имя Эмет, אמת, которое переводится «истина» и является печатью Бога. И ещё два имени — Цур, צור, и Авен, אבן, каждое из которых означает твёрдую скалу; одно из них выражает Отца вместе с Сыном. Много других имён мы поместили выше в числовых шкалах. Многие имена Бога

и ангелов извлекаются из Священного Писания посредством каббалистического искусства — счисления, нотарикона и гематрии: там одно имя или несколько слов, сведённых к определённым их буквам, складываются воедино; либо одно имя, разложенное на отдельные буквы, обозначает или восстанавливает несколько слов. Иногда имена собирают из начал слов: например, имя Агла, אגלא, — из следующего стиха Священного Писания: אתה גבור לעולם אדני, то есть «Ты силен вовеки, Боже». Подобным образом имя Иайа, יאיא, — из стиха יהוה אלהינו יהוה אחד, то есть «Бог, Бог наш, Бог един». Подобным образом имя Иава, יאווא, — из стиха יהי אור ויהי אור, то есть «Да будет свет, и стал свет». Также имя Арарита, אראריתא, — из стиха «Единое начало Его единства, начало Его единственности, Его перемена — единое»: אחד ראש אחדותו ראש ייחודו תמורתו אחד. Есть и другое имя — Хакаба, הקבה, извлечённое из стиха הקדוש ברוך הוא, то есть «Святой, благословен Он». Подобным образом имя Иисус, ישו, находится в началах двух следующих стихов: יביא שלוה ולו, то есть «Пока не придёт Мессия», и другого: ינון שמו וית, то есть «Пребывает имя Его». Также имя Амен, אמן, — из стиха אדני מלך נאמן, то есть «Господь — Царь верный». Иногда эти имена извлекаются из окончаний слов: например, то же имя Амен — из стиха לא כן הרשעים, то есть «Не так нечестивые», но с перестановкой букв. Так, в окончаниях стиха לי מה שמו מה, то есть «Мне что? Имя Его каково?», находится имя Тетраграмматон. Во всех этих случаях буква ставится вместо слова, и буква извлекается из слова: из начала, из конца или из любого места.

Иногда эти имена извлекаются из всех букв по отдельности: так извлекаются те семьдесят два имени Бога из трёх стихов Исхода, начинающихся тремя словами ויט ויבא ויסע. Первый и последний стихи пишутся справа налево, средний же наоборот, слева направо, как мы покажем впоследствии. Так иногда слово

извлекается из слова, или имя из имени, перестановкой букв: например, Мессия, משיח, из Исмах, ישמח, и Михаэль, מיכאל, из Малахи, מלאכי. Иногда — посредством замены по алфавиту, которую каббалисты называют Цируф, צירוף: так из имени Тетраграмматон, יהוה, извлекаются имена Мацпац, מצפץ, и Кузу, כוזו. Иногда имена заменяются по равенству числа: например, Мататтрон, מטטרון, вместо Шаддай, שדי, ибо оба составляют триста четырнадцать. По тому же основанию имя Ииай, יאי, равнозначно имени Эль, אל, в силу числового равенства: оба составляют тридцать один. Это сокрытые тайны, о которых трудно вынести суждение и передать полное знание; их нельзя понять и преподать ни на каком другом языке, кроме еврейского.

Но поскольку божественные имена, как говорит Платон в «Кратиле», были получены от варваров, которые получили их от Бога, без Которого никто никоим образом не может постичь истинных речений и истинных имён, которыми именуется Бог, мы не можем сказать о них ничего иного, кроме открытого нам Богом по Его благости. Ибо они — таинства и проводники божественного всемогущества, установленные не людьми и даже не ангелами, но самим высочайшим Богом определённым образом, сообразно неизменному числу и очертанию их знаков, с вечною устойчивостью; они дышат гармонией божества и освящены божественным присутствием. Поэтому вышние боятся их, преисподние трепещут, ангелы чтят, злые демоны страшатся, всякое творение благоговеет и всякая религия почитает. Их религиозное соблюдение и благоговейное призывание со страхом и трепетом дарует нам великую силу, обоживающее единение и власть совершать дивные дела и действия сверх природы. Поэтому никому и никогда не дозволено каким-либо образом изменять их. Ориген предписывает сохранять их неискажёнными

в их собственных письменах; и Зороастр запрещает изменять варварские и древние слова. Ибо, как говорит Платон в «Кратиле», все божественные речения, или имена, изначально переданы либо богами, либо древностью, начало которой нелегко установить, либо варварами. Ямвлих также предписывает не переводить их с собственного языка на другой: переведённые на другой язык имена, говорит он, не сохраняют того же смысла. Поэтому эти божественные имена — самое подходящее и действенное средство примирения и соединения человека с богами, как читаем в Исходе: «На всяком месте, где будет память имени Моего, Я приду к тебе и благословлю тебя». В книге Чисел Господь говорит: «Пусть возложат имя Моё на сынов Израилевых, и Я благословлю их».

Как следует почитать божественные имена

Поэтому божественный Платон в «Кратиле» и «Филебе» велит почитать божественные имена более, нежели святилища и божественные статуи: ибо образ и сила Бога явственнее сохраняются в деятельности ума, особенно вдохновлённого божеством, чем в произведениях рук. Итак, священные слова имеют силу в магии не сами по себе как слова, но благодаря сокровенной силе божеств, действующей через них в душах тех, кто держится их верою. Через них, словно через проводники, сокровенная сила Бога передаётся тем, кто имеет очищенные верою уши, чтобы слышать, и кто чистейшими нравами и призываниями божественного стал жилищем Бога и способным воспринять эти божественные влияния. Поэтому всякий, кто надлежащим образом пользуется этими божественными словами, или именами, с той чистотою ума, тем способом и по тому правилу, как они переданы, и испросит, и совершит много

дивного. Так читаем о Медее:

> *Трижды произнесла она слова, приносящие тихий сон,*
> *Которые усмиряют бурное море и стремительные реки.*

Более прочих это соблюдали древние еврейские учители, привыкшие совершать словами многие чудеса. Это показали также пифагорейцы, дивно исцелявшие определёнными словами болезни как души, так и тела. Так читаем и об Орфее: будучи одним из аргонавтов, он отвратил некими словами страшнейшую бурю. Подобным образом Филострат рассказывает, что Аполлоний, тайно произнеся некие слова, воскресил в Риме умершую девушку, а другими словами вызвал душу Ахилла. Павсаний также сообщает, что у лидийцев в городах Иерокесарии и Гипепах были два священных храма богини, которую называли Персидской. В каждом из них, когда надлежало совершить богослужение, муж-маг, положив сухие дрова на алтарь и воспев гимны на родном языке, затем произносил какие-то варварские слова из книги, которую держал в руке. После их произнесения тотчас было видно, как эти дрова без подложенного огня сами собою загорались и давали ярчайшее пламя. Также Серен Саммоник среди врачебных предписаний передал следующее: если написать имя Abracadabra, убавляя букву за буквой в обратном порядке, от последней к первой, как показано здесь, то всякому больному, страдающему полутретичной или иной лихорадкой, который станет носить эту записку привязанной и подвешенной к шее, она поможет против болезни, и недуг постепенно ослабеет и пройдёт.

a	b	r	a	c	a	d	a	b	r	a
a	b	r	a	c	a	d	a	b	r	

a	b	r	a	c	a	d	a	b
a	b	r	a	c	a	d	a	
a	b	r	a	c	a	d		
a	b	r	a	c	a			
a	b	r	a	c				
a	b	r	a					
a	b	r						
a	b							
a								

Но гораздо более действенную против всякого человеческого нездоровья и любых иных невзгод священную печать передал рабби Хама в «Книге созерцания». На её лицевой стороне находятся четыре четырёхбуквенных имени Бога, расположенные одно под другим в квадрате так, что сверху вниз возникают ещё четыре святейших имени, или печати божества; их смысл записан в охватывающем круге. На обороте же он пишет семибуквенное имя Арарита и окружает его толкованием, то есть стихом, из которого оно извлечено, как ты видишь на изображении.

Лицевая сторона

Оборотная сторона

Всё это следует делать на чистейшем золоте либо на девственном пергаменте, неповреждённом, чистом и незапятнанном, также чернилами, приготовленными для этого из копоти освящённой свечи или ладана и освящённой воды. Исполнитель должен быть очищен и искуплен, обладать несомненной надеждой и твёрдой верой, возвысив ум к высочайшему Богу, чтобы эти вещи получили такую божественную силу и могли её проявить. Подобным образом против устрашений и вреда от злых демонов и людей, а также

против любых предстоящих опасностей — в пути, на водах, от врагов или оружия — способом, указанным выше, пишут на одной стороне знаки בווו, а на обороте — צמרכה, являющиеся началами и окончаниями первых пяти стихов Бытия и символом всего сотворения мира. Говорят, что с этой подвеской человек, лишь бы он твёрдо уповал на Бога, Создателя вселенной, будет невредим от всех зол.

На лицевой стороне

На обороте

И пусть никто не сомневается и не удивляется, что священные слова, которыми всемогущий Бог создал небо и землю, будучи привязаны к телу, могут весьма многое: ведь опытом установлено, как говорит рабби Коста бен Лука, что и многие другие вещи, действующие не физическим способом, способны на очень многое. Так, опытом подтверждено, что палец выкидыша, подвешенный на шее женщины, препятствует зачатию, пока остаётся на её шее. Кроме того, Зороастр, Орфей, Ямвлих, Синезий, Аль-Кинди и все славнейшие философы свидетельствуют, что в некоторых священных словах и божественных именах заключена великая божественная сила, производящая дивное действие. Маг и философ Артефий написал особую книгу о силах слов и знаков. Ориген, не уступающий славнейшим философам, утверждает против Цельса, что в некоторых божественных словах скрыта дивная сила; и в Книге Судей Господь говорит: «Имя Моё — Пеле, פלא», что переводится у нас как «совершитель чудес», или «творящий дивное».

Истинное имя Бога известно одному Богу

Истинное же имя Бога неизвестно ни людям, ни ангелам, но только самому Богу; и оно не будет открыто, как свидетельствует Священное Писание, прежде чем исполнится Божие установление. Однако у Бога есть иные наименования среди ангелов и иные среди людей. Но у нас нет ни одного имени Бога, как говорит Моисей Египетский, которое не было бы взято от Его дел и не обозначало бы Его через причастность, кроме самого имени Тетраграмматон: оно свято и обозначает субстанцию Создателя чистым значением, в котором ничто иное не имеет общего с Богом-Творцом. Поэтому оно называется обособленным именем, которое пишется, но не читается, не произносится у нас, а лишь именуется; оно имеет значение по вышнему языку, принадлежащему Богу и, возможно, также ангелам. Подобным образом и у ангелов есть одни имена между ними самими, на их собственном языке, который Павел называет ангельским языком и о котором у нас известно очень мало. Все прочие их имена взяты из их служений и дел и не обладают столь большой действенностью. Поэтому маги вызывают их истинными именами, то есть теми небесными именами, которые содержатся в священных письменах.

Глава XII. О влиянии божественных имён через отдельных посредников на нижние вещи

Высочайший Творец и первая причина, хотя управляет всем и всё располагает, поручает исполнение различным служителям, благотворным и злотворным, которых Иоанн в Апокалипсисе называет ангелами благоприятствующими и вредящими. О них пророк в другом месте поёт: «Ангел Господень пребывает вокруг боящихся Его, чтобы избавлять их»; в другом месте описывает наслания через злых ангелов. Всё, что Бог исполняет через ангелов как через служителей, Он также совершает через небеса и звёзды, но как через орудия, чтобы таким образом всё совместно участвовало в служении. Как каждой части неба и каждой звезде назначена определённая область или место земли, время, вид и отдельное существо, так же дозволено приспособлять ангельскую силу этой части и звезды к тому же месту, времени и виду. Поэтому Августин в «Книге вопросов» говорит: «Над каждой видимой вещью в этом мире поставлена ангельская власть». Поэтому и Ориген в толковании на Книгу Чисел говорит: «Самому миру нужны ангелы, которые начальствовали бы над земными воинствами, царствами, областями, людьми, зверями, рождением и ростом животных, кустарниками, растениями и прочими вещами, даруя им ту силу, которая, как говорят, присуща вещам по сокровенному свойству. Тем более нужны ангелы, начальствующие над святыми делами, добродетелями и людьми, чтобы они, всегда видящие лицо высочайшего Отца, могли верным водительством вести людей и каждую, даже малейшую вещь на её место как согласованные члены этого

мира». В нём Бог обитает словно верховный предстоятель, располагая всё в сладчайшем порядке, не будучи заключённым или ограниченным, но всё вмещая.

Так Иоанн в Апокалипсисе описывает небесный град, над двенадцатью вратами которого начальствуют двенадцать ангелов, изливающих в них получаемое от божественного имени, двенадцатикратно обращённого; а в основаниях этого града — имена двенадцати апостолов и Агнца. Ибо как в Законе на камнях наплечника и в основаниях святого города, описанного Иезекиилем, были начертаны имена колен Израилевых и над ними господствовало четырёхбуквенное имя, так в Евангелии на камнях основания небесного града начертаны имена апостолов, представляющих в Церкви колена Израилевы. На них изливается имя Агнца, то есть имя Иисуса, в котором заключена вся сила четырёхбуквенного имени: ибо тот четырёхбуквенный Отец дал Ему всё. Итак, небеса получают от ангелов то, что изливают сами, ангелы же — от великого имени Бога и Иисуса. Сила этого имени первоначально находится в Боге, затем распространяется на тех двенадцать и семь ангелов, через которых простирается на двенадцать знаков и семь планет, а вслед за тем — на всех прочих служителей и орудия Бога, проникая до самого низшего.

Поэтому Христос говорит: «О чём ни попросите Отца во имя Моё, даст вам» [Иоанн 14]. И по воскресении говорит: «Именем Моим будут изгонять демонов» и далее [Марк 16]. Поэтому более нет необходимости в четырёхбуквенном имени, вся сила которого перенесена в имя Иисуса, в котором одном совершаются чудеса: «Ибо нет другого имени под небом, данного людям, которым надлежало бы нам спастись», как говорит Пётр, кроме этого [Деяния 4]. Но не будем думать, что, произнося имя Иисуса

осквернёнными устами, словно имя какого-нибудь человека, мы сможем творить чудеса Его силой. Необходимо призывать Его в Святом Духе, очищенным умом и пламенной душой, чтобы обрести обещанное нам в Нём, прежде всего имея предварительное познание, без которого не бывает услышания, согласно пророческому слову: «Услышу его, потому что он познал имя Моё» [Псалом 90]. Поэтому ныне невозможно получить никакой милости от небесных существ без посредства власти, благоволения и согласия имени Иисуса. Поэтому евреи и каббалисты, весьма сведущие в божественных именах, после Христа не могут ничего совершать теми древними именами, как некогда совершали их отцы. И уже подтверждено опытом, что никакой злой демон, никакая сила преисподней из числа тех, которые мучают людей или овладевают ими, не может противостоять этому имени: хотят они того или нет, они преклоняют колени и повинуются, когда имя Иисуса с надлежащим произношением предлагается им для почитания. Они страшатся не только имени, но и его знака — креста. И не только небесные, земные и преисподние преклоняют колени: даже бесчувственные вещи чтут его, и всё трепещет по его мановению, когда имя Иисуса произносится верным сердцем и правдивыми устами, а невинные руки начертывают спасительное знамение креста. Не напрасно Христос сказал ученикам: «Именем Моим будут изгонять бесов», и то, что следует далее, — ибо в этом имени заключена определённая сила над бесами и болезнями, змеями, ядами, языками и тому подобным. Эта сила присуща имени как благодаря силе установившего его Бога, так и благодаря силе того, кто этим именем обозначается, и силе, вложенной в само слово. Поэтому, поскольку всякая тварь боится и чтит имя своего Создателя, иногда даже злые и нечистые люди,

лишь бы они верили в такое призывание божественного, связывают демонов и совершают некоторые другие великие дела.

Глава XIII. О членах Бога и об их влиянии на наши члены

В разных местах Священного Писания мы читаем о различных членах и украшениях Бога. Под членами Бога понимаются некие многообразные и простейшие силы, пребывающие в самом Боге и различаемые между собой священными именами Бога. Одеяния же и украшения Бога суть словно пути, отношения, истечения или каналы, посредством которых он распространяет себя. Всякий раз, когда наш ум касается края этих одежд, исходит божественная сила какого-либо члена, как Иисус воскликнул о кровоточивой женщине: «Кто-то прикоснулся ко Мне, ибо Я почувствовал силу, вышедшую из Меня». Итак, эти члены Бога подобны нашим; но они — идеи и прообразы наших членов. Если мы надлежащим образом уподобим им наши члены, то, преобразившись в тот же образ, станем истинными сынами Бога и подобными Богу, совершая и творя дела Божии.

О членах Бога многое изложено в Писаниях. О его голове в Песни песней читается: «Голова твоя — как Кармел, и волосы головы твоей — как царский пурпур». Кармел здесь означает не гору в приморской Сирии, а червячка, производящего пурпур. О глазах, веках и ушах читается в Псалмах: «Очи Господни на праведных, и уши Его — к молитвам их»; «Очи Его взирают на бедного, и веки Его испытывают сынов человеческих». Об устах, вкусе, горле, губах и зубах читается у Исайи: «Уст Моих вы не вопросили»; и в Песни песней: «Гортань твоя — как лучшее вино. Достойно это вино питья моего возлюбленного, и пища — того, чтобы его губы и зубы её пережёвывали». Есть и ноздри, которыми, как часто повторяется в Законе, он обоняет жертвы в

благоухание приятное. Есть плечи, руки, кисти и пальцы; о них читаем у Исайи: «Владычество на плечах Его»; «Кому открылась мышца Господня?» И царственный пророк поёт: «Руки Твои, Господи, сотворили меня и образовали меня»; и: «Увижу небеса Твои, дела пальцев Твоих». Есть у него также десница и шуйца; поэтому Псалмопевец говорит: «Сказал Господь Господу моему: сиди по правую руку от Меня». О левой стороне, на которой в последний день будут поставлены осуждённые, читаем в Евангелиях. Читаем также о сердце, груди, спине, задней стороне и лице: так, в Книге Царств сказано, что Бог нашёл Давида, мужа по сердцу своему. В Евангелии мы находим и ту грудь, на которой спавший ученик постиг божественные тайны; Псалмопевец описывает его спину в бледном сиянии золота. Сам же он у Иеремии говорит: «Спину, а не лицо покажу им в день их погибели»; и Моисею: «Ты увидишь Меня сзади». О ногах Псалмопевец говорит: «Мрак под ногами Его»; а в Бытии читается, что он ходит в полдень.

Подобным образом читаем и о многообразных одеяниях и украшениях Бога: так, у Псалмопевца: «Господь воцарился, в красоту облечён»; «Одеваешься светом, как ризою». И в другом месте: «В славу и красоту Ты облёкся»; «Бездна — словно одеяние и покров Его». У Иезекииля Бог говорит: «Я распростёр над тобою одежду Мою и прикрыл наготу твою». Есть у него также жезл, посох, меч и щит; так у Псалмопевца: «Жезл Твой и посох Твой — они утешили меня»; «Щитом окружит тебя истина Его». Во Второзаконии читается о мече его славы. Ещё многое подобное открывают нам священные речения. Несомненно, этими божественными членами и украшениями управляются, направляются, охраняются, руководятся и судятся наши члены, всё окружающее нас и все наши дела, как говорит пророк: «Он

поставил ноги мои на камне и направил шаги мои». И в другом месте: «Благословен Господь, Бог мой, научающий руки мои битве и пальцы мои войне». Об устах сказано: «Он вложил в уста мои новую песнь»; а в другом месте Спаситель говорит: «Я дам вам уста и мудрость». О волосах он говорит: «И волос с головы вашей не погибнет»; и ещё: «Волосы на голове вашей сочтены».

Сам всемогущий Бог, пожелав, чтобы мы были его образами и подобиями, устроил в нас члены, суставы и облики, выраженные многоразлично, как знаки по подобию своих скрытых сил, сохраняющие тот же порядок и соотношение, что и у него. Поэтому еврейские мекуббалы говорят: если человек, способный принять божественное влияние, сделает какой-либо член своего тела чистым и очищенным от скверны, тот станет обителью и собственным местопребыванием сокровенного члена и силы Бога, которым приписывается то же имя. Тогда, если в отношении этого члена потребуется какое-либо действие, достаточно призвать имя, от которого он зависит, и просьба тотчас будет услышана и исполнена, согласно сказанному: «Услышу его, ибо он познал имя Моё». Это великие сокровенные тайны, о которых не дозволено говорить публично подробнее.

Глава XIV. О богах язычников, о душах небесных тел и о том, какие места каким божествам были посвящены в древности

Философы, как мы показали выше, полагали, что небеса и звёзды суть божественные живые существа, а их души разумны и причастны божественному уму. Они полагали также, что одни отделённые сущности стоят над ними, другие же подчинены им, словно правители и служители; эти сущности они называют интеллигенциями (духовными разумами) и демонами. Сам Платон утверждал, что небесные души вовсе не заключены в своих телах, как наши души в наших телах: они пребывают повсюду, где пожелают, одновременно наслаждаются созерцанием Бога, без всякого труда и заботы управляют своими телами и движут их и, двигая их, легко управляют низшими вещами. Потому такие души называли богами, установили для них божественные почести, посвящали им молитвы и жертвы и почитали различными обрядами.

Это те боги, которым были вверены все народы и о которых Моисей заповедал во Второзаконии: «Чтобы ты, подняв глаза к небу и увидев солнце, луну и все звёзды небесные, не уклонился и не стал поклоняться им и служить им, которым вверены все народы под всем небом. Вас же взял Господь Тетраграмматон и вывел из египетской печи, чтобы иметь вас народом своего наследия». И в семнадцатой главе той же книги он называет солнце, луну и звёзды богами. Еврейские учители, толкуя написанное в Бытии о том, что Авраам дал сыновьям наложниц дары — именно «шемот стелтония», то есть чужие имена, — а Исаака оставил наследником всего своего достояния, говорят, что

сыновья наложниц в благословении Авраама были вверены не Богу Тетраграмматону и высшему Творцу, а чужим богам и божествам; Исаак же и его потомство были вверены самому всемогущему Богу Тетраграмматону и никоим образом не были отданы чужим божествам. Поэтому во Второзаконии им ставится в вину, что они служили чужим богам и поклонялись тем, кого не знали и кому не были вверены.

Также Иисус Навин, введя народ в обетованную землю, победив врагов и распределив по жребию владения Израиля, предоставил народу выбор божества, которому служить, сказав: «Сегодня вам дан выбор избрать, что вам угодно и кому прежде всего надлежит служить: богам ли, которым служили отцы ваши в Месопотамии, или богам аморреев, в чьей земле вы живёте». Когда народ ответил: «Будем служить Господу Тетраграмматону, и Он будет нашим Богом», Иисус сказал им: «Не сможете, ибо Господь Бог Тетраграмматон свят, силён и ревнив». Когда же народ настоял на служении Тетраграмматону, он сказал: «Вы свидетели, что сами избрали себе Господа, чтобы служить Ему. Поэтому удалите из своей среды чужих богов и обратите сердца ваши к Господу Богу Израиля». И поставил огромный камень, сказав: «Этот камень будет вам свидетельством, чтобы вы впоследствии не захотели отречься и солгать Господу Богу вашему».

Итак, боги, которым были вверены остальные народы, суть солнце и луна, двенадцать знаков, прочие небесные тела и божественные творения — однако не как тела, но поскольку в них пребывает душа, — всё небесное воинство и та, кого Иеремия называет царицей неба, то есть сила, управляющая небом, а именно душа мира. О ней Иеремия говорит: «Дети собирают

дрова, отцы зажигают огонь, а женщины замешивают жир, чтобы приготовить лепёшки царице неба». Им не было запрещено почитать эту царицу и прочие небесные души почитанием служебным, дулейей; запрещалось лишь божественное поклонение, латрейя, и воздававшие его были отвергнуты Господом. Имена этих душ, или богов, мы изложили выше. Каким же областям, народам и городам они были назначены как собственные боги-покровители, отчасти сообщают Ориген, Тертуллиан, Апулей, Диодор и многие другие историки.

Итак, каждый народ почитал своих богов собственными обрядами: беотийцы — Амфиарая, африканцы — Мопса, египтяне — Осириса и Исиду, эфиопы, обитающие в Мероэ, — Юпитера и Вакха, арабы — вместе с Вакхом Венеру, скифы — Минерву, жители Навкратиса — Сераписа, сирийцы — Атаргатиду, арабы — Диафара, африканцы — Целесту, норнийцы — Тибелена. И в Италии среди богов, освящённых городским культом, особенно славились: у жителей Крустумерия — Делвентин, у нарнийцев — Виридиан, у эскуланцев — Аухария, у вольсинийцев — Нурсия, у отрикуланцев — Валентия, у сутрийцев — Норция, у фалисков — Курис. С величайшим благоговением почитали: жители Лация — Марса, египтяне — Исиду, мавры — Юбу, македоняне — Кабира, пунийцы — Урана, латиняне — Фавна, римляне — Квирина, сабиняне — Санга, Афины — Минерву, Самос — Юнону, Пафос — Венеру, Лемнос — Вулкана, Наксос — Либера, Дельфы — Аполлона; о некоторых из них Овидий поёт в «Фастах»:

Кекропиды чтут Палладу, Минойский Крит — Диану,
Земля Гипсипилы — Вулкана,
Спарта и Пелоповы Микены — Юнону,
Менальский край — венчанную перьями голову

Фавна;
Лаций чтил Марса, ибо он покровительствует оружию.

Сатурна почитали карфагеняне и левкадцы; Юпитера — Крит, Пирей, Гомола, Ида, Элида и Ливия, где был его оракул, Эпир, Лаций, Книд в Ликии и Писа в Македонии. Марса почитали жители Фермодонта, скифы и Фракия. Скифы чтили Солнце как единственного бога, принося ему в жертву коня; его же почитали жители Гелиополя, ассирийцы, а под именем Аполлона — родосцы, гипербореи и милетцы. Ему были посвящены горы Парнас, Фасел, Кинф, Соракт, острова Делос, Кларос, Тенедос, местность Маллоис на Лесбосе, роща, или город, Гриней, а также города Патара, Хриса, Тарапна, Кирра, Дельфы, Аррефния, Энтросы и Тегира. Под именами Вакха и Диониса ему были посвящены Фивы, остров Наксос, город Ниса в Аравии, река Каллихор в Пафлагонии, а также горы Парнас и Киферос в Беотии, где через год совершались вакханалии. Кроме того, тамариты, народ по соседству с гирканцами, почитали Вакха особыми обрядами.

Почитание Венеры первыми ввели ассирийцы, затем жители Пафоса на Кипре, финикийцы и киферийцы; за ними, по свидетельству Агея, последовали афиняне. У лакедемонян почиталась Вооружённая Венера, а в Дельфах — Венера Эпитибия. Её почитали также жители Коса, на Амафусе, острове Эгейского моря, в египетском городе Мемфисе, в Книде, на Сицилии, в Идалийской роще, в городе Гипепе и на сицилийской горе Эрикс, в Калидонии, Кирене и на Самосе. По свидетельству Аристотеля, едва ли о каком-либо другом древнем божестве читается, что его почитали столь великими обрядами и во столь многих местах. Меркурия особенно почитали галлы,

называя его Тевтатом; кроме того — аркадяне, гермопольцы, египтяне и мемфисцы. Луну под именем Дианы почитала Таврика, область Скифии; в Эфесе ей был воздвигнут знаменитейший храм, как и в Микенах. После убийства Фоанта, царя Таврики, её изображение похитили Ифигения и Орест, и с изменением обряда она стала почитаться близ Ариции. Её почитали также магнеты, народ Фессалии, в Писе, городе Ахайи, в Тибуре, на римском Авентинском холме, в Перге, городе Памфилии, и в Аграх, местности Аттики. Читаем также, что народ каренов почитал Луну в мужском образе.

Были святилища и остальных божеств. Палладе, она же Минерва, были посвящены Афины, горы Пирей и Аракинф, река Тритон, беотийский город Алкомены и остров Неоуна из числа Киклад. Священные места Цереры — аттический Элевсин, сицилийские города Энна и Катана и гора Этна. Вулкана особенно почитали на острове Лемнос, на фракийском острове Имброс; ему посвящены также остров Терасия и Сицилия. Веста была богиней троянцев; изгнанник Эней перенёс её в Италию. Ей же приписываются фригийцы, фригийские горы Ида и Диндим, умбрийский город Реат, а также гора Берекинф и фригийский город Пессинунт. Юнону почитали Карфаген и Просенна, города Аргос и Микены, остров Самос и народ фалисков. Нептуну были посвящены беотийский город Орхест и лаконский мыс Тенар; под покровительством Нептуна находились также народ и город трезенцев. Таковы были боги язычников, стоявшие над ними и управлявшие ими, которых сам Моисей во Второзаконии называет богами земли, коим вверены все народы, имея в виду не что иное, как небесные светила и их души.

Глава XV. Что думают наши богословы о небесных душах

Итак, что небеса и небесные тела одушевлены некими божественными душами, — это не только мнение поэтов и философов, но также утверждение Священного Писания и католических учителей. Ведь и Екклесиаст описывает душу неба, а Иероним в толковании на него прямо её признаёт. Подобным образом Ориген в книге «О началах» пишет, что, по его убеждению, небесные тела вполне одушевлены, поскольку о них говорится, что они получают повеления от Бога, а это подобает лишь разумной природе. Ибо написано: «Всем звёздам Я дал повеление». Более того, видно, что Иов вполне согласен с тем, что звёзды не свободны от пятна греха, ибо читается: «И звёзды не чисты пред очами Его», — а это никак нельзя отнести к телесному блеску. Итак, небесные тела считает одушевлёнными также Евсевий Памфил в «Богословских разрешениях» и Августин в «Энхиридионе». Из позднейших — Альберт Великий в книге «О четырёх совечных», Фома Аквинский в книгах «О духовных творениях», Иоанн Скот в толковании на вторую книгу «Сентенций»; к ним присоединяется учёнейший кардинал Николай Кузанский. Также и сам Авреол убедительно доказывает это обстоятельным рассуждением; притом он полагает, что не было бы неуместным чтить небесные тела почитанием дулейи и испрашивать их заступничества и помощи. С этим соглашается и сам Фома, если бы такому обряду не препятствовала опасность идолопоклонства. Более того, Плотин утверждает, что они знают наши обеты и внимают им. Если же кто-то желает совершенно возражать против этих положений и считать их святотатственными учениями, пусть услышит Августина в

«Энхиридионе» и книге «Пересмотры», Фому во второй книге «Против язычников» и в «Вопросах на разные темы», Скота в толковании на «Сентенции» и Вильгельма Парижского в «Сумме о вселенной»: они единодушно отвечают, что утверждение об одушевлённости или неодушевлённости небесных тел не затрагивает католической веры. Поэтому, хотя многим кажется смешным, что души помещаются в сферах и звёздах и каждая, подобно богам язычников, покровительствует своим областям, городам, племенам, народам, нациям и языкам, здраво разумеющим это не покажется странным.

Глава XVI. Об интеллигенциях и демонах, о трёх их родах и различных наименованиях, а также о преисподних и подземных демонах

Теперь нам надлежит последовательно рассмотреть интеллигенции, духов и демонов. Интеллигенция (духовный разум) есть умопостигаемая сущность, свободная от всякой массы грубого и тленного тела, бессмертная, недоступная чувствам, присутствующая при всём и на всё влияющая. Природа всех интеллигенций, духов и демонов одна и та же. Демонами я называю здесь не тех, кого мы зовём дьяволами, а духов, названных так по собственному значению слова, как бы «знающих», «разумеющих» и «мудрых».

По преданию магов, они бывают трёх родов. Первых называют сверхнебесными: это умы, совершенно отделённые от тела, и как бы умственные сферы, почитающие единого Бога как своё прочнейшее и неподвижнейшее единство, или средоточие. Поэтому их именуют также богами вследствие некоторого причастия божеству: они всегда исполнены Бога и упоены божественным нектаром. Они обращены исключительно к единому Богу; они не стоят над телами мира и не приспособлены к служению низшим вещам, но изливают полученный от Бога свет на низшие чины и распределяют каждому его особое служение. Непосредственно за ними вторым чином следуют небесные интеллигенции, которых называют мировыми демонами: помимо почитания Бога они приставлены к сферам мира и стоят над каждым небом и каждой звездой. Поэтому их делят на столько чинов, сколько в мире небес и сколько в небесах звёзд. Одних называли сатурновыми, поскольку они управляют

небом Сатурна и самим Сатурном; других — юпитеровыми, поскольку они управляют небом Юпитера и самим Юпитером; подобным образом, по остальным звёздам, по их именам и силам, дают различные названия демонам. Поскольку древние астрологи насчитывали пятьдесят пять движений, они установили столько же соответствующих интеллигенций, или демонов. В звёздном небе они также полагали демонов, управляющих знаками, триплицитетами, деканами, пятиградусными участками, градусами и звёздами. Хотя вся школа философов, включая перипатетиков, назначает каждой звёздной сфере лишь одну интеллигенцию, всё же, поскольку каждая звезда и каждая частица неба имеет собственную, отличную от других силу и влияние, необходимо, чтобы и у них была своя управляющая интеллигенция, сообщающая силу и приводящая её в действие.

Поэтому они полагали двенадцать князей демонов, управляющих двенадцатью знаками зодиака; тридцать шесть — управляющих таким же числом десятиградусных участков; семьдесят два — управляющих таким же числом пятиградусных участков неба, языков и народов людей; четырёх — управляющих триплицитетами и стихиями; и семерых правителей всего мира, соответственно семи планетам. Всем им дали имена и печати, называемые характерами, и пользовались ими в своих призываниях, заклинаниях и гравировках, начертывая их на орудиях своих действий, изображениях, пластинках, зеркалах, кольцах, бумаге, восковых предметах и тому подобном. Так, совершая действие, относящееся к Солнцу, они призывали именами Солнца и именами солнечных демонов; так же поступали и с остальными.

Третьими они полагают демонов, словно служителей, предназначенных устраивать то, что находится внизу. Ориген называет их некими невидимыми силами, которым поручено устроение земных вещей. Часто, никому не являясь, они направляют наши пути и всякие дела; часто присутствуют и в битвах и тайной помощью доставляют друзьям желанный успех. Говорят, что они могут по своей воле содействовать благополучию и причинять бедствия.

Подобным образом их разделяют на множество чинов: одни — огненные, другие — водные, третьи — воздушные, четвёртые — земные. Эти четыре вида демонов соотносят с четырьмя силами небесных душ: умом, рассудком, воображением и природой, то есть силой оживляющей и движущей. Огненные следуют уму небесных душ и потому содействуют созерцанию высшего. Воздушные следуют рассудку, благоприятствуют разумной способности и некоторым образом отделяют её от чувственной и растительной; поэтому они служат деятельной жизни, как огненные — созерцательной. Водные, следуя воображению и чувству, служат жизни наслаждений; земные, следуя природе, благоприятствуют растительной природе. Кроме того, этот род демонов разделяют на сатурновых, юпитеровых и прочих, по именам звёзд и небес. Одних считают восточными, других западными, южными или северными. Наконец, нет части мира, лишённой собственного присутствия этих демонов: не потому, что они находятся только там, а потому, что там преимущественно властвуют. Они повсюду, хотя разные из них действуют и влияют преимущественно в разных местах. Однако это не следует понимать так, будто они подчинены влияниям светил: они соответствуют надмирному небу, которое прежде всего направляет всё и с которым всё должно сообразоваться.

Поэтому эти демоны соотносятся как с различными звёздами, так и с различными местами и временами — не потому, что время и место их ограничивают, как не ограничивают их тела, над которыми они поставлены, но потому, что так установил порядок мудрости. Поэтому они больше благоприятствуют этим телам, местам, временам и звёздам и покровительствуют им. Так, одних называли дневными, других ночными, третьих полуденными; подобным образом одних называют лесными, других горными, полевыми или домашними. Отсюда Сильваны, Фавны, Сатиры, Паны, Нимфы, Наяды, Нереиды, Дриады, Пиериды, Гамадриады, Потамиды, Гинниды, Агапты, Палес, Паркады, Додоны, Фенилии, Лаверны, Пареи, Музы, Аониды, Касталиды, Геликониды, Пегасиды, Меониды, Фебиады, Камены, Хариты, Гении, Лемуры и им подобные. Их называют простонародьем небожителей, а другие — полубогами и полубогинями.

Некоторые из них столь близки и привычны людям, что даже испытывают человеческие волнения. По мнению Платона, благодаря их наставлениям люди часто производят удивительные наваждения, подобно тому как благодаря наставлениям людей некоторые более близкие к нам животные — обезьяны, собаки, слоны — часто совершают удивительное, превосходящее возможности их вида. Писавшие о деяниях датчан и норвежцев свидетельствуют, что в тех областях демоны разных родов подчинены людям и служат им. Кроме того, согласно мнению египтян и платоников, особенно подтверждённому Проклом, некоторые из них телесны и смертны: их тела рождаются и гибнут, хотя живут они долго. То же утверждают Плутарх, философ Деметрий и ритор Эмилиан: среди многих чудес своего времени они свидетельствуют о том, что великий демон Пан и многие другие сперва испускали стоны, а затем умерли.

Итак, согласно мнению платоников, у демонов этого третьего рода столько легионов, сколько звёзд на небе; и в каждом легионе столько демонов, сколько звёзд объемлет само небо. Что касается числа добрых демонов, то, как передаёт Афанасий, некоторые считают, что по отношению к числу людей они составляют девяносто девять долей, согласно притче о ста овцах; другие полагают лишь девять долей, согласно притче о десяти драхмах. Иные считают число ангелов равным числу людей, ибо написано: «Он установил пределы народов по числу ангелов Божиих». О числе их многие писали многое. Но позднейшие богословы, следуя Учителю Сентенций, Августину и Григорию, легко разрешают вопрос, говоря, что число добрых ангелов превосходит всякое человеческое разумение. Им противостоят бесчисленные нечистые духи: в нижнем мире их столько же, сколько чистых духов в высшем, как утверждают некоторые богословы, получившие это, по их словам, из прорицаний.

Ниже них помещают род подземных, или тёмных, демонов; платоники называют их ангелами-отступниками, мстителями за преступления и нечестие согласно установлению божественной справедливости. Их называют злыми демонами и негодными духами, поскольку они весьма часто причиняют вред и зло и по собственной воле. У них также насчитывают множество легионов и сходным образом различают их по именам звёзд, стихий и частей мира; назначают им царей, князей и начальников и дают им имена. Над остальными стоят четыре крайне зловредных царя, соответственно четырём сторонам мира. Под ними властвует множество других князей легионов, а также многие, имеющие особые обязанности. Отсюда Горгоны, Статенокты, Фурии; отсюда Ктесифона, Алекто, Мегера, Цербер. Об этом роде демонов Порфирий говорит: «Они населяют место близ земли,

более того — внутри самой земли. Нет зла, на которое они не осмелились бы. Нрав их совершенно насильственный и безумный; поэтому они постоянно замышляют и готовят жестокие внезапные нападения. Совершая набеги, они частью действуют скрытно, частью применяют насилие и чрезвычайно радуются всему, что совершается несправедливо и в раздоре».

Глава XVII. О них же согласно мнениям богословов

Наши богословы вместе с Дионисием также устанавливают три разряда ангелов; каждый разряд они делят на три чина, так что получается три разряда и девять чинов. Первые они называют иерархиями, вторые — хорами; и Прокл также разделяет их по числу девять. Итак, в высшей иерархии они помещают Серафимов, Херувимов и Престолы, как бы сверхнебесных демонов, созерцающих порядок божественного провидения: первые — в благости Бога, вторые — в сущности Бога как в форме, третьи — в мудрости. В средней иерархии они помещают Господства, Силы и Власти, как бы мировых демонов, совместно управляющих миром. Первые из них повелевают то, что остальные исполняют; вторые управляют небесами и иногда объединяются для совершения чудес; третьи сдерживают то, что, по-видимому, может нарушить божественный закон.

В низшей иерархии они помещают Начала, Архангелов и Ангелов, которых перечисляет также Ямвлих. Они, как демоны-служители, нисходят, чтобы заботиться о низших вещах. Первые заботятся об общественных делах, правителях и должностных лицах, областях и царствах, каждый — о своём. Поэтому у Даниила читается: «Князь царства Персидского противостоял мне двадцать один день». Иисус, сын Сирахов, свидетельствует, что над каждым народом поставлен ангел-правитель; то же, по-видимому, указывает Моисей в песне Второзакония: «Когда Всевышний разделял народы, Он установил их пределы по числу ангелов Божиих». Вторые присутствуют при священнодействиях, направляют богопочитание отдельных людей и приносят

людские молитвы и жертвы перед богами. Третьи устраивают все меньшие дела и присутствуют при каждом как его хранители. Среди них есть и такие, которые сообщают силу самым малым травам и камешкам и всем низшим вещам; у них много общего и с Богом, и с людьми, и они служат посредниками.

Афанасий же, помимо Престолов, Херувимов и Серафимов, наиболее близких Богу, величающих его непрерывными гимнами и неустанной хвалой и молящихся о нашем спасении, называет ещё семь чинов, которые общим именем именует небесным воинством. Первый из них — Учительный чин; к нему принадлежал тот, кто говорил Даниилу: «Я пришёл, чтобы научить тебя тому, что предстоит народу твоему в последние дни». Затем следует Охранительный чин, о котором также читается у Даниила: «Вот, Михаил, один из князей, пришёл мне на помощь»; и там же: «В то время восстанет Михаил, великий князь, стоящий за сынов народа твоего». К этому чину принадлежал и тот Рафаил, который сопровождал младшего Товию туда и обратно. После него идёт Ходатайственный чин, упомянутый в Книге Иова, где читается: «Если будет за него говорящий ангел, он умолит Господа, и Господь будет милостив к нему». К этим же ангелам относят написанное в конце шестнадцатой главы книги Иисуса, сына Сирахова: «По суду Божию дела Его — от начала; с сотворения людей Он разделил их части и начала их по родам. Навеки устроил Он их дела; они не голодали и не утомлялись и не прекращали своих дел; ни один не будет теснить ближнего своего вовеки».

За ним следует Служебный чин, о котором Павел говорит в Послании к евреям: «Не все ли они служебные духи, посылаемые ради тех, кто наследует спасение?» После них —

Вспомогательный чин, о котором у Исайи читается: «Вышел ангел Господень и поразил в стане ассирийцев сто восемьдесят пять тысяч». За ним следует чин Принимающих души, о котором читается у Луки: «Душа Лазаря была отнесена ангелами на лоно Авраама». Там же нас учат приобретать себе друзей неправедной маммоной, чтобы они приняли нас в вечные обители. Далее — чин Предстоящих, о котором читается у Захарии: «Это два сына елея сияния, предстоящие Владыке всей земли».

Еврейские богословы иначе исчисляют и называют эти чины. На высшем месте стоят те, кого называют חיות הקדש, то есть «животные святости», или «жизни»; через них Бог אהיה дарует дар бытия. Второе место занимают Офаним, אופנים, то есть «формы», или «колёса»; через них Бог יהוה разделяет хаос. На третьем месте Аралим, אראלים, великие, сильные и могучие ангелы; через них Тетраграмматон, произносимый как Элохим, или Тетраграмматон с присоединённым хе, היהוה, сообщает форму текучей материи. На четвёртом месте Хашмалим, חשמלים; через них Бог Эль, אל, придаёт телам очертания. Пятый чин — Серафим, שרפים; через них Бог Элохим Гиббор, אלהים גבור, выводит стихии. Шестой — Малахим, מלאכים, то есть ангелы; через них Бог Элоа, אלוה, производит металлы. Седьмой — Элохим, אלהים, то есть боги; через них Бог Тетраграмматон Саваоф, יהוה צבאות, производит растения. Восьмой — Бне Элохим, בני אלהים, то есть сыны богов; через них Бог Элохим Саваоф, אלהים צבאות, порождает животных. Девятый и низший — Херувим, כרובים; через них Бог Шаддай, שדי, заботится о человеческом роде. Под ними находится чин душ, именуемый Ишим, אישים, то есть герои, сильные и блаженные мужи; через них Бог Адонай, אדני, дарует пророчество.

Глава XVIII. О чинах злых демонов, их падении и различных природах

Есть также богословы, которые разделяют злых демонов на девять ступеней, словно противостоящих девяти ангельским чинам. Первые из них называются псевдотеями, то есть ложными богами: присваивая себе имя Бога, они хотят, чтобы их почитали как богов, требуют жертв и поклонения, подобно тому демону, который сказал Христу: «Если падёшь на землю и поклонишься мне, дам Тебе всё это», — показав ему все царства земного мира. Их князь — тот, кто сказал: «Взойду выше облачных высот и буду подобен Всевышнему»; потому его называют Вельзевулом, то есть древним богом.

Вторыми за ними следуют духи лжи; таким был дух, вышедший как лживый дух в устах пророков Ахава. Их князь — тот змей Пифон, от которого Аполлон получил имя Пифийского, а также пифонисса у Самуила и другая женщина в евангельских книгах, имевшая Пифона во чреве. Этот род демонов вмешивается в оракулы и играет с людьми посредством гаданий и предсказаний, пока не обманет их.

Третий чин составляют сосуды беззакония, называемые также сосудами гнева. Это изобретатели зла и всех дурных искусств, подобно демону Тевту у Платона, научившему играм и игре в кости. От них происходит всякое преступление, злоба и безобразие. О них в Бытии, в благословениях Симеону и Левию, Иаков говорит: «Сосуды беззакония в жилищах их; да не войдёт душа моя в совет их». Псалмопевец называет их сосудами смерти, Исайя — сосудами ярости, Иеремия — сосудами гнева, Иезекииль — сосудами истребления и погибели. Их князь —

Велиал, что означает «без ярма», или «непокорный», «нарушитель закона» и «отступник». О нём Павел говорит коринфянам: «Какое согласие между Христом и Велиалом?»

Четвёртыми следуют мстители за преступления, и их князь — Асмодей, то есть «творящий суд». После них пятым чином идут обманщики, подражающие чудесам, служащие злым магам и колдунам и обольщающие народ своими чудесами, как змей обольстил Еву. Их князь — Сатана, о котором в Апокалипсисе написано, что он обольщает весь мир, совершает великие знамения и низводит огонь с неба на землю перед людьми, обольщая живущих на земле знамениями, которые дано ему творить.

Шестыми выступают воздушные власти: они вмешиваются в гром, молнии и вспышки, портят воздух, насылают моровые болезни и другие бедствия. К их числу относятся упомянутые в Апокалипсисе четыре ангела, которым дано вредить земле и морю и которые удерживают четыре ветра с четырёх углов земли. Их князь зовётся Меририм: это полуденный демон, раскалённый дух и демон, неистовствующий в полдень. Павел в Послании к ефесянам называет его князем власти этого воздуха и духом, действующим в сынах неверия.

Седьмую обитель занимают фурии, сеющие бедствия, раздоры, войны и опустошения. Их князь в Апокалипсисе назван по-гречески Аполлионом, а по-еврейски — Аваддоном, то есть истребляющим и опустошающим. На восьмом месте стоят обвинители, или соглядатаи; их князь Астарот, то есть «соглядатай», по-гречески называемый дьяволом, то есть обвинителем, или клеветником. В Апокалипсисе он назван обвинителем братьев наших, обвиняющим их перед Богом

нашим день и ночь. Последнее место занимают искусители, или устроители козней, по одному приставленные к каждому человеку, отчего мы и называем их злыми гениями. Их князь — Маммона, что означает алчность.

Все единодушно утверждают, что злые демоны скитаются в этом низшем мире, враждебные всему; потому их называют дьяволами. О них Августин в первой книге «О воплощении Слова», обращённой к Януарию, говорит: «О дьяволе и его ангелах, враждебных силах, церковная проповедь научила, что они существуют; но что они такое или как существуют, она не изложила достаточно ясно». Однако у весьма многих принято мнение, что этот дьявол был ангелом и, став отступником, убедил множество ангелов отпасть вместе с ним; их и доныне называют его ангелами. Греки, однако, не считают их всех осуждёнными и полагают, что не все они намеренно злы, но что от сотворения века порядок вещей установлен так, что им поручено мучить грешные души. Прочие богословы говорят, что никакие демоны не были сотворены злыми, но за преступление были изгнаны и низвергнуты с небес из чинов добрых. Об их падении учат не только наши и еврейские богословы: ассирийцы, арабы, египтяне и греки также подтверждают его своими учениями.

Ферекид Сиросский описывает падение демонов и говорит, что Офис, то есть демонический змей, был главой мятежного войска. О том же падении повествует Трисмегист в «Поймандре», а Гомер воспевает его в своих стихах под именем Ат. Плутарх в рассуждении «О ростовщичестве» указывает, что и Эмпедокл знал о таком падении демонов. И сами демоны многократно признавались в своём падении.

Итак, низвергнутые в эту долину бедствий, одни из них бродят близ нас в этом тёмном воздухе; другие населяют озёра, реки и моря; иные — земли, пугают земных существ и нападают на тех, кто роет колодцы и добывает металлы. Они вызывают расселины земли, сотрясают основания гор, мучают не только людей, но и животных. Другие довольствуются одним смехом и насмешками, стремясь скорее утомить людей, чем навредить. Иные то вырастают великанским телом выше всякого роста, то сгибаются и уменьшаются до малости пигмеев, принимают различные облики и тревожат людей пустым страхом. Другие предаются лжи и богохульству; об одном таком читаем в третьей Книге Царств: «Выйду и буду лживым духом в устах всех пророков Ахава».

Худший же род демонов — те, кто подстерегает на дорогах и набрасывается на прохожих, радуется войнам и кровопролитию и терзает людей жесточайшими нападениями. О таких читаем у Матфея: из страха перед ними никто уже не осмеливался проходить той дорогой. Писание упоминает также демонов ночных, дневных и полуденных и описывает других духов злобы под разными именами, как у Исайи читаем об онокентаврах, ежах, косматых существах, сиренах, ламиях, совах, страусах; в Псалмах — об аспидах, василисках, львах, драконах; в Евангелии читается о скорпионе, маммоне, князе этого мира и властителях тьмы. Князь их всех — Вельзевул, которого Писание называет князем порочности. Порфирий говорит, что их князь — Серапис, называемый греками также Плутоном. Над ними стоит и Цербер, тот трёхглавый пёс, то есть пагубнейший демон, пребывающий в трёх стихиях: воздухе, воде и земле. Поэтому и Прозерпина, имеющая наибольшую власть в этих трёх стихиях, является их владычицей; о себе самой она свидетельствует в прорицаниях

такими стихами:

Я — дева Луцина тройственной природы,
Бычья и трёхглавая, с неба ниспосланная златая Феба;
Многочисленны мои облики и троичны знаки;
Я ношу тройные образы земли, воздуха и огня:
Моим чёрным псам поручена забота о землях.

Мнение Оригена о демонах таково: демоны, по собственной воле вместе со своим князем дьяволом отошедшие от служения Богу, если начнут хотя бы немного вразумляться, облекаются человеческой плотью. Затем посредством этого покаяния после воскресения, пройдя тот же путь, которым пришли во плоть, они вернутся к созерцанию Бога, как возвращаются из изгнания, и тогда освободятся также от эфирных и воздушных тел. Тогда перед Богом преклонятся все колени небесных, земных и преисподних, чтобы Бог был всем во всём.

Также святой Ириней одобряет мнение мученика Иустина, сказавшего, что Сатана никогда не осмеливался хулить Бога, прежде чем Господь пришёл на землю, поскольку ещё не знал о своём осуждении. Многие полагают, что весьма многие из падших демонов надеются на будущее спасение; этому они научены историей Павла-отшельника, написанной Иеронимом и почитаемой церковью в канонические часы, а также сказанием о Брендане. В подтверждение того, что их молитвы могут быть услышаны, приводят хотя бы то, что в Евангелиях читается: Христос услышал просьбы демонов и позволил им войти в стадо свиней.

С этим согласуется и семьдесят первый псалом по нашему счёту, а по еврейскому — семьдесят второй. Там, где мы читаем: «Перед Ним падут эфиопы, и враги Его будут лизать землю», —

по еврейскому подлиннику читается: «Перед Ним преклонят колени обитающие в пустыне», то есть, как утверждают каббалисты, ему поклонятся воздушные духи; «и враги Его будут лизать прах». Это они относят к Зазелю и его войску, о котором в Бытии читается: «Землю будешь есть во все дни жизни твоей»; и в другом месте пророк говорит: «Ибо прах земли — хлеб его». Поэтому каббалисты полагают, что некоторые демоны также будут спасены; известно, что так думал и Ориген.

Глава XIX. О телах демонов

О телах демонов существует большое разногласие между позднейшими богословами и философами. Фома утверждает, что все ангелы бестелесны, равно как и злые демоны, однако иногда принимают тела, которые вскоре оставляют. Дионисий в «Божественных именах» также твёрдо утверждает, что ангелы бестелесны. Августин же в толковании на Бытие сообщает следующее: «Демонов называют воздушными и огненными живыми существами, поскольку они обладают природой воздушных тел и не разрушаются смертью: в них преобладает стихия, более способная действовать, чем претерпевать». По-видимому, он утверждает, что все ангелы с начала своего сотворения имели воздушные тела, образованные из более чистой и высшей части воздуха, способные действовать, а не претерпевать; после утверждения добрых ангелов эти тела у них сохранились, у злых же при падении изменились, приобретя свойства более грубого воздуха, так что их можно мучить огнём. Более того, Василий Великий приписывает тела не только демонам, но и чистым ангелам — словно некие тонкие, воздушные и чистые духи. С ним согласен и Григорий Назианзин.

Апулей полагает, что не все демоны имеют тела, ибо в книге «О демоне Сократа» говорит: «Есть другой, более величественный род демонов, всегда свободных от телесных оков и связей; их благосклонность приобретают определёнными молитвами». Пселл же, платоник и христианин, не считает природу демонов бестелесной. Однако ангельское и демоническое тело не одно и то же: первое лишено всякой материи, демоническое же некоторым образом материально, подобно телам теней, и подвержено

страданию, так что от удара болит и огнём сжигается в видимый пепел; передают, что такое некогда произошло в Тусции. Хотя это тело духовное, оно в высшей степени чувствительно и осязаемо; хотя, будучи рассечено, вновь соединяется и восстанавливается, подобно воздуху и воде, в это время оно испытывает сильнейшую боль. Потому демоны боятся железного острия, метательного оружия и мечей. Поэтому у Вергилия Сивилла говорит Энею:

Ты же вступай на путь и вырви меч из ножен.

Об этом Сервий говорит, что она желала, чтобы у Энея был освящённый меч. Роды демонических тел описывает также Орфей. Одно тело состоит только из огня, но недоступно зрению; таких демонов Орфей называет огненными и небесными. Другое составлено из смеси огня и воздуха, отчего их называют эфирными и воздушными. Если к этому примешивается нечто водное, возникает третий род: их называют водными, и иногда они воспринимаются зрением. Если к ним добавляется нечто земное, но не слишком грубое, их называют земными демонами; они уже более заметны и доступны нашим чувствам.

Тела высших демонов-ангелов сложены из чистейшей эфирной стихии и обыкновенно невидимы ни одному человеку, если только по божественному велению не явят свой облик. Они сотканы из столь сияющих и столь тонких нитей, что своей разреженностью пропускают все лучи нашего зрения, блеском их отражают, а тонкостью ускользают от них. О них Халкидий говорит: «Эфирные и воздушные демоны — поскольку тела их не имеют столько огня, чтобы быть видимыми, ни столько земли, чтобы их плотность оказывала сопротивление осязанию, — всем своим составом, соединённым из ясности эфира и текучести

воздуха, образуют неразрушимую поверхность». Прочие демоны не столь достойны одобрения и не столь вредоносны, не всегда невидимы, но иногда являются, превращаются в различные облики и принимают теневые формы бескровных призраков, влача нечистоту тучного тела. У них чрезмерная общность с материей, которую древние называли злой душой; вследствие близости к земле и воде их затрагивают и земные наслаждения, и похоть. К этому роду принадлежат ламии, инкубы и суккубы; пожалуй, не лишено основания предположение, что к их числу принадлежала Мелюзина.

Однако, по мнению Марка, ни одного демона нельзя считать мужчиной или женщиной, поскольку различие полов относится к сложным существам, тела же демонов просты. И не каждый род демонов может по своему желанию принимать любые облики. Огненным и воздушным легко доступна способность преобразовываться во всё, что представляет их воображение; подземные же тёмные демоны, чья способность воображения заключена в тесноте грубого и малоподвижного тела, не могут производить такого разнообразия образов, как остальные. Водные же и те, которые обитают на влажной поверхности земли, вследствие мягкости стихии чаще всего принимают облик женщин; к этому роду относятся Наяды и Дриады. Те же, кто населяет безводные и сухие места, при более сухих телах являются мужчинами, Сатирами, Оноскелами с ослиными ногами, Фавнами, Сильванами и инкубами. Августин сообщает, что многие на опыте узнали, как те часто бесчинствовали с женщинами, желали и добивались соития с ними, и что некоторые демоны, которых галлы называют дусиями, постоянно предаются этой похоти.

Глава XX. О нападениях злых демонов и об охране, оказываемой нам добрыми демонами

Общее мнение богословов состоит в том, что все злые демоны по своей природе одинаково ненавидят богов и людей. Поэтому божественное провидение поставило над нами близких нам более чистых демонов и вверило нас им, как пастырям или правителям, чтобы они ежедневно помогали нам, отгоняли, сдерживали и связывали злых демонов, не позволяя им вредить нам столько, сколько те пожелают. Так в Книге Товита читается, что Рафаил схватил демона по имени Асмодей и заключил его в пустыне Верхнего Египта. О них Гесиод говорит: «Тридцать тысяч бессмертных хранителей смертных людей от Зевса обитают на питающей земле; они наблюдают за праведными и жалкими делами, одетые воздухом и всюду странствующие по земле».

Ведь ни один правитель и ни один вельможа не остался бы невредим, ни одна женщина не сохранилась бы непорочной, ни один человек в этой долине неведения не достиг бы предназначенного ему Богом конца, если бы добрые демоны не присутствовали при нас ради охраны или если бы злым демонам было дозволено удовлетворять злые желания людей. Итак, как каждому назначен собственный хранитель из добрых демонов, укрепляющий человеческий дух в добре, так из злых ниспосылается некий враг, начальствующий над плотью и её зудом. Добрый хранитель сражается за нас, за дух против врага и плоти; человек же, находясь посреди этих борющихся сторон и будучи предоставлен собственному решению, дарует победу тому, кому пожелает. Поэтому мы не можем обвинять ангелов в том, что они не приводят вверенные им народы к познанию

истинного Бога, к истинному благочестию и религии и позволяют им впадать в заблуждения и ложное почитание. Вину следует возлагать на тех, кто по собственной воле уклонился с прямого пути, примкнул к духам заблуждения и отдал победу дьяволу. Ведь в руках человека — к кому он захочет примкнуть и чьей победы пожелает. Если враждебный демон однажды побеждён человеком, он становится его рабом и, побеждённый, уже не может нападать на другого, подобно осе, утратившей жало. С этим мнением соглашается и Ориген в книге «О началах», заключая, что святые, противоборствуя злым демонам и побеждая их, уменьшают их войско: тому, кто кем-либо побеждён, впредь уже не дозволено досаждать другому.

Итак, как каждому человеку дан добрый дух, так дан ему и злой, дьявольский дух. Оба ищут соединения с нашим духом, стараются привлечь его к себе и смешаться с ним, как вино с водой. Добрый — через добрые дела, согласные с ним, соединяя нас с собой, преображает нас в ангелов, как написано об Иоанне Крестителе у Малахии: «Вот, Я посылаю ангела Моего перед лицом Твоим». Об этом преображении и соединении в другом месте написано: «Соединяющийся с Богом становится одним духом с Ним». Злой демон также стремится через дурные дела сделать нас подобными себе и соединёнными с собой, как Христос сказал об Иуде: «Не двенадцать ли вас избрал Я? И один из вас — дьявол».

Это и есть сказанное Гермесом: когда демон влияет на человеческую душу, он рассеивает в ней семена собственного разумения; такая душа, засеянная этими семенами и беременная исступлением, рождает из них чудеса и всяческие дела демонов. Ведь добрый демон, влияя на святую душу, возвышает её до света

мудрости; злой же демон, излившись в порочную душу, побуждает её к воровству, убийствам, похоти и всяким делам злых демонов. Добрые демоны, как говорит Ямвлих, совершеннейшим образом очищают души, а также даруют нам разные дары: своим присутствием дают телу здоровье, душе силу, уму спокойствие; уничтожают в нас смертоносное, поддерживают тепло и делают его действеннее для жизни и посредством умопостигаемой гармонии непрестанно вливают свет в ум.

Много ли у человека хранителей или только один, богословы спорят между собой. Мы полагаем, что их несколько, поскольку пророк говорит: «Ангелам Своим заповедал о тебе — хранить тебя на всех путях твоих». По свидетельству Иеронима, это относится не только ко Христу, но и ко всякому человеку. Итак, все люди управляются служением различных духов; те, кто окажется достойным их, приводятся к той или иной степени добродетелей, заслуг и достоинства. Недостойных же злые демоны и вместе с ними добрые духи низлагают и низвергают до крайней степени несчастья, сообразно их дурным заслугам. Те же, кто вверен высшим ангелам, ставятся выше других людей: заботящиеся о них ангелы возвышают их, а других им подчиняют некой сокровенной силой. Хотя ни тот ни другой не воспринимают её, подчинённый ощущает некое ярмо власти, от которого не может легко освободиться; более того, он боится и чтит эту силу, которую высшие ангелы изливают в высших людей, внушая низшим некий ужас и страх перед властью. По-видимому, это понимал Гомер, говоря, что Музы, рождённые Юпитером, всегда неразлучно сопровождают рождённых Юпитером царей и через них цари становятся почтенными и величественными.

Так, мы читаем, что Марк Антоний, некогда связанный особой дружбой с Октавианом Августом, часто играл вместе с ним. Но поскольку победителем всегда выходил Август, некий маг предупредил Марка Антония такими словами: «Что тебе, Антоний, до этого юноши? Беги от него и избегай его. Хотя ты старше годами, превосходишь его опытом, знатнее родом и, командуя большим числом воинов, перенёс много войн, всё же твой гений страшится гения этого юноши, и твоя удача подчиняется его удаче. Если не уйдёшь далеко, она, кажется, целиком перейдёт к нему».

Разве правитель не человек, подобный прочим людям? Как бы другие люди боялись и почитали его, если бы божественный ужас не возвышал его, а прочих, внушая им страх, не принижал, чтобы они чтили его как правителя? Поэтому нам следует стремиться к тому, чтобы, очищаясь праведными поступками, следуя возвышенному и выбирая подходящие времена и места, мы были вверены чину более высоких и могущественных ангелов и благодаря их заботе заслуженно возвышались над другими.

Глава XXI. О повиновении собственному гению и исследовании его природы

Как каждая область имеет в небесах определённую звезду и небесный образ, влияющие на неё преимущественно перед другими, так и в сверхнебесном она получает определённую интеллигенцию, которая управляет ею и охраняет её вместе с бесчисленными другими служебными духами, или демонами, своего чина. Все они общим именем названы «сынами Элохим Саваоф», בני אלהים צבאות, то есть сынами Бога воинств. Поэтому всякий раз, когда Всевышний замышляет в этих низших пределах войну, поражение, разорение какого-либо царства или покорение народа, этому предшествует сражение тех духов в вышних, подобное тому, которому предстоит совершиться на земле. Так написано у Исайи: «Посетит Господь воинств воинство высоты на высоте и царей земли на земле». Об этом сражении духов и покровителей читаем также у Даниила — о князе Персидского царства, князе греков, князе народа Израиля и их взаимной борьбе. По-видимому, некогда это понимал и Гомер, когда пел:

Такой разнёсся гул по небесным чертогам,
Когда боги друг на друга ринулись в яростную битву:
Против Нептуна сражался Феб Аполлон,
Против Марса боролась Паллада Афина,
Юноне в битве противостояла Диана с колчаном,

Крылатый Киллений теснит Латону стрелами.

Однако, хотя в каждой области есть духи и демоны всякого рода, могущественнее прочих там те, кто принадлежит к одному

чину с покровителем этой области. Так, в солнечной области преобладают солнечные духи, в лунной — лунные, и так же с остальными. Отсюда происходит и следует, что при перемене мест и областей нас встречают и сопровождают различные исходы наших дел и занятий, причём в одних местах более счастливые, чем в других: именно там, где наш демон-гений получил большую власть или где мы обрели более могущественного демона того же чина. Так, солнечные люди, если переселятся в солнечную область или провинцию, станут там гораздо удачливее, поскольку будут иметь там более могущественных и благоприятных вождей, или гениев. Благодаря их превосходному покровительству все их дела часто приводятся к счастливому исходу даже сверх ожиданий и меры собственных сил. Поэтому выбор места, области и времени, где человек действует, живёт и бывает согласно природе и побуждению своего гения, весьма способствует жизненному счастью.

Иногда способствует и перемена имени. Поскольку свойства имён указывают на сами вещи, словно в зеркале обнаруживая свойства их форм, отсюда следует, что при изменении имён часто изменяются и вещи. Поэтому не без причины Священное Писание представляет Бога, который, намереваясь благословить Аврама и Иакова, изменил их имена, назвав первого Авраамом, а второго Израилем.

Древние мудрецы учат узнавать природу гения каждого человека по светилам, их влиянию и аспектам, присутствующим при рождении каждого. Но их правила столь различны и противоречивы, что извлечь из их рук эти небесные тайны чрезвычайно трудно. Порфирий ищет гения по звезде, владычествующей над рождением; Матерн — либо по ней, либо

по планетам, имеющим там больше достоинств, либо по той, в чью обитель Луна вступила после обители, занятой ею при рождении человека. Халдеи же исследуют гения только по Солнцу или Луне. Другие, в том числе многие евреи, считают, что его следует искать по какому-либо из углов неба или по всем вместе. Иные ищут доброго гения по одиннадцатому дому, который потому называют добрым демоном, а злого — по шестому, называемому злым демоном.

Поскольку исследование этого трудно и весьма сокровенно, гораздо легче исследовать природу нашего гения по нам самим: обращая внимание на то, что с раннего возраста, ещё не отвлечённого никакой порчей, либо после очищения ума от пустых забот и дурных страстей и устранения помех, подсказывает душа, велит природное побуждение и к чему склоняет небо. Это, без сомнения, внушения гения, данного каждому от начала его рождения и ведущего и склоняющего нас туда, куда склоняет его звезда.

Глава XXII. О том, что у каждого человека три хранителя, и о происхождении каждого из них

У каждого человека есть троякий добрый демон, его собственный хранитель: один священный, другой — демон рождения, третий — демон занятия. Священный демон, согласно учению египтян, назначается нисходящей разумной душе не звёздами и не планетами, а высшей причиной, самим Богом, владыкой демонов; он всеобщий и стоит выше природы. Он направляет жизнь души и всегда представляет уму добрые мысли, непрестанно действуя в нас просвещением, хотя мы не всегда это замечаем. Но когда мы очищены и живём спокойно, тогда воспринимаем его; тогда он как бы говорит с нами и сообщает нам свой голос, прежде присутствуя молча, и непрестанно стремится привести нас к священному совершенству.

С помощью этого демона мы можем также избежать злокозненности судьбы. Если мы благочестиво почитаем его добропорядочностью и святостью, как, мы знаем, поступал Сократ, то, по мнению платоников, он удивительным образом помогает нам то снами, то знамениями, отвращая зло и заботливо содействуя благу. Поэтому пифагорейцы в своих песнопениях обыкновенно молили Юпитера, чтобы он либо сам избавил их от зол, либо указал демона, способного это исполнить.

Демон рождения, называемый также гением, происходит от расположения мира и обращений светил, имеющих место при

рождении. Некоторые полагают, что душа, готовая низойти в тело, естественным образом выделяет себе хранителя из хора демонов и не столько сама избирает этого вождя, сколько и он, в свою очередь, избирает её для своего попечения. Он — исполнитель и хранитель жизни, связывает её с телом, заботится о ней, сообщённой телу, и помогает человеку в том самом деле, которому небесные силы предназначили его при рождении. Поэтому получившие счастливого гения становятся в своих делах способными, действенными, сильными и преуспевающими; потому философы называют их счастливыми, или хорошо рождёнными.

Демон занятия даётся теми светилами, которым подчинено занятие или учение, исповедуемое человеком; душа тайно избирает его, когда, уже пребывая в этом теле, начинает пользоваться выбором и усваивает нравы. Этот демон меняется с переменой занятия; сообразно достоинству занятия при нас присутствуют более достойные и высокие демоны занятия, последовательно заботящиеся о человеке, который изо дня в день приобретает себе иного хранителя занятия, по мере восхождения от добродетели к добродетели. Когда занятие согласуется с нашей природой, при нас находится подобный нам и согласный с гением демон занятия, и жизнь становится спокойнее, счастливее и благополучнее. Когда же мы выбираем занятие, несходное или противоположное гению, жизнь становится тяжёлой и тревожной из-за несогласия покровителей. Поэтому человек порой за малое время и с небольшим трудом преуспевает в какой-либо науке, искусстве или служении, тогда как в других напрасно трудится с великим усилием и усердием. Хотя никакой наукой, искусством или добродетелью не следует пренебрегать, всё же, чтобы жить благополучно и действовать счастливо,

прежде всего познай своего доброго гения и свою природу, а также то благо, которое обещает тебе небесное расположение и распределитель всего этого — Бог, разделяющий каждому, как пожелает. Следуй этим началам, избери их своим делом, упражняйся в той добродетели, к которой возвышает и ведёт тебя высший распределитель. Он дал Аврааму превосходить справедливостью и милосердием, Исааку — страхом, Иакову — силой, Моисею — кротостью и чудесами, Иисусу Навину — войной, Финеесу — ревностью, Давиду — благочестием и победой, Соломону — знанием и проповедью, Петру — верой, Иоанну — любовью, Иакову — преданностью, Фоме — рассудительностью, Магдалине — созерцанием, Марфе — служением. Поэтому заботься о восхождении к вершине той добродетели, в которой чувствуешь, что легче преуспеваешь: если не можешь превзойти во всём, превзойди в одном. Однако не пренебрегай и продвижением в остальных по мере сил. Если хранители природы и занятия будут у тебя согласны, ты почувствуешь двойное преуспеяние и возрастание — природы и занятия; если же они различны, следуй лучшему: ведь иногда от превосходного занятия ты получишь лучшую поддержку, чем от рождения.

Глава XXIII. О языке ангелов и об их беседах между собой и с нами

Мы могли бы сомневаться, пользуются ли ангелы или демоны, будучи чистыми духами, какой-либо звучащей речью или языком между собой и с нами, если бы Павел в одном месте не сказал: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими». Но какова эта их речь и какой язык — до сих пор для многих остаётся сомнительным. Большинство полагает, что если они пользуются каким-либо наречием, то это еврейское: оно было первым из всех, произошло с неба и существовало до вавилонского смешения языков; на нём Бог Отец дал Закон, Христос Сын проповедовал Евангелие, а Святой Дух изрёк через пророков столько прорицаний. И хотя все языки претерпели и непрестанно претерпевают различные изменения и искажения, один этот всегда сохраняется неповреждённым. Кроме того, очевидным знаком в пользу этого мнения служит то, что, хотя отдельные демоны и интеллигенции пользуются речью народов, среди которых обитают, с людьми, знающими еврейскую речь, они никогда не говорят на другом наречии, а лишь на этом.

Но каким образом ангелы говорят, скрыто от нас, как и они сами. Нам же для речи необходим язык с прочими орудиями: зевом, нёбом, губами, зубами, горлом, лёгкими, дыхательным горлом и грудными мышцами, получающими от души начало его движения. Если кто-нибудь говорит другому издалека, ему нужен более громкий крик; вблизи он шепчет слушающему на ухо. А если бы он мог соединиться со слушающим более тесной связью духа, его речь вовсе не нуждалась бы в звуке: она без шума входила бы в слушающего, словно образ — в глаз или зеркало.

Так говорят души, вышедшие из тела; так говорят ангелы и демоны. То, что человек делает слышимым голосом, они совершают, запечатлевая смысл речи в тех, с кем говорят, способом более совершенным, чем выражение посредством слышимого голоса. Поэтому платоники говорят, что Сократ воспринимал своего демона чувством, но не чувством этого тела, а чувством эфирного тела, скрывающегося внутри него. Таким же образом, по мнению Авиценны, пророки обычно видели и слышали ангелов. То орудие, какова бы ни была эта сила, посредством которого дух сообщает другому духу или человеку то, что возникает в уме, апостол Павел называет ангельским языком. Однако весьма часто они издают и слышимый голос, как при Вознесении Господа, восклицая: «Мужи Галилейские, что вы стоите и смотрите на небо?» И при Ветхом Законе они говорили со многими отцами слышимым голосом, но лишь в принятых ими телах.

Какими же чувствами сами духи и демоны слышат наши призывания и молитвы и видят наши обряды, мы совершенно не знаем. Ведь духовное тело демонов по природе в значительной мере чувствительно повсюду и со всех сторон, так что без посредства осязает, видит и слышит, и ничто не может им препятствовать. Однако они воспринимают не так, как мы, отдельными органами; быть может, подобно губкам, впитывающим воду, они всем телом вбирают всё чувственно воспринимаемое или делают это иным, неизвестным нам способом. Ведь и не все животные, которых мы видим, наделены одинаковыми органами чувств: мы знаем многих лишённых ушей, но знаем и то, что они воспринимают звук, хотя каким образом — не ведаем.

Глава XXIV. Об именах духов, о различных способах их наречения и о духах, управляющих звёздами, знаками, углами неба и стихиями

Названия как добрых, так и злых духов многочисленны и разнообразны. Собственные же и истинные их имена, как и имена звёзд, известны одному Богу, который один исчисляет множество звёзд и все их называет по именам. Ни одно из этих имён не может быть познано нами иначе как через божественное откровение, и лишь немногие выражены для нас в Священном Писании. Однако еврейские учителя полагают, что сами духи получили имена от Адама, согласно написанному: «Бог привёл к Адаму всё, что сотворил, чтобы тот дал им имена; и как он назвал каждую вещь, таково и имя её».

Поэтому еврейские мекуббалы вместе с магами полагают, что во власти человека давать имена и духам, но лишь того человека, который уже удостоен и возвышен до этой силы каким-либо божественным даром или священной властью. Поскольку никаким человеческим словом невозможно составить имя, способное выразить природу божества и всю полноту силы ангельской сущности, духам большей частью дают имена по их действиям, обозначающие определённую обязанность или действие, которого желают от хора духов. Тогда эти имена, подобно приношениям и жертвам, посвящённым богам, обретают действенность и силу для вызова из высших и низших областей какой-либо духовной сущности, производящей желаемое действие.

Я сам видел и знал человека, который в час Луны написал на девственном пергаменте имя и печать некоего духа. Затем он дал это проглотить речной лягушке, пробормотал некое заклинание и отпустил лягушку в воду; тотчас пошли дожди и ливни. Я видел, как тот же человек написал имя другого духа вместе с его печатью в час Марса; это было дано ворону, которого после произнесения заклинания отпустили, и тотчас с той стороны неба, куда он полетел, поднялись облака, последовали молнии, сотрясения и ужасные громы. Однако имена этих духов не принадлежали неизвестному языку, но лишь обозначали их обязанности. Таковы имена ангелов Разиэль, Габриэль, Михаэль, Рафаэль, Ханиэль, означающие: видение Бога, сила Бога, крепость Бога, врачевание Бога, слава Бога. Подобным образом по занятиям злых демонов читаются их имена: насмешник, обманщик, сновидец, блудник и многие подобные.

Ангелы, предстоящие планетам. Так от древних отцов евреев мы приняли имена ангелов, предстоящих планетам и знакам: Сатурну — Запкиэль; Юпитеру — Задкиэль; Марсу — Камаэль; Солнцу — Рафаэль; Венере — Ханиэль; Меркурию — Михаэль; Луне — Габриэль. Это те семь духов, которые всегда стоят перед лицом Бога и которым поручено устроение всего царства небесного и земного, находящегося под лунной сферой. Как говорят богословы сокровенного учения, они правят всем в определённом чередовании часов, дней и лет, подобно тому, что астрологи передают о планетах, которым они предстоят. Поэтому Меркурий Трисмегист называет их семью правителями мира: посредством небес, словно орудий, они собирают влияния всех звёзд и знаков и распределяют их среди нижних вещей.

Некоторые, однако, приписывают светилам несколько иные их имена, говоря, что Сатурну предстоит интеллигенция по имени Орифиэль; Юпитеру — Захариэль; Марсу — Замаэль; Солнцу — Михаэль; Венере — Анаэль; Меркурию — Рафаэль; Луне — Габриэль. Каждый из них правит миром триста пятьдесят четыре года и четыре месяца. Правление начинается с интеллигенции Сатурна; после неё по порядку царствуют интеллигенции Венеры, Юпитера, Меркурия, Марса, Луны, Солнца; затем правление возвращается к духу Сатурна. *Трактат аббата Тритемия.* Об этом аббат Тритемий написал духовный трактат императору Максимилиану; кто исследует его до самой сути, сможет извлечь из него великое знание будущих времён.

Ангелы, предстоящие двенадцати знакам. Из двенадцати знаков Овну предстоит Малхидаэль; Тельцу — Асмодель; Близнецам — Амбриэль; Раку — Муриэль; Льву — Верхиэль; Деве — Хамалиэль; Весам — Зуриэль; Скорпиону — Бархиэль; Стрельцу — Адвахиэль; Козерогу — Ханаэль; Водолею — Гамбиэль; Рыбам — Бархиэль. Об этих духах, предстоящих планетам и знакам, упоминает также Иоанн в Апокалипсисе: о первых в начале он говорит (Откр. 1): «И от семи духов, которые перед престолом Божиим»; я нашёл, что они предстоят также планетам. В конце же книги (Откр. 21), описывая устройство вышнего града, он свидетельствует, что на двенадцати вратах его находились двенадцать ангелов.

Ангелы стоянок Луны. Есть также двадцать восемь ангелов, властвующих над двадцатью восемью стоянками Луны; их имена по порядку: Гениэль, Энедиэль, Амиксиэль, Азариэль, Габиэль, Дирахиэль, Сехелиэль, Анинэдиэль, Барбиэль, Ардефиэль, Нециэль, Абдизуэль, Иазериэль, Эргедиэль, Аталиэль, Азеруэль,

Адриэль, Эгибиэль, Амутиэль, Кириэль, Бетнаэль, Ге- лиэль, Рекиэль, Абринаэль, Азиэль, Тагриэль, Альхениэль, Амниксиэль. *Четыре ангела четырёх ветров.* Есть также четыре князя ангелов, поставленные над четырьмя ветрами и четырьмя частями мира: Михаэль поставлен над восточным ветром; Рафаэль — над западным; Габриэль — над северным; Нориэль, которого другие называют Уриэлем, — над южным.

Ангелы стихий. Стихиям также назначены ангелы: воздуху — Херуб; воде — Тарсис; земле — Ариэль; огню — Серуф, или, по Филону, Натаниэль. Каждый из этих духов — великий князь, обладающий весьма свободной властью в пределах своих планет и знаков, в их временах, годах, месяцах, днях и часах, в своих стихиях, частях мира и ветрах; каждый властвует над многими легионами. Подобным образом среди злых духов над остальными стоят четыре могущественнейших царя соответственно четырём частям мира: Урией, царь востока; Амаймон, царь юга; Паймон, царь запада; Эгин, царь севера. Еврейские учители, быть может правильнее, называют их Самаэль, Азазель, Азаэль, Махазаэль. Под ними властвуют многие другие князья и начальники легионов, а также бесчисленные демоны отдельных занятий.

Тельхины. Кроме того, древние богословы греков насчитывают шесть демонов, называемых тельхинами, а другими — аласторами: враждебные людям, они черпают руками воду Стикса и разливают её по земле, отчего следуют бедствия, мор и голод. Как передают, это Актей, Мегалесий, Ормен, Лик, Никон, Мимон. Кто же желает точно знать отдельные имена, обязанности, места и времена ангелов, а также злых демонов, пусть ищет их в книге «Храмов» рабби Симона, в его же книге «Светочей», в трактате «О величине роста», в трактате «Храмов»

рабби Исмаэля и почти во всех толкованиях на книгу «Формирования», где найдёт об этом пространные писания.

Каким образом еврейские каббалисты извлекают священные имена ангелов из Священного Писания; о семидесяти двух ангелах, несущих имя Бога, с таблицами цируфа и перестановок букв и чисел

Глава XXV

Общее правило. Есть и другие священные имена добрых и злых духов, назначенных для отдельных служений, гораздо более сильные, чем вышеназванные. Они извлекаются из Священного Писания согласно искусству, которое передают об этом еврейские каббалисты, подобно тому как и некоторые имена Бога извлекаются из определённых мест. Их общее правило таково: всюду, где в Священном Писании что-либо выражается о божественной сущности, из того места можно надлежащим образом собрать божественное имя; а где в Священном Писании находится выраженное божественное имя, там рассмотри служение, подчинённое этому имени.

Итак, где Писание говорит о служении или действии какого-либо доброго или злого духа, из того места можно извлечь имя того же доброго или злого духа, соблюдая незыблемое правило: из доброго брать имена добрых, из злого — злых духов; не смешивать белого с чёрным, дня с ночью, света с тьмою. Это проясняется на примере следующих стихов:

> *Да будут они как прах перед лицом ветра, и ангел Господень да гонит их.*
> *Да будут пути их тьмою и скользким местом, и ангел Господень да преследует их.*
> *יהיו כמוץ לפני רוח ומלאך יהוה דחה*
> *יהי דרכם חשך וחלקלקות ומלאך יהוה רדפם*

В псалме тридцать пятом у евреев, у нас же тридцать четвёртом, из этих стихов извлекаются имена ангелов מידאל Мидаэль и מיראל Мираэль из чина Воинствующих. Так из стиха «Поставь над ним нечестивого, и сатана да станет по правую руку

его» — в псалме сто девятом у евреев, у латинян же сто восьмом:

הפקד עליו רשע ושטן יעמד על ימינו

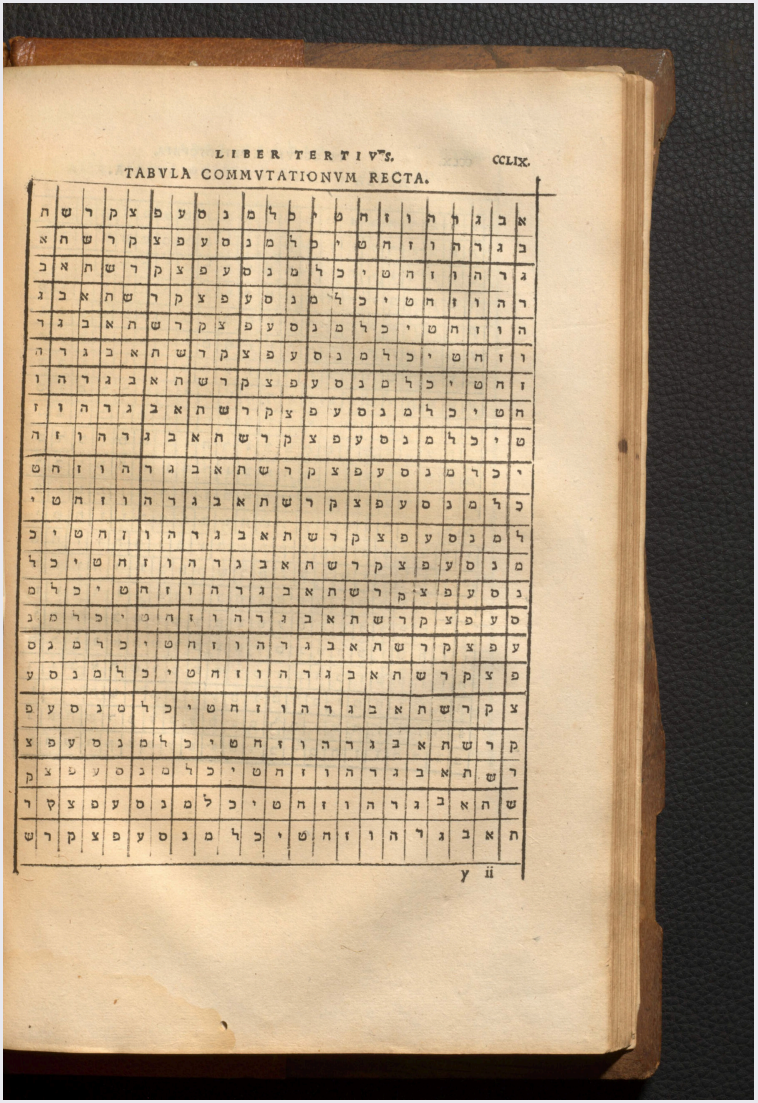
извлекается имя злого демона Шихи, שיהי, обозначающее демона, строящего козни.

В Исходе есть определённый текст из трёх стихов, каждый из которых пишется семьюдесятью двумя буквами; первый начинается «Вайиса», ויסע; второй — «Вайво», ויבא; третий — «Вайот», ויט. Их следует вытянуть каждый в одну строку: первый и третий — слева направо, средний же в обратном порядке, начиная справа и заканчивая слева. Тогда каждые три буквы, находящиеся одна под другой, составляют одно имя; это и есть семьдесят два имени, которые евреи называют Шемхамфорас. Если в конце к ним прибавить божественное имя Эль, אל, или Иах, יה, они образуют семьдесят два трёхсложных имени ангелов, каждый из которых несёт великое имя Бога, как написано: «Ангел Мой пойдёт перед тобою; внимай ему, ибо имя Моё в нём». Они предстоят семидесяти двум небесным пятиградусным делениям, стольким же народам и языкам и членам человеческого тела и содействуют семидесяти двум старейшинам синагоги и стольким же ученикам Христа. Их имена, извлечённые каббалистами одним из названных способов, представлены в следующей таблице. Есть и многие другие способы составления Шемхамфораса из тех же стихов, например когда все три пишутся один под другим в прямом порядке справа налево, помимо способов извлечения посредством таблиц цируфа и таблиц перестановок, о которых мы упоминали выше. Поскольку эти таблицы служат для всех имён, как божественных, так и ангельских, мы также присоединим их к этой главе.

Вот семьдесят два ангела, несущие имя Бога Шемхамфорас.

כ	ל	ח	ה	מ	י	ה	ל	א	ה	כ	א	ל	מ	ע	ס	י	ו
ל	א	ק	ר	ב	ז	ה	ו	ל	ז	ה	א	ל	ה	ל	י	ל	ה
ל	מ	מ	י	ל	ל	ו	ר	י	ל	ת	א	ה	ש	מ	ט	י	ו
אל	יה	יה	אל	אל	אל	יה	יה	יה	אל	אל	אל	יה	יה	יה	אל	אל	יה
Caliel	Leuiah	Hakamiah	Hariel	Mebahel	Iezalel	Hahaiah	Lauiah	Aladiah	Haziel	Cahethel	Achaiah	Lelahel	Mahasiah	Elemiah	Sitael	Ieliel	Vehuiiah
מ	ה	ל	י	ו	ל	ע	ר	ש	י	ה	נ	ח	מ	י	נ	פ	ל
נ	ו	ה	ה	ש	כ	מ	י	א	ר	א	י	ה	ל	י	ל	ה	ו
ד	ק	ה	ו	י	ל	א	י	י	ת	ה	ה	ו	ל	י	כ	ל	ו
אל	יה	יה	יה	יה	אל	אל	אל	יה	אל	אל	יה	יה	אל	אל	אל	יה	יה
Manadel	Chaukiah	Lehahiah	Iehuiah	Vasariah	Lecabel	Omael	Reiiel	Seeiah	Ierathel	Haaiah	Nithhaiah	Hahuiah	Melahel	Ieiaiel	Nelchael	Pahaliah	Leuiah
נ	נ	ע	ח	ד	ו	מ	ע	ע	ס	י	ו	מ	ה	י	ר	ח	א
י	נ	מ	ה	נ	ה	י	צ	ר	א	ל	ו	י	ח	י	ה	ע	נ
ת	א	מ	ש	ו	י	ל	ל	י	ל	ה	ל	כ	ה	ז	ל	מ	י
אל	אל	יה	יה	אל	אל	אל	יה	אל	יה	יה	יה	אל	אל	אל	אל	יה	אל
Nithael	Nanael	Imamiah	Hahasiah	Daniel	Vehuiel	Mihael	Asaliah	Ariel	Sealiah	Ielahiah	Veuuliah	Michael	Hahabel	Ieiazel	Rehael	Haamiah	Aniel
מ	ה	י	ר	ח	א	מ	ד	מ	ע	י	ו	מ	ה	י	נ	פ	מ
ו	י	ב	ו	ב	י	נ	מ	ה	נ	ה	ו	צ	ר	א	מ	ו	ב
מ	י	מ	ל	ו	א	ק	ב	י	ו	ל	מ	ר	ה	ל	מ	י	ה
יה	אל	יה	יה	יה	אל	אל	יה	אל	אל	יה	אל	אל	אל	אל	אל	יה	יה
Mumiah	Haiaiel	Iabamiah	Rochel	Habuiah	Eiael	Menakel	Damabiah	Mehiel	Anauel	Iahhel	Umabel	Mizrael	Harahel	Ieialel	Nemamiah	Poiel	Mebahiah

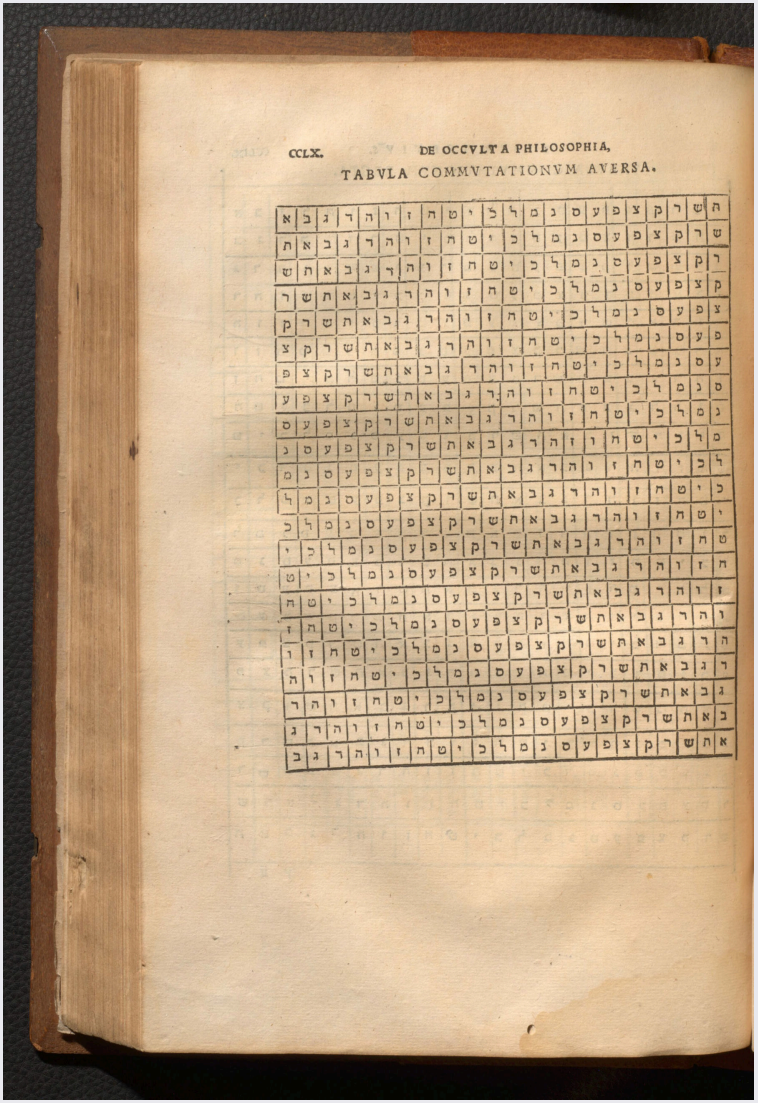
Прямая таблица замен.

LIBER TERTIVS. CCLIX.

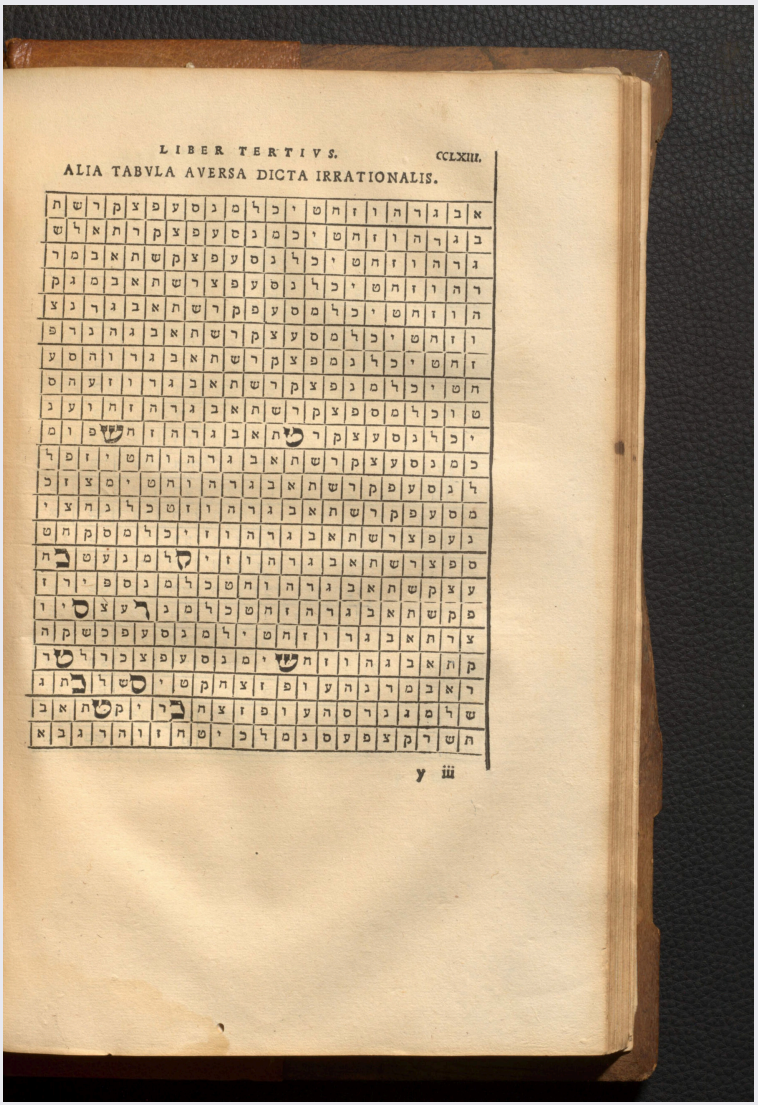
TABVLA COMMVTATIONVM RECTA.

y ii

Обратная таблица замен.

Другая обратная таблица, называемая иррациональной.

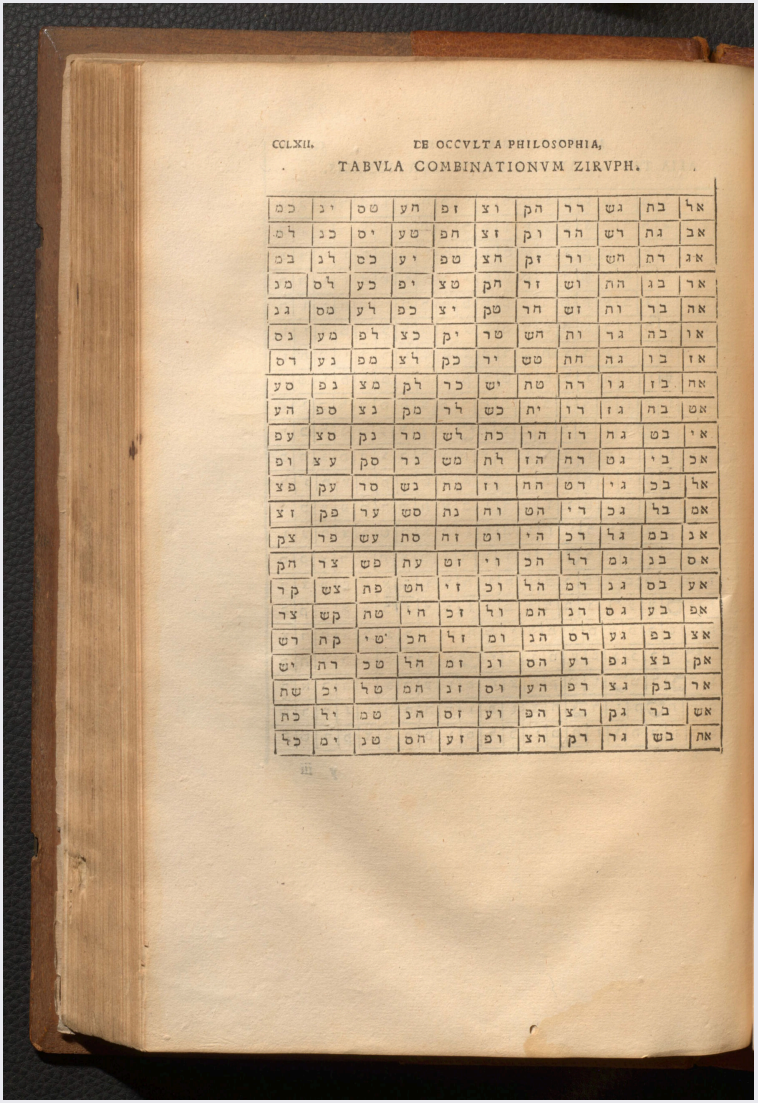

LIBER TERTIVS. CCLXIII.

ALIA TABVLA AVERSA DICTA IRRATIONALIS.

y iii

Таблица сочетаний «Цируф».

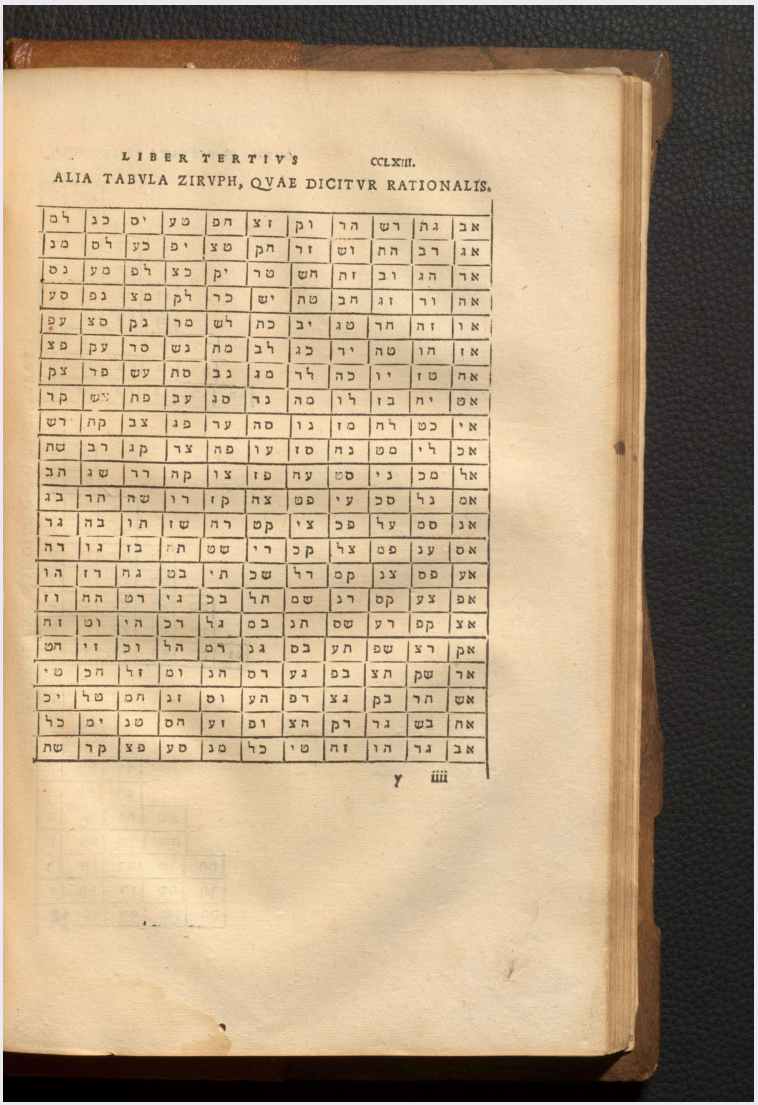

CCLXII. DE OCCVLTA PHILOSOPHIA,

TABVLA COMBINATIONVM ZIRVPH.

כמ	יג	שס	תע	זפ	וצ	הק	רר	גש	בת	אל
לפ	כנ	יס	טע	חפ	זצ	ור	הר	רש	גת	אב
במ	לנ	כס	יע	טפ	חצ	זק	ור	חש	דת	אג
מנ	לס	כע	יפ	טצ	חק	זר	וש	הת	בג	אר
גנ	מס	לע	כפ	יצ	טק	חר	זש	ות	בר	אה
נס	מע	לפ	כצ	יק	טר	חש	וה	גר	בה	או
רס	נע	מפ	לצ	כק	יר	טש	חת	גה	בו	אז
סע	נפ	מצ	לק	כר	יש	טת	רה	גו	בז	אח
הע	ספ	נצ	מק	לר	כש	ית	רו	גז	בח	אש
עפ	סצ	נק	מר	לש	כת	הו	רז	גח	בט	אי
ופ	עצ	סק	נר	מש	לת	הז	רח	גט	בי	אכ
פצ	עק	סר	נש	מת	וז	חח	רט	גי	בכ	אל
זצ	פק	ער	סש	נת	וח	חט	רי	גכ	בל	אמ
צק	פר	עש	סת	זח	וט	חי	רכ	גל	במ	אנ
חק	צר	פש	עת	זט	וי	הכ	רל	גמ	בנ	אס
קר	צש	פת	חס	זי	וכ	הל	רמ	גנ	בס	אע
צר	קש	טת	חי	זכ	ול	המ	רנ	גס	בע	אפ
רש	קת	יש	חכ	זל	ום	הנ	רס	גע	בפ	אצ
יש	רת	טכ	הל	זם	ון	הס	רע	גפ	בצ	אק
שת	יכ	טל	המ	זן	וס	הע	רפ	גצ	בק	אר
כת	יל	טם	הן	זס	וע	הפ	רצ	גק	בר	אש
כל	ים	טן	הס	זע	ופ	הצ	רק	גר	בש	את

Другая таблица «Цируф», называемая рациональной.

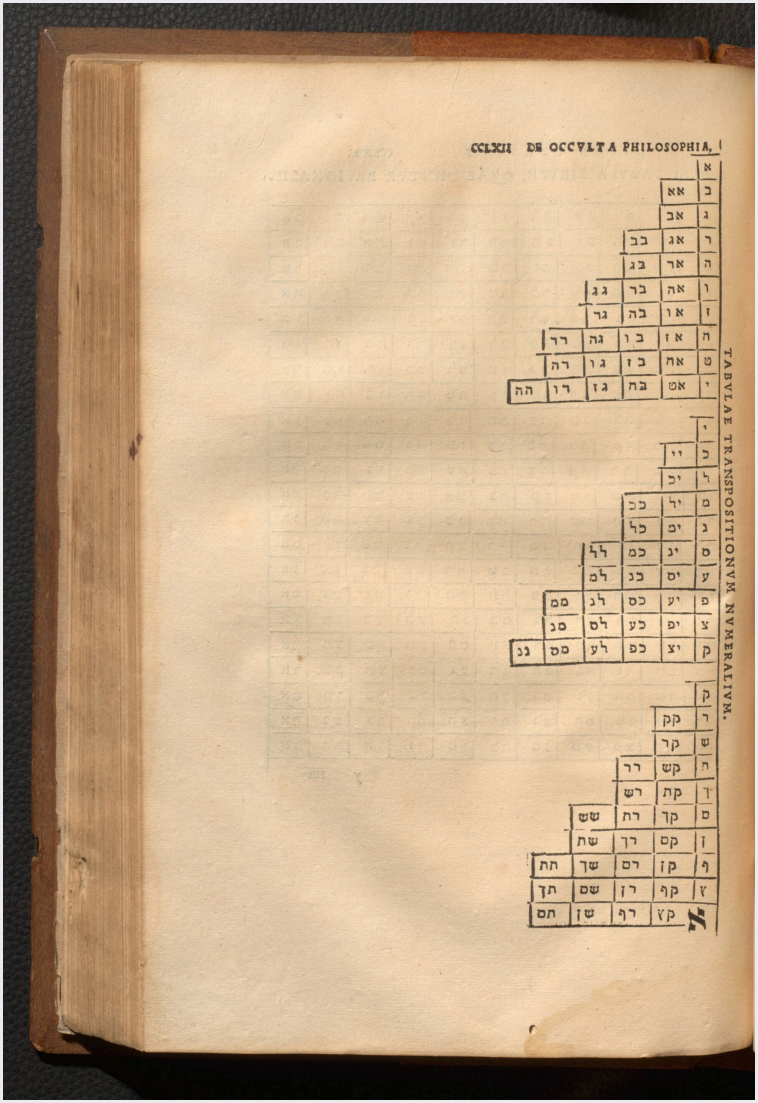

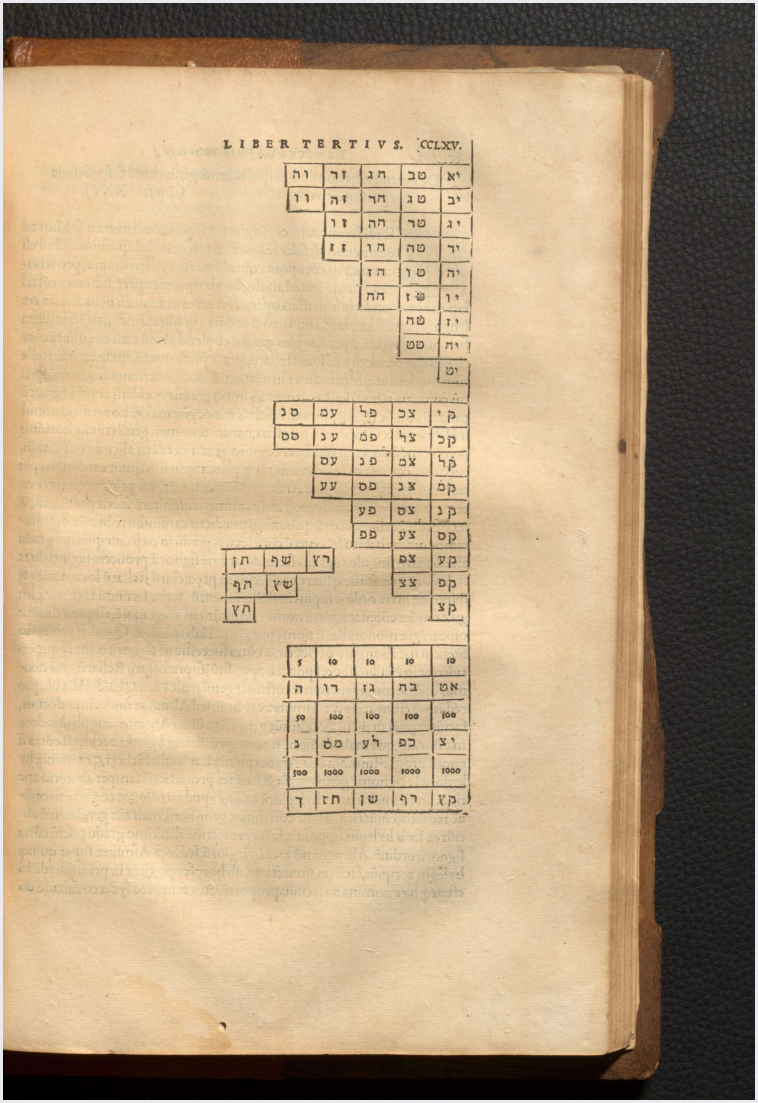
LIBER TERTIVS CCLXIII.

ALIA TABVLA ZIRVPH, QVAE DICITVR RATIONALIS.

אב	גת	רש	הר	וק	זצ	חפ	טע	יס	כנ	לם
אג	רב	תת	וש	זר	חק	טצ	יפ	כע	לס	מנ
אד	הג	וב	זת	חש	טר	יק	כצ	לפ	מע	נס
אה	וד	זג	חב	טת	יש	כר	לק	מצ	נפ	סע
או	זה	תר	טג	יב	כת	לש	מר	נק	סצ	עפ
אז	תו	טה	יד	כג	לב	מת	נש	סר	עק	פצ
את	טז	יו	כה	לד	מג	נב	סת	עש	פר	צק
אט	יח	בז	לו	מה	נד	סג	עב	פת	צש	קר
אי	כט	לח	מז	נו	סה	ער	פג	צב	קת	רש
אך	לי	מט	נח	סז	עו	פה	צר	קג	רב	שת
אל	מך	ני	סט	עת	פז	צו	קת	רר	שג	תב
אם	נל	סך	עי	פט	צת	קז	רו	שה	תד	בג
אן	סם	על	פך	צי	קט	רה	שז	תו	בה	גד
אס	ען	פם	צל	קך	רי	שט	תח	בז	גו	דה
אע	פס	צן	קם	רל	שך	תי	בט	גת	דז	הו
אפ	צע	קס	רן	שם	תל	בך	גי	דט	הת	וז
אצ	קפ	רע	שס	תן	בם	גל	דך	הי	וט	זת
אק	רצ	שפ	תע	בס	גן	דם	הל	וך	זי	חט
אר	שק	תצ	בפ	גע	דס	הן	ום	זל	חך	טי
אש	תר	בק	גצ	דפ	הע	וס	זן	חם	טל	יכ
את	בש	גר	דק	הצ	וף	זע	חס	טן	ים	כל
אב	גר	הו	זת	טי	כל	מן	סע	פצ	קר	שת

Таблицы числовых перестановок.

LIBER TERTIVS. CCLXV.

יא	טב	חג	זר	וה
יב	טג	חד	זה	וו
יג	טד	חה	זו	
יד	טה	חו	זז	
יה	טו	חז		
יו	ט ז	חח		
יז	טח			
יח	טט			
יט				

ק י	צכ	פל	עמ	סנ
קכ	צל	פמ	ענ	סס
קל	צמ	פנ	עס	
קמ	צנ	פס	עע	
קנ	צס	פע		
קס	צע	פפ		
קע	צפ	צצ		
קפ	שץ	תף		
קצ	רץ	שף	תן	
תץ				

ס	ס	ס	ס	ס
אש	בת	גז	רו	ה
ס	ס	ס	ס	ס
י צ	כפ	לע	מש	נ
ס	ס	ס	ס	ס
קץ	רף	שן	תז	ך

Глава XXVI. О нахождении имён духов и гениев по расположению небесных тел

Древние маги передали искусство находить имя духа для любого желаемого действия, выводя его из расположения неба. Допустим, тебе задано некоторое небесное созвучие для изготовления изображения или кольца либо для иного дела, которое надлежит совершить при определённом сочетании звёзд, и ты хочешь найти духа, управляющего этим делом. Построив небесную фигуру, распределяй буквы согласно их числу и порядку, начиная с градуса восходящей точки, по отдельным градусам в последовательности знаков, пока не заполнишь весь небесный круг. Затем отдельно выпиши буквы, пришедшиеся на места звёзд, чьим покровительством ты пользуешься, определяя их число и порядок по числу и силам этих звёзд: они составят имя духа, а именно доброго. Если же ты проделаешь это от начала градуса заходящей точки против последовательности знаков, получившийся дух будет из рода злых.

Посредством этого искусства некоторые еврейские и халдейские учителя наставляют исследовать природу и имя гения каждого человека. Когда известен градус восходящей точки некоторого рождения и вычислены прочие углы неба, прежде остальных следует отметить ту планету, которая обладает наибольшим числом достоинств в этих четырёх углах и которую арабы называют Альмутез. За ней на втором месте — ту, которая ближе всего к ней по числу достоинств; затем по порядку остальные планеты, обладающие каким-либо достоинством в упомянутых углах. Установив этот порядок, узнай их истинное место и градус на небе и, начиная с градуса восходящей точки,

распределяй двадцать две еврейские буквы по отдельным градусам в порядке знаков. Тогда буквы, пришедшиеся на места названных звёзд, выписанные и расположенные в найденном выше порядке звёзд и надлежащим образом соединённые по правилам еврейского языка, составят имя гения. К нему по обычаю присоединяют какое-нибудь односложное имя божественного всемогущества, например Эль или Иах. Если же распределение букв производится от западного угла и против последовательности знаков, а буквы, пришедшиеся на надир, то есть на противоположную точку, упомянутых звёзд, соединяются в указанном нами порядке, то они составят имя злого гения.

Халдеи, однако, идут иным путём: они берут не Альмутез углов, а Альмутез одиннадцатого дома, во всём остальном поступая, как сказано. Злого же гения они отыскивают по Альмутезу угла двенадцатого дома, который называют злым демоном, распределяя буквы от градуса заходящей точки против хода знаков.

Есть также многие арабы и некоторые евреи, которые отыскивают имя гения по местам пяти хилегов. Распределение они всегда начинают с начала Овна, а найденные буквы располагают согласно известному астрологам порядку хилегов и, соединив их, составляют имя доброго гения. Имя же злого гения они выводят из мест, противоположных хилегам, производя распределение от последнего градуса Рыб против порядка знаков. Другие берут не места хилегов, а места Альмутезов над пятью хилегами, производя распределение от гороскопа, как было сказано прежде. Итак, эти имена, распределённые таким образом согласно соразмерным числам по звёздному расчёту, составленные из соединённых и чередующихся букв, хотя и

неизвестные по звучанию и значению, по сокровенным началам философии необходимо признать более действенными в магическом делании, чем имена, имеющие значение: ведь дух, поражённый их загадочностью и устремлённый на них всем остриём ума, твёрдо веря, что в них таится нечто божественное, благоговейно произносит эти слова и имена, хотя и не понимает их, во славу божества, с духовным чувством благочестия, предавая себя ему в послушание.

О вычислительном искусстве таких имён по преданию каббалистов

Глава XXVII

Есть ещё иной способ составления таких имён, называемый вычислительным. Он осуществляется посредством следующих таблиц: входя с каким-либо священным именем, божественным или ангельским, в нисходящий буквенный столбец, берут те буквы, которые встретятся на общих пересечениях под соответствующими звёздами и знаками. Когда их расположат по порядку, получается имя доброго духа, принадлежащего природе той звезды или знака, под которыми совершён вход. Если же входить в восходящий столбец, беря общие пересечения над звёздами и знаками, отмеченными в нижней строке, получается имя злого духа. Это имена добрых и злых духов, служащих из любого чина или неба; этим способом их можно умножить до девяти имён стольких же чинов: входя с одним именем, из него можно извлечь другое имя духа высшего чина, как доброго, так и злого.

Однако начало этого вычисления зависит от имён Бога: всякое слово обладает силой в магии постольку, поскольку зависит от слова Бога и образуется от него. Поэтому следует знать, что всякое ангельское имя должно исходить из какого-либо первичного имени Бога; потому и говорится, что ангелы несут имя Бога, согласно написанному: «Ибо имя Моё в нём». Чтобы отличать имена добрых ангелов от имён злых, к ним часто присоединяют какое-либо имя божественного всемогущества — Эль, Он, Иах или Иод — и произносят вместе с ним. Поскольку Иах есть имя благотворения, а Иод — имя божества, эти два имени прибавляются только к именам ангелов. Имя же Эль, выражающее мощь и силу, присоединяют не только к добрым, но иногда и к злым духам: ведь и злые духи без силы Бога не могут

ни существовать, ни что-либо делать.

Надобно также знать, что общие пересечения следует брать у одной и той же звезды и знака, если только вход не совершается со смешанным именем, каковы имена гениев и те, о которых говорилось в предыдущей главе: они составляются из небесных расположений согласно гармонии различных звёзд. Всякий раз, когда с ними входят в таблицу, общее пересечение следует брать под звездой или знаком входящей буквы. Кроме того, некоторые настолько расширяют применение этих таблиц, что полагают: даже если входить с именем звезды, занятия или какого-либо желаемого действия, можно извлечь доброго и злого демона, служащего этому занятию или действию. Подобным образом, входя с собственным именем какого-либо человека, они полагают, что могут извлечь имена гениев под той звездой, которая, как им кажется, предстоит этому человеку: по физиогномике, душевным страстям и склонностям, по занятию и судьбе они узнают, принадлежит ли он Марсу, Сатурну, Солнцу или природе другой звезды. И хотя такие первичные имена по своему значению не имеют никакой силы или имеют малую, извлечённые таким образом и производные от них имена обладают величайшей действенностью — подобно солнечным лучам, собранным в вогнутом зеркале: они весьма сильно жгут, хотя само солнце едва умеренно греет. Порядок букв в этих таблицах под звёздами и знаками почти такой же, как у астрологов порядок деканов, девятых и двенадцатых долей. Об этом вычислительном искусстве некогда написал Альфонс Кипрский, а ещё кто-то, не знаю кто, приспособил его и к латинским буквам. Но поскольку буквы всякого языка, как мы показали в первой книге, по своему числу, порядку и начертанию имеют небесное и божественное происхождение, я охотно допускаю, что это вычисление имён

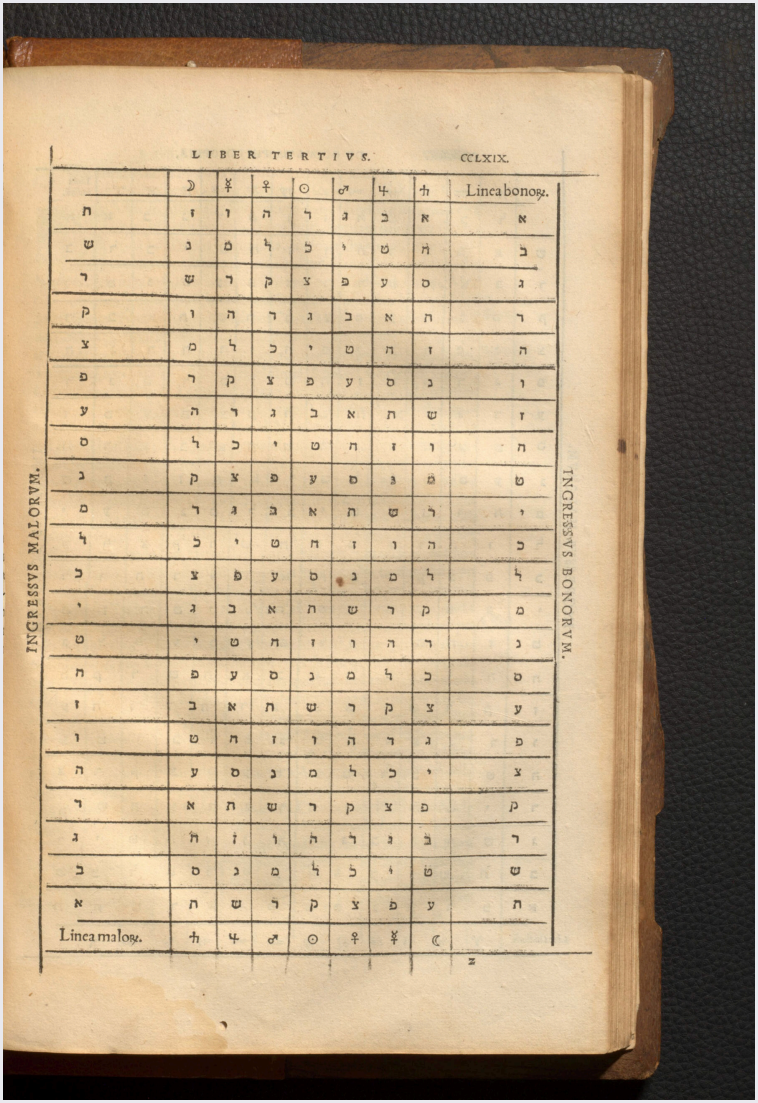
духов можно совершать не только еврейскими, но также халдейскими, арабскими, египетскими, греческими, латинскими и любыми другими буквами, надлежащим образом составляя из них таблицы по образцу предшествующих.

Однако многие возражают: в этих таблицах нередко выходит, что разные люди различной природы и судьбы из-за одинаковости имени получают одного и того же гения или гения одного и того же имени. Поэтому следует знать: не считается нелепым, что один и тот же демон может быть различён многими душами и что один и тот же может предстоять многим. Кроме того, как разные люди часто носят одно имя, так и духи разных занятий и природ могут обозначаться одним именем и одной и той же печатью или знаком, однако в различном отношении. Ведь как змей бывает образом то Христа, то дьявола, так одни и те же имена и печати соотносятся то с каким-либо злым демоном, то с каким-либо чином добрых ангелов. Наконец, само пламенное намерение призывающего, посредством которого наш ум соединяется с отделёнными интеллигенциями, делает послушным нам то одного, то другого духа, хотя они призываются под одним именем.

Далее следуют таблицы вычисления имён добрых и злых духов под управлением семи планет и в чине Воинствующих под двенадцатью знаками.

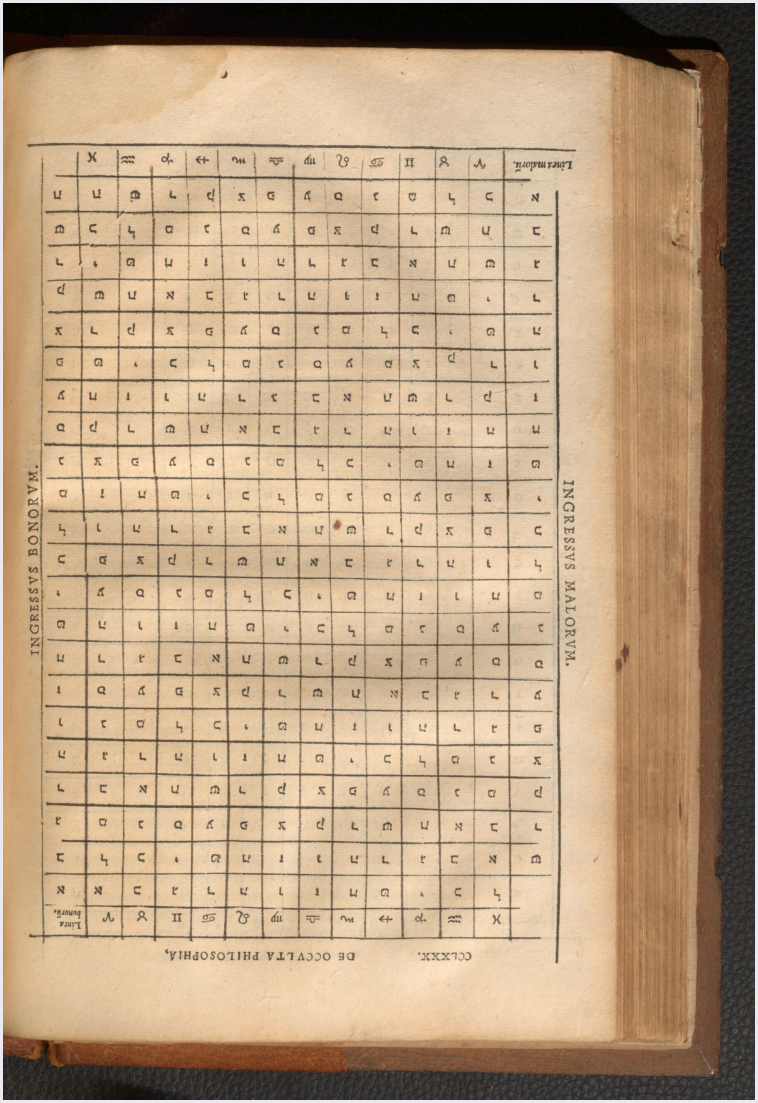
Вход для злых духов.

Вход для добрых духов.

Вход для злых духов.

Вход для добрых духов.

INGRESSVS BONORVM.
INGRESSVS MALORVM.
DE OCCVLTA PHILOSOPHIA,
CCLXXX.

Глава XXVIII. Каким образом имена духов иногда берутся от самих вещей, над которыми они поставлены

Я нахожу ещё один род имён, данных духам от самих вещей, над которыми они начальствуют: имя словно заимствуется для них у звёзд, людей, мест, времён или подобных вещей, а в конце добавляется божественное имя, следующим образом.

Духи планет. Дух Сатурна именуется Сабатиэль; дух Юпитера — Цедекиэль; дух Марса — Мадимиэль; дух Солнца — Семелиэль или Семесхиа; дух Венеры — Ногаэль; дух Меркурия — Кохабиа или Кохабиэль; дух Луны — Иареаэль или Леванаэль.

Духи знаков. Подобным образом называют и духов, управляющих знаками, то есть от самих названий знаков, по порядку начиная с Овна: Телетиэль, Суриэль, Томимиэль, Сартамиэль, Ариэль, Бетулиэль, Масниэль, Акрабиэль, Хесетиэль, Гедиэль, Делиэль, Дагимиэль. Это словно мы образовали бы от латинских слов имена Ариэль, Тауриэль, Гемениэль, Канкриэль, Леониэль, Виргиниэль, Либриэль, Скорпиэль, Сагиттариэль, Каприэль, Аквариэль, Писциэль; а от планет — Сатурниэль, Иовиэль, Мартиэль, Солиа, Венериэль, Меркуриэль, Лунаэль или Лунаиа.

Но поскольку, как мы сказали выше, все духи, как добрые, так и злые, ищут единения с человеком и нередко некоторым образом достигают его, отчего мы и читаем в Священном Писании, что некоторые люди названы богами, ангелами и дьяволами, то и имена тех, кто отошёл из этого мира, будучи наделён каким-либо исключительным превосходством

добродетели либо закоснев в упорной или неисцелимой злобе, заняли место среди имён добрых или злых демонов и причисляются к ним. При этом мы можем полагать, что обозначены либо души этих людей, либо их добрые или злые гении.

4 Езд. 4. Так, у Ездры мы читаем имя архангела Иеремиэль, происходящее от пророка Иеремии; так же Захариэль — от Захарии, а Уриэль — от пророка Урии, которого убил Иоаким. Подобным образом Самуэль, Иезекиэль и Даниэль — имена и пророков, и ангелов. Фаниэль — имя ангела и места, где Иаков боролся всю ночь. Ариэль — имя ангела, означающее как бы «лев Божий»; иногда это также имя злого демона и города, названного от него Ариополем, где почитался идол Ариэль.

Мы находим также в Священном Писании многие имена злых демонов, получившие начало от самых дурных людей или от мест их обитания. Таково имя Астарот, являющееся именем злого демона: некогда это было название города Ога, царя Васанского, в котором жили исполины. Подобным образом Астарот некогда был городом аморреев, Рафаим — долиной, а Иерамиэль — областью иноплеменников. Есть также имена идолов и злых демонов, например Ремма — изваяние дамасского идола; Хамос — идол Моава; Мелхим — идол аммонитян; Бел — идол вавилонян; Адрамелех — идол ассирийцев; Дагон — идол иноплеменников.

Филон рассказывает, что у аморреев было семь золотых изваяний, которые они называли святыми нимфами. Когда к ним взывали, они показывали аморреям их дела на каждый час. Их имена были именами женщин, жён семи грешных мужей, которые освятили эти изваяния после потопа, а именно:

Семь грешников. Ханаан, Фут, Селат, Немброт, Абирион, Элат, Десуат. На них были установлены резные и освящённые драгоценные камни, один из которых обладал силой возвращать зрение слепым. Огонь не мог сжечь эти камни; вместе с ними были освящённые книги, которые также нельзя было сжечь огнём, рассечь железом или уничтожить водой, пока ангел Господень не унёс их и не погреб в глубине моря.

Мы знаем также, что Нимброт, Ходорлаомор, Балах, Амелех — имена царей, включённые в сонм злых демонов. Подобным образом исполины вместе с демонами называются общим словом «Энаким» — ענקים, поскольку они не были причастны образу Божию, то есть не приняли сияния духовного разума, но их рассудок умножал злые виды обмана и грехов. Поэтому, как говорит рабби Моисей Египетский, их причисляют не к роду людей, а к роду зверей и демонов, хотя они имеют человеческий облик. Таковы, говорит он, были сыновья Адама после Авеля, предшествовавшие Сифу; о них еврейские мудрецы говорили, что Адам породил «Тохот» — תוכות, то есть дьяволов. Когда же он обрёл благодать в очах Господа, то породил Сифа по образу и подобию своему, то есть такого, который достиг человеческого совершенства по образу Божию. Кто этого совершенства не имеет, тот не причисляется к роду людей из-за пороков, являющихся причиной всякого зла и вреда.

Души становятся демонами. По свидетельству Порфирия, маги также придерживаются мнения, что порочные души переходят в природу демонов и становятся столь же пагубными, как они. Это подтверждает и слово Христа об Иуде Искариоте: «Не двенадцать ли вас избрал Я, и один из вас — дьявол?» Поэтому их называют пришлыми демонами, ибо они из человеческих душ зачислены в

ряды демонов. Оттого и имена самых дурных людей и демонов одинаковы: называем ли мы этими именами души таких людей или злых гениев, которые облеклись в имена дурных людей, словно в какие-то личины. Также Бегемот и Левиафан обозначают и зверей, и демонов. Итак, по этим примерам пытливый исследователь легко может находить и узнавать имена как добрых, так и злых демонов.

Глава XXIX. О знаках и печатях духов

Теперь нам следует сказать о знаках и печатях духов. Знаки суть не что иное, как некие неведомые буквы и письмена, оберегающие священные имена богов и духов от употребления и чтения непосвящёнными. Древние называли эти буквы иероглифическими, или священными, поскольку они предназначались исключительно для священнодействий богов. Ведь они считали нечестием вверять священные таинства богов тем знакам, которыми среди простого народа записывали всякое мирское и постыдное.

Поэтому Порфирий говорит, что древние, желая сокрыть Бога и божественные силы, передавали великие таинства словно священными письменами, обозначая невидимое посредством чувственно воспринимаемых фигур и видимых вещей, и изъясняли их некоторыми символическими изображениями. Так, шар и всё круглое они посвящали миру, Солнцу, Луне, Надежде и Фортуне; круг — небу; части круга — Луне; пирамиды и обелиски — огню и олимпийским богам; цилиндр — Солнцу и Земле; мужской член — рождению и Юноне, которой из-за её женского пола посвящали также треугольную фигуру. Поэтому этот род знаков иного основания не имеет, кроме решения и власти установившего их — того, говорю я, кто получил власть учреждать и освящать такого рода письмена. Среди разных народов и религиозных сообществ было много подобных предстоятелей священнодействий; их установления не дошли до нас, за исключением немногого, переданного авторами разрозненно или в отрывках. К этому роду знаков принадлежат те, которые Пётр Апонский приводит как переданные Гонорием

Фиванским; их начертания в соответствии с нашим алфавитом таковы:

A B C D E F G H I K L M
N O P Q R S T V X Y Z Ω

Другой способ образования знаков, переданный каббалистами

Глава XXX

У евреев я нахожу несколько способов образования знаков. Один из них — древнейший, а именно древнее письмо, которым пользовались Моисей и пророки; его вид не следует открывать кому попало, ибо употребляемые ими ныне буквы установлены Ездрой. Есть у них также письмо, называемое небесным, поскольку они показывают его расположенным и начертанным среди звёзд, подобно тому как другие астрологи выводят изображения знаков из очертаний звёзд. Есть также письмо, называемое Малахим или Мелахим, то есть ангельским или царским; и другое, которое называется «переход через реку». Знаки и начертания всех их таковы.

Небесное письмо

Тет. Хет. Заин. Вав. Хе. Далет. Гимел. Бет. Алеф.
Цаде. Пе. Аин. Самех. Нун. Мем. Ламед. Каф. Иод.
Тав. Шин. Реш. Куф.

Письмо Малахим Заин. Вав. Хе. Далет. Гимел. Бет. Алеф.
Нун. Мем. Ламед. Каф. Иод. Тет. Хет.
Реш. Куф. Цаде. Пе. Аин. Самех. Самех. Шин. Тав.

Письмо перехода через реку

Хет. Заин. Вав. Хе. Далет. Гимел. Бет. Алеф.
Самех. Нун. Мем. Ламед. Каф. Иод. Тет.
Тав. Шин. Реш. Куф. Цаде. Пе. Аин.

У каббалистов есть ещё другой способ, некогда пользовавшийся великим почитанием, но ныне ставший столь обыкновенным, что почти причисляется к мирским вещам. Он

таков: двадцать семь еврейских знаков делят на три разряда, каждый из которых содержит девять букв. Первый: א ב ג ד ה ו ז ח ט — знаки простых чисел и умопостигаемых вещей, распределённых по девяти ангельским чинам. Второй содержит י כ ל מ נ ס ע פ צ — знаки десятков и небесных вещей в девяти небесных сферах. Третий содержит четыре остальные буквы с пятью конечными по порядку, а именно ק ר ש ת ך ם ן ף ץ — знаки сотен и нижних вещей, то есть четырёх простых стихий и пяти родов совершенных составных вещей. Затем эти три разряда распределяют по девяти камерам. Первая состоит из трёх единиц — умопостигаемой, небесной и стихийной; вторая — из двоек; третья — из троек, и так далее. Эти камеры образуют пересечением четырёх параллельных линий, пересекающихся под прямыми углами, как показано на следующем рисунке:

Когда её разделяют на части, получаются девять отдельных фигур, а именно:

Это фигуры девяти камер, обозначающие свои буквы посредством надписанного нотарикона: если он состоит из одной точки, он указывает первую букву этой камеры; если из двух — вторую; если из трёх — третью. Так, если ты хочешь образовать знак Михаэля, מיכאל, он получится следующим, развёрнутым в пять фигур:

Затем они сокращаются до трёх фигур таким образом:

После этого они сокращаются до одной; точки нотарикона, однако, обычно опускают. Поэтому знак Михаэля получается таким.

Есть ещё другой способ образования знаков, общий почти для всех букв и языков и весьма лёгкий: он осуществляется

соединением букв. Например, если дано имя ангела Михаэля, его знаки будут образованы так:

По-еврейски. По-гречески. По-латыни.

Этот способ особенно принят у арабов; нет другого письма, которое соединялось бы столь легко и изящно, как арабское. Следует, однако, знать, что ангельские духи, будучи чистыми умами и совершенно бестелесными, не принуждаются ни печатями, ни знаками, ни начертываемыми фигурами, ни другими человеческими указаниями. Но мы, не зная их сущности и свойств, посвящаем и освящаем им знаки, фигуры и печати по их именам, действиям либо иным образом, согласно нашим чувствам, — не для того, чтобы посредством них как-либо принудить их прийти к нам, но чтобы самим вознестись к ним. Посредством таких непостижимых знаков и фигур мы сначала обращаем к ним свои внутренние и внешние чувства, затем некоторым изумлением нашего разума приводимся к благоговейному почитанию их и оттуда всем умом восхищаемся к экстатическому поклонению; тогда чудотворной верой, непогрешимой надеждой и животворящей любовью призывая их в духе и истине истинными именами и знаками, получаем от них испрашиваемую силу.

Ещё один способ образования знаков; о печатях духов, полученных только через откровение

Глава XXXI

Есть другой род знаков, получаемый только через откровение и недоступный никакому иному исследованию. Сила этих знаков происходит от самого открывающего их божества: они суть некоторые его сокровенные печати, дышащие гармонией некой божественности, или словно договоры и соглашения союза, заключённого между нами и ими. К этому роду принадлежит знак, показанный Константину, который многие называли крестом, с надписью латинскими буквами: «СИМ ПОБЕЖДАЙ»; и другой, открытый Антиоху, прозванному Сотером, в виде пятиугольника, возвещающего здоровье, ибо, будучи разложен на буквы, он выражает слово ὑγίεια, то есть «ЗДОРОВЬЕ». Упованием на эти знаки и их силой оба царя одержали славную победу над врагами. Так Иуда, впоследствии по этой причине прозванный Маккавеем, собираясь с иудеями сражаться против Антиоха Евпатора, получил от ангела знаменитую печать מכבי, силой которой они сперва истребили четырнадцать тысяч врагов с огромным числом слонов, а затем ещё тридцать пять тысяч. Эта печать представляет четырёхбуквенное имя и является достопамятным символом имени из семидесяти двух букв благодаря равенству числа; её раскрытие: מי כמוך באלים יהוה, то есть «Кто подобен Тебе среди сильных, о Тетраграмматон?» Итак, начертания этих трёх упомянутых печатей следует образовать так.

Кроме того, об этих печатях и знаках Порфирий говорит в книге «Об ответах», утверждая, что сами боги указали, чему они радуются, чем их вызывать и что им следует приносить; показали также, какими должны быть сами формы их изваяний, равно как знаки и фигуры; это, по его словам, он узнал из оракула

Прозерпины. *Изваяние Гекаты и как совершать её священнодействия.* Далее он говорит, что Геката предписала, как следует изготовлять её изваяния: окружать их полынью, изображать домашних мышей, служащих для неё прекраснейшими украшениями и весьма приятных её духу, и брать столько мышей, сколько у неё обликов; затем следует сжигать кровь, мирру, стиракс и некоторые другие вещи. Если это исполнить, она явится во сне и ответит совершающему обряд. *Оракул Гекаты.* Приведём, однако, оракул самой Гекаты, ибо она говорит так:

Внимай: я научу, какое изваяние мне сделать.
Возьми выросшее в лесном месте и полынь
Вокруг положи; затем всё изваяй и изобрази мышей,
Которые обыкновенно живут в домах: пусть это будут
Прекраснейшие украшения, душе моей весьма угодные.
Затем мирру, ладан, стиракс и кровь
Самих мышей вместе разотри; над этим священные
Слова пропой; возьми и положи столько мышей,
Сколько видишь у меня обликов. Затем возьми лавр
И из его ствола устрой вместилище; благочестивые
Молитвы излей перед изваянием и исполни должные
Обеты: если это совершишь, во сне меня увидишь.

Таковы были некогда тайные мистерии языческих богов и демонов, посредством которых, как они внушали людям, их можно принуждать, удерживать и связывать. Поэтому Ямвлих и Порфирий учат, что призывающий священных демонов должен каждому воздавать подобающую ему честь и каждому уделять то, что ему соответствует: благодарения, приношения, дары, жертвы, слова и знаки, согласные с его состоянием и как можно более ему подобные. Иначе он никак не достигнет присутствия божеств или

демонов и желаемого действия; более того, призванные постараются причинить вред, особенно тем, кто отнёсся к этому делу небрежно.

Как мы привлекаем добрых демонов и как побеждаем злых демонов

Глава XXXII

Как следует заклинать демонов. Религия достигает действенного результата через присутствие демонов: никакое религиозное дело не может обладать чудесной действенностью, если при нём не присутствует какой-либо добрый демон как правитель и исполнитель дела. Хотя добрые демоны привлекаются нами различными способами, мы не можем или едва можем связать их какими-либо узами; можно лишь заклинать их некоторыми священными вещами, как читаем у Апулея: небесными звёздами, подземными божествами, природными стихиями, ночной тишиной, тайнами зачатия, разливами Нила, мемфисскими таинствами и фаросскими систрами. И в другом месте у Порфирия: «Ты, вышедший изо льна, восседающий в этом месте, плывущий на ладье, ежечасно меняющий облик и изменяющийся в каждом знаке зодиака». Посредством этих и подобных символических молитв и гимнов, поскольку они суть знаки божественных сил, демоны порой приспосабливались к человеческим нуждам; не по принуждению какой-либо необходимости, но добровольно, по некоторому обыкновению и побеждённые молитвами призывающих, они охотнее приходят. Потому у Порфирия в книге «Ответов» Геката говорит:

Умолённая твоими речами, я пришла сюда.

И в другом месте той же книги:

Побеждённые молитвами людей, небесные божества
Принуждены приходить на землю и открывать будущие события.

Причина содействия демонов. Также общение божества с человеческим умом делает так, что сами добрые духи охотно помогают нам и сообщают нам свою мощь и силу, ежедневно содействуя озарениями, вдохновениями, оракулами, пророчествами, снами, чудесами, знамениями, предсказаниями и предзнаменованиями. Они действуют на наши души, как на родственные им образы, формируют их своими влияниями и делают весьма подобными себе, так что наша душа часто совершает почти такие же чудеса, какие обычно совершают небесные демоны. Злых же демонов мы побеждаем с помощью добрых, особенно когда заклинающий силён святостью перед Богом и произносит священные слова и страшную речь, заклиная, например, божественной властью, почтенными именами и печатями сверхъестественных сил, чудесами, таинствами, священными мистериями и тому подобным. Этих заклинаний, или экзорцизмов, злые демоны боятся именно потому, что они совершаются именем религии и божественной силы. Поэтому даже мирские люди часто связывают или изгоняют злых демонов такими священными заклинаниями: те не могут их переносить.

Отсюда Киприан в книге «О том, что идолы не боги» говорит: «Демоны, заклятые истинным Богом, тотчас уступают нам и признаются, принуждаются выйти из одержимых тел и либо тотчас выскакивают, либо постепенно исчезают, смотря по тому, насколько содействует вера страждущего или благодать заклинающего». И Афанасий в книге «О различных вопросах» говорит, что нет слов более страшных и сильнее сокрушающих власть демонов, чем начало шестьдесят седьмого псалма: «Да восстанет Бог, и рассеются враги Его». Как только эти слова произнесены, дьявол тотчас с воем исчезает и пропадает. И

Ориген против Цельса говорит, что многократно наблюдали, как произнесение имени Иисуса изгоняло бесчисленных демонов из человеческих душ и тел и оказывало величайшее действие на тех, из кого демоны были изгнаны.

Часто также одними угрозами и бранью мы связываем или отгоняем злых демонов, особенно низших, каковы ламии, инкубы и подобные им; так у Лукана читаем о той колдунье, говорящей:

Сейчас я вызову вас истинным именем
И вас, стигийских псов, оставлю при свете вышнем;
По кострам и погребениям буду преследовать вас, сторожа,
Изгоню из могил, отгоню от всех урн;
И тебя, Геката, перед богами, к которым под иным лицом
Ты обычно приходишь притворяясь, в бледном истлевшем облике
Покажу и запрещу изменять лицо Эреба.

У Филострата читаем: когда Аполлоний и его спутники шли ночью при ярком лунном свете, им встретился призрак ламии, превращавшийся то в один, то в другой вид и порой внезапно исчезавший из глаз. Аполлоний, сразу распознав, что это такое, стал поносить его суровыми и бранными словами и призвал спутников поступать так же: он знал, что это лучшее средство против подобных нападений. Когда спутники последовали его словам, призрак с визгом быстро убежал, словно видение. Этот род демонов настолько боязлив, что даже от вымышленного устрашения и ложных, невозможных угроз они приходят в смятение, дрожат и подчиняются. Потому священный писец Херемон говорит, что именно этим демоны принуждаются сильнее всего.

Кроме того, как было сказано выше, есть род демонов не столь вредоносный и близкий людям настолько, что испытывает даже

человеческие страсти. Многие из них радуются общению с людьми и охотно живут с ними; одни страстно любят женщин, другие — мальчиков, иные радуются обществу разных домашних или диких животных. Одни населяют леса и рощи, другие живут возле источников и лугов. Так фавны и лемуры обитают на полях; наяды — у источников; потамиды — в реках; нимфы — в прудах и водах; ореады — в горах; гумеды — на лугах; дриады и гамадриады — в лесах, где живут также сатиры и сильваны. Они радуются деревьям и дёрну, как напты и агапты — цветам, додены — желудям, палеи и фенилии — пастбищам и сельским местам. Кто захочет их призвать, легко может это сделать там, где они пребывают, привлекая их благоуханными воскурениями, приятнейшими звуками струн и музыкальных инструментов, изготовленных из внутренностей определённых животных и подходящих пород дерева, применяя также соответствующие этому песни, стихи и заклинания. А самое важное здесь — простота ума, невинность души, твёрдая вера и постоянное молчание. Потому они большей частью являются детям, женщинам и безвестным людям из низшего простонародья; стойких же и смелых душ, чуждых страху, они избегают и трепещут перед ними. Добрых и чистых они не обижают, но злым и нечистым людям вредят. К этому роду принадлежат также лемуры, лары, ларвы и прочие тени умерших и страшилища. Поэтому Плотин говорит, что души людей иногда бывают демонами: из людей становятся лары, если они имели добрые заслуги; греки называют их эвдемонами, то есть блаженными демонами. Лемурами и ларвами становятся заслужившие зло: это вредоносные демоны, возникшие из людей, которых греки потому и называют какодемонами. Манами же их называют, когда неизвестно, добры ли были их заслуги или

дурны.

Есть много примеров таких явлений, как тот, о котором упоминает Плиний Младший, — дом философа Афинодора Тарсийского, где с назойливым шумом являлся призрак страшного старика. Подобное рассказывает Филострат о ламии философа Мениппа Ликийского, обратившейся в прекрасную женщину в Коринфе: Аполлоний Тианский распознал в ней лемура. Он же у эфесцев обнаружил подобного духа под видом нищего старика, служившего причиной мора. Когда по его приказанию того завалили камнями, он оказался собакой, похожей на молосского пса, и тотчас мор прекратился. Следует знать: кто действует над злыми демонами умопостигаемым образом, свяжет их властью добрых; кто же действует лишь мирским образом, навлечёт на себя осуждение в геенну.

Об узах духов, их заклинаниях и изгнаниях

Глава XXXIII

Узы, которыми духов связывают, заклинают или изгоняют, трояки. Одни берутся из стихийного мира: когда мы заклинаем какого-либо духа нижними природными вещами, родственными или враждебными ему, смотря по тому, хотим ли его призвать или изгнать, — цветами, травами, животными, снегами, льдами, преисподними, огнём и тому подобным. Эти вещи также часто включаются в божественные славословия, благословения и освящения, как видно в Песни трёх отроков, в псалме «Хвалите Господа с небес» и в освящении и благословении пасхальной свечи. Эти узы действуют на духов посредством воспринимающей способности по любви или ненависти, поскольку сами духи предстоят какой-либо природной или даже сверхприродной вещи, благоволят ей и ненавидят другую, подобно тому как такие вещи и между собой взаимно любят или ненавидят друг друга. Отсюда слова Прокла: «Как лев боится петуха, особенно белого, так дух, явившийся в образе льва, внезапно исчез, когда ему показали петуха».

Вторые узы берутся из небесного мира: когда мы заклинаем небом, звёздами, их движениями, лучами, светом, благоволением, сиянием, благородством, крепостью, влиянием, чудесами и тому подобным. Эти узы действуют на духов как своего рода напоминание и пример. В них есть также некоторая власть, особенно над служебными духами и теми, кто принадлежит низшим чинам. *Третьи.* Третьи узы происходят из умопостигаемого и божественного мира и осуществляются религией: например, когда мы заклинаем таинствами, чудесами, божественными именами, священными печатями и прочими религиозными мистериями. Поэтому эти узы — высшие и

сильнейшие из всех: они действуют на духов повелением и властью. *Порядок, который следует соблюдать в узах.* Следует соблюдать вот что: как за всеобщим провидением следует частное и за всеобщей душой — частные души, так сперва мы призываем высшими узами, именами и силами, управляющими вещами, затем — низшими и самими вещами.

Что связывается этими узами. Нужно также знать, что этими узами связываются не только духи, но и все творения: бури, пожары, наводнения, мор, болезни, сила оружия и любые животные. Эти узы применяют в виде заклинания, молитвы или благословения. Так, при заклинании змей, помимо природных и небесных вещей, из мистерий и религии упоминают проклятие змия в земном раю и воздвижение змия в пустыне, прибавляя также стих девяносто девятого псалма: «На аспида и василиска наступишь и попирать будешь льва и дракона». *Какую силу имеет суеверие.* Суеверие также имеет здесь немалую силу: какой-либо священный обряд переносят на то, что намерены связать или воспрепятствовать ему, например обряд отлучения, погребения или похорон, — ради изгнания болезней, змей, мышей или червей. Как читаем, это совершалось во многих местах и доныне остаётся в обычае.

О чине душ и героях

Глава XXXIV

После сонмов блаженных духов ближайшим является чин душ, который еврейские богословы называют иссим, то есть сильными и крепкими мужами; маги язычников называют их героями и полубогами, или богами-сермонами. Фульгенций, автор, достойный внимания, полагает, что они названы так либо потому, что по скудости заслуг не считаются достойными неба, однако и земными не почитаются благодаря уважению к их благодеяниям, — таковы были некогда Приап, Гиппо, Вертумн; либо потому, что, превосходя в этой жизни других божественными силами и благодеяниями человеческому роду, после совлечения смертного человека они были перенесены в сонмы блаженных богов и вечно заботятся о смертных теми же силами и благодеяниями, какими обладали прежде в этой жизни; либо потому, что они порождены сокровенным семенем вышних. Их считают рождёнными от смешения богов или демонов с людьми и потому получившими некую среднюю природу: они не ангелы и не люди. Этого мнения придерживается также Лактанций. И ныне ещё есть люди, имеющие общение и супружеское смешение с демонами; все уже признают, что британский прорицатель Мерлин был сыном демона и родился от девы. Также полагали, что Платон, князь мудрости, родился от девы, овладённой призраком Аполлона. Истории передают и то, что некоторые готские женщины, называемые альрунами, отличавшиеся красотой и умом, некогда покинули лагерь готского царя Филимира, или, как говорят другие, Иданфреса, переселились в пустыни азиатской Скифии за Меотийскими болотами и там, вступив в соединение с фавнами и сатирами, породили первых гуннов. Более того, по

свидетельству Пселла, демоны иногда испускают семя, от которого возникают некоторые мелкие животные. Итак, эти герои обладают не меньшей, чем боги и демоны, властью устроять и управлять нижними вещами; между ними распределены свои обязанности и области попечения. Поэтому им, как и самим богам, посвящали храмы, изваяния, алтари, жертвы, обеты и прочие религиозные мистерии; призываемые их имена обладают божественными и магическими силами для совершения некоторых чудес. Евсевий рассказывает, что многие испытали это, призывая имя Аполлония Тианского. Много подобного читаем у древних поэтов, историков и философов о Геркулесе, Атланте, Эскулапе и прочих героях язычников; но это языческие бредни.

О наших же святых героях мы веруем, что они обладают божественной властью. Над всеми ими, как свидетельствуют и еврейские богословы, властвует душа Мессии — самого Иисуса Христа. Через различных своих святых, словно приспособленные для того члены, Он осуществляет и распределяет в нижнем мире различные дары своей благодати, и каждый святой получает особое назначение для содействия. Поэтому, когда мы взываем к ним различными молитвами и призываниями, каждый согласно многообразному распределению благодати охотно сообщает нам свои дары, благодеяния и милости — гораздо охотнее и обильнее, чем ангельские власти, поскольку сами они ближе к нам и родственнее нашей природе: ведь некогда и они были людьми, переносили человеческие страсти и немощи; их имена, степени и обязанности нам более известны.

Из этого почти бесконечного множества есть двенадцать князей — сами двенадцать апостолов Христа, которые, как

говорит евангельская истина, сидят на двенадцати престолах и судят двенадцать колен Израилевых. В Апокалипсисе они распределены по двенадцати основаниям при двенадцати вратах небесного града; они предстоят двенадцати знакам, обозначены двенадцатью драгоценными камнями, и между ними разделён земной круг. *Истинные имена апостолов.* Истинные их имена таковы: первый — שמעון הכפי, Симеон Хакефи, это Пётр; второй — אלעזי, Алеузи, которого мы называем Андреем; третий — יעקבה, Иахакоба, это Иаков Старший; четвёртый — פוליפוש, Полипос, которого мы называем Филиппом; пятый — ברכיה, Барахия, это Варфоломей; шестой — יוחנה, Иохана, которого мы именуем Иоанном; седьмой — תמני, Тамни, которого мы именуем Фомой; восьмой зовётся מרון, Медон, вместо чего мы говорим Матфей; девятый — יעקב, Иахакоб, это Иаков Младший; десятый — חטיפא, Хатефа, это Фаддей; одиннадцатый — שמאם, Самам, это Симон Кананит; двенадцатый — מתתיה, Ма- таттия, которого называют Матфием. После них — семьдесят два ученика Христа; они также предстоят стольким же небесным пятиградусным делениям, племенам, народам, народностям и языкам. После них — бесчисленное множество святых, которые также приняли под своё покровительство и охрану различные занятия, места, народности и народы; мы явно видим и признаём их совершенно очевидные чудеса, совершаемые по верным молитвам призывающих.

О богах смертных и земных

Глава XXXV

После них ближайшие — смертные боги, которых мы также называем героями и земными богами, или соучастниками вышних богов: цари, князья и первосвященники, которыми управляется этот мир и чьими законами он устрояется. Потому мы взираем на них как на богов, чтим и почитаем их, что сам Бог позволил сообщить им своё имя и подтвердил это собственным наименованием, называя их богами. Так Он сказал Моисею: «Я поставил тебя богом фараону». И в другом месте заповедал о них: «Богов не злословь». И ещё: «Если воровство останется скрытым, хозяин дома будет приведён к богам». Псалмопевец говорит: «Князья народов собрались с Богом Авраамовым, ибо сильные боги земли весьма возвысились». И в другом месте: «Бог стал в собрании богов и посреди богов творит суд». И немного далее: «Я сказал: вы боги и все вы сыны Всевышнего». Он также заповедал чтить и почитать их, назначив им десятины и начатки, дав право меча, запретив злословить их и повелев повиноваться им, даже если они строптивы.

Поэтому вся древность называла своих государей богами и почитала как божества, как свидетельствует Янус у Овидия в первой книге «Фастов»:

Тогда я царствовал, когда земля была сильна богами
И божества пребывали среди человеческих жилищ.

И божественный Платон в третьей книге «Государства» установил, что правителей, как живых, так и умерших, следует прославлять божественными почестями. Это установление всегда было принято у всех народов с первых времён: обожествлять правителей божественными почестями и освящать вечной

памятью. Потому городам, провинциям, горам, рекам, водным просторам, островам и морю давали их никогда не исчезающие имена; затем с великой пышностью посвящали им пирамиды, колоссы, триумфальные арки, трофеи, статуи, святилища, игры и праздники. Их именами называли также небеса, звёзды, дни и месяцы. Так январь назван от Януса, июль — от Юлия, август — от Августа; день Меркурия — от Меркурия Трисмегиста, день Юпитера — от Юпитера. Как читаем, этот обычай соблюдали не только египтяне, греки и римляне, но и крайние варвары — готы, даны и тевтоны. По свидетельству Саксона Грамматика, день, который первые зовут днём Меркурия, последние именуют днём Одина, а день Юпитера — днём Тора, от Одина и Тора, некогда царей готов и данов. И готы названы так не по иной причине, как потому, что верховного бога на своём языке они именуют Готтом. Отсюда и тевтоны получили имя, ибо бога Марса, которого почитали, называли Тевтаном; этим именем галлы называли также Меркурия. Итак, цари и первосвященники, если только они праведны, — соучастники богов и обладают подобной властью. Поэтому одним прикосновением или словом они исцеляют болезни, а иногда повелевают временами и небесами, как Вергилий воспел об Августе:

Всю ночь идёт дождь, утром зрелища возвращаются:
Цезарь разделяет власть с Юпитером.

Писание свидетельствует об Иисусе Навине: сражаясь в Гаваоне, он повелел Солнцу и Луне: «Солнце, не двигайся против Гаваона, и Луна — против долины Аиалон». По его повелению Солнце и Луна остановились, и Солнце не заходило целый день, пока он не отомстил своим врагам; и Господь послушался голоса человека. Также Моисей разделил Красное море, а Иисус Навин

— Иордан, и они перевели народ посуху. Подобное сделал Александр Македонский, переводя войско. Иногда они обладают и пророческим духом: так в Священном Писании читаем о Каиафе, что он пророчествовал, поскольку был первосвященником того года. Итак, раз Господь пожелал, чтобы цари и первосвященники земли именовались богами через сообщение им имени и власти, то и нам надлежит заслуживать их благоволение, предпочитать их суждения своим, вполне повиноваться им, обращаться с мольбами и поклоняться, чтить всяким видом почитания и в них благоговеть перед самим верховным Богом.

О человеке: как он создан по образу Бога

Глава XXXVI

Меркурий Трисмегист. Превосходнейший Бог, как говорит Трисмегист, создал два подобных себе образа — мир и человека, чтобы в одном играть некими чудесными действиями, а в другом наслаждаться отрадой. Будучи единым, Он создал мир единым; будучи бесконечным, создал мир круглым; будучи вечным, создал мир нетленным и непреходящим; будучи неизмеримым, создал мир величайшим из всего; будучи высшей жизнью, украсил мир жизненными семенами, так что он всё рождает из себя. Будучи всемогущим, Он одной своей волей, без какой-либо природной необходимости создал мир не из предсуществующей материи, а из ничего; будучи высшим благом, Он своей всеблагой волей и сущностной любовью объял своё Слово, которое есть первая идея всех вещей, и устроил этот внешний мир по образцу внутреннего, то есть идеального мира, ничего, однако, не выделяя вовне из сущности идеи, но из ничего создав то, что от вечности имел в идее.

Мир — образ Бога, человек — образ мира. Бог создал также человека по своему образу: как мир есть образ Бога, так человек есть образ мира. Поэтому некоторые полагают, что сказано: человек создан не просто образом Бога, но по образу, словно образ образа; потому он и назван микрокосмом, то есть малым миром. Мир есть живое существо разумное и бессмертное; человек также есть разумное живое существо, но смертное, то есть подлежащее разложению. Ибо, как говорит Гермес, поскольку сам мир бессмертен, невозможно, чтобы какая-либо его часть погибла: следовательно, имя смерти пусто. И как нигде нет пустоты, так нигде нет умирания. Поэтому мы говорим, что человек умирает, когда душа и тело разделяются, а не потому, что

что-либо из них погибает или обращается в ничто. Но истинный образ Бога — Его Слово, мудрость, жизнь, свет и истина, существующее само по себе; образ этого образа есть человеческий ум. Благодаря ему говорится, что мы созданы по образу Бога, а не по образу мира или творений. Ибо как Бога нельзя коснуться, воспринять ушами или увидеть глазами, так и человеческий ум нельзя ни видеть, ни слышать, ни осязать; как сам Бог бесконечен и никем не может быть принуждён, так и человеческий ум свободен и не может быть ни принуждён, ни измерен. Как Бог управляет всем этим миром и всем, что в нём, одним умом, так и человеческий ум обнимает его мыслью; и, что свойственно лишь ему вместе с Богом, как Бог одним мановением движет и управляет всем миром, так человеческий ум одним мановением движет своим телом и управляет им.

Поэтому человеческий ум, так запечатлённый Словом Бога, должен был облечься и в телесного человека по совершеннейшему образцу мира. Итак, человек назван другим миром и другим образом Бога, поскольку имеет в себе всё, что содержится в большом мире, так что не остаётся ничего, чего нельзя было бы истинно и действительно найти также в самом человеке. Всё это исполняет в нём те же обязанности, что и в большом мире. В нём есть стихии со своими подлиннейшими природными свойствами. В нём есть эфирное тельце, носитель души, по соразмерности соответствующее небу. В нём есть растительная жизнь растений, чувство животных, небесный дух, ангельский разум и божественный ум; и всех их, сходящихся воедино, истинное соединение и божественное обладание. Поэтому в Священном Писании человек называется всякой тварью. И человек, став другим миром, не только обнимает в себе все его части, но также воспринимает и содержит самого Бога.

Человек — храм Бога. Отсюда пифагореец Ксист говорит, что ум человека есть храм Бога; гораздо яснее это выразил Павел: «Вы — храм Божий». Об этом же Священное Писание свидетельствует во многих местах.

Итак, человек — наиболее явственное изображение Бога, поскольку содержит в себе всё, что есть в Боге. Однако Бог по некоторому превосходству содержит всё своей силой и в простоте, как причина и начало всего; человеку же Он дал силу подобным образом содержать всё, но в действительности и некотором сложении, словно связь, узы и узел всего. Один человек пользуется этой честью: иметь соответствие со всем, действовать со всем и общаться со всем. Он соответствует материи в собственном субстрате; стихиям — в четверичном теле; растениям — в растительной силе; животным — в чувствующей; небесам — в эфирном духе и во влиянии высших частей на низшие; ангелам — в уме и мудрости; Богу — во вмещении всего. Он общается с Богом и интеллигенциями через веру и мудрость; с небесами и небесным — через разум и рассуждение; со всем низшим — через чувство и господство.

Он действует со всем и обладает властью над всем, даже над самим Богом, постигая и любя Его. Как Бог знает всё, так и человек может познать всё познаваемое, поскольку соразмерным предметом его познания является сущее вообще, или, как говорят другие, сама истина. В человеке не находится ничего, ни единого расположения, в котором не сияло бы нечто божественное; и нет ничего в Боге, что не было бы представлено также в человеке. Поэтому кто познает самого себя, тот в самом себе познает всё: прежде всего Бога, по образу которого он создан; мир, подобие которого носит; все творения, с которыми имеет соответствие;

какую поддержку может получить и испросить от камней, растений, животных, стихий, небес, демонов, ангелов и каждой вещи; и как он может приспособлять одно к другому в надлежащем месте, времени, порядке, мере, пропорции и гармонии, привлекать и приводить к себе, подобно тому как магнит — железо.

Гебер в «Сумме алхимии» учит, что никто не может достичь совершенства этого искусства, если не познал его начал в самом себе. *Совершенство и достоинство человека.* Чем больше человек познаёт себя, тем большую силу привлечения приобретает, тем более великие и чудесные дела совершает и восходит до такого совершенства, что становится сыном Бога, преображается в тот же образ, который есть Бог, и соединяется с Ним. Это — возможность стать сыном Бога и соединиться с Богом — не дано ни ангелам, ни миру, ни какому-либо творению, кроме одного человека. Когда человек соединён с Богом, соединяется всё, что в нём: прежде всего ум, затем дух и животные силы, растительная сила и стихии вплоть до материи; он увлекает с собой и тело, формой которого был, возводя его к лучшей участи и небесной природе, пока оно не будет прославлено в бессмертии. Сказанное есть особый дар человека: благодаря ему достоинство божественного образа принадлежит ему одному и не разделяется ни с каким другим творением.

Другие богословы усматривают образ божественной Троицы в трёх способностях человека: памяти, уме и воле. Некоторые идут дальше и помещают этот образ не только в этих трёх способностях, называемых первыми актами, но и во вторых актах. Как память представляет Отца, ум — Сына, воля — Святого Духа, так и слово, произведённое нашим умом, любовь, истекающая из

воли, и сам ум, имеющий предмет перед собой и производящий, обозначают соответственно того же Сына, Духа и Отца. Богословы сокровенного учения наставляют далее, что каждый из наших членов представляет нечто в Боге, образ чего он носит, и что даже в наших страстях мы представляем Бога, но по некоторому подобию. Ведь в Священном Писании мы читаем о Божием гневе, ярости, раскаянии, благоволении, любви, ненависти, игре, удовольствии, отраде, негодовании и подобном. Выше мы также говорили кое-что о божественных членах, что может относиться сюда.

Меркурий Трисмегист познал тайну Троицы. Меркурий Трисмегист также исповедал божественную Троицу, описывая её как ум, жизнь и сияние, которые в другом месте называет словом, умом и духом; и он говорит, что человек, созданный по образу Бога, представляет ту же Троицу. Ведь в нём есть постигающий ум, животворящее слово и дух, словно божественное сияние, всюду разливающееся, всё наполняющее, движущее и связывающее. Однако это следует понимать не о природном духе, служащем посредником, через который душа соединяется с плотью и телом, через который тело живёт и действует и один член действует на другой, — о таком духе мы говорили в первой книге. Здесь речь идёт о разумном духе, который, однако, также некоторым образом телесен: он имеет не грубое, осязаемое и видимое тело, но тончайшее, легко соединяющееся с умом, то есть с тем высшим и божественным, что находится в нас. Пусть никто не удивляется, если мы называем разумную душу этим духом и чем-то телесным или имеющим и обнаруживающим нечто от телесности, пока она пребывает в теле и пользуется им как орудием: нужно лишь понять, что у платоников означает то эфирное тельце души, которое служит её носителем.

Платоники полагают в человеке три начала. Итак, Плотин и все платоники вслед за Трисмегистом также полагают в человеке три начала, называемые высшим, низшим и средним. Высшее есть то божественное, что они называют умом, высшей частью или озарённым интеллектом. Моисей в Бытии называет его дыханием жизней, вдунутым в нас Богом или Его духом. Низшее есть чувствующая душа, которую называют также образом; апостол Павел именует её душевным человеком. Среднее — разумный дух, соединяющий и связывающий обе крайности, то есть животную душу с умом, и причастный природе обеих крайностей. Однако он отличается от того высшего, что называется озарённым интеллектом, умом, светом и высшей частью; отличается также от животной души, от которой, как учит апостол, мы должны отделять его силой слова Божия:

> *Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого обоюдоострого меча, проникает до разделения души и духа.*

Как высшая часть никогда не грешит, никогда не соглашается со злом, всегда сопротивляется заблуждению и побуждает к наилучшему, так низшая часть, животная душа, всегда погружена во зло, грех и вожделение и влечёт к наихудшему; о ней Павел говорит:

> *Вижу иной закон в членах моих, пленяющий меня законом греха.*

Ум. Итак, ум, высшая часть, никогда не осуждается, но, оставив спутников наказанию, невредимым отходит к своему истоку. Дух же, который Плотин называет разумной душой, по своей природе свободен и может по желанию прилепляться к любой из двух сторон. Если он постоянно прилепляется к высшей части, то в конце концов соединяется с ней и обретает блаженство, пока

не будет принят в Бога; если прилепляется к низшей душе, развращается и навлекает на себя вину, пока не становится злым демоном. Но об уме и духе пока довольно; рассмотрим теперь речь, или слово. Меркурий полагает, что оно имеет такую же ценность для бессмертия.

Речь, или слово. Ибо речь, или слово, — то, без чего ничто не было сделано и не может быть сделано. Оно есть выражение выражающего и выраженного: речь говорящего и то, что он говорит, есть речь и слово; замысел мыслящего и то, что он мыслит, есть слово; письмо пишущего и то, что он пишет, есть слово; формирование образующего и то, что он образует, есть слово; творение творящего и то, что он творит, есть слово; делание делающего и сделанное есть слово; знание знающего и познанное есть слово; и всё, что может быть высказано, не есть ничто иное, как слово, и называется равенством: ведь оно одинаково относится ко всему, не будучи одним больше, чем другим, равно даруя всему быть тем, что оно есть, ни больше ни меньше. Оно делает воспринимаемым и себя, и всё воспринимаемое, как свет делает видимым себя и всё видимое. Поэтому Меркурий называет слово сияющим сыном ума. Понятие же, которым ум постигает себя самого, есть внутреннее слово, рождённое умом, то есть познание самого себя. Внешнее, произносимое слово есть порождение и явление того слова и дух, выходящий из уст со звуком и голосом, что-либо означающим. Но всякий наш голос, слово и речь, если не образованы голосом Бога, смешиваются с воздухом и исчезают; дух же и слово Бога пребывают в сопровождении чувства и жизни.

Поэтому вся наша речь, все слова, весь наш дух и голос не имеют никакой силы в магии, кроме той, какую получают,

будучи образованы божественным голосом. Сам Аристотель в «Метеорологии» и в конце «Этики» признаёт, что никакой силы, ни природной, ни нравственной, нет иначе как через Бога. В сокровенных учениях он утверждает, что наш добрый и здравый ум может весьма многое в тайнах природы, если присутствует влияние божественной силы, иначе же — ничего. Так и наши слова могут производить многие чудеса, если образованы словом Бога; в них совершается также наше однородное рождение, как говорит Исаия: «От лица Твоего, Господи, мы зачали, как женщины надлежащим образом зачинают от лица мужей, и родили дух». Сюда некоторым образом относится предание, передаваемое словно из рук в руки у индийских гимнософистов: Будда, основатель их учения, породил деву из своего бока. У магометан также существует твёрдое убеждение, что многие, называемые на их языке нефесогли, рождаются без плотского соития неким сокровенным способом божественного устроения; поэтому их жизнь чудесна и неподверженна страданию, словно ангельская и всецело сверхъестественная. Но оставим эти басни: один царь Мессия, Слово Отца, ставшее плотью, Иисус Христос, открыл эту тайну и в некоторой полноте времени явит её ещё яснее.

Поэтому ум, весьма подобный себе, как воспел Лаццарелли в «Кратере Гермеса»,

И слово уже дал Родитель человеку,
Чтобы тот рождал богов, подобных богам,
Чувством, вложенным свыше.
Весьма счастлив познавший
Дары своего жребия и охотно их исполнивший:
Ибо он должен быть сопричислен богам
И не ниже богов

вышних.
Они отвращают всякую опасность судьбы
И далеко отгоняют губительность болезней.
Они дарują вещие сны и помощь
В людских бедствиях, нечестивым же — зло.
Благочестивым дают славные награды: так они
Исполняют повеление Бога Отца.

Они — ученики, они — сыны Божии,

которые родились не от воли плоти, не от воли мужа и не от женщины в месячном очищении, но от Бога. Это однородное рождение, при котором сын во всех отношениях подобен отцу и рождённое по виду тождественно рождающему. Такова сила слова, образованного умом и надлежащим образом принятого в подготовленный субстрат, словно семя, соединившееся в матке для порождения и рождения. Я говорю «в подготовленный» и «надлежащим образом принятого», поскольку не всё одинаково становится причастным слову, но одно иначе, чем другое. Это принадлежит к самым сокровенным тайнам природы, о которых больше не следует рассуждать публично.

О человеческой душе и о том, какими посредниками она соединяется с телом

Глава XXXVII

Что такое человеческая душа. Человеческая душа есть некий божественный свет, созданный по образу Слова, причины причин, первого образца, и образованный сущностью и печатью Бога, знак которой — вечное Слово. Также человеческая душа есть некая божественная, неделимая субстанция, всецело присутствующая в каждой части тела, произведённая бестелесным Творцом так, что зависит только от силы действующего, а не от лона материи. Душа есть субстанциальное число, единообразное, обращающееся к себе самому и разумное, далеко превосходящее все тела и материальные вещи; его разделение происходит не по материи и не от низшего и грубого, но от действующей причины. Ведь оно не количественное число, а удалено от всех телесных законов; потому оно не делится и не умножается по частям. Итак, душа есть некая божественная субстанция, истекающая из божественных источников и несущая с собой число — не то божественное число, которым Творец устроил всё, но разумное число, благодаря которому, имея соразмерность со всем, она может всё постигать.

Такая человеческая душа, по мнению платоников, непосредственно исходящая от Бога, соединяется с этим грубым телом через подходящих посредников. Поэтому прежде всего при самом нисхождении она облекается небесным и воздушным тельцем, которое называют эфирным носителем души, а другие — колесницей души. Через него по повелению Бога, который есть центр мира, она сначала вливается в срединную точку сердца, являющуюся центром человеческого тела, и оттуда распространяется по всем частям и членам своего тела. Она соединяет свою колесницу с природным теплом, через тепло — с

духом, рождённым от сердца, через него погружается в соки, а через них прилепляется к членам; ко всему этому она становится одинаково близкой, хотя переливается из одного в другое, подобно тому как тепло огня непосредственно присуще воздуху и воде, хотя в воду переносится через воздух. Так ясно, каким образом бессмертная душа через бессмертное тельце, то есть эфирный носитель, заключена в грубом и смертном теле.

Когда же от болезни или повреждения эти посредники разлагаются или истощаются, сама душа собирается через каждого посредника и отливает к сердцу, которое было первым вместилищем души. Когда дух сердца иссякает и тепло угасает, она покидает его, человек умирает, и душа улетает с этим эфирным носителем; за вышедшей душой следуют гении-хранители и демоны и ведут её к судье, где по вынесении приговора добрые души Бог спокойно приводит к славе, а злые насильственный демон влечёт к наказанию.

Какие божественные дары человек получает свыше от каждого чина небес и интеллигенций

Глава XXXVIII

Что человек получает от планет. Через семь планет, словно через орудия, из высшего источника благ все силы изливаются в людей. Через Сатурн — возвышенное созерцание, глубокое понимание, весомость суждения, твёрдое умозрение, постоянство и непоколебимое намерение; через Юпитер — незыблемая рассудительность, умеренность, благость, благочестие, скромность, справедливость, верность, благодать, религия, правосудие, милосердие, царственность; через Марс — бесстрашная правдивость, постоянная крепость и мужество, пыл отваги, сила действия и практического осуществления, неуклонная стремительность духа; через Солнце — благородство души, ясность воображения, способность знания и мнения, зрелость, совет, рвение, свет справедливости, разум и суждение, отделяющее правое от неправого, освобождающее свет от тьмы невежества, слава найденной истины и любовь — царица всех добродетелей; через Венеру — пламенная любовь, сладчайшая надежда, движение желания, порядок, вожделение, красота, приятность, желание приращения и продолжение самого себя; через Меркурий — проницательная вера и доверие, ясное рассуждение, сила толкования и произнесения, весомость речи, острота ума, ход рассуждения и быстрая подвижность чувств; через Луну — мирное согласие, плодовитость, сила порождать и увеличивать, расти и убывать, сдержанная умеренность и вера, которая, обращаясь к явному и сокровенному, всему даёт руководство, а также устремление к земным вещам ради поддержания образа жизни и доставления приращения себе и другим.

Первоначально же эти влияния исходят от тех семи интеллигенций, которые стоят перед лицом Бога и располагают душу как вместилище названных сил. Планеты располагают только тело, делая его сложение податливым, соразмерным и согласованным со всяким благом; они словно орудия интеллигенций. Бог же как первичная причина вместе со всеми сообщает и влияние, и приращение. Поэтому исследовавшие силы душ и различные их расположения полагают, что они получают различные природы соответственно различию посредников, через которых переходят к нам, и соединяются с телами, соразмеренными с ними только посредством самих звёзд. Так в тело, устроенное по темпераменту Юпитера, по их мнению, вливается душа, согласованная с божеством и интеллигенцией Юпитера; и так о прочих. Если душа в этом теле действует хорошо согласно такому расположению, она, очищенная и искупленная, возвращается к божеству и обители, откуда низошла.

Что человек получает от ангельских чинов. Также ангельские чины укрепляют человека чудесными силами: Ангелы — чтобы он был вестником божественной воли и толкователем божественного ума; Архангелы — чтобы он властвовал над всем, над чем ему дано предстоять: зверями земными, рыбами морскими и птицами небесными; Начала — чтобы ему было подчинено всё, причём он сам обнимает силы всего и всё привлекает к себе некой сокровеннейшей и сверхнебесной силой. От Сил он принимает мощь, укрепляющую его в постоянной борьбе с врагами истины и награды, ради которой мы в этой жизни пробегаем поприще; от Властей — защиту против врагов этого человеческого жилища; от Господств — помощь, чтобы мы могли подчинить домашнего врага, которого всегда носим с

собой, и достигнуть должной цели; от Престолов — то, благодаря чему мы соединяемся воедино и, собравшись внутрь себя, утверждаем память на тех вечных зрелищах; от Херувимов — свет ума, силу мудрости, превознесённые образы и фигуры, посредством которых можем созерцать само божественное; от Серафимов — то, благодаря чему совершенным пламенем любви мы наконец прилепляемся к божественному.

Таковы ступени, таковы лестницы, по которым люди легко восходят ко всем родам сил через некоторую природную связь и последовательность, соответственно различному расположению тела и души, при благоволении звёзд, располагающих тело, и предстоящих им интеллигенций, природой которых душа облекается при нисхождении, как свет — цветом стекла, через которое проходит; также при содействии вышней силы Творца, от которого всякое благо и без которого нельзя достигнуть ничего доброго и совершенного. Поэтому напрасно трудятся все, кто полагает достигнуть божественного естественным путём, уповая только на силы и благоволение низших вещей, и кто, утвердив стопу в небесах, стремится получить от небесного благоволения то, что должно быть принято от одного Бога. Эти нижние вещи — животные, травы, камни, металлы — имеют свою силу, доставляемую небом; небо же — интеллигенциями, а они — Творцом, в котором всё предсуществует в величайшей силе. Так и в самом человеке, малом мире, нет члена, который не соответствовал бы какой-либо стихии, планете, интеллигенции и какой-либо мере и счислению в первообразе, как мы показали выше.

Как вышние влияния, будучи по природе добрыми, искажаются в нижних вещах и становятся причинами зла

Глава XXXIX

Поскольку всякая сила и власть происходят свыше — от Бога, интеллигенций и светил, которые не могут ни заблуждаться, ни творить зло, — необходимо, чтобы всякое зло и всё несогласное и нестройное, встречающееся в нижних вещах, происходило не от порочности влияния, но от дурного расположения принимающего, как справедливо воспел Хрисипп:

Как ложно обвиняют вышних и неразумно жалуются
Смертные! Ведь причина наших бед —
Мы сами, и каждому вредит его собственное безумие.

Поэтому Юпитер, вспоминая гибель Эгисфа, убитого Орестом, говорит у Гомера в собрании богов:

О злодеяние! Род смертных прежде всего нас, богов,
Обвиняет и считает причиной и источником бед,
Которые приходят; но они гибнут из-за собственных нечестивых дел,
Сверх судьбы добровольно навлекая на себя несчастья.

Итак, когда порочность воспринимающего извращает принимаемые влияния или его слабость не может вынести действенности высших сил, тогда из небесного влияния, принятого материей, полной разногласий, возникает нечто несогласное, безобразное и злое. Сами же небесные силы всегда остаются благими: существуя в себе и изливаясь от Подателя светов через святые интеллигенции и небеса, они вплоть до Луны сохраняют благое влияние, словно на первой ступени. Затем, принимаемое низшим предметом, оно и само становится низменным: вследствие различной природы принимающего

воспринимается различно; вследствие взаимного несогласия свойств в одном предмете изменяется и страдает вместе со страдающим предметом. Поэтому из всего, соединённого в предмете, в конце концов возникает нечто иное, чем то, что изливают высшие силы. Вредоносное свойство здешних низших вещей, таким образом, совершенно чуждо небесному влиянию. Поэтому, как страдания больных глаз нельзя вменять свету, пожар — огню, раны — железу, оковы и темницы — судье, но следует относить их к дурному состоянию и дурным поступкам, так и вину за зло нельзя возлагать на небесные влияния. Когда мы правильно устроены, все высшие влияния содействуют нашему благу; когда же устроены дурно и присущее нам божественное начало вследствие наших грехов отступило, всё обращается во зло. Причина всех наших бед — грех, то есть расстройство и нарушение меры нашей души. Когда она дурно управляет, повержена и отклоняется от того, чего требуют небесные влияния, всё восстаёт и приходит в расстройство нам на погибель. Тогда в человеческом теле, обычно столь соразмерном и составленном в самой согласной гармонии, возникает разлад стихий; поднимаются дурные соки, а также добрые, утратившие порядок и отделившиеся друг от друга, и попеременно мучают и терзают тело. Тогда ощущается величайшее несогласие — от избытка, недостатка, внутреннего повреждения либо излишней пищи, порождающей лишние соки; по той же причине возникают болезни, и животные духи, утратив узду, вступают в борьбу. Тогда небесные влияния, сами по себе благие, становятся вредными, как солнечный свет для больных глаз.

Что высшие силы изливают на злых. Тогда Сатурн внушает тревогу, скуку, меланхолию, бред, печаль, упрямство, суровость, богохульство, отчаяние, ложь, призраки лемуров, могильные

ужасы, страх перед гробницами и возбуждение демонов. Юпитер тогда внушает алчность, порочные способы обогащения и тиранию; Марс — необузданный гнев, нечестивую надменность, безрассудную отвагу и свирепое упорство; Солнце — властную гордость и ненасытное честолюбие; Венера — обманы вожделения, распутную любовь и постыдную похоть; Меркурий — мошенничество, коварство, ложь, злые замыслы и готовность грешить; Луна — непостоянство хода всех дел и всё противное человеческой природе. Так сам человек вследствие своего несходства с небесным получает вред оттуда, откуда должен был бы получать благодеяние. Из-за того же несогласия с небесным, как говорит Прокл, люди также подчиняются тогда злым демонам, которые, словно Божьи ликторы, приготовляются их мучить. Тогда через злых ангелов на них насылаются бедствия, пока они вновь не очистятся надлежащими очищениями и человек не возвратится к небесной природе. Поэтому превосходный маг может предотвратить многие бедствия, которым предстоит произойти от расположения звёзд: предчувствуя их природу, он предупреждает их, принимает меры предосторожности и заранее ограждает от них, чтобы они не наступили и дурно устроенный предмет, как мы сказали, не получил вреда оттуда, откуда должен был бы получить благодеяние.

Глава XL. О том, что в каждом человеке запечатлён божественный знак, силой которого он может достигнуть совершения чудес

Почему свирепые звери боятся слабого человека. Немалый опыт подтверждает, что от природы человеку присуща некоторая сила господствовать и связывать. По свидетельству Плиния, слон, встретив в пустынном месте заблудившегося человека, кротко и мирно показывает ему дорогу; заметив же человеческие следы прежде самого человека, он, как говорят, дрожит от страха перед засадой, останавливается, озирается и пугается. Так же тигр, свирепейший из всех зверей, увидев человека, тотчас переносит детёнышей. Много подобного мы читаем у различных авторов, написавших обширные книги о животных. Но откуда эти животные знают, что следует бояться человека, которого они никогда не видели? А если часто видели и узнали, отчего боятся, настолько превосходя его величиной, силой и быстротой? И что это за человеческая природа, внушающая зверям такой страх? Все писатели о животных исследуют это и указывают на это, но объяснение и доказательство оставляют другим. По этому поводу Аполлоний Тианский, как читаем у Филострата, увидев мальчика, ведущего громадного слона, ответил Дамиду на вопрос, откуда такое повиновение столь огромного животного ребёнку: причина — некая действенная сила внушать ужас, вложенная Творцом в человека. Чувствуя её, все низшие создания и животные боятся человека и почитают его. Она подобна устрашающему знаку и Божьей печати, запечатлённой в человеке, благодаря которой всё подчиняется ему и признаёт его высшим, будь то раб или

животное. Иначе мальчик не управлял бы стадами и слонами, царь не устрашал бы народ, а судья — обвиняемых. Этот знак запечатлён в людях божественной идеей, которую еврейские каббалисты называют Пахад, פחד, а также левой рукой и мечом Бога. Но человек имеет знак не только для того, чтобы его боялись, но и чтобы его любили; его идея в божественных числениях называется Хесед, חסד, что означает милость, а также правую руку и скипетр Бога. От этих божественных числений через интеллигенции и звёзды в нас запечатлеваются знаки и печати — в каждом сообразно его восприимчивости и чистоте. Первосозданный человек несомненно обладал ими во всей целости и полноте, когда все живые существа, привлечённые мирной кротостью и подчинённые страхом, пришли к нему, словно к господину, чтобы он дал им имена. Но после греха преступления он вместе со всеми своими потомками лишился этого достоинства; однако не вполне угас в нас этот знак: чем более человек обременён грехом, тем дальше он от этих божественных знаков и тем менее их принимает. И там, где должен был бы встречать благосклонность и почтение, сам впадает в рабство и страх перед другими — животными, людьми и демонами. Чувствуя это, Каин боялся и говорил Богу: «Всякий, кто найдёт меня, убьёт меня». Он боялся именно зверей и демонов, а не столько людей, которых было весьма мало. В древности многие люди, жившие в невинности и проводившие превосходную жизнь, ещё пользовались таким повиновением и властью: Самсон, Давид и Даниил — над львами, Елисей — над медведями, Павел — над змеёй. Многие отшельники жили в пустынях, пещерах и звериных логовах, не боясь и не терпя никакого вреда. Ибо, как грех затемняет божественный знак, так после очищения и искупления греха он вновь сияет всё ярче.

Глава XLI. Различные мнения о том, что бывает с человеком после смерти

Всем людям без исключения определено однажды умереть: смерть для всех неизбежна. Но одна смерть естественна, другая насильственна, иная принимается добровольно; иная назначается за проступок человеческими законами или посылается за преступление Богом, так что люди как бы не отдают долг природе, а несут наказание за проступки. По словам еврейских учителей, Бог никому его не прощает. Поэтому собрание Езекии передало, что после разрушения святилища, хотя уже не осталось порядка судебного исполнения, ни один повинный смерти не избегал воздаяния посредством четырёх родов казней, к которым прежде приговаривали. Заслуживший побиение камнями по Божьему устроению падал с крыши, бывал растоптан зверями или погребён под обвалом либо при падении. Заслуживший огонь погибал в пожаре, от ядовитого укуса, удара змеи или яда. Тот, кому следовало погибнуть от меча, бывал убит насилием власти, народным мятежом, междоусобицей или разбойничьей засадой. Подлежавший повешению задыхался в водовороте или погибал от иной удушающей болезни. Именно в согласии с этим учением великий Ориген считал нужным объяснять евангельское изречение Христа: «Кто поражает мечом, от меча погибает».

Адрастея. Языческие философы называют такой порядок воздаяния Адрастеей, то есть неизбежной властью божественных законов, по которой в будущих круговращениях каждому воздаётся сообразно образу и заслугам прежней жизни. Кто несправедливо господствовал в прежней жизни, в другой вновь впадает в рабское состояние; кто запятнал руки кровью,

принуждён понести равное возмездие; кто жил звериной жизнью, низвергается, вновь облекшись в тело бессловесного животного.

Плотин. Об этом Плотин пишет в книге «О собственном демоне каждого», говоря: «Все, сохранившие человеческое свойство, вновь рождаются людьми. Все же, пользовавшиеся одним чувством, возвращаются бессловесными животными, причём пользовавшиеся чувством преимущественно вместе с гневом рождаются животными дикими; пользовавшиеся чувством ради вожделения и наслаждения возвращаются похотливыми и прожорливыми животными. Если же они жили не столько чувством вместе с этими побуждениями, сколько вырождением чувства, то вместе с ними вновь произрастают растениями: в них действовало лишь или преимущественно жизненное начало, и вся их забота вела к превращению в растения. Жившие в чрезмерном упоении музыкальными ладами, но в остальном не испорченные, вновь рождаются музыкальными животными. Царствовавшие без разума становятся орлами, если не были заражены каким-либо пороком. Достигший гражданской добродетели возвращается человеком».

И сам Соломон в Притчах называет человека то львом, тигром, медведем или вепрем, то зайцем, борзой или кроликом, то муравьём, ежом, змеёй или пауком, то орлом, ящерицей, петухом или иной птицей, и многое подобное. Но еврейские каббалисты не допускают низвержения душ в бессловесных животных; однако не отрицают, что души, вполне отвергшие разум, в другой жизни оставляются звериным страстям и воображению.

Души трижды возвращаются в эту жизнь. Они утверждают также, что души возвращаются сюда трижды и не более, поскольку это число представляется вполне достаточным для очищения грехов, согласно словам Иова: «Он избавил душу свою от шествия в погибель, чтобы, живя, увидеть свет. Вот всё это Бог совершает трижды с каждым, чтобы возвратить души их от истления и озарить светом живых».

Рассмотрим наконец, что древние думали об умерших. Когда человек умирает, тело возвращается в землю, из которой взято; ум восходит обратно на небеса, откуда нисшёл, как говорит Екклесиаст: «Прах возвращается в свою землю, откуда был, а дух возвращается к Богу, Который дал его». Лукреций выразил это в стихах:

То, что прежде было из земли, вновь уходит
В землю; а посланное с эфирных высот
Вновь принимают сияющие храмы неба.

Но лучше Овидий в этих стихах:

Дважды по два у человека: маны, плоть, дух и тень;
Эти четыре принимают четыре места.
Земля укрывает плоть, над могилой кружит тень,
Орк хранит манов, дух устремляется к звёздам.

Плоть. Оставленная плоть и лишённое жизни тело называют трупом. Как говорят еврейские богословы, он оставляется во власти демона Зазеля, о котором сказано в Писании: «Будешь есть землю во все дни», и в другом месте: «Прах земли — хлеб его». Человек же создан прахом земным, отчего тот демон и называется владыкой плоти и крови, пока тело не будет очищено и освящено надлежащими погребальными обрядами. Поэтому

древние отцы не без причины установили очищения тела: как весьма нечистое, оно должно окропляться святой водой, окуриваться ладаном, заклинаться священными молитвами и освещаться светильниками, пока остаётся над землёй, а затем быть погребено в святом месте. Потому Эльпенор у Гомера говорит: «Прошу тебя, Улисс, помни обо мне и, уходя отсюда, не оставляй меня непогребённым, чтобы, лишённый погребения, я не стал причиной гнева богов». Человеческий же ум, обладающий священной природой и божественным происхождением, всегда непричастен вине и потому избегает всякого наказания. Если душа поступала хорошо, она радуется вместе с умом и, выходя со своим эфирным носителем, свободно восходит к сонмам героев или стремится к вышним. Там, блаженная вечным счастьем во всех своих чувствах и способностях, она наслаждается совершенным знанием всех вещей, а сверх того — божественным видением и обладанием Царством Небесным; став причастной божественной власти, она, словно бессмертный бог, дарует здешним низшим существам благодеяния и различные дары. Если же она поступала дурно, ум судит её и оставляет на усмотрение демона; печальная душа без ума блуждает в преисподней как призрак, который называют образом. Так Дидона у Вергилия сетует:

И ныне великий мой образ уйдёт под землю.

Поэтому такая душа, лишённая умопостигаемой сущности и оставленная под властью неистовствующего воображения, подвергается также мучению телесными свойствами, сознавая, что справедливым судом Бога за собственную вину навсегда лишена божественного видения, для которого была создана. Это божественное видение, как свидетельствует Писание, есть

присутствие всех зол; это наказание — самое жестокое из всех, и Священное Писание называет его излиянием гнева Божьего. Этот образ души иногда входит в воздушное тело — тень; облечённый ею, он то заботится о друзьях, то преследует врагов, как Дидона у Вергилия угрожает Энею:

Тенью повсюду я буду с тобой; ты, злодей, понесёшь кару.

Поскольку в душе, отделённой от тела, остаются волнения, память и ощущения, платоники говорят, что души, особенно убитых, преследуют врагов; это совершается не столько человеческим негодованием, сколько также божественной Немезидой и демоном, который промышляет об этом и допускает это. Так дух Навуфея, по толкованию еврейских учителей, поскольку в конце жизни отошёл с желанием мести, сделался ради её исполнения духом лжи и с Божьего дозволения вышел лживым духом в устах всех пророков, пока не заставил Ахава идти в Рамоф Галаадский. И сам Вергилий вместе с пифагорейцами и платониками, к которым присоединяется и наш Августин, признаёт, что отделённые души сохраняют ещё не угасшие память и склонность к тому, что делали в этой жизни, когда поёт:

Какою любовью к колесницам
И оружию жили они, как заботились кормить
Лоснящихся коней, таковы они и после погребения в земле.

Альгазель в книге «О божественном знании» и прочие арабские и магометанские философы полагают, что действия души, общие ей с соединённым с нею телом, запечатлевают в душе знак привычки и упражнения. Если он глубоко запечатлён, душа после отделения пользуется им для сходных действий и

страстей, не изглаженных при жизни. Поэтому, хотя тело и орган разрушаются, действие оттого не прекращается: остаются чувства и сходные расположения.

Маны. Эти души древние называют общим именем манов. О тех, кто в этой жизни был невинен или очищен нравственными добродетелями, а также, как поёт Вергилий,

Кто получил раны, сражаясь за родину,
Кто был целомудренным жрецом, пока длилась жизнь,
Кто был благочестивым прорицателем и говорил достойное Феба,
Кто совершенствовал жизнь изобретёнными искусствами,
Кто заслугами оставил о себе память у других,

многие богословы думают, что, хотя они умерли вне благодати и праведности веры, их, неспособных страдать, уносят на некие счастливые поля и, как говорит Вергилий, они

Приходят в радостные места и приятные луга,
В счастливые рощи и блаженные обители,

где наслаждаются дивными удовольствиями и радуются познанию — чувственному, умственному и откровенному. Возможно, они также наставляются в вере и праведности, подобно тем духам, которым Христос некогда проповедовал Евангелие в темнице. Ибо, как несомненно, что никто не может спастись без веры Христовой, так вероятно, что эта вера ещё проповедуется ради спасения многим язычникам и сарацинам после этой жизни в тех вместилищах душ и что там, словно под общей стражей, их удерживают, пока не наступит время, когда величайший Судия произведёт испытание заслуг. Этого мнения не чуждаются также Лактанций, Ириней, Климент, Тертуллиан, Августин, Амвросий и многие другие христианские писатели.

Души же, отходящие нечистыми, невоздержными и неправедными вследствие грехов, испытывают не столь счастливые сновидения, но блуждают среди ужасных призраков и в худших местах. Они не обладают свободным познанием, кроме отвлечённого, получаемого по дозволению или откровению; затем из-за непрестанного влечения к плоти и крови и въевшейся телесной скверны они подвержены ощущению боли и боятся мечей и клинков. Несомненно, это имел в виду Гомер, когда в одиннадцатой книге «Одиссеи» изображает умершую мать Улисса стоящей возле него, приносящего жертву: она не узнавала его и не говорила с ним, пока он обнажённым мечом удерживал тени от жертвенной крови. Но когда по совету прорицателя Тиресия мать вкусила от этой жертвы и выпила тёмную, как облако, кровь, она тотчас узнала сына и со слезами заговорила с ним. Душа же прорицателя Тиресия, несмотря на преграду обнажённого меча, ещё до вкушения крови узнала Улисса, заговорила с ним и указала, что рядом стоит тень его матери. Поэтому души, не очистившие в этой жизни преступных пороков, приобретённых в теле, уносят с собой эти привычки и вынуждены отмывать их в преисподней и нести наказания за совершённое. Поэт объяснил это такими стихами:

Даже когда с последним светом жизнь их покинула,
Не всё зло, не вся телесная зараза
Покидает несчастных до основания: неизбежно
Многое, долго срастаясь, глубоко укореняется в нравах.

Поэтому их подвергают наказаниям, и за прежние злодеяния
Они несут кару.

Лемуры. Лар. Ларвы, или страшилища. Каковы нравы и привычки людей в этой жизни, таковы обычно и чувства,

сопровождающие душу после смерти: она ещё перебирает в памяти то, что некогда делала при жизни. Эти воспоминания тогда возникают тем настойчивее и острее, что прекращаются различные жизненные обязанности — питание, рост, размножение, разнообразные занятия и утешения чувств и человеческих дел, а также препятствия грубого тела. Образы предстают воображающему разуму тем беспокойнее и неистовее, чем глубже в такой душе уснула или вовсе угасла искра ума. Злые демоны вдобавок внушают ей совершенно ложные или ещё более страшные образы. Поэтому в вожделеющей способности она мучается жаждой воображаемого блага и того, чего желала при жизни, лишённая возможности этим овладеть. Иногда ей кажется, что она почти достигает своих наслаждений, но демоны отстраняют её от них для более жестокой кары, как у поэтов Тантала — от пира, Сарданапала — от объятий, Мидаса — от золота, Сизифа — от могущества. Эти души называют лемурами; если же какая-либо, заботясь о домашних делах, спокойно живёт в доме, её называют домашним ларом.

В раздражительной способности они мучаются особенно жестоко ненавистью к воображаемому злу: тогда возникают совершенно ложные тревоги и подозрения и ужаснейшие призраки. Перед ними проходят печальные образы: то небо рушится им на голову, то их поглощает напор пламени, то они тонут в огромной водной пучине, то их поглощают земные разломы, то они превращаются в разных зверей, то безобразные чудовища разрывают или пожирают их, то их гонят повсюду через леса, моря, огонь, воздух, через самые мрачные области преисподней; то им чудится, что демоны схватили и мучают их. Мы полагаем, что всё это случается с ними после смерти так же, как в этой жизни с бредящими от горячки, безумия или

меланхолического сока либо с теми, кто мучается, устрашённый ужасными сновидениями, словно это происходит наяву, хотя в действительности этого при них нет, а есть лишь образы, схваченные воображением. Так и эти души после смерти, словно спящие, страшатся ужасных образов грехов, и сознание преступления стремительно гонит их в разные стороны. Потому Орфей называет их народом сновидений, говоря: «Врата Плутона не могут отвориться; внутри — народ сновидений».

Такие преступные души, не имеющие благой обители, когда блуждают в воздушном теле и являются нашему взору в каком-либо облике, называются ларвами, или страшилищами: для добрых они бессильны, для злых вредоносны. Они являются то в более тонких, то в более плотных оболочках, под видом различных животных и чудовищ, чьим нравам уподоблялись прежде при жизни, как поёт поэт:

Тогда обманывают взор разные образы и звериные лики.

Вдруг станет он щетинистым вепрем, чёрной тигрицей,
Чешуйчатым драконом и львицей с рыжей шеей.
Или испустит резкий шум вместе с пламенем,
Превращаясь во всевозможные чудеса:
В огонь, страшного зверя и текущую реку.

Ибо нечистая человеческая душа, которая в этой жизни приобрела чрезмерную привязанность к телам, из глубокой любви к телу, составленному из стихий, сплетает себе другое тело из испарений стихий, из податливого вещества, как бы втягивая его и постоянно восстанавливая непрерывно исчезающее тело. Притом по некоему божественному закону она прикреплена к нему, словно к темнице и орудию чувств, и в нём терпит холод и

огонь, а также всё, что оскорбляет тело, дух и чувство: зловоние, вой, плач, скрежет, удары, раздирание и оковы. Так воспел Вергилий:

Поэтому их подвергают наказаниям, и за прежние злодеяния
Они несут кару. Одни, бесплотные, повешены
Навстречу ветрам; у других в глубокой пучине
Отмывается въевшееся преступление либо выжигается огнём.

А у Гомера в его рассказе о вызывании мёртвых Алкиной повествует Улиссу:

Видели мы и Тития, славного питомца земли,
Чьё тело распростёрлось на девять югеров;
С обеих сторон сидящий коршун терзает его внутренности.

Порочные души низвергаются в бессловесных животных. Иногда эти души обитают не только в таких призрачных телах, но из чрезмерного влечения к плоти и крови низвергаются также в животных и, войдя в тела пресмыкающихся и бессловесных существ любого вида, захватывают их, овладевая ими подобно демонам. Это подтверждают Пифагор и прежде него Трисмегист, утверждая, что порочные души часто низвергаются в пресмыкающихся и бессловесных животных. Однако они не оживляют и не оформляют эти тела как сущностные формы, но живут в них наподобие жильцов, словно в темнице; либо присутствуют при них без пространственного отдаления, как внутренний двигатель при движимом; либо, привязанные к ним, мучаются, как Иксион у змеиных колёс, Сизиф у камня. Они захватывают не только бессловесных животных, но иногда и людей, как мы сказали о душе Навуфея, вышедшей лживым духом в устах пророков. Поэтому некоторые утверждали, что

души, или духи, преступных людей, входя в чьи-либо тела, долго мучают их, а иногда и убивают. Быть может, по гораздо лучшему жребию это дозволено также блаженным душам, чтобы они, подобно добрым ангелам, могли обитать в нас и просвещать нас. Так об Илии читаем, что после его взятия из среды людей дух его почил на Елисее; и в другом месте читаем, что Бог взял от духа, бывшего на Моисее, и дал семидесяти мужам. Здесь сокрыта великая тайна, которую нельзя раскрывать необдуманно. Иногда же, хотя это бывает чрезвычайно редко, души охватывает такое безумие, что они стремятся не только в тела живых, но некой стигийской силой вновь переселяются в свои оставленные трупы и, словно воскресшие, совершают ужасные злодеяния.

«Датская история», книга V. Так читаем у Саксона Грамматика, что некие Асвит и Асмунд поклялись друг другу общим обетом: кто из них переживёт другого, должен быть погребён вместе с умершим. Наконец Асвит, умерший от болезни, был помещён с собакой и конём в обширную пещеру. Асмунд ради клятвы дружбы согласился быть заживо погребённым с ним; туда внесли пищу, чтобы кормиться долгое время. Позднее Эрик, король Швеции, проходя там с войском, вскрыл могилу Асвита, полагая, что в ней есть сокровище, открыл пещеру и, выведя Асмунда, возвратил его к свету. Увидев его с жутким лицом, покрытого могильным тлением и кровью, текущей из свежей раны, — ведь Асвит, оживая по ночам, в частых схватках оторвал ему левое ухо, — король велел рассказать причину ранения. Тот поведал её такими стихами:

Что дивитесь вы, видя меня лишённым красок?
Ведь всякий живой среди мёртвых чахнет.
Не знаю, по какому дерзанию стигийского божества
Дух Асвита, посланный из

преисподней,
Свирепыми зубами съел быстроногого коня
И предал собаку нечестивой пасти.
Не насытившись конём и собакой,
Он вскоре обратил на меня хищные когти
И, разорвав щёку, отнял ухо.
Оттого ужасен вид растерзанного лица,
И кровь брызжет из жестокой раны.
Но чудовище действовало не безнаказанно:
Ибо вскоре я отсёк ему голову мечом
И пронзил колом преступное тело.

Нечто подобное сообщает Павсаний со слов дельфийских толкователей: есть некий подземный демон, которого называют Эвриномом, уничтожающий и пожирающий плоть мёртвых так, что едва остаются голые кости. Читаем также в критских летописях, что маны, которых они называют катеханами, обыкновенно возвращаются в тела, приходят к оставленным жёнам и удовлетворяют похоть. Чтобы избегнуть этого и впредь не допускать нападений на жён, местные законы предписывают пронзать гвоздём сердце восстающих и сжигать весь труп. Несомненно, это удивительно и могло бы показаться невероятным, если бы достоверность не подтверждалась изданными законами и заслуживающими доверия древними историями. Наконец, христианской религии не чуждо представление, что многие души могут возвратиться в свои тела прежде всеобщего воскресения плоти. Более того, мы верим, что многие по особому Божьему благодеянию приняты во славу вместе с телами, а многие живыми сошли в преисподнюю. Мы также нередко слышали, что демоны уносили тела умерших из гробниц — несомненно, не для иного употребления, как для

заключения и мучения их манов. Но к этим телесным темницам и оковам прибавляются также обиталища в самых низких и мрачных местах, где этнейские огни, поглощающие воды, удары молний и громов, земные провалы, где область, лишённая света, недоступная солнечным лучам и не знающая блеска звёзд, мрачна от вечной тьмы и подобия ночи. Туда, по Гомеру, пришёл Улисс, о чём он поёт:

Говорят, здесь живёт народ киммерийцев, в пещерах,
Погружённых в вечный туман и слепой мрак;
Их не видит Солнце ни восходя, ни склоняясь
В волны: несчастных гнетёт вечная ночь.

И не всё пустые басни, что многие передали о пещере Патрика, пещерах Вулкана, кратерах Этны, нурсийской пещере, свидетельствуя о виденном и узнанном там. Ещё большее рассказывает Саксон Грамматик о дворце Герута и пещере Утгардилока; затем Плиний, Солин, Пифей, Клеарх — о поразительных чудесах северного моря. О нём и Тацит в истории Друза сообщает, что воины сбились с пути в Германском море, и свидетельствует, что они видели там разнообразные чудеса: силу вихрей, неслыханные виды птиц, морских чудовищ с неопределёнными обликами людей и животных. А в книге «О Германии» он говорит, что там обитают геллузии и оксионы, у которых человеческое лицо, а прочие члены подобны звериным. Всё это, несомненно, лишь действия призраков и демонов. Об этом некогда воспел и Клавдиан:

Есть место, где Галлия простирает крайний берег,
Омываемый водами Океана; там, говорят, Улисс,
Возлив кровь, призвал народ безмолвных.
Там средь тонкого свиста летающих

теней
Слышен плачевный стон; жители видят
Бледные образы и шествующие фигуры умерших.

Аристотель рассказывает, что на Липаре, среди Эолийских островов возле Италии, была некая могила, к которой ночью опасно было приближаться. Местные жители упорно утверждали, что там слышатся кимвалы и грохот трещоток с каким-то нестройным хохотом, шумом и пустыми звуками. Однажды туда пришёл пьяный юноша и к ночи уснул возле погребальной пещеры. Лишь на третий день искавшие нашли его и унесли как мёртвого. Когда после приготовления похорон тело выносили, он внезапно проснулся и к великому удивлению всех последовательно рассказал многое из того, что видел и испытал. Есть также в Норвегии гора, страшнейшая из всех, окружённая морем, которую обычно называют Гекельбергом; она являет образ преисподней. Оттуда слышатся столь жалобные голоса и крики стенающих, что эти ужасные звуки распространяются вокруг почти на милю. Вдобавок огромные коршуны и чернейшие вороны, кружась вокруг неё с ужасными криками и устрашая, преграждают доступ. Кроме того, оттуда бьют два источника: один нестерпимо холодный, другой нестерпимо горячий, далеко превосходящие прочие стихии. В той же области к югу есть мыс Надегрин, где местные демоны в воздушных телах явно видны всем. Есть также в Шотландии Скорбная гора, страшная ужасным криком плачущих, и в Тюрингии гора, называемая Громогласной, где, по распространённой молве и опыту некоторых, засвидетельствованному надёжными писателями, обитают сильваны и сатиры. Подобные чудеса есть в разных странах и областях. Но здесь я не хочу рассказывать о том,

что сам видел своими глазами и трогал руками, чтобы из-за поразительной необычности этих вещей неверующие не обвинили меня во лжи.

Не следует, полагаю, обходить и мнения многих наших авторов о вместилищах душ, не слишком отличающиеся от уже сказанного. Тертуллиан в четвёртой книге против ересей Маркиона говорит: «Всякому разумному, кто когда-либо слышал об Елисейских полях, очевидно, что существует определённое место, называемое лоном Авраамовым, для принятия душ его сынов. Эта область не небесная, но выше преисподней; там покоятся души праведных, пока завершение вещей не восстановит всеобщее воскресение с полнотой воздаяния».

Апостол Пётр. И апостол Пётр говорит Клименту, спрашивающему об этом: «Ты вынуждаешь меня, Климент, открыть нечто неизреченное; однако, насколько дозволено говорить, я не откажусь. Христос, Который был от начала и всегда, во всех поколениях неизменно, хотя и сокровенно, присутствовал при благочестивых, особенно при ожидавших Его, которым часто являлся. Но тогда ещё не было времени воскресению наступить после распада тел; скорее воздаяние от Бога состояло в том, чтобы оказавшийся праведным дольше оставался в теле или, как об одном праведнике ясно сообщается в Писании, чтобы Господь перенёс его. Подобным образом поступлено и с другими, угодившими Его воле: перенесённые в рай, они сохраняются для Царства. У тех же, кто не смог вполне исполнить правило праведности, но сохранил в своей плоти некоторые остатки зла, тела распадаются, души же сохраняются в добрых и радостных областях, чтобы при воскресении мёртвых, получив свои тела, уже очищенные самим распадом, обрести за

добрые дела вечное наследие».

Ириней. Сам Ириней в конце книги против ересей валентиниан говорит: «Господь ушёл в средину тени смертной, где были души умерших, затем воскрес телесно и после воскресения был вознесён. Поэтому очевидно, что и души Его учеников, ради которых Господь всё это совершил, отойдут в невидимое место, определённое им Богом, и останутся там до воскресения, ожидая его. Затем, получив тела и вполне воскреснув, то есть телесно, как воскрес и Господь, они предстанут взору Божьему. Ибо ученик не выше учителя; но всякий совершенный будет как его учитель. Поэтому, как Учитель наш не сразу улетел и отошёл, но ожидал определённого Отцом времени Своего воскресения, что явлено и через Иону, и, воскреснув через три дня, был вознесён, так и мы должны ожидать определённого Богом времени нашего воскресения, предвозвещённого пророками, и затем, воскреснув, быть взятыми — все, кого Господь сочтёт достойными этой чести».

Лактанций. К ним присоединяется Лактанций Фирмиан в книге «Божественных установлений», озаглавленной «О божественном воздаянии»: «Пусть никто не думает, что души судятся тотчас после смерти. Все они содержатся под одной общей стражей, пока не придёт время, когда величайший Судия исследует заслуги. Тогда те, чья праведность будет подтверждена, получат награду бессмертия; те же, чьи грехи и преступления обнаружатся, не воскреснут, но вместе с нечестивыми будут заключены в ту же тьму, предназначенные к определённым наказаниям».

Августин и Амвросий придерживаются того же мнения. Августин в своём «Энхиридионе» говорит: «Время между

смертью человека и последним воскресением удерживает души в сокровенных вместилищах, сообразно тому, достойна ли каждая покоя или страдания, по тому, что получила, живя во плоти». Амвросий в книге «О благе смерти» говорит: «Писание Ездры назвало обиталища душ хранилищами. Отвечая на человеческую жалобу, будто прежде умершие праведники до дня суда, то есть весьма долго, чудесным образом лишены должной награды, оно говорит, что день суда подобен дню венчания. Ведь дня венчания ожидают все, чтобы в этот день побеждённые устыдились, а победители получили пальму победы. Итак, пока ожидается полнота времени, души ждут должного воздаяния: одних ожидает наказание, других — слава». В той же главе он называет преисподней невидимое место, куда направляются души, освобождённые от тел. А во второй книге «О Каине и Авеле» говорит: «Душа освобождается от тела и после окончания этой жизни всё ещё остаётся в неизвестности относительно будущего суда».

Это подтверждают евангельские слова Христа о последнем суде у Матфея: «Многие скажут Мне в тот день: Господи, Господи, не Твоим ли именем мы пророчествовали, и Твоим именем изгоняли демонов, и Твоим именем совершали многие чудеса? И тогда объявлю им, что никогда не знал вас». Из этих слов, по-видимому, следует, что до того дня они не знали своего приговора и, полагаясь на чудеса, которые совершали во имя Иисуса ещё при жизни, пребывали тем временем в некоторой надежде на спасение. Поэтому, поскольку суд над душами отложен до последнего дня, многие богословы думают, что очистительные заступничества до назначенного дня суда могут помочь не только подлежащим оправданию, но и осуждённым. Так император Траян был святым Григорием освобождён из

преисподней и оправдан ко спасению. Однако некоторые считают, что он не был освобождён от ответственности и наказания, но исполнение справедливой кары было отсрочено до дня суда. Фома Аквинский говорит, что вероятнее Траян ожил по заступничеству святого Григория и получил благодатную силу, благодаря которой был освобождён от наказания и уз преступлений. Некоторые богословы полагают, что заупокойные заступничества не снимают наказания и не уменьшают кары, но лишь приносят некоторое утешение и облегчение боли. Это подобно тому, как изнемогающий от жары носильщик при окроплении водой словно облегчается от гнёта тяжести или получает помощь, чтобы легче её нести, хотя от веса ничего не убавлено. Однако общее мнение богословов отрицает, что молитвы и погребальные обряды хоть чем-либо помогают осуждённым в пещере Дита. Но всё это столь непостижимо темно, что многие тщетно изощряли здесь ум. Поэтому, присоединяясь к Августину, скажем, как он в десятой книге толкования на Бытие:

Лучше сомневаться о сокровенном, чем спорить о недостоверном.

Прекрасное изречение Августина. «Я не сомневаюсь, что тот богач среди жгучих мук и тот бедняк среди прохлады радостей обладают сознанием. Но как понимать тот адский огонь, лоно Авраамово, язык богача, палец бедняка, жажду мучения и каплю прохлады — это едва удаётся найти кротко вопрошающим, а упорно спорящим — никогда». Оставив это и переходя далее, рассудим о возвращении душ.

Глава XLII. На каких основаниях маги и некроманты полагали, что могут вызывать души умерших

Из сказанного ясно, что души, после смерти ещё любящие оставленные тела, — души тех, чьи тела лишены должного погребения, или тех, кто оставил тело вследствие насильственной смерти, — ещё блуждают в том мутном влажном духе возле своих трупов, словно возле чего-то родственного и влекущего их. Зная посредства, через которые они некогда соединялись со своими телами, можно легко вызвать и привлечь их сходными испарениями, жидкостями и дымом, применяя также определённые искусственные огни, песнопения, звуки и тому подобное, что возбуждает воображаемую и духовную гармонию самой души. При этом не следует пренебрегать священными призываниями и прочим, относящимся к религии, ради разумной части души, превосходящей природу. Так, читаем, пифонисса вызвала Самуила; так фессалийская прорицательница у Лукана подняла труп. Поэтому у поэтов и других повествователей о подобных вещах читаем, что души умерших вызываются не без крови и трупа, а тени легко привлекаются их курениями с добавлением яиц, молока, мёда, масла, вина, воды и муки, поскольку это предоставляет душам подходящее посредство для принятия тел. Этому Цирцея у Гомера подробно наставляет Улисса. Однако считают, что такое возможно лишь в местах, где подобные души, как известно, преимущественно пребывают: либо из-за чего-то родственного, например оставленного тела, влекущего их; либо из-за некогда запечатлённой при жизни страсти, привлекающей душу в

определённые места; либо вследствие места, пригодного по своей тартарской природе для очищения или наказания душ. Такие места чаще всего узнаются по пережитым видениям, ночным нападениям и встречам со сходными призраками; некоторые достаточно известны сами по себе, например кладбища и места, где обыкновенно исполняется приговор уголовного суда, где в недавние годы происходили массовые убийства либо где недавно зарыты трупы убитых, ещё не очищенные и не погребённые надлежащим образом. Ибо очищение и заклинание места, а также священный погребальный обряд, должным образом совершённый над телами, часто не позволяют самим душам приближаться и отгоняют их дальше, к местам суда. Отсюда некромантия получила своё имя: она действует с трупами умерших и через манов, тени мёртвых и подземных демонов ищет ответов, привлекая их в трупы стигийскими заклинаниями и адскими призываниями, погребальными жертвами и нечестивыми закланиями. Такие читаем у Лукана о колдунье Эрихто, вызвавшей мёртвого, который предсказал Сексту Помпею весь исход Фарсальской войны. Также в Фигалии, городе Аркадии, были маги-жрецы, весьма сведущие в священных обрядах и вызывавшие души умерших. Священное Писание свидетельствует, что некая женщина-пифонисса вызвала душу Самуила. И действительно, души святых также любят свои тела и обычно охотнее и скорее внимают там, где хранятся залоги их останков.

Два вида некромантии. Некромантия бывает двух видов: один — некиомантия, поднимающая труп, что совершается не без крови; другой — скиомантия, где достаточно одного вызова тени. Наконец, все свои опыты она совершает посредством трупов, костей и членов убитых и того, что от них происходит, поскольку

при них присутствует дружественная им демоническая сила. Поэтому они легко привлекают истечения злых демонов благодаря сходству и теснейшему свойственному сродству. Поскольку те весьма могущественны в земных и человеческих делах, некроманты, полагаясь на их содействие, разжигают запретную любовь, насылают сны, болезни, ненависть и сходные страсти. Этому могут содействовать и силы душ, которые, ещё облечённые влажным мутным духом, блуждают возле своих останков и совершают то же, что злые демоны. Поскольку опыт показал им, что порочные и нечистые души, насильственно отторгнутые от тел, а также души людей неочищенных и лишённых погребения пребывают возле тел и влекутся к родственному, злые волшебники легко пользуются ими для своих злодейств: привлекают несчастные души, подставляя тело или беря его часть, затем принуждают стигийскими призываниями, заклиная безобразными трупами, разбросанными по широким полям, блуждающими тенями непогребённых, манами, отпущенными Ахеронтом, обитателями преисподней, которых безвременная смерть увлекла в Тартар, ужасными желаниями осуждённых и гордыми демонами, мстителями за преступления.

Что должен знать желающий поистине возвратить душу телу. Тому же, кто должен действительно возвращать души в их тела, необходимо знать собственную природу души, откуда она происходит, сколькими и какими ступенями совершенства наделена, какой интеллигенцией укреплена, через какие посредства изливается в тело, какой гармонией соединена с ним, какое сродство имеет с Богом, интеллигенциями, небесами, стихиями и всем прочим, чей образ и подобие она носит; наконец, какими влияниями составлено тело. Всё это требуется искусству воскрешения мёртвых, принадлежащему не людям, но

одному Богу и тем, кому Он пожелает его сообщить, как Елисею, оживившему умершего сына сонамитянки. Так рассказывают, что Алкеста, воскрешённая Геркулесом, вновь долго жила; и Аполлоний Тианский возвратил к жизни умершую девушку.

Здесь следует отметить, что иногда у людей животворный дух отступает внутрь и они кажутся умершими и нечувствующими, хотя умственная природа остаётся соединённой с телом, сохраняется та же форма и то же тело. Хотя оживляющая сила не распространяется на него в действии, но остаётся отступившей внутрь в единении с умственной природой, она всё же не перестаёт существовать. Хотя этого человека можно уже назвать действительно мёртвым, поскольку смерть есть отсутствие оживляющего начала, тело его не было бы поистине отделено и может вновь пробудиться и ожить. Так здесь обнаруживается много чудес; немало таких наблюдалось в прежние века у язычников и иудеев. К их числу относится рассказ Платона в десятой книге «Государства»: некий памфилиец Ферей десять дней лежал среди павших в бою, а спустя два дня после того, как его оттуда унесли, положенный на костёр, ожил и рассказал удивительное, увиденное во время этой смерти. Отчасти мы говорили об этом в первой книге, а ещё подробнее скажем ниже, когда будем говорить о прорицаниях, возникающих при восхищении, экстазе и предсмертной агонии.

Глава XLIII. О силе человеческой души в уме, рассудке и образе

Из чего состоит человеческая душа. Человеческая душа состоит из ума, рассудка и образа: ум озаряет рассудок, рассудок изливается в образ, и всё это — одна душа. Рассудок, если не озарён умом, не свободен от заблуждения. Ум же не даёт рассудку света, если не сияет Бог, то есть первый свет. Первый свет в Боге превосходит всякое разумение, поэтому его нельзя назвать умопостигаемым светом. Но когда этот свет вливается в ум, он становится умственным и может быть постигнут; затем, когда через ум вливается в рассудок, становится рассудочным и может не только постигаться, но и обдумываться. Далее, когда через рассудок вливается в образ души, становится не только мыслимым, но и вообразимым, однако ещё не телесным. Когда же оттуда переходит в эфирный носитель души, он впервые становится телесным, но ещё не явно чувственным, пока не перейдёт в стихийное тело — простое и воздушное либо сложное; в нём он становится светом, явно видимым глазу. Рассматривая это продвижение света, халдейские философы повествуют о поразительной силе нашего ума: ум, всецело устремив взор к Богу, может исполниться божеством и, наполнившись светом, излить лучи через все посредства вплоть до этого грубого, тёмного, тяжёлого, смертного тела, окружить его обильным светом, сделать подобным звёздам и столь же сверкающим; затем обилием своих лучей и лёгкостью поднять его ввысь, словно паклю, поднимаемую пламенем огня; иногда тотчас перенести тело, словно дух, в отдалённые места. Так о Филиппе читаем в Деяниях апостолов: крестив евнуха в Индии, он тотчас оказался в Азоте; подобное об Аввакуме читаем у Даниила. Так другие,

проникнув сквозь закрытые двери, избегали стражи и оков, как читаем об апостоле Петре и Петре-заклинателе. Меньше удивится этому видевший известных меланхоликов, которые ходят во сне, идут по непроходимым местам, взбираются на недоступное и совершают дела бодрствующих, притом такие, которых не смогли бы совершить бодрствуя. В природе у этого нет иной причины, кроме сильного воображения, вышедшего за обычные пределы. Такая сила есть в каждом человеке и присуща человеческой душе от самого основания её сотворения, но у разных людей различается крепостью и слабостью, возрастает и убывает сообразно упражнению и употреблению, которыми из возможности выводится в действие.

Чувство природы, эфирное чувство и чувство носителя. Кто правильно это знает, может восходить в познании, пока его воображающая сила не возвысится и не будет помазана всеобщей силой, которую Алькинди, Бэкон и Вильгельм Парижский называют чувством природы, Вергилий — эфирным чувством, Платон — чувством носителя. Его мысль становится могущественнейшей, когда на неё изливается эта эфирная и небесная сила; укрепляемая её сиянием, мысль постигает образы, понятия и знание истинных вещей, так что задуманное в уме совершается именно так, как он задумал. Он достигает такой силы, что может погружаться, соединяться и проникать в человеческие души и сообщать им достоверное знание своих мыслей, воли и желания даже через большие расстояния, словно они воспринимают это чувствами от присутствующего предмета. Он может за малое время совершать многое, словно сделанное вне времени. Это дано не всем, но тем, чья воображающая и мыслительная сила крепчайшая и достигла предела созерцания. Такой человек способен постигать и возвещать всё благодаря

сиянию всеобщей силы, либо интеллигенции и духовного постижения, стоящего над ним. Это необходимая сила, которой должен следовать и повиноваться всякий, следующий истине.

Если воображение обладает такой силой, что может проникать в кого пожелает, не встречая преграды в расстоянии и времени, и иногда увлекать за собой тяжёлое тело туда, куда направляет сновидение и воображение, то несомненно ещё больше сила ума, когда он достигает своей природы и, не отягощённый соблазнами чувств, остаётся неповреждённым и подобным себе. Вот пример: души небесных звёзд изобилуют столь обильным светом, что оттуда огромный его поток переливается в их тела. Так лицо Моисея сияло настолько, что сыны Израилевы не могли смотреть на него из-за блеска лица. Так читаем о преображении Сократа, светом превзошедшего светоносные колёса Солнца; так Зороастр преобразился и был телесно поднят ввысь; так Енох и Илия вознеслись на небеса в некоей огненной колеснице; так Павел был восхищен до третьего неба; так мы можем сказать, что после суда над миром наши тела, которые тогда назовутся прославленными, будут подобным образом восхищены и воссияют, как Солнце и Луна. Что это возможно и происходило, признают и доказывают мавр Авицеброн, араб Авиценна, Гиппократ Косский и вся халдейская школа. Более того, исторические памятники передают, что Александр Великий в Индии, окружённый великой опасностью, так воспламенился духом, что варварам показалось, будто он излучает свет. Отец Теодориха, как говорят, также испускал искры всем телом. То же сообщил о себе один мудрец: искрящиеся языки пламени вырывались то здесь, то там даже со звуком. Такая душевная сила обнаруживалась не только у людей, но иногда и у животных: так у коня Тиберия видели пламя изо

рта.

Ум находится выше судьбы, в провидении, потому не подвержен ни влияниям небесных тел, ни свойствам природных вещей; ему врачует одна религия. Образ же души находится в судьбе, выше природы, которая некоторым образом есть узел тела и души — под судьбой, над телом. Поэтому он изменяется под влияниями небесных тел и испытывает воздействие свойств природных и телесных вещей.

Что такое образ души. Образом души я называю силу, оживляющую тело и управляющую им, источник чувств, посредством которого сама душа развёртывает в этом теле способность ощущения: через тело ощущает телесное, перемещает тело в пространстве, управляет им на месте и питает его в неподвижности.

Две силы в образе. В этом образе господствуют две могущественнейшие силы: одна называется фантазией, или воображающей силой; о её могуществе уже сказано, в том числе при рассмотрении душевных страстей. Другая называется чувством природы; о ней тоже сказано при упоминании гаруспиции. Итак, по природе тела человек находится под судьбой. Через образ человеческая душа, находясь в судьбе, движет природу; через ум она выше судьбы, в порядке провидения; рассудок же свободен и самовластен. Через рассудок душа восходит в ум, где наполняется божественным светом; иногда нисходит в образ, где испытывает небесные влияния и свойства природных вещей и отвлекается чувственными страстями и встречами; иногда целиком возвращается в рассудок, исследуя иные вещи рассуждением или созерцая себя. Ведь разумная часть души, которую перипатетики называют

возможностным интеллектом, способна достигнуть свободного рассуждения и действия без обращения к образам воображения.

Наконец, власть рассудка столь велика, что всё, приходящее в ум, образ, природу или тело, не может перейти в душу, если рассудок не обратится к этому. Так во внешних чувствах душа не осознаёт, что видит, слышит, чувствует или что-либо претерпевает, пока мыслящий рассудок прежде не воспримет этого. Воспринимает же он, когда свободен, а не когда занят другим: это ясно видно по людям, не замечающим встречных, когда они пристально думают о чём-то ином. Итак, знай: ни высшие влияния, ни природные воздействия, ни ощущения, ни страсти тела или души, ни какой-либо чувственный предмет не могут действовать на душу или проникать в неё иначе как через суждение самого рассудка. Поэтому душа может испытывать воздействие и смятение лишь собственным действием, а не каким-либо внешним насилием; бесчисленные мученики подтвердили это делом.

Стойкость Анаксарха. Так философ Анаксарх Абдерский, по приказу Никокреонта, тирана киприотов, брошенный в каменную ступу и избиваемый железными молотами, пренебрегая телесной мукой, как говорят, сказал:

> *Толки, толки сосуд Анаксарха: самого Анаксарха ты нисколько не устрашаешь.*

Тиран приказал отрезать ему язык; но тот сам откусил его и выплюнул тирану в лицо.

Глава XLIV. О ступенях душ и об их гибели либо бессмертии

Ум, поскольку он от Бога, или из умопостигаемого мира, бессмертен и вечен; небесный рассудок благодаря происхождению с неба долговечен; образ же, поскольку зависит от лона материи и подлунной природы, подвержен гибели и разложению. Поэтому душа через свой ум бессмертна, через рассудок в своём эфирном носителе долговечна, но разложима, если не восстанавливается в круговращении нового тела; следовательно, она не бессмертна, если не соединяется с бессмертным умом. Так образ души, то есть сама чувствующая и животная душа, поскольку выведена из лона телесной материи, с распадом тела погибает вместе с ним или недолго сохраняется тенью в испарениях своего распавшегося тела, нисколько не причастная бессмертию, если и сама не соединена с высшей силой. Душа, соединённая с умом, называется стоящей и не падающей.

Не все люди обретают ум. Но не все люди обрели ум, поскольку, как говорит Гермес, Бог Отец пожелал предложить его душам как состязание и награду. Пренебрегшие этим, лишённые ума и порабощённые телесным чувствам, уподобившись неразумным животным, получают одинаковую с ними гибель, как говорит Екклесиаст:

> *Одна гибель человеку и скоту, и одинаково положение обоих: как умирает человек, так умирают и они. Одинаково дышат все, и нет у человека преимущества перед скотом.*

Так говорит он. Поэтому многие богословы полагают, что после снятия этого тела такие души не ожидает никакого бессмертия, кроме одной надежды воскресения, когда должны восстановиться все люди. Августин сообщает, что такова была ересь арабов, говоривших, что души гибнут вместе с телом и на суде вновь восстанут с ним. Все же, кто, подкреплённые божественной благодатью, обрели ум, становятся бессмертными сообразно своим делам, как говорит Гермес, охватив разумением всё земное, морское и небесное, а также то, что есть выше неба, чтобы созерцать и само Благо. Те же, кому выпало жить средней жизнью, хотя они не достигли божественного разумения, но лишь некоторого его рассудочного образа, после выхода из тела душами отсылаются в некие сокровенные вместилища. Там, испытывая действие чувственных сил и пребывая в некотором роде деятельности, вследствие мнения, раздражительной и вожделеющей сил они либо безмерно радуются, либо тяжко скорбят. Этого мнения придерживался и святой Августин в книге «О духе и душе». Индийские, персидские, египетские и халдейские мудрецы учили, что такая душа намного переживает своё тело, однако не становится сразу бессмертной иначе как через переход в другое тело. Наши богословы рассуждают об этом совсем иначе: хотя у всех душ общее происхождение и одинаковое рождение, Творец различил их по разным ступеням — не только случайным, но и внутренним, укоренённым в их сущности, благодаря которым каждая душа отличается от другой тем, что ей свойственно. Это мнение держит Иоанн Скот; парижские богословы постановили в своих статьях мыслить именно так. Поэтому Премудрый говорит: «Я был даровитым отроком и получил добрую душу», то есть лучшую, чем многие другие. Согласно этому неравенству душ на их ступенях каждая

способна принять своё служение, которое получает от Бога как безвозмездный дар. Так читаем в Евангелиях: «Одному дал пять талантов, другому два, иному один, каждому по собственной силе». И апостол говорит: «Он дал одним быть апостолами, другим пророками, другим евангелистами и учителями, для совершенствования святых на дело служения, для созидания тела Христова». Ибо, как говорит Ориген, существуют невидимые силы, которым доверено распоряжаться земным; между ними есть немалое различие, как наблюдается и у людей. Один достигает высшей ступени мудрости или достоинства, другой мало отличается от зверей и, пася зверей, становится полузверем; один изобилует добродетелями и богат удачей, другой не имеет ничего или имеет мало, а часто и это малое отнимается у него и отдаётся имеющему. Такова божественная справедливость при распределении даров: они соответствуют силе каждого принимающего. Награды также воздаются сообразно делам, чтобы отношение наград между собой было тем же, что отношение даров и заслуг между собой.

Четверояκое действие благородной души. Наконец, следует знать, что всякая благородная душа имеет четверояκое действие: божественное — через образ божественного свойства; умственное — через формальную причастность интеллигенциям; рассудочное — через совершенство собственной сущности; животное, или природное, — через общение с телом и здешними низшими вещами. Поэтому во всём ряду мироздания нет дела столь удивительного, превосходного или чудесного, которого человеческая душа, обнявшая образ божества, называемая магами стоящей и не падающей душой, не могла бы совершить собственной силой, без всякой внешней помощи. Следовательно, форма всякой магической силы происходит от человеческой

души, стоящей и не падающей.

Глава XLV. О прорицании и исступлении

Прорицание — то состояние, возбуждённые которым жрецы или другие люди видят причины вещей и предвидят будущее, когда от богов либо демонов нисходят в них оракулы и передаются духи. Эти нисхождения платоники называют проникновениями высших душ в наши души, а Меркурий — чувствами демонов и душами демонов. Таких демонов древние называли эвридеями и пифонами и неизменно верили, что те входят в человеческие тела и пользуются их голосами и языками для предсказания будущего. О них упоминает и Плутарх в диалоге «О причинах прекращения оракулов».

Предведение будущего принадлежит одним богам. Цицерон, следуя стоикам, утверждает, что предведение будущего принадлежит лишь богам; а астролог Птолемей говорит: «Лишь вдохновлённые божеством предсказывают частное». С ними согласуется апостол Пётр: «Никогда пророчество не приносилось человеческой волей, но святые Божьи люди говорили, вдохновлённые Святым Духом». Что прорицание будущего свойственно божественным нисхождениям, утверждает Исаия: «Возвестите нам будущее, и мы скажем, что вы боги». Но такие нисхождения, или чувства, не переходят в нашу душу, когда она занята пристальным вниманием к чему-либо иному; они переходят, когда она свободна.

Три вида освобождения. Такого освобождения три вида: исступление, восхищение и сон; теперь поговорим о каждом по порядку.

Глава XLVI. О первом виде исступления, происходящем от Муз

Исступление — озарение души, происходящее от богов или демонов, откуда стихи Назона:

В нас есть бог, и есть общение с небом;
Из эфирных обителей приходит этот дух.

Платон определяет его через отчуждение и соединение. Оно отвлекает от того, чем возбуждаются телесные чувства; отчуждённый от животного человека, дух прилепляется к божеству, от которого получает то, чего не может исследовать собственными силами. Когда дух свободен и освобождён, телесные поводья распущены и он, словно из неохраняемой темницы, вольнее выходит, преодолевает узы членов, никем не удерживаемый, движимый собственными побуждениями и возбуждённый божественным духом, он постигает всё и предвидит будущее.

Четыре вида божественного исступления. Есть четыре вида божественного исступления, происходящие от отдельных божеств: Муз, Диониса, Аполлона и Венеры.

Исступление от Муз. Первое исступление, происходящее от Муз, пробуждает и настраивает дух, делает его божественным, через природные виды вещей привлекая высшее к низшему. Музы — души небесных сфер; согласно им имеются отдельные ступени привлечения высшего к низшему. Низшая, соответствующая сфере Луны, охватывает растительное — растения, плоды деревьев, корни, — и происходящее из более твёрдых веществ, например камни и металлы, их привязывание и

подвешивание. Так говорят, что селенит и гиений камень даруют прорицание; также вербена и трава теангелида дают пророчество.

как об этом сказано выше. Вторая ступень соответствует Меркурию и охватывает происходящее от животных и составляемое из смеси различных природных вещей — напитки и пищу. Так, если проглотить свежее, ещё бьющееся сердце крота, оно, говорят, способствует прорицанию и успешному совершению дел. Рабби Моисей Кузенский в комментариях к Левиту рассказывает о животном יְדוּעַ, называемом иедуа, человеческого облика; из середины его пупка выходит верёвочка, которой оно, как тыква, прикреплено к земле. На всём расстоянии, куда простирается эта верёвочка, оно пожирает и уничтожает всё вокруг; обманывая зрение, оно не может быть поймано, если только верёвку не перерубить ударом стрелы. Когда она перерезана, оно умирает. Затем всякий, кто положит его кости в рот по определённому правилу, тотчас впадает в исступление и изрекает прорицания обо всём, о чём спрашивают.

Третья ступень соответствует сфере Венеры; она охватывает тончайшие порошки, испарения и запахи, а также приготовленные из них мази и курения, о которых сказано выше. Четвёртая ступень относится к сфере Солнца; она охватывает голоса, слова, песнопения и гармонические звуки, приятным созвучием которых изгоняет из души мутное несогласие и возвышает дух. Поэтому Гермес, Пифагор и Платон велят согласовывать и возвышать разлаженный дух пением и гармонией. Так, говорят, Тимофей звуками возбуждал царя Александра до исступления; так каламский священник, по

свидетельству Аврелия Августина, имел обыкновение по собственной воле некоей жалобной гармонией вызывать себя из тела в восхищение и экстаз. Об этом также говорилось выше.

Пятая ступень соответствует Марсу; она охватывает сильные воображения, душевные страсти, представления и движения, о которых всё ясно из сказанного выше. Шестая ступень соответствует Юпитеру; она охватывает рассуждения, размышления, советы и нравственные очищения, о которых частью упомянуто выше, частью будет сказано ниже. Ей подчинены также удивление и почитание: вызываемое ими оцепенение иногда так сдерживает воображение и рассудок, что те внезапно прекращают все свои действия. Тогда сам ум, свободный и открытый одному божеству — какому-либо богу или демону, — принимает высшие божественные влияния, именно те, о которых прежде размышлял. Так читаем, что сивиллы и пифийские жрицы обыкновенно получали оракулы в пещерах Юпитера и Аполлона.

Созерцание. Седьмая ступень соответствует Сатурну; она охватывает сокровенные постижения и спокойные созерцания ума. Созерцанием я называю свободную проницательность ума, с удивлением устремлённую к зрелищам мудрости. Ибо размышление через загадки или образы — это умозрение, некое рассуждение, относящееся к Юпитеру, а не созерцание. Восьмая ступень соответствует звёздному небу: она наблюдает положение, движение, лучи и свет небесных тел; охватывает также изображения, кольца и подобное, изготовляемое по небесному образцу, о чём сказано выше. Девятая ступень соответствует первому движимому, то есть девятой сфере, или самой вселенной; она охватывает вещи более формальные — числа,

фигуры, знаки — и наблюдает сокровенные влияния небесных интеллигенций и прочие таинства, которые, поскольку несут образ небесных божеств и призываемых духов, легко привлекают их и побуждают приблизиться, словно принуждая необходимостью соответствия; также легко удерживают их от ухода. Об этом читаем у Порфирия в оракулах:

Перестань наконец, пощади слова и повязку,
Дай покой, разрешив древние фигуры и уступив,
Удали их с членов и развяжи тугие полотна.

И там же в другом месте:

Снимите венки с ног, окропите текучей
Водою, уберите рукой ветвь зелёного лавра,
Пусть будет стёрта всякая линия и всякий знак.

Обо всём этом достаточно подробно сказано выше; ещё будет сказано ниже.

Глава XLVII. О втором виде, происходящем от Диониса

Второе исступление происходит от Диониса. Посредством внешних и внутренних очищений, заклинаний, таинств, торжеств, обрядов, святилищ и соблюдений оно направляет душу в ум, её высшую часть, и делает её достойным и незапятнанным храмом богов, в котором обитают божественные духи. Обладая ими как спутниками жизни, душа наполняется от них счастьем, мудростью и прорицаниями — не через знаки, приметы или догадки, но через некое возбуждение духа и его свободное, ничем не связанное движение. Так Вакх пророчествовал беотийцам, Эпименид — жителям Коса, Эритрейская сивилла — троянцам. Иногда это исступление приходит через ясное видение, иногда через отчётливый голос. Так Сократом управлял его демон, чьим наставлениям он ревностно повиновался; он часто слышал его голос ушами, а также нередко видел облик демона. Ибо пророческие духи имеют обыкновение являться хорошо очищенным душам видимыми и становиться их спутниками. В Священном Писании тому много примеров: Авраам и его служанка Агарь, Иаков, Гедеон, Илия, Товия, Даниил и многие другие.

Какие ангелы были близки древним отцам. Так Адам близко общался с ангелом Разиэлем; Сим, сын Ноя, — с Иофиэлем; Авраам — с Задкиэлем; Исаак и Иаков — с Пелиэлем; Иосиф, Иисус Навин и Даниил — с Гавриилом; Моисей — с Метаттроном; Илия — с Малтиэлем; младший Товия — с Рафаилом; Давид — с Керниэлем; Маной — с Фадаэлем; Кенез — с Керуэлем; Иезекииль — с Хасмаэлем; Ездра — с Уриэлем;

Соломон — с Михаилом. Иногда эти духи своей силой входят в одушевлённое, снабжённое органами тело, неразумное либо разумное, овладевают им и, пользуясь его душой как основанием, через телесные органы издают голоса, как явно видно в ослице Валаама и в Сауле, на которого сошёл дух Господень, и он пророчествовал. Об этом Аполлон в ответах у Порфирия говорит так:

Укрощённый песнопениями, Феб-молния с высоты
Нисшёл и безмолвно пронёсся сквозь чистый воздух,
Дыша звучным веянием и проникая в сердца,
Вошёл в невинный ум, способный вместить святое
Божество, и породил голос из смертного горла.

Глава XLVIII. О третьем виде исступления, происходящем от Аполлона

Дивное искусство. Третье исступление происходит от Аполлона, то есть ума мира. Через определённые священные таинства, обеты, жертвы, поклонения, призывания и священные искусства либо тайные составы, в которые боги вложили силу своего духа, оно заставляет душу возвыситься над умом, соединяя её с божествами и демонами. Так читаем об ефоде: стоило его приложить, как тотчас начинали пророчествовать. Так в «Книге старцев», в главах Элеазара, читаем, что рабби Исмаил приготовил лепёшки с начертанными божественными и ангельскими именами и так освятил их; кто вкушал их с верой, надеждой и любовью, тотчас сиял пророческим духом мудрости. Там же читаем, что рабби Иохена, сын Иохахида, так просветил простого земледельца по имени Элеазар, совершенно неграмотного, что тот, окружённый внезапным сиянием, неожиданно возвестил собранию мудрецов столь глубокие тайны Закона, что все присутствующие изумились. О некоем египтянине Гераиске передано, что он был наделён божественной природой, так что при одном взгляде на изваяния, содержавшие какое-либо божество, тотчас впадал в божественное исступление.

Также читаем в Священном Писании: когда Саул был среди пророков, на него сошёл дух Господень и он пророчествовал; когда же уходил из сонма пророков, переставал пророчествовать. Подобное случилось со стражниками, которых Саул послал схватить Давида: увидев сонм пророков и Самуила, стоящего над ними, они также приняли дух Господень и сами пророчествовали. В пророках, охваченных божественным

исступлением, часто бывает такое изобилие божественного света, что он захватывает и близких к ним и заставляет их испытывать исступление от того же духа. Поэтому нет ничего невероятного в том, что невежда может внезапно стать мудрым, а затем из мудрого вновь невеждой. Есть некое искусство, известное весьма немногим, так образовывать, украшать и озарять верный и чистый человеческий дух, чтобы он внезапно возносился из тьмы невежества к свету мудрости и наук. И наоборот, есть способность посредством сокровенных тайн вновь лишать нечистых и неверующих этого дара мудрости и наук и возвращать их прежнему невежеству. По свидетельству Апулея, человеческий дух, особенно простой и чистый, может также отвлечением и очарованием некоторых священнодействий погружаться в сон и отчуждаться до забвения настоящего, так что с устранением памяти о теле возвращается в свою божественную природу и, озарённый божественным светом и вдохновлённый божественным исступлением, предчувствует будущее, а также получает силу совершать некоторые чудесные действия.

Прорицатели, вдохновлённые божеством, никого не боятся. Поэтому Ямвлих говорит: «Когда прорицатели вдохновлены божеством, они ничего не боятся и ни перед чем не робеют: идут по непроходимым местам, невредимыми устремляются в огонь и переходят реки». Так читаем, что некоторые пещеры, например Аполлона и Трофония, треножники, гроты, источники, озёра и подобное были так посвящены богам или устроены с таким таинством, что жрецы черпали оттуда дух прорицания. Как говорит Ямвлих Порфирию: «Сивилла в Дельфах обыкновенно принимала бога двумя способами: либо через тонкий дух и огонь, вырывавшийся из устья пещеры, либо сама сидя в святилище на посвящённом божеству медном треножном сиденье; в обоих

случаях, движимая этим божественным духом, она изливала прорицания. Тогда обильный огонь, летящий из пещеры, окружает прорицательницу со всех сторон и, наполнив её божеством, возбуждает; либо, прилепившись к священному сиденью, через которое она вдохновлена богом, она тотчас изрекает прорицания. Также прорицательница в Бранхидах садится на ось или держит в руке жезл, дарованный ей неким божеством, либо временами омывает водой ноги и край одежды, либо вдыхает огненное испарение вод. Всем этим она наполняется божественным сиянием и возвещает содержательные оракулы».

Читаем также, что во Фракии было святилище, посвящённое Либеру, откуда обыкновенно давались прорицания и оракулы; предстоятели этого храма совершали обряд, вдоволь выпив вина. У кларийцев, где был храм Аполлона Кларийского, те, кому дозволялось изрекать божественное, прежде пили воду. Был также прорицательный источник в Патрах Ахайи перед храмом Цереры: спрашивающие об исходе болезни медленно опускали зеркало на тонкой верёвочке до самой поверхности воды; после определённых молений и курений исход дела являлся в зеркале. Недалеко от Эпидавра, города Лаконии, было глубокое озеро, называемое водой Юноны: брошенные туда пшеничные лепёшки давали ответы — благоприятные, если волны спокойно удерживали их, и неблагоприятные, если отбрасывали, словно отвергая. Передают, что подобное происходило в кратерах Этны: бросаемые туда монеты или жертвы удерживались либо выбрасывались, являя счастливое или печальное предзнаменование. Подобное рассказывает Дион в «Римской истории» о месте, называемом Нимфеем: бросая таким образом ладан в пламя, получали ответы обо всём, что желали узнать,

кроме смерти и относящегося к браку. Удивительно и переданное Аристотелем об источнике паликов в Сицилии: подходившие к нему для клятвы записывали на табличках всё, что хотели утверждать, запечатывали и бросали в источник. Если написанное было истинно, таблички плавали на воде; если ложно и клятва давалась со злым умыслом, они тотчас погружались вместе с вопрошающими; внезапно вырывавшийся огонь схватывал виновного в клятвопреступлении и сжигал его дотла. В городе Додоне был также дуб, который, когда кто-либо входил получить ответ, тотчас двигался и издавал звук. Там же стояла статуя с жезлом, ударявшим по находившемуся рядом котлу, то есть чаше; через неё ответ передавался размеренными ударами чаши. Потому в письме Авсония Павлину читаем:

Не умолкает и звон додонской меди,
Всякий раз, как под ритмическими ударами стержней
Послушные чаши отвечают размеренному биению.

Глава XLIX. О четвёртом виде исступления, происходящем от Венеры

Почему любовь слепа. Чудо. Душа человека. Четвёртое исступление происходит от Венеры: пламенной любовью оно обращает и преображает дух в Бога, делает его совершенно подобным Богу, словно собственным Божьим образом. Поэтому Гермес говорит: «О Асклепий, великое чудо — человек, живое существо, достойное почитания и поклонения. Он переходит в природу Бога, благодаря которой сам становится богом; он знает род демонов, поскольку сознаёт, что происходит вместе с ними; он презирает в себе часть человеческой природы, полагаясь на божественность другой части». Поэтому душа, уже обращённая и ставшая подобной Богу, так образуется Богом, что выше всякого разумения познаёт всё неким сущностным прикосновением божества. Потому Орфей изображает любовь без глаз: она выше разумения.

Душа, любовью так обращённая в Бога и возвышенная над умственной сферой, не только всей своей силой достигает духа прорицания и пророчества, но иногда совершает дела удивительнее и выше самой природы мира. Такое действие называется чудом. Ибо, как небо своим образом, светом и теплом совершает то, чего огонь своим природным свойством не производит, — что в алхимических делах хорошо известно из самого опыта, — так и Бог через Свой образ и свет совершает то, чего мир не может произвести врождённой силой. Образ же Бога — человек, по крайней мере тот, кто через Венерино исступление стал подобен Богу, живёт одним умом и всей грудью вмещает Юпитера. Еврейские учители и каббалисты определяют

человеческую душу как свет Божий, созданный по образу Слова — причины причин и первообраза, — как субстанцию Божью, сформированную печатью, чей знак есть вечное Слово. Имея это в виду, Гермес Трисмегист говорит, что такой человек *либо* превосходит небожителей, *либо* по меньшей мере обладает равной с ними участью.

Глава L. О восхищении и экстазе и о прорицаниях, случающихся у страдающих падучей болезнью и обмороком, а также у умирающих

Что такое восхищение. Восхищение — происходящие от Бога отвлечение, отчуждение и озарение души, посредством которых Бог вновь влечёт к высшему душу, ниспавшую от высшего к низшему. Причина его в нас — непрерывное созерцание возвышенного; насколько оно глубочайшим напряжением ума соединяет дух с бестелесной мудростью, настолько сильно своими движениями отвлекает его от чувственного и тела, иногда, как говорит Платон, так, что душа словно покидает само тело и кажется отделившейся. Так Аврелий Августин рассказывает об упомянутом выше каламском священнике: «Он лежал совершенно подобный мёртвому, без дыхания; когда его жгли и резали, он не чувствовал». Столь велика власть души, когда она достигла своей природы и не отягощена соблазнами чувств, что собственной силой она внезапно восходит не только оставаясь в теле, но иногда, освободившись от оков, летит вне тела в наднебесную обитель. Там, став уже ближайшей к Богу и весьма подобной Ему, сделавшись вместилищем божественного, она наполняется божественным светом и прорицаниями. Поэтому Зороастр говорит: «Тебе следует восходить к самому свету и лучам Отца, откуда послана тебе душа, облечённая обильным умом». Трисмегист говорит: «Тебе надлежит вознестись выше небес и быть далеко от сонмов демонов». Пифагор говорит: «Если, оставив тело, ты перейдёшь в свободный эфир, станешь бессмертным богом».

Так читаем, что Гермес, Сократ, Ксенократ, Платон, Плотин, Гераклит, Пифагор и Зороастр обыкновенно отвлекались в восхищении и так постигали мудрость многих вещей. У Геродота читаем также, что в Проконнесе был философ дивного знания по имени Атей: его душа иногда выходила из тела и, увидев далёкие пространства, возвращалась в тело более учёной. Плиний передаёт то же о душе Гармона Клазоменского: оставляя тело, она обыкновенно странствовала и приносила издалека многие истинные вести. И поныне у норвежцев и пилаппов есть многие, кто на целых три дня отвлекается от тела, а вернувшись, сообщает многое из далёких мест. Тем временем их следует охранять, чтобы никакое живое животное не переступило через них и не коснулось их: иначе, говорят, они не возвращаются в своё тело.

Душа, отделённая от тела, объемлет всякое место и время. Итак, следует знать, что по учению египтян душа, будучи неким духовным светом, после освобождения от тела объемлет всякое место и всякое время, подобно свету, заключённому в фонаре: когда его открывают, свет разливается повсюду и не иссякает, ибо он везде и всегда. Цицерон в книге «О дивинации» говорит: «Человеческий дух никогда не прорицательствует, если не освобождён так, что не имеет с телом совершенно ничего общего или имеет мало». Поэтому, достигнув этого состояния, высшей ступени созерцательного совершенства, он восхищается от всех сотворённых образов и постигает не через приобретённые образы, но взирая на идеи, познавая всё в свете идей. Платон говорит, что в этой жизни причастны этому свету весьма немногие люди, но почти все боги.

Обмороки и падучая болезнь тоже некоторым образом подражают восхищению, и при них очень часто, как при

восхищении, возникают прорицания. Читаем, что в таком прорицании отличались Геркулес и многие арабы. Есть и прорицания, промежуточные между природными гаданиями и сверхприродными оракулами: они из чрезмерной страсти, например слишком сильной любви или печали, среди частых вздохов либо в предсмертной агонии возвещают будущее, как у Стация о матери Ахилла:

И не напрасно мать
Устрашилась вёсел под стеклянной пучиной.

Ибо нашим душам присуща некая прозорливая сила, способная постигнуть всё, но окутанная и стеснённая мраком тела и смертности. После смерти, достигнув бессмертия и освободившись от тела, она обладает полным и совершенным знанием. Поэтому близким к смерти и ослабленным старостью иногда является необычный свет: душа тогда менее стеснена чувствами и понимает острее, словно немного освободившись от уз, уже не вполне подчиняется телу и, словно приблизившись к месту будущего переселения, легко воспринимает откровения, которые тогда предстают ей вперемешку с её агонией. Поэтому Амвросий в книге «О вере в воскресение» говорит: «Наша душа стремится выйти из этой телесной темницы; свободная в воздушном движении, она не знает, куда идёт или откуда приходит. Однако мы знаем, что она переживает тело и, освободившись от преград собственного чувства, свободным взором видит то, чего прежде не видела, находясь в теле. Это можно оценить на примере спящих: их души, когда тело словно погребено в покое, поднимаются к высшему и сообщают телу видения отсутствующих и даже небесных вещей».

Глава LI. О пророческом сновидении

Откуда происходят видение снов и их понимание. Сновидением я здесь называю то, что происходит при очищенном и спокойном уме от соединённых друг с другом воображающего духа и интеллекта, либо от озарения нашей души деятельным интеллектом, либо от чудесного откровения какого-либо божества. От него наша душа принимает истинные оракулы и обильно даёт нам прорицания. Во сне нам кажется, что мы спрашиваем, учимся, читаем и находим; многое сомнительное, многие советы, многое неизвестное и неожиданное, никогда прежде не испытанное нашими душами, открывается нам в сновидениях; являются образы незнакомых мест и людей, живых и мёртвых. Предвещается будущее, ещё не наступившее, и открывается уже случившееся где-либо, о чём ещё не дошло никаких известий. Такие сны не нуждаются в особом искусстве толкования, как те, о которых мы говорили в первой книге и которые относятся к гаданию, а не к предведению. Однако видевшие их большей частью не понимают: как говорит араб Абдалла, видеть сны позволяет сила воображения, а понимать их — сила интеллекта. Поэтому тот, чей интеллект погружён в чрезмерное общение с плотью и усыплён либо чей воображающий, фантастический дух столь туп и неотделан, что не может принять образы и влияния высшего интеллекта и удержать принятые, совершенно непригоден к прорицанию во сне. Желающий принимать истинные сновидения должен сохранять воображающий дух чистым, непоколебимым и невозмущённым и так его устроить, чтобы он стал достойным управления и откровения ума и интеллекта. Ибо такой дух, весьма пригодный для прорицания, есть, по словам Синезия,

яснейшее зеркало всех образов, отовсюду истекающих от вещей.

Итак, когда мы здоровы телом, не смятены душой, не отягощены избытком пищи и не скорбим от недостатка, когда нас не тревожат пороки похоти и гневливости и мы целомудренно ложимся и спим, тогда наша чистая божественная душа, свободная от всякой вредной мысли, освобождённая сном и опирающаяся на этот божественный дух как орудие, принимает сияющие лучи и образы от божественных умов. Словно в некоем боготворящем зеркале, она видит гораздо достовернее, яснее и действеннее всякого обычного исследования интеллекта и рассуждения: божественные силы наставляют душу, приглашённую в их собрание благодаря ночному уединению. И когда она бодрствует, благосклонное божество также не оставит её и будет направлять её действия. Поэтому всякий, кто спокойным благочестивым размышлением и умеренным, сообразным природе образом жизни сохраняет свой дух чистым, пользуется хорошо подготовленным орудием, чтобы таким путём стать божественным и знающим. У кого же воображающий дух немощен, тот не принимает ясных и различимых видений.

Подобие. Как подслеповатый глаз из-за слабости судит смутно и неразборчиво, так и когда мы пресыщены пищей и вином, наш дух, подавленный вредными испарениями, обманывается и тупеет, подобно мутной воде, которая один и тот же образ отражает неодинаково. Потому прорицатель Амфиарай, как читаем у Филострата, велел желающему получать оракулы целый день воздерживаться от пищи, а три дня — от вина: душа не может правильно прорицать, если не освобождена от вина и пищи. Ибо боги обыкновенно даруют оракулы трезвым, благочестивым душам, занятым богопочитанием. Филострат,

книга II, глава 14. Поэтому Орфей восклицает:

Вестник грядущего, величайший прорицатель,
Ты приходишь к душам, убаюканным покоем сна,
Обращаясь к ним, пробуждаешь ум,
Во сне влагаешь в них решения блаженных богов,
Безмолвно возвещая будущее безмолвным душам,
Тем, говорю, чьи умы правильно блюдут богопочитание.

Поэтому у древних был обычай: желающие получить ответы прежде совершали священные очищения и жертвы, а после богопочитания благоговейно ложились спать в освященной спальне или хотя бы на шкурах принесённых ими жертв. Об этом обряде Вергилий упоминает в стихах:

В сомнении ищут ответов; сюда принёс дары
Жрец и тихой ночью на разостланных шкурах
Закланных овец возлёг и предался сну.

И немного далее поёт:

Здесь и тогда сам отец Латин, ища ответа,
Сто овец шерстистых по обряду заклал
И лежал спиною на их настланных
Рунах.

Правители лакедемонян, как говорит Цицерон, обыкновенно ложились ради сновидения в храме Пасифаи; так же поступали в храме Эскулапа, от которого, полагали, посылаются истинные сны. Калабрийцы, желая вопросить Подалирия, сына Эскулапа, засыпали возле его гробницы на овечьих шкурах: так во сне каждому сообщалось то, что он желал узнать.

Время сновидений — ночь. Наиболее свойственное сновидениям время — ночь, когда чувства освобождены от блуждающих предметов, дневных заблуждений и пустых страстей, страх не поражает душу, мысль не колеблется и мирнейший ум неизменно прилепляется к божеству.

Четыре вида истинных сновидений. Как говорит рабби Иоханан в «Книге старцев», истинных снов четыре вида: первый — утренний, между сном и бодрствованием; второй — увиденный об ином человеке; третий — тот, чьё толкование ночным видением показывается самому сновидцу; четвёртый — повторившийся тому же сновидцу. Так Иосиф сказал фараону: «То, что ты вторично увидел сон об одном и том же, есть признак достоверности». Наиболее достоверен сон о том, что человек обдумывает и перебирает в уме, ложась спать, как написано: «Ты, царь, на ложе своём начал думать, что будет после этого». Толкователь чужих снов должен обладать знанием, позволяющим различать и распознавать подобия всех вещей, и знать обычаи всех народов согласно законам, принятым ими о Боге и ангелах.

Пустое, примешанное к снам. Кроме того, следует знать: едва ли есть, или вовсе нет, сна без чего-либо пустого, как нет пшеничного зерна без мякины. Об этом свидетельствует сон самого патриарха Иосифа, который отец Иаков истолковал так: «Что означает этот сон, который ты видел? Неужели я, твоя мать и твои братья поклонимся тебе до земли?» Это не исполнилось относительно матери, впоследствии умершей. Об этом также рабби Иоханан в названной книге. Присоединяясь к нему, рабби Леви говорит, что любой пророческий сон может оставаться неисполненным не более двадцати двух лет: так Иосиф на

семнадцатом году жизни увидел сон, осуществившийся впоследствии на тридцать девятом году.

Что требуется для принятия божественных сновидений. Итак, желающий получать божественные сны пусть будет хорошо устроен телом, свободен мозгом от испарений и душой от волнений; в тот день пусть воздержится от ужина и не пьёт опьяняющего. Пусть спальня будет чистой, опрятной, заклятой и освящённой; совершив в ней курение, умастив виски, надев на пальцы кольца сновидений, положив под голову небесное изображение и священную запись и призвав божество священными молитвами, пусть ложится, сосредоточив мысль на том, что желает узнать. Так он увидит истиннейшие, несомненные сны с истинным просветлением интеллекта. Кто умеет соединить рассеянно сказанное нами об этом в этих книгах, легко обретёт дар оракулов и сновидений.

Глава LII. О жребиях и приметах, обладающих несомненной силой оракулов

Есть также жребии, обладающие божественной силой оракулов и служащие словно указателями божественного суда. Их предварительно испрашивают многими молитвами и молениями ищущих ответа; иногда их предписывает сам Бог, как читаем в Левите о козле, приносимом Господу, и козле отпущения, а в книге Чисел — о жезлах колен Израилевых. Моисей и Иисус Навин, бросая жребии пред Господом, разделили земли и наследия между коленами Израилевыми по Божьему предписанию. Апостолы Христовы после молитв жребием избрали Матфия вместо предателя Иуды. Когда пророк Иона, бежав от лица Господа, плыл в Фарсис и поднялась буря, моряки жребием узнали, что он причина опасности; после того как его бросили в море, буря прекратилась. Цезарь рассказывает о Марке Валерии Процилле, захваченном врагами: трижды жребием решали, сжечь ли его немедленно или оставить до другого времени; благодаря жребиям он спасся невредимым. Некогда в Буре, городе Ахайи, был оракул Геркулеса, состоявший из игральных костей и доски. Желающий спросить о чём-либо после молитв богу бросал четыре кости; прорицатель, наблюдая их положение и фигуры, находил написанное на доске указание будущего. Все кости были изготовлены из костей жертвенных животных.

Древние отцы бросали жребий не легкомысленно. Следует знать, что древние отцы не имели обыкновения бросать жребий по всякому пустячному поводу, но лишь по необходимости или ради великой пользы, и только с величайшим благочестием,

почтением, очищениями, постами, чистотой, молитвами, призываниями, обетами, жертвами, освящениями и прочими священными таинствами религии. Священнодействия, должным образом предпосланные нашим делам, особенно привлекают божественную волю и благосклонность и присутствие божественных духов: по их распоряжению жребий направляется, и мы получаем истинный приговор об искомом.

Расположение желающего действовать жребиями. Всякий, действующий посредством жребия, должен приступать с хорошо устроенной душой, не смятенной и не рассеянной, с сильным желанием, твёрдым решением и постоянным намерением узнать искомое. Кроме того, отличаясь чистотой, целомудрием и святостью перед Богом и небесным, с несомненной надеждой и крепкой верой он должен призывать священными молитвами, чтобы стать достойным встречи с божественными духами и познания божественной воли. Если ты будешь так расположен, силой жребия тебе откроются величайшие тайны и ты станешь правдивым прорицателем прошлого, настоящего и будущего, о которых тебя спросят. Сказанное здесь о жребиях следует соблюдать и при гадании по знамениям и приметам, когда с трепетом, но твёрдым ожиданием мы назначаем себе определённые приметы для прорицания либо просим знака, как, читаем, делали раб Авраама Елеазар и судья Израиля Гедеон. Некогда в Фарах, городе Ахайи, посреди площади стояло изваяние Меркурия. Желающий получить знамение воскурял ладан, зажигал стоявшие перед ним светильники, клал местную монету в правую руку изваяния, затем шептал ему в ухо всё, о чём хотел спросить, и тотчас обеими руками закрывал свои уши и поспешно уходил с площади. Выйдя за её пределы, он тотчас открывал уши и первый услышанный голос принимал как

достоверное знамение и данный оракул. Поэтому, хотя несведущим подобные жребии кажутся лишёнными разумного основания, словно происходящими от случая или случайного исхода, они всё же по определённым основаниям устрояются Богом и высшими силами и выпадают не помимо намерения управляющего ими. Разве при избрании Саула царём Израиля не казалось, что жребий выпал на него случайно? Однако он уже прежде был поставлен царём Господом и помазан пророком Самуилом; поскольку Бог назначил его царём, Он устроил и жребии так, чтобы они выпали на него. Об этом пока достаточно.

Глава LIII. Как должен устроить себя желающий получать оракулы

Всякий, кто, желая достичь высшего состояния души, идёт вопрошать оракулы, должен приступать целомудренно и свято настроенным, чистым и незапятнанным, так чтобы душа его не была осквернена никакой постыдной язвой и грудь не несла отпечатанных рубцов грехов. Он должен, насколько допускает природная необходимость, совершенно отделить и очистить дух от всякой болезни, тупости, злобы и подобных страстей и от всякого неразумного состояния, пристающего к нему, как ржавчина к железу, должным образом устроив всё относящееся к спокойствию ума. Так он получит более истинные и действенные ответы. Чем очищать дух и восстанавливать его божественную чистоту, надлежит узнать из религии и мудрости: ни мудрость без религии, ни религия без мудрости не заслуживают одобрения. «Мудрость, — говорит Соломон, — древо жизни для обретших её». Лукреций говорит, что она изобретение бога или дыхание бога, когда поёт:

Богом был он, богом, славный Меммий,
Кто первым открыл тот образ жизни,
Который ныне зовётся мудростью, и искусством
Из стольких волн и столь глубокой тьмы
Поместил жизнь в столь тихий и ясный свет.

Человек — храм Бога. Он также понимает её как божественное озарение. Поэтому Демокрит не считает мудрыми никого, кроме охваченных неким божественным исступлением. Таков критянин Минос: говорят, он научился всему у Юпитера, поскольку часто беседовал с богом на горе Иде. Так афиняне рассказывают, что

Мелесагор Элевсинский был научен нимфами. Читаем также, что Гесиод, бывший пастухом в Беотии, когда пас стадо возле горы Геликон, получил от Муз несколько тростников и, приняв их, внезапно обрёл поэтический дар. Мгновенно достигать этого и подобного, несомненно, свойственно не человеческому духу, но божественно вдохновлённому, в котором пребывает всё совершающий Бог. Сам Бог, вселяясь в святые души, делает их пророками и творцами чудес, сильными делом и словом, как утверждают Платон, Меркурий и сам пифагореец Ксист, называя такого человека храмом Бога, а Бога — его гостем. С ними согласуется и наш Павел, называющий человека храмом Бога и в другом месте говорящий о себе: «Всё могу в укрепляющем меня Боге». Ибо Он — наша сила, без Него, как Сам Он свидетельствует, мы ничего не можем. Это признаёт и Аристотель в «Метеорологии» и «Этике»: нет никакой силы, природной или нравственной, иначе как через Бога. В своих «Тайнах» он утверждает, что добрый и здравый интеллект может проникать в тайны природы лишь при наличии влияния божественной силы, а иначе — никак. Это влияние мы принимаем только тогда, когда освобождаемся от отягчающих препятствий, плотских и земных занятий и всякого внешнего волнения: больной и нечистый глаз не может смотреть на слишком яркое; так и не знающий очищения души не сможет вместить божественное.

К чистоте души следует приходить постепенно. К этой чистоте духа надлежит приходить постепенно, словно по ступеням: не каждый недавно посвящённый в эти таинства тотчас ясно понимает всё. Дух нужно мало-помалу приучать, пока интеллект не возвысится в нас и, приблизившись к божественному свету, не сольётся с ним. Когда человеческая душа должным образом

очищена и искуплена, освобождена от всякой изменчивости, она свободным движением устремляется наружу, восходит, постигает божественное и учит саму себя, даже когда кажется, что её учат извне. Тогда благодаря природной находчивости ей не нужны ни напоминание, ни доказательство. Через свой ум, который есть глава и возничий души, она по самой природе подражает ангелам и достигает желаемого не последовательно и во времени, но внезапно, в один миг.

Давид, Соломон, прочие пророки и апостолы научены внезапно. Давид не учился грамоте, но из пастуха стал пророком и знатоком божественных вещей. Соломон в сновидении одной ночи наполнился мудростью обо всём высшем и низшем. Так научены Исаия, Иезекииль, Даниил, прочие пророки и апостолы. Ибо душа, по общему мнению пифагорейцев и платоников, может путём очищения без иного учения или исследования приобрести совершенное знание всего познаваемого, лишь немного и легко сопоставляя и добавляя к умопостигаемому, уже полученному свыше. Через внешнее очищение она может достигнуть и того, чтобы всё нераздельно постигать через собственную сущностную форму.

Как очищать дух. Дух очищается и искупается чистотой, воздержанием, покаянием, милостыней; тому же содействуют некоторые священные установления, как будет видно ниже. Душу следует врачевать религиозными занятиями, сокрытыми от простонародья, чтобы, восстановленная в здоровье, утверждённая в истине и укреплённая божественной защитой, она не боялась возникающих потрясений.

Глава LIV. О чистоте и о том, как её соблюдать

Прежде всего следует соблюдать чистоту в пище, делах и чувствах, изгонять всякую нечистоту и душевные волнения, всё оскорбляющее чувство и дух и всё человеческое, несходное с небом, — не только в душе и духе, но также в теле и около тела. Такая внешняя чистота, как полагают, немало содействует чистоте души. Поэтому пифагорейские философы, охваченные жаждой оракулов, после божественных славословий омывались в реке или купальне, надевали белые льняные одежды. Шерсть — несвященное одеяние. Шерсть они считали несвященной одеждой, словно выделением звериной нечистоты, снятым со скота; жили в чистой, совершенно незапятнанной спальне.

Одежда и поведение брахманов. Подобным образом индийские мудрецы брахманы имели обыкновение, сняв одежды, омываться в источнике Дирке в Беотии, предварительно умастив голову янтарными каплями и подходящими благовониями. Затем, достаточно очистившись по обряду, выходили около полудня в белоснежном льне и белой митре, с кольцами на пальцах и жезлами в руках. Так же у гимнософистов считалось священным омываться холодной водой трижды днём и дважды ночью прежде входа во внутренние святилища; они носили льняные одежды, ежедневно заново вымытые. Тот же обряд омовения читаем у Гесиода в книге «Труды и дни», где он поёт:

Пусть никто на заре не дерзает возливать Юпитеру вино
Немытыми руками, как и прочим бессмертным:
Они не хотят так внимать и отвергают моления.

И в другом месте:

Когда нечестивец переходит реку с немытыми руками,
Боги гневаются и посылают ему страдания.

Потому у Вергилия Эней так обращается к отцу:

Ты, отец, возьми рукой святыни и отеческих пенатов;
Мне, вышедшему из столь великой войны и недавней резни,
Нечестиво касаться их, пока в живой реке
Не омоюсь.

Ибо у язычников было обычаем перед жертвами вышним богам очищать тело омовением, а для умилостивления подземных богов достаточно было одного окропления. Поэтому у Вергилия Дидона, готовя священнодействия подземным богам, говорит:

Дорогая кормилица, приведи сюда сестру Анну,
Вели ей поспешить окропить тело речной водой.

И в другом месте, изображая Энея, приносящего Прозерпине ветвь в преисподней, поёт:

Эней входит в святилище и тело свежей
Водой окропляет.

Также, повествуя о погребении Мизена, поёт:

Он трижды обошёл товарищей с чистой водою,
Окропляя лёгкой росой и ветвью счастливой оливы.

Обретя чистоту, человек становится небесным и духовным и готовится к созерцанию Бога и единению с Ним, служа Богу чистым телом и чистым умом и во всём соблюдая чистоту — во

внутренностях, коже, одеждах, утвари, жилищах, дарах, приношениях, жертвенных животных и жертвоприношениях. Чистота всего этого очищает и воздух, привлекает чистейшее влияние небесного и божественного, влечёт и обращает к нам чистых служителей Бога и добрых демонов. Впрочем, иногда и нечистые духи и злые демоны, словно обезьяны добрых, либо ради поклонения и обмана требуют такой чистоты. Поэтому прежде всего следует заботиться о чистом духе и чистом сердце, к которым нечистые силы не могут подняться.

Глава LV. О воздержании и постах, целомудрии, уединении, спокойствии и восхождении духа

Воздержание повсюду надёжно укрепляет и защищает соблюдающих его от пороков и злых демонов, делает дух словно непорочным храмом Бога и соединяет ум с Богом. Для здоровья и уравновешенности телесного состава также нет ничего лучше, чем не накапливать излишнего и не превышать меры необходимой пищи. Принимать следует не пищу, которая сильнее природы, но ту, от которой природа укрепляется. Так о Христе некоторые утверждают, что Он принимал пищу в такой мере, чтобы порождать избыток четвёртого пищеварения. Многие другие благодаря скудной пище пользовались здоровьем и подвижностью тела, как Моисей и Илия, продлившие пост до сорокового дня: отчего первый сиял лицом, а второй, поднятый ввысь, легко направлял своё тело по желанию, словно дух.

Маги и философы утверждают, что наш дух питается не так, как земное тело, пищей, полученной через определённые органы от переваривания еды и питья, но, подобно губкам, всем телом отовсюду впитывает своё питание — тончайшие испарения, проникающие в тело со всех сторон. Поэтому желающие иметь этот дух чистым и сильным употребляют более сухую пищу, истончают постами грубое тело и делают его легко проницаемым, чтобы его тяжесть не огрубляла и не удушала дух. Омовениями, растираниями, упражнениями и одеждой они сохраняют тело чистым, а дух укрепляют очищениями и курениями и приводят к чистой, тонкой незамутнённости. Поэтому в принятии пищи мы должны быть чисты и воздержны,

как пифагорейские философы, которые, сохраняя священную и трезвую трапезу, проводили жизнь во всякой умеренности.

Действие умеренности. Такая умеренность жизни и телесного состава не вызывает смятения от преобладания какого-либо сока, возбуждающего воображение к какому-либо образу, и делает нашу душу весьма часто во сне, а иногда и наяву всегда восприимчивой к высшим влияниям. Кроме того, пифагорейцы обещают постоянное здоровье души и тела и долгую жизнь тому, кто благоразумно регулирует воздержанием каждое их движение. Так брахманы никого не принимали в своё сообщество, если он не воздерживался от вина, мяса и пороков, говоря, что никто не может понимать Бога, если не подражает Ему божественным образом жизни. Этому у Филострата Фраот учил также нижних индийцев.

От чего человеку особенно следует воздерживаться. Кроме того, надлежит воздерживаться от всего оскверняющего душу и дух: от вожделений и зависти, служанок несправедливости, как говорит Гермес, толкающих ум и руку к злодеяниям; также от праздности и роскоши. Ибо душа, удушенная косностью и похотью, не может предвидеть ничего небесного. Поэтому афинские жрецы, называемые по-гречески иерофантами, как сообщает Иероним, чтобы целомудреннее совершать обряды и заниматься божественным, имели обыкновение оскоплять себя питьём цикуты. Кроме того, целомудрие ума, посвящённого Богу, само делает нашу душу вечным и всегда готовым Божьим храмом, как Орфей учит Мусея в гимне всем богам. Мы также должны воздерживаться от всякой множественности и разнообразия ощущений, чувств, воображений, мнений и подобных страстей, вредящих духу и извращающих суждение

рассудка, что ясно видно на влюблённых, завистливых и честолюбивых. Потому Цицерон в «Тускуланских беседах» называет эти страсти душевными недугами и пагубными болезнями; Гораций же называет их неистовствами или безумиями, когда поёт:

Тысяча безумств девушек, тысяча безумств юношей.

Екклесиаст, 1. Он, по-видимому, считает также, что в этом все люди в чём-нибудь глупы; потому читаем у Сираха: «Число глупцов бесконечно». Поэтому стоики отрицают, что мудрецу свойственны страсти — именно следующие за чувственным восприятием; рассудочные и умственные страсти они мудрецу допускают. Так, по-видимому, думает и Боэций, когда поёт о необходимости отвергнуть некоторые страсти при поиске истины:

И ты, если хочешь
В ясном свете
Видеть истину,
По прямой стезе
Проходить путь,
Прогони радости,
Прогони страх,
Пусть не будет печали,
И надежду изгони:
Ум затуманен
И связан уздою,
Где они царят.

Итак, чтобы достигнуть простейшей истины, следует совершенно освободить и отвратить дух от всякой множественности и подобных страстей. Многие философы, как

читаем, достигли этого долгим уединением. Ибо дух, освобождённый уединением от всякой заботы о человеческих делах и обращённый к священным божествам и небесному, ежедневно постигает то, что небесные силы намерены совершить. Так Моисей, законодатель евреев и величайший из пророков, обученный всей халдейской и египетской мудрости, желая отвлечься от чувств, удалился в обширные пустыни Эфиопии. Там, оставив все человеческие дела, он обратил дух и ум к одному созерцанию божественного и так угодил всемогущему Богу, что удостоился видеть и созерцать Его лицом к лицу, получив также поразительную силу чудес, о которых свидетельствует Священное Писание. Так Зороастр, отец и глава магов, как говорят, достиг знания всех природных и божественных вещей двадцатилетним уединением, где обо всём искусстве гадания и прорицания многое написал и совершил. Что подобное делал Орфей в пустынях Фракии, показывают его сочинения к Мусею. Читаем, что Эпименид Критский был научен неким весьма долгим сном: говорят, он проспал пятьдесят лет, понимая под этим, что он скрывался. Пифагор, как сообщают, также скрывался десять лет; по той же причине Гераклит и Демокрит любили уединение. Ибо чем больше мы оставляем животную и человеческую жизнь, тем больше живём жизнью ангелов и Бога; соединившись с ними и восстановившись в лучшей участи, мы способны на всё и всем господствуем.

Чего человеку особенно следует избегать. Как отделить наш дух от животной жизни и всякой множественности и возвысить его до самого Единого, Благого, Истинного и Прекрасного через отдельные ступени познаваемого и познаний, Прокл учит в комментариях к «Алкивиаду». Он показывает, что прежде всего нужно избегать чувственного, чтобы перейти к бестелесной

сущности. Здесь следует превзойти порядок душ, ещё умноженный многими основаниями, различными отношениями и пропорциями, множеством связей и разнообразием сил, и устремиться к интеллекту и умопостигаемым царствам, созерцая, насколько они выше душ. Далее следует оставить даже умственную множественность, хотя она объединена и неделима, и достигнуть сверхумственного сущностного единства, свободного от всякой множественности, источника самого благого и истинного. Подобным образом нужно избегать всякого знания, многообразно отвлекающего и обманывающего, чтобы обрести простейшую истину. Поэтому следует оставить множественность чувств, ощущений, воображений и мнений, столь различную в себе, что в каждом одно противоречит другому, и восходить к наукам, в которых хотя есть разнообразная множественность, но нет противоречия: все они связаны между собой, одна подчинённо помогает и служит другой вплоть до единой науки, предполагаемой всеми и не предполагающей далее никакой иной, к которой надлежит относить все остальные. Но и здесь не высшая вершина познания: над ней чистый интеллект. Поэтому, оставив всякое сложение, разделение и многообразное рассуждение, восходя к умственной жизни и простому созерцанию, рассматривая умопостигаемую сущность неделимыми простыми восприятиями, достигнем высшего бытия самой души, благодаря которому мы едины и под которым объединяется наша множественность. Так через само единое, словно цвет нашей сущности, прикоснёмся к первому Единому, от которого всем присуще единение. Этого мы достигаем лишь тогда, когда, избегнув всякой множественности, восстаём в собственное единство, становимся едиными и действуем единообразно.

Глава LVI. О покаянии и милостыне

Какова главнейшая часть очищений. Важнейшая часть очищений — добровольное покаяние в проступках; ибо, как говорит Сенека в «Фиесте», раскаявшийся в грехе почти невинен. Оно приносит нам величайшее очищение, противопоставляя тягость наслаждениям, удаляет из души безрассудную радость и сообщает особую силу, возвращающую к высшему.

Что такое покаяние. Покаяние — не только умерщвление пороков, но и духовное мученичество души, со всех сторон пронзаемой мечом духа; меч же духа — слово Божье. Поэтому пророк Иеремия и также Павел, пишущий эфесянам, говорят: «Проклят удерживающий свой меч от крови»; а псалмопевец поёт: «Меч в устах их». Поэтому мысли, душевные чувства и всё злое, выходящее из нашего сердца и уст, следует открывать священнику на исповеди, чтобы он судил это по слову Божьему и, согласно данной ему Богом власти, наложив покаяние, очищал, искупал и направлял к благу. В религии нет таинства более действенного для уничтожения вины, чем покаяние. Поэтому сами боги, по свидетельству Овидия в «Письмах с Понта»,

Часто облегчают кары и возвращают отнятое зрение,
Когда видят искреннее раскаяние в грехе.

Похвала милостыне. Есть ещё другое таинство очищения — милостыня; о ней я помню мало прочитанного у философов или вовсе ничего. Но высшая Истина научила нас ей, сказав: «Давайте милостыню, и всё будет чисто для вас». У Сираха читаем: «Как вода гасит огонь, так милостыня гасит грех». Даниил учил вавилонского царя искупать грехи милостыней; ангел Рафаил

свидетельствует Товии: «Милостыня избавляет от смерти, очищает грехи и даёт обрести вечную жизнь». Поэтому Христос велел молиться Отцу: «Прости, как мы прощаем, и дай, как мы даём». Об этом Он сказал в другом месте: «Получите во сто крат и наследуете вечную жизнь». Он же, судя живых и мёртвых, прежде всего упрекнёт осуждённых за пренебрежение милостыней и делами милосердия, говоря: «Я алкал и жаждал, а вы не дали Мне есть и пить». Ещё в другом месте, говоря о бедных, сказал: «Что сделали одному из них, сделали Мне». По-видимому, это имел в виду и Гомер, изображая юношу, говорящего жениху Антиною: «Антиной, нехорошо ты ударил несчастного нищего; погубит тебя бог, если есть наднебесный. Ибо и боги, уподобившись чужестранным гостям и обходя весь мир, ниспровергают города людей, видя их обиды и нечестие».

Глава LVII. О том, что, применяемое извне, способствует очищению

Сведущие в священном передали, и этому верят, что дух очищается также определёнными священными установлениями и таинствами, совершаемыми извне: жертвами, омовениями, заклинаниями, благословениями, освящениями, окроплением очищенной или святой водой, а также некоторыми умащениями и куреniями, не только освящёнными для этого, но и от природы обладающими такой силой. Так в религиозных обрядах применяется сера, дым которой изгоняет злых демонов. Яйцо также обыкновенно употребляли при очищениях; отсюда они названы очистительными яйцами. Поэтому Овидий:

Пусть придёт старуха, чтобы очистить ложе и место,
И принесёт дрожащей рукой серу и яйца.

Прокл также пишет, что жрецы при очищениях обыкновенно пользовались серой и асфальтом либо омовением морской водой: сера очищает благодаря резкости запаха, морская вода — благодаря огненной части. Подобным образом очищает трава пятипал; поэтому древние жрецы употребляли её при очищениях ради её чистоты. Так же и ветви олив: олива считается столь чистой, что, говорят, посаженная блудницей либо остаётся навеки бесплодной, либо совершенно засыхает. Подобно этому очищению способствуют ладан, мирра, вербена, валериана, называемая также светлой травой, а по-арабски — фу; также бенедикта и гариофиллата. Курение желчью чёрной собаки, как говорят, особенно действенно в этом — для изгнания злых демонов и устранения колдовства, где бы оно ни было; курение

перьями удода также прогоняет призраки.

Удивительное о корне баарас. Удивителен и едва правдоподобен, если бы не серьёзный и достойный уважения автор Иосиф в «Иерусалимской истории», рассказ о корне баарас, названном так по месту возле иудейского города Махерунта. Он говорит, что корень огненного цвета и ночью излучает сияние; однако добыть его чрезвычайно трудно: он ускользает от рук ловящего и избегает глаз, не останавливаясь, пока его не окропят мочой женщины во время месячных. Но и удержанный так, он вырывается небезопасно: вырывающего немедленно постигает смерть, если он не защищён амулетом из того же корня. Не имеющие его обкапывают землю вокруг, привязывают корень петлёй к собаке и внезапно уходят. Собака, с большим усилием стремясь последовать за ними, вырывает корень и тотчас умирает, словно расплачиваясь вместо хозяина; после этого каждый может обращаться с корнем без опасности. Его сила при очищениях превосходна: установлено, что он тотчас освобождает даже мучимых нечистыми духами.

Огонь в Сицилии. Полагают, что подобные вещества действуют на духовные сущности, прогоняя, привлекая, смягчая или возбуждая их, так же, как сицилийский огонь действует на души: по свидетельству Вильгельма Парижского, не повреждая тела, он нестерпимо мучает души приближающихся. Впрочем, об этом частью сказано выше.

Глава LVIII. О поклонениях и обетах

Поклонения, обеты, жертвы и приношения — ступени священного поиска Бога. Они прежде всего привлекают божественную волю и создают священное неразрывное общение душ с богами. Из молитв, которые мы произносим истинными священными словами, чувством и умом, мы приобретаем великую силу: направленные к определённому божеству, они побуждают его обратить к нам своё слово и ответ посредством божественного луча. Этим лучом, как говорит Дионисий, Бог беседует с людьми, но столь сокровенно, что едва немногие воспринимают. Однако царь и пророк Давид воспринимал весьма часто: «Когда, — говорит он, — услышу, что во мне говорит Господь Бог?» Итак, поклонение, весьма долго продолжаемое и часто повторяемое, совершенствует интеллект, расширяет душу для принятия божественного света, воспламеняет божественную любовь, вселяет надежду, веру и священные нравы, очищает душу от всего противного и враждебного и отвращает многие бедствия, которые иначе произошли бы естественным образом. Поэтому Овидий поёт:

Просительный голос склоняет разгневанного бога.
Часто я видел: Юпитер, желая метнуть свирепые
Молнии, удерживал руку при вознесённом ладане.

Как человек возвращается к Богу. Человек возвращается к Богу через молитвы; придя туда, как говорит Платон в «Федре», он останавливает коней и входит в пиршественную палату, где питается амброзией и пьёт нектар. Поэтому желающие обладать какой-либо силой должны молиться и часто умолять Того, Кто содержит в Себе всякую силу. Лучшая и превосходнейшая

молитва — не произносимая устами, но приносимая Богу в священном молчании и цельной мысли: взывая голосом ума, она словами умственного мира почитает богов-предстоятелей.

Что такое обет. Обет — пламенное чувство целомудренной души, посвящённое Богу; давая обет, душа желает того, что представляется благом. Это чувство, по свидетельству Ямвлиха и Прокла, так соединяет души с Богом, что иногда действие Бога и души становится единым: Бога — как мастера, души — как божественного орудия. Вся древность свидетельствует, что через обеты иногда совершаются чудеса, исцеляются болезни, отвращаются бури и тому подобное. Поэтому читаем, что самые выдающиеся и мудрые мужи у всех народов — индийские брахманы, персидские маги, египетские гимнософисты, греческие и халдейские богословы, установившие праздники богов и сокровенные таинства, — особенно прилежали божественным обетам и молитвам и совершили много удивительного.

Для совершенства обета требуются две вещи. Для совершенства обета и поклонения, ибо ни обет без поклонения, ни поклонение без обета не вполне совершенны, прежде всего требуются две вещи. Во-первых, знание того, кому следует поклоняться и давать обет и каким способом, в каком порядке, через какие посредства его почитать. Ибо у Бога много соработников и орудий: небеса, звёзды, служебные духи, небесные души и герои. Их, словно привратников, толкователей, служителей и посредников, прежде должен умолять тот, кто направляется к первообразному Богу, единственному конечному пределу поклонения; прочие божества — словно подходы к самому Богу. Итак, знай: поклонения и обеты надлежит прежде всего приносить чистым благочестивым умом одному Богу,

высшему Отцу, царю и господину всех богов. Когда же они обращаются к низшим богам, намерение должно касаться только служения, порученного им высшим Отцом. Поэтому Зороастр и Орфей считали дозволенным применять курения, знаки и подобное при поклонениях и обетах низшим божествам, но не при обращении к величию высшего Юпитера. Это запрещают также Гермес и Платон. Потому Гермес говорит Татию: «Подобно святотатству желать воскурять ладан и подобное, когда молишься Богу». Ибо, как говорит Порфирий, это чуждо всякому благочестию: нельзя найти ничего материального, что не было бы непристойным для нематериального Бога; поэтому Ему не подобает и молитва, произнесённая голосом, и даже внутренняя молитва, если дух осквернён пороком. Во-вторых, требуется некоторое уподобление нашей жизни божественной, происходящее из чистоты, целомудрия и святости, вместе с дозволенным желанием просимого. Этим прежде всего мы приобретаем божественную благосклонность и становимся восприимчивы к божественной щедрости. Если наш очищенный дух недостоин быть услышанным, а просимое недостойно исполнения, очевидно, что боги не присутствуют при наших молитвах. Поэтому божественный Платон говорит, что никакими молитвами и дарами нельзя склонить Бога к несправедливому. Не станем же просить у Бога того, чего нам неприлично желать. Уже по одной этой причине мы видим, что многие напрасно молятся и дают обеты: сами они не настроены благочестиво, желания и просьбы их не о том, что угодно Богу; они не умеют различать порядок поклонения и посредников, через которых следует идти к самому Богу. Незнание этого часто обращает молитвы и моления в ничто и приводит к отказу в исполнении обетов.

Глава LIX. О жертвах и приношениях, их видах и способах

Многие виды жертв. Очистительная жертва. Жертва есть приношение, которое становится священным через принесение и освящает приносящего, если этому не препятствует его непочтительность или иной грех. Такие жертвы и приношения дают нам большую уверенность, делают нас Божьими домочадцами и отвращают многие угрожающие беды. Это особенно подтверждают еврейские учители: убивая наших животных и расходуя имущество в жертве, мы отводим грозящие нам беды на них. Как здешний смертный жрец в низшем мире приносит Богу души неразумных животных через гибель тела, отделяемого от души, так архангел Михаил, жрец высшего мира, приносит души людей через отделение души от тела, а не тела от души, разве лишь случайным образом, как бывает при исступлении, восхищении, экстазе, сне и подобных освобождениях души, что евреи называют смертью поцелуя. Жертвы и приношения должны прежде всего и преимущественно совершаться высшему Богу; когда они направлены ко вторым божествам, понимай это так, как сказано о молитве и обете: всё сказанное там по сходству подразумевается и здесь.

Есть много видов жертв. Одна называется всесожжением, когда жертва уничтожается огнём; другая — закланием вследствие пролития крови. Одни называются спасительными и совершаются ради обретения спасения, другие — мирными ради мира, третьи — хвалебными за избавление от бед или дарование благ, четвёртые — благодарственными ради почитания Бога и

благодарения. Некоторые совершаются не ради чести Бога и не по доброй воле, как еврейская жертва ревности, приносившаяся только для раскрытия скрытого прелюбодеяния. Некогда у язычников была очистительная жертва, которой очищали города, поражённые голодом, мором или иной ужасной бедой. Обряд состоял в том, чтобы отыскать самого безобразного человека в городе; его хватали и вели в установленное место с сыром, лепёшкой и сушёными фигами в руках, семь раз били дикими прутьями, сжигали на диких дровах и бросали пепел в море. Об этом упоминают Ликофрон и Гиппонакт. Не слишком отличное рассказывает Филострат об Аполлонии Тианском, когда тот изгонял мор из Эфеса.

Виды жертв. Было также множество видов жертв и жертвенных обрядов: Агоналии, Дапса, Фарреации, Гекатомба, Гостия, Гиакинтии, Армилустры, Януалии, Лукалии, Луперкалии, Мунихии, Новендиналии, Никтилуки, Палатиалии, Пастилларии, Популярии, Протервии, Скенопегии, Солитаурилии, Статы, Робигалии, Фонтаналии, Ормии, Паренталии, Инферии, Консуалии, Ламптерии, Амбурбии, Амбарвалии, Вивалии, Фии, Голокаустоматы, Оргии, Латиалии, Дианетаврики, Вакханалии, Триетерики, Либералии, Кокитии, Цереалии, Фесмофории, Адонии, Феонии, Лавренталии, Опалии, Палилии, Квириналии, Вертумналии, Гинекеи, Панафинеи, Квинкватрии, Диапалии, Диасии, Горма, Гормеи, Немеи, Митриаки, Палогигии. У них были различные собственные жертвы: у Вакха — козёл и осёл; у Цереры — свинья; у Солнца — конь; у Дианы — лань и собаки; у Приапа — осёл; у Исиды — гусь; у Ночи — петух; у Фавна — коза; у Нептуна — бык; у Минервы — коза; у Геркулеса — бык; у Сатурна — мальчик; у Майи — супоросная свинья; у Эскулапа — петух. А Геркулесу

Книдскому приносили жертвы с бранью и ругательствами. Были разные разряды жрецов: понтифики, фламины, архифламины, филады, салии, иерофанты; разные названия религий и суеверий, жертвы, церемонии, праздники, освящения, посвящения, обеты, предания себя божеству, искупления, клятвы, заклания, умилостивления, которыми обольщённые язычники служили ложным богам и демонам.

Истинная жертва двойственна. Истинная жертва, очищающая человека и соединяющая его с Богом, двойственна: одна — принесённая верховным Первосвященником Христом во отпущение грехов, очищающая всё кровью Его креста; другая — та, которой человек приносит самого себя чистым, непорочным, живой жертвой Богу. Так Христос, верховный Жрец, принёс Себя и научил нас приноситься вместе с Ним, как был принесён Он, сказав о таинстве Своего тела и крови: «Делайте это в Моё воспоминание», — чтобы мы также приносили себя, вместе умерщвлённые страданием смертного тела и оживлённые духом. Об этом Порфирий говорит: «Будем стараться принести святость нашей жизни в жертву». Никто не может быть добрым жрецом Бога, если, представляя себя жертвой, не созидает собственную душу словно изваяние и не устраивает ум и интеллект в храм, где может принять божественный свет. Внешние жертвы, как говорит Гераклит, — некоторые лекарства душ, установленные высшим врачом; ибо, как говорит Прокл, злой демон владеет человеком, пока тот не очищен жертвами.

Жертвы необходимы для умилостивления Бога. Поэтому жертвы требуются для умилостивления Бога и небесных сил и очищения человека, который сам носит образ Бога и мира. Но Господь наш Иисус Христос, истинный Первосвященник и

верховный Жрец, заключил всякую жертву в одном хлебе и вине, словно в первоначальной основе человеческой пищи. Мы, уже совершенно очищенные Его кровью, более не нуждаемся для очищения в заклании животных, иных вещей или пролитии крови.

666 видов жертв у египтян. У египтян было шестьсот шестьдесят шесть видов жертв; каждой звезде и планете они установили божественные почести и священные жертвы, поскольку те — божественные живые существа, причастные умственной душе и божественному уму.

Звёзды внимают молитвам и даруют небесные дары. Поэтому говорят, что сами звёзды, когда их смиренно умоляют, слышат наши молитвы и даруют небесные дары не столько природным способом, сколько по свободной воле. Именно это говорит Ямвлих: небесные тела и мировые божества имеют в себе одни силы божественные и высшие, другие природные и низшие. Орфей называет их ключами для открывания и закрывания: через последние они связывают нас роковыми влияниями, а через первые освобождают от судьбы. Потому, если кому грозит беда от Сатурна или Марса, маги велят прибегать не сразу к Юпитеру или Венере, а к самому Сатурну или Марсу. Так Психея Апулея, преследуемая Венерой за равную красоту, была вынуждена добиваться милости не Цереры и не Юноны, но самой Венеры.

Как древние приносили жертвы звёздам. Каждой звезде приносили принадлежащее ей: Солнцу — солнечные вещи и его животных, например лавр, петуха, лебедя или быка; Венере — её животных, например голубя или горлицу, и её растения, например вербену, как поёт Вергилий:

Вынеси воду, мягкой повязкой обвей эти алтари,
Сожги сочные вербены и крепкий ладан.

Кроме того, когда маги завершали какой-либо природный или искусственный состав, относящийся к звезде, затем благоговейно посвящали и приносили его этой звезде, намереваясь не только обрести природную силу от своевременно принятого влияния, но через само религиозное приношение получить её божественное утверждение и усиление. Ибо когда какую-либо вещь должным образом приносят Богу, она, подобно жертве, самим приношением освящается Богу и становится Его частью.

Каким богам какие жертвы обыкновенно закалывали. Небесным и эфирным богам закалывали белые жертвы, земным и подземным — чёрные; земным — на алтарях, подземным — в ямах. Воздушным и водным — птиц, первым белых, вторым чёрных. Наконец, всем богам и демонам, кроме земных и подземных, приносили птиц, последним же только четвероногих: подобное радуется подобному. Из принесённого небесным и эфирным богам дозволялось есть, оставив божеству крайние части; из прочего — нет. Всё это оракул Аполлона выразил стихами:

Тройную жертву небесным богам
Закалывай белою; тройной радуются и земные,
Но чёрной. Небесные принимают
Открытые алтари, тогда как подземные божества

Требуют ям, напитанных чёрною кровью.
И угодна лишь жертва, погребённая в земле;
Нимфы же радуются

принесённым
Мёду и текучему вину; божества, летающие
Вокруг земли, требуют зажечь огонь на алтарях,
Возложить чёрное тело, бросить вместе
Ладан, посоленное зерно и сладкие лепёшки.
Так делай; но тем, кому поручены глубины,
Всегда приноси святыни на берегу
И целое животное бросай в волны; небесным
Отдавай крайние части и сжигай их в огне.
Остальное поставь себе и сохрани для трапезы;
Пусть воздух источает благоуханные густые испарения.

Это рассказывает Порфирий в книгах «Ответов», и прочие с ним согласны. Они говорят, что эти жертвы — природные посредства между богами и людьми. Подтверждая это, Аристотель говорит, что приносить жертвы Богу присуще человеку от природы. Итак, говорят они, это посредства, причастные природе обоих и по аналогии представляющие божественное; они имеют некоторые весьма подходящие соответствия и с божеством, которому приносятся, и с очищаемыми. Однако эти соответствия столь сокровенны, что человеческий ум едва может постигнуть, чего именно Бог и божества требуют для нашего очищения, чем умилостивляются небесные силы и удерживаются от исполнения кары, заслуженной нашими проступками. Именно это Орфей называет ключами, открывающими врата стихий и небес, чтобы через них человек проникал к наднебесному, а к нему нисходили небесные интеллигенции и демоны стихий. Совершенные и истинно благочестивые люди в этом не нуждаются, но лишь те, кто, по словам Трисмегиста, впал в гармонию и стал рабом небес и творений. Поскольку они подчинены небесам, считают, что их

следует укреплять благосклонностью небесной силы, пока, воспарив выше, они не освободятся от её господства и не станут выше её.

Глава LX. Какие моления и обряды древние обыкновенно применяли при жертвах и приношениях

Слова приносящего жертву. Посмотрим теперь, какие моления они присоединяли к приношениям и жертвам. Приносящий и жертвующий Богу говорил такие или подобные слова: «Я, Твой служитель, приношу и жертвую Тебе это; признаю Тебя источником святости и призываю освятить это приношение, дабы Ты влил в него силу Твоего высокого и досточтимого духа, чтобы через неё мы получили просимое. Как эта вещь через моё приношение становится Твоей, чтобы впредь жить и умирать для Тебя, так и я да стану Твоим: через это приношение и общение, приходя приносить и жертвовать Тебе, я исповедую себя принадлежащим к Твоим домочадцам и почитателям». Кроме того, при закланиях говорили: «Как это животное в моей власти — убить, если пожелаю, или сохранить, — так в Твоей власти отнять во гневе или даровать по благосклонности то, чего мы желаем». Наконец, когда жертву совершали ради очищения или предотвращения беды, говорили: «Как это животное умирает в моей руке, так пусть умрёт во мне всякий порок и всякая нечистота»; либо: «Так пусть умрёт и уничтожится такое-то зло или несчастье». Также: «Как кровь этого животного изливается из тела, так пусть вытечет из меня всякий порок и нечистота». При всесожжении говорили: «Как это приношение уничтожается нынешним огнём, чтобы ничего от него не осталось, так пусть будет уничтожено во мне всякое зло или такое-то несчастье», — которое тогда желали отвести и избежать. Был также обычай, чтобы во время моления все, ради

кого приносилась жертва и кто желал стать её участником, касались руками самого алтаря: одна молитва не может умилостивить, если молящийся не касается алтаря руками. Потому у Вергилия:

Молящегося такими словами и держащегося алтаря
Услышал Всемогущий.

И в другом месте:

Касаюсь алтарей и огня посредине, призываю богов в свидетели.

Глава LXI. Как всё это следует совершать перед Богом и низшими божествами

Во всяком поклонении, приношении, жертвоприношении, молении и призывании есть различие: оно обращено либо к одному Богу, либо к низшим божествам, например ангелам, звёздам и героям. Здесь следует соблюдать такие правила: всякий раз, когда молитва ради достижения действия приносится одному Богу, это должно сопровождаться воспоминанием какого-либо деяния, чуда, таинства или обещания, взятого из Священного Писания. Если молятся об уничтожении врагов, следует вспомнить, как Бог уничтожил исполинов водным потопом, вавилонский замысел — смешением языков, Содом и Гоморру — огненным дождём, войско фараона — в Красном море, и подобное; к этому добавляют проклятия, которые можно собрать из псалмов и различных мест Писания. Подобным образом, молясь против опасности вод, вспомним спасение Ноя в потопе, переход сынов Израилевых среди Красного моря, Христа, шедшего сухими ногами по водам, спасшего терпящую бедствие лодку, повелевшего ветрам и волнам и извлёкшего тонущего Петра из морской воды, и подобное. Если необходима молитва к Богу, ангелам или героям ради получения оракулов либо сновидений, в Ветхом Завете найдётся бесчисленное множество мест, где Бог беседует с людьми, много стихов, обещающих предсказания и откровения, и различные пророческие сны Иакова, Иосифа, фараона, Даниила, Навуходоносора; также все откровения, встречающиеся в Новом Завете и во всей религии, — Иоанна, Павла, святых волхвов, Елены, Константина, Карла и более новых пророков — Мефодия, Кирилла, Иоахима, Мерлина, Бригитты, Мехтильды, Гильдегарды, чьи духи, благочестиво

призванные, часто делают нас причастниками божественных откровений. Кроме того, призываем священные имена Бога, особенно обозначающие желаемое или каким-либо образом к нему подходящие. Для уничтожения врагов призываем имена Божьего гнева, мщения, страха, справедливости и силы; для предотвращения опасности — имена милосердия, защиты, спасения, благости и подобные. Далее просим исполнителем нашего желания какого-либо Его ангела, звезду или одного из героев, кому принадлежит это служение; к нему также направляют особое призывание, которое следует составить по надлежащим числу, весу и мере, согласно правилам, данным при рассмотрении составления заклинаний.

Различие заклинаний и молитв. Иного различия нет: заклинаниями они являются постольку, поскольку воздействуют на наш дух и располагают его страсти в соответствии с определёнными божествами; молитвами — поскольку приносятся какому-либо божеству ради служения и почитания. Из того же основания можно вывести и способ освящения, о котором далее скажем.

Глава LXII. Об освящениях и их способе

Действенность освящений достигается двумя вещами. Освящение есть возвышение действий, через которое в материю наших работ, должным и законным образом приготовленную согласно преданию магического искусства, вливается духовная душа, привлечённая соразмерностью и соответствием, и наша работа оживляется духом интеллекта. Действенность освящений достигается прежде всего двумя вещами: силой самого освящающего лица и силой молитвы и обрядов, посредством которых совершается освящение. В лице требуются святость жизни и власть освящать: первое дают природа и заслуга, второе приобретается посвящением и обретением достоинства, о чём мы говорили в другом месте. Затем освящающий должен с твёрдой и несомненной верой сознавать в себе эту силу и власть.

Молитва и её сила. Теперь намерены сказать, что требуется в молитве. В ней есть некая вложенная Богом власть освящать, если она самим Богом назначена для этого, как многие молитвы, читаемые в священных речениях Библии; либо если установлена для этого церковью силой Святого Духа — таких тоже повсюду много. Или эта святость присуща молитве не силой установления, но воспоминания священных вещей: Писания, историй, чудес, деяний, действий, благодеяний, обещаний, таинств и священных обрядов, которые прямо, косвенно или по какому-либо сходству связаны с освящаемой вещью. Дадим несколько примеров, которые легко откроют путь ко всему этому рассмотрению.

Освящение воды. Так при освящении воды вспоминают, что Бог поместил твердь среди вод; что в земном раю установил

священный источник, из которого четырьмя священными реками орошается весь земной мир; что сделал воды орудием Своей справедливости при уничтожении исполинов всеобщим потопом по всей земле и войска фараона в Красном море; что вывел Свой народ сухими ногами через Красное море и Иордан; чудесно извёл воду из пустынной скалы и источник живой воды из коренного зуба ослиной челюсти по молитвам Самсона; сделал воды орудием Своего милосердия и спасительным омовением во отпущение грехов; что Христос, крестившись в Иордане, наполнил и освятил воды, и подобное. Кроме того, призывают соответствующие божественные имена, поскольку сам Бог называется живым источником, живой водой, живой рекой.

Освящение огня. Подобным образом при освящении огня вспоминают, что Бог сотворил огонь орудием Своей справедливости для наказания, отмщения и очищения грехов и, намереваясь судить мир, повелит пожару предшествовать суду; что Он явился Моисею в горящем кусте, шёл перед сынами Израилевыми в огненном столпе, установил хранить неугасимый огонь в скинии завета, чудесно вновь зажёг его угасшим и сохранил неугасшим скрытым под водой, и подобное. Подходят также божественные имена: Бог есть огонь пожирающий, огонь плавящий, и связанные с ними — сияние Божье, свет Божий, светоч Божий и подобные.

Освящение масла. При освящении масла вспоминают относящиеся к нему святыни, например масло помазания и фимиам в Исходе, и соответствующие священные имена, например Христос, означающее «помазанник», и подобное в таинствах; также место Апокалипсиса о двух оливах, источающих святое масло в светильники, горящие пред лицом Бога.

Освящение мест. При освящении мест вспоминают гору Синай, скинию завета, Святое святых, храм Соломона, освящение холма Голгофы таинством страдания Христова, поле, купленное ценой крови Христа, также гору Фавор, где произошли преображение и вознесение на небеса. Применяют священные имена: место Божье, престол Божий, кафедра Божья, скиния Божья, алтарь Божий, седалище Божье, обитель Божья и подобные. Подобным путём поступай при благословениях иных вещей, разыскивая в Писании, божественных именах и святости религии то, что каким-либо образом подходит данной вещи. Например, если это лист или книга, из таинств можно вспомнить скрижали десяти заповедей, данные Моисею на Синае, освящение Закона, пророков и писаний, обнародованных Святым Духом; подойдут божественные имена: завет Божий, книга Божья, книга жизни, знание Божье, мудрость Божья и подобные. Если благословляется меч, можно вспомнить из Второй книги Маккавейской, что Иуде Маккавею был свыше послан меч, чтобы поражать врагов народа Израиля. У пророков есть слово: «Возьмите себе обоюдоострые мечи»; в Евангелиях — о покупке мечей после продажи одежд; в истории Давида — явление ангела, вкладывающего окровавленный меч в ножны; и много подобного найдёшь у пророков и в Апокалипсисе, а также священные имена: меч Божий, жезл Божий, посох Божий, мщение Божье и подобные. Достаточно этих примеров освящения и благословения вещей; из них легко понять освящения и благословения лиц.

Другой обряд освящения и очищения. Есть ещё другой способ освящать и очищать, сильный и весьма действенный, относящийся к видам суеверия: обряд какого-либо таинства переносится на вещь, которую намерены освятить или очистить,

например обряд крещения, миропомазания, погребения и подобного. Кроме того, следует знать, что обет, приношение и жертва обладают некоторой силой освящения как вещей, так и лиц, поскольку вещи или лица посвящаются и приносятся определённым божествам.

Глава LXIII. Что называют священным и освящённым, каково его отношение к нам и божествам, и о священных временах

Священное. Священным называют всё, что освящено присутствием самих богов или демонов, словно, так сказать, посвящено нам самими богами. Так мы называем демонов священными, поскольку в них обитает Бог, чьё имя они, как говорят, часто носят. Потому в Исходе читаем: «Пошлю Моего ангела, который пойдёт перед тобой; блюди его и не думай пренебрегать им, ибо Моё имя в нём».

Таинство. Так и таинства называют священными. Таинство — то, что имеет освящённую сокровенную силу и благодать, сообщённую богами или демонами либо распределённую самим высшим Богом, каковы священные имена и знаки, о которых сказано выше. Так сам крест священен и таинствен, освящён страданием Иисуса Христа. Поэтому священными и мистическими называются также некоторые молитвы и моления, установленные не человеческим благочестием, но божественным откровением: так в Евангелиях читаем, что Христос установил молитву Господню. Подобным образом священными называются некоторые составы, в которые Бог вложил особенный луч Своей силы, как читаем в Исходе о фимиаме и масле помазания, и как у нас священная купель, святое миро, масло оглашенных и подобное. Есть и другой род святынь: мы называем священным то, что люди посвятили и освятили Богу, например обеты и жертвы, о которых сказано выше. Потому Вергилий:

Цезарь же, тройным триумфом вступив в римские
Стены, посвящал италийским богам бессмертный обет.

И Овидий в «Метаморфозах» поёт:

Настал праздник, когда Ахилл, возница лебедя,
Умилостивлял Палладу кровью закланной коровы.
Когда он возложил дар, отсечённые части, на горячие алтари
И угодный богам дым проник в эфир,
Святыни получили свою долю, остальное отдали столам.

Подобным образом священными называют изваяния, святилища, идолов, статуи, изображения и картины, сделанные по подобию богов либо посвящённые им. Так Орфей поёт в гимне Ликийской Венере:

Наши вожди, блюдя божественное достояние родины,
Возле городка воздвигли священный колосс.

И Вергилий:

Ты, отец, возьми рукой святыни и отеческих пенатов.

Поэтому божественный Платон в одиннадцатой книге «Законов» предписал почитать священные статуи и изображения богов не ради них самих, но потому, что они представляют нам богов. Так древние почитали изваяние Юпитера, толкуя его следующим образом.

Толкование изваяния Юпитера. Человеческий облик означает, что он — ум, производящий всё семенным разумом; сидящим изображается для выражения устойчивой и неизменной силы. Верхние части обнажены и открыты, поскольку он явен интеллигенциям и высшим существам; нижние покрыты,

поскольку он скрыт от низших творений. Скипетр держит в левой руке, ибо в этих частях тела находится наиболее духовная обитель жизни; творящий же интеллект есть царь и животворящий дух мира. Правой рукой он протягивает орла и Победу: первого — поскольку господствует над прочими богами, как орёл над птицами; вторую — поскольку всё ему подчинено. Подобным образом и мы почитаем образ агнца, представляющий Христа, образ голубя, обозначающий Святого Духа, и образы льва, быка, орла и человека, означающие евангелистов, и другие сходные образы, выраженные в пророческих откровениях в различных местах Писания. Они сами содействуют сходным откровениям и снам и потому называются священными изображениями.

Есть также священные обряды и соблюдения ради почитания богов и религии: благочестивые жесты, коленопреклонения, обнажение головы, омовения, окропления святой водой, курения, внешние очищения, молитвенные шествия; также внешнее украшение божественных славословий — музыкальное звучание, зажигание свечей и светильников, удары в сигнальные орудия и колокола, убранство храмов, алтарей и изваяний. Во всём этом требуется величайшее и прекраснейшее почитание и благолепие; потому применяют всё самое красивое, прекрасное и драгоценное — золото, серебро, драгоценные камни и подобное. Такие почести и внешние священнодействия словно наставления и приглашения к духовным святыням ради получения благодеяний богов, как свидетельствовала Прозерпина в стихах:

Кто из людей когда-либо пренебрёг медными изваяниями,
Или золотыми жёлтыми, или серебряными белыми дарами?
Кто не восхитится, кто не назовёт их самих
Принадлежащими богам?

Священными называют также жрецов, служителей божеств и богов, посвящённых им, совершающих священные обряды и освящающих вещи. Поэтому Лукан:

Священные понтифики, которым дана власть.

И Вергилий об Аполлоновом жреце Гелене:

Он испрашивает мир богов и развязывает повязки
Освящённой головы.

Такие святыни — словно соглашения между богами и нами, явленные в хвале, почитании или повиновении; через них мы часто получаем чудесную силу от божества, которому оказываем такое почитание. Так существуют священные гимны, речи, заклинания, заговоры и возгласы, составленные и посвящённые для хвалы и почитания богов. Поэтому Орфей в песне звёздам:

Итак, священными гласами призываю ныне чистых демонов.

Первоначальная церковь пользовалась некоторыми священными заклинаниями против болезней и бурь. Всё это произнося с молитвой ради почитания какого-либо божества, а иногда нося написанным, подвешенным или привязанным, мы часто получаем от этого божества силу, весьма удивляющую людей. Так существуют священные имена, фигуры, знаки и печати, которые созерцательные люди ради своих тайных обетов чистым умом посвятили и освятили для почитания Бога. Если впоследствии кто-либо произнесёт их с той же чистотой ума, с какой они первоначально установлены, он также совершит чудеса, соблюдая способ и правило первого установителя; не знающие этого теряют труды и работают напрасно.

Удивительная сила, иногда присущая именам. Так мы иногда совершаем чудесное не только варварскими словами, но и еврейскими, египетскими, греческими, латинскими и именами любого языка, посвящёнными Богу, приписанными и посвящёнными Его сущности, силе или действию. Таковы у Ямвлиха имена Осирис, Ιετῶ, Эмефт, Пта, Эпиес, Амун; у Платона и греков — ὤν, ὀντῶν. Греки называют Юпитера ζῆνα, от ζῆν, то есть «жить», поскольку он даёт жизнь каждому; также Δία, означающее «через», поскольку через него всё происходит; также ἀθάνατον, означающее «бессмертный». У латинян он называется Юпитером, словно «помогающий отец», и подобное. Так и людям дают собственные имена согласно пожеланию: Евтихид, Сосия, Феофил, то есть счастливый, служитель, любезный Богу.

Некоторые материальные вещи также приобретают немалую святость и силу от освящения, особенно священнического. Так видим, что восковые печати с изображением агнцев через благословение римского понтифика получают силу против молний и бурь, чтобы те не вредили носящим их: в такие освящённые изображения вдыхается божественная сила и содержится в них словно в священной письменности, несущей образ Бога. Подобную силу получают свечи, благословляемые на Пасху и в праздник Очищения святой Девы; так же колокола через освящение и благословение получают силу отвращать и сдерживать молнии и бури, чтобы те не вредили местам, где в это время слышен их звон. Так соль и вода через благословения и заклинания получают силу очищать и изгонять злых демонов; то же относится к подобному.

Священные времена. Есть также священные времена, которые народы всех религий всегда соблюдали с величайшим почтением: либо сами боги повелели нам освящать их, либо отцы и предки посвятили их богам в память полученного благодеяния и для вечного благодарения. Так евреи получили субботы, язычники — праздники, мы — торжественные дни наших святынь, чтобы всегда почитать их с величайшим торжеством.

Искупительные времена. Есть и противоположные времена, называемые искупительными, и дни, называемые чёрными, поскольку в них государство потерпело значительное поражение или бедствие. Таков у римлян четвёртый день перед нонами секстилия, когда они потерпели величайшее поражение при Каннах.

Чёрные дни. По сходной причине чёрными назывались все следующие за праздничными датами дни, в которые они часто неудачно сражались. У иудеев чёрный день — семнадцатый июня: они считают, что в этот день Моисей разбил скрижали, Манассия поставил идола во Святом святых и враги разрушили стены Иерусалима. Также чёрный день у них девятый июля, поскольку в него совершились оба разрушения храма.

Египетские дни. На этом основании названы египетскими дни, некогда соблюдавшиеся египтянами; каждый народ может легко составить себе подобный счёт счастливых и несчастливых дней. Маги велят соблюдать эти священные религиозные дни так же, как планетные дни и небесные расположения, и даже считают их гораздо действеннее, особенно для обретения духовных и божественных сил. Ибо их сила и влияние нисходят не столько от стихий и небесных тел, сколько от умопостигаемого наднебесного мира и поддерживаются общим заступничеством божеств: их не

сокрушает неблагоприятное расположение небесных тел и не делает тщетными тленная зараза стихий, если только есть твёрдая вера и религиозное почтение, соединённое со страхом и трепетом, что и означает собственно религия. Поэтому религиозными названы дни, нарушать которые нечестиво и которые мы тревожно соблюдаем, боясь великого зла, если в них что-либо сделано не так, как должно.

Глава LXIV. О некоторых религиозных соблюдениях, церемониях и обрядах курений, умащений и подобного

Итак, кто бы ты ни был, желающий действовать в этом искусстве, прежде всего благочестивыми молитвами умоли единого Бога Отца, чтобы и ты был единым, достойным Его милости; будь чист внутри и снаружи и пребывай в чистом месте, ибо в Левите написано: «Всякий человек, который приблизится к освящённому, имея в себе нечистоту, погибнет пред Господом». Поэтому омывайся часто и в установленные дни согласно тайнам чисел; надевай чистые одежды и воздерживайся от всякой нечистоты, осквернения и похоти. Ибо, как говорит Порфирий, боги не желают слышать человека, который многие дни не воздерживался от Венериного дела. Не соединяйся с осквернённой женщиной или имеющей месячные, ни с тем, кто страдает кровотечением; не касайся нечистого и падали. Потому Порфирий говорит: «Коснувшемуся мёртвого не дозволено приступать к оракулам». Возможно, дух, испорченный некоторым сродством с могильным запахом, становится неспособным воспринимать божественные влияния. Омывайся, умащайся, совершай курения и приноси жертвы: Бог принимает как сладчайшее благоухание то, что приносится Ему очищенным и подготовленным человеком, вместе с восходящими с курением молитвой и приношением. Так поёт псалмопевец: «Да направится к Тебе, Господи, молитва моя, как фимиам пред Тобою». Кроме того, душа, порождение и образ самого Бога, наслаждается этими курениями и благоуханиями, принимая их через те ноздри, через которые сама вошла в этого телесного

человека и через которые, по свидетельству Иова, иногда выходят живейшие духи, не удерживаемые в человеческом сердце, когда они кипят от желчи или труда. Потому многие считали обоняние самым живым и духовным из чувств.

Курения, жертва и умащение проникают во всё и открывают врата стихий и небес, чтобы через них человек мог видеть и познавать тайны Творца, небесные вещи, наднебесное и нисходящее с небес, каковы ангелы, духи пещер и глубин, призраки пустынных мест, чтобы они приходили, являлись, представали и повиновались. Они умиротворяют всех духов, привлекают их, как магнит железо, соединяют со стихиями и заставляют принимать тела: духовное тело от этого сильно сгущается и становится плотнее, ибо живёт испарениями, курениями и дымом возлияний. Всё, что делаешь, делай с полным чувством и сердечным желанием, чтобы тебе благоприятствовала милость неба и всех небесных существ. Достижению их благосклонности дивным образом помогает соответствующее устроение места, времени, занятия, обычая, питания, одежды, упражнения и даже имени: этим природная сила не только изменяется, но и превосходится.

Счастливое место способствует благосклонности. Счастливое место много содействует благосклонности. Не напрасно Бог сказал Аврааму идти в землю, которую покажет ему; и Авраам отправился, двигаясь к югу. Подобно этому Исаак пришёл в Герар, где посеял, собрал стократный урожай и стал весьма богат. Какое место подходит каждому, следует исследовать по его рождению. Кто этого не может, пусть замечает, где особенно оживляется его дух, где чувства бодрее, где лучше укрепляются здоровье и сила тела, где успешнее дела, больше благосклонных и

отступают враги. Пусть знает, что эта страна, это место предопределены ему Богом и вышними, устроены и приготовлены небесами. Итак, обитай в этом месте и меняй его сообразно времени и делу; несчастливого же места всегда избегай. Счастливые имена также делают наши дела удачнее, несчастливые — несчастнее. Потому римляне при наборе воинов остерегались, чтобы имя первого воина не было хоть в чём-либо несчастливым. При отдаче на откуп доходов и очищении колоний или войск цензоры выбирали людей с благоприятными именами. Считали также, что при замене несчастливых имён счастливыми удача дел меняется к лучшему. Так установили называть Эпидамн Диррахием, чтобы плывущие туда не шли к ущербу. По той же причине Малеотон назвали Беневентом, чтобы он не приносил зла; Лукринское озеро из-за счастливого имени считали счастливейшим из всех. Выбирай также часы и дни для своих действий: Спаситель не без причины сказал: «Не двенадцать ли часов во дне?» — и последующее.

Времена могут приносить удачу. Астрологи учили, а маги наблюдали, что времена могут придавать нашим делам определённую удачу. Все мудрейшие древние согласны, что весьма важно, в какой момент и при каком небесном расположении нечто получило бытие в этом мире, не только природное, но и искусственное. Они учили, что момент начала обладает такой силой, что от него зависит весь ход судьбы и по нему можно его предсказать; подобным образом по успехам и неудачам вещи можно исследовать её начало. Они твёрдо верили в это и утверждали, ссылаясь на опыт. Так астролог Сулла предсказал спрашивавшему о природе Калигуле приближение совершенно неизбежной смерти. Астролог Метеон предвидел бедственный исход войны, когда афиняне замышляли поход

против сиракузян; астролог Месон предсказал им бурю, когда они собирались плыть в Сицилию. Благодаря знанию времён Анаксагор предсказал день, когда камень упадёт с Солнца, что затем произошло у реки Эгос во Фракии. И наоборот, Луций Тарнуций Фирмиан по деяниям и судьбе Ромула установил его зачатие и рождение; он же установил день рождения города Рима по записям его судеб. Так и начало, или рождение, мира, по сообщению Матерна, было узнано из хода событий.

Что времена весьма сильны в природных вещах, ясно из многих примеров. Есть деревья, переворачивающие листья после солнцестояния: тополь, вяз, олива, липа, белая ива. Раковины, раки и устрицы полнеют при растущей Луне и худеют при убывающей; моря приливом и отливом соблюдают движения и времена Луны. Разве Эврип на Эвбее не оттекает и не возвращается семь раз с удивительной быстротой? Но три дня каждого месяца, в седьмую, восьмую и девятую Луну, остаётся неподвижным. У троглодитов есть озеро, которое трижды в день становится горьким и солёным, а затем вновь пресным. В день зимнего солнцестояния, когда всё вянет, сухая болотная мята цветёт. В тот же день, говорят, надутые пузыри лопаются, листья ив и яблочные семена поворачиваются и вращаются. Достоверно и то, что я сам видел в Италии и Галлии и знаю, как оно посажено: ореховое дерево, сухое весь год, в самый канун святого Иоанна производило листья, цветы и зрелые плоды. Всё это чудо зависит лишь от соблюдения времени при посадке. Что времена могут сообщать искусственным вещам удивительные силы, астрологи постоянно утверждают в книгах об избраниях и изображениях. Поэтому у Плутарха читаем, что у пелленцев этим искусством было изготовлено изваяние, которое, куда бы ни обращало взгляд, наполняло всё ужасом и величайшим

смятением, так что никто от страха не смел смотреть на него. В жизнеописании Аполлония читаем, что маги в Вавилоне прикрепили к крыше четырёх золотых птиц, называемых языками богов; они обладали силой склонять души множества людей к любви и повиновению царю. На острове Хиос высоко помещалось лицо Дианы, казавшееся входящим печальным, выходящим — радостным. В Троаде оставленные возле изваяния Минервы жертвы не гнили. В храме Венеры в Пафосе на площадке не шёл дождь. Если что-либо выкапывали из могилы Антея, с неба лились дожди, пока выкопанное не возвращали. На могиле царя Бибрии Понтийской рос лавр: если кто-либо приносил на корабль сорванное с него, там не прекращались ссоры, пока принесённое не выбрасывали. На острове Борисфене ни одна птица не оскверняла храм Ахилла. В Риме в храм Геркулеса на Бычьем форуме не входили ни муха, ни собака. В Олинфе Фракийском было место, куда попавший жук не мог выйти, но, корчась, умирал.

Я мог бы привести почти бесчисленные примеры, гораздо удивительнее этих, которые древность объясняет искусством изображений и соблюдением времён. Но чтобы никто не счёл столь давнее невероятным и пустыми баснями, прибавлю несколько более новых искусственных чудес, существующих ещё ныне в некоторых местах. Искусству изображений приписывают то, что в Византии змеи никому не вредят и галки не летают внутри стен; что Крит не терпит совы; что в Неаполитанской области не слышно цикад; что в Венеции никакие мухи не залетают в общественные цирюльни; что в Толедо на общественном мясном рынке весь год видна лишь одна муха, притом необыкновенно белая. В предыдущей книге мы уже изложили способы и времена, соблюдением которых можно

совершить это и подобное.

Кроме того, особенно надлежит соблюдать речь и силы слов: через них душа распространяется в низшие сущности — камни, металлы, растения, животных и всё природное, запечатлевая в них различные фигуры и состояния, воздействуя на все творения силой либо ведя и привлекая некоей любовью. Так Катон свидетельствует, что утомлённые быки восстанавливаются словами. Словами и молитвами можно испросить у Земли, чтобы она питала непривычные деревья; сами деревья подобным образом умоляют переселиться и расти на чужой почве. Репы также становятся крупнее, если при посеве просить их щедро послужить себе, семье и соседям. Павлин, когда его хвалят, тотчас раскрывает перья; напротив, замечено, что базилик даёт тем более обильные плоды, чем сильнее его проклинали и бранили при посадке. Также сожженный и настоянный гарус исцеляет недуги, если при этом не называть гаруса. Пользующиеся дурным глазом, хваля, губят деревья и вредят посевам и детям. Говорят также, что человеческие проклятия обладают такой силой, что даже прогоняют и изгоняют злых демонов. Поэтому Евсевий рассказывает, что Серапис дал египтянам кимвалы для изгнания демонов и научил, как демоны, принимая облики животных, строят людям козни. Во всём имей Бога перед глазами, ибо во Второзаконии написано: «Когда будешь искать Господа Бога твоего, найдёшь Его, если будешь искать всем сердцем и всей скорбью души твоей». Истинной и постоянной верой можно умилостивить Бога и всех демонов, потому у Марка читаем: «Всё, чего просите в молитве, верьте, что получите, и будет вам»; а у Матфея сказано: «Если будете иметь веру с горчичное зерно, ничто не будет для вас невозможным». Много может также постоянная молитва праведника. Илия, как говорит Иаков, был

подобным нам страдающим человеком и молитвой просил, чтобы на земле не было дождя; дождя не было три года и шесть месяцев. Он вновь помолился, и небо дало дождь, и земля произвела свой плод. Но в молитвах берегись желать пустого или противного божественной воле; Бог же желает всякого блага. Не употребляй имени твоего Бога всуе, ибо не останется безнаказанным принявший Его имя ради пустого. Соблюдай воздержание и подавай милостыню, поскольку ангел говорит Товии: «Блага молитва с постом и милостыней». В книге Иудифи читаем: «Знайте, что Господь услышит ваши молитвы, если неизменно пребудете в постах и молитвах пред Господом».

Глава LXV. Заключение всего сочинения

Вот что мы собрали в эту книгу различными извлечениями из предания древних для введения в магию, изложив кратко, но достаточно для тех, кто поймёт. Кое-что написано по порядку, кое-что без порядка, кое-что передано отрывками, кое-что скрыто и оставлено исследованию понимающих. Пристальнее созерцая и исследуя написанное, они могут получить полные наставления магического искусства вместе с безошибочными опытами. Мы передали это искусство так, чтобы оно не осталось скрытым от благоразумных и понимающих, но не допускало порочных и неверующих к сокровенным тайнам, оставляя их в оцепенении, покинутыми под покровом невежества и отчаяния.

Итак, вы, сыны учения и мудрости, исследуйте эту книгу, собирая наш рассеянный замысел, изложенный в разных местах. Скрытое в одном месте мы сделали явным в другом, чтобы оно открылось вам, мудрым. Для вас одних мы писали: для тех, чей неповреждённый дух наставлен к правильному порядку жизни, чей целомудренный и чистый ум и незапятнанная вера боятся и почитают Бога, чьи руки свободны от всякого злодеяния и преступления, чьи нравы целомудренны, трезвы и скромны. Только вы найдёте сохранённое для вас учение и тайны, скрытые множеством загадок, которые раскрываются лишь сокровенным разумением. Когда обретёте его, вам откроется всё знание неприступного магического учения и явятся силы, которых некогда достигли Гермес, Зороастр, Аполлоний и прочие чудотворцы.

Вы же, злобные клеветники, сыны порочного невежества и неразумной злобы, избегайте наших писаний: они враждебны

вам и поставлены вам обрывом, чтобы вы заблудились и впали в бедствие. Поэтому, если кто по своему неверию и косности понимания не достигнет желаемого, пусть не вменяет мне вину своего невежества, не говорит, что я ошибся, намеренно написал ложное или солгал, но пусть обвиняет самого себя, не понимающего наших писаний. Ибо они темны и облечены различными тайнами, в которых многим легко заблудиться и утратить смысл. Поэтому пусть никто не гневается на меня за то, что мы скрыли истину этой науки, переплетённую загадками и рассеянную по разным местам: мы скрыли её не от мудрых, но от порочных и нечестивых и передали такой речью, которая неизбежно остаётся скрытой от неразумного, а мудрого легко допускает к пониманию.

Конец третьей книги

Достопочтенному отцу, магистру священного богословия Аврелию из Аквапенденте, августинцу, Генрих Корнелий Агриппа шлёт приветствие

Из письма, посланного мне второго числа этого месяца, я увидел, достопочтенный отец, искренность твоего расположения ко мне и узнал в тебе всесторонне учёного мужа, любознательного исследователя того, что ещё скрывается во тьме. Я тотчас обрадовался и поздравляю себя с приобретением дружбы такого человека, с которым мог бы когда-нибудь совершенствовать и дух, и ум; теперь, как свидетельствует это письмо, принимаю тебя в число ближайших друзей. Но скажи: кто твои проводники, за которыми ты следуешь, дерзая войти в

дом Дедала, откуда нет возврата, и грозного Миноса, идти мимо стражи и вверяться Паркам? Кто твои учители, когда ты обращаешься к безмерному, дерзая сделать блуждающее устойчивым, вероломное верным, а самого беглого из всех богов — постояннее самой Адрастеи? Берегись обмануться через тех, кто сам обманут. Ибо никакое чтение книг не сможет здесь направить тебя: они звучат одними загадками.

О, сколько читаем о непобедимой силе магического искусства, о чудесных изображениях астрологов, о поразительном превращении алхимиков и том благословенном камне, от прикосновения которого вся медь, словно от Мидаса, тотчас превращается в золото или серебро! Всё это оказывается пустым, вымышленным и ложным всякий раз, когда применяется буквально. Однако это передают и пишут великие, серьёзнейшие философы и святые мужи: кто осмелится назвать их предания ложными? Более того, было бы нечестиво верить, что они намеренно писали ложь. Следовательно, смысл иной, чем переданный буквами, и прикрыт различными тайнами, но до сих пор ни один учитель открыто его не объяснил. Не знаю, может ли кто-либо достигнуть его одним чтением книг без опытного и верного учителя, если не озарён божеством, что даётся весьма немногим. Поэтому напрасно бегут многие, преследующие эти сокровеннейшие тайны природы и обращающие ум к голой последовательности прочитанного. Ибо, неудачным разумением отпав от истинного смысла, они впадают в ложные представления, опутанные хитростями внешних духов, и становятся опасно порабощёнными теми, над кем им дано господствовать. Не зная самих себя, они идут назад по следам своих стад, ища вне себя то, чем обладают внутри. Именно это хочу теперь сообщить тебе: в нас самих есть совершитель всех

чудесных действий. Всё, что осмеливаются обещать чудесные математики, удивительные маги, ревнивые исследователи природы алхимики, худшие демонов злые некроманты, он умеет распознавать и совершать без всякого преступления, без оскорбления Бога и ущерба религии. В нас, говорю, находится этот творец чудес:

Он обитает в нас, не в Тартаре и не в звёздах неба;
Дух, живущий в нас, совершает это.

Об этом следовало бы весьма пространно побеседовать с тобой, но лично. Такое не вверяется письму и не пишется пером, но духом вливается в дух немногими священными словами — если когда-нибудь мне случится прийти к тебе. Что касается просимых тобой книг, некоторые некогда были у меня, но теперь их нет. Из книг моей юности под названием «О сокровенной философии», которые ходят у вас, первые две во многом недостаточны, а третья совершенно неполна и содержит лишь некоторое сокращение моих писаний. Однако, если Господь благоволит, я когда-нибудь издам всё сочинение полным и пересмотренным, сохранив ключ к нему лишь для ближайших друзей; не сомневайся, что ты один из них. Будь счастливейшим. Лион, 24 сентября 1527 года.

К тому же

Из твоего любезнейшего письма, достопочтенный отец, я словно в зеркале увидел всю твою душу и весь обнимаю её. Хочу, чтобы ты был уверен: ты мне дороже, чем можно выразить письмом, и глубоко запечатлён в душе; я пишу это от избытка сердца и никогда, ни в какую бурю, не оставляю вверившихся моей дружбе. Поэтому, чтобы ты достиг своих желаний, не

меньших и для меня, я вскоре приду к тебе. Когда сможем лично слышать и отвечать друг другу, знаю, наша дружба станет неразрывной и будет длиться вечно. Что до искомой философии, хочу, чтобы ты знал: познать самого Бога, Творца всех вещей, и всецело перейти в Него через образ подобия, словно неким сущностным прикосновением или связью, чтобы самому преобразиться и стать богом, — как Господь сказал о Моисее: «Вот Я поставил тебя богом фараону», — вот истинная и высшая, сокровеннейшая философия чудесных дел. Её ключ — интеллект: чем более высокое мы понимаем, тем более возвышенные силы обретаем и тем большее совершаем легче и действеннее. Но наш интеллект, заключённый в тленной плоти, если не преодолеет путь плоти и не обретёт собственной природы, не сможет соединиться с этими божественными силами, ибо они вверяются лишь наиболее подобным себе, и совершенно неспособен прозревать сокровеннейшие тайны Бога и природы. Вот дело, вот труд — выйти к вышнему воздуху. Как найдёт самого Бога потерявший себя в пепле и смертном прахе? Как постигнет духовное погружённый в плоть и кровь? Разве человек увидит Господа и останется жив? Какой плод принесёт пшеничное зерно, если прежде не умрёт? Желающему войти во внутренние святилища этих тайн надлежит умереть — умереть, говорю, для мира, плоти, всех чувств и всего животного человека; не так, чтобы тело отделилось от души, но чтобы душа оставила тело. Об этой смерти Павел пишет колоссянам: «Вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом». В другом месте он яснее говорит о себе: «Знаю человека — в теле ли или вне тела, не знаю, Бог знает, — восхищенного до третьего неба», — и последующее. Этой, говорю, драгоценной пред Господом смертью надлежит умереть; это случается с весьма немногими и, возможно, не всегда. Ибо

лишь немногие, кого возлюбил благосклонный Юпитер или кого пламенная доблесть вознесла в эфир, рождённые богами, смогли это. Прежде всего — рождённые не от плоти и крови, но от Бога; затем — удостоенные этого природным благодеянием и небесным даром рождения. Прочие стараются заслугами и искусством; об этом живое слово сообщит тебе подробнее.

Но хочу предупредить тебя, чтобы ты не обманулся обо мне, словно я возвещаю это, сам некогда испытав божественное, либо желаю приписать себе подобное, либо надеюсь, что мне оно может быть даровано. Я до сих пор воин, посвящённый человеческой кровью, почти всегда придворный, связанный плотскими узами с дражайшей супругой, подверженный всем ветрам непостоянной фортуны, всецело увлекаемый плотью, миром и домашними заботами, — не достиг столь возвышенных даров бессмертных богов. Но хочу, чтобы меня принимали как указателя, который, сам всегда оставаясь перед дверью, показывает другим, каким путём войти. В моей любви к тебе ты ничуть не ошибаешься; чем ты обязан моим благодеяниям, не вижу, ибо я ничего тебе не дал, кроме готовности при случае дать всё. Будь счастливейшим. Лион, 19 ноября 1527 года.

Генрих Корнелий Агриппа шлёт приветствие одному своему другу при королевском дворе

Древние имели обыкновение обозначать выдающуюся глупость известной пословицей: «Носить сов в Афины». Но не меньшая глупость, а величайшее нечестие — добавлять демонов в преисподнюю. Ты знаешь, о какой преисподней я говорю: о той школе преступлений, о дворе, который я в негодовании превосходно изобразил в другом месте его собственными

красками. Но никогда прежде не было столь справедливого повода одновременно писать и негодовать, как теперь, если бы занятия позволяли рассмотреть дело достойным образом. Однако не могу удержать перо, чтобы не изложить тебе его предмет. Итак, послушай о деле одновременно глупом и нечестивом. Из Германии с немалыми издержками вызван некий бесовский человек, то есть какомаг, в котором обитает власть демонов, чтобы, как Ианний и Иамврий противились Моисею, он противостоял императору. Отец лжи убедил их, что он предвидит всё будущее, знает любые тайные замыслы и толкует обдуманные мысли; вдобавок обладает такой властью, что может возвратить королевских детей по воздуху, как Аввакум, читаем, был перенесён со своей похлёбкой ко рву львов. Он будто бы может, как осаждённый в Дофаиме Елисей, показать горы, полные огненных коней и колесниц, и многочисленное войско; раскрывать и переносить земные сокровища, принуждать к любым бракам и любви либо разрывать их, стигийским снадобьем лечить любые безнадёжные болезни: укоренившуюся чахотку, утвердившуюся водянку, проникшую в кости слоновую болезнь и

Узловатую подагру, которую медицина не умеет развязать,
И многое другое, что скрывает тёмная молва.

Видишь, где их вера и надежда: они пытаются подчинить стихии, небо, судьбы, природу, провидение, Бога — всё власти одного мага и ищут спасения королевства у врагов общего спасения, демонов, говоря в сердце с Охозией: «Нет Бога в Израиле, пойдём вопросить Вельзевула, бога Аккарона». И как Саул сказал пифониссе: «Филистимляне воюют против меня, Господь отступил от меня и не пожелал услышать; потому я

призвал тебя». Неужели и эти так отчаялись в Боге, что сочли нужным искать помощи демонов? Разве это не значит, по слову Иуды и Петра, отвергать Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя и искупившего нас Бога, и навлекать на себя скорую погибель? Разве не собирают они себе гнев Господнего негодования, посылающего на них бедствия через злых ангелов? Разве не преданы превратному уму те, кто ищет истины тайного совета у отца лжи, дьявола, и просит победы не у Господа воинств?

Однако этому нечестивому мастеру идолопоклонства и святотатства придаёт смелость та правоверная мать, столь ревностно ему благоприятствующая; ему предоставляется власть христианнейшего сына и дары из священных денег. Столпы церкви — епископы и кардиналы — попустительствуют и нанимают его на столь нечестивый труд; нечестивые вельможи рукоплещут служителю нечестия, как вороны радуются делам волка. Какой больший грех совершили фараон, Валак, Саул, Ахав со своей Иезавелью, Охозия, Навуходоносор, Валтасар, Сеннахирим и прочие поклонники Ваала? Фараон призвал своих магов против Моисея; побеждённые при третьей казни, они признали перст Божий, но царь, упорствовавший в десяти казнях, погиб в Красном море. Моавитянин Валак призвал прорицателя Валаама проклясть Израиль; сам Бог обратил проклятие в благословение, а Валак был проклят. Что помогли Саулу ответы его Самуила или пифониссы? Разве он не был пронзён на горе Гелвуе? Ахав и Иезавель, соединённые нечестивым браком, полагались на пророков Ваала; по слову Бога вышел лживый дух в устах всех пророков, обещавших успех Ахаву, собиравшемуся идти в Рамоф Галаадский. Ахав пал, Иезавель была низвергнута, и собаки съели их. Аса, царь Иудеи,

укоряется пророком Господним за то, что в болезни не искал Господа, но положился на врачебное искусство. Разве не более тяжкий грех совершат оставляющие Бога Спасителя и целительные силы природы, чтобы искать спасения у сатаны? Так некогда поступил Охозия и потому услышал от пророка Господня: «С ложа, на которое взошёл, не сойдёшь, но смертью умрёшь». Проследим череду прочих неверных царей, также языческие истории: Зороастр, Диотар, Крёз, Помпей, Пирр, Красс, Нерон, Юлиан — что приобрели они от своих магов и гадателей, лживо обещавших счастье? Разве все не обратились в ничто и не погибли бедственно в своих грехах? Так эти нечестивые пустяки всегда приносят гибель своим почитателям; больше всего доверяющие им становятся несчастнейшими из всех.

Не отрицаю: есть природные науки, метафизические искусства, сокровенные способности, которыми без оскорбления Бога и ущерба вере и религии можно защищать царства, исследовать замыслы, побеждать врагов, освобождать пленников, увеличивать богатства, приобретать людскую благосклонность, отгонять болезни, сохранять здоровье, продлевать жизнь и восстанавливать юношескую силу. Есть также заступничества священной религии, общественные моления, частные молитвы добрых, которыми можно не только смягчить гнев Бога, но и испросить Его благодеяния. Если же сверх того существует некое искусство предведения и чудесных дел, называемое древними каломагией, или теургией, то этим пустословам и рабам демонов оно, несомненно, неизвестно. Исследовать истинные суждения о будущем, грядущем и прочем сокровенном, о том, что божественно предвещается людям, и совершать могущественные дела, превосходящие обычный ход природы, свойственно лишь

глубокому и совершенному знанию, непорочнейшим жизни и вере, а не легкомысленным невеждам. Невинным людям, сведущим в Законе Господнем, по желанию веры служит всякое творение, и они бывают услышаны во всём, чего попросят. Так ворон кормил Илию, а по его молитвам земля удерживает плоды, небо отказывает в дожде и извергает огни на нечестивых. Так Елисею служат медведи, за него воюют ангелы, реки переходят сухими ногами. Львы, оставив свирепость и пренебрегая голодом, ласкаются к Даниилу; разожжённый огонь в печи не обжигает отроков. Это дела не какомагов, не гоэтов и не демонов, но верных божественных людей: им служат не демоны, а духи Божьи.

Признаю: и поныне есть некоторые, возможно многие, мужи, важные мудростью, выдающиеся знанием, могущественные добродетелями и силами, непорочные жизнью и нравами, непревзойдённые благоразумием, также подходящие возрастом и крепостью, чтобы весьма помогать государству советом и делом. Но ваши придворные презирают их как весьма чуждых своим установлениям: у них вместо мудрости — злоба, вместо совета — мошенничество и коварство, вместо знания — хитрость и лукавство, вместо благоразумия — обман и вероломство. Место религии занимает суеверие; в бедствиях Бога хулят, а веру, которая, как говорит апостол, совершенствуется в немощи, презирают, прибегая к призыванию злых демонов. Всякого доброго у них осмеивают, дерзкое лицемерие возвышают, истину считают преступлением, хвалу и награды сохраняют для глупости и злодейств. О глупцы и нечестивцы, желающие укрепить королевство теми искусствами, от которых некогда пали и были до основания разрушены могущественнейшие державы! О них истинно сказано через Иеремию: «Упал наш венец; горе нам, ибо

мы согрешили». О, если бы это подходило к вам лишь по искусно придуманному жребию, а не столь истинно! Ведь этот стих при сложении числовых букв M, C, V, I выражает 1524 год, в котором по вашему счёту ваш король был взят в плен при Павии. Разве вы не видели этого и не удивлялись тому, что до совершения считали невозможным? И ещё гордитесь и ожесточены в своих несчастьях. Презираете пророков, и Божьи угрозы для вас — басни.

Вот, близко: вы ещё увидите и ощутите великие дела Бога на земле и, рухнув под ударами судьбы, вострепещете, ибо придёт на вас бедствие, которого вы не знаете. Куда тогда побежите? Стойте со своими заклинателями и множеством колдунов: может быть, они помогут вам или вы сможете стать сильнее. Разве вызванный германский какомаг спасёт вас, сделает пророков лжецами, превозможет гнев Господа и избавит от зла? Не так, нечестивые, не так. Если Господь не построит и не сохранит города и царство, напрасно трудятся и бодрствуют все их стражи. Лишь Бог, а не демоны и не маги, может приостановить или изменить пророческий приговор, если вы, всем сердцем обратившись к Его милосердию, измените свою злобу и вероломство.

Так Навуходоносор, по совету Даниила искупая грехи милостынями и беззакония милосердием к бедным, на время избежал угрожающего гнева Бога, пока во вавилонском дворце голосом гордыни вновь не призвал его на себя. Нечестивейшему Ахаву с его Иезавелью Господь через Илию возвестил смерть; но поскольку он обратился к Богу, вновь было слово Господне к Илии: «Поскольку Ахав почтил лицо Моё, не наведу бедствия в его дни». Ниневитяне по указу царя и князей покаялись после

проповеди Ионы и тотчас избавились от грозящего уничтожения. Исаия возвестил Езекии приговор: пусть распорядится домом, ибо скоро умрёт. Тот помолился и заплакал и был исцелён; к жизни его прибавлено пятнадцать лет. Ибо через того же пророка Господь сказал ему: «Видел Я твои слёзы и услышал молитву; вот прибавлю к дням твоим пятнадцать лет. Также избавлю тебя и этот город от руки царя ассирийского и защищу его». Столько смогли обращение и молитва благочестивого царя: молившийся за себя одного получил просимое не только для себя, но и для города и народа. Один Господь спас царя, и даёт мудрость сыну царя. К этому Учителю должны прибегать ищущие спасения, а не к магам и прорицателям. Облекитесь в праведность и бойтесь Господа, вы, ищущие благополучия. Если ищут прочности царства, написано: «Праведники наследуют землю»; «В вечной памяти будет праведник и вовек не поколеблется». Если ищут безопасности: боящиеся Господа не устрашатся дурной вести, но презрят всех врагов. Если ищут почестей и богатства: «Слава и богатство в доме его». Если похвалы и благоволения: «Род правых благословится». Если могущества: «Силен будет на земле он сам и семя его»; «Сила его вознесётся во славе». Если брака и семейного благополучия: «Жена его — как плодовитая лоза по сторонам дома, а сыновья — как молодые маслины». Если телесного здоровья и крепости: «Господь не даст святым Своим увидеть тления».

Наконец, во всём блажен муж, боящийся Господа, непорочный в пути, не ходивший на совет нечестивых, сострадающий нуждающемуся и бедному: в злой день Господь избавит его и не предаст в руки врагов. Грешники же увидят и разгневаются, заскрежещут зубами и истлеют; желание их погибнет. Теперь достаточно было напомнить об этом. Не хочу

подробнее развивать этот предмет, как бы зло, заключённое в самом материале, не увлекло перо туда, куда не следует. Будь здоров. Из Парижа, тринадцатого февраля 1528 года по римскому счёту.

Суждение, или отречение, Генриха Корнелия Агриппы о магии

Из его рассуждения «О тщете наук и превосходстве Слова Божия».

О магии вообще

Здесь требуется сказать также о магии, ибо она столь тесно связана и сродна астрологии, что тот, кто занимается магией без астрологии, ничего не достигает и совершенно сбивается с пути. Свида полагает, что магия получила и имя, и происхождение от магусеев. По общему мнению, которое поддерживают Порфирий и Апулей, это слово персидское и на их языке означает то же, что жрец, мудрец или философ. Итак, магия, охватывая всю философию, физику и математику, присоединяет к ним также силы религий. Поэтому она содержит в себе и гоэтию, и теургию. По этой причине многие делят магию надвое: на естественную и церемониальную.

О естественной магии

Естественную магию считают не чем иным, как высшим могуществом естественных наук. Поэтому её называют высочайшей вершиной натуральной философии и её совершеннейшим завершением, а также деятельной частью натуральной философии, которая при содействии природных

сил и посредством их взаимного и надлежащего приложения производит действия, превосходящие всякую меру удивления. Этой магией особенно пользовались эфиопы и индийцы, у которых имелись в изобилии силы трав, камней и прочих относящихся к ней вещей. Полагают, что её имел в виду Иероним в письме к Павлину, говоря, что Аполлоний Тианский был магом, то есть философом, подобно пифагорейцам. Такого же рода были и маги, посетившие с дарами родившегося Христа и поклонившиеся Ему; толкователи Евангелий объясняют, что это были халдейские философы. Таковы были Иарх у брахманов, Теспион у гимнософистов, Будда у вавилонян, Нума Помпилий у римлян, Замолксид у фракийцев, Абарис у гипербореев, Гермес у египтян и Зороастр, сын Оромаса, у персов.

Индийцы, эфиопы, халдеи и персы особенно превосходили других в этой магии. Поэтому, как рассказывает Платон в «Алкивиаде», ей обучают сыновей персидских царей, чтобы и они научились управлять и устраивать своё государство по образу мироздания. Цицерон в книгах «О дивинации» говорит, что у персов никто не получает царской власти, прежде не изучив магию.

Итак, естественная магия созерцает силы всех природных и небесных вещей, тщательно исследует их взаимное сочувствие и таким образом выводит на свет сокрытые и таящиеся в природе способности. Она соединяет низшие вещи, словно приманки, с дарами высших, взаимно прилагая их друг к другу; отсюда часто возникают поразительные чудеса, производимые не столько искусством, сколько природой, которой это искусство служит.

Ведь маги, будучи тщательнейшими исследователями природы, собирают приготовленное ею и прилагают

действующее к воспринимающему. Они весьма часто производят действия раньше установленного природой срока; простой народ считает их чудесами, хотя это природные действия, отличающиеся лишь опережением времени. Так можно произвести розы и зрелый виноград в марте или за несколько часов вырастить посеянные бобы либо петрушку в совершенное растение; и ещё большее — облака, дожди, громы, животных разных родов и множество превращений вещей. Роджер Бэкон хвалится, что многие подобные действия совершил чистой естественной магией.

О её действиях писали Зороастр, Гермес, Эвант, царь арабов, Захария Вавилонский, Иосиф Еврей, Бок, Аарон, Зенотен, Киранид, Алмадал, Тетель, Аль-Кинди, Авель, Птолемей, Гебер, Захель, Назабаруб, Тебит, Берит, Соломон, Астафон, Гиппарх, Алкмеон, Аполлоний, Трифон и многие другие. Некоторые их сочинения сохранились целиком, а от многих остались отрывки, некогда попадавшие и в мои руки.

Из новейших авторов о естественной магии писали немногие и немногое: Альберт, Арнольд из Виллановы, Раймунд Луллий, Бэкон, Апонский и автор книги, обращённой к Альфонсу и изданной под именем Пикатрикса. Последний, однако, примешивает к естественной магии весьма много суеверия, что делали и другие.

О математической магии

Кроме того, есть другие, чрезвычайно проницательные подражатели природы и весьма смелые исследователи. Они обещают, что без природных сил, одними математическими науками, привлекая небесные влияния, смогут производить

подобия природных действий: например, движущиеся или говорящие тела, не обладающие, однако, жизненными силами. Таковы деревянный голубь Архита, который летал, говорящие статуи Меркурия и медная голова, изготовленная Альбертом Великим, которая, как утверждают, говорила.

В этих искусствах превосходил других Боэций, человек величайшего ума и разносторонней учёности. Кассиодор, обращаясь к нему в письме о подобных вещах, говорит: «Ты поставил себе целью познавать трудное и показывать чудеса. Благодаря изобретательности твоего искусства металлы ревут, Диомед трубит в меди более мощным звуком, медный змей шипит, птицы воспроизведены искусственно, и те, которые не могут иметь собственного голоса, как оказывается, издают сладостное пение. Мы сообщаем лишь малое о том, кому дозволено подражать небу».

Полагаю, об этих искусствах сказано то, что мы читаем у Платона в одиннадцатой книге «Законов»: смертным дано искусство создавать некоторые последующие вещи, не причастные истине и божественности, но выводить некие сродные им самим подобия. И столь далеко зашли маги, люди, дерзающие на всё, особенно при содействии древнего и сильного змея, обещателя наук, что, уподобившись ему, словно обезьяны, пытались подражать Богу и природе.

О колдовской магии

Есть также вид естественной магии, называемый колдовством, или фармакией. Он совершается посредством питья, приворотных средств и различных колдовских снадобий. Как читаем, Демокрит приготовлял средство, чтобы рождались

добрые, счастливые и удачливые дети, и другое — чтобы правильно понимать голоса птиц, как об Аполлонии рассказывают Филострат и Порфирий. Вергилий, говоря о некоторых понтийских травах, сказал:

Ими я часто видал, как Мерис волком становится,
В лес уходит, как души из глубины могил выходят,
И как посеянный хлеб на другое место переносится.

Плиний рассказывает, что некий Демарх Паррасийский во время жертвоприношения, когда аркадяне приносили Зевсу Ликейскому человеческую жертву, вкусил внутренностей закланного мальчика и превратился в волка. По мнению Августина, именно из-за этого превращения людей в волков Пан и Юпитер получили имя Ликейских. Тот же Августин рассказывает, что, когда он был в Италии, некоторые колдуньи, подобно Цирцее, давали путникам колдовское средство в сыре и превращали их во вьючных животных; после того как те переносили назначенные грузы, вновь обращали их в людей. Это тогда случилось с неким отцом по имени Престанций.

Чтобы никто не счёл всё это совершенными бреднями и невозможностью, пусть вспомнит, как Священное Писание рассказывает о царе Навуходоносоре, превращённом в быка и семь лет питавшемся сеном, а затем по милости Божией вновь ставшем человеком. После его смерти сын Эвильмеродах отдал тело на съедение стервятникам, чтобы он когда-нибудь не восстал из мёртвых, уже однажды из зверя став человеком. Много подобного о магах фараона повествует Исход. Об этих магах или колдунах говорит Премудрый: «Ты возгнушался ими, Боже, ибо ужасные дела совершали они пред Тобою посредством снадобий». Кроме того, хочу, чтобы вы знали: эти маги исследуют

не только природные вещи, но и то, что сопровождает природу и некоторым образом отвлекается от неё: движения, числа, фигуры, звуки, голоса, созвучия, свет, душевные состояния и слова. Так псиллы и марсы созывали змей, а другие иными средствами усмиряли и прогоняли их; так Орфей гимном укротил бурю, застигшую аргонавтов. Гомер рассказывает, что у Улисса кровь была остановлена словами. В Законе двенадцати таблиц установлено наказание тем, кто заклинаниями переманивал посевы. Поэтому несомненно, что маги даже одними словами, душевными состояниями и подобным часто производят удивительное действие не только на себя, но и на внешние вещи.

Полагают, что всё это изливает в другие вещи присущую ему силу, привлекая их к себе, отталкивая от себя или иным способом изменяя, подобно тому как магнит притягивает железо, а янтарь — солому, или как адамант и чеснок связывают магнит. Посредством такого ступенчатого и связанного в цепь взаимного сочувствия вещей, по утверждению Ямвлиха, Прокла и Синесия, передающих мнение магов, можно принимать свыше не только природные и небесные, но также умопостигаемые и божественные дары. Прокл в книге «О жертвоприношении и магии» признаёт, что посредством такого согласия вещей маги обычно вызывали даже божества.

Некоторые из них дошли до такого безумия, что полагают: изображение, изготовленное при надлежащем соблюдении различных звёздных сочетаний, промежутков времени и определённых отношений, по воле небожителей получит дух жизни и разума и благодаря ему будет отвечать вопрошающим и тайно открывать сокровенную истину. Отсюда ясно, что эта естественная магия, временами склоняясь к гоэтии и теургии,

весьма часто оказывается опутанной хитростями и заблуждениями злых демонов.

О гоэтии и некромантии

Части церемониальной магии — гоэтия и теургия. Гоэтия, несчастливая общением с нечистыми духами, составленная из обрядов нечестивого любопытства, недозволенных заклинаний и молений, отвергнута и проклята постановлениями всех законов. К ней относятся те, кого ныне называют некромантами и колдунами.

Род, ненавистный богам, искусный в осквернении неба,
Порождённое природой зло, способное звёзды мира
И законы установленных вещей извратить.
Они умеют останавливать небесный свод и отпускать потоки,
Загоняют эфир под землю и с корнем вырывают горы.

Это те, кто вызывает души умерших; те, кого древние называли эподами, кто заклинает детей и заставляет их изрекать оракулы; те, кто носит с собой демонов-паредров, как нечто подобное мы читаем о Сократе; и те, кто, как говорят, кормит духов в стеклянных сосудах и лживо утверждает, будто пророчествует через них.

Все они действуют двумя способами. Одни стараются призвать и принудить злых демонов, заклиная их некоторой силой, особенно божественных имён. Поскольку всякое творение боится и почитает имя Создавшего его, неудивительно, что гоэты, а также любые неверующие, язычники, иудеи, сарацины и люди какого угодно нечестивого сообщества или секты связывают демонов призыванием божественного имени. Другие же, наиболее нечестивые, совершая отвратительное преступление,

заслуживающее всякого огненного наказания, подчиняются демонам, приносят им жертвы и поклоняются, становясь виновными в идолопоклонстве и позорнейшем унижении. Хотя первые не повинны в этих преступлениях, они всё же подвергают себя очевидной опасности: даже принуждённые демоны постоянно бодрствуют, чтобы обмануть нас, когда мы заблуждаемся.

Из смрадного источника этих гоэтов произошли все книги тьмы, которые юрист Ульпиан называет недозволенными для чтения и предписывает немедленно уничтожать. Первым, как говорят, их придумал некий Забул, преданный запрещённым искусствам, затем некий Варнава Кипрский. И поныне под вымышленными заглавиями ходят книги, приписанные Адаму, Авелю, Еноху, Аврааму, Соломону, а также Павлу, Гонорию, Киприану, Альберту, Фоме, Иерониму и некоему Йоркскому. Их пустякам глупо последовали Альфонс, король Кастилии, Роберт Английский, Бэкон, Апонский и многие другие люди жалкого ума.

Более того, авторами столь отвратительных учений сделали не только людей, святых и патриархов, но и ангелов Божиих. Показывают даже книги, якобы переданные Разиэлем и Рафаэлем, ангелами Адама и Товии. Но если внимательно рассмотреть правила их наставлений, обряд, обычай, род слов и знаков, порядок построения и нелепый слог, эти книги открыто выдают себя: они содержат лишь пустяки и обманы и в позднейшее время были составлены людьми, совершенно не знавшими древней магии, погибельнейшими мастерами погибели. Они смешали некоторые нечестивые обычаи с церемониями нашей религии и вставили множество неизвестных

имён и печатей, чтобы устрашать грубых и простых людей и поражать лишённых разумения и не сведущих в доброй учёности.

Однако отсюда не следует, что эти искусства — вымысел. Если бы они не существовали в действительности и через них не совершалось множество удивительного и вредного, божественные и человеческие законы не предписывали бы столь строго истреблять их с земли.

Почему же эти гоэты пользуются только злыми демонами? Потому что добрые ангелы являются с трудом: они ожидают повеления Бога и вступают в общение лишь с людьми чистыми сердцем и святыми жизнью. Злые же легко отзываются на призывание, притворяясь благосклонными и ложно выдавая себя за божественных; они всегда готовы обмануть своей хитростью, добиться почитания и поклонения. А поскольку женщины более жадны до тайн, менее осторожны, склонны к суеверию и легче поддаются обману, духи тем охотнее являются им и совершают великие чудеса. О таком поэты повествуют применительно к Цирцее, Медее и другим; это свидетельствуют Цицерон, Плиний, Сенека, Августин и многие другие философы, католические учители и историки, а также само Священное Писание.

В книгах Царств мы читаем, что женщина-прорицательница в Аэндоре вызвала душу пророка Самуила. Хотя многие толкуют это так, что явилась не душа пророка, а злой дух, принявший его образ, еврейские учители утверждают, что это был истинный дух Самуила; Августин в сочинении к Симплициану также не отрицает такой возможности. До истечения года после выхода из тела его легко можно было вызвать, как учат гоэты. Более того, маги-некроманты полагают, что это может совершаться

посредством некоторых природных сил и связей, как мы рассматриваем в наших книгах «О сокровенной философии». Поэтому древние отцы, сведущие в духовных вещах, не без причины установили, чтобы тела умерших погребались в священном месте и, пока остаются над землёй, сопровождались светильниками, окроплялись святой водой, окуривались ладаном и благовониями и очищались молитвами.

Как говорят еврейские учители, всё наше тело, плотское живое существо и всё в нас, что опирается на дурно расположенную материю плоти, оставляется в пищу змею, или, как они его называют, Азазелю, господину плоти и крови и князю этого мира. В Левите он называется князем пустынь; ему сказано в Бытии: «Землю будешь есть во все дни жизни твоей», а в Исаии: «Прах — хлеб твой». Это означает наше тело, созданное из праха земного, пока оно не будет освящено и изменено к лучшему, чтобы принадлежать уже не змею, а Богу, то есть стать из плотского духовным, согласно слову Павла: «Сеется душевное, восстанет духовное». И в другом месте: «Все воскреснут, но не все изменятся», потому что многие навеки останутся пищей змея.

Итак, эту постыдную и ужасную плотскую материю, пищу змея, мы оставляем со смертью, чтобы некогда снова принять её, изменённую к лучшему уделу и ставшую духовной; это произойдёт при воскресении мёртвых. Уже так случилось с теми, кто вкусил начатки воскресения; многие достигли этого силой боготворящего духа ещё в этой жизни — Енох, Илия и Моисей. Их тела, превращённые в духовную природу, не увидели тления и не были, подобно прочим трупам, оставлены во власти змея. Таков спор дьявола с Михаилом о теле Моисея, о котором упоминает Иуда в своём послании. Но о гоэтии и некромантии

сказано достаточно.

О теургии

Теургию многие считают дозволенной, будто ею управляют добрые ангелы и божественная сила, хотя весьма часто под именами Бога и ангелов она связана злыми обманами демонов. Ведь не только природными силами, но и определёнными обрядами и церемониями мы привлекаем к себе небесные, а через них и божественные силы; древние маги подробно рассматривают это во множестве правил в изданных ими сочинениях.

Важнейшая часть всех церемоний состоит в сохранении чистоты: прежде всего души, затем тела и всего окружающего тело — кожи, одежд, жилищ, сосудов, утвари, приношений, жертв и жертвоприношений. Чистота располагает к общению с божественным и его созерцанию и настоятельно требуется в священнодействиях, согласно словам Исаии: «Омойтесь и будьте чисты, удалите зло ваших помыслов». Нечистота же, часто заражая воздух и человека, нарушает чистейшее влияние небесного и божественного и прогоняет чистых Божиих духов. Но иногда нечистые духи и обманчивые силы также требуют такой чистоты, чтобы их почитали и поклонялись им как богам. Поэтому здесь необходима величайшая осторожность; об этом мы подробно рассуждали в наших книгах «О сокровенной философии».

Порфирий, много рассуждая об этой теургии, или магии божественного, в конце концов заключает: теургическими посвящениями человеческую душу действительно можно сделать способной принимать духов и ангелов и видеть богов, однако он

совершенно отрицает, что этим искусством можно обеспечить возвращение к Богу. К этой школе относятся искусство Альмаделя, искусство нотории, искусство Павла, искусство откровений и множество подобных суеверий, тем более пагубных, чем более божественными они кажутся неопытным.

О каббале

Но здесь мне вспоминаются слова Плиния: «Есть и другая разновидность магии, происходящая от иудеев Моисея и Латопеи». Эти слова напоминают мне о каббале иудеев. Среди евреев прочно держится мнение, что сам Бог дал её Моисею на горе Синай, а затем через последовательность преемников, без письменных памятников, вплоть до времён Ездры она передавалась потомкам одним живым голосом. Так некогда пифагорейские учения передавались Архиппом и Лисиадом, имевшими школы в греческих Фивах: ученики держали в памяти наставления учителей и пользовались вместо книг умом и памятью. Подобным образом некоторые иудеи, отвергнув письменность, положили это учение в память, соблюдение и устную передачу; поэтому оно названо у евреев каббалой, то есть принятием одним от другого посредством одного слуха. Искусство, как говорят, древнее, но имя его стало известно христианам лишь в недавнее время.

Каббала двоякa. Они передают двоякое знание каббалы. Одно — о Берешит, называемое также космологией: оно объясняет силы созданных природных и небесных вещей и философскими основаниями раскрывает тайны Закона и Библии. В этом отношении оно ничем не отличается от естественной магии, в которой, как мы верим, превосходил других царь Соломон. В священной истории евреев читаем, что он рассуждал от

ливанского кедра до иссопа, а также о скоте, птицах, пресмыкающихся и рыбах; всё это может являть некоторые магические силы природы. Из позднейших авторов этому следовал Моисей Египетский в своих толкованиях Пятикнижия, а также многие талмудисты.

Другое знание они называют знанием о Меркаве. Оно занимается более возвышенными созерцаниями божественных и ангельских сил, священных имён и печатей; это как бы символическое богословие, в котором буквы, числа, фигуры, вещи, имена, вершины буквенных знаков, линии, точки и ударения — всё обозначает глубочайшие предметы и великие тайны.

Его вновь разделяют надвое: на арифмантию, называемую нотариаконом, которая рассматривает ангельские силы, имена и печати, а также состояния демонов и душ; и на теомантию, исследующую тайны божественного величия, истечения, священные имена и пентакли. Кто знает её, говорят они, тот обладает удивительными силами: по желанию предвидит всё будущее, повелевает всей природой, имеет власть над демонами и ангелами и совершает чудеса. Они полагают, что посредством этого Моисей совершил столько знамений: обратил жезл в змея и воду в кровь, навёл на египтян лягушек, мух, вшей, саранчу, пожирающих насекомых, огонь с градом, пузыри и язвы, поразил всех первенцев от людей до скота. Выводя свой народ, он раскрыл море, произвёл источник из скалы, перепелов с неба, сделал горькую воду сладкой, посылал перед своими людьми молнии и облака днём и огненный столп ночью, низвёл с небес к народу голос живого Бога; гордых поразил огнём, ропщущих — проказой, виновных — внезапной гибелью, а иных поглотила

разверзшаяся земля. Он питал народ небесной пищей, усмирял змей, исцелял отравленных, сохранял множество людей от немощи, их одежды — от износа и делал их победителями врагов.

Наконец, этим искусством чудес Иисус Навин повелел Солнцу остановиться, Илия низвёл с неба огонь на противников и вернул жизнь умершему мальчику, Даниил сомкнул пасти львов, а три отрока пели песни в печи пылающего огня. Неверные иудеи утверждают даже, что и Христос посредством этого искусства часто совершал столь удивительные дела. Соломон также, по их словам, в совершенстве знал его и на его основании передал искусство против демонов, способы их связывания и заклинания, а также заговоры против болезней, как свидетельствует Иосиф.

Я не сомневаюсь, что Бог открыл Моисею и другим пророкам множество тайн, заключённых под оболочкой слов Закона и не подлежащих сообщению непосвящённой толпе. Но то искусство каббалы, которым хвалятся евреи и которое я некогда исследовал с большим трудом, я признаю лишь сборищем суеверий и некоторой теургической магией. Если бы оно, как утверждают иудеи, исходило от Бога и содействовало совершенству жизни, спасению людей, почитанию Бога и пониманию истины, то Дух истины, пришедший, отвергнув синагогу, научить нас всякой истине, конечно, не скрывал бы его от Своей Церкви вплоть до этих последних времён. Церковь знает всё Божие; её благословение, крещение и прочие таинства спасения открыты и совершаются на любом языке.

Сила всякого языка равна и одинакова, если равно и одинаково благочестие. Нет иного имени на небесах и на земле, которым надлежало бы нам спастись и творить силу, кроме единого имени

Иисуса, в котором всё возглавляется и содержится. Поэтому иудеи, весьма сведущие в божественных именах, после Христа могут совершить мало или ничего сравнительно со своими древними отцами.

Мы, правда, испытываем и видим, как посредством перестановок этого, как они называют его, искусства из Священного Писания часто извлекаются удивительные изречения великих тайн. Но всё это — лишь игра аллегорий. Праздные люди, занятые отдельными буквами, точками и числами, по собственному произволу выдумывают и переделывают их; язык и способ письма легко это допускают. Хотя такие построения иногда звучат как великие тайны, они ничего не способны доказать или установить; по слову Григория, их можно отвергнуть с той же лёгкостью, с какой они предлагаются.

Подобным приёмом монах Рабан выдумал многое, но латинскими буквами и стихами, вставив различные изображения. Если читать их в любом направлении по любым очертаниям поверхности и изображений, они изрекают какую-нибудь священную тайну, представляющую нарисованную там историю. Никто не сомневается, что подобное можно извлечь и из светских сочинений, если читал центоны о Христе, составленные Валерией Пробой из стихов Вергилия. Всё это и подобное — размышления праздных людей. Что же касается совершения чудес, не думаю, чтобы кто-нибудь из вас был настолько неразумен, чтобы верить в существование какого-либо искусства или науки для этого.

Итак, эта каббала иудеев — не что иное, как пагубнейшее суеверие: слова, имена и буквы, рассеянные в Писании, они по своему произволу собирают, разделяют и переставляют. Делая одно из другого, они разъединяют члены истины, повсюду строят

из собственных вымыслов речи, выводы и притчи и хотят приспособить к ним речения Божии. Они бесчестят Писания и говорят, что их выдумки основаны на них; клевещут на Закон Божий и посредством бесстыдно вымученных подсчётов слов, слогов, букв и чисел пытаются навязать насильственные и богохульные доказательства своего неверия.

Кроме того, надменные от этих пустяков, они хвалятся, будто находят и знают неизреченные тайны Бога и сокровенное, лежащее выше Писания. Они без стыда и с великой дерзостью лгут, будто посредством этих тайн пророчествуют, совершают чудесные действия и чудеса. Но с ними случается то, что с собакой Эзопа: оставив хлеб и разинув пасть на его тень, она потеряла пищу. Так этот неверный и жестоковыйный род людей, всегда занятый тенями Писания и устремляющийся к этим пустотам со своей искусной, но суеверной каббалой, теряет хлеб вечной жизни и, питаясь пустыми именами, утрачивает слово истины.

Из этой иудейской закваски каббалистического суеверия произошли, полагаю, еретики-офиты, гностики и валентиниане. Они со своими учениками также придумали некоторую греческую каббалу, извращая все тайны христианской веры и с еретической порочностью сводя их к греческим буквам и числам. Из них они строили то, что называют телом истины, и учили, что без этих тайн букв и чисел невозможно найти истину в евангельских писаниях, потому что те разнообразны, местами противоречат друг другу и написаны в притчах, чтобы видящие не видели, слышащие не слышали и понимающие не понимали. По их мнению, писания предложены слепым и заблуждающимся сообразно мере их слепоты и заблуждения; чистая же истина,

скрытая под ними, вверена только совершенным, не через письмена, но через последовательную передачу живым голосом.

Именно это, говорят они, — буквенное и арифмантическое богословие, которое Христос тайно открыл апостолам и о котором Павел говорит, что возвещает его лишь среди совершенных. Поскольку это высочайшие тайны, они не были записаны и не записываются, но сохраняются в молчании у мудрых, хранящих их втайне при себе. Мудрым же у них считается лишь тот, кто умеет производить величайшие чудовища ереси.

Об иллюзиях

Но вернёмся к магии. Её частью является также искусство обманных явлений, то есть иллюзий, существующих только по видимости. Посредством них маги производят призраки, показывают множество чудес мошенническими уловками бродячих фокусников и насылают сновидения. Это совершается не столько гоэтическими заклинаниями, призываниями и обманами демонов, сколько также определёнными парами окуриваний, светом, приворотными средствами, мазями для глаз, привязываниями и подвешиваниями, а кроме того, кольцами, изображениями, зеркалами и подобными снадобьями и орудиями магического искусства — посредством природной и небесной силы.

Многое делается также быстрой ловкостью и искусностью рук, как мы ежедневно видим у актёров и жонглёров; поэтому мы называем их хирософами, то есть мудрыми руками. Существуют книги Гермеса об этом искусстве иллюзий и сочинения некоторых других. Читаем также, что некий фокусник Пасет

обычно показывал гостям богатейший пир и затем, когда хотел, заставлял его вновь исчезнуть, оставляя всех возлежавших обманутыми, голодными и жаждущими. Читаем, что такими иллюзиями пользовался и Нума Помпилий.

Даже учёнейший Пифагор, как говорят, иногда устраивал такую забаву: писал кровью на зеркале всё, что ему хотелось, затем поворачивал его к полному лунному диску и показывал стоявшему позади написанное на поверхности Луны.

Сюда относится и всё, что читаем о превращениях людей, воспетых поэтами, принятых историками и некоторыми христианскими богословами и, сверх того, подтверждённых Священным Писанием. Так люди кажутся ослами, лошадьми или другими животными из-за зачарованного зрения либо возмущённой среды, и это происходит посредством природного искусства. Иногда это совершается также добрыми и злыми духами или самим Богом по молитвам добрых, как читаем в Священном Писании о пророке Елисее, окружённом войском сирийского царя, осадившего Дофаим. Но чистые очи, открытые Богом, это обмануть не может. Так женщина, которую простой народ считал вьючным животным, Илариону казалась не животным, а тем, чем была, — женщиной.

То, что таким образом совершается лишь по видимости, называется иллюзиями. О том же, что происходит посредством искусства изменения или перенесения, как в случае Навуходоносора или посевов, перенесённых на другие поля, мы говорили выше. Об искусстве иллюзий Ямвлих говорит так: «То, что воображают обманутые видимостью или зачарованные, не имеет никакой истины действия и сущности за пределами воображения. Цель такого искусства — не совершить нечто

действительно, но распространить воображаемые образы до видимости, после чего вскоре не остаётся никакого их следа».

Итак, из сказанного ясно, что магия — не что иное, как соединение идолопоклонства, астрологии и суеверной медицины. От магов возникла в Церкви и большая толпа еретиков: как Ианний и Иамврий противились Моисею, так они противились апостольской истине. Их главой был Симон Самарянин, которому за это искусство в Риме при императоре Клавдии поставили статую с надписью: «Симону, святому богу». Его богохульства подробно рассказывают Климент, Евсевий и Ириней.

От этого Симона, словно от рассадника всех ересей, через многих преемников произошли чудовищные офиты, постыдные гностики, нечестивые валентиниане, кердониане, маркиониты, монтанисты и множество других еретиков. Ради наживы и пустой славы они лгут против Бога, не принося людям ни пользы, ни благодеяний, но обманывая и ввергая в погибель и заблуждение; верящие им будут посрамлены на суде Божием.

Я же ещё в юности написал о магических предметах три довольно обширные книги, назвав их «О сокровенной философии». Всё, в чём тогда по юношескому любопытству была допущена ошибка, теперь, став осторожнее, я хочу отозвать этим отречением. Ведь некогда я растратил на эти пустоты весьма много времени и средств. Наконец, я достиг того, что знаю, какими доводами надлежит отвращать других от этой погибели.

Все, кто дерзает гадать и пророчествовать не в истине и силе Божией, но в обмане демонов, по действию злых духов; кто посредством магических пустот совершает заклинания, заговоры,

приворотные действия, агогимы и прочие демонические дела и идолопоклоннические обманы; кто показывает мгновенно исчезающие иллюзии и призраки и хвалится, будто творит чудеса, — все они вместе с Ианнием, Иамврием и Симоном Магом будут предназначены к мучению в вечном огне.

Конец «Сокровенной философии» Генриха Корнелия Агриппы

В июле 1533 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Факсимиле оригинала

✧

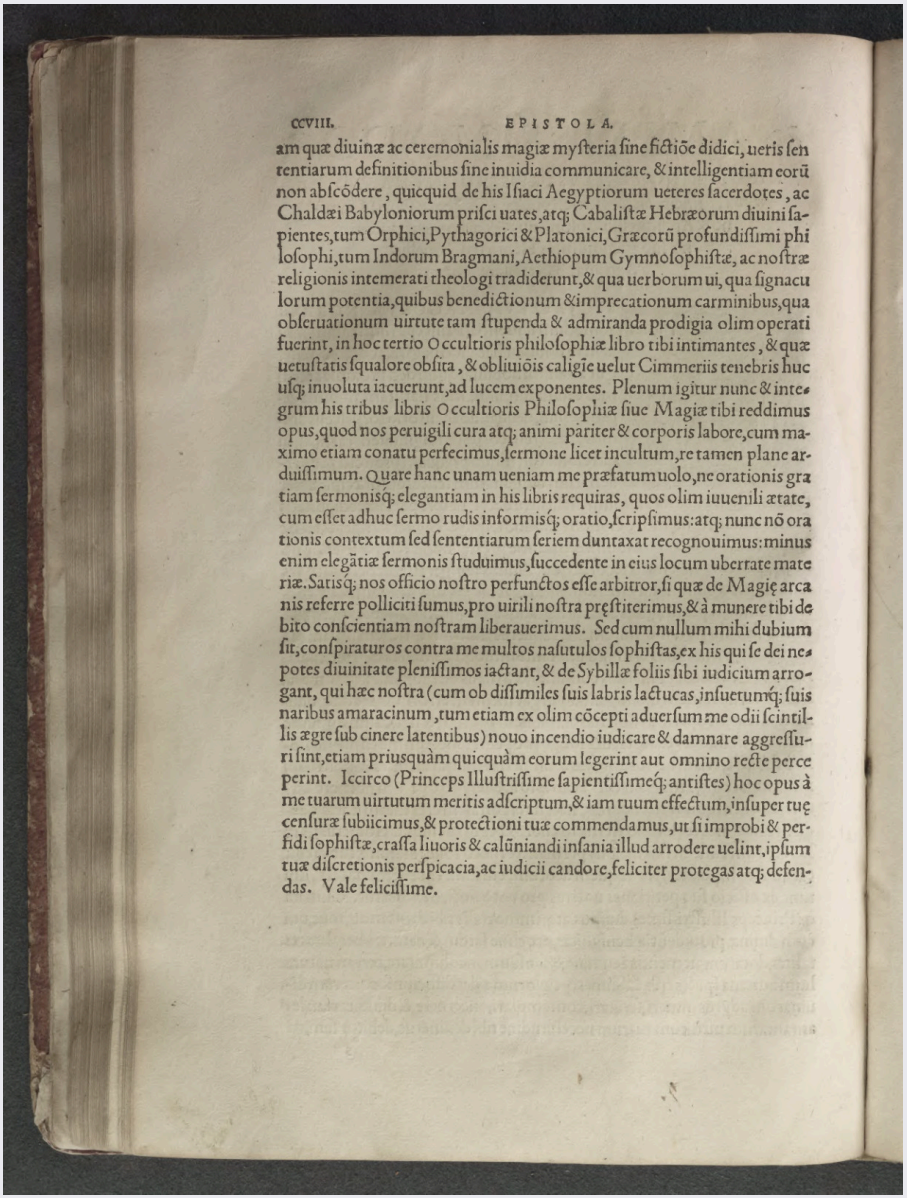
Все рисунки, таблицы, печати
и страницы соответствующей части
издания 1533 года

AMPLISSIMO DO-

MINO, PRINCIPI ILLVSTRISSIMO HERMANNO AB wyda, Principi electori, weſtphaliæ & Angariæ Duci, Domino & Archipreſuli Colonienſi & Padebornenſi, Domino ſuo gratioſiſſimo Henricus Cornelius Agrippa ab Netteſzheym.

EST VETERVM MAGORVM NOBILIS admodum ſententia (Princeps Illuſtriſſime) nulla in re nobis in hac uita magis elaborãdum eſſe, q̃ ut ab animi nobilitate, quo deo proximè accedimus diuinamq; induimus naturam, minime degeneremus, nequando inani otio torpeſcens animus, ad terreni corporis fragilitatem carnisq; uitia reſoluatur, illumq; tãquam proiectũ per peruerſarum cupiditatum tenebroſa præcipitia perdamus. Quare nos ita animum inſtituere decet, ut ipſe per ſemet dignitatis ſuæ nobilitatisq; memor, dignum aliquod ſeipſo & cogitet ſemper & faciat & operetur. Hoc autem ſolum & maxime præſtat nobis diuinæ ſcientię notio, quãdo eius maieſtatis recordatione diuinis ſemper ſtudiis occupati, res diuinas per omnia horarum momenta ſagaci ac peruigili inquiſitione contemplamur, & per ſingulos creatorũ gradus ad ipſum uſq; archetypum aſcẽdentes, ab illo rerum omnium inerrabilem haurimus uirtutem: quam qui negligunt, naturalibus & mundanis tantummodo confidẽtes, hi ſolent uariis ſæpe erroribus ac fallentiis confundi, & à malis dæmonibus ſæpiſſime falli. Diuinorum autem intelligentia purgat mentem erroribus, redditq; diuinam, uirtutem operibus noſtris infallibilem præſtat, & malorum omnium dæmonum fraudes & obſtacula longe propellit, illosq; ſimul imperio noſtro ſubiicit, etiam bonos angelos & uniuerſas mundi uirtutes in noſtrũ miniſterium cogit, attracta uidelicet ab ipſo archetypo operum noſtrorũ uirtute, ad quem quum aſcendimus, neceſſe eſt omnem creaturam nobis obedire, totusq; nos ſequitur cœleſtium chorus. Nam (ut inquit Homerus) Nullus deorum auſit in ſuis ſedibus permanere moto Ioue: Statimq; tunc regit (ut ait Ariſtophanes) per aliquem deorum, cui iuſſa capeſſere phas eſt, qui tunc ex officio ſuo petitiones noſtras pro uoto noſtro exequatur. Cum itaq; (Princeps Illuſtriſſime) diuinus atq; immortalis tibi datus ſit animus, qui cum diuinæ prouidentiæ benignitas, procliue fatum, & naturæ liberalitas tẽ taliter dotarunt, ut mentis acumine, & ſenſuum incolumitate, rerum naturalium amœna ſpectacula ſublimesq; cœlorum ædes difficilimosq; rerum diuinarum adytus intueri, ſcrutari, contemplari, diſcernere, & diiudicare uales: tantarum uirtutum tuarum neceſſitudine tibi deuinctus, debitor ſum, etí

s

am quæ diuinæ ac ceremonialis magiæ mysteria sine fictiõe didici, ueris sen tentiarum definitionibus sine inuidia communicare, & intelligentiam eorũ non abscõdere, quicquid de his Isiaci Aegyptiorum ueteres sacerdotes, ac Chaldæi Babyloniorum prisci uates, atq; Cabalistæ Hebræorum diuini sapientes, tum Orphici, Pythagorici & Platonici, Græcorũ profundissimi philosophi, tum Indorum Bragmani, Aethiopum Gymnosophistæ, ac nostræ religionis intemerati theologi tradiderunt, & qua uerborum ui, qua signacu lorum potentia, quibus benedictionum & imprecationum carminibus, qua obseruationum uirtute tam stupenda & admiranda prodigia olim operati fuerint, in hoc tertio Occultioris philosophiæ libro tibi intimantes, & quæ uetustatis squalore obsita, & obliuiõis caligĩe uelut Cimmeriis tenebris huc usq; inuoluta iacuerunt, ad lucem exponentes. Plenum igitur nunc & integrum his tribus libris Occultioris Philosophiæ siue Magiæ tibi reddimus opus, quod nos peruigili cura atq; animi pariter & corporis labore, cum maximo etiam conatu perfecimus, sermone licet incultum, re tamen plane arduissimum. Quare hanc unam ueniam me præfatum uolo, ne orationis gratiam sermonisq; elegantiam in his libris requiras, quos olim iuuenili ætate, cum esset adhuc sermo rudis informisq; oratio, scripsimus: atq; nunc nõ orationis contextum sed sententiarum seriem duntaxat recognouimus: minus enim elegãtiæ sermonis studuimus, succedente in eius locum uberrate materiæ. Satisq; nos officio nostro perfunctos esse arbitror, si quæ de Magię arcanis referre polliciti sumus, pro uirili nostra præstiterimus, & à munere tibi debito conscientiam nostram liberauerimus. Sed cum nullum mihi dubium sit, conspiraturos contra me multos nasutulos sophistas, ex his qui se dei nepotes diuinitate plenissimos iactant, & de Sybillæ foliis sibi iudicium arrogant, qui hæc nostra (cum ob dissimiles suis labris lactucas, insuetumq; suis naribus amaracinum, tum etiam ex olim cõcepti aduersum me odii scintillis ægre sub cinere latentibus) nouo incendio iudicare & damnare aggressuri sint, etiam priusquàm quicquàm eorum legerint aut omnino recte perceperint. Iccirco (Princeps Illustrissime sapientissimeq; antistes) hoc opus à me tuarum uirtutum meritis adscriptum, & iam tuum effectum, insuper tuę censuræ subiicimus, & protectioni tuæ commendamus, ut si improbi & perfidi sophistæ, crassa liuoris & calũniandi insania illud arrodere uelint, ipsum tuæ discretionis perspicacia, ac iudicii candore, feliciter protegas atq; defendas. Vale felicissime.

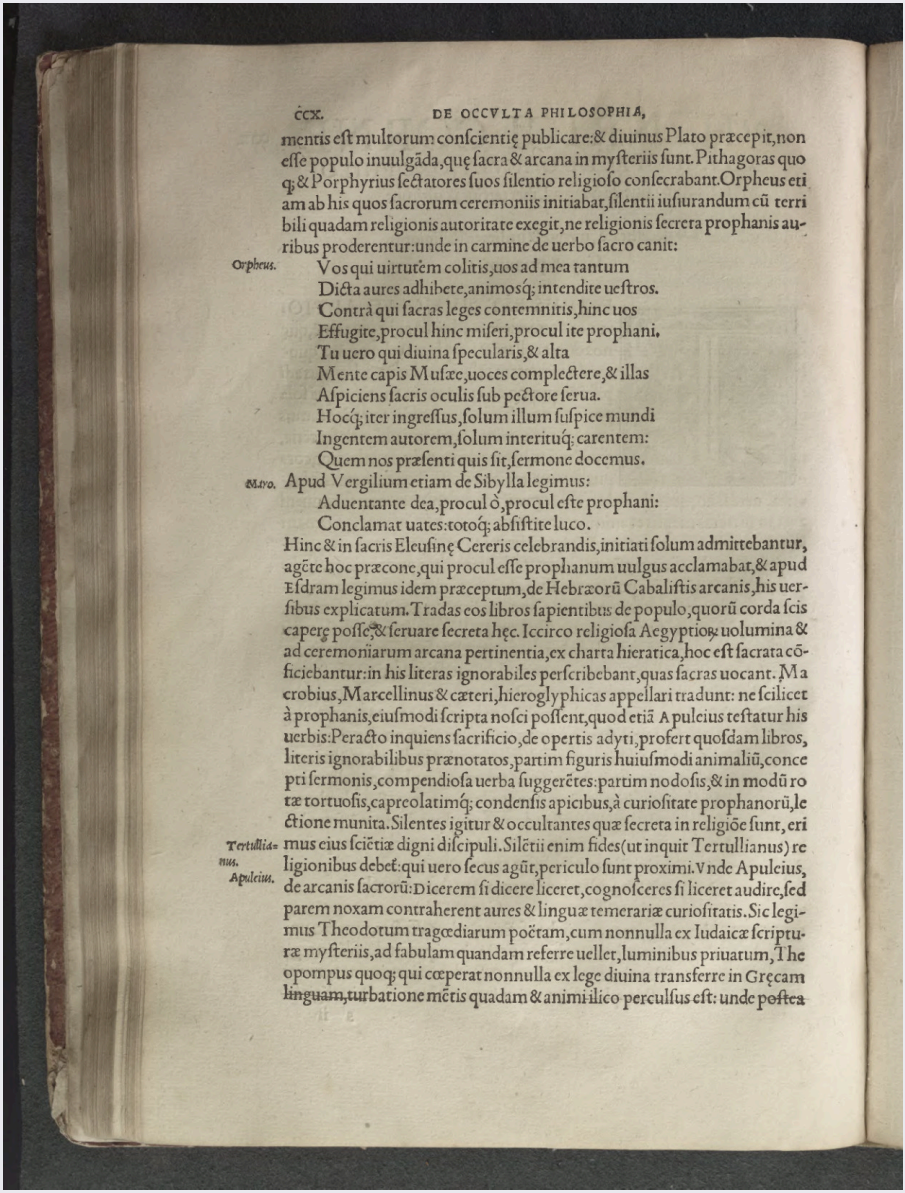
HENRICI CORNE- CCIX.
LII AGRIPPAE DE OCCVLTIORE PHILO
sophia, siue de Magia, Liber tertius, & ultimus.

De necessitate, uirtute & utilitate Religionis. Caput primum.

TEMPVS EST NVNC AD ALTIO-
ra nos conuertere, & ad eã Magiæ portionẽ, quę nos docet callere & scire leges religionũ: & quomodo ueritatem religione diuina debeamus adipisci: & quomodo animum et mentem qua sola possumus ueritatẽ cõprehendere, rite debeamus excolere. Est enim Magorum uulgaris sentẽtia, quod nisi mens atq; animus bene ualuerint, corpus bene ualere non posse. Tunc autem esse hominẽ uere sanũ, quando anima et corpus ita copulantur et inter se conueniunt, ut firmitas mentis et animi, corporis uiribus non sit inferior. Firmam autem et robustam mentem (ut inquit Hermes) consequi non aliunde possumus, quàm à uitæ integritate, à pietate, à diuina denique religione. Religio enim sacra mentem purgat, redditq; diuinam: iuuat etiam naturam, naturalesq; roborat uirtutes, quemadmodum medicus corporis iuuat sanitatẽ, et Agricola terræ uirtutem adiuuat. Quicunque uero religione relicta naturalibus tantum confidunt, solent à malis dæmonibus sæpissime falli. Ex intellectu autem religionis, contemptus medelaq; nascitur uitiorum, & contra malos dæmones tutamentũ. Denique nil deo gratius & acceptius, quàm homo perfecte pius ac uere religiosus: qui tam homines cæteros præcellit, q̃ ipse à diis immortalibus distat. Debemus nos igitur prius quidem purgatos offerre & commendare diuinæ pietati & religioni, & tũc diuinum illud ambrosianum nectar (nectar inquam, quod Zacharias propheta appellat uinũ germinans uirgines) sopitis sensibus, tranquilla mente expectare, laudantes & adorantes, supercœlestem illum Bacchum, summum deorum & sacerdotũ antistitẽ, regnationis autorem, quem bis natum ueteres cecinere poẽtæ, à quo tam diuinissimi riui in corda nostra emanant.

De silentio & occultatione eorum, quę secreta in religione sunt. Caput II.

QVicunq; igitur nunc in hac scientia studere affectas, tam sacrum dogma intra secreta religiosi pectoris tui penetralia silẽtio regito, & cõstanti taciturnitate celato. Sermonem enim tanta numinis maiestate plenissimum (ut inquit Mercurius) irreligiosæ

mentis est multorum conscientię publicare: & diuinus Plato præcepit, non esse populo inuulgãda, quę sacra & arcana in mysteriis sunt. Pithagoras quoq; & Porphyrius sectatores suos silentio religioso consecrabant. Orpheus etiam ab his quos sacrorum ceremoniis initiabat, silentii iusiurandum cũ terribili quadam religionis autoritate exegit, ne religionis secreta prophanis auribus proderentur: unde in carmine de uerbo sacro canit:

Orpheus.

Vos qui uirtutẽm colitis, uos ad mea tantum
Dicta aures adhibete, animosq; intendite uestros.
Contrà qui sacras leges contemnitis, hinc uos
Effugite, procul hinc miseri, procul ite prophani.
Tu uero qui diuina specularis, & alta
Mente capis Musæ, uoces complectere, & illas
Aspiciens sacris oculis sub pectore serua.
Hocq; iter ingressus, solum illum suspice mundi
Ingentem autorem, solum interituq; carentem:
Quem nos præsenti quis sit, sermone docemus.

Virgilius.

Apud Vergilium etiam de Sibylla legimus:

Aduentante dea, procul ò, procul este prophani:
Conclamat uates: totoq; abstistite luco.

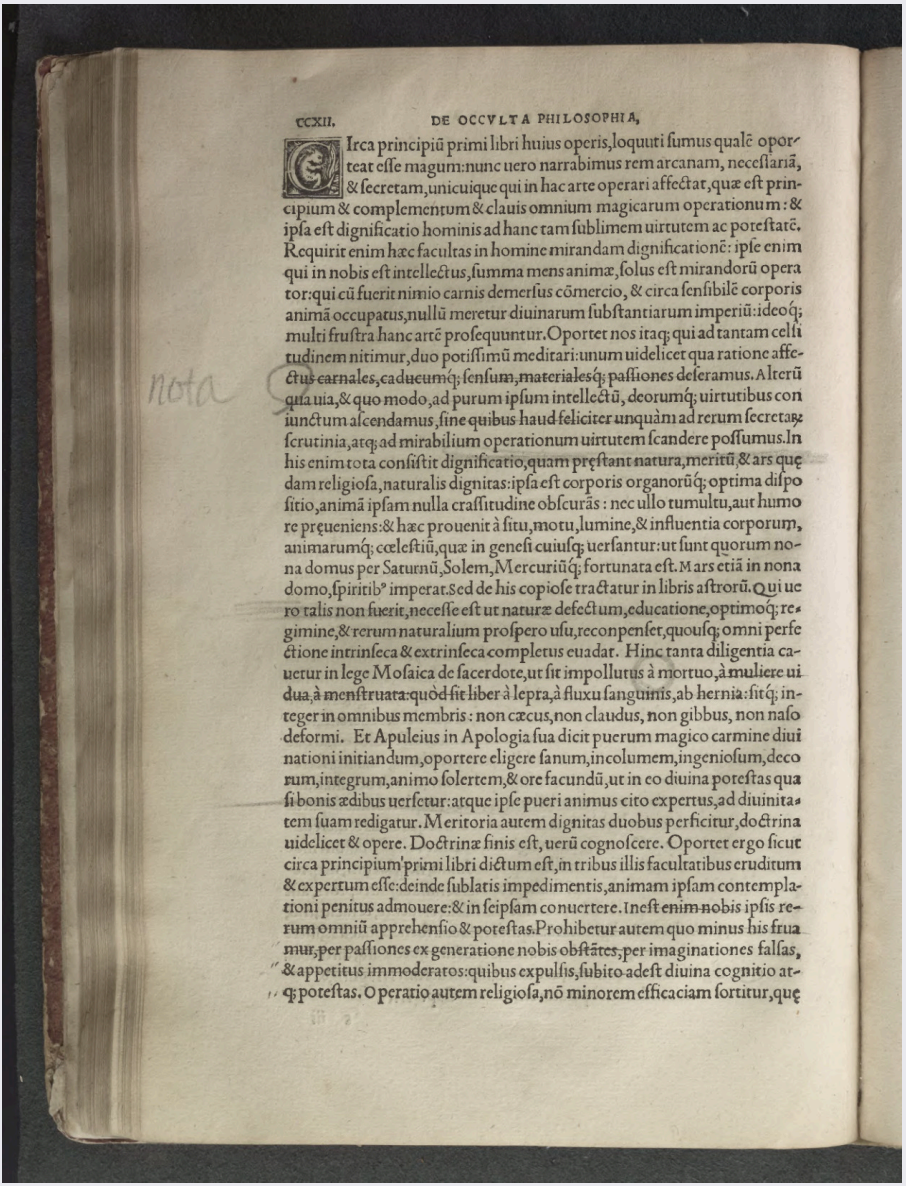
Hinc & in sacris Eleusinę Cereris celebrandis, initiati solum admittebantur, agẽte hoc præcone, qui procul esse prophanum uulgus acclamabat, & apud Esdram legimus idem præceptum, de Hebræorũ Cabalistis arcanis, his uersibus explicatum. Tradas eos libros sapientibus de populo, quorũ corda scis caperę posse, & seruare secreta hęc. Iccirco religiosa Aegyptiorũ uolumina & ad ceremoniarum arcana pertinentia, ex charta hieratica, hoc est sacrata cõficiebantur: in his literas ignorabiles perscribebant, quas sacras uocant. Macrobius, Marcellinus & cæteri, hieroglyphicas appellari tradunt: ne scilicet à prophanis, eiusmodi scripta nosci possent, quod etiã Apuleius testatur his uerbis: Peracto inquiens sacrificio, de opertis adyti, profert quosdam libros, literis ignorabilibus prænotatos, partim figuris huiusmodi animaliũ, concepti sermonis, compendiosa uerba suggerẽtes: partim nodosis, & in modũ rotæ tortuosis, capreolatimq; condensis apicibus, à curiositate prophanorũ, lectione munita. Silentes igitur & occultantes quæ secreta in religiõe sunt, erimus eius sciẽtiæ digni discipuli. Silẽtii enim fides (ut inquit Tertullianus) religionibus debet: qui uero secus agũt, periculo sunt proximi. Vnde Apuleius, de arcanis sacrorũ: Dicerem si dicere liceret, cognosceres si liceret audire, sed parem noxam contraherent aures & linguæ temerariæ curiositatis. Sic legimus Theodotum tragœdiarum poẽtam, cum nonnulla ex Iudaicæ scripturæ mysteriis, ad fabulam quandam referre uellet, luminibus priuatum, Theopompus quoq; qui cœperat nonnulla ex lege diuina transferre in Grẽcam linguam, turbatione mẽtis quadam & animi ilico perculsus est: unde postea

Tertullianus.

Apuleius.

magno pere deũ orans, quare id ſibi contigiſſet, reſponſum accepit per ſomniũ, quia res diuinas lenocinio inquinaret, in publicũ promulgaret. Numenius etiã quidam occultorũ curioſior, offenſam numinũ contraxit, quod Eleuſinæ deæ ſacra interpretando euulgauiſſet. Somniauit enim Eleuſinas deas habitu meretricio ante apertũ lupanar proſtantes, quod cũ admiraret, irate reſponderũt, ab ipſo ſe aditu pudicitię ſuæ ui abſtractas, & paſſim adeũ tibus proſtitutas: per quod admonitus eſt, ceremonias deoꝝ numine inuulgandas eſſe. Ideo antiquorũ ſtudiũ ſemper fuit, dei & naturæ ſacramenta inuoluere, & uariis ænigmatibus obtegere: quã legem ſic obſeruarũt Indi, Brachmanes, Aethiopes, Perſę, Aegyptii. Hinc Mercuri², Orpheus, oĉsq; antiquates, & philoſophi, Pythagoras, Socrates, Plato, Ariſtoxenus, Ammonius, inuiolabili fide ſeruarũt. Hinc Plotinus, & Origenes, cæteriq; Ammonii diſcipuli, ut narrat Porphyrius in libro de educatiõe & diſciplina Plotini, iurarũt ne Magiſtri dogmata ederẽt: & qa Plotinus, uiolato iureiurãdo Ammonio prędtito, ſacramẽta publicauit, in trãſgreſſiõis pœnã, ut nõnulli adſerũt, horrẽdo pediculorũ edulio conſumptus eſt. Ipſe etiã Chriſtus dũ adhuc in terris ageret, ea lege & ratiõe loquut² eſt, ut tantũmodo ſecretiores diſcipuli intelligerẽt myſteriũ uerbi dei, cæteri aũt ſolas parabolas ſentirẽt: præcipiẽs inſuper non dandum ſanctum canibus, nec margaritas exponendas porcis. Ideo inquit propheta: Abſcondi in corde meo eloquia tua, ut non peccẽ tibi. Non decet itaq; arcana quæ inter paucos ſapientes ſolo ore communicanda ſunt, publicis committere literis. Quare ueniam mihi dabitis, ſi multa ea ć; potiora, ceremonialis magiæ arcana ſacramenta, ſilentio fuerim præter
" greſſus. Satis autem me facturum arbitror, ſi ea quæ ſcitu neceſſaria ſunt referemus, atq; uos ab huius libri lectione non abeatis myſteriorum illorum omnino inanes: ſed ea lege hæc uobis communicata ſunto, qua Dionyſius adſtringit Timotheum, uidelicet ut ab his qui percipiunt, indignorum nõ exponantur arcana, ſed inter ſapientes collecta, ea qua decet reuerentia cuſtodiantur. Illud præterea uos in hoc initio admonitos eſſe uolo, quod quẽ admodum ipſa numina deteſtantur publica, atq; prophana, amantq; ſecreta, ſic experimentum omne magicum, fugit publicum, quærit occultari, ſilẽtio roboratur, propalatione autem deſtruitur, nec completus inde ſequitur effectus. Patiuntur enim hæc omnia iacturam, cum loquacibus & incredulis animis ingerũturp. Oortet igitur magicum operatorem, ſi fructum inde conſequi uelit, ſecretum eſſe, ac nullis neq; opus ſuum, neq; locum, neq; tẽ-
" pus, neq; deſideriũ, neq; uoluntatẽ ſuam propalare, niſi aut præceptori, aut
" coadiutori, ſiue ſocio qualẽ etiã oportebit eſſe fidelẽ, credentẽ, & taciturnũ,
" & à natura, aut inſtitutiõe dignificatũ. Siquidẽ ipſa etiã ſocii loquacitas, incredulitaſq;, atq; indignitas, in omni operatione effectũ impedit atq; diſturbat.

Quæ dignificatio requiratur, ut quis euadat in uerum Magum, & mirandorum operatorem. Cap. III.

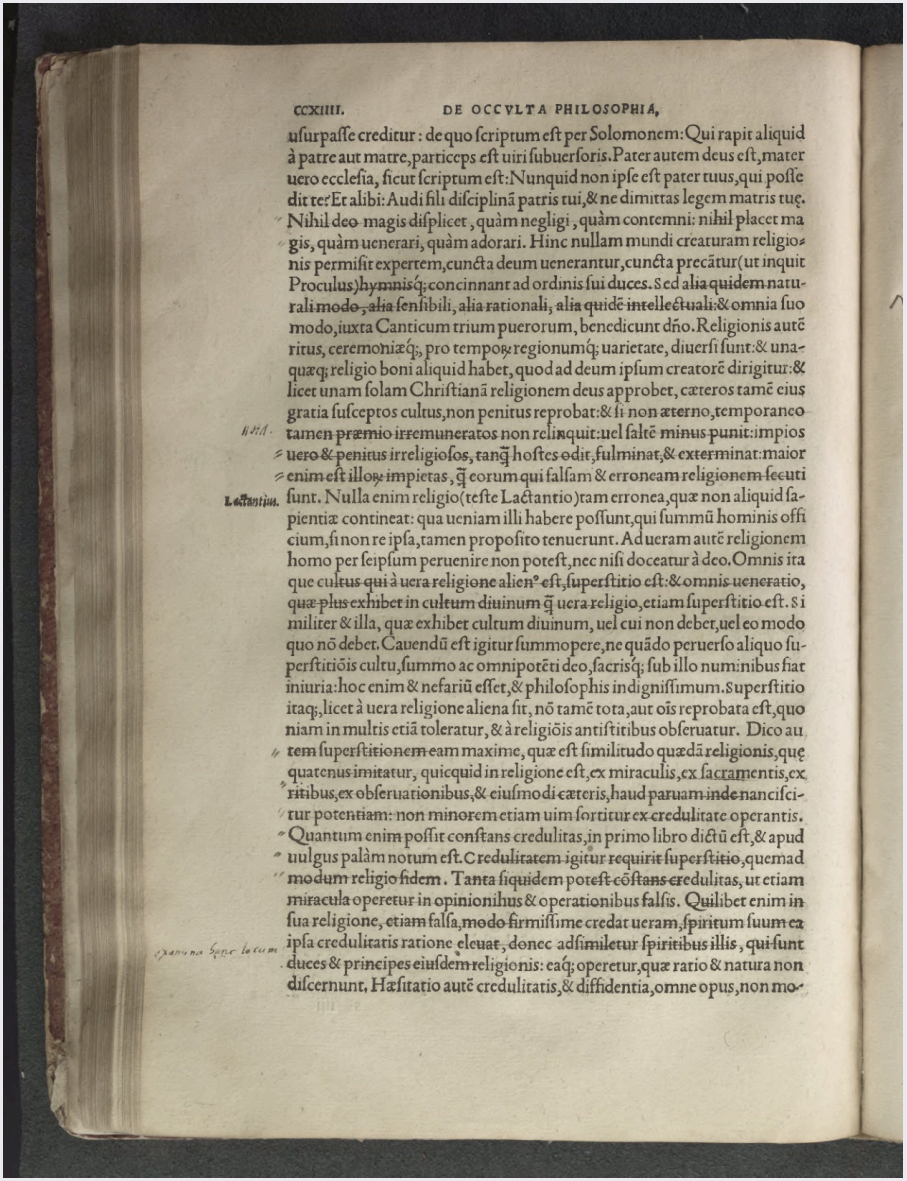
CCXII. DE OCCVLTA PHILOSOPHIA,

GIrca principiū primi libri huius operis, loquuti ſumus qualē oportеat eſſe magum: nunc uero narrabimus rem arcanam, neceſſariā, & ſecretam, unicuique qui in hac arte operari affectat, quæ eſt principium & complementum & clauis omnium magicarum operationum: & ipſa eſt dignificatio hominis ad hanc tam ſublimem uirtutem ac poteſtatē. Requirit enim hæc facultas in homine mirandam dignificationē: ipſe enim qui in nobis eſt intellectus, ſumma mens animæ, ſolus eſt mirandorū operator: qui cū fuerit nimio carnis demerſus cōmercio, & circa ſenſibilē corporis animā occupatus, nullū meretur diuinarum ſubſtantiarum imperiū: ideoq; multi fruſtra hanc artē proſequuntur. Oportet nos itaq; qui ad tantam celſitudinem nitimur, duo potiſſimū meditari: unum uidelicet qua ratione affectus carnales, caducumq; ſenſum, materialesq; paſſiones deſeramus. Alterū qua uia, & quo modo, ad purum ipſum intellectū, deorumq; uirtutibus coniunctum aſcendamus, ſine quibus haud feliciter unquàm ad rerum ſecretas ſcrutinia, atq; ad mirabilium operationum uirtutem ſcandere poſſumus. In his enim tota conſiſtit dignificatio, quam præſtant natura, meritū, & ars quędam religioſa, naturalis dignitas: ipſa eſt corporis organorūq; optima diſpoſitio, animā ipſam nulla craſſitudine obſcurās: nec ullo tumultu, aut humore prędiens: & hæc prouenit à ſitu, motu, lumine, & influentia corporum, animarumq; cœleſtiū, quæ in geneſi cuiuſq; uerſantur: ut ſunt quorum nona domus per Saturnū, Solem, Mercuriūq; fortunata eſt. Mars etiā in nona domo, ſpiritib⁹ imperat. Sed de his copioſe tractatur in libris aſtrorū. Qui uero talis non fuerit, neceſſe eſt ut naturæ defectum, educatione, optimoq; regimine, & rerum naturalium proſpero uſu, reconpenſet, quouſq; omni perfectione intrinſeca & extrinſeca completus euadat. Hinc tanta diligentia cauetur in lege Moſaica de ſacerdote, ut ſit impollutus à mortuo, à muliere uidua, à menſtruata: quòd ſit liber à lepra, à fluxu ſanguinis, ab hernia: ſitq; integer in omnibus membris: non cæcus, non claudus, non gibbus, non naſo deformi. Et Apuleius in Apologia ſua dicit puerum magico carmine diuinationi initiandum, oportere eligere ſanum, incolumem, ingenioſum, decorum, integrum, animo ſolertem, & ore facundū, ut in eo diuina poteſtas quaſi bonis ædibus uerſetur: atque ipſe pueri animus cito expertus, ad diuinitatem ſuam redigatur. Meritoria autem dignitas duobus perficitur, doctrina uidelicet & opere. Doctrinæ finis eſt, uerū cognoſcere. Oportet ergo ſicut circa principium primi libri dictum eſt, in tribus illis facultatibus eruditum & expertum eſſe: deinde ſublatis impedimentis, animam ipſam contemplationi penitus admouere: & in ſeipſam conuertere. Ineſt enim nobis ipſis rerum omniū apprehenſio & poteſtas. Prohibetur autem quo minus his fruamur, per paſſiones ex generatione nobis obſtātes, per imaginationes falſas, & appetitus immoderatos: quibus expulſis, ſubito adeſt diuina cognitio atq; poteſtas. Operatio autem religioſa, nō minorem efficaciam ſortitur, quę

ſæpe etiam ſe ſola efficax eſt ad acquirendam nobis deificam uirtutem. Tanta enim eſt uirtus ſacrorum operum rite factorum exhibitorumq;, ut etiam licet non intellecta, pie tamen & integre obſeruata, ſtabiliq; fide credita, nō minorē habeant efficaciā, nos diuina poteſtate decorare. Quę uero arte religiōis acquirit dignitas, ipſa religioſis quibuſdā ceremoniis, & expiationibus, conſecrationibus, ſacris que ritibus perficitur ab eo, cuius ſpiritum publica religio conſecrauit: qui poteſtatem habet impoſitionis manuū, & initiandi uirtute ſacramentali, ex qua imprimitur character diuinæ uirtutis atque poteſtatis. quem uocant diuinum conſenſum, quo homo diuina natura ſubnixus, & quaſi cœlitum conſors effectus, inſitam numinis gerit potentiam: & hic ritus inter eccleſiaſtica ſacramenta relatus eſt. Si igitur nunc fueris homo ſacra religionis mente perfectus, qui pie conſtantiſſimeq; de religione ſentias, & ſine hæſitatione credas, fuerisq; talis cui autoritas ſacrorum, naturaq; præ cæteris contulerint dignitatem, quē numina minime contemnant, poteris orando, conſecrando, ſacrificando, inuocando, uirtutes ſpirituales atq; cœleſtes attrahere, & rebus tuis quibus uelis imprimere, omneq; ſcientiæ magicalis opus ea ipſa uitrificare. Quiſquis autem præter autoritatem officii, abſq; ſanctitatis & doctrinæ merito, præter naturæ educationisq; dignitatē aliquid in magicis operari præſumpſerit, ſine fructu laborabit, ac ſe ſimul & credētes ſibi, decipiet: ac numinum indignationē cum periculo incurret.

De duabus ceremonialis Magię adminiculis, religione & ſuperſtitione. Cap. IIII.

DVO ſunt quę regunt omnem ceremonialis Magię operationē, religio uidelicet & ſuperſtitio. Religio ipſa, eſt diuinorū aſſidua contemplatio, piiſq; operibus cum deo diuinisq; numinibus religatio, per quam reuerēti famulatu, digna illis ueneratio, & cultus ſanctificatio impenditur, ceremoniæq; diuini cultus rite exercentur. Eſt itaq; religio, diſciplina quædam externorum ſacrorum ac ceremoniarū, per quam rerum internarum & ſpiritualium, tanquàm per ſigna quędam admonemur: quæ ita nobis à natura inſita eſt, ut plus illa, quàm rationabilitate, à cæteris animantibus diſcernamur. Quicūq; igitur ea neglecta, naturalium uiribus (ut ſupradiximus) tantūmodo confidunt, ſolēt à malis dæmonibus ſæpiſſime falli. Iccirco qui religioſius ſanctiusq; eruditi ſunt, nec arborē plātant, nec uineā inſerunt, nec modicū quoduis opus abſq; diuina inuocatiōe adgrediūtur, ſicut ad Coloſſenſes præcipit doctor gentiū, inquiēs: Quęcunq; feceritis, in uerbo aut opere, omnia in nomine domini Ieſu Chriſti facite, gratias illi agētes & deo patri per ipſum. Religiōis igit uires, phyſicis ac mathematicis uirtutibus ſuperaddere, tantū abeſt à culpa, ut nō adiungere, ſit impiū ſcelus. Hinc in libro ſenatorū ait Rabi Henitia: Quicūq; omiſſa bñdictione, aliqua creaturarum fungit, hāc ueluti furto & rapina, à deo & eccleſia

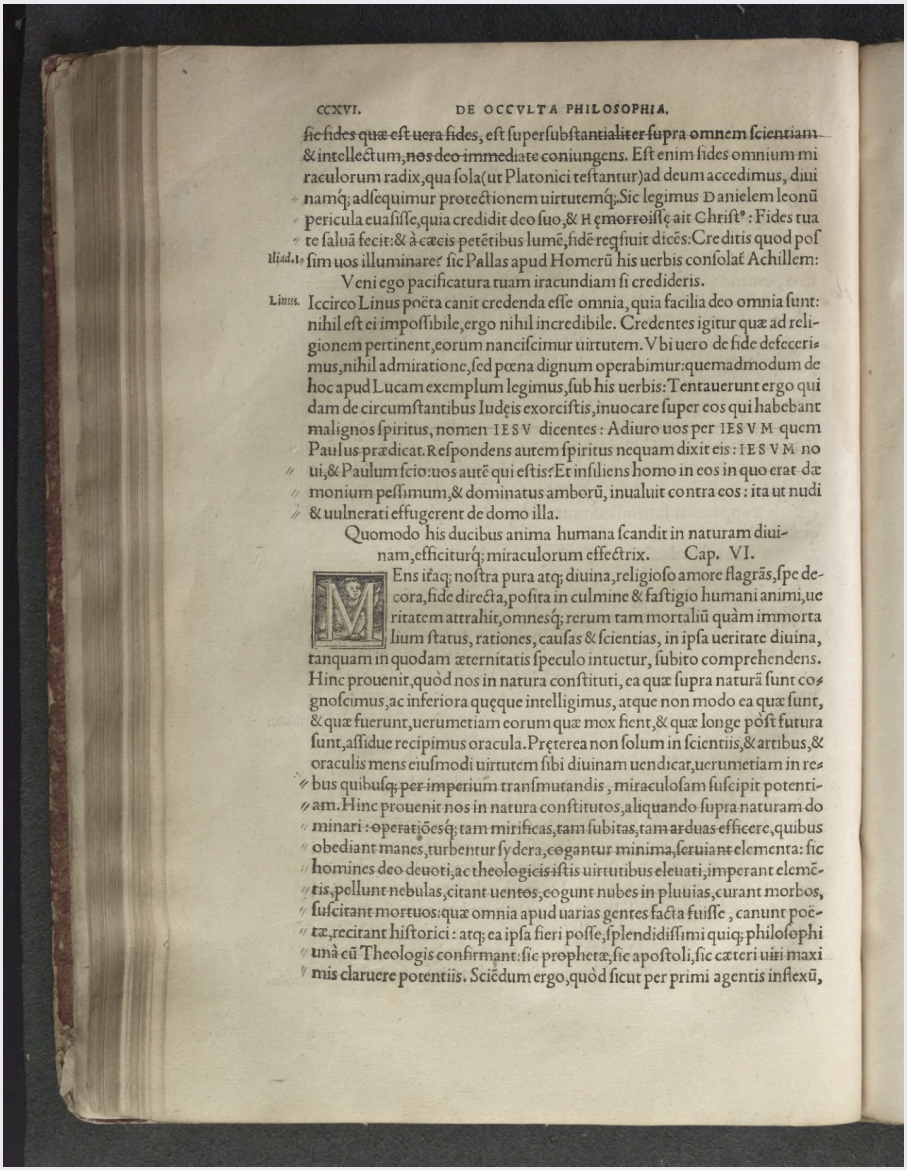

usurpasse creditur: de quo scriptum est per Solomonem: Qui rapit aliquid à patre aut matre, particeps est uiri subuersoris. Pater autem deus est, mater uero ecclesia, sicut scriptum est: Nunquid non ipse est pater tuus, qui posse dit te? Et alibi: Audi fili disciplinã patris tui, & ne dimittas legem matris tuę. Nihil deo magis displicet, quàm negligi, quàm contemni: nihil placet magis, quàm uenerari, quàm adorari. Hinc nullam mundi creaturam religionis permisit expertem, cuncta deum uenerantur, cuncta precãtur (ut inquit Proculus) hymnisq; concinnant ad ordinis sui duces. Sed alia quidem naturali modo, alia sensibili, alia rationali, alia quidẽ intellectuali: & omnia suo modo, iuxta Canticum trium puerorum, benedicunt dño. Religionis autẽ ritus, ceremoniæq;, pro temporũ regionumq; uarietate, diuersi sunt: & unaquæq; religio boni aliquid habet, quod ad deum ipsum creatorẽ dirigitur: & licet unam solam Christianã religionem deus approbet, cæteros tamẽ eius gratia susceptos cultus, non penitus reprobat: & si non æterno, temporaneo tamen præmio irremuneratos non relinquit: uel saltẽ minus punit: impios uero & penitus irreligiosos, tanq̃ hostes odit, fulminat, & exterminat: maior enim est illorũ impietas, q̃ eorum qui falsam & erroneam religionem secuti Lactantius. sunt. Nulla enim religio (teste Lactantio) tam erronea, quæ non aliquid sapientiæ contineat: qua ueniam illi habere possunt, qui summũ hominis officium, si non re ipsa, tamen proposito tenuerunt. Ad ueram autẽ religionem homo per seipsum peruenire non potest, nec nisi doceatur à deo. Omnis itaque cultus qui à uera religione alienꝰ est, superstitio est: & omnis ueneratio, quæ plus exhibet in cultum diuinum q̃ uera religio, etiam superstitio est. Si militer & illa, quæ exhibet cultum diuinum, uel cui non debet, uel eo modo quo nõ debet. Cauendũ est igitur summopere, ne quãdo peruerso aliquo superstitiõis cultu, summo ac omnipotẽti deo, sacrisq; sub illo numinibus fiat iniuria: hoc enim & nefariũ esset, & philosophis indignissimum. Superstitio itaq;, licet à uera religione aliena sit, nõ tamẽ tota, aut oĩs reprobata est, quoniam in multis etiã toleratur, & à religiõis antistitibus obseruatur. Dico autem superstitionem eam maxime, quæ est similitudo quædã religionis, quę quatenus imitatur, quicquid in religione est, ex miraculis, ex sacramentis, ex ritibus, ex obseruationibus, & eiusmodi cæteris, haud paruam inde nancisci tur potentiam: non minorem etiam uim sortitur ex credulitate operantis. Quantum enim possit constans credulitas, in primo libro dictũ est, & apud uulgus palàm notum est. Credulitatem igitur requirit superstitio, quemad modum religio fidem. Tanta siquidem potest cõstans credulitas, ut etiam miracula operetur in opinionibus & operationibus falsis. Quilibet enim in sua religione, etiam falsa, modo firmissime credat ueram, spiritum suum ex ipsa credulitatis ratione eleuat, donec adsimiletur spiritibus illis, qui sunt duces & principes eiusdem religionis: eaq; operetur, quæ ratio & natura non discernunt. Hæsitatio autẽ credulitatis, & diffidentia, omne opus, non mo-

do in ſuperſtitione, ſed etiam in uera religione infirmant, & effectum quæ-
ſitum, licet fortiſſimorum experimentorum eneruant. Quomodo autem
ſuperſtitio imitetur religionem, iſta tibi exempla oſtēdunt: uidelicet, quādo
excommunicantur uermes & locuſtę, ne noceant frugibus: quādo baptizan-
tur campanæ, & imagines, & eiuſmodi plura. Quia uero priſci illi magi, & qui
eius artis autores apud ueteres extiterunt, fuerunt Chaldęi, Aegyptii, Aſſy-
rii, Perſæ & Arabes, quorum religio omnis peruerſa erat, & idololatria inqui
nata, cauendum nobis ſummopere eſt, ne permittamus illorum errores
ſupra noſtræ catholicæ religionis rationes militare. Hoc enim blaſphemū
eſſet, & maledictioni ſubiectum: & ego etiam blaſphemus eſſem in hac ſcien
tia, ſi uos de illis non admonerem. Vbicunque ergo huiuſmodi à nobis ſcri-
pta reperietis, ſcitote illa uobis ex alienis autoribus narrata, & me uobis non
pro ueritate tradita, ſed pro coniectura, quæ eſt affinis ueritati, & imitatiōis
inſtructio, in his quæ uera ſunt. Oportet igitur ex illorum erroribus, ueritā-
tem nos colligere: quod quidē non niſi profundæ intelligentiæ, integræ pie-
tatis, difficilis & laborioſæ diligentię, exiſtit opus: & ſapiētia, que de omni ma
lo nouit extrahere bonum, & obliqua omnia adaptare in rectum, uſum eorū
quæ gubernat, ſicut de hoc exemplum dat Auguſtinus de carpētario, cui ne
ceſſaria & opportuna ſunt inſtrumenta obliqua & complicata, non minus
quàm recta.

De tribus ducibus religionis, qui nos ad ueritatis ſemi-tam perducunt. Cap. V.

TRES ſunt religionis duces, qui nos ad ueritatis ſemitam uſque
perducunt, & qui religionē totam gubernant: in quibus tota cō
ſiſtit, ſcilicet amor, ſpes, atque fides. Amor enim uehiculum
animæ, omniū præſtantiſſimus, ſupernè ab intelligibilibus uſq;
ad inferiora deſcendens, ad diuinam pulchritudinem mentem noſtrā con-
gregat atq; conuertit: nos quoq; in omni operatione cōſeruat, & effectus ad
uota largitur, uirtutē ſupplicationibus noſtris ſubminiſtrās: ſicut apud Ho Iliados 1
merum legitur, Chriſen Apollo ſupplicantē exaudiuit, quia multū ſibi ami
cus erat: & de Maria Magdalena legitur in Euangeliis: Dimittuntur ei pec
cata multa, quia dilexit multum. Spes uero immobiliter ad ea quæ appetit
ſuſpenſa, quādo indubia atque imperturbata fuerit, nutrit animum & per-
ficit, in bono ſingulatim oīa ſiſtens. Fides uero uirtus omniū ſuperior, qua-
tenus non humanis commentationibus, ſed diuinæ reuelationi tota inniti
tur, per uniuerſum omnia luſtrat: nam cum ipſa ſuperne à primo lumine
deſcendat, atque illi uicinior exiſtat, longe eſt nobilior atque excellentior,
quàm ſciētiæ, & artes, & credulitates à rebus inferioribus, per reflexionem à
primo lumine acceptam, ad intellectum noſtrum accedentes. Denique
per fidem efficitur homo aliquid idem cum ſuperis: eademq; poteſtate fru-
itur. Hinc Proclus ait: Sicut fides quæ eſt credulitas, infra ſcientiam eſt, Proclus.

sic fides quæ est uera fides, est supersubstantialiter supra omnem scientiam & intellectum, nos deo immediate coniungens. Est enim fides omnium miraculorum radix, qua sola (ut Platonici testantur) ad deum accedimus, diuinamq; adsequimur protectionem uirtutemq;. Sic legimus Danielem leonũ pericula euasisse, quia credidit deo suo, & Hæmorroissę ait Christ⁹: Fides tua te saluã fecit: & à cæcis petẽtibus lumẽ, fidẽ req; suit dicẽs: Creditis quod possim uos illuminare? sic Pallas apud Homerũ his uerbis consolat Achillem: Iliad. 1.

Veni ego pacificatura tuam iracundiam si crederis.

Linus. Iccirco Linus poëta canit credenda esse omnia, quia facilia deo omnia sunt: nihil est ei impossibile, ergo nihil incredibile. Credentes igitur quæ ad religionem pertinent, eorum nanciscimur uirtutem. Vbi uero de fide defecerimus, nihil admiratione, sed pœna dignum operabimur: quemadmodum de hoc apud Lucam exemplum legimus, sub his uerbis: Tentauerunt ergo quidam de circumstantibus Iudęis exorcistis, inuocare super eos qui habebant malignos spiritus, nomen IESV dicentes: Adiuro uos per IESVM quem Paulus prædicat. Respondens autem spiritus nequam dixit eis: IESVM noui, & Paulum scio: uos autẽ qui estis? Et insiliens homo in eos in quo erat dæmonium pessimum, & dominatus amborũ, inualuit contra eos: ita ut nudi & uulnerati effugerent de domo illa.

Quomodo his ducibus anima humana scandit in naturam diuinam, efficiturq; miraculorum effectrix. Cap. VI.

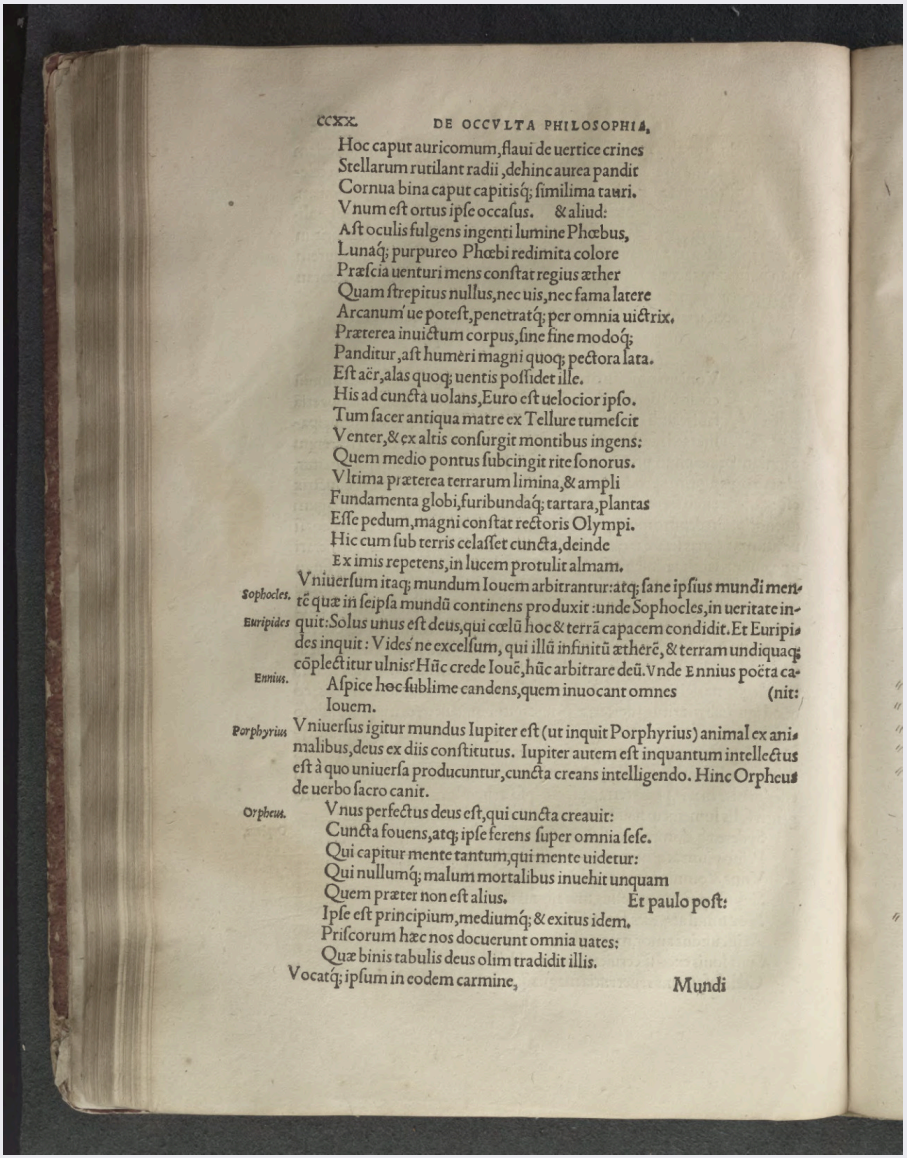
MEns itaq; nostra pura atq; diuina, religioso amore flagrãs, spe decora, fide directa, posita in culmine & fastigio humani animi, ueritatem attrahit, omnesq; rerum tam mortaliũ quàm immortalium status, rationes, causas & scientias, in ipsa ueritate diuina, tanquam in quodam æternitatis speculo intuetur, subito comprehendens. Hinc prouenit, quòd nos in natura constituti, ea quæ supra naturã sunt cognoscimus, ac inferiora quęque intelligimus, atque non modo ea quæ sunt, & quæ fuerunt, uerumetiam eorum quæ mox fient, & quæ longe post futura sunt, assidue recipimus oracula. Prętereà non solum in scientiis, & artibus, & oraculis mens eiusmodi uirtutem sibi diuinam uendicat, uerumetiam in rebus quibusq; per imperium transmutandis, miraculosam susc ipit potentiam. Hinc prouenit nos in natura constitutos, aliquando supra naturam dominari: operatiõesq; tam mirificas, tam subitas, tam arduas efficere, quibus obediant manes, turbentur sydera, cogantur minima, seruiant elementa: sic homines deo deuoti, ac theologicis istis uirtutibus eleuati, imperant elemẽtis, pellunt nebulas, citant uentos, eogunt nubes in pluuias, curant morbos, suscitant mortuos: quæ omnia apud uarias gentes facta fuisse, canunt poëtæ, recitant historici: atq; ea ipsa fieri posse, splendidissimi quiq; philosophi unà cũ Theologis confirmant: sic propheræ, sic apostoli, sic cæteri uiri maximis claruere potentiis. Sciẽdum ergo, quòd sicut per primi agentis inflexũ,

ſæpe producitur aliquid ſine cooperatione mediarum cauſarum, ſic etiam per ſolum opus religionis, fit aliquòd ſine applicatione naturalium cœleſtiumq; uirtutum: ſed nemo poteſt operari per puram & ſolam religionem, niſi qui totus factus eſt intellectualis. Quicunq; autem ſine admixtione aliarum uirtutum, per ſolam religionem operatur, ſi diu perſeuerauerit in opere, abſorbetur à numine, nec diu poterit uiuere. Quicunque autem non purificatus acceſſerit, ſuperinducit ſibi iudicium & traditur ad deuorandum ſpiritui nequam.

Neceſſariam eſſe Mago ueridei cognitionem, & quid de Deo ueteres ſenſerunt Magi atq; philoſophi. Caput VII.

QVoniam omnium rerum eſſe atq; operari, à ſummo deo omniũ creatore dependet, deinde etiã à cæteris numinibus, quibus etiã fabricandi creandiq; poteſtas data eſt, non quidem principaliter ſed ratiõe inſtrumẽtali in primi creatoris uirtute (rex enim omnium principium, prima cauſa eſt: quod aũt à ſecũdis cauſis producitur, idem magis à prima producitur, quæ & ſecundarum cauſarum productrix eſt: quos iccirco ſecundarios deos nuncupamus) neceſſe igitur eſt magum quenq; ipſum deum omniũ productorem & primã cauſam cæterosq; deos ſiue numina (quas ſecũdas cauſas dicim⁹) cognoſcere: & quo cultu, q̃ uenerationе, quibus ſacris, uniuſcuiuſq; conditioni conformibus colendi ſunt ſingulí, nõ ignorare. Quicũq; enim inuocatis diis, illos nõ proprio honore proſequitur, nec illis quod cuiq; congruit rite diſtribuit, illorũ præſentiam & optatos ab illis effectus nõ adſequitur: quemadmodũ in harmonia, ſi una chorda frãgatur, tota ſubito diſſonat: nonnunq̃ etiã periculũ cũ pœna incurrit, ſicut ſcriptum eſt de Aſſyriis, quos tranſtulit Salmanaſar in Samariã, quia ignorabant legitima dei terræ, immiſit in eos dñs leones, qui interfecerunt eos, eò quod ignorabant ritum dei terræ. Nunc igitur quid ueteres magi & philoſophi de deo conſonũ ſenſerint uideamus. Legimus enim q̃d Nicocreonte tyrãno Cypriorum quondam quis ſummus deus foret interrogãte, Serapidis illi reſpondiſſe oraculũ, illũ pro maximo deo habendũ cuius caput cœlum eſſet, uenter maria, pedes terra, aures in ipſo æthere locarentur, oculi præfulgentis ſolis lumen: cui haud abſimile cecinit Orpheus in his uerſibus: Orpheus.

Sydereæq; domus rex eſt & Iupiter ipſe,
Principium atq; ortus: uerum uis una deusq;
Vnus, & omnipotens, regali in corpore cuius
Singula ponuntur, tellus, unda, ignis & aër:
Nox ſimul atq; dies, ſapientia, primaq; origo.
At iucundus amor, magno hoc in corpore regit
Sunt Iouis excelſi: ceruicem nanq; uidebis,
Cœli ſuſpiciens reuerentia magnaq; tecta.

CCXX. DE OCCVLTA PHILOSOPHIA.

Hoc caput auricomum, flauï de uertice crines
Stellarum rutilant radii, dehinc aurea pandit
Cornua bina caput capitisq; similima tauri.
Vnum est ortus ipse occasus. &aliud:
Ast oculis fulgens ingenti lumine Phœbus,
Lunaq; purpureo Phœbi redimita colore
Præscia uenturi mens constat regius æther
Quam strepitus nullus, nec uis, nec fama latere
Arcanum ue potest, penetratq; per omnia uictrix.
Præterea inuictum corpus, sine fine modoq;
Panditur, ast humeri magni quoq; pectora lata.
Est aër, alas quoq; uentis possidet ille.
His ad cuncta uolans, Euro est uelocior ipso.
Tum sacer antiqua matre ex Tellure tumescit
Venter, & ex altis consurgit montibus ingens:
Quem medio pontus subcingit rite sonorus.
Vltima præterea terrarum limina, & ampli
Fundamenta globi, furibundaq; tartara, plantas
Esse pedum, magni constat rectoris Olympi.
Hic cum sub terris celasset cuncta, deinde
Ex imis repetens, in lucem protulit almam.

Sophocles. Euripides — Vniuersum itaq; mundum Iouem arbitrantur: atq; sane ipsius mundi mentẽ quæ in seipsa mundũ continens produxit: unde Sophocles, in ueritate inquit: Solus unus est deus, qui cœlũ hoc & terrã capacem condidit. Et Euripides inquit: Vides ne excelsum, qui illũ infinitũ æthereũ, & terram undiquaq; cõplectitur ulnis? Hũc crede Iouẽ, hũc arbitrare deũ. Vnde Ennius poëta canit:

Ennius. Aspice hoc sublime candens, quem inuocant omnes Iouem.

Porphyrius — Vniuersus igitur mundus Iupiter est (ut inquit Porphyrius) animal ex animalibus, deus ex diis constitutus. Iupiter autem est inquantum intellectus est à quo uniuersa producuntur, cuncta creans intelligendo. Hinc Orpheus de uerbo sacro canit.

Orpheus. Vnus perfectus deus est, qui cuncta creauit:
Cuncta fouens, atq; ipse ferens super omnia sese.
Qui capitur mente tantum, qui mente uidetur:
Qui nullumq; malum mortalibus inuehit unquam
Quem præter non est alius. Et paulo post:
Ipse est principium, mediumq; & exitus idem.
Priscorum hæc nos docuerunt omnia uates:
Quæ binis tabulis deus olim tradidit illis.
Vocatq; ipsum in eodem carmine,

Mundi

Ingentem autorem ſolum,interituq; carentem.

Zoroaſtes quoque in ſacra hiſtoria de rebus Perſicis ſic deum definit: Deus eſt inter omnia quæ labem nullam & corruptionem ſentiunt,primus: ingenitus,nec interiturus unquàm,partium expers,ſibiq; ipſi ſimillimus,bonorum omnium auriga & autor,rerum pater omnium,optimus ac prudẽtiſſimus,ſacrum iuſtitiæ lumen,abſolutiſſima naturæ perfectio,eiusq; inuentor ac ſapientia. Apuleius autem deſcribit ipſum baſileum,hoc eſt regem,totius rerum naturæ cauſam,rationem,& originem initialem,ſummũ animi genitorẽ,æternum,animantiũ ſoſpitatorem, ſine propagatiõe genitorẽ,neq; loco,neq; tẽpore,nec ulla uice comprehenſum,eoq; paucis cogitabilẽ,nemini effabilem. Hinc itaq; ſummũ deum Euripides Iouẽ præcipit nominãdum: per cuius caput cecinit Orpheus uniuerſa in lucem proceſſiſſe: cæteras aũt poteſtates, miniſtras eſſe cẽſendas:quæ uidelicet extra deum ſunt, & ab ipſo ſeparatæ. Hinc ipſi dei miniſtri,& intelligentiæ ſeparatę,à philoſophis nuncupantur. Huic itaq; ſummo Ioui,illiq; ſoli,cultũ religioſum deberi dicunt: cæteris uero numinibus non deberi niſi propter ipſum. Deus quid.

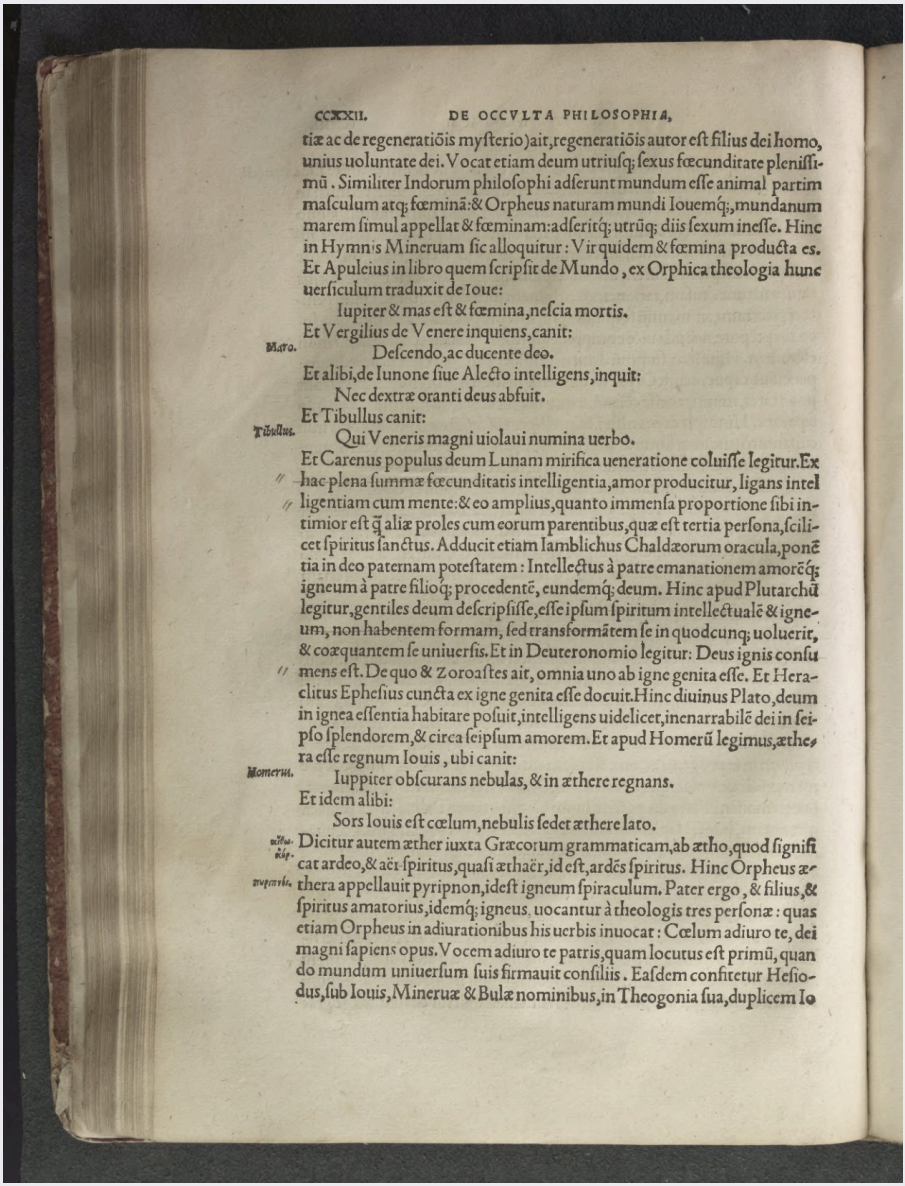
Quid de diuina trinitate ueteres ſenſerint philoſophi. Cap. VIII.

AVguſtinus atq; Porphyrius teſtãtur,Platonicos,tres in deo perſonas poſuiſſe,quarum primam uniuerſitatis patrem appellãt: ſecundam,filium atq; primam mentẽ uocant: etiã à Macrobio ſic dictam: tertiam ſpiritum,ſiue animam mundi: quam etiam Vergilius ex Platonis opinione ſpiritum uocat,ubi canit:

Spiritus intus alit, totamq; infuſa per artus
Mens agitat molem.

Dei filium,primam mẽtem,diuinum ſcilicet intellectum,tradunt Plotinus & Philo,à deo patre manantem,quemadmodum abs loquente uerbum: uel ſicut à lumine lumen. Hinc & uerbum,& ſermo,& ſplendor dei patris,nomina accepit: diuina enim mens, cum ſe unico & nunquàm interrupto actu, abſq; ulla internotione,aut uiciſſitudine,intelligit ſummum bonum: prolẽ & filium in ſe progenerat, quæ eſt plena intelligentia,plena ſui imago,& plenũ mundi exemplar: quod Ioannes noſter,& Mercurius uerbũ nominant, ſiue ſermonem:Plato dei patris filium: Orpheus uero Palladem ex Iouis capite natam, hoc eſt ſapientiam. Hæc eſt altiſſima dei parentis imago, quadã tamẽ relatione,aut aliquo intrinſeco abſoluto,tanquàm genita diſtincta à generãte,quæ apud Eccleſiaſticum ait: Ego ex ore altiſſimi prodii,primogenita ante omnem creaturam. Filium autem hunc cum patre unum & eundem in eſſentia deum eſſe teſtatur Iamblichus,deũ uidelicet ſuipſius patrem filiumq; nominãs. Mercurius quoq; Triſmegiſtus in Aſclepio,dei filium diuerſis in locis affirmat. Inquit enim:Deus meus atq; pater, mentem ſibi aliam opificem peperit. Et alibi: Monas gignit monadem,& in ſe ſuum reflectit ardorem. & in Pimandro (ubi uaticinari uidetur de futura lege gra-

t

tiæ ac de regeneratiõis myſterio) ait, regeneratiõis autor eſt filius dei homo, unius uoluntate dei. Vocat etiam deum utriuſq; ſexus fœcunditate pleniſſimũ. Similiter Indorum philoſophi adſerunt mundum eſſe animal partim maſculum atq; fœminã: & Orpheus naturam mundi Iouemq;, mundanum marem ſimul appellat & fœminam: adſeritq; utrũq; diis ſexum ineſſe. Hinc in Hymnis Mineruam ſic alloquitur: Vir quidem & fœmina producta es. Et Apuleius in libro quem ſcripſit de Mundo, ex Orphica theologia hunc uerſiculum traduxit de Ioue:

Iupiter & mas eſt & fœmina, neſcia mortis.

Et Vergilius de Venere inquiens, canit:

Mars. Deſcendo, ac ducente deo.

Et alibi, de Iunone ſiue Alecto intelligens, inquit:

Nec dextræ oranti deus abfuit.

Et Tibullus canit:

Tibullus. Qui Veneris magni uiolaui numina uerbo.

Et Carenus populus deum Lunam mirifica ueneratione coluiſſe legitur. Ex hac plena ſummæ fœcunditatis intelligentia, amor producitur, ligans intel ligentiam cum mente: & eo amplius, quanto immenſa proportione ſibi intimior eſt q̃ aliæ proles cum eorum parentibus, quæ eſt tertia perſona, ſcilicet ſpiritus ſanctus. Adducit etiam Iamblichus Chaldæorum oracula, ponẽtia in deo paternam poteſtatem: Intellectus à patre emanationem amorẽq; igneum à patre filioq; procedentẽ, eundemq; deum. Hinc apud Plutarchũ legitur, gentiles deum deſcripſiſſe, eſſe ipſum ſpiritum intellectualẽ & igneum, non habentem formam, ſed transformãtem ſe in quodcunq; uoluerit, & coæquantem ſe uniuerſis. Et in Deuteronomio legitur: Deus ignis conſumens eſt. De quo & Zoroaſtes ait, omnia uno ab igne genita eſſe. Et Heraclitus Epheſius cuncta ex igne genita eſſe docuit. Hinc diuinus Plato, deum in ignea eſſentia habitare poſuit, intelligens uidelicet, inenarrabilẽ dei in ſeipſo ſplendorem, & circa ſeipſum amorem. Et apud Homerũ legimus, æthera eſſe regnum Iouis, ubi canit:

Homerus. Iuppiter obſcurans nebulas, & in æthere regnans.

Et idem alibi:

Sors Iouis eſt cœlum, nebulis ſedet æthere lato.

αἴθω. ἀήρ. Dicitur autem æther iuxta Græcorum grammaticam, ab ætho, quod ſignifi cat ardeo, & aër ſpiritus, quaſi æthaër, id eſt, ardẽs ſpiritus. Hinc Orpheus æ-

πυρινὸν. thera appellauit pyripnon, ideſt igneum ſpiraculum. Pater ergo, & filius, & ſpiritus amatorius, idemq; igneus, uocantur à theologis tres perſonæ: quas etiam Orpheus in adiurationibus his uerbis inuocat: Cœlum adiuro te, dei magni ſapiens opus. Vocem adiuro te patris, quam locutus eſt primũ, quando mundum uniuerſum ſuis firmauit conſiliis. Eaſdem confitetur Heſiodus, ſub Iouis, Mineruæ & Bulæ nominibus, in Theogonia ſua, duplicem Io

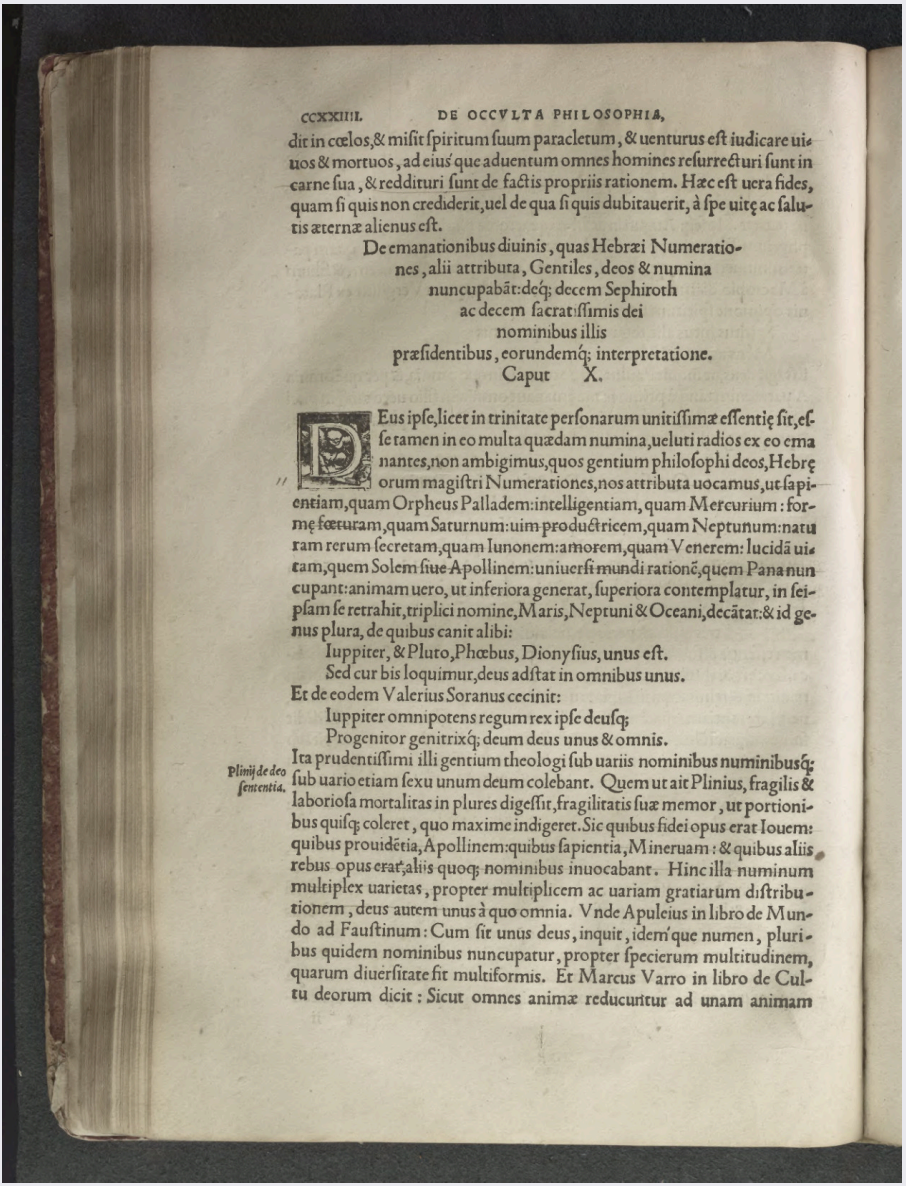
uis partum his uerbis enuncians: Primam certe filiam cæsiis oculis Tritoniam, æqualem habenti patri potentiam, & prudentem Bulen, hoc est consilium. Quod Orpheus in præfatis uersiculis pluraliter protulit, propter duplicem eius emanationem: producitur enim à Ioue & Minerua pariter. Ipseq; Augustinus libro quarto de Ciuitate dei, testatur Porphyrium Platonicum tres in deo personas posuisse: primam, quam patrem uniuersitatis appellat: secundam, quam primam mentem, & filium à Macrobio dictum: tertiam, animam mundi, quam Vergilius ex Platonis opinione spiritum uocat, inquiens:

Spiritus intus alit, totamq; infusa per artus
Mens agitat molem.

Est igit̃ deus, ut inquit Paulus, à quo omnia, in quo omnia, & per quẽ omnia. A patre enim tanq̃ à primo fonte emanant omnia: in filio uero tanq̃ in pisei na suis ideis collocantur omnia: per spiritũ sanctũ uero explicantur omnia, & proprijs gradibus singula distribuuntur.

Quæ sit uera de Deo & sanctissima Trinitate orthodoxa fides. Caput IX.

DEcreuerunt doctores catholici populusq; fidelis, ita sentiẽdum ac profitendum esse, quòd unus sit solus uerus deus, increatus, immensus, omnipotens, æternus, pater, filius, spiritus sanctus, tres quidem personæ, sibiinuicem coæternæ & coæquales: una tamen essentia & substantia, naturaq; simplex omnino. Hæc est fides catholica, hæc est orthodoxa religio, hæc est Christiana ueritas, ut unum deum in trinitate, & trinitatem in unitate ueneremur: neq; confundentes personas, neq; substantiam separãtes. Pater ab æterno genuit filium, suamq; illi dedit substantiã: ac nihilominus retinuit. Filius quoq; nascendo, patris accepit substantiam: non tamẽ personam propriam patris adsumpsit, neq; pater illam in filium transtulit: sunt enim ambo unius & eiusdem substantiæ, sed diuersarum personarum. Filius quoq; hic licet patri coæternus sit, ex substãtia patris ante secula genitus, tamen nihilominus ex substantia uirginis in seculo natus est, & uocatum est nomen eius Iesus: perfectus deus, perfectus homo, ex anima rõnali & hũana carne subsistẽs: cui nihil humanũ defuit, p̃ter peccatũ. Necessarium est igitur credamus, quia dñs noster Iesus Christus dei filius deus & homo est: una persona, duæ naturæ. Ante secula genitus est deus sine matre: in seculo natus est homo sine patre, de uirgine, & ante & post partum incorrupta: passus in cruce mortuus est, sed in cruce uitam restaurauit, & mortem morte resoluit: sepultus est, & descendit ad inferos, sed animas patrum eduxit ex inferis: & resurrexit per uirtutem propriam tertia die, ascen-

dit in cœlos,& misit spiritum suum paracletum, & uenturus est iudicare uiuos & mortuos, ad eius que aduentum omnes homines resurrecturi sunt in carne sua, & reddituri sunt de factis propriis rationem. Hæc est uera fides, quam si quis non crediderit,uel de qua si quis dubitauerit, à spe uitę ac salutis æternæ alienus est.

De emanationibus diuinis, quas Hebræi Numerationes, alii attributa, Gentiles, deos & numina nuncupabãt:deq; decem Sephiroth ac decem sacratissimis dei nominibus illis præsidentibus, eorundemq; interpretatione. Caput X.

DEus ipse,licet in trinitate personarum unitissimæ essentię sit,esse tamen in eo multa quædam numina,ueluti radios ex eo emanantes,non ambigimus,quos gentium philosophi deos,Hebrę orum magistri Numerationes,nos attributa uocamus,ut sapientiam,quam Orpheus Palladem:intelligentiam, quam Mercurium: formę fœturam,quam Saturnum:uim productricem,quam Neptunum:naturam rerum secretam,quam Iunonem:amorem,quam Venerem: lucidã uitam,quem Solem siue Apollinem:uniuersi mundi rationẽ,quem Panam cupant:animam uero, ut inferiora generat, superiora contemplatur, in seipsam se retrahit,triplici nomine,Maris,Neptuni & Oceani,decãtat:& id genus plura, de quibus canit alibi:

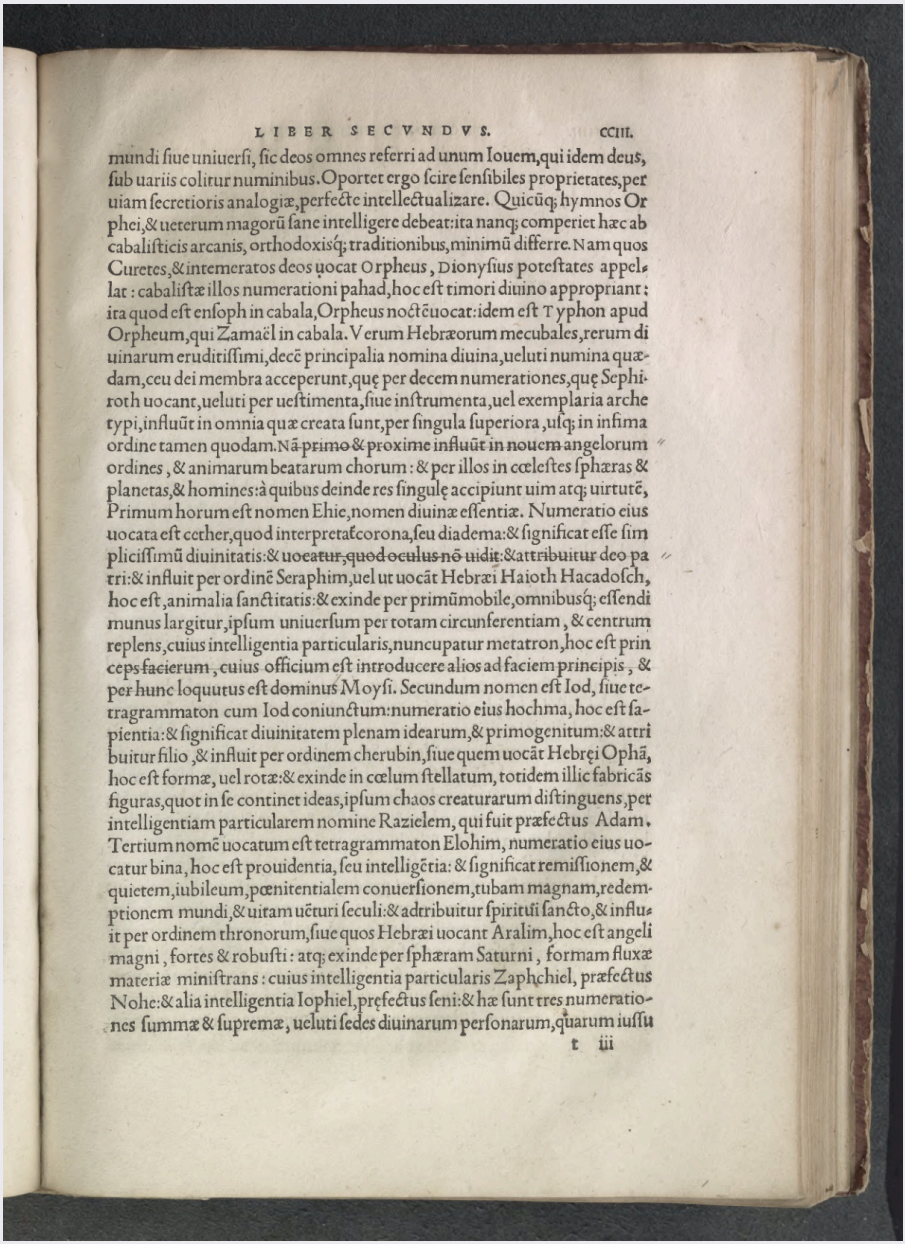
Iuppiter, & Pluto,Phœbus, Dionysius, unus est.
Sed cur bis loquimur,deus adstat in omnibus unus.

Et de eodem Valerius Soranus cecinit:

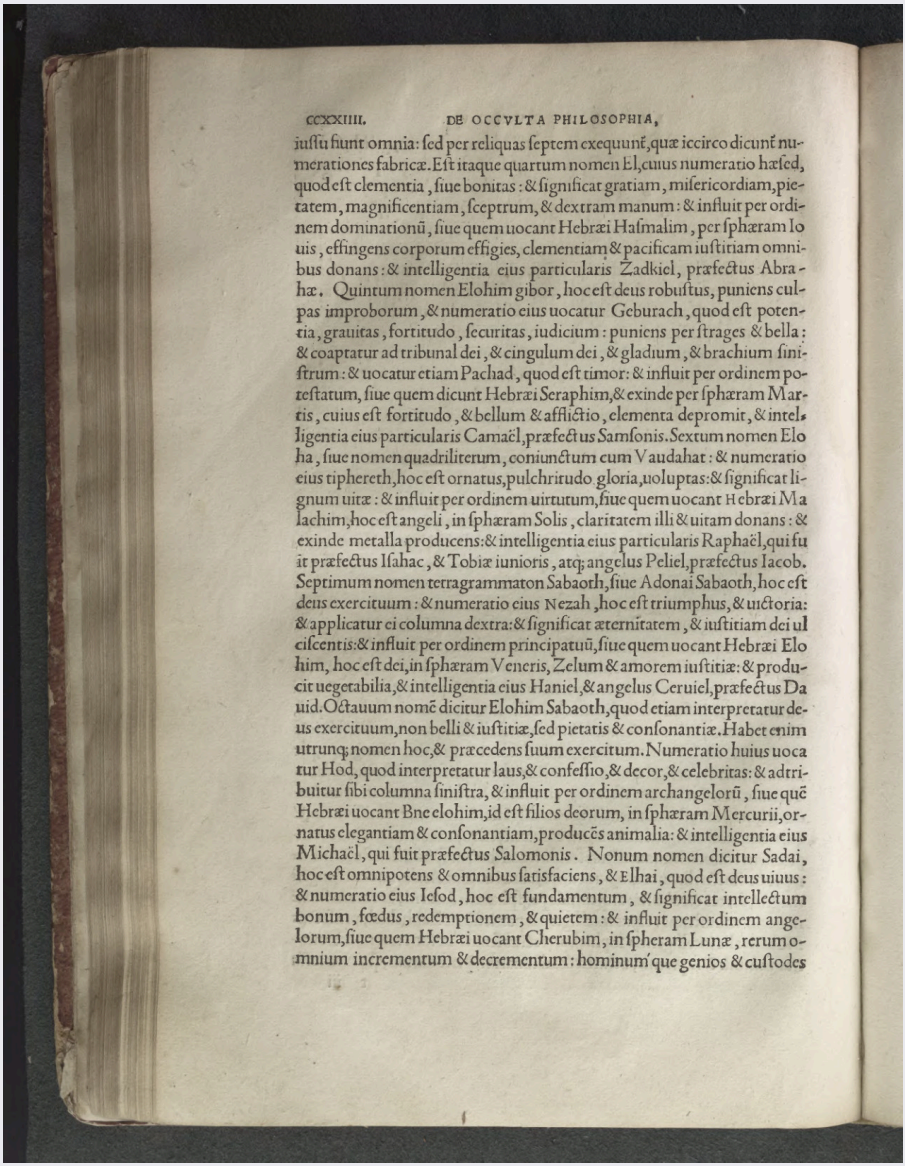
Iuppiter omnipotens regum rex ipse deusq;
Progenitor genitrixq; deum deus unus & omnis.

Plinij de deo sententia.

Ita prudentissimi illi gentium theologi sub uariis nominibus numinibusq; sub uario etiam sexu unum deum colebant. Quem ut ait Plinius, fragilis & laborioſa mortalitas in plures digessit,fragilitatis suæ memor, ut portionibus quisq; coleret, quo maxime indigeret. Sic quibus fidei opus erat Iouem: quibus prouidẽtia,Apollinem:quibus sapientia,Mineruam: & quibus aliis rebus opus erat,aliis quoq; nominibus inuocabant. Hinc illa numinum multiplex uarietas, propter multiplicem ac uariam gratiarum distributionem, deus autem unus à quo omnia. Vnde Apuleius in libro de Mundo ad Faustinum: Cum sit unus deus, inquit, idemq; numen, pluribus quidem nominibus nuncupatur, propter specierum multitudinem, quarum diuersitate fit multiformis. Et Marcus Varro in libro de Cultu deorum dicit: Sicut omnes animæ reducuntur ad unam animam

mundi ſiue uniuerſi, ſic deos omnes referri ad unum Iouem, qui idem deus, ſub uariis colitur numinibus. Oportet ergo ſcire ſenſibiles proprietates, per uiam ſecretioris analogiæ, perfecte intellectualizare. Quicūq; hymnos Orphei, & ueterum magorū ſane intelligere debeat: ita nanq; comperiet hæc ab cabaliſticis arcanis, orthodoxisq; traditionibus, minimū differre. Nam quos Curetes, & intemeratos deos uocat Orpheus, Dionyſius poteſtates appellat: cabaliſtæ illos numerationi pahad, hoc eſt timori diuino appropriant: ita quod eſt enſoph in cabala, Orpheus noctē uocat: idem eſt Typhon apud Orpheum, qui Zamaël in cabala. Verum Hebræorum mecubales, rerum diuinarum eruditiſſimi, decē principalia nomina diuina, ueluti numina quædam, ceu dei membra acceperunt, quę per decem numerationes, quę Sephiroth uocant, ueluti per ueſtimenta, ſiue inſtrumenta, uel exemplaria arche typi, influūt in omnia quæ creata ſunt, per ſingula ſuperiora, uſq; in infima ordine tamen quodam. Nā primo & proxime influūt in nouem angelorum ordines, & animarum beatarum chorum: & per illos in cœleſtes ſphæras & planetas, & homines: à quibus deinde res ſingulę accipiunt uim atq; uirtutē. Primum horum eſt nomen Ehie, nomen diuinæ eſſentiæ. Numeratio eius uocata eſt cether, quod interpretatur corona, ſeu diadema: & ſignificat eſſe ſimpliciſſimū diuinitatis: & uocatur, quod oculus nō uidit: & attribuitur deo patri: & influit per ordinē Seraphim, uel ut uocāt Hebræi Haioth Hacadoſch, hoc eſt, animalia ſanctitatis: & exinde per primūmobile, omnibusq; eſſendi munus largitur, ipſum uniuerſum per totam circunferentiam, & centrum replens, cuius intelligentia particularis, nuncupatur metatron, hoc eſt princeps facierum, cuius officium eſt introducere alios ad faciem principis, & per hunc loquutus eſt dominus Moyſi. Secundum nomen eſt Iod, ſiue tetragrammaton cum Iod coniunctum: numeratio eius hochma, hoc eſt ſapientia: & ſignificat diuinitatem plenam idearum, & primogenitum: & attribuitur filio, & influit per ordinem cherubin, ſiue quem uocāt Hebręi Ophā, hoc eſt formæ, uel rotæ: & exinde in cœlum ſtellatum, totidem illic fabricās figuras, quot in ſe continet ideas, ipſum chaos creaturarum diſtinguens, per intelligentiam particularem nomine Razielem, qui fuit præfectus Adam. Tertium nomē uocatum eſt tetragrammaton Elohim, numeratio eius uocatur bina, hoc eſt prouidentia, ſeu intelligētia: & ſignificat remiſſionem, & quietem, iubileum, pœnitentialem conuerſionem, tubam magnam, redemptionem mundi, & uitam uēturi ſeculi: & adtribuitur ſpiritui ſancto, & influit per ordinem thronorum, ſiue quos Hebræi uocant Aralim, hoc eſt angeli magni, fortes & robuſti: atq; exinde per ſphæram Saturni, formam fluxæ materiæ miniſtrans: cuius intelligentia particularis Zaphchiel, præfectus Nohe: & alia intelligentia Iophiel, prefectus ſeni: & hæ ſunt tres numerationes ſummæ & ſupremæ, ueluti ſedes diuinarum perſonarum, quarum iuſſu

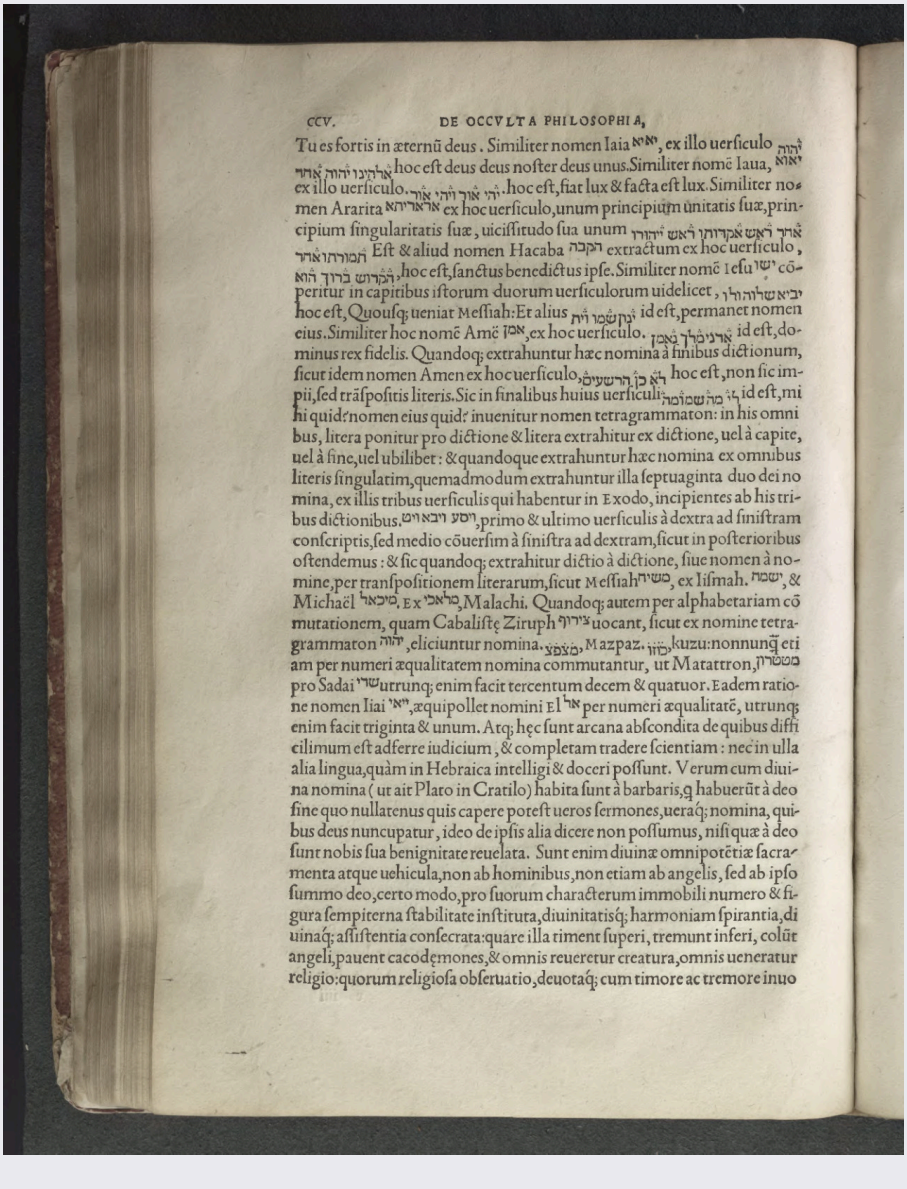

iussu fiunt omnia: sed per reliquas septem exequunt, quæ iccirco dicunt numerationes fabricæ. Est itaque quartum nomen El, cuius numeratio hæsed, quod est clementia, siue bonitas: & significat gratiam, misericordiam, pietatem, magnificentiam, sceptrum, & dextram manum: & influit per ordinem dominationū, siue quem uocant Hebræi Hasmalim, per sphæram luuis, effingens corporum effigies, clementiam & pacificam iustitiam omnibus donans: & intelligentia eius particularis Zadkiel, præfectus Abrahæ. Quintum nomen Elohim gibor, hoc est deus robustus, puniens culpas improborum, & numeratio eius uocatur Geburach, quod est potentia, grauitas, fortitudo, securitas, iudicium: puniens per strages & bella: & coaptatur ad tribunal dei, & cingulum dei, & gladium, & brachium sinistrum: & uocatur etiam Pachad, quod est timor: & influit per ordinem potestatum, siue quem dicunt Hebræi Seraphim, & exinde per sphæram Martis, cuius est fortitudo, & bellum & afflictio, elementa depromit, & intelligentia eius particularis Camaël, præfectus Samsonis. Sextum nomen Elohа, siue nomen quadriliterum, coniunctum cum Vaudahat: & numeratio eius tiphereth, hoc est ornatus, pulchritudo gloria, uoluptas: & significat lignum uitæ: & influit per ordinem uirtutum, siue quem uocant Hebræi Malachim, hoc est angeli, in sphæram Solis, claritatem illi & uitam donans: & exinde metalla producens: & intelligentia eius particularis Raphaël, qui fuit præfectus Isahac, & Tobiæ iunioris, atq; angelus Peliel, præfectus Iacob. Septimum nomen tetragrammaton Sabaoth, siue Adonai Sabaoth, hoc est deus exercituum: & numeratio eius Nezah, hoc est triumphus, & uictoria: & applicatur ei columna dextra: & significat æternitatem, & iustitiam dei ulciscentis: & influit per ordinem principatuū, siue quem uocant Hebræi Elohim, hoc est dei, in sphæram Veneris, Zelum & amorem iustitiæ: & producit uegetabilia, & intelligentia eius Haniel, & angelus Ceruiel, præfectus Dauid. Octauum nomē dicitur Elohim Sabaoth, quod etiam interpretatur deus exercituum, non belli & iustitiæ, sed pietatis & consonantiæ. Habet enim utrunq; nomen hoc, & præcedens suum exercitum. Numeratio huius uocatur Hod, quod interpretatur laus, & confessio, & decor, & celebritas: & adtribuitur sibi columna sinistra, & influit per ordinem archangelorū, siue quē Hebræi uocant Bne elohim, id est filios deorum, in sphæram Mercurii, ornatus elegantiam & consonantiam, producēs animalia: & intelligentia eius Michaël, qui fuit præfectus Salomonis. Nonum nomen dicitur Sadai, hoc est omnipotens & omnibus satisfaciens, & Elhai, quod est deus uiuus: & numeratio eius Iesod, hoc est fundamentum, & significat intellectum bonum, fœdus, redemptionem, & quietem: & influit per ordinem angelorum, siue quem Hebræi uocant Cherubim, in spheram Lunæ, rerum omnium incrementum & decrementum: hominumque genios & custodes

curat atque distribuit:& intelligentia eius Gabriel, qui fuit præfectus Ioseph, & Iosue, & Danielis. Decimum nomen est, Adonai melech, hoc est, dominus & rex: & numeratio eius Malchuth, quod est regnum & imperium:& significat ecclesiam,& templum dei,& ianuam:& influit per ordinem animasticum,animarum uidelicet beatarum, qui ab Hebræis dicitur Issim, hoc est, nobiles,heroës & principes: suntq; Hierarchiis inferiores: & influunt filiis hominum cognitionem,mirificamq; rerum scientiam & industriam, & prophetiam largiuntur: & præsidet illis anima Messihæ, siue (ut alii dicunt, intelligẽtia Matattron, quæ dicitur prima creatura, siue anima mũdi, & præfectus Mosæ.

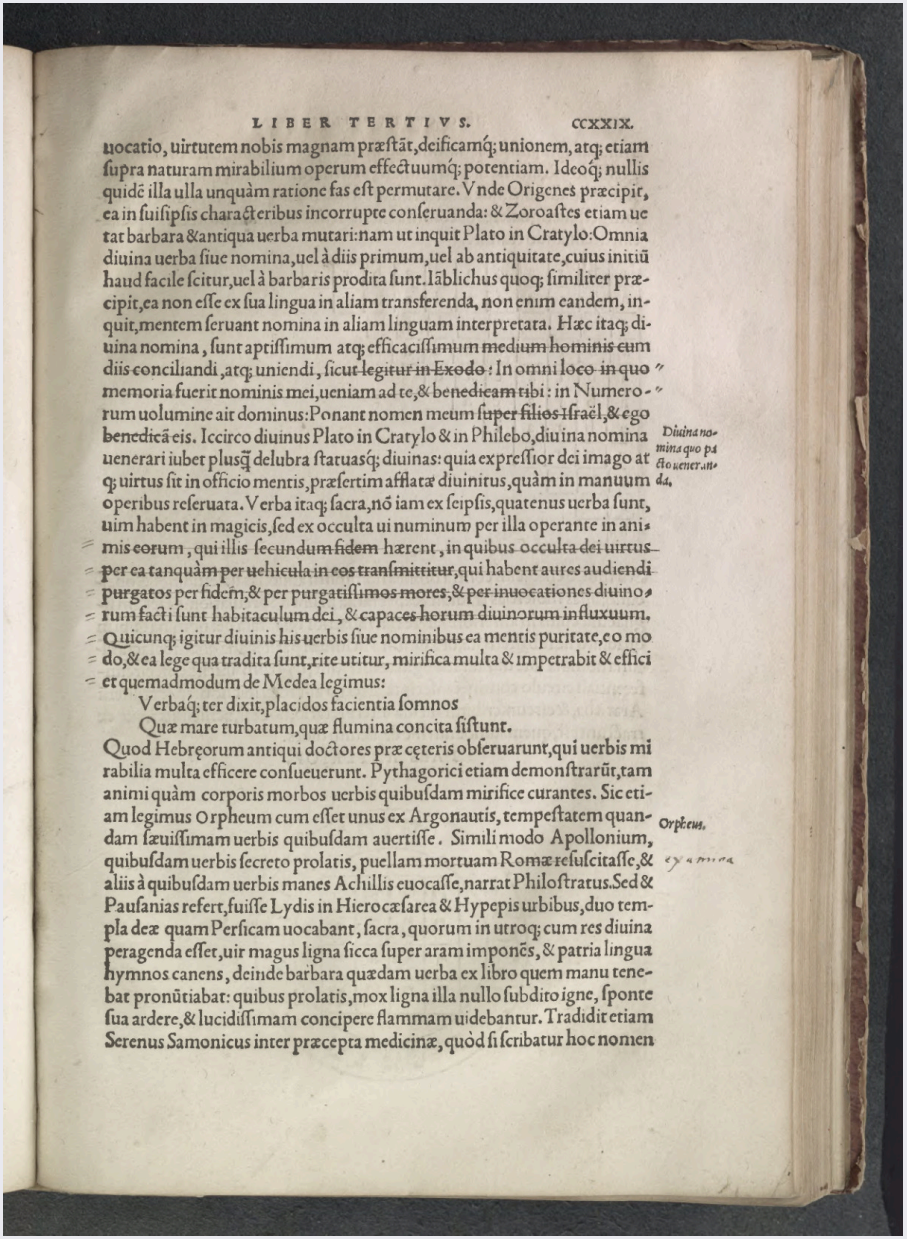
De Diuinis nominibus,eorundemq; potentia & uirtute. Caput XI.

DEus ipse licet sit unitissimus, sortitur tamẽ diuersa nomina, nõ quæ diuersas eius essentias aut deitates exponant, sed quasdam proprietates ab eo emanantes,per quæ nomina,in nos,& ea quę creata sunt,multa beneficia,& diuersa munera, uelut per canales quasdam distillãt. Horum nominum decem superius descripsimus,quæ etiam Hieronymus ad Marcellã numerat: Dionysius quadragintaquinq;, tum dei patris,tum Christi nomina colligit. Hebræorũ mecubales ex quodam textu qui est in Exodo, septuagintaduo cum angelorum tum dei nomina deducunt,quod nomen septuagintaduarum literarum,& Schemhamphoras,hoc est expositorium,uocant. Alii ulterius progredientes, ex singulis scripturæ locis,tot innuunt diuina nomina,ut eorum numerus,& quæ significant,sint nobis penitus ignota. Ex his igitur,præter ea quę supra memorauimus, est nomen diuinæ essentiæ Eheie אהיה, quod Plato transtulit ἐὼν. Hinc deum uocant θεὸν, alii ὄντα. Est aliud nomen Hu הוא, reuelatum Esaiæ, diuinitatis abyssum innuens: quod Græci traduxerunt ταυτὸν, Latini idemipsum. Est & aliud nomen Esch, אש à Mose receptum, quod ignem sonat: & est nomen dei Na נא, in perturbationibus & molestiis inuocandum. Est etiam nomen Iah יה, & nomen Elion עליון, nomen Macom מקום, nomen Caphu כפו, nomen Innon, ינון, & nomen Emeth אמת quod interpretatur ueritas:& est sigillum dei. Et alia duo nomina, Zur צור, & Aben אבן, quorum utrunq; solidam petram significat, & alterum illorũ patrem cum filio exprimit:& plura alia nomina in scalis numerorum posuimus superius. Et extrahuntur multa nomina dei &angelorum ex sacris scripturis,per artem Cabalisticam,Calculatoriam,& Notariacam, & Gimetriam: ubi unum nomen, aut multæ dictiones per certas earum literas retractæ colligunt: aut unum nomen per singulas suas literas dispersum, plura significat siue restituit. Colliguntur autem quandoque à capitibus dictionum, sicut hoc nomen Agla אגלא ex hoc S. scripturæ uersiculo: אתה גבור לעולם אדני hoc est,

CCV. DE OCCVLTA PHILOSOPHIA,

Tu es fortis in æternũ deus. Similiter nomen Iaia יאיא, ex illo uersiculo יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֶחָד hoc est deus deus noster deus unus. Similiter nomẽ Iaua, יאוא ex illo uersiculo. יְהִי אוֹר וַיְהִי אוֹר. hoc est, fiat lux & facta est lux. Similiter nomen Ararita אראריתא ex hoc uersiculo, unum principium ũnitatis suæ, principium singulariratis suæ, uicissitudo sua unum יְהוּדוֹ רֹאשׁ אַקְדּוּתוֹ אֶחָד תְּמוּרָתוֹ אֶחָד Est & aliud nomen Hacaba הקבה extractum ex hoc uersiculo, הַקָּדוֹשׁ בָּרוּךְ הוּא, hoc est, sanctus benedictus ipse. Similiter nomẽ Iesu ישו cõperitur in capitibus istorum duorum uersiculorum uidelicet, יביא שילוה ורן hoc est, Quousq; ueniat Messiah: Et alius יִנְקְשְׁמוּ רוּחַ id est, permanet nomen eius. Similiter hoc nomẽ Amẽ אמן, ex hoc uersiculo. אֲרוּנִימַלְכָּ נֶאֱמָן id est, dominus rex fidelis. Quandoq; extrahuntur hæc nomina à finibus dictionum, sicut idem nomen Amen ex hoc uersiculo, רֹאשׁ כֹּל הָרִשְׁעִים, hoc est, non sic impii, sed trãspositis literis. Sic in finalibus huius uersiculi: מַה שְּׁמוֹ וּמַה שֵּׁם id est, mihi quid? nomen eius quid? inuenitur nomen tetragrammaton: in his omnibus, litera ponitur pro dictione & litera extrahitur ex dictione, uel à capite, uel à fine, uel ubilibet: & quandoque extrahuntur hæc nomina ex omnibus literis singulatim, quemadmodum extrahuntur illa septuaginta duo dei nomina, ex illis tribus uersiculis qui habentur in Exodo, incipientes ab his tribus dictionibus, וַיִּסַּע וַיָּבֹא וַיֵּט, primo & ultimo uersiculis à dextra ad sinistram conscriptis, sed medio cõuersim à sinistra ad dextram, sicut in posterioribus ostendemus: & sic quandoq; extrahitur dictio à dictione, siue nomen à nomine, per transpositionem literarum, sicut Messiah משיח, ex Iismah. ישמח, & Michaël מיכאל, Ex מראכי, Malachi. Quandoq; autem per alphabetariam cõmutationem, quam Cabalistę Ziruph צירוף uocant, sicut ex nomine tetragrammaton יהוה, eliciuntur nomina. מצפץ, Mazpaz. כוזו, kuzu: nonnunq; eti am per numeri æqualitatem nomina commutantur, ut Matattron, מטטרון pro Sadai שדי utrunq; enim facit tercentum decem & quatuor. Eadem ratione nomen Iiai יאי, æquipollet nomini El אל per numeri æqualitatẽ, utrunq; enim facit triginta & unum. Atq; hęc sunt arcana absconditа de quibus difficilimum est adferre iudicium, & completam tradere scientiam: nec in ulla alia lingua, quàm in Hebraica intelligi & doceri possunt. Verum cum diuina nomina (ut ait Plato in Cratilo) habita sunt à barbaris, q habuerũt à deo sine quo nullatenus quis capere potest ueros sermones, ueraq; nomina, quibus deus nuncupatur, ideo de ipsis alia dicere non possumus, nisi quæ à deo sunt nobis sua benignitate reuelata. Sunt enim diuinæ omnipotẽtiæ sacramenta atque uehicula, non ab hominibus, non etiam ab angelis, sed ab ipso summo deo, certo modo, pro suorum characterum immobili numero & figura sempiterna stabilitate instituta, diuinitatisq; harmoniam spirantia, diuinaq; assistentia consecrata: quare illa riment superi, tremunt inferi, colũt angeli, pauent cacodęmones, & omnis reueretur creatura, omnis ueneratur religio: quorum religiosa obseruatio, deuotaq; cum timore ac tremore inuo

uocatio, uirtutem nobis magnam præſtãt, deificamq; unionem, atq; etiam ſupra naturam mirabilium operum effectuumq; potentiam. Ideoq; nullis quidẽ illa ulla unquàm ratione fas eſt permutare. Vnde Origenes præcipit, ea in ſuiſipſis characteribus incorrupte conſeruanda: & Zoroaſtes etiam uetat barbara & antiqua uerba mutari: nam ut inquit Plato in Cratylo: Omnia diuina uerba ſiue nomina, uel à diis primum, uel ab antiquitate, cuius initiũ haud facile ſcitur, uel à barbaris prodita ſunt. Iãblichus quoq; ſimiliter præcipit, ea non eſſe ex ſua lingua in aliam transferenda, non enim eandem, inquit, mentem ſeruant nomina in aliam linguam interpretata. Hæc itaq; diuina nomina, ſunt aptiſſimum atq; efficaciſſimum medium hominis cum diis conciliandi, atq; uniendi, ſicut legitur in Exodo: In omni loco in quo memoria fuerit nominis mei, ueniam ad te, & benedicam tibi: in Numerorum uolumine ait dominus: Ponant nomen meum ſuper filios Iſraël, & ego benedicã eis. Iccirco diuinus Plato in Cratylo & in Philebo, diuina nomina uenerari iubet plusq̃ delubra ſtatuasq; diuinas: quia expreſſior dei imago atq; uirtus ſit in officio mentis, præſertim afflatæ diuinitus, quàm in manuum operibus reſeruata. Verba itaq; ſacra, nõ iam ex ſeipſis, quatenus uerba ſunt, uim habent in magicis, ſed ex occulta ui numinum per illa operante in animis eorum, qui illis ſecundum fidem hærent, in quibus occulta dei uirtus per ea tanquàm per uehicula in eos tranſmittitur, qui habent aures audiendi purgatos per fidem, & per purgatiſſimos mores, & per inuocationes diuinorum facti ſunt habitaculum dei, & capaces horum diuinorum influxuum. Quicunq; igitur diuinis his uerbis ſiue nominibus ea mentis puritate, eo modo, & ea lege qua tradita ſunt, rite utitur, mirifica multa & impetrabit & effici et quemadmodum de Medea legimus:

Diuina nomina quo pacto uenerãda.

Verbaq; ter dixit, placidos facientia ſomnos
Quæ mare turbatum, quæ flumina concita ſiſtunt.

Quod Hebræorum antiqui doctores præ cæteris obſeruarunt, qui uerbis mirabilia multa efficere conſueuerunt. Pythagorici etiam demonſtrarũt, tam animi quàm corporis morbos uerbis quibuſdam mirifice curantes. Sic etiam legimus Orpheum cum eſſet unus ex Argonautis, tempeſtatem quandam ſæuiſſimam uerbis quibuſdam auertiſſe. Simili modo Apollonium, quibuſdam uerbis ſecreto prolatis, puellam mortuam Romæ reſuſcitaſſe, & aliis à quibuſdam uerbis manes Achillis euocaſſe, narrat Philoſtratus. Sed & Pauſanias refert, fuiſſe Lydis in Hieropolis Cæſarea & Hypepis urbibus, duo templa deæ quam Perſicam uocabant, ſacra, quorum in utroq; cum res diuina peragenda eſſet, uir magus ligna ſicca ſuper aram imponẽs, & patria lingua hymnos canens, deinde barbara quædam uerba ex libro quem manu tenebat pronũciabat: quibus prolatis, mox ligna illa nullo ſubdito igne, ſponte ſua ardere, & lucidiſſimam concipere flammam uidebantur. Tradidit etiam Serenus Samonicus inter præcepta medicinæ, quòd ſi ſcribatur hoc nomen

Orpheus.

Abracadabra, uidelicet diminuēdo literam poſt literam, iuxta ordinem regreſſionis, ab ultima uſq; ad primam, ſicut hic oſtenditur, quicunq; æger hemitriteo laborans, ſiue alia febri, hanc ſchedam alligatam & à collo ſuſpenſam geſtauerit, ualere illi contra aduerſam ualetudinem, morbumq; paulatim declinando tranſire.

a	b	r	a	c	a	d	a	b	r	a
a	b	r	a	c	a	d	a	b	r	
a	b	r	a	c	a	d	a	b		
a	b	r	a	c	a	d	a			
a	b	r	a	c	a	d				
a	b	r	a	c	a					
a	b	r	a	c						
a	b	r	a							
a	b	r								
a	b									
a										

Sed multo efficacius contra omnes hominum aduerſas ualetudines, & quaſcunq; alias moleſtias tradidit Rabi Hama in libro Speculationis, ſacrum ſignaculū cuius in anteriore latere ſunt quatuor quadrata dei nomina, ſibi in quadrato ſic ſubalternata, ut à ſummo in imum pariter alia quatuor ſacratiſſima nomina ſiue diuinitatis ſigilla emergant, quorum intentio in circunferentiali circulo continet inſcripta, à tergo aūt inſcribit nomen ſeptiliterū Araritha, & circunſcribitur illi ſua interpretatio, hoc eſt, uerſiculus à quo extractum eſt, quemadmodum hic depictum uides.

PARS ANTERIOR.

Oportet autem hæc omnia fieri in auro purissimo, aut in uirginea membrana, tanquàm syncera, munda & immaculata, etiã incausto ad hoc formato, ex fumo sacrati cerei uel incensi, & aqua sacrata, atq; hæc ab actore purgato & expiato, infallibili spe & constanti fide, ad deum altissimum mente eleuata, si diuinam hanc obtinere debeãt ac præstare possint ~~uirtutẽ~~. Simili ratiõe contra terriculamenta & nocumẽta malor; dæmonũ atq; hominũ, & contra quæcunq; adeunda pericula, siue itinerum, siue aquarum, siue hostium, siue armorum, modo quo supradictum est, inscribunt hos characteres ab uno latere, בווו : & hos à tergo, צמרב ה, qui sunt capita & fines primorũ quinque uersuum Geneseos, & totius mundanæ creationis symbolum, eaq; ligatura aiunt hominem, modo firmissime speret in deum uniuersitatis conditorem, fore omnium malorum emunem.

IN PARTE ANTERIORE. A TERGO.

// Neque uero diffidat quiſpiam, miretur ue uerba ſacra, quibus deus omnipotens condidit cœlum & terram, alligata plurimum poſſe, ſiquidem experimẽto compertum eſt, ut ait Rab Coſta Ben Luca, plures alias res nõ phyſicas, poſſe quamplurimum: ſicuti experientia comprobatum eſt, digitum // abortiui à mulieris collo ſuſpenſum, impedire conceptum, quamdiu collo illius hęſerit. Prętерea in uerbis quibuſdam ſacris & nominibus diuinis, uim eſſe magnam atq; diuinam, quæ ſit uirtus operatiua mirabilis effectus. Zoroaſtes, Orpheus, Iamblichus, Syneſius & Alchindus, & quiq; ſplendidiſſimi philoſophorum teſtantur, & Artephius magus atq; philoſophus, de uirtutibus uerborum atq; characterum ſingularem librum conſcripſit. Origenes ſplendidiſſimis quibuſq; philoſophis non inferior, adſert contra Celſum, in quibuſdam diuinis uerbis mirandam latere uirtutem: & in libro Iudicum ait dominus: Nomen meum quod eſt Pele פלא, quod interpretatur apud nos, miraculorum operator, ſiue efficiẽs mirabilia. Verum autem dei nomen, nec hominibus, nec angelis notum eſt, ſed ipſi ſoli deo, nec antè publicabitur (ut teſtãtur ſacrę litęrę) quàm diſpoſitio dei fuerit impleta. Habet tamen prætерea deus inter angelos alia uocabula, & inter homines alia: nullum autem nomen dei eſt apud nos (ut inquit Moſes Aegyptius) quod non // ſit ſumptum ab operibus, & ſignificãs cum participatione, prętер ipſum nomen tetragrammaton, quod eſt ſanctum, ſignificans ſubſtantiam creatoris // ſignificatione pura, in qua nihil aliud participat cum creatore deo: ideo dicitur nomen ſeparatum, quod ſcribitur & non legitur, neque exprimitur apud nos, ſed nominatur: & ſignificat ſecundum idioma ſupernum, quod eſt dei, & fortaſſis etiã angelorum. Simili modo ſunt etiã angelis nomina, alia inter eos, & in idiomate illorum, quam uocat Paulus linguam angelorum, de qua habetur ualde parum apud nos. Cætera autem illorum nomina, omnia ab officiis & operibus illorũ ſunt deciſa, quę non ſunt tantæ efficaciæ, ideoq; magi illos ueris ſuis nominibus cient, illis uidelicet cœleſtibus, quæ in literis ſanctis continentur.

Verũ deinomẽ ſoli deo notũ eſt.

De influxu diuinorũ nominũ per ſingula media in hæc inferiora.

Caput XII.

VMmus creator & prima cauſa, & ſi omnia regit & diſponit, curã tamen exequendi uariis miniſtris diſtribuit, beneficis & maleficis, quos in Apocalypſi uocat Ioannes, angelos fauentes, & nocentes: de quibus alibi canit propheta. Moratur angelus domini in circuitu timẽtium eum, ut eripiat eos, & alibi deſcribit immiſſiones per angelos malos: Quodcunq; autem per angelos tanquam per miniſtros exequitur deus, idem etiam facit per cœlos & ſtellas, ſed tanquam per inſtrumenta, ut hoc modo omnia cooperentur in miniſterium: ut ſicut quælibet cœli portio, & quodq; aſtrum, certam terræ plagam locum'ue, & tempus, & ſpeciem, & indiuiduum decernit: ſic etiam angelicã illius portionis aſtriq;

uirtutem,eiſdem loco,tempori,ſpeciei accommodare fas eſt. Vnde Auguſtinus libro Quæſtionum: Vnaquæq;(inquit)res uiſibilis in hoc mundo,angelicam habet poteſtatem ſibi præpoſitam. Hinc Origenes in librũ Numerorum ait: Opus eſt ipſi mundo angelis,qui præſint exercitibus terrenis, regnis,prouinciis,hominibus,beſtiis,animalium natiuitati & progreſſui, uirgultis,plantis,cæteris que rebus,eam uirtutem donantes,quam dicunt ineſſe rebus à proprietate occulta. Multo magis opus eſt angelis qui præſint operibus ſanctis,uirtutibus & hominibus, ut ipſi qui ſemper uident faciem patris ſummi, recto ducatu poſſint conducere homines, & unumquodque etiam minutiſſimum ad locum ſuum,tanquam membra huius mũdi concinna, in quo deus tanquam præcipuus antiſtes, omnia ſuauiſſime diſponens inhabitat,non contentus aut circunſcriptus,ſed continens omnia, ſicut Iohãnes in Apocalypſi deſcribit cœleſtem illam ciuitatem, cui à duodecim portis præſident duodecim angeli,influentes in eas, quæ à diuino nomine ſuſcipiunt duodecies reuoluto,& in fundamentis illius ciuitatis,nomina duodecim apoſtolorum,& agni: nam ſicut in lege,in lapidibus ſuperhumeralis, & fundamentis ciuitatis ſanctæ per Ezechielem deſcriptæ, inſcripta erant nomina tribuum Iſraël, & dominabatur illis nomen quadriliterum: ſic in Euangelio inſcripta ſunt in lapidibus fundamenti cœleſtis ciuitatis, nomina apoſtolorum, qui ſtant pro tribubus Iſraël in eccleſia, ſuper quos influit nomen agni, hoc eſt nomen Ieſu, in quo eſt omnis quadriliteri uirtus: ſiquidem tetragrammus ille pater, dedit illi omnia. Ab angelis itaque ſuſcipiunt cœli, quod influunt: illi autem à magno nomine dei & Ieſu, cuius uirtus prima eſt in deo, poſt diffuſa in duodenos & ſeptenos illos angelos, per quos extenditur in duodecim ſigna, & ſeptem planetas, & conſequenter in omnes cæteros miniſtros & inſtrumenta dei, uſque in infima penetrans. Hinc ait Chriſtus: Quicquid petieritis patrem in nomine meo, dabit uobis. & reſurgens ait: In nomine meo dæmonia eiicient, & quæ ſequũtur: ut ultra neceſſarium non ſit quadriliterũ nomen, cuius tota uirtus trãſlata eſt in nomen Ieſu, in quo ſolo fiunt mirabilia: nec eſt aliud nomen (ut inquit Petrus) ſub cœlo datum hominibus, in quo oporteat nos ſaluos fieri, niſi illud. Non autem putemus, quòd nominando Ieſum polluto ore, tanquam nomen hominis cuiuſdam, in uirtute illius facere poſſumus miracula: ſed oportet illud inuocare in ſpiritu ſancto, mẽte expurgata, & animo ferenti, ut adſequamur ea quæ nobis in ipſo promiſſa ſunt, maxime cognitione præuia, ſine qua non fit exauditio, iuxta illud propheticum: Exaudiam eum, quoniã cognouit nomẽ meũ. Hinc hodie nihil fauoris hauriri poteſt à cœleſtibus, niſi interueniat autoritas, fauor, adſenſus nominis Ieſu. Hinc Hebræi & Cabaliſtæ in diuinis nominibus peritiſſimi, nihil poſt Chriſtum in priſcis illis nominibus operari poſſunt, ſicut olim eorũ patres. Et iã experimẽto cõprobatũ eſt, nullũ malũ dæmonẽ, nullã inferorũ uirtutẽ ex his quę

Iohan.14.
Marc.16.
Actu.4.
Psal.90.

uexant aut obsidẽt homines, posse huic nomini resistere, quin uelint nolint genu flectãt, & obediant: quando nomẽ Iesu debita pronũtiatione illis proponitur uenerãdum: nec solũ nomen sed etiam illius signaculum crucẽ, pauent: nec solũ terrestrium, cœlestiũ, infernorum genua flectũtur, sed etiã insensibilia ipsum reuerentur, & ad nutum eius contremiscunt omnia, qñ ex fideli corde, ore ueridico, nomẽ Iesu pronũtiatur, & crucis salutiferũ signum manus imprimunt innocentes. Neq; uero in uacuũ dixit Chrũs discipulis: In nomine meo dęmonia eiicięt, & quę sequunt: nisi uirtus quædã esset in nomine illo expressa, super dæmones & infirmos, serpẽtes & uenena, & linguas, & huiusmodi: quæ uirtus cũ insit nomini illi, tũ à uirtute dei instituẽtis, tũ à uirtute illius qui hoc noĩe exprimitur, & à ui insita ipsi uerbo. Hinc est, quòd cum omnis creatura timet & reueretur nomen illius qui fecit eam, nonnun quam etiam mali & immundi homines, modo credant huiusmodi diuinorum inuocationi, dæmones astringunt & alia quædam magna operantur.

Mar. 16.

Nominis Iesu uirtus unde sit.

De membris dei, & de eorum in nostra membra influxu. Cap. XIII.

Mẽbra dei, quæ.

Egimus in uariis sanctæ scripturæ locis, uaria dei membra & ornamenta: intelliguntur autem per membra dei, uires quædam multiplices & simplicissimè in ipso deo permanentes, per sacra dei nomina inter se distinctæ: uestimenta autem dei & ornatus, sunt tanquam uiæ quædam seu relationes, siue emanationes uel canales, per quas sese diffundit: quarum fimbrias quoties mens nostra contigerit, toties egreditur uirtus diuina alicuius membri, quemadmodũ de hęmorrhoissa clamauit Iesus: Tetigit me aliquis: nam sensi de me exire uirtutem. Sunt ita q; in deo hæc membra similia nostris: sed membrorum nostrorum ideæ & exemplaria, quibus si membra nostra rite conformemus, tunc in eandem imaginem translati, ueri efficimur filii dei, deo q; similes, agentes & operantes opera dei. De membris itaq; dei multa in scripturis deprompta sunt: nã de capite eius legitur in Canticis: Caput tuum sicut Chermel, & comæ capitis tui sicut purpura regis: significat autem hic Chermel, non montem illum in maritimis Syriæ, sed uermiculum qui purpuram gignit. De oculis etiam & palpebris, & auribus, legitur in Psalmis: Oculi domini super iustos, & aures eius in preces eorum. Oculi eius in pauperem respiciunt, & palpebræ eius interrogant filios hominum. De ore etiam, & gustu, & gutture, & labiis, & dentibus, legitur apud Esaiam: Os meum non interrogastis. Et in Canticis: Guttur tuum sicut uinum optimum. Dignum est uinum dilecto meo ad potandum, & cibus labiis & dentibus illius ad ruminandum. Sunt etiam & nares, quibus (ut in lege sæpe repetitur) odorat sacrificia in odorem suauitatis. Sunt humeri, brachia, manus & digiti, de quibus legimus apud Esaiam: Factus est principatus super humeros eius. Brachium domini cui reuelatũ est? & regius uates canit: Manus tuæ domine

Luc. 8

Cantic. 7

Chermel qd.

Oculi domini.

Nares domini.

Vestimẽta dei, quæ.

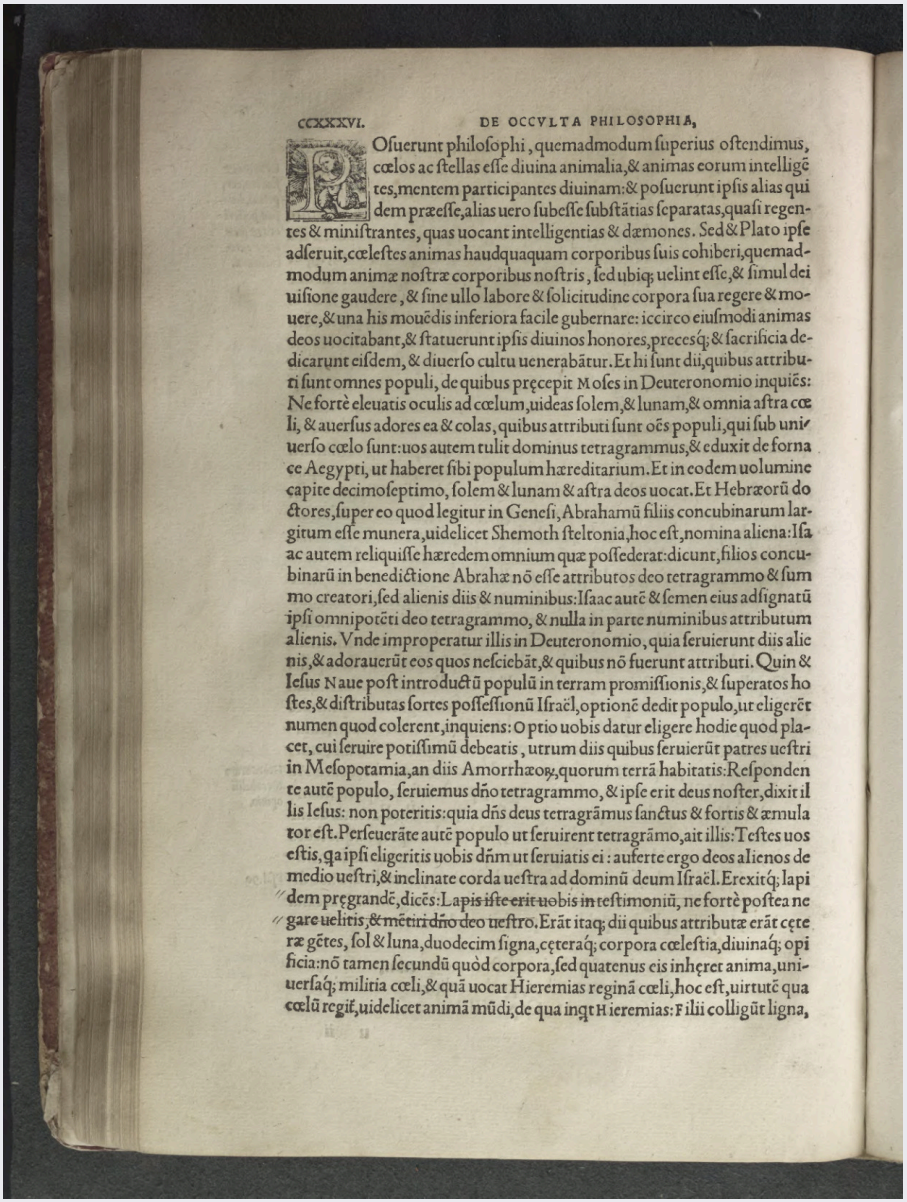
fecerunt me,& plasmauerunt me. Et: Videbo cœlos tuos,opera digitorũ tuorum. Habet etiam dextram & sinistram: hinc Psalmista ait: Dixit dominus domino meo, sede à dextris meis. De sinistra legimus in euãgeliis,ad quam collocabunt damnandi in nouissimo die. Iamq; & cor, & pectus, & dorsum, & posteriora, & faciem legimus,ut in libro Regum,quòd inuenerit deus Dauid uirum secundum cor suum. Habemus & in euãgelio pectus illud, super quod dormiens discipulus, diuina arcana cõcepit,& Psalmista describit dorsum eius in pallore auri. Et ipse apud Hieremiam ait: Dorsum & nõ faciem ostendam eis in die perditionis eorum. Et ad Mosen ait: Videbis posteriora mea. De pedibus quoque ait Psalmista: Caligo sub pedibus eius. Et in Genesi ambulare legitur ad Meridiem: simili ratione & multiplicia dei uestimenta & ornamẽta legimus,ut apud Psalmistam: Dominus regnauit, decore indutus est,amictus lumine sicut uestimento. Et alibi: Confessionem & decorem induisti. Abyssus sicut uestimentum & amictus eius. Et in Ezechiele loquitur Deus dicens: Expandi amictũ meum super te,& operui ignominiam tuam. Iam uero etiam & uirgam,& baculum, & gladium,& scutum,ut apud Psalmistam: Virga tua & baculus tuus,ipsa me consolata sunt. Scuto circundabit te ueritas eius. Et in Deuteronomio legiẽ gladius gloriæ eius: & huiusmodi multo plura sacra nobis eloquia declarant, à quibus membris & ornamentis diuinis, non dubium est nostra membra,& quæ circa nos sunt, cunctaq; opera nostra, & regi, & dirigi, & custodiri,& gubernari,& iudicari,sicut ait Propheta: Statuit supra petram pedes meos, & direxit gressus meos. Et alibi ait: Benedictus dominus deus meus, qui docet manus meas ad prælium, & digitos meos ad bellum. Et de ore ait: Immisit in os meum canticum nouum. Et alibi ait Saluator: Ego dabo uobis os & sapientiam. Et de capillis ait: Capillus capitis uestri non peribit. Et alibi: Capilli capitis uestri numerati sunt. Ipse enim omnipotens deus,cum nos suas imagines sibiq; similes esse uoluit, membra, artus, ac figuras, in nobis multis modis referatas,ad latentium suarum uirtutum similitudinem tanquam signa construxit, eundem sibi ordinem proportionemq; seruantia. Vnde dicunt Hebræorum Mecubales, quòd si homo diuini influxus capax, quoduis sui corporis membrum à sordibus mundum expiatumq; constituat, tunc illud latentis dei artus uirtutisq;, cui idem nomen adscribitur, habitaculum propriaque sedes euadit, ita, ut si circa id membrũ de quauis re opus fuerit, inuocato hoc nomine,unde illud pendet,subito exaudiatur ad effectum,iuxta illud: Exaudiam illum,quoniam cognouit nomen meum. Et hæc sunt grandia & arcana mysteria, de quibus plura in publicum profari non licet.

Dextera & sinistra,cor, pectus,dorsum,posteriora & facies,& cætera domini.

Hebræorum Mecubalitæ opinio.

Psal.90

De diis gentium,& animis cœlestium corporum, & quibus numinibus,quæ loca olim sacra fuerunt. Cap. XIIII.

CCXXXVI. DE OCCVLTA PHILOSOPHIA,

Osuerunt philosophi, quemadmodum superius ostendimus, cœlos ac stellas esse diuina animalia, & animas eorum intelligẽtes, mentem participantes diuinam: & posuerunt ipsis alias quidem præesse, alias uero subesse substãtias separatas, quasi regentes & ministrantes, quas uocant intelligentias & dæmones. Sed & Plato ipse adseruit, cœlestes animas haudquaquam corporibus suis cohiberi, quemadmodum animæ nostræ corporibus nostris, sed ubiq; uelint esse, & simul dei uisione gaudere, & sine ullo labore & solicitudine corpora sua regere & mouere, & una his mouẽdis inferiora facile gubernare: iccirco eiusmodi animas deos uocitabant, & statuerunt ipsis diuinos honores, precesq; & sacrificia dedicarunt eisdem, & diuerso cultu uenerabãtur. Et hi sunt dii, quibus attributi sunt omnes populi, de quibus præcepit Moses in Deuteronomio inquiẽs: Ne fortè eleuatis oculis ad cœlum, uideas solem, & lunam, & omnia astra cœli, & auersus adores ea & colas, quibus attributi sunt oẽs populi, qui sub uniuerso cœlo sunt: uos autem tulit dominus tetragrammus, & eduxit de fornace Aegypti, ut haberet sibi populum hæreditarium. Et in eodem uolumine capite decimoseptimo, solem & lunam & astra deos uocat. Et Hebræorũ doctores, super eo quod legitur in Genesi, Abrahamũ filiis concubinarum largitum esse munera, uidelicet Shemoth stelronia, hoc est, nomina aliena: Isaac autem reliquisse hæredem omnium quæ possederat: dicunt, filios concubinarũ in benedictione Abrahæ nõ esse attributos deo tetragrammo & summo creatori, sed alienis diis & numinibus: Isaac autẽ & semen eius adsignatũ ipsi omnipotẽti deo tetragrammo, & nulla in parte numinibus attributum alienis. Vnde improperatur illis in Deuteronomio, quia seruierunt diis alienis, & adorauerũt eos quos nesciebãt, & quibus nõ fuerunt attributi. Quin & Iesus Naue post introductũ populũ in terram promissionis, & superatos hostes, & distributas sortes possessionũ Israël, optionẽ dedit populo, ut eligerẽt numen quod colerent, inquiens: Optio uobis datur eligere hodie quod placet, cui seruire potissimũ debeatis, utrum diis quibus seruierũt patres uestri in Mesopotamia, an diis Amorrhæorũ, quorum terrã habitatis: Respondente autẽ populo, seruiemus dño tetragrammo, & ipse erit deus noster, dixit illis Iesus: non poteritis: quia dñs deus tetragrãmus sanctus & fortis & æmulator est. Perseuerãte autẽ populo ut seruirent tetragrãmo, ait illis: Testes uos estis, qa ipsi eligeritis uobis dñm ut seruiatis ei: auferte ergo deos alienos de medio uestri, & inclinate corda uestra ad dominũ deum Israël. Erexitq; lapidem pregrandẽ, dicẽs: Lapis iste erit uobis in testimoniũ, ne fortè postea negare uelitis, & mẽtiri dño deo uestro. Erãt itaq; dii quibus attributæ erãt cęteræ gẽtes, sol & luna, duodecim signa, cęteraq; corpora cœlestia, diuinaq; opificia: nõ tamen secundũ quòd corpora, sed quatenus eis inhęret anima, uniuersaq; militia cœli, & quã uocat Hieremias reginã cœli, hoc est, uirtutẽ qua cœlũ regit, uidelicet animã mũdi, de qua inqt Hieremias: Filii colligũt ligna,

& patres succendunt ignem, & mulieres conspergunt adipem, ut faciant placentulas reginæ cœli. Nec huius reginę, cæterarumq; cœlestium animarum cultus Dulię, illis prohibitus erat: sed Latriæ tantum, quem qui adhibuerũt, reprobati sunt à domino. Nomina uero istarum animarum, deorum ue in præcedẽtibus narrauimus. Verum quibus regionibus, & populis, & urbibus, tanquam proprii, & tutelares dii adscripti fuerint, partim referũt nobis Origenes, Tertullianus, Apuleius, Diodorus, & pleriq; alii historici: Coluerunt itaque singuli populi propriis ceremoniis, suos deos: Boetii, Amphiaraum: Aphri, Mopsum: Aegyptii, Osirim & Isidem: Aethiopes, qui Meroën habitant, Iouem & Bacchum: Arabes, cum Baccho Venerem: Scythę, Mineruã: Naucratitæ, Serapim: Syrii Atargatẽ: Arabes, Diapharen: Aphri, Cœlestũ: Norni, Tibelęnum. In Italia quoq;, municipali cõsecratione Crustumẽsiũ deus erat, Deluentinus: Narnensiũ, Viridianus: Aesculanoꝝ, Aucharia: Volsinensium, Nursia: Otriculanoꝝ, Valentia: Sutrinoꝝ, Nortia: Phaliscoꝝ, Curis cum primis celebres fuere. Coluerũt summa ueneratione Latii, Martẽ: Aegyptii, Isidem: Mauri, Iubam: Macedones, Cabirum: Pœni, Vranũ: Latini, Faunum: Rhomani, Quirinum: Sabini Sangum: Athenæ, Mineruam: Samos, Iunonem: Paphos, Venerem: Lemnos, Vulcanum: Naxos, Liberũ: Delphis, Apollinem, & quos canit Ouidius in Fastis:

Pallada, Cecropidę: Minoia Creta, Dianam:
Vulcanum, tellus Hypsipylęa colit:
Iunonem, Spartę: Pelopeiadesq; Mycenæ,
Pinnigerum: Fauni Menalis ora caput:
Mars, Latio uenerandus erat: quia præsidet armis.

Colebant Saturnũ, Carthaginienses & Leucades: Iouem, Creta, Pyreus, Homole, Ida, Elis & Libya, ubi eius erat oraculum: Epirus, Latium, Gnidus, Lyciæ, Pisa Macedoniæ: Martẽ, Thermodonii, Scythæ, & Thracia: Solem, Scythæ unicum deum uenerabãtur, equum illi immolantes: eundemq; colebãt Heliopolitæ, Assyrii: & sub Apollinis nomine Rhodii, & Hyperborei, & Miesii: Erantq; sibi sacri Parnasus, Phaselus, Cynthus, Soractę montes, atq; Delos, Claros, Tenedos insulæ & Mallois locus in Lesbo, & Grynęum nemus, seu opidum: Præterea Patara, Chrysa, Tarapnas, Cyrrha, Delphi, Arrephnia, Entrosi, Tegyra ciuitates. Erãt etiã illi sub Bacchi & Dionysii noïe sacrata, Thebę & Naxos insula, Nisa urbs Arabię, Callichoros fluuius Paphlagonię: Itẽ Parnasus & Cytheros mõtes Boetiæ, in quibus alternis annis Bacchanalia fiebãt, etiã Thamaritæ populi, Hircanis uicini, propriis sacris Bacchum coluerunt. Veneris cultum Assyrii primi omnium induxerunt, deinde Paphii in Cypro, & Phœnices, & Cytherei: quos, Agęo autore, secuti sunt Atheniẽses. Apud Lacedæmonios colebatur Armatha: & Delphis, Venus Epytibia. Colebatur etiam à Cois, & in Amatho Aegei maris insula, & in Mẽphi urbe Aegypti, & in Gnido, & Sicilia, & Idalio nemore, & Hypępa urbe, &

Variarũ gẽtiũ uarij tutelares dij.

Eryce Siciliæ monte,& Calydonia,& Cyrene,& Samis: nullumq; (Aristotele teste) ueterum deorum numen propè maioribus ceremoniis frequentioribusq; locis ueneratum legitur. Mercurium Galli maxime colebant, Teutatem illum appellãtes: præterea Arcades & Hormopolitæ, Aegyptii & Mẽphitæ. Lunã sub Dianæ nomine Taurica Scythiæ regio colebat,& in Epheso illi laudatissimum templum erat,& in Mycena post occisum Thoantem Tauricæ regem,ab Iphigenia & Oreste raptum eius simulacrum, mutato sacrorum ritu, prope Ariciam culta est: colebatur etiam à Magnesiis Thessaliæ populis,& in Pisa Achaiæ urbe,& in Tybure,& Auctino Romano monte,& in Perga Pamphyliæ oppido,& in Agras Atticæ regione,& Carenus populus Lunam sub masculo sexu coluisse legitur. Erant & reliquorum numinum sacra, ut Palladi quæ & Minerua sacræ erant Athenæ,& Pyreus & Aracynthus mõtes, Tritones fluuius, & Alcomeneum Bœotiæ oppidũ,& Neo una Cycladum insula. Cereris sacra loca sunt Eleusis Attica, Enna & Catana: urbes Siciliæ,& Aethna mons. Vulcano præcipuus cultus fuit in Lemno insula,& in Imbros insula Thraciæ,& Therasia insula Vulcano sacra, etiamque Sicilia. Vesta dea erat Troianorum, quam profugus Aeneas in Italiam transtulit, eidemque tribuuntur Phryges, atque Ida & Dindymus Phrygiæ mõtes,& Reatum Vmbriæ oppidum. Item Berecynthus mons,& Pessinuntium Phrygiæ oppidum. Iunonem coluerunt Carthago & Prosenna, Argos & Mycenæ ciuitates, & Samos insula, & Phalisci populi. Neptuno sacra erat Orchestus urbs Bœotiæ, & Tenarus Laconiæ promontorium, & Trœzenii populi,& urbs in Neptuni tutela erant. Huiusmodi ergo erant dii gentium, qui præsidebant & dominabantur illis, quos Moses ipse in Deuteronomio suo nuncupat deos terræ, quibus attributi sunt omnes populi, non alios significans, quàm cœlestia sydera illorumq; animas.

Quid de animabus cœlestibus nostri sentiunt Theologi. Cap. XV.

Esse igitur cœlos corpora que cœlestia animata, animabus quibusdam diuinis, non modo poëtarum philosophorumque sententia est, sed etiam sacrarum literarum catholicorumq; adsertio: nam & Ecclesiastes animam cœli describit: & Hieronymus super eodem hanc expresse fatetur: similiter Origenes in suo libro de principiis, sentire se scribit cœlestia prorsum corpora esse animata, quoniam à deo mandata dicuntur accipere, quod rationali naturæ tantum consentaneum est, scriptum enim est: Mandatum ego stellis iniunxi omnibus: Quinimò ab peccati labe non seiungi stellas omnino consensisse aduertitur Iob, ita enim legitur: Stellæ quoque in conspectu eius mundæ non sunt, id quod ad corporis fulgorem utique referri non potest. Proinde corpora cœlestia esse animata, etiam sentit Eusebius Pamphilus in solutiõibus theologicis, atque Augustinus in Enchiridio. Ex recentioribus uero Alber-

tus Magnus, in libro de quatuor coæquęuis, & Thomas Aquinas in libris de Spiritualibus creaturis, & Ioannes Scotus ſuper ſecundo Sententiarum, quibus accedit uir doctiſſimus Nicolaus Cuſanus Cardinalis. Sed & ipſe Aureolus hæc ſtrenua diſputatione conuincit, qui nec inſuper alienum fore arbitratur, cœleſtia corpora Duliæ cultu uenerari, earundem que ſuffragia auxilia que implorare: cui etiam Thomas ipſe annuit, niſi impediret hunc ritum idololatriæ occaſio. Quin & Plotinus aſtruit, quod uota cognoſcunt noſtra, exaudiunt quoque. Quod ſi quis iſtis omnino aduerſari uelit, & tãquam ſacrilega dogmata habere, is audiat Auguſtinum in Enchiridio, & in libro Retractationum, & Thomam libro ſecundo contra Gentiles, & in Quodlibetis, & Scotum ſuper Sententias, & Guilielmum Pariſienſem, in Summa de uniuerſo, unanimiter reſpondentes, corpora cœleſtia dicere animata uel inanimata, ad fidem catholicam nihil referri. Licet igitur multis ridiculum uideatur, quòd ipſæ animæ in ſphæris & ſtellis collocentur, & ueluti dii gentium quiſque ſuis præſideat regionibus, & urbibus, & tribubus, & populis, & nationibus, & linguis, tamen extraneum non uidebitur ſanè intelligentibus.

De intelligẽtiis & dæmonibus, ac triplici illorum genere, eorumque cognomentis uariis, deq; infernis & ſubterraneis dæmonibus.

Caput XVI.

NVnc conſequenter de intelligentiis, ſpiritibus & dæmonibus nobis eſt diſſerendum. Eſt autem intelligentia, ſubſtantia intelligibilis, libera ab omni craſſi putreſcibilisq; corporis mole, immortalis, inſenſibilis, cunctis adſiſtens, cunctis influens. Atque eadem eſt omnium intelligentiarum, ſpirituum, dæmonumque natura. Dico aũt dæmones hic non illos quos diabolos uocamus, ſed ſpiritus ſic uocatos ex uocabuli proprietate, quaſi ſcientes, intelligentes & ſapientes. Horum uero ſecundum magorum traditionem tria genera ſunt, quorum primos ſupercœleſtes uocant, atq; mentes à corpore penitus ſeiunctas, & quaſi intellectuales ſphæras, deum unum tanquam ipſorum firmiſſimam ſtabiliſſimamq; unitatem ſiue centrum colentes: quapropter illos iam etiam deos nuncupant, propter diuinitatis participationem quãdam: quia ſemper ſunt deo pleni, diuinoq; nectare ebrii. Hi circa unum deum ſolum uerſantur, nec mundi corporibus præſunt, nec inferiorum miniſtrationi adaptantur, ſed ſuſceptum à deo lumen inferioribus ordinibus influunt, ſingulisq; ſingula officia diſtribuunt. Hos ſecundo ordine proxime ſequũtur cœleſtes intelligentiæ, quos uocant dæmones mundanos, ſcilicet ultra diuinum cultũ mũdi ſphæris accommodatos, unicuiq; cœlorum & ſtellarum præſidentes, unde eos in totidẽ diſtribuũt ordines, quot in mũdo ſunt cœli, & quot in cœlis ſunt ſtellæ: & uocabãt alios Saturnios, q; præeſſent cœlo Saturni & ipſi Saturno: alios Iouios, qui præeſſent cœlo Iouis & ipſi Ioui: ſimiliter pro aliarum

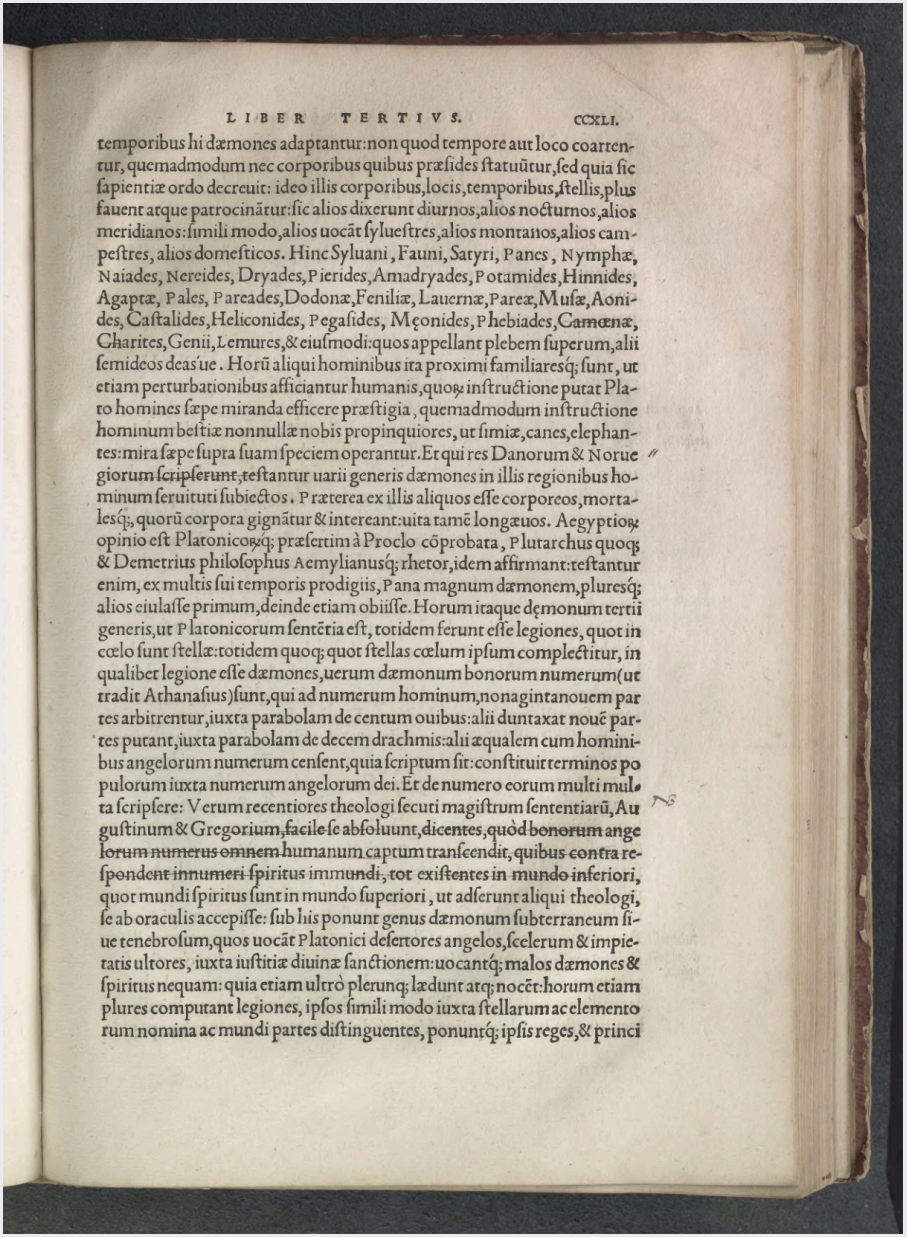
Intelligẽtia quid.

Dæmones hic, qui ſint & quot illorum genera

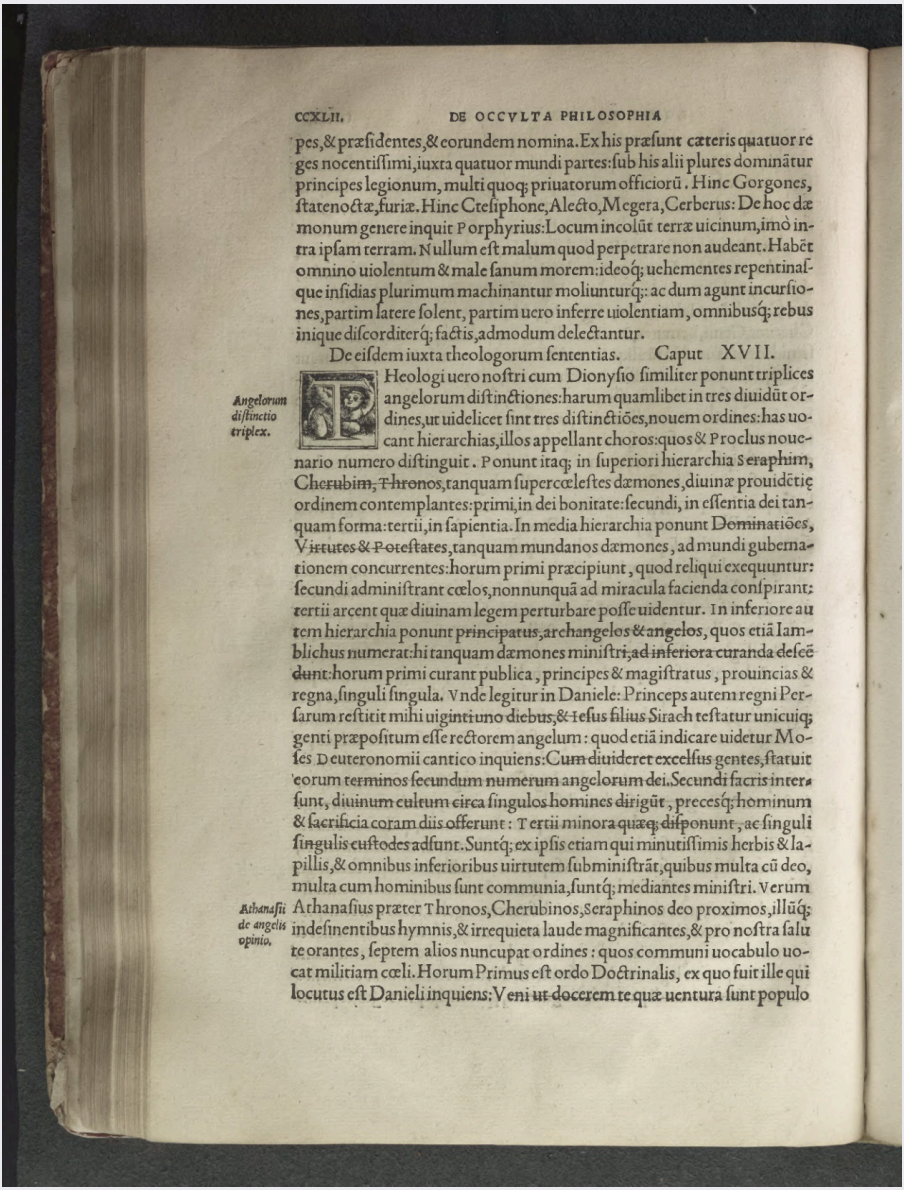
ſtellarum tam nomine quàm uirtute uarios dæmones cognominãt: & quia ueteres aſtrologi quinq; ſupra quinquaginta adſerebant motus, hinc totidẽ illis adinuenerunt intelligentias, ſiue dæmones: poſuerũt quoq; in cœlo ſtellato dæmones qui præeſſent ſignis, & triplicitatibus, & decanis, & quinariis, & gradibus, & ſtellis: nam licet unicuiq; orbi ſtellarũ unam ſolam intelligẽtiam tota ſchola philoſophorum etiam Peripateticorũ adſignet, tamen cũ unaquęq; ſtella & cœli particula ſuam propriam & differentem habeat uim & influxum, neceſſe eſt ut & ipſa ſuam habeant præſidentem intelligentiam quæ uim conferat & agat. Poſuerunt itaq; duodecim dæmonum principes, qui præeſſent duodecim ſignis zodiaci, & triginta ſex, qui præeſſent totidẽ decuriis, & ſeptuaginta duos, qui præeſſent totidem cœli quinariis, & hominum linguis & gentibus, & quatuor qui præeſſent triplicitatibus & elementis, & ſeptem totius mundi gubernatores, iuxta ſeptem planetas, & poſuerũt omnibus nomina, & ſignacula, quos uocãt characteres, & utebantur illis in inuocationibus & incantationibus & ſculpturis ſuis, deſcribendo ea in ſuarũ operationum inſtrumentis, imaginibus, laminis, ſeculis, annulis, chartis, cereis, & eiuſmodi, ut ſi quando operabantur ad ſolem, inuocabant per nomina ſolis, & per nomina dæmonum ſolarium, & ita de cæteris. Tertio ponunt dæmones quaſi miniſtros, ad ea quæ ſunt in inferioribus diſponenda, quos Origenes uocat inuiſibiles quaſdam uirtutes, quibus ea quæ ſunt ſuper terram diſponẽda credita ſunt: ſæpe enim nemini conſpicui, itinera & negotia noſtra quæcunq; dirigunt, ſæpe etiam prę liis interſunt, clandeſtiniſq; ſubſidiis optatos amicis præbent ſucceſſus, quippe conciliare proſpera, infligere aduerſa, pro libito poſſe dicuntur. Illos ſimili modo in plures ordines diſtribuũt, ut alii ignei, alii aquei, alii aërei, alii terrei, quæ quidem quatuor dæmonum ſpecies, iuxta quatuor cœleſtium animarum uires, mentem, rationem, imaginationem, naturam ſcilicet uiuificam & motricem, computantur: hinc ignei cœleſtium animarum mentem ſequuntur, unde ad ſublimiora contemplanda concurrunt. Aërei autem rationem ſequuti, rationali facultate potentiæ, eamq; à ſenſuali uegetabiliq; quodammodo ſegregantes, ſeruiunt igitur uitæ actiuę, quemadmodum ignei contemplatiuę: Aquei uero imaginationem ſenſumq; ſequuti, uitæ ſeruiunt uoluptuoſę: Terrei naturã ſequuti, uegetali naturæ fauẽt. Præterea diſtinguunt etiam hoc dæmonũ genus, in Saturnios & Iouiales, iuxta ſtellarum cœlorumq; nomina. Præterea alios eſſe orientales, alios occidentales, alios meridionales, alios ſeptentrionales. Denique nulla mundi pars eſt propria horum dæmonum adſiſtẽtia deſtituta, non quia ibi ſolum ſunt, ſed quia ibi maxime regnant, ſunt enim ubique, quamuis alii alibi potiſſimum operantur atque influunt. Neq; uero ita intelligenda hæc ſunt, quaſi influxibus ſyderum ſubiecti ſint, ſed ut reſpondeant ſupramundano cœlo, à quo præcipue omnia diriguntur, & cui omnia conformari oportet, unde ſicut uariis ſtellis, ſic etiam uariis locis, &

Dæmoũ numerus & officia.

Dæmoũ diſtinctio.

temporibus hi dæmones adaptantur: non quod tempore aut loco coarten-
tur, quemadmodum nec corporibus quibus præsides statuũtur, sed quia sic
sapientiæ ordo decreuit: ideo illis corporibus, locis, temporibus, stellis, plus
fauent atque patrocinãtur: sic alios dixerunt diurnos, alios nocturnos, alios
meridianos: simili modo, alios uocãt syluestres, alios montanos, alios cam-
pestres, alios domesticos. Hinc Syluani, Fauni, Satyri, Panes, Nymphæ,
Naiades, Nereides, Dryades, Pierides, Amadryades, Potamides, Hinnides,
Agaptæ, Pales, Pareades, Dodonæ, Feniliæ, Lauernæ, Pareæ, Musæ, Aoni-
des, Castalides, Heliconides, Pegasides, Mœnides, Phebiades, Camœnæ,
Charites, Genii, Lemures, & eiusmodi: quos appellant plebem superum, alii
semideos deasue. Horũ aliqui hominibus ita proximi familiaresq; sunt, ut
etiam perturbationibus afficiantur humanis, quos instructione putat Pla-
to homines sæpe miranda efficere præstigia, quemadmodum instructione
hominum bestiæ nonnullæ nobis propinquiores, ut simiæ, canes, elephan-
tes: mira sæpe supra suam speciem operantur. Et qui res Danorum & Norue
giorum scripserunt, testantur uarii generis dæmones in illis regionibus ho-
minum seruituti subiectos. Præterea ex illis aliquos esse corporeos, morta-
lesq;, quorũ corpora gignãtur & intereant: uita tamẽ longæuos. Aegyptio-
opinio est Platonicoq; præsertim à Proclo cõprobata, Plutarchus quoq;
& Demetrius philosophus Aemylianusq; rhetor, idem affirmant: testantur
enim, ex multis sui temporis prodigiis, Pana magnum dæmonem, pluresq;
alios eiulasse primum, deinde etiam obiisse. Horum itaque dæmonum tertii
generis, ut Platonicorum sentẽtia est, totidem ferunt esse legiones, quot in
cœlo sunt stellæ: totidem quoq; quot stellas cœlum ipsum complectitur, in
qualiber legione esse dæmones, uerum dæmonum bonorum numerum (ut
tradit Athanasius) sunt, qui ad numerum hominum, nonagintanouem par
tes arbitrentur, iuxta parabolam de centum ouibus: alii duntaxat nouẽ par-
tes putant, iuxta parabolam de decem drachmis: alii æqualem cum homini-
bus angelorum numerum censent, quia scriptum sit: constituit terminos po
pulorum iuxta numerum angelorum dei. Et de numero eorum multi mul-
ta scripsere: Verum recentiores theologi secuti magistrum sententiarũ, Au
gustinum & Gregorium, facile se absoluunt, dicentes, quòd bonorum ange
lorum numerus omnem humanum captum transcendit, quibus contra re-
spondent innumeri spiritus immundi, tot existentes in mundo inferiori,
quot mundi spiritus sunt in mundo superiori, ut adserunt aliqui theologi,
se ab oraculis accepisse: sub his ponunt genus dæmonum subterraneum si-
ue tenebrosum, quos uocãt Platonici desertores angelos, scelerum & impie-
tatis ultores, iuxta iustitiæ diuinæ sanctionem: uocantq; malos dæmones &
spiritus nequam: quia etiam ultrò plerunq; lædunt atq; nocẽt: horum etiam
plures computant legiones, ipsos simili modo iuxta stellarum ac elemento
rum nomina ac mundi partes distinguentes, ponuntq; ipsis reges, & princi

pes,& præſidentes,& eorundem nomina. Ex his præſunt cæteris quatuor reges nocentiſſimi,iuxta quatuor mundi partes:ſub his alii plures dominãtur principes legionum, multi quoq; priuatorum officiorũ. Hinc Gorgones, ſtatenoctæ,furiæ. Hinc Cteſiphone,Alecto,Megera,Cerberus: De hoc dæmonum genere inquit Porphyrius:Locum incolũt terræ uicinum,imò intra ipſam terram. Nullum eſt malum quod perpetrare non audeant. Habẽt omnino uiolentum & male ſanum morem:ideoq; uehementes repentinaſque inſidias plurimum machinantur moliunturq;: ac dum agunt incurſiones,partim latere ſolent, partim uero inferre uiolentiam, omnibusq; rebus inique diſcorditerq; factis,admodum delectantur.

De eiſdem iuxta theologorum ſententias. Caput XVII.

Angelorum diſtinctio triplex.

THeologi uero noſtri cum Dionyſio ſimiliter ponunt triplices angelorum diſtinctiones:harum quamlibet in tres diuidũt ordines,ut uidelicet ſint tres diſtinctiões,nouem ordines:has uocant hierarchias,illos appellant choros:quos & Proclus nouenario numero diſtinguit. Ponunt itaq; in ſuperiori hierarchia Seraphim, Cherubim, Thronos,tanquam ſupercœleſtes dæmones,diuinæ prouidẽtię ordinem contemplantes:primi,in dei bonitate:ſecundi, in eſſentia dei tanquam forma:tertii,in ſapientia. In media hierarchia ponunt Dominatiões, Virtutes & Poteſtates,tanquam mundanos dæmones, ad mundi gubernationem concurrentes:horum primi præcipiunt, quod reliqui exequuntur: ſecundi adminiſtrant cœlos,nonnunquã ad miracula facienda conſpirant: tertii arcent quæ diuinam legem perturbare poſſe uidentur. In inferiore autem hierarchia ponunt principatus,archangelos & angelos, quos etiã Iamblichus numerat:hi tanquam dæmones miniſtri,ad inferiora curanda deſcẽdunt:horum primi curant publica, principes & magiſtratus, prouincias & regna,ſinguli ſingula. Vnde legitur in Daniele: Princeps autem regni Perſarum reſtitit mihi uiginti uno diebus,& Ieſus filius Sirach teſtatur unicuiq; genti præpoſitum eſſe rectorem angelum: quod etiã indicare uidetur Moſes Deuteronomii cantico inquiens:Cum diuideret excelſus gentes,ſtatuit eorum terminos ſecundum numerum angelorum dei.Secundi ſacris interſunt, diuinum cultum circa ſingulos homines dirigũt, precesq; hominum & ſacrificia coram diis offerunt: Tertii minora quæq; diſponunt, ac ſinguli ſingulis cuſtodes adſunt.Suntq; ex ipſis etiam qui minutiſſimis herbis & lapillis,& omnibus inferioribus uirtutem ſubminiſtrãt,quibus multa cũ deo, multa cum hominibus ſunt communia,ſuntq; mediantes miniſtri. Verum

Athanaſii de angelis opinio.

Athanaſius præter Thronos,Cherubinos,Seraphinos deo proximos,illũq; indeſinentibus hymnis,& irrequieta laude magnificantes,& pro noſtra ſalute orantes, ſeptem alios nuncupat ordines: quos communi uocabulo uocat militiam cœli. Horum Primus eſt ordo Doctrinalis, ex quo fuit ille qui locutus eſt Danieli inquiens: Veni ut docerem te quæ uentura ſunt populo

tuo in nouiſſimis diebus. Deinde eſt ordo tutelaris, de quo etiam in Daniele legitur: Ecce Michaël unus de Principibus uenit in adiutoriũ meum. & ibidem: In tempore illo conſurget Michaël Princeps magnus, qui ſtat pro filiis populi tui: eius ordinis fuit etiam Raphaël ille qui duxit & reduxit Tobiam Iuniorem. Poſt hunc eſt ordo Procuratorius, cuius mẽtio eſt in libro Iob, ubi legitur: ſi fuerit pro eo angelus loquẽs, deprecabit̃ dominum, & placabilis ei erit: & de eiſdem exponitur etiam quod ſcriptum eſt Eccleſiaſtici decimo ſexto capite circa finem: In iudicio dei opera ipſius ab initio, & ab inſtitutione hominum ipſarum diſtinxit partes illorum, & initia eorum in gẽtibus ſuis: ornauit in æternum opera illorum, nec eſurierunt nec laborauerunt, & non deſtiterunt ab operibus ſuis, unuſquiſq; proximum ſuum nõ angustiabit uſq; in æternum. Sequitur ordo Miniſterialis, de quo Paulus ad Hebræos inquit: Nonne omnes ſunt adminiſtratorii ſpiritus, miſſi propter eos qui hæreditatem capiunt ſalutis? Poſt hos eſt ordo Auxiliaris, de quo apud Eſaiã legitur: Egreſſus eſt angelus domini, & percuſſit in caſtris Aſſyriorũ centũ octogintaquinq; milia. Hunc ſubſequitur ordo Animarum receptiuus, de quo legitur apud Lucam: Anima Lazari portata per angelos in ſinũ Abrahæ. & ibidem docemur, ut faciamus nobis amicos de mammona iniquitatis, qui nos recipiant in æterna tabernacula. Porrò eſt ordo Adſiſtentium, de quo legitur apud Zachariam: Iſti ſunt duo filii olei ſplendoris, qui adſiſtunt dominatori uniuerſæ terræ. Hebræorum autem theologi aliter hos ordines numerant nuncupantq;: nam ſupremo loco ſunt quos uocant הקדש היות id eſt, animalia ſanctitatis, ſiue uitas: per quos deus אהיה eſſendi munus largitur: ſuccedunt ſecundo loco Ophanim אופנים id eſt formæ, ſeu rotæ, per quos deus יהוה chaos diſtinguit: Tertio loco ſunt Aralim אראלים angeli magni fortes & robuſti, per quos tetragrammus elohim pronuntiatus, ſiue tetragrammus cum he coniuncto. היהוה formam fluxę materię miniſtrat: Quarto loco ſunt Haſmalim השמלים, per quos El אל deus, corporũ effingit effigies. Quintus eſt ordo Seraphim שרפים, per quos deus Elohim Gibor אלהים גיבר elemẽta depromit. Sextus Malachim מלאכים, id eſt angelorum, per quos deus Eloha אלוה metalla producit: Septimus Elohim אלהים id eſt dii, per quos deus tetragrammus Sabaoth יהוה צבאות producit uegetabilia: Octauus Bne elohim בני אלהים, id eſt filii deorum, per quos deus Elohim Sabaoth אלהים צבאות procreat animalia: Nonus & infimus Cherubim כרובים, per quos deus ſadai שדי genus hominum curat. Sub iſtis eſt ordo anamaſticus, dictus Iſſim אישים id eſt heroës, uiri fortes, & beati, per quos deus Adonai אדני prophetiam largitur.

Tutelaris ordo.

Procuratorius ordo.

Miniſterialis ordo.

Auxiliaris ordo.

Animarum receptiuus ordo.

Adſiſtentium ordo.

Hebræi angelorũ ordines quõ numerẽt

De ordinibus malorum dæmonum, eorundẽ q; caſu, & naturis uariis. Cap. XVIII.

Primus demonũ ordo.

VNt etiam ex theologorũ schola qui malos dæmones in nouẽ gradus distribuunt, ueluti ipsis nouem angelorum ordinibus aduersantes. Horum itaque primi sunt, qui pseudothei, hoc est falsi dii nuncupantur, qui dei nomen usurpantes, pro diis coli uolunt, sacrificia & adorationes expetunt, sicut dæmon ille qui ait ad Christum: Si cadẽs in terram adoraueris me, dabo tibi hæc omnia: ostendens illi omnia regna orbis terrarum, atque horum princeps est ille qui dixit: Ascendam super altitudinem nubium, & similis ero altissimo. qui ideo uocatur Beelzebub, hoc est, uetustus deus. Hos secundario sequuntur spiritus mẽdaciorum, cuiusmodi fuit ille, qui egressus est spiritus mendax in ore prophetarum Achab: & horum princeps est serpens ille Python, à quo Apollo Pythius dictus est, & mulier illa Pythonica apud Samuelem, & alia in euangeliis, quæ Pythonem habebat in uentre. Hoc ergo dæmonum genus sese oraculis immiscer, & diuinationibus & prædictionibus hominibus illudit, quo usque decipiat. Tertio ordine sunt uasa iniquitatis, quæ & uasa iræ dicuntur: hi sunt inuentores malorum, omniumq; malarum artium, qualis apud Platonem Theutus ille dæmon, qui ludos & aleam docuit: ex ipsis enim omne scelus, malitia & deformitas procedit, de quibus in Genesi in benedictionibus Symeon & Leui ait Iacob: Vasa iniquitatis in habitationibus eorum, in consilium eorum non ueniat anima mea: quos Psalmista uocat, uasa mortis, Esaias uocat uasa furoris, & Ieremias uocat uasa iræ, Ezechiel uasa interfectionis & interitus: & princeps eorum Belial, quòd interpretatur sine iugo siue inobediens, præuaricator, & apostata, de quo Paulus ait ad Corinthios: Quæ conuentio Christi ad Belial? Sequuntur quarto ultores scelerum & princeps eorum Asmodeus, uidelicet faciens iudicium. Post hos quinto ordine ueniunt præstigiatores, qui imitantur miracula, & inseruiunt Cacomagis & maleficis, & seducunt populum in miraculis suis, sicut serpens Euã seduxit: & princeps eorum Satan, de quo in Apocalypsi scriptum est, quòd seducit uniuersum orbem, faciens signa magna, & ignem de cœlo descendere in terram in conspectu hominum, seducens habitantes in terra, propter signa quæ data sunt illi facere. Sexto sese offerunt aëreæ potestates: hæ se miscent tonitruis, fulminibus & fulgori, corrumpentes aërem, pestilẽtias & alia mala inducentes: è quorum numero sunt, quos narrat Apocalypsis quatuor angelos, quibus datum'est nocere terræ & mari, tenentes quatuor uentos à quatuor angulis terræ: & princeps eorũ dictus Meririm: hic est dæmon meridianus, spiritus æstuans, & dæmon furens in meridie, quẽ Paulus ad Ephesios uocat principem potestatis aëris huius, & spiritum qui operatur in filios diffidentiæ. Septimam mansionem tenent furiæ, seminatrices malorum, & discordiarum, & bellorum, & uastationum: quorum princeps in Apocalypsi uocatus est Græce Apollion, Hebraice Abaddon, hoc est exterminãs & uastans. Octauo loco stant criminatores siue exploratores, quorum prin

Secundus.

Tertius.

Pſal. 7. Eſa. 13 Ieræ. 50

2. Cor. 6

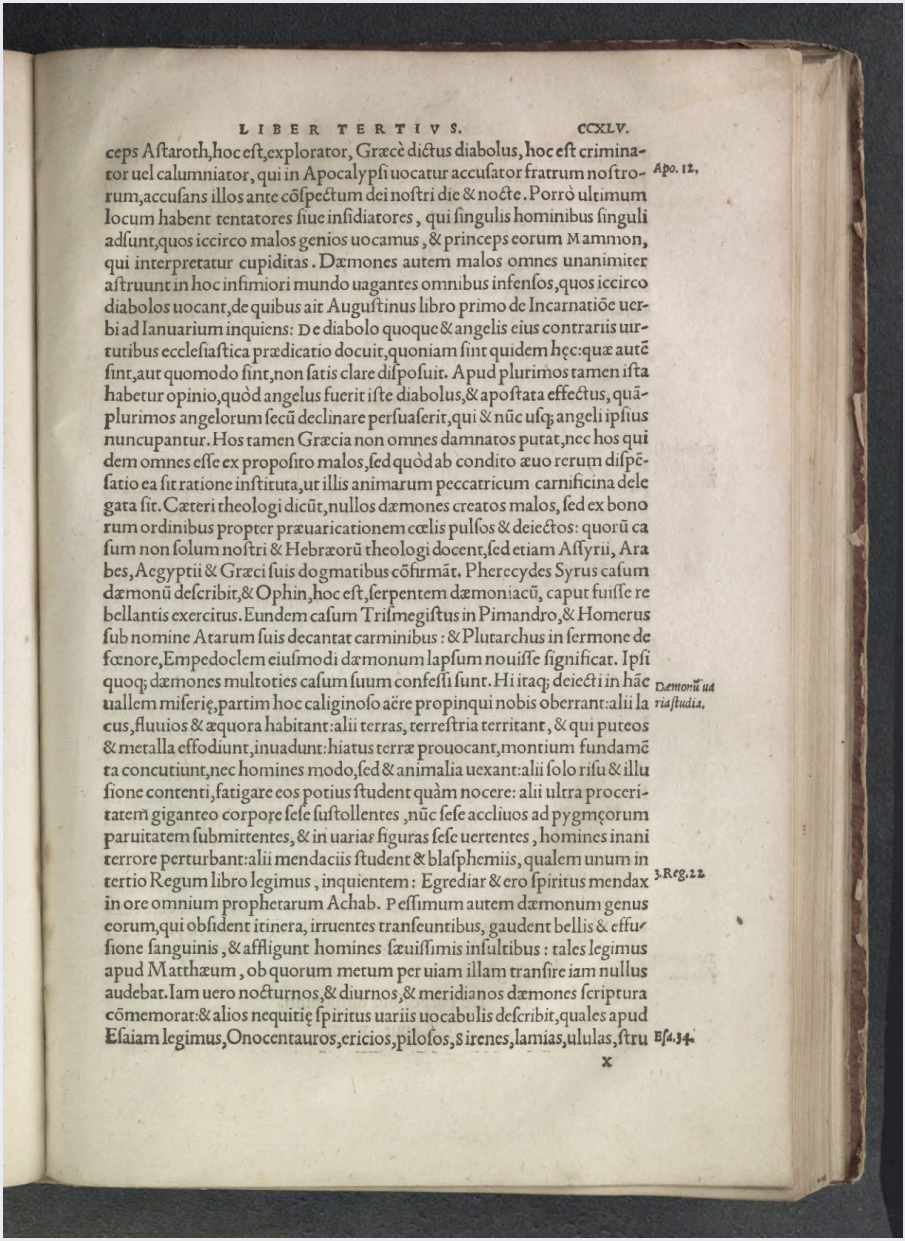
Quartus.

Quintus.

Sextus.

Septimus.

Octauus.

ceps Astaroth,hoc est,explorator, Græcè dictus diabolus, hoc est criminator uel calumniator, qui in Apocalypsi uocatur accusator fratrum nostrorum,accusans illos ante cōspectum dei nostri die & nocte. Porrò ultimum locum habent tentatores siue insidiatores, qui singulis hominibus singuli adsunt,quos iccirco malos genios uocamus, & princeps eorum Mammon, qui interpretatur cupiditas. Dæmones autem malos omnes unanimiter astruunt in hoc infimiori mundo uagantes omnibus infensos,quos iccirco diabolos uocant,de quibus ait Augustinus libro primo de Incarnatiōe uerbi ad Ianuarium inquiens: De diabolo quoque & angelis eius contrariis uirtutibus ecclesiastica prædicatio docuit,quoniam sint quidem hęc:quæ autē sint,aut quomodo sint,non satis clare disposuit. Apud plurimos tamen ista habetur opinio,quòd angelus fuerit iste diabolus,& apostata effectus, quāplurimos angelorum secū declinare persuaserit,qui & nūc usq; angeli ipsius nuncupantur. Hos tamen Græcia non omnes damnatos putat,nec hos quidem omnes esse ex proposito malos,sed quòd ab condito æuo rerum dispēsatio ea sit ratione instituta,ut illis animarum peccatricum carnificina delegata sit. Cæteri theologi dicūt,nullos dæmones creatos malos, sed ex bonorum ordinibus propter præuaricationem cœlis pulsos & deiectos: quorū casum non solum nostri & Hebræorū theologi docent,sed etiam Assyrii, Arabes, Aegyptii & Græci suis dogmatibus cōfirmāt. Pherecydes Syrus casum dæmonū describit,& Ophin,hoc est,serpentem dæmoniacū, caput fuisse rebellantis exercitus. Eundem casum Trismegistus in Pimandro,& Homerus sub nomine Atarum suis decantat carminibus: & Plutarchus in sermone de fœnore,Empedoclem eiusmodi dæmonum lapsum nouisse significat. Ipsi quoq; dæmones multoties casum suum confessi sunt. Hi itaq; deiecti in hāc uallem miserię,partim hoc caliginoso aëre propinqui nobis oberrant:alii lacus,fluuios & æquora habitant:alii terras, terrestria territant, & qui puteos & metalla effodiunt,inuadunt:hiatus terræ prouocant,montium fundamēta concutiunt,nec homines modo,sed & animalia uexant:alii solo risu & illusione contenti,fatigare eos potius studentquàm nocere: alii ultra proceritatem giganteo corpore sese sustollentes ,nūc sese accliuos ad pygmçorum paruitatem submittentes, & in uarias figuras sese uertentes , homines inani terrore perturbant:alii mendaciis studentes & blasphemiis, qualem unum in tertio Regum libro legimus , inquientem: Egrediar & ero spiritus mendax in ore omnium prophetarum Achab. Pessimum autem dæmonum genus eorum,qui obsident itinera, irruentes transeuntibus, gaudent bellis & effusione sanguinis ,& affligunt homines sæuissimis insultibus : tales legimus apud Matthæum , ob quorum metum per uiam illam transire iam nullus audebat. Iam uero nocturnos,& diurnos,& meridianos dæmones scriptura cōmemorat:& alios nequitię spiritus uariis uocabulis describit,quales apud Esaiam legimus,Onocentauros,ericios,pilosos,sirenes,lamias,ululas,stru

Apo. 12.

Dæmonū uarię studia.

3.Reg.22.

Esa.34.

thiones:& in Pſalmis,aſpides, baſiliſcos,leones,dracones:& in euãgelio ſcorpius legitur & mammona,& princeps huius mũdi, & rectores tenebrarum, quorum omnium princeps Beelzebub, quem ſcriptura prauitatis principem appellat. Porphyrius illorum principem eſſe Serapin ait, qui & Pluto à Græcis nominatur:tum & præeſt illis Cerberus, triceps ille canis, ſcilicet quia in tribus elementis,aëre, aqua,terra uerſatur, pernicioſiſſimus dæmon: unde etiam quæ in illis tribus elementis plurimum poteſt Proſerpina,illorum princeps eſt, quod & ipſa de ſe teſtatur in reſponſis his uerſibus:

Naturæ triplicis ego ſum Lucina puella,
Taurea,itemq; triceps,miſſa è cœlo aurea Phœbe,
Quam multæ uariant formæq;,trinaq; ſigna,
Quæ terna & ſimulacra fero, terræ,aëris,ignis:
Quippe meis atris terrarum eſt cura moloſſis.

Originis placitum de dæmonibus.

Origenis placitum de dæmonibus eſt: Dæmones qui proprio arbitrio cum principe ſuo diabolo ab dei miniſterio receſſerunt, ſi paululum reſipiſcere cœperint, humana carne circundari, ut hac deinceps pœnitentia, poſt reſurrectionem eodem curriculo quo in carnem uenerunt,ad dei uiſionem poſtliminio redeant,liberati tunc etiamnum æthereis & aëreis corporibus:tunc que genua deo curuanda omnia,cœleſtium,terreſtrium & infernorum,ut ſit deus omnia in omnibus. Quin & Diuus Ireneus probat Iuſtini martyris ſententiam,qui dixerit:Satanam nuſquã auſum dicere blaſphemiam aduerſus deum, priuſquàm aduenifſet in terras dominus,eo quod nõ dum cognoſceret damnationem ſuam. Eſſe autem pleroſq; ex lapſis dæmonibus qui futuram ſuam ſalutem ſperent, pleriq; opinantur ex Pauli eremitæ hiſtoria,ab Hieronymo conſcripta,& per eccleſiam canonicis horis uenerata:atq; ex Brandani legenda, ita edocti, illorumq; preces exaudiendas uel hoc argumento adſerunt, quòd in euangeliis legitur,Chriſtum exaudiſſe preces dæmonum, ac conceſſiſſe illis quòd ingreſſi ſint gregem porcorum. Adſtipulatur iſtis etiam pſalmus ſeptuageſimus primus ſecundum noſtrã ſupputationem,ſecundum ſupputationem autem Hebræorum ſeptuageſimus ſecundus, ubi nos legimus coram illo procident Aethiopes, & inimici eius terram lingent:ibi iuxta Hebraicam ueritatem legitur: Coram ipſo flectent genua inhabitantes ſolitudinem,hoc eſt aërei ſpiritus eum adorabũt, ut Cabaliſtæ adſerũt: & inimici eius puluerem lingent:quod de Zazele atq; eius exercitu exponunt, de quo in Geneſi legitur: Terram comedes cũctis diebus uitæ tuæ. & alibi dicit propheta: Quia puluis terræ panis eius.

Dæmones an ſaluandi.

Hinc Cabaliſtæ etiam dæmones nonnullos ſaluandos putant, quod etiam ſenſiſſe conſtat Originem.

De corporibus dæmonum.
Caput XIX.

DE corporibus dæmonum magna est recentiorum theologorũ cum philosophis dissentio: nam Thomas adfirmat angelos omnes esse incorporeos, similiter & malos dæmones: adsumere tamen quãdoq; corpora, quibus mox exuãtur: & Dionysius in diuinis nominibus angelos esse incorporeos constanter adfirmat. Augustinus tamen super Genesim sic prodit: Dæmones aërea atq; ignea dicuntur animalia: quia corporum aëreorum natura uigent, nec per mortem dissoluuntur, quoniam præualet in eis elementum ad agendũ aptius quàm ad patiendum. Idem astruere uidetur, angelos omnes ab initio creationis suæ corpora habuisse aërea, ex puriore superioreq; aëris parte formata, ad agẽdum idonea, non ad patiendum: eaq; post confirmationem bonis angelis conseruata, malis autem in lapsu demutata fuisse in aëris crassioris qualitatem, ut etiam igne possint torqueri. Quin & Magnus Basilius, non dæmonibus modo, sed & puris etiam angelis corpora tribuit, ueluti spiritus quosdam tenues & aëreos atque puros. Cõsentit his etiam Gregorius Nazianzenus. Apuleius non omnes dæmones putat habere corpora: siquidẽ in libro de dæmone Socratis, Genus aliud augustius (ait) dæmonũ, qui semper à corporeis cõpedibus & nexibus liberi, procurantur certis precatibus. Verũ Psellus Platonicus & Christianus, dæmonum naturam non putat esse sine corpore: nõ idem tamen angelicum & dæmonicum corpus, nã illud omnis expers materiæ: Dæmonicum uero quodammodo materiale sicut umbrarum corpora, & subiectum passioni, ut etiam percussum doleat, & igne exuratur in conspicuas cineres, quod in Tuscia aliquando factum memoriæ proditur. Et licet spiritale corpus sit, maxime tamen sensibile est, & tactum patitur: & licet resectũ, coit rursum recreatq;, sicut aër & aqua, interim tamen maxime dolet: hinc timẽt aciẽ fieri, & tela, & enses. Hinc apud Vergiliũ Sibylla ait Aeneæ:

Tuq; inuade uiam, uaginaq; eripere ferrum.

super quo dicit Seruius, uoluisse Aeneam habere ensem consecratum. Genera dæmonicorum corporum Orpheus quoq; describit. Est quidem corpus unum quod igne tantum constat, sed uisum non patitur, quos igneos & cœlestes dæmones Orpheus uocat: alterum ignis aërisq; mixtione contemperatum, unde ætherei & aërei nuncupantur: cui si aqueum quiddam accesserit, tertium genus consurgit, unde dicuntur aquei, qui quandoq; uisu percipiuntur: quibus si aliquid terreum addatur, sed non ita crassum, terreni dæmones nũcupantur, eosq; iam magis conspicuos, nostrisq; sensibus occurrentes. Corpora autem sublimiorum dæmonum angelorum, ex purissimo æthereo elemento coalita sunt, nemini hominum temere uisibilia, nisi diuinitus speciem suam offerant: filis adeo texta sunt splẽdidis & usq; adeò tenuibus, ut radios omnes nostri uisus raritate transmittant, & splẽdore reuerberent, & subtilitate frustrentur, de quibus Chalcidius ait: Aetherei aëreiq; dæmones, quia corpora eorũ neq; tantũ ignis habent ut sint perspicua, neq; tã-

Varia dæmonicorũ corporũ genera

tum terræ,ut ſoliditas eoꝝ tactui renitatur, totaq; eoꝝ compago ex ætheris ſerenitate & aëris liquore connexa,indiſſolubilē coagmentauit ſuperficiem Reliqui dæmones neq; ita probabiles, neque ita incommodi,nec inuiſibiles ſemper,interdum conſpicui,in diuerſas conuertūtur figuras,exanguiū quoque ſimulachroꝝ umbraticas formas induūt, obeſi corporis illuuiem trahētes:habentq; nimiam cum ſylua(quā malignā animā ueteres uocabant)cōmunionem,atq; ex uicinia terræ & aquæ,etiā terrenis uoluptatibus ac libidine tanguntur:cuius generis ſunt lamiæ,& incubi,& ſuccubi, è quoꝝ numero fuiſſe Meluſinam forte non abſurda eſt coniectio:nullus tamē(quod Marcus arbitratur)dæmonū,alius mas cenſendus,alius fœmina:cū hoc ſexuum diſcrimen ad cōpoſita pertineat,dæmonū uero corpora ſimplicia ſint: neq; tamen unumquodq; dæmonū genus omnes figuras pro libito perficere poteſt,ſed igneis & aëreis facilis ea ſuppetit facultas, ſele in omne id deformare,quod illoꝝ concipit imaginatio:ſubterranei aūt tenebroſi dęmones,quia eoꝝ phātaſticū craſſi & inagilis corporis anguſtiis cēcluditur, eā nequit effi cere diuerſitatē figurarū quam cæteri. Aquei aūt & q humidā ſupficiē terrę habitant,ex elementi mollitie mulieres plurimū adſimulant,ex quo genere ſunt Naiades,Dryades:q uero inaquoſa & arida incolūt,corporibus aridioribꝰ ſeſe mares exhibēt, aut Satyros,aut Onoſcelos aſininis cruribꝰ,Faunos, Syluanos & incubos,de q bus Auguſt. multos tradit experiētia magiſtra didiciſſe,illos ſæpe improbos extitiſſe mulieribꝰ,earūq; appetiſſe & pegiſſe cōcubitū:& quoſdā dæmones,quos Galli Duſios nūcupāt,hāc aſſidue tētare libidinem.

In dæmonibus nullus ſexus.

De infeſtatione malorum dæmonum, & cuſtodia nobis adhibita bonorum dæmonum. Caput XX.

IST theologorū cōmunis ſententia, dæmones malos omnes eius eſſe naturæ,ut deos pariter oderint & homines: iccirco diuina prouidentia dæmones nobis puriores præfecit propinquos,quibus nos tanquā paſtoribus ſeu rectoribus commēdauit,ut nos quotidie adiuuēt,dæmonesq; malos arceant,cōpeſcant & religēt, ne noceant nobis quantū uellēt,quemadmodū legitur in Thobia, Quod apprehēdit Raphaël dæmoniū noīe Aſmodeus,& relegauit ipſum in deſerto ſuperioris Aegypti. De his ait Heſiodus: Ter decē mille ſunt ſuper terra uiuentes paſcente immortales Iouis cuſtodes mortaliū hoīm, q utiq; obſeruēt iuſtitias & miſerāda facta,aërē induti,ubiq; eūtes ſuper terrā:nullus enim principū,nullus magnatū incolumis perſiſteret,non ulla mulier incorrupta remaneret,nullus hoīm in hac ignorātię ualle ad conſtitutū ſibi à deo finē peruēniret,ſi boni dæmones nobis pro cuſtodia non adſiſterent: uel ſi mali dæmones malis hominū uolūtatibus ſatisfacere permitterētur. Sicut igit ex bonis dæmonibus unicuiq; proprius deputatus eſt cuſtos, corroborans ſpiritū hoīs ad bonū:ita ex malis aliq; demittit hoſtis,pſidens carni & pruritui eius, pugnatq; pro nobis bonus cuſtos pro ſpiritu,aduerſus hoſtem atq; carnem:

homo autem inter hos concertantes medius, & relictus in manu cõsilii sui, cui uult uictoriam præstat: non possumus ergo angelos accusare, si gentes illis creditas ad ueri dei cognitionem, ad ueram pietatem & religionẽ non deducant, & in errores & peruersum cultum labi sinant: sed illis imputandum est, qui sponte sua à recto calle declinarunt, adhærentes spiritibus erroris, uictoriam dantes diabolo, in manu enim hominis est cui uelit adhærere, & quem uelit uincere, à quo si semel superatus hostis dæmon est, eius seruus effectus est, uictusq; alium ultra impugnare nequit, uelut uespa amisso aculeo: cui sentẽtiæ adstipulatur etiã Origenes in libro Periarchon concludẽs, quòd sancti repugnantes aduersus malos dæmones & uincentes, eorum minuunt exercitum, ne ultra fas sit illi qui ab aliquo superatus est, alterum deinceps molestare. Sicut igitur unicuique homini datus est spiritus bonus, ita etiam datus est spiritus diabolicus malus, quorum uterq; unionem quærit cum spiritu nostro, & illum ad se trahere nititur, & illi commisceri, ceu uinũ cum aqua: bonus quidẽ per bona opera ipsi conformia, nos in angelos uniendo transmutat, sicut de Ioãne Baptista scriptũ est in Malachia: Ecce ego mitto angelum meum ante faciem tuam. de qua transmutatione & unione, alibi scriptum est, qui adhæret deo, unus spiritus efficitur cum eo. Malus etiam dæmon per mala opera nos sibi conformes & unitos reddere studet, sicut de Iuda ait Christus: Nonne ego uos elegi duodecim, & unus ex uobis diabolus est? & hoc est quod ait Hermes, quando dæmon in humanã influit animam, semina propriæ notionis inspergit, unde anima talis, seminibus consperſa, furore prẽgnans, parit inde mirabilia, & qualiacunq; dæmonum sunt officia: bonus enim dæmon quando in sanctam influit animam, extollit eam ad sapientiæ lumen: malus uero dæmon, in prauam transfusus animam, incitat eam in furta, in homicidia, in libidines, & quæcunq; malorum dæmonum sunt officia. Boni dæmones (ut inquit Iamblichus) animas perfectissime purgant, exhibent insuper alii nobis alia, ipsi præsentes dant corpori sanitatem, uirtutem animo, menti securitatem, quod in nobis est lætiferum delent, calorem fouent, efficaciorem q; reddunt ad uitam, & harmonia intelligibili mẽti lumen semper infundunt. An autem multi sint hominis custodes, uel unus solus, inter se contendunt theologi, nos plures putamus, dicẽte propheta. Angelis suis mandauit de te, ut custodiant te in omnibus uiis tuis: quod teste Hieronymo, non solum in Christo, sed in quocunq; homine locum habet. Omnes itaq; homines diuersorũ spirituum ministerio reguntur, ducunturq; ad quẽcunque gradum uirtutũ, meritorum, & dignitatis, qui se illis dignos præstiterint: qui uero indignos, hi à malis dæmonibus, simulatque à bonis spiritibus, deponuntur & detruduntur usque ad extremum miseriæ gradum, prout eorum exquirunt mala merita: quicunque autem sublimioribus angelis attributi sunt, hi aliis etiam hominibus præferuntur: nam angeli eorum curam habentes illos euehunt, aliosq; illis sub-

Gentiũ malitia angelis nõ imputanda.

Malac. 3

Iohan. 6

Psal. 90

iiciunt ui quadam occulta, quam & ſi neuter illorum percipit, ſentit tamen ſubditus, iugum quoddam præſidentię, à quo facile ſe abſoluere nequit, imò timet & reueretur uim illam, quam ſuperioribus, ſuperiores angeli influũt, & terrore quodam inferiores in præſidentiæ timorem inducunt. Hoc ſenſiſſe uidetur Homerus ubi ait, Muſas Ioue genitas, regibus Ioue genitis indiuulſas ſemper comites aſſiſtere, perq; illas fieri eos uenerabiles & Auguſtos. Sic legimus M. Antonium olim cum Octauiano Auguſto ſingulari amicitia iunctum, ſæpe unà ludere ſolitos: Verum cum ſemper Auguſtus uictor abiret, magum quendam M. Antonium in hanc ſententiam ſubmonuiſſe: Quid tibi ô Antoni cum adoleſcente iſto. Fuge illum & uita: nam & ſi tu natu grandior, & peritia rerum præſtantior es, etiam genere illuſtrior, & pluribus imperator bella multa exantlaſti, tamen huius adoleſcentis genium genius reformidat tuus, & tua fortuna illius fortunæ ſubblãditur: ni procul fugeris, tota ad illum defectura uidetur. Nonne princeps homo eſt cæteris hominibus ſimilis: quomodo eũ timerent & reuererentur cæteri homines, niſi terror diuinus eum ueheret, & cæteris timorem incutiens eos deprimeret, ut ipſum tanquam principem reuereantur: quare nitendum nobis eſt, ut expurgati recte agendo, ſublimia q; ſequẽdo, etiam tempora & loca opportuna eligendo, ſublimiorum potentiorumq; angelorũ gradu cõmittamur, qui de nobis curam gerentes, aliis merito præferamur.

Auguſti genius, M. Antonij genio præſtantior

De obſequendo proprio genio, eiusque natura indaganda. Caput XXI.

Sic unaquæque regio in cœleſtibus certam ſtellam cœleſtemq; imaginem obtinet, ſibi præ cæteris influentem: ita etiam in ſupercœleſtibus certam nanciſcitur intelligentiam, præſidentẽ atque tuentem, cum ſui ordinis infinitis aliis miniſtris ſpiritibus ſiue dæmonibus, qui omnes communi uocabulo dicti ſunt filii Elohim ſabaoth בני אלהים צבאות, hoc eſt, filii dei exercituum. Hinc quoties bellum, aut ſtragem, aut regni alicuius deſolationem populiq; ſubactionem delibe rat altiſſimus in iſtis inferioribus, tunc non ſecus atq; hæc in terris uentura ſunt, præcedit conflictus ſpirituum illorum in ſuperis, ſicut ſcriptum eſt in Eſaia: Viſitabit dominus exercituũ ſuper exercitum excelſi in excelſo, & ſuper reges terræ in terra, de quo ſpirituum ac præſidum cõflictu, etiã apud Danielem legimus, uidelicet de principe regni Perſarum, de principe Græcorum, de principe populi Iſraël, eorundemq; adinuicem conflictu. De quo etiam quondam ſenſiſſe uidetur Homerus, ubi cecinit:

Daniẽ. 10.

Tantus cœleſti rumor percrebuit aula,
Cum ſæua alterni ruerent in prælia diui:
Neptunum contra bellabat Phœbus Apollo.
Aduerſus Martem certabat Pallas Athene.
Iunoni obſtiterat bello pharetrata Diana.

Latonam telis uolucer Cyllenius urget.

Veruntamen cum in ſingulis regionibus ſint omnis generis ſpiritus atque dæmones, illi tamen præ cæteris ibi potentiores ſunt, qui eiuſdem ordinis ſunt cum præſide illius regionis. Sic in ſolari regione præ cæteris uigent ſpiritus ſolares: in lunari lunares, & ita de reliquis: atque ex hoc prouenit atque conſequimur, ut nobis loca & prouincias mutantibus, uarii ſeſe offerant ſequantur que rerum & negotiorum noſtrorum euentus, alibi & alibi fortunatiores, ubi uidelicet dæmon genius noſter maiorem ſortitus fuerit potentiam, aut nos eiuſdem ordinis potentiorem ibi adepti fuerimus dæmonem. Sic ſolares homines, ſi in ſolarem commigrarint regionem ſiue prouinciam, longe ibi fortunatiores reddentur: quia potentiores commodiores que ibi ſuos habituri ſunt duces ſiue genios, quorum præſtanti ibidem præſidio, omnia ſua ſæpe etiã præter opinionem & ſuarũ uiriũ menſum ad felices exitus perducuntur. Hinc eſt, quod loci, & regionis, & temporis electio, ubi quis ſe ad ſui genii naturam & inſtinctum, exercitet, habitet & frequenter, ad uitæ felicitatem plurimum conducat. Conducit etiam nonnun quàm nominis mutatio: nam cum proprietates nominum ipſarum rerum indices ſunt, tanquam de ſpeculo declarantes ſuarum formarum conditiones: inde fit, ut mutatis nominibus, ſæpe res mutari contingat. Hinc ſcriptura ſacra non ſine cauſa introducit deum, dum benedicturus eſſet Abramo & Iacob, eorum nomina immutaſſe, & uocaſſe hunc Abrahamum, illum Iſraëlem. Naturam autem genii uniuſcuiuſque hominis antiqui ſapiẽtes ex ſyderibus & influxu eorum, eorundem que aſpectibus, qui in Geneſi cuiuſque uerſantur, cognoſcere docent: ſed tam diuerſis & diſſidentibus inter ſe inſtitutis, ut difficilimum ſit hæc cœlorum ſacramenta è manibus eorum poſſe eripere. Nam Porphyrius ex ſtella genituræ domina, genium quærit: Maternus uero, uel inde, uel ex planetis, qui plures ibi habent dignitates: uel ex eo cuius domicilium ingreſſura eſt luna poſt illud, quod naſcente homine detinet. Chaldæi autem non niſi aut à ſole, aut à luna genium inquirunt. Alii autem & Hebræorum multi, ex aliquo cœlorum cardine, aut omnibus illis, hunc exquirendum cenſent. Alii bonum genium ab undecima domo, quam iccirco bonum dæmonem uocant: malum autem geniũ à ſexta, quam malum dæmonem appellant, requirunt. Horum itaque cum laborioſa & occultiſſima ſit inquiſitio, multo facilius ex nobis ipſis genii noſtri naturam perquiremus, attendentes ad ea, quæ à primæua ætate nullis contagiis diſtracta, aut ea quæ expurgata mente ab inanibus curis & ſiniſtris affectibus, amotis que impedimentis ſuggerit animus, dictat naturæ inſtinctus, cœlum que inclinat. Hæc proculdubio genii ſua delæ ſunt, qui unicuique datus eſt à principio ſuæ natiuitatis, eò nos ducens & perſuadens, quò nos illius ſydus inclinat.

Genius ad loci mutationẽ mutatur.

Nominis mutatio nõnunquam conducit.

Genij natura unde dinoſci poſſit.

Triplicem unicuiusque hominis custodem esse,& à quibus singuli procedant. Caput XXII.

Sacer dæmō

RIplex unicuique homini dæmon bonus est proprius custos, unus quidem sacer, alter genituræ,tertius professiōis. Dæmon quidem sacer,hic iuxta Aegyptiorum doctrinam, nō ab astris neq; à planetis, sed à superna causa,ab ipso dæmonum præside deo,descendenti animæ rationali adsignatur,uniuersalis,supra naturā. Hic uitam animæ dirigit, cogitationesq; bonas menti semper exhibet, assidue agens in nobis illuminando,quāuis non semper animaduertimus, sed quando purgati sumus, atque tranquille uiuimus, tunc à nobis percipitur, tunc quasi nobiscum loquitur,suamq; nobis communicat uocem, antea silentio præsens,studetq; assidue ad sacram nos adducere perfectionē. Huius quoque dæmonis auxilio, possumus malignitatem fati deuitare: qui si religiose colatur à nobis probitate ac sanctitudine,quod Socratem fecisse scimus, putant Platonici, mire nos ab eo iuuari, tum somniis,tum signis,mala auertēdo,bona anxius sospitando: quare concinentes Pytagorici, Iouem precari consueuerunt,ut uel ipse à malis abduceret,uel à quo dæmonū id possit præstari monstraret. Dæmon autem genituræ,qui & genius dicitur,hic à mūdi

Genituræ dæmon, genius.

dispositione syderumq; circuitibus qui in generatione uersantur descēdit. hunc sunt qui opinantur animam iamiam in corpus descensurā,ex dæmonum choro custodem sibi naturaliter secernere, nec tam eligere sibi hūc ducem,quàm uicissim etiam ab illo optari in tutelā. hic exequutor uitæ, atque custos,eam corpori cōciliat,& communicatam corpori curat, hominemq; ad hoc ipsum officium adiuuat,ad quod nascētem cœlestia deputarūt. Qui cunque igitur genium fortunatum acceperint, redduntur in eorum operibus uirtuosi,efficaces,fortes & prosperantes:quapropter à Philosophis bene fortunati,seu bene nati dicuntur. Dæmon uero professionis, hic datur à

Professionis dæmon.

syderibus quibus talis professio uel secta, quam homo aliquis professus fuerit subiicitur,quem anima quando iam in hoc corpore electione uti cœperit,atq; sibi mores induerit,latēter optat. Hic dæmon mutatur mutata professione,tum pro dignitate professionis,digniores ac etiam sublimiores adsunt nobis professionis dæmones,qui successiue curant hominem, qui aliū & alium sibi indies comparat professionis custodem,prout consecēdit de uirtute in uirtutem. Quando itaque professio cum natura nostra consentit,similis nobis atque cum genio concors adest professionis dæmon,uitaq; magis efficitur tranquilla,fœlix atq; prospera: quando uero professionē genio subimus dissimilem uel contrariam,uita nobis redditur laboriosa, & discordātibus patronis perturbata. Sic euenit ut proficiat aliquis in aliqua scientia, aut arte,aut ministerio, exiguo tēpore & labore, qui in aliis multo sudore & studio frustra laborat:& licet nulla scientia,nulla ars,nulla uirtus, sit contemnēda,tamen ut prospere uiuas,fœliciterq; agas,imprimis cognosce geniū

tuum bonũ,& naturã tuã,& quid tibi boni promittat diſpoſitio cœleſtis,atque horum omnium diſtributor deus,qui diſtribuit ſingulis ut uult:horum exordia ſequaris,hæc profitearis, in ea uirtute uerſare, ad quam te ſummus diſtributor eleuat atq; conducit,qui Abrahamum iuſtitia & clementia,Iſaac timore,Iacob robore,Moſen manſuetudine & miraculis, Ioſue bello, Phineen zelo,Dauidem religione & uictoria, Solomonem ſcientia & præconio, Petrum fide,Iohannem charitate,Iacobum deuotione, Thomam prudentia,Magdalenam cõtemplatione,Martham miniſterio excellere fecit. Itaque in qua uirtute facilius te proficere ſenties, ad eius apicem cõſcendere cures,ut in uno præſtes, qui in omnibus non potes: in cæteris tamen quantũ uales proficere ne contemnas:quòd ſi concordes habueris naturæ & profeſſionis cuſtodes,geminũ naturę & profeſſionis ſenties profectum & augmentũ:ſi uero diſpares fuerint,ſequere meliorem: nam melius aliquando fomentũ percipies egregiæ profeſſionis quàm natiuitatis.

De lingua angelorum,eorumq; cum inter ſe tum nobiſcum collocutionibus. Caput XXIIII.

DVbitare poſſemus, ſi angeli ſiue dæmones cum ſint puri ſpiritus,ſermone aliquo uocali aut lingua,cum inter ſe,tum ad nos utãtur,niſi Paulus alicubi diceret: Si linguis hominũ loquar & angelorũ: ſed quis ſit iſte eorũ ſermo,quæ lingua, adhuc apud multos in dubio uerſatur. Putant enim plerique, ſi aliquo idiomate utantur, ipſum eſſe Hebræũ,quia hoc omniũ fuit primũ, emanauitq; de cœlo, fuitq; ante exortã in Babylone confuſionẽ linguarum, in quo data eſt à deo patre lex,& à Chriſto filio prædicatum euangelium,& per ſpiritum ſanctum data in prophetis tot oracula:& cum omnes linguæ paſſę ſint & continuo patiãtur uarias immutationes & corruptiones, hæc ſola ſemper perſeuerat inuiolata. Præterea opinionis huius euidens ſignum eſt, quòd cum dæmones & intelligentiæ ſingulæ, ſingularum gentium cum quibus habitant ſermonem exerceant, ſcientibus tamen Hebræum ſermonem, nunquam in alio idiomate,ſed in illo ſolo loquuntur. Quomodo aũt angeli loquũtur,occultũ nobis eſt,ſicut & ipſi:nobis aũt ut loquamur,lingua neceſſaria eſt cũ cęteris inſtrumẽtis,quæ ſunt fauces,palatũ,labia,dẽtes,guttur,pulmo, ſpiritalis arteria,& pectorales lacerti, qui motionis eius ab anima principiũ obtinẽt. Verũ ſi quis procul alteri loquatur,uehemẽtiori clamore indiget:ſic propinquus in audientis aurẽ ſuſurrat:& ſi poſſet cũ audiẽte ſtrictiori ſpiritu copulari,nullo prorſus ſono ſermo eius indigeret:ſed ſine ſtrepitu audienti,uelut imago oculo aut ſpeculo,illaberetur. Sic animę à corpore egreſſę,ſic angeli, ſic dæmones loquũtur:& quod hõ facit ſenſibili uoce,ipſi faciunt imprimẽdo ſermonis cõceptũ,in his qbus loquũtur,meliori modo,q̃ ſi p audibilẽ uocẽ exprimeret. Sic dicũt Platonici Socratẽ ſuũ dęmonẽ ſenſu quidẽ pcepiſſe, ſed nõ corporis huius,ſed ſenſu ætherei corporis intra hoc delitęſcentis: qua

Angelorum ſermo quis.

Angelorum ſermo nobis occultus.

item ratione ab prophetis uideri audiriq; ſolitos angelos credit Auicenna: illudq; inſtrumẽtum, qualiſcunq; ea uirtus ſit, per quam innoteſcere facit ſpiritus alteri ſpiritum, aut homini, quæ in mente ebulliunt, ab apoſtolo Paulo angelorum lingua nuncupatur. Sæpiſſime tamen etiam ſenſibilem uocem emittunt, ut in aſcenſione domini clamantes, uiri Galilæi, quid ſtatis ſpectãtes in cœlũ? & in uetere lege cum multis patribus ſenſibili uoce loquuti ſunt: ſed hoc nõ niſi in adſumptis corporibus. Verũ quibus ſenſibus ipſi ſpiritus atq; dæmones noſtras inuocationes precesq; audiant, noſtrasq; uideant ceremonias penitus ignoramus. Eſt enim ſpiritale dęmonum corpus, magna parte ubiq; & undique ſenſile natura, ita quod abſq; medio tangit, uidet, audit, nihilq; illis impedimento eſſe poteſt: nec tamẽ ea ratione qua nos diſcretis organis ſentiunt, ſed forte ueluti ſpongiæ aquã, ſic toto corpore ſuo ſenſibilia quæq; hauriunt, aut alio modo nobis ignoto: neq; enim cuncta quæ uidemus animantia ſenſoriis eiſdem ſunt communita: nam & multa auribus carere nouimus, tamen ſonum ab his concipi ſcimus, ſed qua ratione, ignoramus.

Act. 1.

De nominibus ſpirituum, eorumq; uaria impoſitione, deq; ſpiritibus qui præſunt ſtellis, ſignis, cardinibus cœli, & elementis.

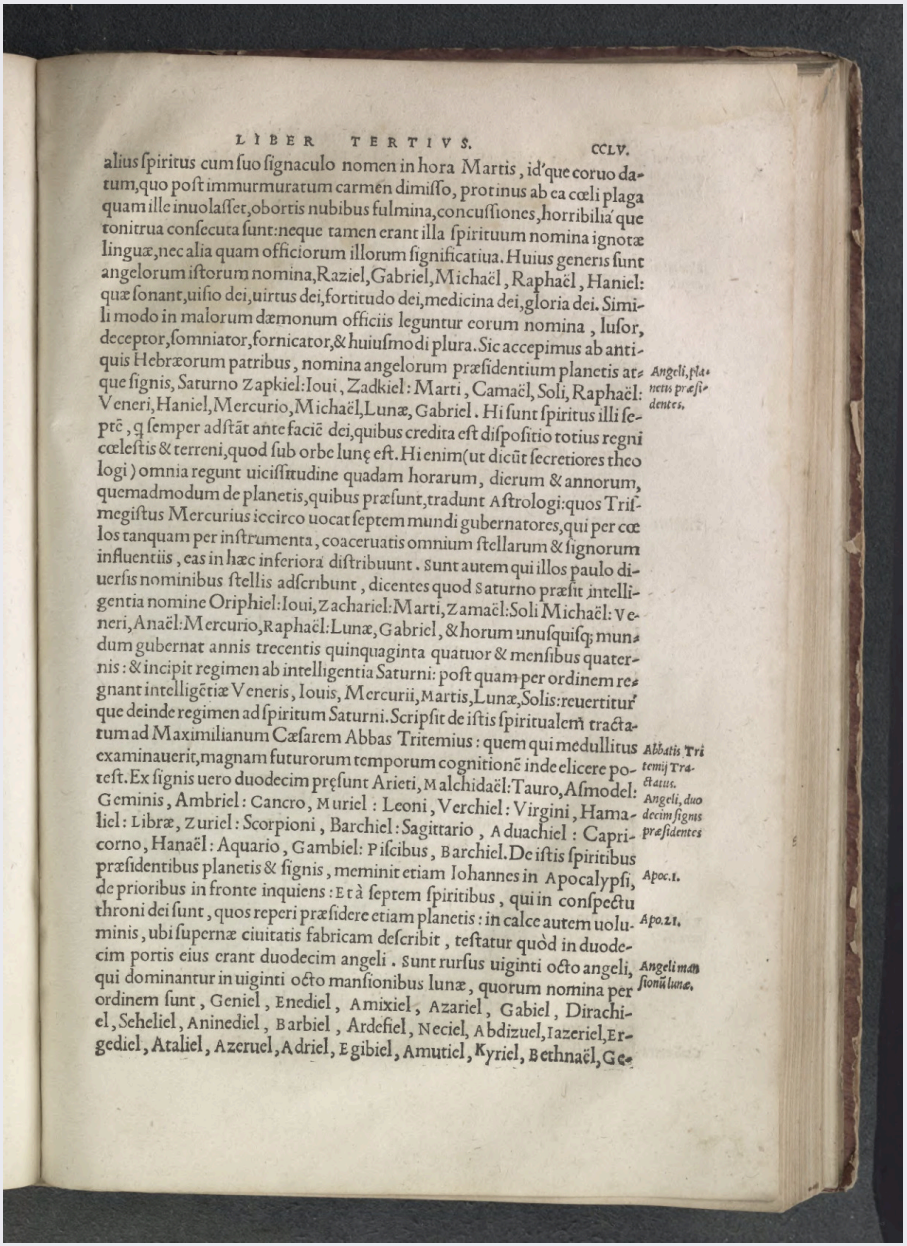
Caput XXIIII.

Pirituum tam bonorum quàm malorum multiplicia & diuerſa ſunt uocabula: eorum autem propria & uera nomina, quemadmodum aſtrorũ, ſoli deo nota ſunt, qui ſolus numerat multitudinem ſtellarum, & omnibus illis nomina uocat: quorũ nulla à nobis niſi diuina reuelatione cognoſci poſſunt, atq; admodũ pauca nobis in ſacris literis expreſſa ſunt. Verum Hebræorum magiſtri putant ſpiritibus ipſis ab Adamo nomina impoſita eſſe, iuxta illud quod ſcriptum eſt: Adduxit deus cuncta quæ fecerat ad Adam ut nominaret illa: & qũ ocunq; uocauit rem, hoc eſt nomen illius. Hinc putant Hebræorũ mecubales unà cum Magis, eſſe in poteſtate hominis, & ſpiritibus nomina imponere: ſed illius duntaxat, qui iam ad hanc uirtutẽ diuino quouis munere, aut ſacra poteſtate dignificatus & ſublimatus eſt: quia uero nequit ulla humana uoce cõponi nomen, quod diuinitatis naturam, omnimodamq; angelicæ eſſentiæ uirtutem exprimere poſſit, iccirco ab operibus nomina ſpiritibus plurimũ imponuntur, ſignificantia certum aliquod officium ſiue effectum, qualis à ſpirituum choro deſideratur: quæ nomina tunc non ſecus atq; oblationes & ſacrificia diis deuota, efficaciam uirtutemq; ſortiuntur, ad ſpiritualem aliquam ſubſtantiam deſiderati effectus operatricem de ſuperis & inferis educendam. Vidi ego & noui quendam inſcribentem in charta uirginea nomẽ & ſignaculum ſpiritus cuiuſdam in hora lunæ: quam cum dediſſet poſtea ad deuorandum ranæ fluuiali, & carmen quoddam obmurmuraſſet, remiſſa rana in aquã, mox pluuiæ & imbres oborti ſunt. Vidi per eundẽ inſcriptũ

Homo ſpiritibus nomina imponere poteſt.

Vnde ſpiritibus nomina imponantur.

LIBER TERTIVS. CCLV.

alius ſpiritus cum ſuo ſignaculo nomen in hora Martis, id'que coruo datum, quo poſt immurmuratum carmen dimiſſo, protinus ab ea cœli plaga quam ille inuolaſſet, obortis nubibus fulmina, concuſſiones, horribilia que tonitrua conſecuta ſunt: neque tamen erant illa ſpirituum nomina ignotæ linguæ, nec alia quam officiorum illorum ſignificatiua. Huius generis ſunt angelorum iſtorum nomina, Raziel, Gabriel, Michaël, Raphaël, Haniel: quæ ſonant, uiſio dei, uirtus dei, fortitudo dei, medicina dei, gloria dei. Simili modo in malorum dæmonum officiis leguntur eorum nomina, luſor, deceptor, ſomniator, fornicator, & huiuſmodi plura. Sic accepimus ab antiquis Hebræorum patribus, nomina angelorum præſidentium planetis atque ſignis, Saturno Zapkiel: Ioui, Zadkiel: Marti, Camaël, Soli, Raphaël: Veneri, Haniel, Mercurio, Michaël, Lunæ, Gabriel. Hi ſunt ſpiritus illi ſeptē, q ſemper adſtāt ante faciē dei, quibus credita eſt diſpoſitio totius regni cœleſtis & terreni, quod ſub orbe lunę eſt. Hi enim (ut dicūt ſecretiores theologi) omnia regunt uiciſſitudine quadam horarum, dierum & annorum, quemadmodum de planetis, quibus præſunt, tradunt Aſtrologi: quos Triſmegiſtus Mercurius iccirco uocat ſeptem mundi gubernatores, qui per cœlos tanquam per inſtrumenta, coaceruatis omnium ſtellarum & ſignorum influentiis, eas in hæc inferiora diſtribuunt. Sunt autem qui illos paulo diuerſis nominibus ſtellis adſcribunt, dicentes quod Saturno præſit intelligentia nomine Oriphiel: Ioui, Zachariel: Marti, Zamaël: Soli Michaël: Veneri, Anaël: Mercurio, Raphaël: Lunæ, Gabriel, & horum unuſquiſq; mundum gubernat annis trecentis quinquaginta quatuor & menſibus quaternis: & incipit regimen ab intelligentia Saturni: poſt quam per ordinem regnant intelligētiæ Veneris, Iouis, Mercurii, Martis, Lunæ, Solis: reuertitur que deinde regimen ad ſpiritum Saturni. Scripſit de iſtis ſpiritualem tractatum ad Maximilianum Cæſarem Abbas Tritemius: quem qui medullitus examinauerit, magnam futurorum temporum cognitionē inde elicere poteſt. Ex ſignis uero duodecim præſunt Arieti, Malchidaël: Tauro, Aſmodel: Geminis, Ambriel: Cancro, Muriel: Leoni, Verchiel: Virgini, Hamaliel: Libræ, Zuriel: Scorpioni, Barchiel: Sagittario, Aduachiel: Capricorno, Hanaël: Aquario, Gambiel: Piſcibus, Barchiel. De iſtis ſpiritibus præſidentibus planetis & ſignis, meminit etiam Iohannes in Apocalypſi, de prioribus in fronte inquiens: Et à ſeptem ſpiritibus, qui in conſpectu throni dei ſunt, quos reperi præſidere etiam planetis: in calce autem uoluminis, ubi ſupernæ ciuitatis fabricam deſcribit, teſtatur quòd in duodecim portis eius erant duodecim angeli. Sunt rurſus uiginti octo angeli, qui dominantur in uiginti octo manſionibus lunæ, quorum nomina per ordinem ſunt, Geniel, Enediel, Amixiel, Azariel, Gabiel, Dirachiel, Seheliel, Aninediel, Barbiel, Ardefiel, Neciel, Abdizuel, Iazeriel, Ergediel, Ataliel, Azeruel, Adriel, Egibiel, Amutiel, Kyriel, Bethnaël, Ge-

Angeli, planetis præſidentes.

Abbatis Tritemij Tractatus.

Angeli, duodecim ſignis præſidentes

Apoc. 1.

Apo. 21.

Angeli manſionū lunæ.

Ventorum quatuor, angeli totidē.

liel, Requiel, Abrinaël, Aziel, Tagriel, Alheniel, Amnixiel. Sunt etiā quatuor angelorum principes, qui præfecti sunt super quatuor uētos & super quatuor partes mundi, quorum Michaël præfectus est super uentum orientalem: Raphaël, super occidentalem: Gabriel, super borealem: Noriel, qui ab aliis Vriel dicitur, super australem. Adsignantur etiam elementis, aëri, Cherub: aquæ, Tharsis: terræ, Ariel: igni, Seruph, aut iuxta Philonem, Nathaniel. Quisq; autem horum spirituum grandis princeps est, & habēs potestatē multæ libertatis in dominio suorum planetarum & signorum, & in eorum temporibus, annis, mensibus, diebus & horis, & in suis elementis, & partibus mundi, & uentis: & unusquisq; illorum dominatur pluribus legionibus, eadem ratione, in malis spiritibus præsunt cæteris quatuor reges potētissimi, iuxta quatuor partes mundi, quorum nomina appellantur, Vrieus, rex orientis: Amaymon, rex meridiei: Paymon, rex occidentis: Egyn, rex septentrionis, quos Hebræorum doctores fortè rectius uocant Samaël, Azazel, Azael, Mahazaël: sub quibus plures alii dominantur principes legionum, & præsides: innumeri quoq; priuatorum officiorum dæmones. Quinetiam Græcorum uetusti Theologi sex dæmones numerant, quos Telchines uocant, alii Alastores appellant: qui hominibus malefici, stygis aquam manibus hauriētes, in terras spargūt: ex quo calamitates, pestes & fames cōsequuntur: Hiq; fuisse perhibentur Acteus, Megalesius, Ormenus, Lycus, Nicon, Mimon. Cæterum qui angelorum & etiam dæmonum malorum distincta nomina, officia, loca, tempora exacte noscere cupit, illa in rabi Symonis Templorū uolumine requirat, ac in eiusdem libro Luminū, atq; in tractatu de Magnitudine staturæ, & in tractatu Tēplorum rabi Ismaëlis, atq; in omnibus ferè commentariis libri Formationis de istis copiose scriptum inuenier.

Elementorū angeli.

Telchines

Quomodo Hebræorum mecubales sacra angelorum nomina è sacris scripturis eliciant, atq; de septuaginta duobus angelis qui ferunt nomen dei, cum tabulis Ziruph, & commutationum literarum & numerorum.

Caput XXV.

Vnt & alia tam bonorum quàm malorum spirituum ad singula officia deputata sacra nomina, prædictis illis multo ualidiora, quæ ex sacris scripturis secundum artem quam de istis tradunt Hebræorum mecubales extrahuntur, sicut etiam quædā nomina dei ex certis locis eliciuntur. Horum generalis regula est, quòd ubicunq; in sacris literis aliquid de diuina essentia exprimitur, ex eo loco diuinum nomen rite colligi potest: ubicunq; uero in sacris literis diuinum nomen expressum inuenitur, ibi ministerium quod illi nomini subiacet, perpē de. Vbicūq; ergo de spiritus alicuius boni uel mali ministerio uel opere scriptura loquitur, ex eo loco eiusdem spiritus nomen siue boni siue mali extrahi potest, hoc obseruato immobili canone, ut ex bonis bonorū, ex malis ma

Regula generalis.

Canō extra

lorum ſpirituũ accipiamus nomina: nec albo nigrũ, nec diem nocti, nec lucem tenebris cõfundamus: quod ex iſtis ueſiculis ueluti exemplo eluceſcit. Sint tanquàm puluis ante faciem uenti, & angelus domini propellens eos. Sint uiæ illorum tenebræ & lubricum, & angelus domini perſequens eos:

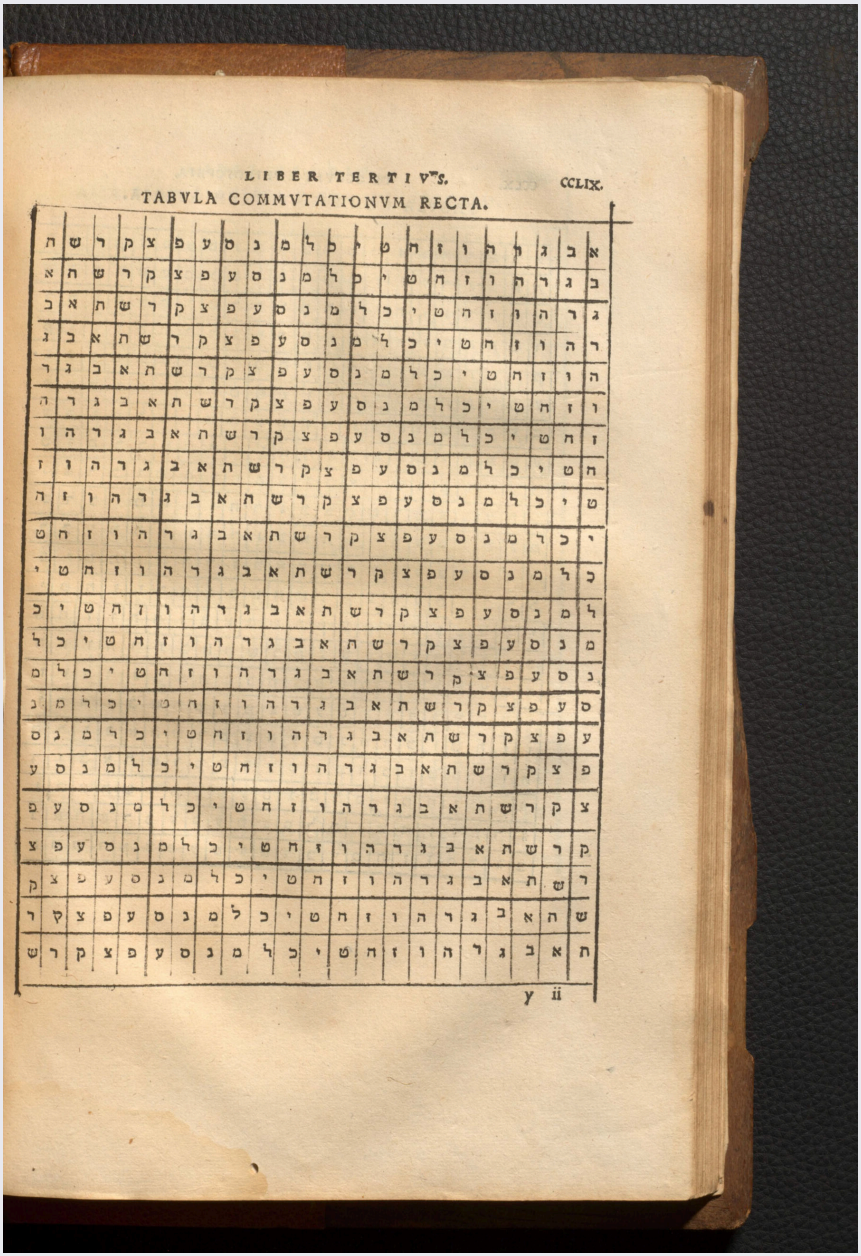
Actionis ſpiritum.

יהיו כמוץ לפני רוח ומלאך יהוה דוחה
יהי דרכם חשך וחלק ומלאך יהוה רדפם

Pſalmo triceſimoquinto apud Hebræos, apud nos triceſimo quarto, è quibus angelorũ illorũ nomina extrahuntur: מידאל Midael & מיראל Miracl de ordine Militantium. Sic ex uerſiculo, Conſtitues ſuper eum impium, & Satan ſtet à dextris eius. Pſalmo centeſimonono apud Hebræos, apud Latinos autem centeſimo octauo: הפקד עליו רשע ושטן יעמד על ימינו extrahitur nomen cacodæmonis Schihi שיחי, quod dæmonem machinatorẽ deſignat. Eſt certus textus in Exodo, tribus uerſiculis contentus, quorũ quilibet ſeptuaginta duobus ſcribitur literis, incipientes: Primus Vaiiſa ויסע: Secundus, Vaiauo ויבא: Tertius, Vaiot ויט: qui unam in lineã extenſi, uidelicet primus & tertius à ſiniſtra in dextram, medius uero cõuerſo ordine à dextra incipiens terminetur in ſiniſtrã, tunc ſingulę tres literæ ſibi ſubalternatę conſtituunt unũ nomẽ, quæ ſunt ſeptuaginta duo nomina, quæ Hebræi Schemhampho ras uocant: quibus ſi in fine addatur nomen diuinũ El אל, uel iah, יה producunt ſeptuaginta duo angelorum nomina triſyllaba, quorum quilibet fert magnum nomẽ dei, ſicut ſcriptum eſt: Angelus meus præcedet te: obſerues eum, eſt enim nomen meum in illo. Et hi ſunt qui præſident ſeptuaginta duobus quinariis cœleſtibus, totidemq; nationibus & linguis, & humani corporis artubus, cooperanturq; ſeptuaginta duobus ſynagogæ ſenioribus, totidẽq; Chriſti diſcipulis: & nomina eorum ſecundum extractionem quam faciunt Cabaliſtę, patent in hac ſequenti tabella, ſecundum unum modum quẽ diximus. Sunt aũt & alii plures modi ex eiſdem uerſiculis fabricandi ſchemhamaphoras, ut cum omnes tres recto ordine ſibi ſubalternatim à dextra in ſiniſtram ſcribuntur, prętèr illos qui per tabulas Ziruph, & tabulas commutationum extrahuntur, de quibus in ſuperioribus mentionem fecimus. Et quoniam hæ tabulæ omnibus tum diuinis tum angelicis nominibus inſerui unt, ideo illas etiam huic capiti ſubiungemus.

Hii ſunt ſeptuaginta duo Angeli, deferentes nomen Dei Schemhamphoras.

כ	ל	ח	ה	מ	י	ח	ל	א	ה	כ	א	ל	מ	ע	ס	י	ו
ל	א	ק	ר	ב	ז	ה	א	ל	ז	ח	כ	ל	ח	ל	י	ל	ה
י	ו	מ	י	ה	ל	ע	ו	ד	י	א	א	ה	ש	מ	ט	י	ו
אל	יה	יה	אל	אל	אל	יה	יה	יה	אל	אל	יה	אל	יה	יה	אל	אל	יה
Caliel	Leuiah	Hakamiah	Hariel	Mebahel	Iezalel	Hahaiah	Lauiah	Aladiah	Haziel	Cahethel	Achaiah	Lelahel	Mahasiah	Elemiah	Sitaël	Ieliel	Vehuiah
מ	כ	ל	י	ו	ל	א	ר	ש	י	ה	נ	ח	מ	י	נ	פ	ל
נ	ו	ה	ח	ש	כ	ו	י	א	ר	א	ח	ה	ל	י	ל	ח	ו
ד	ק	ח	ו	ר	ב	מ	י	ה	ת	א	ה	ו	ה	י	כ	ל	ו
אל	יה	יה	יה	יה	אל	אל	אל	יה	אל	יה	ה	יה	אל	אל	אל	יה	יה
Manadel	Chauakiah	Lehahiah	Iehuiah	Vasariah	Lecabel	Omaël	Reiiel	Seehiah	Ierathel	Haaiah	Nithhaiah	Hahuiah	Melahel	Ieiaiel	Nelchael	Pahaliah	Leuuiah
נ	י	ע	ה	ד	ו	מ	ע	ע	ס	י	ו	מ	ה	י	ר	ח	א
י	נ	מ	ח	נ	ה	י	ש	ר	א	ל	ו	י	ה	י	ה	ע	נ
ת	א	מ	ש	י	ו	ה	ל	י	ל	ה	ל	כ	ה	ז	ע	מ	י
אל	אל	יה	יה	אל	אל	אל	יה	אל	יה	וה	יה	אל	אל	אל	אל	יה	אל
Nithaël	Nanaël	Imamiah	Hahasiah	Daniel	Vehuel	Mihaël	Asaliah	Ariel	Sealiah	Ielahiah	Veualiah	Michaël	Hahahel	Ieiazel	Rehael	Haamiah	Aniel
מ	ה	י	ר	ח	א	מ	ר	מ	ע	י	ו	מ	ה	י	נ	פ	מ
ו	י	ב	א	ב	י	נ	מ	ח	נ	ה	מ	צ	ר	י	מ	פ	ב
מ	י	מ	ה	ו	ע	ק	ב	י	ו	ה	ב	ר	ח	ל	מ	י	ה
יה	אל	יה	אל	יה	אל	אל	יה	אל	אל	אל	אל	אל	אל	אל	יה	אל	יה
Mumiah	Haiaiel	Iabamiah	Rochel	Habuiah	Eiaël	Manakel	Damabiah	Mehiel	Anauel	Iahhel	Vmabel	Mizrael	Harahel	Ieialel	Nemamiah	Poiel	Mebahiah

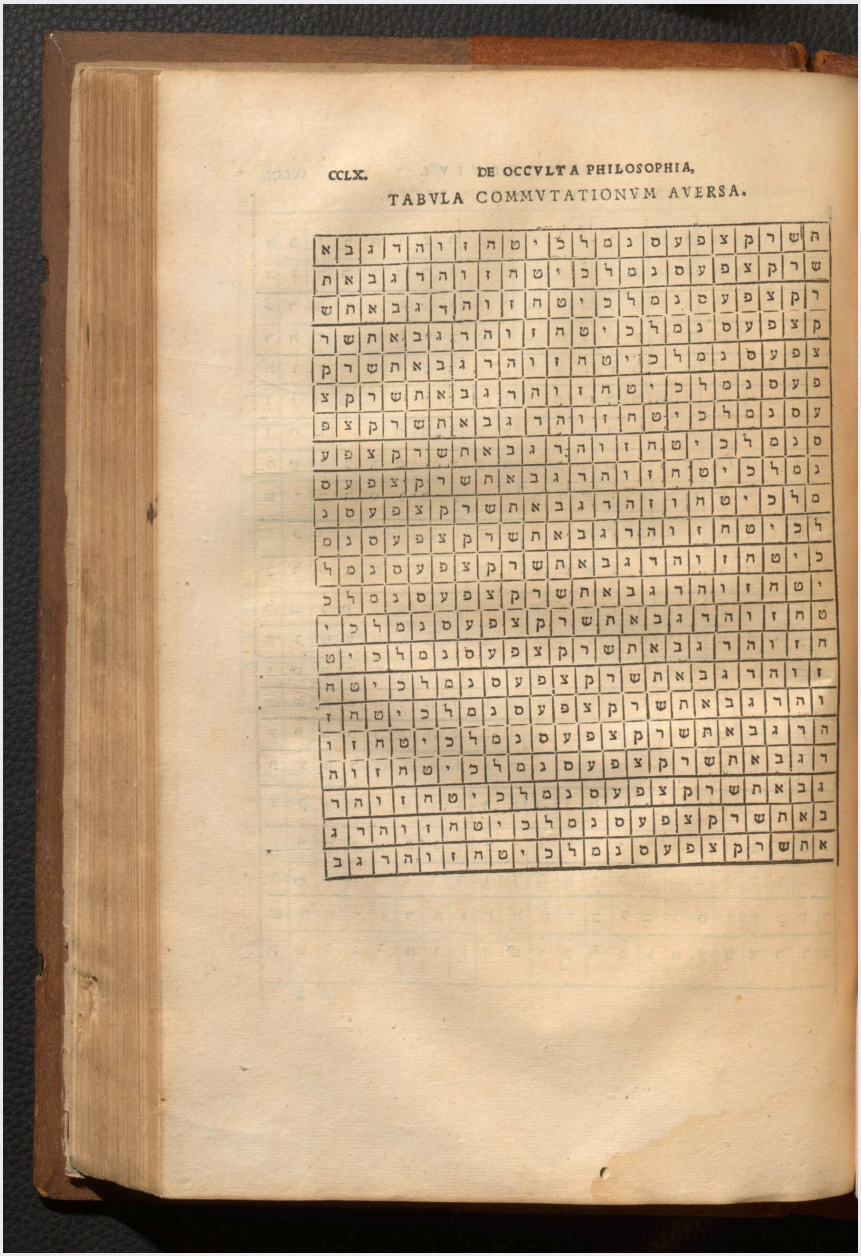
LIBER TERTIVS. CCLIX.

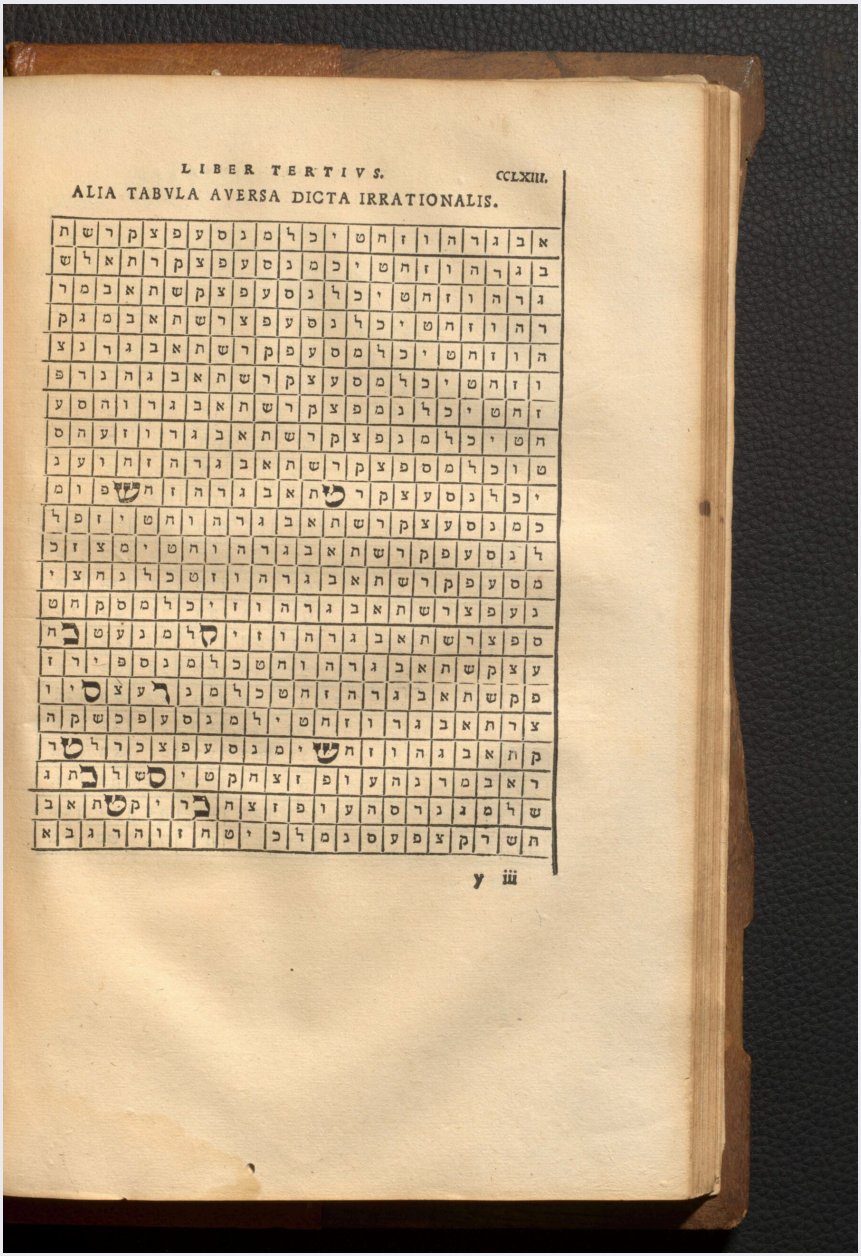
TABVLA COMMVTATIONVM RECTA.

א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת		
ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א		
ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב		
ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג		
ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד		
ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה		
ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו		
ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז		
ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח		
י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט		
כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י		
ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ		
מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל		
נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ		
ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ		
ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס		
פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע		
צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ		
ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ		
ר	ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק		
ש	ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר		
ת	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש		

CCLX. DE OCCVLTA PHILOSOPHIA,

TABVLA COMMVTATIONVM AVERSA.

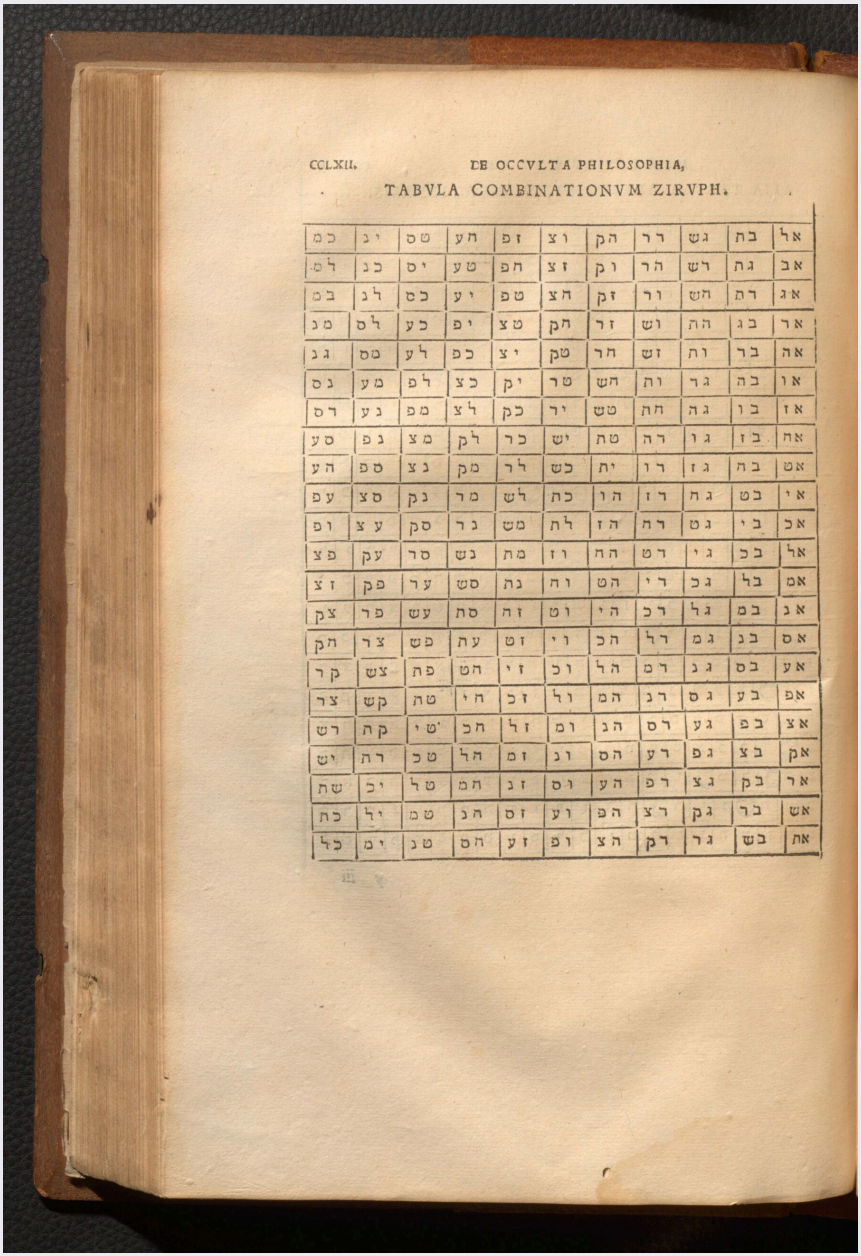

LIBER TERTIVS. CCLXIII.

ALIA TABVLA AVERSA DICTA IRRATIONALIS.

א	ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת
ב	ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ת	א
ג	ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ש	ת	א	ב	מ
ד	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	נ	ס	ע	פ	צ	ר	ש	ת	א	ב	מ	ג
ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	ס	ע	פ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	נ
ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	ס	ע	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ה	נ	פ
ז	ח	ט	י	כ	ל	נ	מ	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ו	ה	ס
ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ז	ע	ה
ט	י	כ	ל	מ	ס	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ז	ח	ו	ע
י	כ	ל	נ	ס	ע	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ז	ח	ש	פ	ו
כ	ל	מ	נ	ס	ע	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ו	ח	ט	י	ז
ל	מ	נ	ס	ע	פ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ו	ח	ט	י	כ	ז
מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ו	ז	ט	כ	ל	ח
נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ו	ז	י	כ	ל	מ	ט
ס	ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ו	ז	י	ח	ל	מ	נ	ב
ע	פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ו	ח	ט	כ	ל	מ	נ	ס	י
פ	צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ז	ח	ט	כ	ל	מ	נ	ר	ע	ס
צ	ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ו	ז	ח	ט	י	ל	מ	נ	ס	פ	כ
ק	ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ו	ז	ח	ש	י	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ל
ר	ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ו	ז	ח	ט	י	ס	ש	ל	ב	ת	ק	צ	ג
ש	ת	א	ב	ג	ר	ה	ו	ז	ח	ט	י	ב	ר	ק	ט	ת	ע	ו	פ	ז
ת	א	ב	ג	ר	ה	ו	ז	ח	ט	י	כ	ל	מ	נ	ס	ע	פ	צ	ק	ר

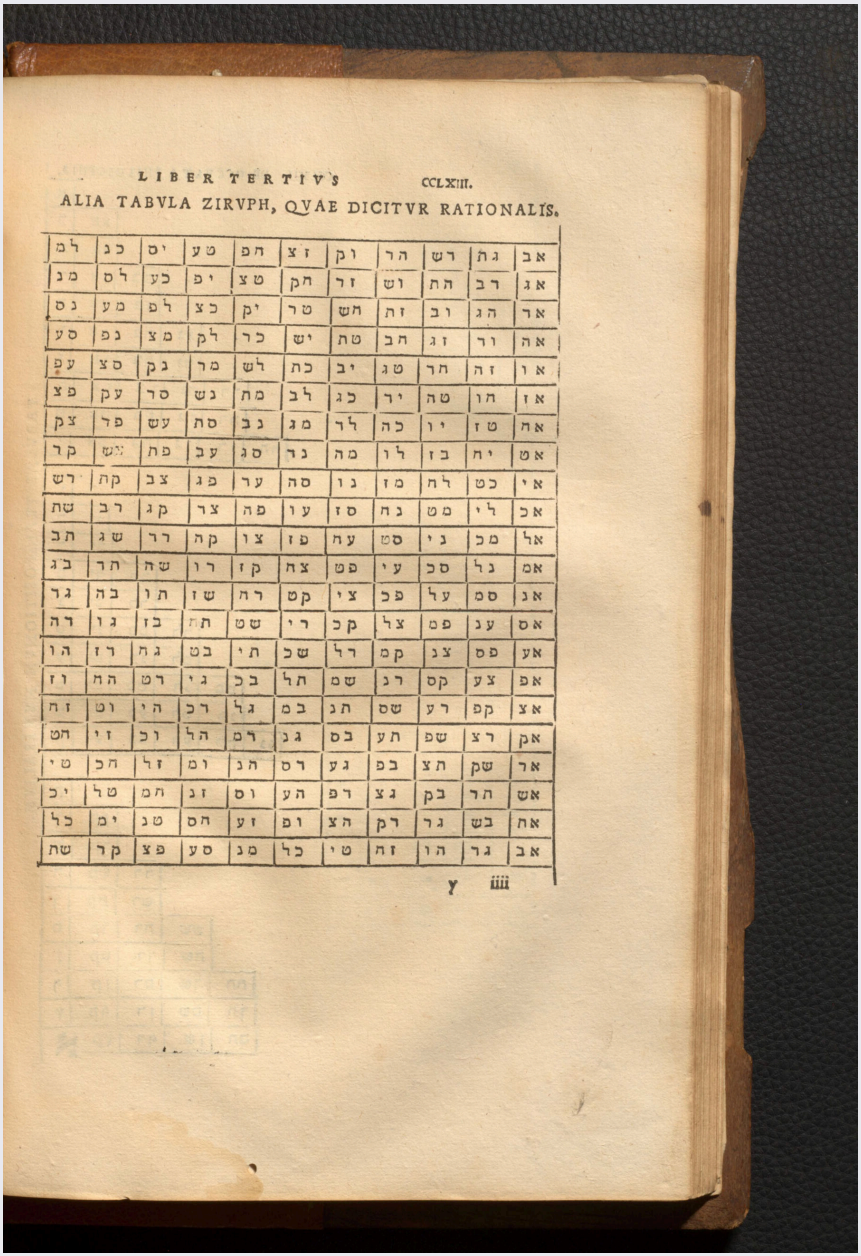
y iii

CCLXII. DE OCCVLTA PHILOSOPHIA,

TABVLA COMBINATIONVM ZIRVPH.

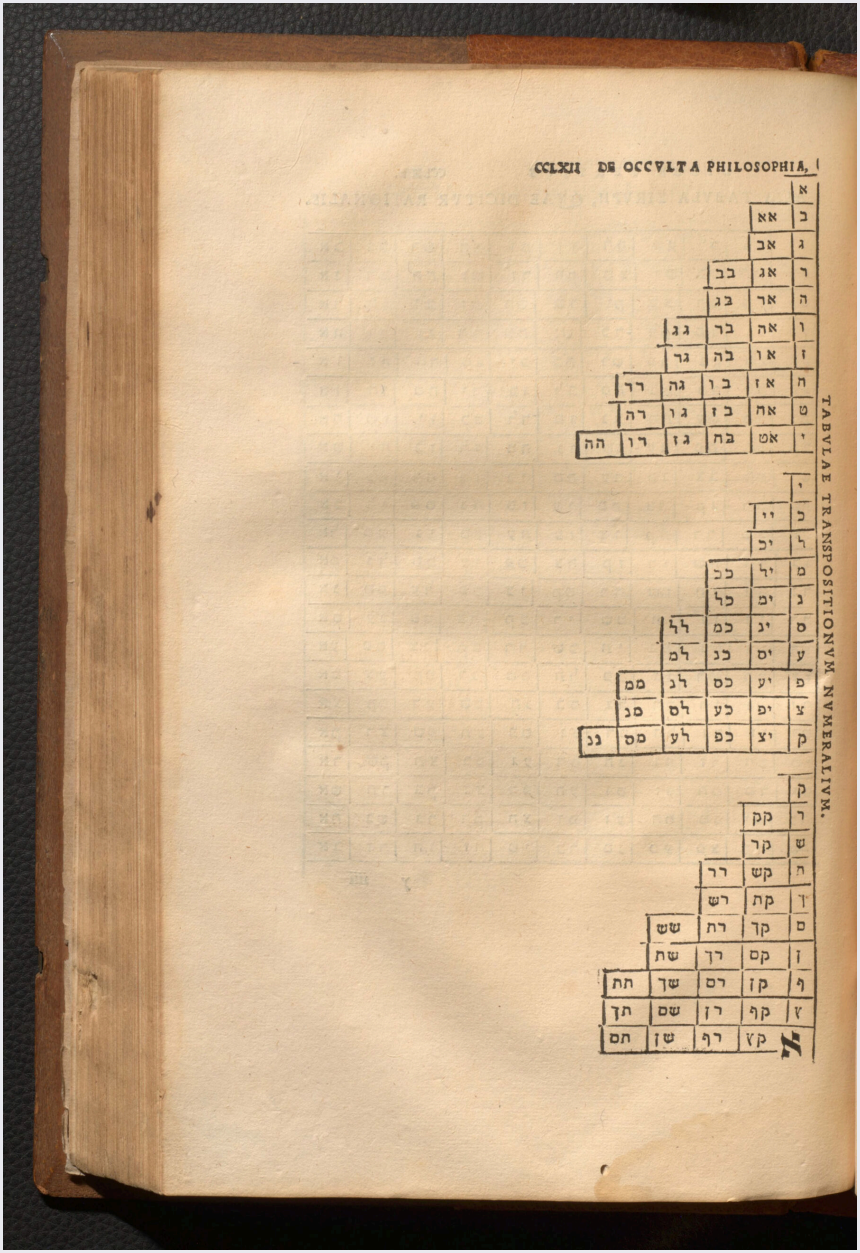
אל	בת	גש	דר	הק	וצ	זפ	חע	טס	יג	כמ
אב	גת	דש	הר	וק	זצ	חפ	טע	יס	כג	למ
אג	דת	הש	ור	זק	חצ	טפ	יע	כס	לג	בם
אר	בג	הת	וש	זר	חק	טצ	יפ	כע	לס	מג
את	בר	ות	זש	חר	טק	יצ	כפ	לע	מס	גג
או	בה	גר	וה	חש	טר	יק	כצ	לפ	מע	נס
אז	בו	גה	חת	טש	יר	כק	לצ	מפ	נע	רס
אח	בז	גו	דה	טת	יש	כר	לק	מצ	נפ	סע
אט	בת	גז	דו	ית	כש	לר	מק	נצ	ספ	הע
אי	בט	גת	דז	הו	כת	לש	מר	נק	סצ	עפ
אכ	בי	גט	דת	הז	לת	מש	נר	סק	עצ	ופ
אל	בכ	גי	דט	הת	וז	מת	נש	סר	עק	פצ
אמ	בל	גכ	די	הט	וה	נת	סש	ער	פק	זצ
אנ	בם	גל	דכ	הי	וט	זה	סת	עש	פר	צק
אס	בנ	גם	דל	הכ	וי	זש	עת	פש	צר	הק
אע	בס	גנ	דם	הל	וכ	זי	חט	פת	צש	קר
אפ	בע	גס	דנ	הם	ול	זכ	חי	טת	קש	צר
אצ	בפ	גע	דס	הנ	ום	זל	חכ	יי	קת	רש
אק	בצ	גפ	דע	הס	ון	זם	חל	טכ	רת	יש
אר	בק	גצ	דפ	הע	וס	זנ	חם	טל	יכ	שת
אש	בר	גק	דצ	הפ	וע	זס	חנ	טם	יל	כת
את	בש	גר	דק	הצ	ופ	זע	חס	טנ	ים	כל

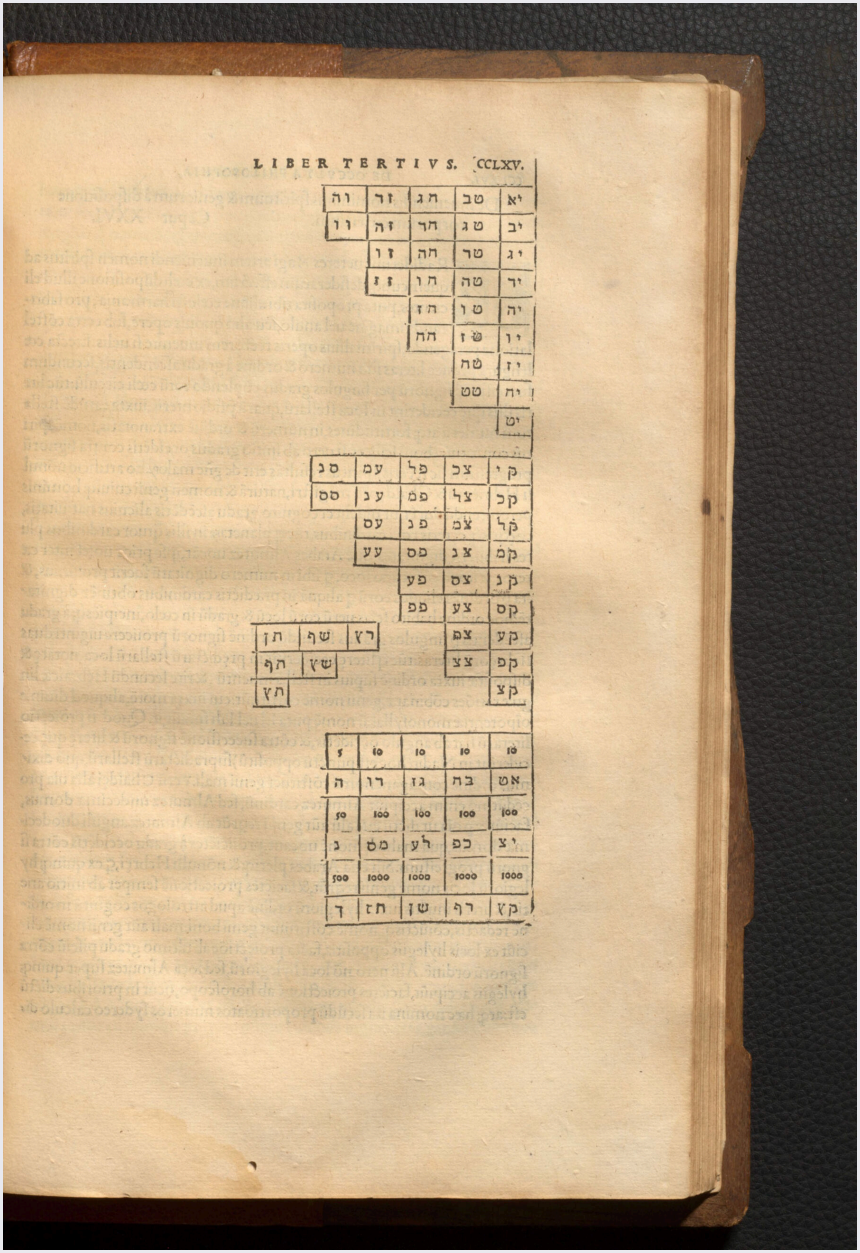

LIBER TERTIVS CCLXIII.

ALIA TABVLA ZIRVPH, QVAE DICITVR RATIONALIS.

אב	גת	רש	הר	וק	זצ	חפ	טע	יס	כג	למ
אג	רב	הת	וש	זר	חק	טצ	יפ	כע	לס	מנ
אד	הג	וב	זת	חש	טר	יק	כצ	לפ	מע	נס
אה	וד	זג	חב	טת	יש	כר	לק	מצ	נפ	סע
או	זה	תר	טג	יב	כת	לש	מר	נק	סצ	עפ
אז	תו	טה	יד	כג	לב	מת	נש	סר	עק	פצ
את	טז	יו	כה	לד	מג	נב	סת	עש	פר	צק
אט	יח	בז	לו	מה	נד	סג	עב	פת	צש	קר
אי	כט	לח	מז	נו	סה	ער	פג	צב	קת	רש
אכ	לי	מט	נח	סז	עו	פה	צר	קג	רב	שת
אל	מכ	ני	סט	עת	פז	צו	קת	רר	שג	תכ
אמ	נל	סכ	עי	פט	צת	קז	רו	שה	תר	בג
אנ	סמ	על	פכ	צי	קט	רח	שז	תו	בה	גר
אס	ענ	פס	צל	קכ	רי	שט	תח	בז	גו	דת
אע	פס	צנ	קמ	רל	שכ	תי	בט	גת	דז	הן
אפ	צע	קס	רנ	שמ	תל	בכ	גי	דט	הת	וז
אצ	קפ	רע	שס	תנ	בם	גל	דכ	הי	וט	זת
אק	רצ	שפ	תע	בס	גנ	דם	הל	וכ	זי	חט
אר	שק	תצ	בפ	גע	דס	הנ	ום	זל	חכ	טי
אש	תר	בק	גצ	דפ	הע	וס	זנ	חם	טל	יכ
את	בש	גר	דק	הצ	וף	זע	חס	טנ	ים	כל
אב	גר	הו	זת	טי	זל	מנ	סע	פצ	קר	שת

CCLXII DE OCCVLTA PHILOSOPHIA,
TABVLAE TRANSPOSITIONVM NVMERALIVM.

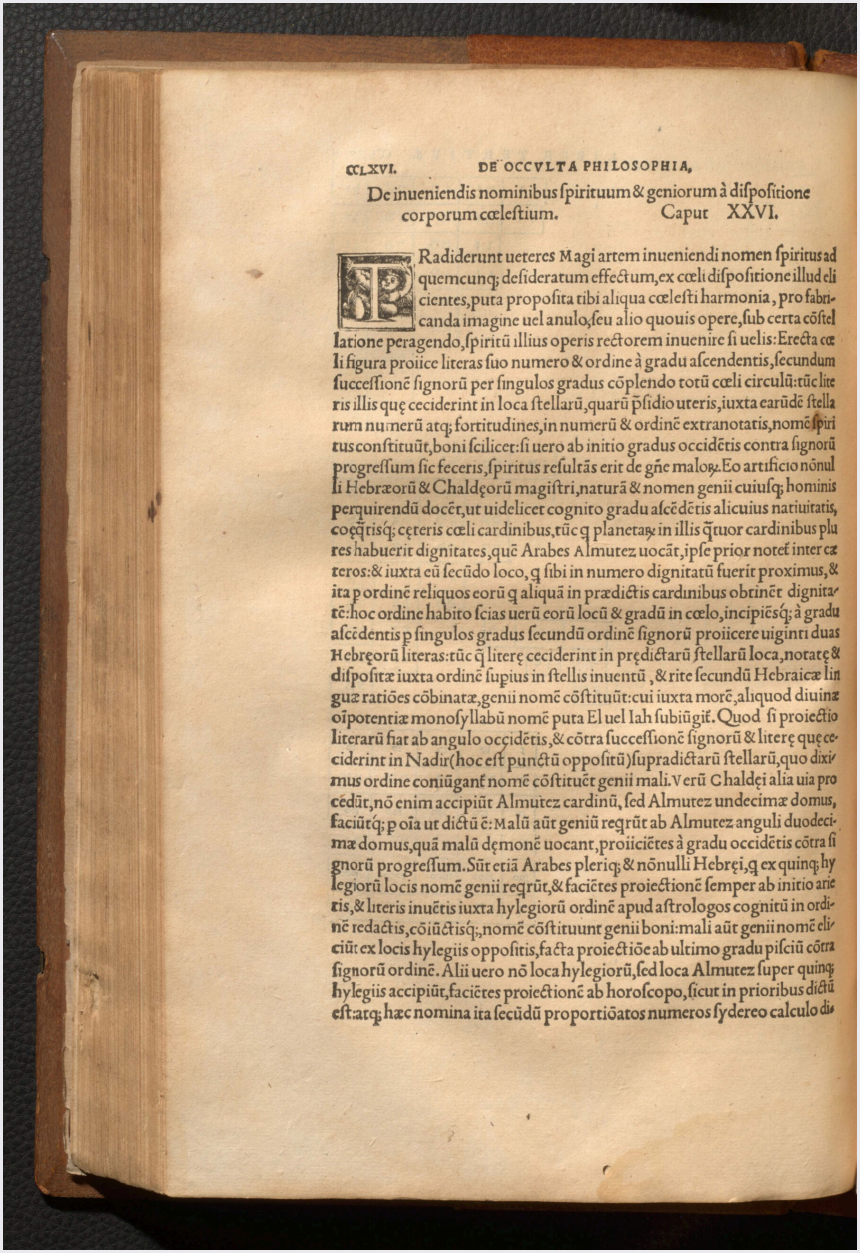
LIBER TERTIVS. CCLXV.

יא	טב	תג	זר	וה
יב	טג	תה	זה	וו
יג	טד	תו	זו	
יד	טה	תז	זז	
יה	טו	תח		
יו	טז	תט		
יז	טח			
יח	טט			
יט				

ק י	צ כ	פ ל	ע מ	ס נ
ק כ	צ ל	פ מ	ע נ	ס ס
ק ל	צ מ	פ נ	ע ס	
ק מ	צ נ	פ ס	ע ע	
ק נ	צ ס	פ ע		
ק ס	צ ע	פ פ		
ק ע	צ פ			
ק פ	צ צ			
ק צ				

ר ץ	ש ף	ת ן
ש ץ	ת ף	
ת ץ		

ו	ו	ו	ו	ו
א ט	ב ח	ג ז	ר ו	ה
ק	ק	ק	ק	ק
י צ	כ פ	ל ע	מ ס	נ
ק	ק	ק	ק	ק
ק ץ	ר ף	ש ן	ת ז	ך

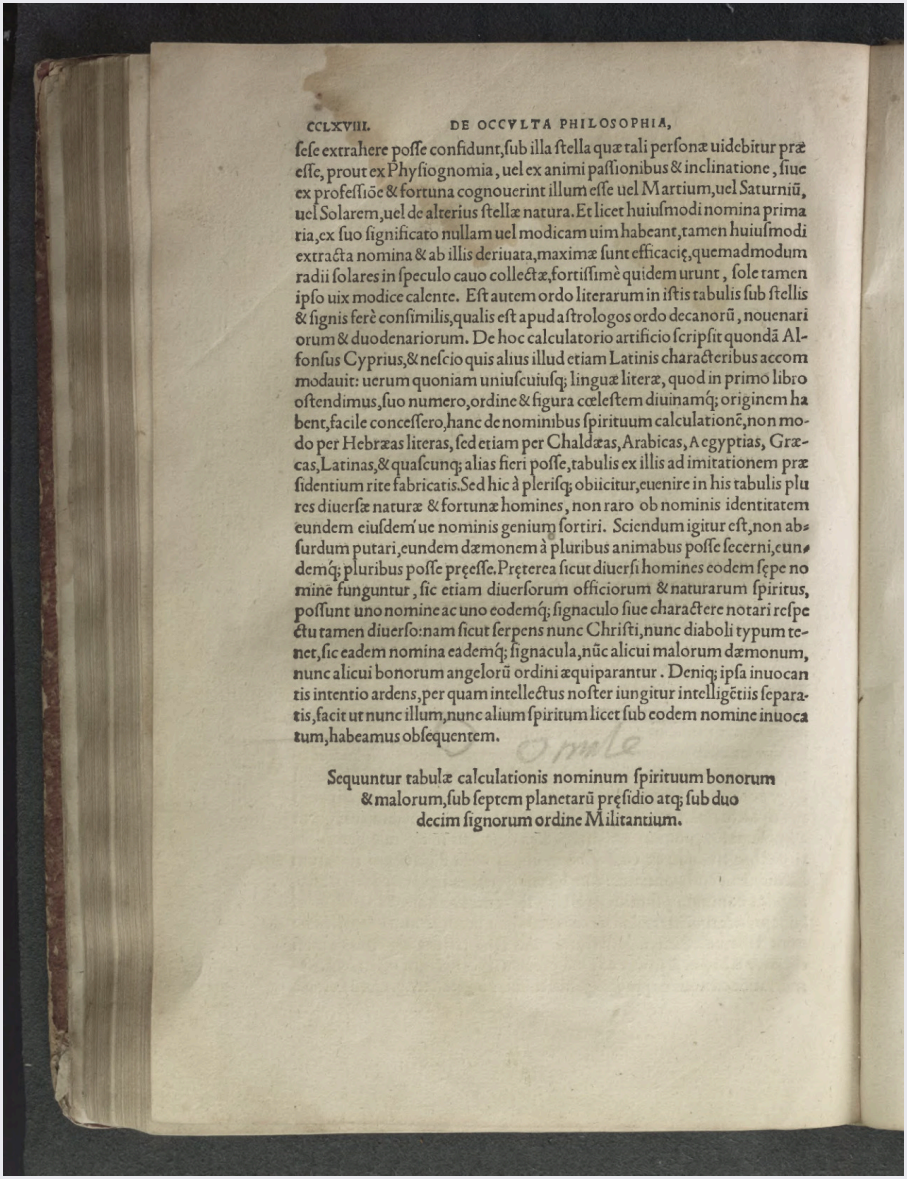
De inueniendis nominibus ſpirituum & geniorum à diſpoſitione corporum cœleſtium. Caput XXVI.

TRadiderunt ueteres Magi artem inueniendi nomen ſpiritus ad quemcunq; deſideratum effectum, ex cœli diſpoſitione illud elicientes, puta propoſita tibi aliqua cœleſti harmonia, pro fabricanda imagine uel anulo, ſeu alio quouis opere, ſub certa cõſtellatione peragendo, ſpiritũ illius operis rectorem inuenire ſi uelis: Erecta cœli figura proiice literas ſuo numero & ordine à gradu aſcendentis, ſecundum ſucceſſionẽ ſignorũ per ſingulos gradus cõplendo totũ cœli circulũ: tũc literis illis quę ceciderint in loca ſtellarũ, quarũ p̃ſidio uteris, iuxta earũdẽ ſtellarum numerũ atq; fortitudines, in numerũ & ordinẽ extranotatis, nomẽ ſpiritus conſtituũt, boni ſcilicet: ſi uero ab initio gradus occidẽtis contra ſignorũ progreſſum ſic feceris, ſpiritus reſultãs erit de gñe malo⁹. Eo artificio nõnulli Hebræorũ & Chaldęorũ magiſtri, naturã & nomen genii cuiuſq; hominis perquirendũ docẽt, ut uidelicet cognito gradu aſcẽdẽtis alicuius natiuitatis, coęq̃risq; cęteris cœli cardinibus, tũc q planetas⁹ in illis q̃tuor cardinibus plures habuerit dignitates, quẽ Arabes Almutez uocãt, ipſe prior notet̃ inter cæteros: & iuxta eũ ſecũdo loco, q ſibi in numero dignitatũ fuerit proximus, & ita p ordinẽ reliquos eorũ q aliquã in prædictis cardinibus obtinẽt dignitatẽ: hoc ordine habito ſcias uerũ eorũ locũ & gradũ in cœlo, incipiẽsq; à gradu aſcẽdentis p ſingulos gradus ſecundũ ordinẽ ſignorũ proiicere uiginti duas Hebręorũ literas: tũc q̃ literę ceciderint in prędictarũ ſtellarũ loca, notatę & diſpoſitæ iuxta ordinẽ ſupius in ſtellis inuentũ, & rite ſecundũ Hebraicæ linguæ ratiões cõbinatæ, genii nomẽ cõſtituũt: cui iuxta morẽ, aliquod diuinæ oĩpotentiæ monoſyllabũ nomẽ puta El uel Iah ſubiũgit. Quod ſi proiectio literarũ fiat ab angulo occidẽtis, & cõtra ſucceſſionẽ ſignorũ & literę quę ceciderint in Nadir (hoc eſt punctũ oppoſitũ) ſupradictarũ ſtellarũ, quo diximus ordine coniũganẽ nomẽ cõſtituẽt genii mali. Verũ Chaldęi alia uia procedũt, nõ enim accipiũt Almutez cardinũ, ſed Almutez undecimæ domus, faciũtq; p oĩa ut dictũ ẽ: Malũ aũt geniũ reqrũt ab Almutez anguli duodecimæ domus, quã malũ dęmonẽ uocant, proiicientes à gradu occidẽtis cõtra ſignorũ progreſſum. Sũt etiã Arabes pleriq; & nõnulli Hebręi, q ex quinq; hylegiorũ locis nomẽ genii reqrũt, & facientes proiectionẽ ſemper ab initio arietis, & literis inuẽtis iuxta hylegiorũ ordinẽ apud aſtrologos cognitũ in ordinẽ redactis, cõiũctisq;, nomẽ cõſtituunt genii boni: mali aũt genii nomẽ eliciũt ex locis hylegiis oppoſitis, facta proiectiõe ab ultimo gradu piſciũ cõtra ſignorũ ordinẽ. Alii uero nõ loca hylegiorũ, ſed loca Almutez ſuper quinq; hylegiis accipiũt, faciẽtes proiectionẽ ab horoſcopo, ſicut in prioribus dictũ eſt: atq; hæc nomina ita ſecũdũ proportiõatos numeros ſydereo calculo di-

buta, iugatis alternatisq; literis compacta, ſono licet & ſignificatione ignota, ex ſecretis philoſophię principiis neceſſe eſt confiteri plus poſſe in opere magico, q̄ nomina ſignificatiua, dū attonitus in illorum ænigmata animus, totaq; mentis acie intentus, diuinū aliquod ſubeſſe firmiter credens, uerba & nomina hæc, licet nō intellecta, reuerenter ſonat in gloriam numinis, cū ſpirituali pietatis affectu, captiuans ſe in illius obſequium.

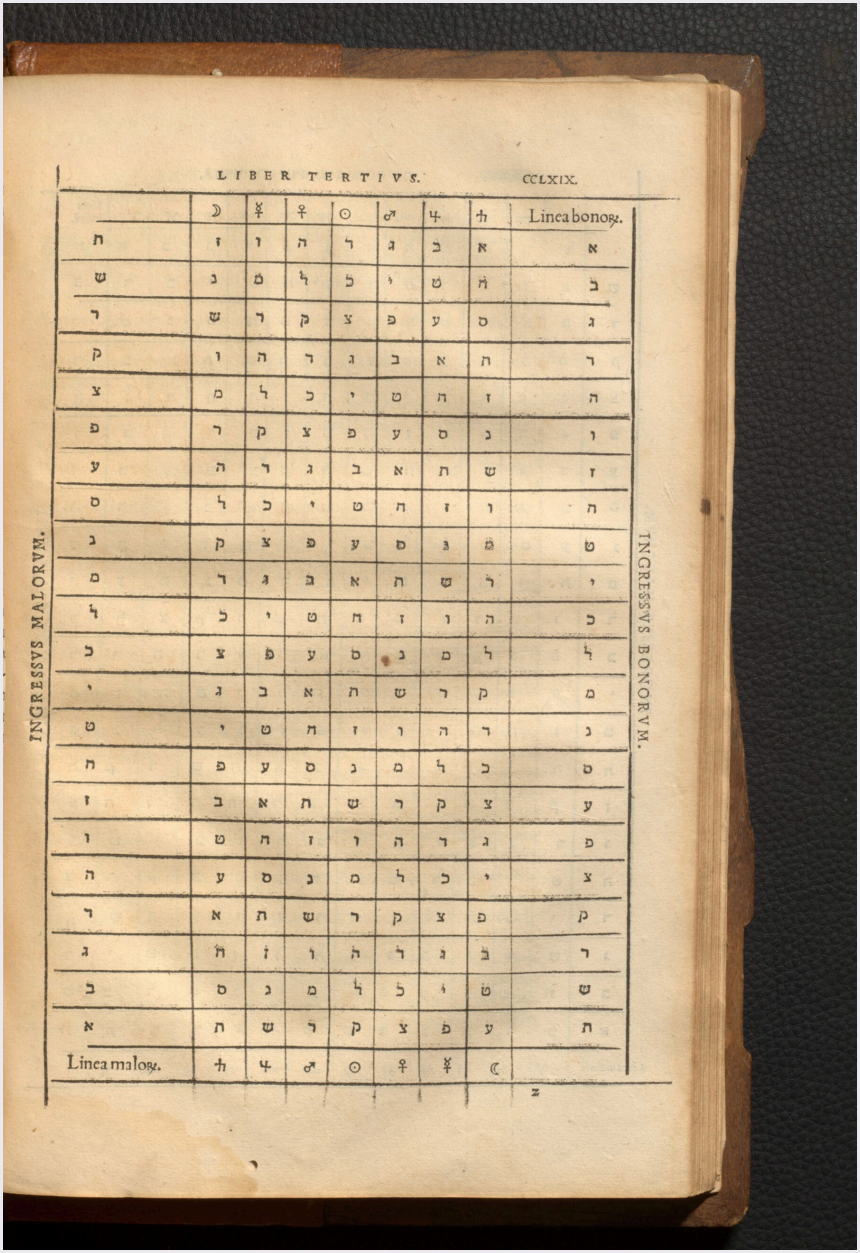
De arte calculatoria nominum eiuſmodi ex traditione Cabaliſtarum. Caput XXVII.

EST adhuc aliud huiuſmodi nominum artificium quod calculatoriū uocant, & fit per tabulas ſequentes, ingrediendo cū nomine aliquo ſacro, ſiue diuino ſiue angelico, in columna literaria deſcēdenti, accipiendo illas literas quas in angulis cōmunibus ſub ſuis ſtellis ſignisq; offenderis: quibus in ordinē redactis, ſpiritus nomē conſtituiē boni de natura illius ſtellę uel ſigni, ſub q̄bus fueris ingreſſus: quod ſi fueris ingreſſus in colūna aſcēdente, ſumendo angulos cōmunes ſupra ſtellas & ſigna in infima linea ſignata, nomē conſtituiē ſpiritus mali. Et hæc ſunt nomina ſpirituū ex quolibet ordine ſiue cœlo miniſtrantiū, tā bonorū q̄ malorū, quę ſecundū hunc modū in nouē nomina totidē ordinū multiplicare potes, quatenus ingrediēdo cū uno nomine aliud ſuperioris ordinis ſpiritus ex eodē elicere potes tā boni q̄ mali. Principiū tamē huius calculationis dependet ex nominibus dei: omnis enim uox uirtutem habet in Magia, inquantū à dei uoce dependet indeq; formatur. Itaq; ſcire debemus, omne angelicū nomen procedere debere ab aliquo nomine dei primario: ideoq; angeli dicūtur ferre nomē dei, iuxta illud quod ſcriptum eſt, quia eſt nomē meum in illo. Itaq; ut bonorum angelorum nomina à malorum nominibus diſcernantur, ſolet illis ſępe aliquid diuinę omnipotentiæ nomen ſubnecti, ut El, uel On, uel Iah, uel Iod & cum illo ſimul pronūciari: & quoniā Iah nomē eſt beneficentiæ, & Iod nomen deitatis, iccirco hæc duo nomina non niſi angelorum nominibus apponuntur: Nomen uero El, quod uim & uirtutem importat iccirco non modo bonis, ſed quādoq; etiam malis ſpiritibus adiicitur, neq; enim etiam mali ſpiritus abſq; dei uirtute, aut ſubſiſtere aut aliquid agere poſſunt. Cęterum ſciendum eſt, quoniam ſumendi ſunt anguli cōmunes eiuſdem ſtellæ atq; ſigni, niſi ingreſſum ſit cum nomine mixto, quem admodum ſunt nomina geniorum, & ea de quibus in capitulo præcedenti dictum eſt, quæ ex cœli diſpoſitionibus iuxta diuerſarum ſtellarum harmoniam componuntur: cum his enim quoties ingrēdienda eſt tabula, angulus communis ſumendus eſt ſub ſtella uel ſigno literæ ingredientis. Sunt pręterea qui iſtas tabulas adeo extendunt, ut arbitrentur etiam ſi cū nomine ſtellæ, uel officii, uel effectus alicuius deſiderati fiat ingreſſus, dæmon eliciatur & bonus & malus ad illud officium uel effectum deſeruiens. Similiratiōe cū nomine proprio pſonæ cuiuſuis ingrediēt̄es, geniorū nomina

ſeſe extrahere poſſe confidunt,ſub illa ſtella quæ tali perſonæ uidebitur præ eſſe, prout ex Phyſiognomia, uel ex animi paſſionibus & inclinatione, ſiue ex profeſſiõe & fortuna cognouerint illum eſſe uel Martium,uel Saturniũ, uel Solarem,uel de alterius ſtellæ natura. Et licet huiuſmodi nomina primaria,ex ſuo ſignificato nullam uel modicam uim habeant,tamen huiuſmodi extracta nomina & ab illis deriuata,maximæ ſunt efficaciæ,quemadmodum radii ſolares in ſpeculo cauo collectæ,fortiſſimè quidem urunt, ſole tamen ipſo uix modice calente. Eſt autem ordo literarum in iſtis tabulis ſub ſtellis & ſignis ferè conſimilis,qualis eſt apud aſtrologos ordo decanorũ, nouenariorum & duodenariorum. De hoc calculatorio artificio ſcripſit quondã Alfonſus Cyprius,& neſcio quis alius illud etiam Latinis characteribus accommodauit: uerum quoniam uniuſcuiuſq; linguæ literæ, quod in primo libro oſtendimus,ſuo numero,ordine & figura cœleſtem diuinamq; originem habent,facile conceſſero,hanc de nominibus ſpirituum calculationẽ,non modo per Hebræas literas,ſed etiam per Chaldæas,Arabicas,Aegyptias,Græcas,Latinas,& quaſcunq; alias fieri poſſe,tabulis ex illis ad imitationem præſidentium rite fabricatis.Sed hic à pleriſq; obiicitur,euenire in his tabulis plures diuerſæ naturæ & fortunæ homines, non raro ob nominis identitatem eundem eiuſdem'ue nominis genium ſortiri. Sciendum igitur eſt,non abſurdum putari,eundem dæmonem à pluribus animabus poſſe ſecerni,eundemq; pluribus poſſe præeſſe.Præterea ſicut diuerſi homines eodem ſæpe nomine funguntur, ſic etiam diuerſorum officiorum & naturarum ſpiritus, poſſunt uno nomine ac uno eodemq; ſignaculo ſiue charactere notari reſpectu tamen diuerſo:nam ſicut ſerpens nunc Chriſti,nunc diaboli typum tenet,ſic eadem nomina eademq; ſignacula,nũc alicui malorum dæmonum, nunc alicui bonorum angelorũ ordini æquiparantur. Deniq; ipſa inuocantis intentio ardens,per quam intellectus noſter iungitur intelligẽtiis ſeparatis,facit ut nunc illum,nunc alium ſpiritum licet ſub eodem nomine inuocatum,habeamus obſequentem.

Sequuntur tabulæ calculationis nominum ſpirituum bonorum & malorum,ſub ſeptem planetarũ præſidio atq; ſub duodecim ſignorum ordine Militantium.

LIBER TERTIVS. CCLXIX.

INGRESSVS MALORVM.

	☽	☿	♀	☉	♂	♃	♄	Linea bonor.	
ח	ז	ו	ה	ל	ג	ב	א	א	ח
ש	ג	מ	ל	כ	י	ט	ח	ב	ש
ר	ש	ר	ק	צ	פ	ע	ס	ג	ר
ק	ו	ה	ר	ג	ב	א	ת	ר	ק
צ	מ	ל	כ	י	ט	ח	ז	ה	צ
פ	ר	ק	צ	פ	ע	ס	ג	ו	פ
ע	ה	ר	ג	ב	א	ת	ש	ז	ע
ס	ל	כ	י	ט	ח	ז	ו	ח	ס
ג	ק	צ	פ	ע	ס	ג	ה	ט	ג
מ	ר	ג	ב	א	ת	ש	ר	י	מ
ל	כ	י	ט	ח	ז	ו	ה	כ	ל
נ	צ	פ	ע	ס	ג	מ	ל	ל	נ
י	ג	ב	א	ת	ש	ר	ק	מ	י
ט	י	ט	ח	ז	ו	ה	ר	נ	ט
ח	פ	ע	ס	ג	מ	ל	כ	ס	ח
ז	ב	א	ת	ש	ר	ק	צ	ע	ז
ו	ש	ת	ז	ו	ה	ר	ג	פ	ו
ה	ע	ס	ג	מ	ל	כ	י	צ	ה
ר	א	ת	ש	ר	ק	צ	פ	ק	ר
ג	ת	ז	ו	ה	ר	ג	ב	ר	ג
ב	ס	ג	מ	ל	כ	י	ש	ש	ב
א	ת	ש	ר	ק	צ	פ	ע	ת	א
Linea malor.	♄	♃	♂	☉	♀	☿	☾		

INGRESSVS BONORVM.

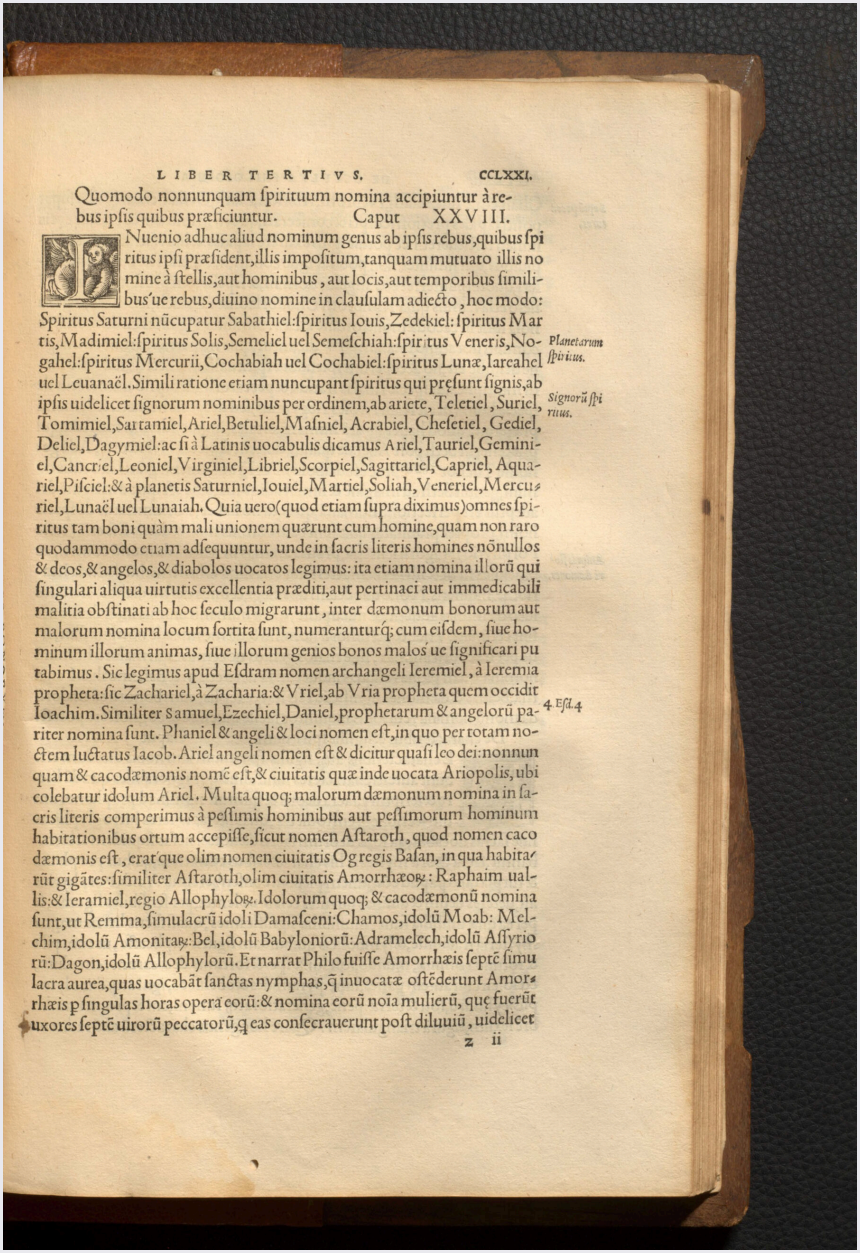
z

INGRESSVS MALORVM.

Linea malorū.	♈	♉	♊	♋	♌	♍	♎	♏	♐	♑	♒	♓	Linea bonorū.
♈	♓	♉	♊	♋	♌	♍	♎	♏	♐	♑	♒	♓	♈
♉	♈	♓	♉	♊	♋	♌	♍	♎	♏	♐	♑	♒	♓
♊	♉	♈	♓	♉	♊	♋	♌	♍	♎	♏	♐	♑	♒
♋	♊	♉	♈	♓	♉	♊	♋	♌	♍	♎	♏	♐	♑
♌	♋	♊	♉	♈	♓	♉	♊	♋	♌	♍	♎	♏	♐
♍	♌	♋	♊	♉	♈	♓	♉	♊	♋	♌	♍	♎	♏
♎	♍	♌	♋	♊	♉	♈	♓	♉	♊	♋	♌	♍	♎
♏	♎	♍	♌	♋	♊	♉	♈	♓	♉	♊	♋	♌	♍
♐	♏	♎	♍	♌	♋	♊	♉	♈	♓	♉	♊	♋	♌
♑	♐	♏	♎	♍	♌	♋	♊	♉	♈	♓	♉	♊	♋
♒	♑	♐	♏	♎	♍	♌	♋	♊	♉	♈	♓	♉	♊
♓	♒	♑	♐	♏	♎	♍	♌	♋	♊	♉	♈	♓	♉
♈	♓	♒	♑	♐	♏	♎	♍	♌	♋	♊	♉	♈	♓

INGRESSVS BONORVM.

CCLXXX. DE OCCVLTA PHILOSOPHIA,

Quomodo nonnunquam ſpirituum nomina accipiuntur à rebus ipſis quibus præficiuntur. Caput XXVIII.

NVenio adhuc aliud nominum genus ab ipſis rebus, quibus ſpiritus ipſi præſident, illis impoſitum, tanquam mutuato illis nomine à ſtellis, aut hominibus, aut locis, aut temporibus ſimilibus ue rebus, diuino nomine in clauſulam adiecto, hoc modo: Spiritus Saturni nũcupatur Sabathiel: ſpiritus Iouis, Zedekiel: ſpiritus Martis, Madimiel: ſpiritus Solis, Semeliel uel Semeſchiah: ſpiritus Veneris, Nogahel: ſpiritus Mercurii, Cochabiah uel Cochabiel: ſpiritus Lunæ, Iareahel uel Leuanaël. Simili ratione etiam nuncupant ſpiritus qui præſunt ſignis, ab ipſis uidelicet ſignorum nominibus per ordinem, ab ariete, Teletiel, Suriel, Tomimiel, Sartamiel, Ariel, Betuliel, Maſniel, Acrabiel, Cheſetiel, Gediel, Deliel, Dagymiel: ac ſi à Latinis uocabulis dicamus Ariel, Tauriel, Geminiel, Cancriel, Leoniel, Virginiel, Libriel, Scorpiel, Sagittariel, Capriel, Aquariel, Piſciel: & à planetis Saturniel, Iouiel, Martiel, Soliah, Veneriel, Mercuriel, Lunaël uel Lunaiah. Quia uero (quod etiam ſupra diximus) omnes ſpiritus tam boni quàm mali unionem quærunt cum homine, quam non raro quodammodo etiam adſequuntur, unde in ſacris literis homines nõnullos & deos, & angelos, & diabolos uocatos legimus: ita etiam nomina illorũ qui ſingulari aliqua uirtutis excellentia præditi, aut pertinaci aut immedicabili malitia obſtinati ab hoc ſeculo migrarunt, inter dæmonum bonorum aut malorum nomina locum ſortita ſunt, numeranturq; cum eiſdem, ſiue hominum illorum animas, ſiue illorum genios bonos malos ue ſignificari putabimus. Sic legimus apud Eſdram nomen archangeli Ieremiel, à Ieremia propheta: ſic Zachariel, à Zacharia: & Vriel, ab Vria propheta quem occidit Ioachim. Similiter Samuel, Ezechiel, Daniel, prophetarum & angelorũ pariter nomina ſunt. Phaniel & angeli & loci nomen eſt, in quo per totam noctem luctatus Iacob. Ariel angeli nomen eſt & dicitur quaſi leo dei: nonnunquam & cacodæmonis nomẽ eſt, & ciuitatis quæ inde uocata Ariopolis, ubi colebatur idolum Ariel. Multa quoq; malorum dæmonum nomina in ſacris literis comperimus à peſſimis hominibus aut peſſimorum hominum habitationibus ortum accepiſſe, ſicut nomen Aſtaroth, quod nomen cacodæmonis eſt, eratque olim nomen ciuitatis Og regis Baſan, in qua habitarũt gigãtes: ſimiliter Aſtaroth, olim ciuitatis Amorrhæorũ: Raphaim uallis: & Ieramiel, regio Allophylorũ. Idolorum quoq; & cacodæmonũ nomina ſunt, ut Remma, ſimulacrũ idoli Damaſceni: Chamos, idolũ Moab: Melchim, idolũ Amonitarũ: Bel, idolũ Babyloniorũ: Adramelech, idolũ Aſſyriorũ: Dagon, idolũ Allophylorũ. Et narrat Philo fuiſſe Amorrhæis ſeptẽ ſimulacra aurea, quas uocabãt ſanctas nymphas, q̃ inuocatæ oſtẽderunt Amorrhæis ſingulas horas operã eorũ: & nomina eorũ noĩa mulierũ, quę fuerũt uxores ſeptẽ uirorũ peccatorũ, q̃ eas conſecrauerunt poſt diluuiũ, uidelicet

Planetarum ſpiritus.

Signorũ ſpiritus.

4. Eſd. 4

Septē peccatores.

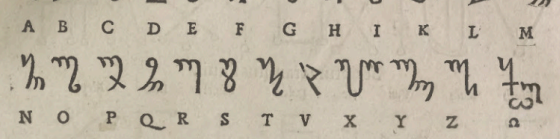
Chanaan,Phut,Selath,Nēbroth,Abirion,Elath,Deſuat:erantq; illis ſuper poſiti lapides pretioſi ſculpti & conſecrati,quorū in uno uirtus erat,ut cęcis lumen reſtitueret:nec potuit ignis exurere lapides:& libri ſacrati erant cū lapidibus,qui ſimiliter non poterāt igne cōburi,nec incidi ferro,nec aqua deleri,quouſq; auferret eos angelus domini,& ſepeliret in profundo maris. Iā uero etiā ſcimus quia Nimbroth Chodorlaomor,Balach,Amelech,regum noīa ſunt in cacodæmonū ordinē aſcita. Similiter gigantes cū dæmonibus cōmuni uocabulo Enakim ענקים dicuntur,quia nō participarunt cū imagine dei,hoc eſt,nō acceperunt ſplendorē ſpiritualis intellectus,ſed ratio illorū multiplicauit ſpecies malas fraudū & peccatorū:ideoq;nō numerātur de ſpecie hoīm(ut ait Rabi Moſes Aegyptius)ſed de ſpecie beſtiarū & dęmonū præterquā quòd habēt figurā humanā:& tales(inquit)fuerunt filii Adæ,qui præceſſerūt Seth poſt Abel:de quibus dixerūt ſapiētes Hebræorū, Adā genuiſſe Tochot תוכות,hoc eſt diabolos.Poſtq; aūt inuenit gratiā in oculis domini,genuit Seth ad imaginē & ſimilitudinē ſuā,hoc eſt qui ad imaginē dei adeptus eſt perfectionē humanā,quā qui nō habet,nō numeratur de ſpecie hoīm,propter prauitates quæ ſunt cauſa omnis mali & dāni. Eſt etiā (teſte Porphyrio) Magorū ſentētia,prauas animas in naturā dæmonū cōuerti, ac pniciōſas ſicut & illi fieri:cui atteſtatur etiā illud Chriſti uerbū de Iuda Iſcariothe,inquiētis:Nōne duodecim uos elegi,& unus ueſtrū diabol⁹ eſt:quos ideo dæmones aduētitios nūcupant,qa ex humanis animis inter dæmones ſint cōturiati. Vnde & peſſimorū hominū & dæmonū eadē nomina ſunt, ſiue per hæc eorū animas, ſiue malos genios uocemus, qui malorū hominū nomina,quaſi pſonas aliquas induerūt. Iā uero etiam & Behemoth,& Leuiathā,beluas & dæmones ſignificāt. His itaq; exēplis, cum bonorū tū malorū dæmonū nomina, curioſus inquiſitor facile inuenire & cognoſcere poteſt.

Animas fieri dæmones.

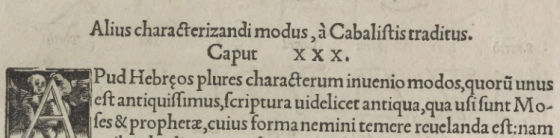
De characteribus & ſigillis ſpirituum. Caput XXIX

DE characteribus atq; ſigillis ſpirituum iam nobis dicēdum eſt. Sunt autem characteres nihil aliud quā ignorabiles quædā literę & ſcripturę,ſacra deorū & ſpirituū nomina à prophanorum uſu lectioneq; cuſtodiētes, quas literas ueteres hieroglyphicas ſiue ſacras uocabāt,qa ſolis deorum ſacris dæuotas: nefas ſiquidem arbitrabantur,ſacra deorū myſteria his characteribus cōmittere,quibus prophana & turpia quæq; apud cōmunem plebem conſcriberentur. Vnde Porphyrius ait,ueteres deum & diuinas uirtutes celare uolentes,per ſenſibiles figuras, & per ea quæ uiſibilia ſunt, inuiſibilia ſignificantes, quaſi ſacris literis magna myſteria tradidiſſe,& ſymbolicis quibuſdam figuris explicaſſe, ut cum pila & rotunda omnia, mundo,ſoli,lunæ ſpei & fortunæ dedicarunt: circulum, cœlo:circuli autem partes,lunę:pyramides & obeliſcos, igni atq; diis olympiis:cylindrū,ſoli & terræ:penē,generatiōi atq; Iunoni,cui & propter mulierē ſexum,figurā triangularem. Quare hoc genus characterū aliā radicem

non habet, præter arbitrium & autoritatem instituentis, illius inquam, qui huiusmodi literarum instituendarum & cõsecrandarum acceperit potestatem, cuiusmodi apud diuersas nationes & religionum sectas plures fuerunt sacrorum antistites, quorum instituta ad nos non peruenerunt, præter pauca quædam sparsim aut per fragmenta ab autoribus tradita. Ex horum itaq; characterum genere sunt, quos notat Petrus Apponus ab Honorio Thebano traditos, quorum figura est talis ad nostrum alphabetum relata:

A B C D E F G H I K L M

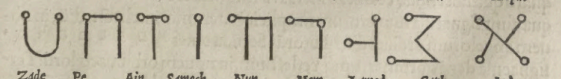
N O P Q R S T V X Y Z &

Alius characterizandi modus, à Cabalistis traditus.
Caput XXX.

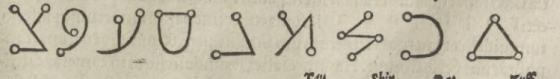
APud Hebræos plures characterum inuenio modos, quorũ unus est antiquissimus, scriptura uidelicet antiqua, qua usi sunt Moses & prophetæ, cuius forma nemini temere reuelanda est: nam quibus hodie utuntur literis, ab Esdra institutæ sunt. Est etiam apud eos scriptura quam uocant cœlestem, quia inter sydera collocatam & figuratam ostendunt, non secus atq; cæteri astrologi signorum imagines è stellarum lineamentis educunt. Est etiam quam uocant scripturam Malachim uel Melachim, hoc est angelorum siue regalem: & est alia quã uocant transitus fluuii, & horum omnium characteres & figuræ tales sunt.

Scriptura Cœlestis

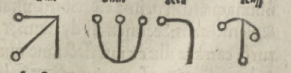
Theth Cheth. Zain. Vau. He. Daleth. Gimel. Beth. Aleph.

Zade Pe Ain Samech Nun Mem Lamed Caph Iod

Tau Shin Res Kuff

Scriptura Malachim

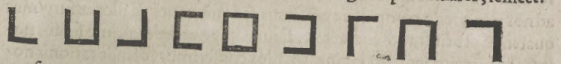

Scriptura tranſitus fluuii.

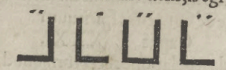
Eſt adhuc alius modus apud Cabaliſtas, olim magna uenerationehabitus, ſed hodie tam cõmunis effectus, ut ferè inter prophana locum ſortitus ſit, eſt aũt talis: Diuidantur uiginti ſeptẽ Hebræorũ characteres in tres claſſes, quarũ quælibet nouẽ cõtineat literas: Prima ſcilicet א ב ג ד ה ו ז ח ט quæ ſunt ſignacula numerorum ſimplicium, rerumq; intellectualiũ, in nouem angelorum ordines diſtributorũ: Secũda tenet י כ ל מ נ ס ע פ צ ſignacula denariorum rerumq; cœleſtium, in nouem orbibus cœlorũ: Tertia uero tenet quatuor reliquas literas, cum quinq; finalibus per ordinẽ, ſcilicet: ק ר ש ת ך ם ן ף ץ ſignacula centenariorum rerumq; inferiorum, uidelicet quatuor elementorum ſimplicium, & quinq; generum compoſitorum perfectorum. Has tres claſſes ſubinde in nouem cameras diſtribuunt, quarum prima eſt trium unitatum, uidelicet intellectualis, cœleſtis & elementalis: Secunda eſt dyadum, Tertia triadum, & ſic de reliquis: formãturq; cameræ illæ ex interſectione quatuor linearũ parallelarum, ſeſe in angulos rectos interſecantium, ſicut in hac ſequenti figura exprimitur:

א י ק	ב כ ר	ג ל ש
ר מ ת	ח נ ר	ו ס ם
ז ע ן	ח פ ת	ט צ ץ

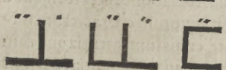
Qua in partes diſſecata, egrediuntur nouem figuræ particulares, ſcilicet:

quæ ſunt nouem camerarum ſuas literas characterizantium, per ſupraſcriptum notariacon: qui ſi unius puncti eſt, primam illius cameræ literam indicat: ſi duplicis, ſecundā: ſi triplicis, tertiā literā refert: ut, ſi characterem Michaël מיכאל formare uelis, is egredietur talis, quinq; figuris extenſus, ſcilicet:

Quæ deinde contrahuntur ad tres figuras, hoc modo:

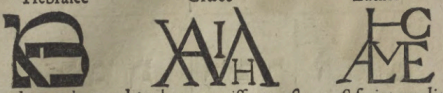

Quæ deinceps contrahuntur in unam, pūcta tamen notariacon ſolent omitti: euadit itaq; character Michaëlis talis.

Est adhuc alius characterum modus, omnibus ferè literis & linguis communis, atq; admodum facilis, qui fit per literarum colligantiam: ut, si detur nomen angeli Michaël, characteres eius formabuntur tales:

Hebraicè Græcè Latinè

Atq; hic modus apud Arabes receptissimus est, nec est scriptura aliqua quæ tam prompte atq; eleganter sibi connectatur, sicut Arabica. Scire aũt oporret quod angelici spiritus, cum sint puri intellectus, & omnino incorporei, signaculis & characteribus figurisq; pingibilibus, aliisue humanis nutibus non compelluntur: sed nos eorum essentiam qualitatemq; ignorantes, ab illorũ nominibus, siue operibus, siue aliter pro nostris affectibus, characteres illis figurasq; & signacula deuouemus & consecramus, non quibus illos ad nos ullo modo compellere possimus, sed quibus nos ad illos adsurgimus quatenus per eiusmodi characteres figurasq; ignorabiles, primo sensus nostros tam intimos quàm extimos in illos conferimus, deinde rationis nostræ admiratione quadam in ipsorum religiosam inducimur uenerationẽ, atq; exinde tota mente in extaticam rapimur adorationem, ubi tunc fide mirifica, spe infallaci, amore uiuifico', illos in spiritu & ueritate ueris nominibus characteribusq; inuocantes, postulatam ab illis adsequimur uirtutem.

Adhuc alius characterum modus, atque de signaculis spirituum quæ sola reuelatione recepta sunt. Caput XXXI.

Est aliud characterum genus, sola reuelatione acceptum, quod nulla alia ratione potest indagari: quorum characterum uirtus est ex ipso numine reuelante, cuius sunt latentia quædam signacula, diuinitatis alicuius harmoniam spirantia: uel sunt ueluti fœdera quædam seu pacta initi fœderis inter nos & illos: eius generis sunt signaculum Constantino ostensum, quod crucem plerique appellabãt, Latinis literis inscriptum, IN HOC VINCE. & alterum reuelatũ Antiocho cognomine Soteris, in figura pẽtagoni, quod sanitatẽ edicit: nã resolutum in literas, edicit uocabulũ יעקב, id est, SANITAS: in quorũ signorum fidutia & uirtute, uterq; regum insignem contra hostes uictoriam reportauit. Sic Iudas qui ob eam rem postea cognominatus est Machabæus, cum Iudæis pugnaturus contra Antiochum Eupatorem, nobile illud signaculum מכבי ab angelo accepit, in cuius uirtute primum quatuordecim milia cum ingenti numero elephãtorum, deinde iterum triginta quinq; milia hostium strauerunt: est enim hoc signaculum nominis quadriliteri repræsentatiuum, atq; nominis septuaginta duarum literarum per æqualitatẽ numeri memorabile symbolũ, & expositio illius est, מי כמוך באלים יהוה, id est,

Quis ſicut tu in fortibus tetragramme. Horum itaq; memoratorum trium ſignaculorum figuræ formandæ ſunt tales.

Præterea de iſtis ſignaculis & characteribus loquitur Porphyrius in libro de Reſponſis, inquiens, deos ipſos quibus rebus gauderent, & quibus euocarentur ſignificaſſe, & quæ ſibi offerenda eſſent: figuras quoq; ipſas ſimulacrorũ quales eſſe deberẽt, characteres quoq; & figuras monſtraſſe, hæcq; ſe de Proſerpinæ oraculo percepiſſe. Dicitq; inſuper, Hecaten quomodo ſimulacra ſibi conſtituenda eſſent, præcepiſſe: & quòd circundanda abſinthio: quòd pingendi domeſtici mures, quæ pulcherrima illi eſſent ornamenta, & animo ſuo gratiſſima, totq; mures quot eius eſſent formæ ſumendi: tũ ſanguis, myrrha, ſtorax, & alia quædam incendenda: quæ ſi fierent, per ſomnium appareret reſponderetq; hæc operanti. Sed ipſius Hecates oraculum ſubiiciemus, ita enim ait:

Hecates ſimulacrũ, & quo pacto ſacra illi faciẽda.

Quale mihi facias ſimulacrum, aduerte docebo:
Sylueſtri cape nata loco, atq; abſinthia circũ
Ponito, tum totum cœlato & pingito mures,
Qui ſoleant habitare domos: pulcherrima ſunto
Hæc ornamenta atq; animo gratiſſima noſtro.
Tum myrrham, thus, ſtyracem ipſorumq; cruorẽ
Conterito pariter murum, ſacra deſuper inde
Verba cane, & tot uero adhibe mures que repone,
Quot mihi tu eſſe uides formas, tum ſumito laurum,
Exq; eius trunco uaginam aptato, piasq;
Tunc effunde preces ſimulacro, & debita ſolue
Vota hæc ſi facies, per ſomnum meq; uidebis.

Oraculũ Hecates.

Eiuſmodi erant olim gentilium deorum dæmoniorumq; ſecreta myſteria, quibus ſe cogi, detineri & ligari poſſe hominibus perſuadebant. Hinc docẽt Iamblichus & Porphyrius, oportere ſacros dæmones inuocantem, unumquemq; proprio honore proſequi, & diſtribuere ſingulis quod cuiq; cõuenit, ex gratiis, oblationibus, donis, ſacrificiis, uerbis, characteribus eorũ cõditioni congruis & quamſimilimis, aliàs ipſam numinũ ſiue dæmonum præſentiam, opratumq; effectum nequaquã adſequetur: quin & inuocati nocere conabuntur, eis præſertim, qui negligentius in ea re ſe habuerint.

Quomodo alliciantur à nobis boni dæmones, & quomodo mali dæmones à nobis conuincantur.

Caput XXXII.

EFficax religionis præsentia dæmonum sortitur effectũ, neq; enim potest in religione fieri opus ullũ mirabilis alicuius efficaciæ, nisi illic bonorum aliquis dæmonum adsit operis rector & impletor: dæmones autem boni, & si à nobis diuersimo de alliciuntur, nullis tamen uinculis, uel uix saltem à nobis possunt astringi, sed duntaxat sacris quibusdam obtestari, ut apud Apuleium legimus, per cœlestia sydera, per inferna numina, per naturalia elementa, per nocturna silentia, per adepta conceptitia, per incremẽta Nilotica, & arcana Memphytica & sistra Phariaca. Et alibi apud Porphyrium: Tu qui è lino emersisti, qui sedes in loco, qui nauigio nauigas, qui singulis horis formam commutas, & in singulis zodiaci signis commutaris. His & huiusmodi symbolicis orationibus atq; hymnis, quia diuinarum uirtutum signa sunt, dæmones nonnunquam humanis usibus sese accommodabant: nõ quòd necessitate quadam compulsi, sed sponte & consuetudine quadã, ac inuocantium precibus uicti facilius accedunt: unde apud Porphyrium in libro Responsoꝝ ait Hecate:

Dæmones obtestari quomodo oporteat.

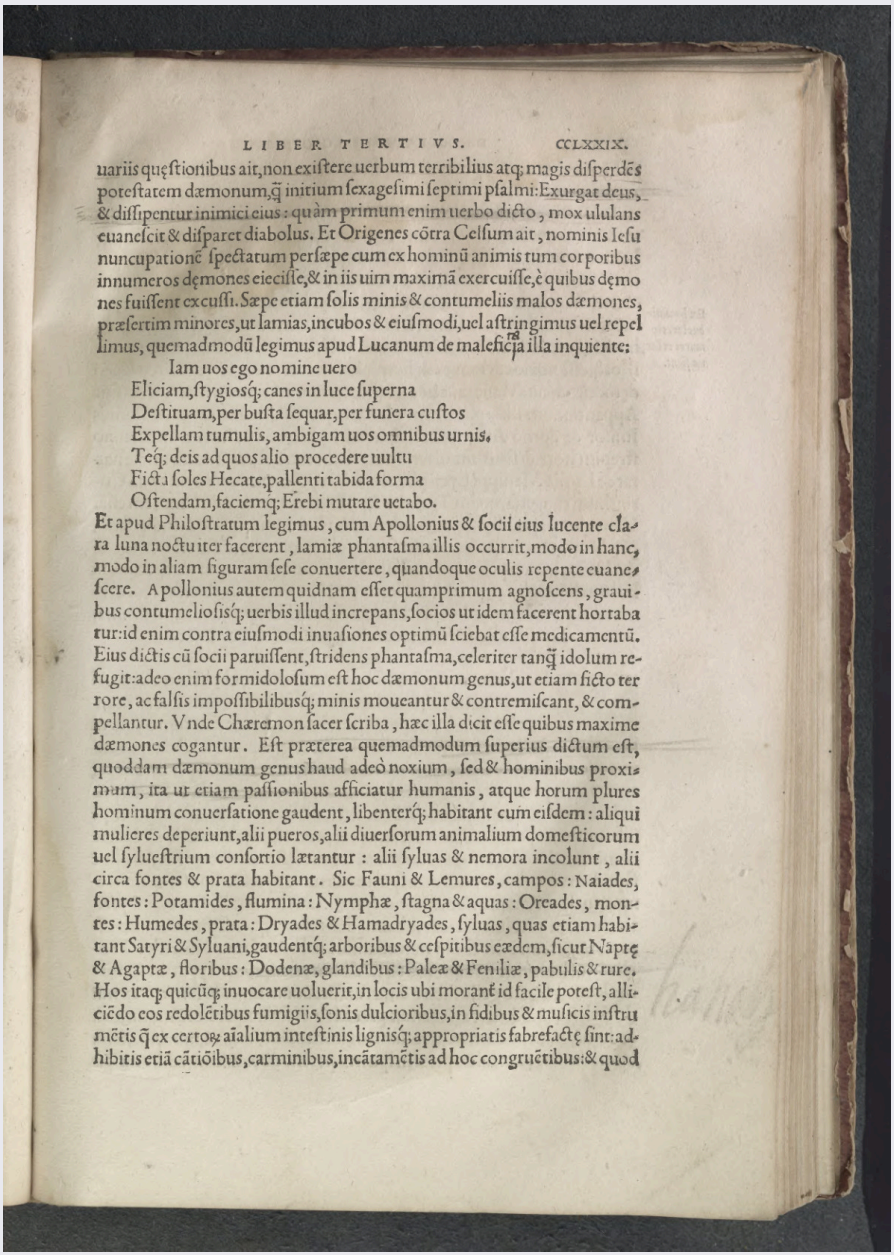
Exorata tuis ueni sermonibus istuc.

Et in eodem alibi ait:

Victa hominum precibus, cœlestia numina terram
Coguntur petere, & casus aperire futuros.

Adsistentiæ dæmoniũ ratio.

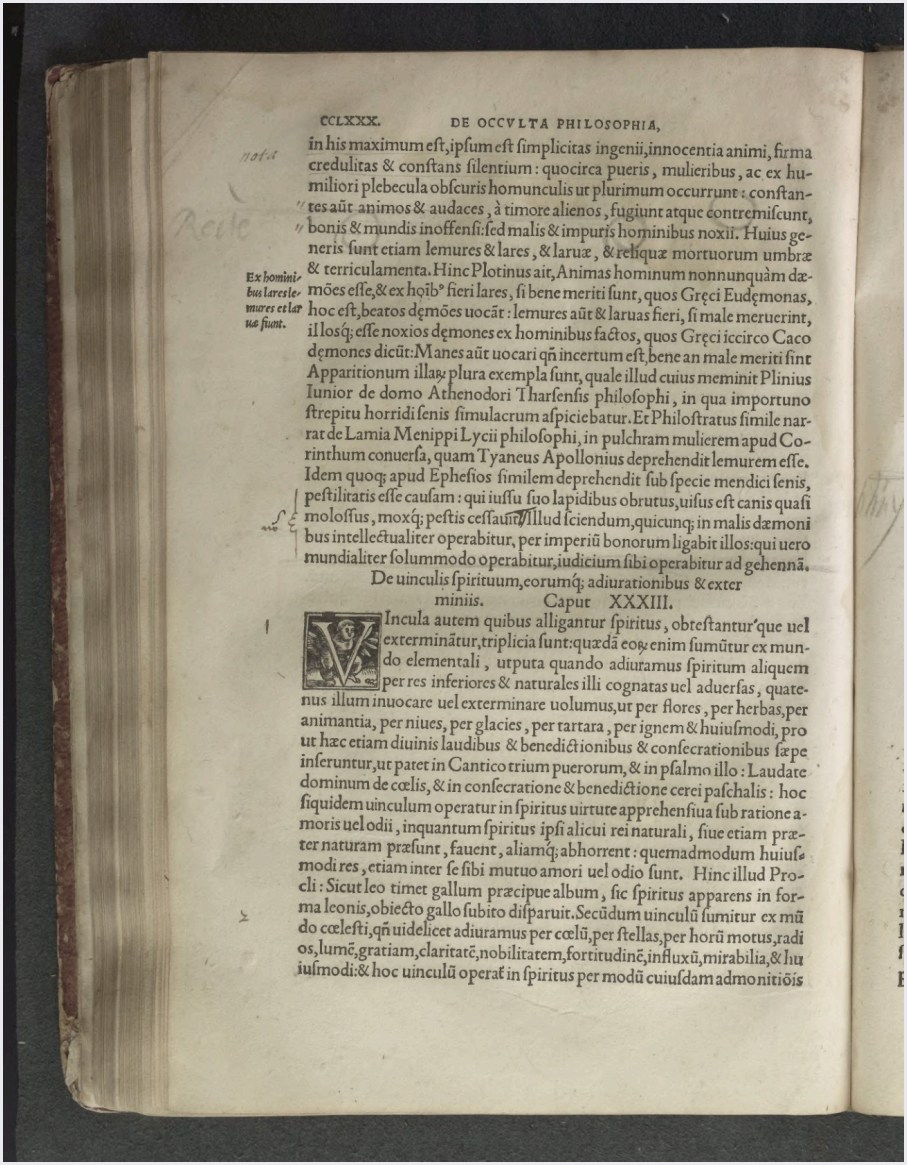
Sed & diuinitatis consortium cum mente humana efficit, quod ipsi boni spiritus nobis libenter adsistunt, ac potentiam uirtutemq; suam nobis cõmunicant, quotidie nos illuminationibus, inspirationibus, oraculis, uaticiniis, somniis, miraculis, prodigiis, diuinationibus, auguriis adiuuantes operantesq; & agentes in nostras animas, tanquam sibi cõsortes imagines, eos suis influxibus formando, sibiq; similimas efficiendo usq; adeo, quòd anima nostra sæpe tam fermè mirabilia operetur, quàm cœlestes soleant dæmones. Mali uero dæmones à nobis conuincuntur auxilio bonoꝝ, præsertim quando obtestator erga deũ sanctimonia pollet, uerbaq; sacra sermonemq; horribilem incantet, puta coniurando potestate diuina, per ueneranda superna turalium uirtutum nomina & signacula, per miracula, per sacramenta, per sacra mysteria & eiusmodi, quæ quidem cõiurationes siue exorcismata, qua tenus nomine religionis & diuinæ uirtutis fiunt, propter hoc timent ea maligni dæmones: unde etiam sæpe prophani homines sacris eiusmodi coniurationibus, malos dæmones constringunt uel abiiciunt, talia non ferentes. Vnde Cyprianus in libro, Quod idola dii non sint, dicit, Quod dæmones adiurati per deum uerum, nobis statim cedunt & fatentur, & de obsessis corporibus exire coguntur, & uel statim exiliunt, uel gradatim euanescunt, prout fides patientis adiuuat, aut gratia iurantis aspirat. Et Athanasius in libro de

uariis quęſtionibus ait, non exiſtere uerbum terribilius atq; magis diſperdēs poteſtatem dæmonum, q̄ initium ſexageſimi ſeptimi pſalmi: Exurgat deus, & diſſipentur inimici eius: quàm primum enim uerbo dicto, mox ululans euaneſcit & diſparet diabolus. Et Origenes cōtra Celſum ait, nominis Ieſu nuncupationē ſpectatum perſæpe cum ex hominū animis tum corporibus innumeros dęmones eieciſſe, & in iis uim maximā exercuiſſe, è quibus dęmones fuiſſent excuſſi. Sæpe etiam ſolis minis & contumeliis malos dæmones, præſertim minores, ut lamias, incubos & eiuſmodi, uel aſtringimus uel repellimus, quemadmodū legimus apud Lucanum de maleficā illa inquiente:

Iam uos ego nomine uero
Eliciam, ſtygioſq; canes in luce ſuperna
Deſtituam, per buſta ſequar, per funera cuſtos
Expellam tumulis, ambigam uos omnibus urnis.
Teq; deis ad quos alio procedere uultu
Ficta ſoles Hecate, pallenti tabida forma
Oſtendam, faciemq; Erebi mutare uetabo.

Et apud Philoſtratum legimus, cum Apollonius & ſocii eius lucente clara luna noctu iter facerent, lamiæ phantaſma illis occurrit, modo in hanc, modo in aliam figuram ſeſe conuertere, quandoque oculis repente euaneſcere. Apollonius autem quidnam eſſet quamprimum agnoſcens, grauibus contumelioſiſq; uerbis illud increpans, ſocios ut idem facerent hortabatur: id enim contra eiuſmodi inuaſiones optimū ſciebat eſſe medicamentū. Eius dictis cū ſocii paruiſſent, ſtridens phantaſma, celeriter tanq̄ idolum refugit: adeo enim formidoloſum eſt hoc dæmonum genus, ut etiam ficto terrore, ac falſis impoſſibilibusq; minis moueantur & contremiſcant, & compellantur. Vnde Chæremon ſacer ſcriba, hæc illa dicit eſſe quibus maxime dæmones cogantur. Eſt præterea quemadmodum ſuperius dictum eſt, quoddam dæmonum genus haud adeò noxium, ſed & hominibus proximum, ita ut etiam paſſionibus afficiatur humanis, atque horum plures hominum conuerſatione gaudent, libenterq; habitant cum eiſdem: aliqui mulieres deperiunt, alii pueros, alii diuerſorum animalium domeſticorum uel ſylueſtrium conſortio lætantur: alii ſyluas & nemora incolunt, alii circa fontes & prata habitant. Sic Fauni & Lemures, campos: Naiades, fontes: Potamides, flumina: Nymphæ, ſtagna & aquas: Oreades, montes: Humedes, prata: Dryades & Hamadryades, ſyluas, quas etiam habitant Satyri & Syluani, gaudentq; arboribus & ceſpitibus eædem, ſicut Naptę & Agaptæ, floribus: Dodenæ, glandibus: Paleæ & Feniliæ, pabulis & rure. Hos itaq; quicūq; inuocare uoluerit, in locis ubi morant id facile poteſt, allicīēdo eos redolētibus fumigiis, ſonis dulcioribus, in fidibus & muſicis inſtrumētis q̄ ex certo⁹ aīalium inteſtinis ligniſq; appropriatis fabrefactę ſint: adhibitis etiā cātiōibus, carminibus, incātamētis ad hoc congruētibus: & quod

in his maximum eſt, ipſum eſt ſimplicitas ingenii, innocentia animi, firma credulitas & conſtans ſilentium: quocirca pueris, mulieribus, ac ex humiliori plebecula obſcuris homunculis ut plurimum occurrunt: conſtantes aũt animos & audaces, à timore alienos, fugiunt atque contremiſcunt, bonis & mundis inoffenſi: ſed malis & impuris hominibus noxii. Huius generis ſunt etiam lemures & lares, & laruæ, & reliquæ mortuorum umbræ & terriculamenta. Hinc Plotinus ait, Animas hominum nonnunquàm dæmões eſſe, & ex hoĩb⁹ fieri lares, ſi bene meriti ſunt, quos Græci Eudæmonas, hoc eſt, beatos dæmões uocãt: lemures aũt & laruas fieri, ſi male meruerint, illoſq; eſſe noxios dæmones ex hominibus factos, quos Græci iccirco Caco dæmones dicũt: Manes aũt uocari qñ incertum eſt, bene an male meriti ſint. Apparitionum illarũ plura exempla ſunt, quale illud cuius meminit Plinius Iunior de domo Athenodori Tharſenſis philoſophi, in qua importuno ſtrepitu horridi ſenis ſimulacrum aſpiciebatur. Et Philoſtratus ſimile narrat de Lamia Menippi Lycii philoſophi, in pulchram mulierem apud Corinthum conuerſa, quam Tyaneus Apollonius deprehendit lemurem eſſe. Idem quoq; apud Epheſios ſimilem deprehendit ſub ſpecie mendici ſenis, peſtilitatis eſſe cauſam: qui iuſſu ſuo lapidibus obrutus, uiſus eſt canis quaſi moloſſus, moxq; peſtis ceſſauit. Illud ſciendum, quicunq; in malis dæmonibus intellectualiter operabitur, per imperiũ bonorum ligabit illos: qui uero mundialiter ſolummodo operabitur, iudicium ſibi operabitur ad gehennã.

Ex hominibus lares lemures et laruæ fiunt.

De uinculis ſpirituum, eorumq; adiurationibus & exterminiis. Caput XXXIII.

VIncula autem quibus alligantur ſpiritus, obteſtantur'que uel exterminãtur, triplicia ſunt: quædã eoꝝ enim ſumũtur ex mundo elementali, utputa quando adiuramus ſpiritum aliquem per res inferiores & naturales illi cognatas uel aduerſas, quatenus illum inuocare uel exterminare uolumus, ut per flores, per herbas, per animantia, per niues, per glacies, per tartara, per ignem & huiuſmodi, pro ut hæc etiam diuinis laudibus & benedictionibus & conſecrationibus ſæpe inſeruntur, ut patet in Cantico trium puerorum, & in pſalmo illo: Laudate dominum de cœlis, & in conſecratione & benedictione cerei paſchalis: hoc ſiquidem uinculum operatur in ſpiritus uirtute apprehenſiua ſub ratione amoris uel odii, inquantum ſpiritus ipſi alicui rei naturali, ſiue etiam præter naturam præſunt, fauent, aliamq; abhorrent: quemadmodum huiuſmodi res, etiam inter ſe ſibi mutuo amori uel odio ſunt. Hinc illud Procli: Sicut leo timet gallum præcipue album, ſic ſpiritus apparens in forma leonis, obiecto gallo ſubito diſparuit. Secũdum uinculũ ſumitur ex mũdo cœleſti, qñ uidelicet adiuramus per cœlũ, per ſtellas, per horũ motus, radios, lumẽ, gratiam, claritatẽ, nobilitatem, fortitudinẽ, influxũ, mirabilia, & huiuſmodi: & hoc uinculũ operat in ſpiritus per modũ cuiuſdam admonitiõis

& exempli. Habet etiã nõnihil imperii, maxime in ſpiritus miniſtros, & qui ex infimis ordinibus ſunt. Tertium uinculum ipſum eſt ex mundo intellectuali atq; diuino, quod religione perficitur, utputa cum adiuramus per ſacramenta, per miracula, per diuina nomina, per ſacra ſignacula, & cætera religionis myſteria: quare hoc uinculum omnium ſupremum eſt & fortiſſimum, agens in ſpiritus imperio & poteſtate. Illud autem obſeruandum eſt, quòd ſicut poſt uniuerſalem prouidentiam eſt particularis prouidentia, & poſt uniuerſalem animã particulares animæ: ita primo inuocamus per uincula ſuperiora, & per nomina atq; uirtutes quę regunt res, deinde per inferiora atq; res ipſas. Sciendum etiam, quoniam per hæc uincula non ſolum ſpiritus, ſed & omnes ligantur creaturæ, ut tempeſtates, incendia, diluuia, peſtes, morbi, uis armorum, & animalia quæq;, adſumẽdo illa ſiue per modum adiurationis, ſiue per modum deprecationis ſeu benedictionis, ut in adiuratione ſerpentum, præter naturalia & cœleſtia, commemorando ex myſteriis & religiõne maledictionem ſerpentis in paradiſo terreſtri, erectionem ſerpentis in deſerto: adſumendo præterea uerſiculum illum nonageſimi noni Pſalmi: Super aſpidem & baſiliſcum ambulabis, & conculcabis leonem & draconem. Superſtitio etiam in his plurimum pollet, per tranſlationem alicuius ritus ſacramentalis ad id quod ligare aut impedire intẽdimus, utputa excõmunicationis, ſepulturę uel exequiarum, ad exterminandos morbos, uel ſerpentes, mures, uel uermiculos, quod in pluribus locis ſic factum legimus, & adhuc fieri conſueuit.

Tertium.

Ordo in uinculis ſeruandus.

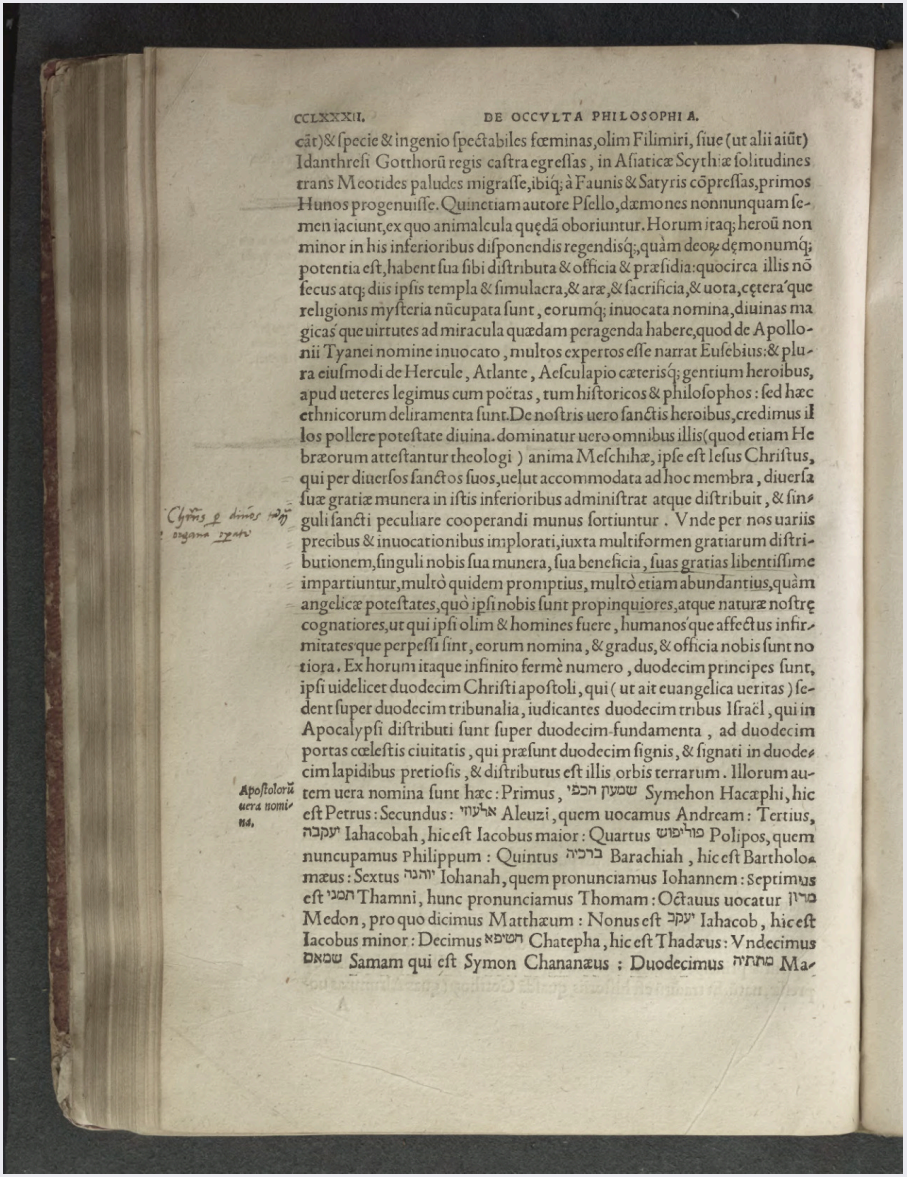
Quæ per hæc uincula ligẽtur.

Superſtitio quantum uitanda ſit.

De ordine animaſtico atq; heroibus. Caput XXXIIII.

POſt beatorum ſpirituum choros, proximus eſt ordo animaſticus, quem Hebręorum theologi Iſſim uocant, hoc eſt uiros fortes & robuſtos: gentium magi, heroas nuncupant & ſemideos, ſiue deos ſermones. Quos Fulgentius non contemnendus autor, ideo dictos putat, aut quia ob meriti paupertatẽ cœlo digni nõ cenſeantur, nec terreni tamẽ putentur propter gratiæ uenerationẽ, cuiuſmodi olim Priapus, Hippo, Vertumnus: aut quia diuinis uirtutibus, & in humanum genus beneficiis, in hac uita præcellentes, poſt exutum hunc mortalem hominem, in deorum beatorũ choros translatæ ſunt, eiſdem, quibus olim in hac uita, uirtutibus & beneficiis mortalibus perpetuo prouidentes: aut quia arcano ſuperum ſemine procreati ſunt, quos ex deorum ſiue dæmonum cum hominibus commixtione genitos putant: ideoq; mediam quandam naturam ſortitos, ut qui nec angeli, nec homines ſint: quam opinionem ſequitur etiam Lactantius: Et ſunt adhuc hodie qui commercium & coniugalem cõmixtionem habeant cũ dæmonibus. & iam creditum eſt ab omnibus, Merlinum Britannũ uatẽ fuiſſe filiũ dæmonis & uirgine natum. Sed & Platonẽ ſapientiæ principẽ opinati ſunt de uirginis partu, Apollinis phãraſmate oppreſſæ, natũ. Et traditũ eſt hiſtoriis, quaſdã Gotthoꝝ (quas Alrumnas uo-

A

cāt)& ſpecie & ingenio ſpectabiles fœminas, olim Filimiri, ſiue (ut alii aiūt) Idanthreſi Gotthorū regis caſtra egreſſas, in Aſiaticæ Scythiæ ſolitudines trans Meotides paludes migraſſe, ibiq; à Faunis & Satyris cōpreſſas, primos Hunos progenuiſſe. Quinetiam autore Pſello, dæmones nonnunquam ſemen iaciunt, ex quo animalcula quędā oboriuntur. Horum itaq; heroū non minor in his inferioribus diſponendis regendisq;, quàm deorū dęmonumq; potentia eſt, habent ſua ſibi diſtributa & officia & præſidia: quocirca illis nō ſecus atq; diis ipſis templa & ſimulacra, & aræ, & ſacrificia, & uota, cętera'que religionis myſteria nūcupata ſunt, eorumq; inuocata nomina, diuinas magicas'que uirtutes ad miracula quædam peragenda habere, quod de Apollonii Tyanei nomine inuocato, multos expertos eſſe narrat Euſebius: & plura eiuſmodi de Hercule, Atlante, Aeſculapio cæterisq; gentium heroibus, apud ueteres legimus cum poētas, tum hiſtoricos & philoſophos: ſed hæc ethnicorum deliramenta ſunt. De noſtris uero ſanctis heroibus, credimus illos pollere poteſtate diuina. dominatur uero omnibus illis (quod etiam Hebræorum atteſtantur theologi) anima Meſchihæ, ipſe eſt Ieſus Chriſtus, qui per diuerſos ſanctos ſuos, uelut accommodata ad hoc membra, diuerſa ſuæ gratiæ munera in iſtis inferioribus adminiſtrat atque diſtribuit, & ſinguli ſancti peculiare cooperandi munus ſortiuntur. Vnde per nos uariis precibus & inuocationibus implorati, iuxta multiformen gratiarum diſtributionem, ſinguli nobis ſua munera, ſua beneficia, ſuas gratias libentiſſime impartiuntur, multò quidem promptius, multò etiam abundantius, quàm angelicæ poteſtates, quò ipſi nobis ſunt propinquiores, atque naturæ noſtrę cognatiores, ut qui ipſi olim & homines fuere, humanos'que affectus infirmitates'que perpeſſi ſint, eorum nomina, & gradus, & officia nobis ſunt notiora. Ex horum itaque infinito fermè numero, duodecim principes ſunt, ipſi uidelicet duodecim Chriſti apoſtoli, qui (ut ait euangelica ueritas) ſedent ſuper duodecim tribunalia, iudicantes duodecim tribus Iſraël, qui in Apocalypſi diſtributi ſunt ſuper duodecim fundamenta, ad duodecim portas cœleſtis ciuitatis, qui præſunt duodecim ſignis, & ſignati in duodecim lapidibus pretioſis, & diſtributus eſt illis orbis terrarum. Illorum autem uera nomina ſunt hæc: Primus, שמעון הכפי Symehon Hacæphi, hic eſt Petrus: Secundus: אלעזי Aleuzi, quem uocamus Andream: Tertius, יעקבה Iahacobah, hic eſt Iacobus maior: Quartus פוליפוש Polipos, quem nuncupamus Philippum: Quintus ברכיה Barachiah, hic eſt Bartholomæus: Sextus יהנה Iohanah, quem pronunciamus Iohannem: Septimus eſt תמני Thamni, hunc pronunciamus Thomam: Octauus uocatur מרון Medon, pro quo dicimus Matthæum: Nonus eſt יעקב Iahacob, hic eſt Iacobus minor: Decimus חשיפא Chatepha, hic eſt Thadæus: Vndecimus שמאם Samam qui eſt Symon Chananæus: Duodecimus מתתיה Ma-

Chriſtus & diuus שלוחי ὁ ὀργανα ἔμψυχα

Apoſtolorū uera nomina.

tattiah, qui dicitur Mathias. Post illos sunt septuaginta duo Christi discipuli, qui & ipsi præsunt totidem cœlestium quinariis, & tribubus, & populis, & nationibus, & linguis: post quos innumera est sanctorum multitudo, qui & ipsi diuersa officia, & loca, & nationes, & populos in sua præsidia tutelamq; recepere, quorum manifestissima miracula ad fideles inuocantium preces, palàm uidemus atq; confitemur.

De diis mortalibus atq; terrenis. Caput XXXV.

POst istos proximi sunt dii mortales, quos similiter heroas, & deos terrenos, siue deorum supernorum complices uocamus, uidelicet reges, & principes, & pontifices, quibus mũdus iste regitur, eorumq; legibus disponitur: quos iccirco tanquam deos suspicimus, colimus & ueneramur, quia ipse deus suum nomen communicari illis passus est, & propria appellatione id illis confirmauit, uocans illos deos, quemadmodum ad Mosen dixit inquiens: Ego te dedi deum Pharaoni. & alibi de illis præcepit dicens: Diis non detrahes. & iterum: Si furtum latuerit, applicabitur dominus domus ad deos. & Psalmista ait: Principes populorum congregati sunt cum deo Abraham, quoniam dii fortes terræ uehementer eleuati sunt. & alibi: Deus stetit in concilio deorum, in medio autem deos diiudicat. & paulo post: Ego dixi dii estis, & filii excelsi omnes. Iam uerò etiam de illis colendis & uenerandis præcepit, decimas & primitias illis decernens, & gladii ius tribuens, atq; illis maledici uetans, obedientiamq; illis præstandam etiam licet discolis præcipiẽs. Hinc antiquitas omnis principes suos deos appellabat, & uelut numina colebat, Sicut testatẽ Ianus apud Ouidium, in primo Fastorum inquiens:

Tunc ego regnabam, potens cum terra deorum
Esset, & humanis numina mixta locis.

Et diuinus Plato libro tertio de Republica instituit principes tàm uiuos q̃ mortuos diuinis honoribus celebrandos esse: quæ institutio apud omnes gẽtes, & à primo æuo semper recepta fuit, scilicet Principes diuinis honoribus deificare, & æterna memoria consecrare. Hinc urbibus, & prouinciis, & mõtibus, & fluminibus, & æquoribus, & insulis, & mari, illorum nunquam desitura nomina imponebant: tum pyramides, colossos, arcus triumphales, trophæa, statuas, delubra, ludos, festa illis magna pompa dedicarunt: qui & cœlos, & stellas, & dies, & menses, illorum nominibus uocarunt. Hinc Ianuarius à Iano, Iulius à Iulio, Augustus ab Augusto: sic dies Mercurii à Mercurio Trismegisto, dies Iouis à Ioue, quem morem non solum ab Aegyptiis Græcis & Romanis obseruatum legimus, sed etiam ab extremis barbaris, Gotthis, Danis & Teutonibus. Hinc teste Saxone grammatico, quem illi Mercurii diem uocant, isti Othini diem appellant: quem illi à Ioue, isti Thor dicunt, ab Othino & Thor Gotthorum & Danorum olim rẽgibus. Nec alia ratione Gotthi nuncupati sunt, quàm quòd summum deũ eorum

lingua nuncupant Gotthum. Hinc & Teutones dicti, quia quem colebant deum Martem, nuncupabant Teutanem, quo nomine Galli etiam Mercurium uocabant. Sunt itaque reges & pontifices (modo iusti sint) deorum complices, similiq; potestate pollentes. Hinc solo tactu aut uerbo morbos curant, temporibus & cœlis nonnunquam imperant, sicut de Augusto cecinit Vergilius:

Nocte pluit tota, redeunt spectacula mane,
Diuisum imperium cum Ioue Cæsar habet.

Et de Iosue testatur scriptura, qui pugnans in Gabaon præcepit soli & lunæ, inquiens: Sol contra Gabaon ne mouearis, & luna contra uallem Aialon: steterunt; ad præceptum eius sol & luna, nec occubuit sol spatio unius diei, donec ulciscereturse de inimicis suis, & obediuit dominus uoci hominis. Diuisit etiam Moses mare rubrum, & Iosue Iordanem, & traduxerunt populū siccis pedibus. Simile fecit Alexander Macedo, traducens exercitum. Nonnunquam etiam propherico spiritu pollent, sicut de Caipha legimus in scriptura sacra, quòd prophetauit, eo quod esset pontifex anni illius. Cum igitur ita sit, quòd reges & pontifices terræ dominus uoluit dici deos, per communicationem nominis & potestatis, certè & nos decet de illis bene mereri, & illorum iudicia nostris anteferre, planeq; obedire, supplicare, & adorare, & omni uenerationis genere colere, atq; ipsum summum deū in illis reuereri.

De homine quomodo creatus ad imaginē dei. Cap. XXXVI.

Mercurius. Trismegistus.

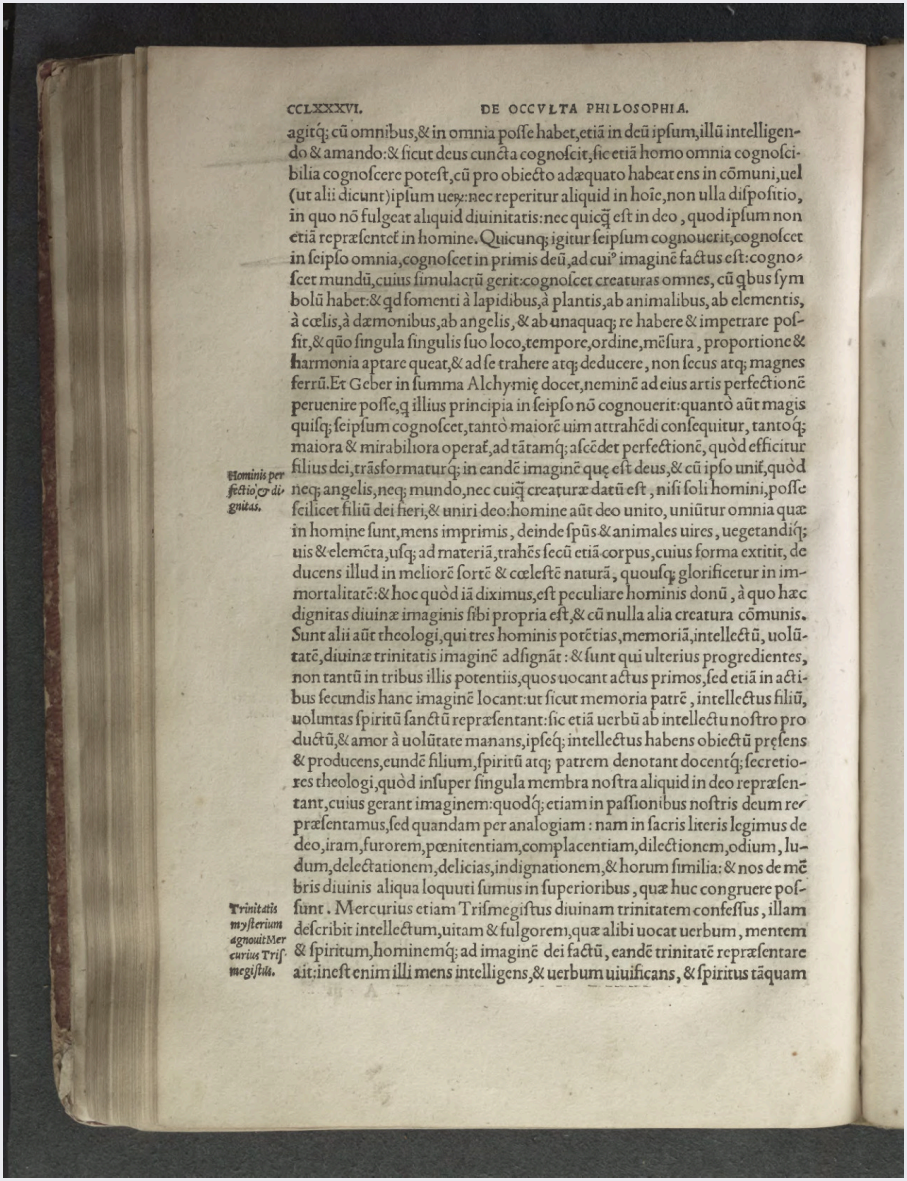
EXuperantissimus deus (ut Trismegistus ait) duas sibi similes finxit imagines, mundū uidelicet atq; hoīem, in quo; altero luderet miris quibusdā operationibus, in altero uero deliciis frueretur: qui cum ipse sit unus, mundum creauit unum: cum ipse sit infinitus, mundum creauit rotundum: cum ipse sit æternus, mūdum creauit incorruptibilē & æuiternum: cum ipse sit immensus, mundū creauit omnium maximum: cum ipse sit summa uita, mundum etiam uitalibus seminibus exornauit, ex sese cuncta gignentem: & cum ipse sit omnipotens, sola uolūtate sua, nō ulla naturæ necessitate mundū nō ex præiacēte materia, sed ex nihilo creauit: & cum sit summa bonitas, uerbum suū quod est prima omniū rerū idea, optima sua uolūtate essentialiq; amore cōplexus, mundū hunc extrinsecum ad exemplar mūdi intrinseci uidelicet idealis fabricauit, nihil tamen extramittendo de essentia ideæ, sed ex nihilo creauit, quod ab æterno habuit per ideam. Creauit deus etiā hominem ad imaginem suam: nam sicuti imago dei mundus est, sic imago mundi, homo est: hinc putant quidam dictum esse, quòd homo non simpliciter imago dei creatus est, sed ad imaginē, quasi imaginis imago: iccirco microcosmus dictus est, hoc est, minor mundus. Mundus animal est rationale, immortale: homo similiter animal est rationale, sed mortale, hoc est, dissolubile: Nam (ut inquit Hermes) cum mundus ipse immortalis sit, impossibile est partem eius aliquam

Dei imago, mūdus: mundi, homo.

interire: mortis igitur nomen uanum est. Et quemadmodum uacuum, nusquam est mori. Igitur dicimus hominem, quando anima & corpus separantur, non quod aliquid eorum intereat siue conuertatur in nihilum: uerunta men uera dei imago uerbum suum est, sapientia, uita, lux & ueritas, per seipsum existens, cuius imaginis, animus humanus imago est, propter quam ad imaginem dei facti esse dicimur, non ad imaginem mundi aut creaturarum: Nã sicut deus nec tangi potest, nec auribus percipi, nec oculis intueri: ita animus hominis nec uideri, nec audiri, nec tangi potest: & sicut deus ipse infinitus est, & à nullo potest compelli: Sic & humanus animus liber est, & nec cogi, nec mensurari potest: tum ut deus totum hunc mundum, & quicquid in eo est, sola mente gerit: sic illum humanus animus etiam cogitatiõe complectitur, atq; quod soli illi cum deo peculiare est, ut deus mundum totum solo nutu mouet atq; gubernat: sic animus humanus nutu solo corpus suum agit atq; regit. Animum igitur hominis sic uerbo dei sigillatum, necesse fuit etiam corporeum hominẽ ad consummatissimum mundi exemplar induere. Homo itaq; alter mundus uocatus est, & altera dei imago: quia in se ipso habet totum quod in maiori mundo continetur, ut nihil relictum sit, quod ipsum non etiam uere & realiter in ipso homine reperiatur. Et hæc omnia apud eum, eisdem quibus in maiori mundo officiis fungantur. Sunt in ipso elementa, per uerissimas naturæ suæ proprietates. Est in ipso æthereum corpusculum, animæ uehiculum, cœlo proportione correspondens. Sunt in ipso plantarum uita uegetatiua, animalium sensus, cœlestis spiritus, angelica ratio, mensq; diuina: & omnium horum simul in unum confluentiũ uera cõiunctio, & diuina possessio. Hinc in sacris literis uocatur homo omnis creatura: nec solum homo alter mundus effectus, ipsius partes omnes in se complectitur, sed etiam ipsum deum concipit & continet. Hinc Xystus Pythagoricus, ait hominis animum esse templum dei, quod etiam multo luci dius expressit Paulus inquiens: Templum dei estis uos: idemq; pluribus locis sacra scriptura testatur. Est igitur homo expressissimum dei simulacrũ, quando homo omnia in se continet, quæ in deo sunt: sed deus per eminentiam quandam omnia continet uirtute sua & simpliciter, sicut omniũ causa & principium: homini autem dedit uirtutem, ut similiter cõtineret omnia, sed actu & compositione quadam, uelut omnium nexus, uinculum atq; nodus. Homo itaq; solus hõ hoc honore gaudet, quod cum omnibus symbolũ habet, & cũ omnibus operationẽ, cũ omnibus conuersationem. Symbolizat cũ materia, in proprio subiecto: cũ elemẽtis, in quadrifario corpore: cũ plantis, in uegetatiua uirtute: cum animalibus, in sensitiua: cum cœlis, in æthereo spiritu, atq; influxu partium superiorum in inferiores: cum angelis, in intellectu & sapientia: cum deo, in omnium continentia: conuersatur cum deo & intelligentiis, per fidem & sapientiam: cum cœlis & cœlestibus, per ratiõem & discursum: cũ inferioribus omnibus, per sensum & dominiũ;

Mortis nomen, uanum

Homo, templum dei.

agitq; cũ omnibus,& in omnia posse habet,etiã in deũ ipsum,illũ intelligendo & amando:& sicut deus cuncta cognoscit,sic etiã homo omnia cognoscibilia cognoscere potest,cũ pro obiecto adæquato habeat ens in cõmuni,uel (ut alii dicunt)ipsum uerum:nec reperitur aliquid in hoĩe,non ulla dispositio, in quo nõ fulgeat aliquid diuinitatis:nec quicq; est in deo, quod ipsum non etiã repræsentet in homine. Quicunq; igitur seipsum cognouerit,cognoscet in seipso omnia,cognoscet in primis deũ,ad cuius imaginẽ factus est:cognoscet mundũ,cuius simulacrũ gerit:cognoscet creaturas omnes, cũ quibus symbolũ habet:& qd fomenti à lapidibus,à plantis,ab animalibus,ab elementis, à cœlis,à dæmonibus,ab angelis, & ab unaquaq; re habere & impetrare possit,& quõ singula singulis suo loco,tempore,ordine,mẽsura, proportione & harmonia aptare queat,& ad se trahere atq; deducere, non secus atq; magnes ferrũ. Et Geber in summa Alchymię docet,neminẽ ad eius artis perfectionẽ peruenire posse,q illius principia in seipso nõ cognouerit:quantò aũt magis quisq; seipsum cognoscet,tantò maiorẽ uim attrahẽdi consequitur, tantoq; maiora & mirabiliora operat,ad tãtamq; ascẽdet perfectionẽ, quòd efficitur filius dei,trãsformaturq; in eandẽ imaginẽ quę est deus,& cũ ipso unit,quòd neq; angelis,neq; mundo,nec cuiq; creaturæ datũ est, nisi soli homini,posse scilicet filiũ dei heri,& uniri deo:homine aũt deo unito, uniũtur omnia quæ in homine sunt,mens imprimis, deinde spũs & animales uires, uegetandiq; uis & elemẽta,usq; ad materiã,trahẽs secũ etiã corpus,cuius forma extitit, deducens illud in meliorẽ sortẽ & cœlestẽ naturã, quousq; glorificetur in immortalitatẽ:& hoc quòd iã diximus,est peculiare hominis donũ, à quo hæc dignitas diuinæ imaginis sibi propria est,& cũ nulla alia creatura cõmunis. Sunt alii aũt theologi,qui tres hominis potẽtias,memoriã,intellectũ, uolũtatẽ,diuinæ trinitatis imaginẽ adsignãt:& sunt qui ulterius progredientes, non tantũ in tribus illis potentiis,quos uocant actus primos,sed etiã in actibus secundis hanc imaginẽ locant:ut sicut memoria patrẽ, intellectus filiũ, uoluntas spiritũ sanctũ repræsentant:sic etiã uerbũ ab intellectu nostro productũ,& amor à uolũtate manans,ipseq; intellectus habens obiectũ præsens & producens,eundẽ filium,spiritũ atq; patrem denotant docentq; secretiores theologi,quòd insuper singula membra nostra aliquid in deo repræsentant,cuius gerant imaginem:quodq; etiam in passionibus nostris deum repræsentamus,sed quandam per analogiam: nam in sacris literis legimus de deo,iram,furorem,pœnitentiam,complacentiam,dilectionem,odium, ludum,delectationem,delicias,indignationem,& horum similia:& nos de mẽbris diuinis aliqua loquuti sumus in superioribus, quæ huc congruere possunt. Mercurius etiam Trismegistus diuinam trinitatem confessus, illam describit intellectum,uitam & fulgorem,quæ alibi uocat uerbum, mentem & spiritum,hominemq; ad imaginẽ dei factũ, eandẽ trinitatẽ repræsentare ait:ineſt enim illi mens intelligens,& uerbum uiuificans,& spiritus tãquam

Hominis perfectio & dignitas.

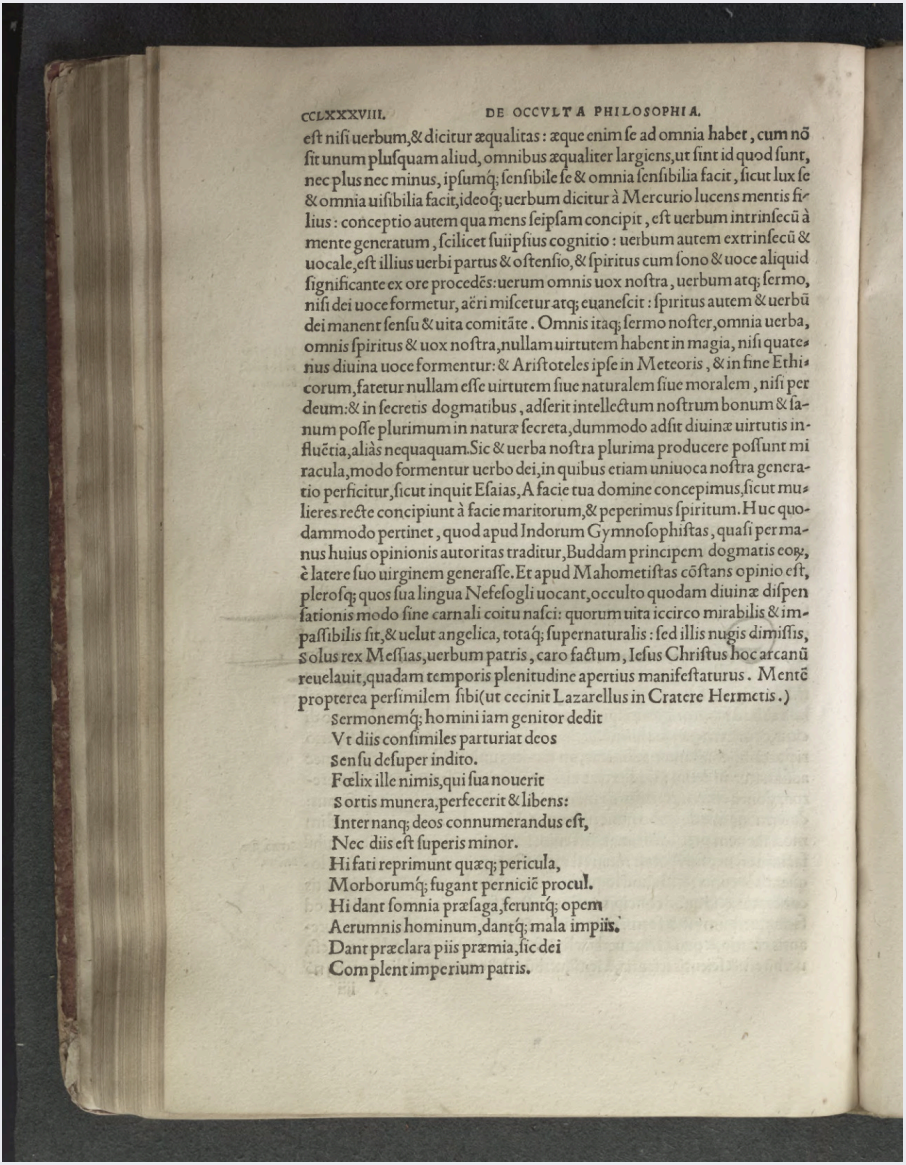
Trinitatis mysterium agnouit Mercurius Trismegistus.

fulgor diuinus ſeſe undiq; diffundens, omnia replens, mouens & connectẽs: non tamen hoc intelligẽdum de ſpiritu naturali, qui eſt medium per quod unitur anima cum carne & corpore, per quẽ corpus uiuit & operatur, & unũ membrũ operatur in aliud, de quo ſpiritu in primo libro locuti ſumus: ſed hic agitur de ſpiritu rationali, qui tamen etiam corporeus quodãmodo eſt, nõ tamẽ habet corpus craſſum, tangibile & uiſibile, ſed corpus ſubtiliſſimũ & facile unibile cũ mente, ſcilicet ſuperiori & diuino illo quod eſt in nobis. Nec miretur quiſpiã, Si animã rationalẽ dicimus eſſe illum ſpiritũ & quid corporeum, ſiue habere & ſapere aliquid corporeitatis, dũ eſt in corpore & illo utitur tanquam inſtrumento, ſi modo intellexeritis quid ſit apud Platonicos æthereũ illud animæ corpuſculũ ipſius uehiculũ. Plotinus itaq; & Platonici omnes poſt Triſmegiſtũ ſimiliter tria ponunt in homine, quæ uocant ſupremum, infimum & medium. Supremũ eſt illud diuinum, quam mentẽ, ſiue portionem ſuperiorem, ſiue intellectum illuſtratum uocant: Moſes in Geneſi uocat ipſum ſpiraculũ uitarum, à deo uidelicet, uel à ſpiritu eius in nos ſpiratũ. Infimum eſt ſenſitiua anima, quam etiam idolum dicunt: Paulus apoſtolus animalẽ hominẽ nuncupat. Mediũ eſt ſpũs rationalis utraq; connectens extrema atq; ligans, uidelicet animã animalẽ cũ mẽte, & utriuſq; ſapiens naturam extremorũ: differt tamen ab illo ſupremo, qui intellectus illuminatus, mens, lux & portio ſuprema dicitur: differt etiam ab anima animali, à qua nos illum ſeparare debere per uirtutem uerbi dei docet Apoſtolus, dicens: Viuus eſt ſermo dei & efficax, & penetrabilior omni gladio ancipiti, pertingens uſq; ad diuiſionẽ animæ & ſpiritus. Sicut enim portio illa ſuprema nunq̃ peccat, nunquã malo conſentit, ſemperq; errori reſiſtit & ad optima hortatur: ſic inferior illa portio & animalis anima, in malo & peccato & concupiſcentia ſemper demergitur, & trahit ad peſſima, de qua ait Paulus: Video aliam legem in membris meis, & captiuantem me in lege peccati. Mens igitur ſuprema portio nunquam damnatur, ſed puniendis ſociis illæſa abit ad ſuam originem: ſpiritus uero, quæ rationalis anima à Plotino dicitur, cum ſit natura ſua liber, & utriq; ad libitum adhærere poteſt, ſi ſuperiori portioni conſtanter adhæreat, illi tandem unitur & beatificatur, donec adſumatur in deum: ſi adhæreat animæ inferiori, deprauatur & demeretur, donec efficiatur malus dæmon. Sed hæc de mente & ſpiritu hactenus: de ſermone ſiue de uerbo nunc uideamus. Hunc Mercurius eiuſdem ad immortalitatem pretii exiſtimat. Eſt enim ſermo ſiue uerbum, ſine quo nihil factum eſt nec fieri poteſt: quin eſt expreſſio exprimentis & expreſſi: & loquentis locutio, & id quod loquitur, ſermo & uerbum eſt: & concipientis conceptio, & id quod concipit, uerbum eſt: & ſcribentis ſcriptio, & id quod ſcribit, uerbum eſt: & formãtis formatio, & quod format, uerbum eſt: & creantis creatio, & quod creat, uerbũ eſt: & facientis factio, & quod factum eſt, uerbũ eſt: & ſcientis ſcientia, & ſcitũ, uerbũ eſt: & omne quod dici poteſt, nõ

Tria in homine ponũt Platonici.

Mens

Sermo, ſiue uerbum.

est nisi uerbum,& dicitur æqualitas: æque enim se ad omnia habet, cum nõ sit unum plusquam aliud, omnibus æqualiter largiens,ut sint id quod sunt, nec plus nec minus, ipsumq; sensibile se & omnia sensibilia facit, sicut lux se & omnia uisibilia facit,ideoq; uerbum dicitur à Mercurio lucens mentis filius: conceptio autem qua mens seipsam concipit, est uerbum intrinsecũ à mente generatum, scilicet suiipsius cognitio: uerbum autem extrinsecũ & uocale,est illius uerbi partus & ostensio,& spiritus cum sono & uoce aliquid significante ex ore procedẽs: uerum omnis uox nostra, uerbum atq; sermo, nisi dei uoce formetur, aëri miscetur atq; euanescit: spiritus autem & uerbũ dei manent sensu & uita comitãte. Omnis itaq; sermo noster,omnia uerba, omnis spiritus & uox nostra,nullam uirtutem habent in magia, nisi quatenus diuina uoce formentur: & Aristoteles ipse in Meteoris, & in fine Ethicorum,fatetur nullam esse uirtutem siue naturalem siue moralem, nisi per deum:& in secretis dogmatibus, adserit intellectum nostrum bonum & sanum posse plurimum in naturæ secreta,dummodo adsit diuinæ uirtutis influẽtia,aliàs nequaquam.Sic & uerba nostra plurima producere possunt miracula,modo formentur uerbo dei,in quibus etiam uniuoca nostra generatio perficitur,sicut inquit Esaias,A facie tua domine concepimus,sicut mulieres recte concipiunt à facie maritorum,& peperimus spiritum. Huc quodammodo pertinet, quod apud Indorum Gymnosophistas, quasi per manus huius opinionis autoritas traditur,Buddam principem dogmatis eorũ, è latere suo uirginem generasse. Et apud Mahometistas cõstans opinio est, plerosq; quos sua lingua Nefesogli uocant,occulto quodam diuinæ dispensationis modo sine carnali coitu nasci: quorum uita iccirco mirabilis & impassibilis sit,& uelut angelica, totaq; supernaturalis: sed illis nugis dimissis, solus rex Messias,uerbum patris, caro factum, Iesus Christus hoc arcanũ reuelauit,quadam temporis plenitudine apertius manifestaturus. Mentẽ propterea persimilem sibi(ut cecinit Lazarellus in Cratere Hermetis.)

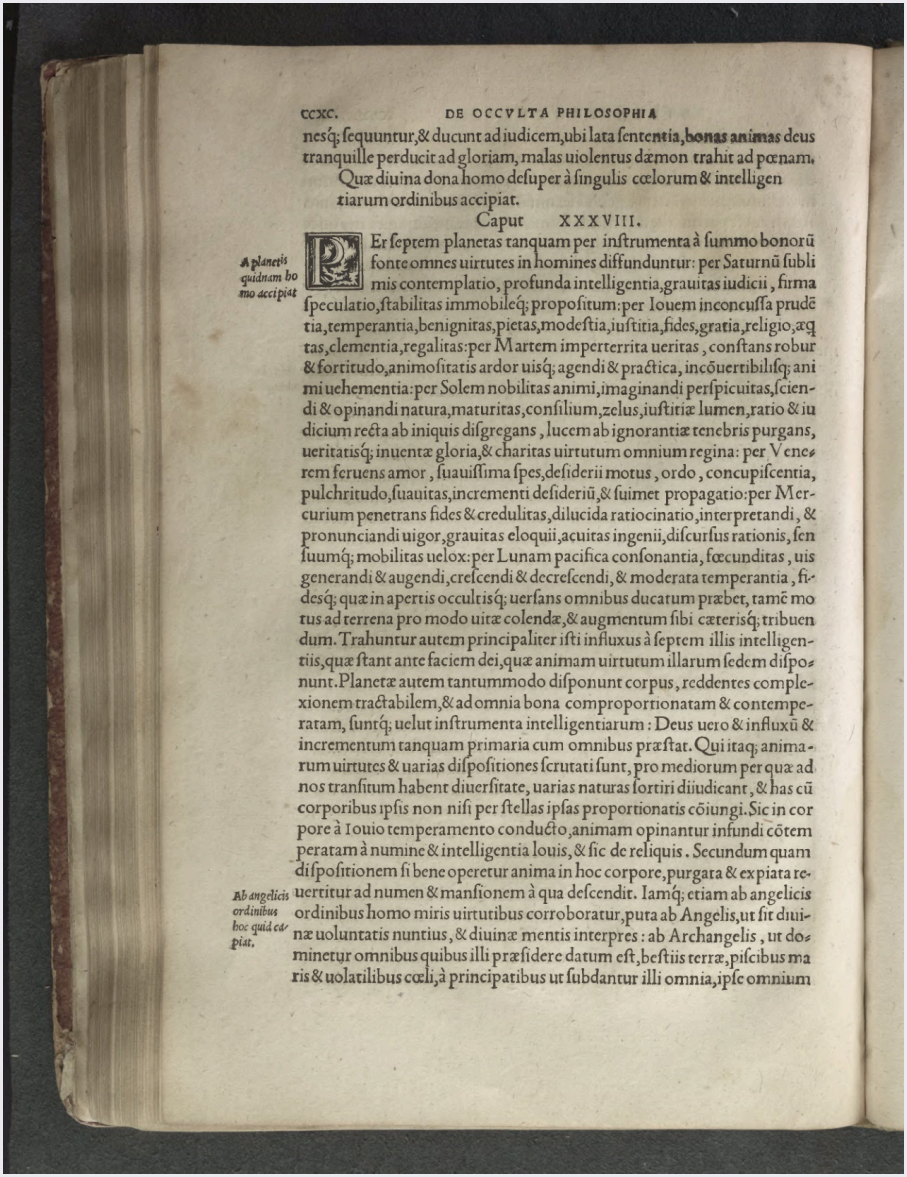
Sermonemq; homini iam genitor dedit
Vt diis consimiles parturiat deos
Sensu desuper indito.
Fœlix ille nimis,qui sua nouerit
Sortis munera,perfecerit & libens:
Inter nanq; deos connumerandus est,
Nec diis est superis minor.
Hi fati reprimunt quæq; pericula,
Morborumq; fugant pernicie procul.
Hi dant somnia præsaga,feruntq; opem
Aerumnis hominum,dantq; mala impiis.
Dant præclara piis præmia,sic dei
Complent imperium patris.

Hi ſunt diſcipuli, hi ſunt filii dei,
Qui non ex uoluntate carnis, nec ex uoluntate uiri, nec menſtruatæ, ſed ex deo nati ſunt. Eſt aũt uniuoca generatio, in qua filius eſt patri ſimilis omni moda ſimilitudine, & in qua genitũ ſecundũ ſpeciẽ idem eſt cum generante. Atq; hæc eſt potentia uerbi à mente formata in ſubiectũ diſpoſitũ rite ſuſcepti, ueluti ſemen in matricem ad generationem & partum coaliti: dico autẽ diſpoſitum, & rite ſuſcepti, quia non omnia eodem modo uerbi participes euadunt, ſed alia aliter. Et hæc ſunt de recõditiſſimis naturæ ſecretis, de quibus non eſt aliud publice pertractandum.

De anima humana, & per quæ media iungatur corpori. Caput XXXVII.

ANima humana eſt lux quædã diuina, ad imaginẽ uerbi, cauſæ cauſarũ, primi exẽplaris creata, ſubſtantia dei, ſigilloq; figurata cuius character eſt uerbum æternum. Item anima humana eſt ſubſtantia quædam diuina, indiuidua, & tota cuique corporis parti præſens, ab incorporeo autore ita producta, ut ex agentis uirtute ſolũ, non ex materię gremio dependeat. Eſt anima numerus ſubſtantialis, uniformis, ad ſeipſum conuerſiuus & rationalis, corpora omnia & materialia longo ſuperans interuallo, cuius partitio non eſt ſecundum materiam, nec ab inferioribus & craſſioribus, ſed ab efficiente cauſa proueniens: non eſt enim numerus quantus, ſed ſemotus ab omnibus corporeis legibus: unde nec diuiditur, nec per partes multiplicatur. Eſt itaq; anima diuina quædã ſubſtãtia, à diuinis fontibus emanans, ducens ſecũ numerũ: nõ quippe illũ diuinum, quo opifex omnia diſpoſuit, ſed rationalẽ numerũ, quo cũ omnibus proportionẽ habens omnia intelligere poſſit. Talis itaq; humana anima, iuxta Platonicos ſententiã, immediate procedens à deo, per media cõpetentia corpori huic iungitur craſſiori: unde primo quidẽ in ipſo deſcenſu, cœleſti aëreoq; inuoluitur corpuſculo, quod æthereum animæ uehiculũ uocant, alii currũ animæ appellant: hoc medio, iuſſu dei, qui mundi centrum eſt, in punctum cordis mediũ, quod eſt centrũ corporis humani, primũ infunditur, & exinde per uniuerſas corporis ſui partes membraq; diffunditur, quãdo currũ ſuũ naturali iungit calori, per calorẽ ſpiritui ex corde genito, per hũc ſe immergit humoribus, per illos inhæret mẽbris, atq; his omnibus ęque ſit proxima, licet per aliud in aliud transfundatur: quemadmodũ calor ignis, aëri & aquę hæret proximè, licet per aërem tollatur ad aquam. Ita patet quomodo immortalis anima per immortale corpuſculũ, uidelicet æthereũ uehiculũ, cor pore clauditur craſſiore & mortali. Quãdo uero p morbũ malũ ue ſoluũtur uel deficiunt hæc media, tunc anima ipſa per ſingula media eſſe recolligit, refluitq; in cor, quod primum erat animæ ſuſceptaculum: cordis uero deficiẽte ſpiritu extincto'que calore, ipſum deſerit & moritur homo, & euolat anima cum æthereo hoc uehiculo, illam'que egreſſam genii cuſtodes dæmo-

Anima humana quid.

nesq; sequuntur,& ducunt ad iudicem,ubi lata sententia,bonas animas deus tranquille perducit ad gloriam, malas uiolentus dæmon trahit ad pœnam.

Quæ diuina dona homo desuper à singulis cœlorum & intelligentiarum ordinibus accipiat.

Caput XXXVIII.

A planetis quidnam homo accipiat

PEr septem planetas tanquam per instrumenta à summo bonorũ fonte omnes uirtutes in homines diffunduntur: per Saturnũ sublimis contemplatio, profunda intelligentia,grauitas iudicii , firma speculatio,stabilitas immobileq; propositum:per Iouem inconcussa prudẽtia,temperantia,benignitas,pietas,modestia,iustitia,fides,gratia,religio,æqtas,clementia,regalitas:per Martem imperterrita ueritas , constans robur & fortitudo,animositatis ardor uisq; agendi & practica, incõuertibilisq; animi uehementia:per Solem nobilitas animi,imaginandi perspicuitas,sciendi & opinandi natura,maturitas,consilium,zelus,iustitiæ lumen,ratio & iudicium recta ab iniquis disgregans , lucem ab ignorantiæ tenebris purgans, ueritatisq; inuentæ gloria,& charitas uirtutum omnium regina: per Venerem feruens amor , suauissima spes,desiderii motus , ordo , concupiscentia, pulchritudo,suauitas,incrementi desideriũ,& suimet propagatio:per Mercurium penetrans fides & credulitas,dilucida ratiocinatio,interpretandi, & pronunciandi uigor,grauitas eloquii,acuitas ingenii,discursus rationis,sensuumq; mobilitas uelox:per Lunam pacifica consonantia, fœcunditas , uis generandi & augendi,crescendi & decrescendi, & moderata temperantia , fidesq; quæ in apertis occultisq; uersans omnibus ducatum præbet, tamẽ motus ad terrena pro modo uitæ colendæ,& augmentum sibi cæterisq; tribuendum. Trahuntur autem principaliter isti influxus à septem illis intelligentiis,quæ stant ante faciem dei,quæ animam uirtutum illarum sedem disponunt.Planetæ autem tantummodo disponunt corpus , reddentes complexionem tractabilem,& ad omnia bona comproportionatam & contemperatam, suntq; uelut instrumenta intelligentiarum : Deus uero & influxũ & incrementum tanquam primaria cum omnibus præstat. Qui itaq; animarum uirtutes & uarias dispositiones scrutati sunt, pro mediorum per quæ ad nos transitum habent diuersitate, uarias naturas sortiri diiudicant, & has cũ corporibus ipsis non nisi per stellas ipsas proportionatis cõiungi.Sic in corpore à Iouio temperamento conducto,animam opinantur infundi cõtemperatam à numine & intelligentia Iouis, & sic de reliquis . Secundum quam dispositionem si bene operetur anima in hoc corpore,purgata & expiata reuertitur ad numen & mansionem à qua descendit. Iamq; etiam ab angelicis ordinibus homo miris uirtutibus corroboratur,puta ab Angelis,ut sit diuinæ uoluntatis nuntius,& diuinæ mentis interpres : ab Archangelis , ut dominetur omnibus quibus illi præsidere datum est,bestiis terræ,piscibus maris & uolatilibus cœli,à principatibus ut subdantur illi omnia,ipse omnium

Ab angelicis ordinibus hoc quid capiat.

uires amplectens,& omnes ad se ui quadam occultissima & supercœlesti attrahens: à Virtutibus uim suscipit, qua in hostes ueritatis & brauii, pro quo in hac uita stadium currimus, constanter pugnans roboretur: à Potestatibus, præsidium aduersus humani huius domicilii inimicos: à Dominationibus auxilium, quo subiicere possimus quem semper nobiscum gerimus domesticum inimicum, debitumq; finem adsequamur: A Thronis unde cõpaginemur, & unde in nos ipsos collecti, memoriam in illa æterna spectacula figamus: A Cherubinis mentis lumen, sapientiæ uim, superexcellas imagines & figuras quibus diuina ipsa contẽplari possimus: A Seraphinis, ut perfecto amoris incendio ipsis tandẽ inhæreamus. Hi sunt gradus, hæ scalę, per quas facile ascendunt homines ad quæcunq; uirtutũ genera, naturali quodã nexu & curriculo, pro uaria dispositione corporis & animi, atq; fauore stellarum in disponendo corpore, & intelligentiarum præsidentiam illis, quarum in descensu anima induit naturã, sicut lux colorẽ uitri per quod transit: fauẽte etiam superna opificis uirtute, à qua omne bonum, & sine qua nihil boni nec perfecti attingi potest. Ideoq; in uanum laborant omnes, qui naturali cursu, inferiorum uiribus & fauore duntaxat confidentes, ad diuina pertingere opinantur, quiq; in cœlis pedem figentes, à cœlesti fauore ea capere nituntur, quæ à deo uno suscipi debent. Habent siquidẽ hæc inferiora, dico animalia, herbæ, lapides, metalla, suam uim subministratam à cœlo: cœlum uero ab intelligentiis, hę autem ab opifice, in quo omnia uirtute maxima præexistunt, sicut & in homine ipso minore mundo nõ est membrum, quod nõ respondeat alicui elemento, alicui planetæ, alicui intelligentiæ, & alicui mẽsuræ ac numerationi in archetypo, sicuti superius ostendimus.

Quomodo superni influxus cum sint natura boni, in istis inferioribus deprauantur, & malorum causæ efficiantur.

Caput XXXIX.

QVoniam omnis uirtus & potestas desuper est à deo, ab intelligẽtiis & astris, qui nec errare, nec malum agere possunt, necesse est mala omnia, & quicquid in istis inferioribus discors & dissonum reperitur, non ex influentiæ malitia, sed ex mala dispositione recipientis prouenire, sicut recte cecinit Chrysippus:

Quàm falso accusant superos, stulteq; queruntur
Mortales: etenim nostrorum causa malorum
Ipsi nos sumus, & sua quenq; uecordia lędit.

Hinc Iupiter Aegisthi casus ab Oreste interfecti reminiscẽs, apud Homerũ in deorum concilio ait:

O facinus, mortale genus nos numina primum
Incusat, causamq; putat fontemq; malorum
Quæ ueniunt: sua sed pereunt ob facta nefanda,
Cum præter fatum sibi sponte incommoda quærant,

Quando igitur ſubiecti peruerſitas peruerſæ ſuſcipit influxus, uel eius debilitas tolerare non poteſt efficaciam ſuperiorũ, tũc ab influxu cœleſtiũ ſic in materiã diſcordiis plenã recepto, reſultat quid diſſonũ & deforme malumq; cœleſtibus tũ uiribus ſemper bonis permanentibus, quæ dũ in ſe exiſtunt, & à datore luminũ per ſanctas intelligentias & cœlos influũtur, quouſq; ad lunã peruenerint, eoꝝ influctia bona eſt, tanq̃ in primo gradu: deinde autem quando in ſubiecto uiliori ſuſcipitur, ipſa etiã uileſcit: tunc enim propter diuerſam recipictis naturã diuerſimode ſuſcipitur, & qualitatibus in eodẽ ſubiecto inter ſe diſſidentibus, & ipſa uariatur, & patiente ſubiecto patitur: unde ex omnibus tandẽ in ſubiecto cõprehenſis, aliud quiddã quam ſuperi influunt, reſultat. Itaq; qualitas nocens in iſtis inferioribus, longe aliena eſt ab influxu cœleſtiũ. Ideoq; ſicut lippientis calamitas luci, & incendiũ igni, & uulnera ferro, uincula & carceres iudici imputari non debent, ſed male diſpoſitis & male operantibus: ita nec in cœleſtes influxus malorꝝ culpa reiicienda eſt. Itaq; in nobis bene diſpoſitis ſuperiorũ influxus omnia cooperantur in bonũ: male autẽ diſpoſitis, & in quibus propter peccata noſtra diuinum illud quod nobis ineſt receſſit, omnia cedũt in malũ. Omniũ itaq; malorũ noſtrorũ cauſa peccatũ eſt, quod eſt deordinamentũ & diſtemperamentũ animi noſtri: cui tunc ſic male regente aut proſtrato, ac declinante ab eo quod cœleſtes influxus requirunt, rebellant omnia, & diſtẽperantur in noſtrã perniciẽ: tunc in humano corpore aliàs tẽperatiſſimo & conſonantiſſima harmonia cõpoſito, oritur elementorũ diſtemperamentũ, inſurgunt humores mali, & etiã boni deordinati & ſegregati ab inuicẽ, & uicißitudine quadã corpus uexant & torquent: tunc uehementiſſima ſentitur diſſonantia, aut ex ſuperfluitate, aut ex diminutione, aut ex intrinſeco accidente, aut ſuperfluo cibo, unde ſuperflui gignuntur humores, eademq; ex cauſa infirmitates ſuboriuntur, etiã animales ſpiritus amiſſo freno in pugnã congrediuntur: tunc cœleſtes influxus aliàs de ſe boni, redduntur illis nocui, quemadmodũ lux Solis oculis male diſpoſitis: tunc Saturnus influit anxietatẽ, tædiũ, melãcholiã, deliramenta, triſtitiã, pertinaciã, rigiditatẽ, blaſphemiã, deſperationem, mendacium, laruas lemurum, terriculamenta ſepulchrorum, expaueſcentiam buſtorum, irritamenta dæmonum. Iupiter autem tunc influit auaritiã & diuitiarum occaſiones prauas, & tyrannidem: Mars impetuoſam irã, prophanam arrogantiam, audaciæ temeritatem, & ferocem pertinaciam: Sol autem ſuperbiam imperioſam, & inexplebilem ambitionẽ. Venus concupiſcentiæ deceptiones, laſciuos amores turpesq; libidines: Mercurius fraudes, dolos, mendacia, machinationes malorum, & peccandi promptitudinẽ: Luna rerum omnium inſtabilem progreſſum, & quæcunq; ſunt humanæ naturæ contraria. Atq; hoc modo homo ipſe propter ſuam cum cœleſtibus diſſimilitudinẽ, nocumentũ ſuſcipit, unde beneficiũ reportare deberet. Propter eandẽ cũ cœleſtibus diſſonantiã (ut inquit Proclus) etiam ſubiiciuntur

Malis ſuperioraquæ in fluant.

tunc homines malis dæmonibus,qui ueluti dei lictores in torquendis illis ſe ſe expediunt. Tunc ueniunt illis immiſſiones per angelos malos quouſque debitis expurgationibus rurſus expientur, reuertaturq; homo ad cœleſtem naturam. Optimus igitur magus multa mala prohibere poteſt,à ſtellarũ diſpoſitione profectura,cum eorum naturam præſentit,præueniendo, præcauendo & præmuniendo ne occurrãt,& ne male diſpoſitum ſubiectum, ſicut diximus,nocumentum ſuſcipiat, unde beneficium reportare deberet.

Optimus & magiſtrum magus

Quod unicuiq; homini impreſſus eſt character diuinus cuius uigore poteſt pertingere ad operandum mirabilia. Caput XL.

NON mediocri experientia comprobatum eſt, inſitam homini à natura quandam dominandi & ligandi uim: nam quod teſtatur Plinius, elephas homini obuio in ſolitudine errãti, clemens pla cidusq; demonſtrare uiam traditur: idem ueſtigia hominis priuſquàm hominem animaduertens,ab inſidiarum metu contremiſcere,ſubſiſtere,circunſpectare,& expaueſcere dicitur.Eodẽ modo tygris,feris cunctis truculẽtior,uiſo homine catulos protinus trãsferre dicit: & plura his ſimilia legim⁹ apud uarios autores q de aĩalibus magnis uoluminibus ſcripſerũt:uerũ unde cognoſcãt animalia hæc hominẽ timendũ quem nunq̃ uiderunt, & ſi ſæpe uiderint & cognouerint,unde timẽt, tantis illo magnitudine, uiribus & uelocitate præſtãtiores? quæ ue ſit hæc hominis natura feris hunc timorẽ incutiens,oc̃s quidem illi animaliũ hiſtoriographi inquirunt & innuunt,ſed aliis reliquerũt docendũ atq; probandũ. De hoc igitur Apollonius Tyaneus (ut legitur apud Philoſtratum)uiſo puero ducente ingentẽ elephantem,roganti Damo,unde hæc tã uaſti animalis erga paruulũ obediẽtia eſſet, reſpõdit:id eſſe ex terrore quodam actiuo,homini ab opifice immiſſo:quẽ præſentientes inferiores creaturæ & animalia omnia ipſum hominẽ timẽt,& reuerẽtur,qui eſt,uelut character terrificus & ſignaculum dei homini impreſſum, quo quęcunq; illi ſubiiciunt̃ ſuperioremq; agnoſcũt,ſiue ſeruus ſiue animal ſit:alioquin enim nec puer regeret armẽta & elephãtes : neq; rex perterreret populũ nec iudex reos. Hic itaq; character hominibus à diuina idea impreſſus eſt,quam Hæbreorũ Cabaliſtæ Pahad פחד uocant, & ſiniſtram & gladiũ dei. Neq; uero tantũmodo habet homo ſignũ quo timeatur,ſed etiam quod diligatur,cuius idea in diuinis numerationibus uocatur Hęſed חסד quod clementiã ſignificat,& dextram & ſceptrũ dei. Ab his diuinis numerationibus, per intelligẽtias & ſtellas nobis imprimũtur ſigna & characteres unicuiq; ſecundum capacitatem & puritatem ſuam,quæ ſigna primus protoplaſtes in omni integritate & plenitudine proculdubio poſſidebat quãdo placida mã ſuetudine attracta & terrore ſubiecta,uenerunt ad eũ cuncta animantia ueluti ad dominum,ut eis nomina imponeret.Verum poſt præuaricatiõis peccatum à dignitate illa decidit,cũ omnibus poſteris ſuis,neq; tamen omnino

Hominẽ fræ gilem truces feræ cur timeant.

B

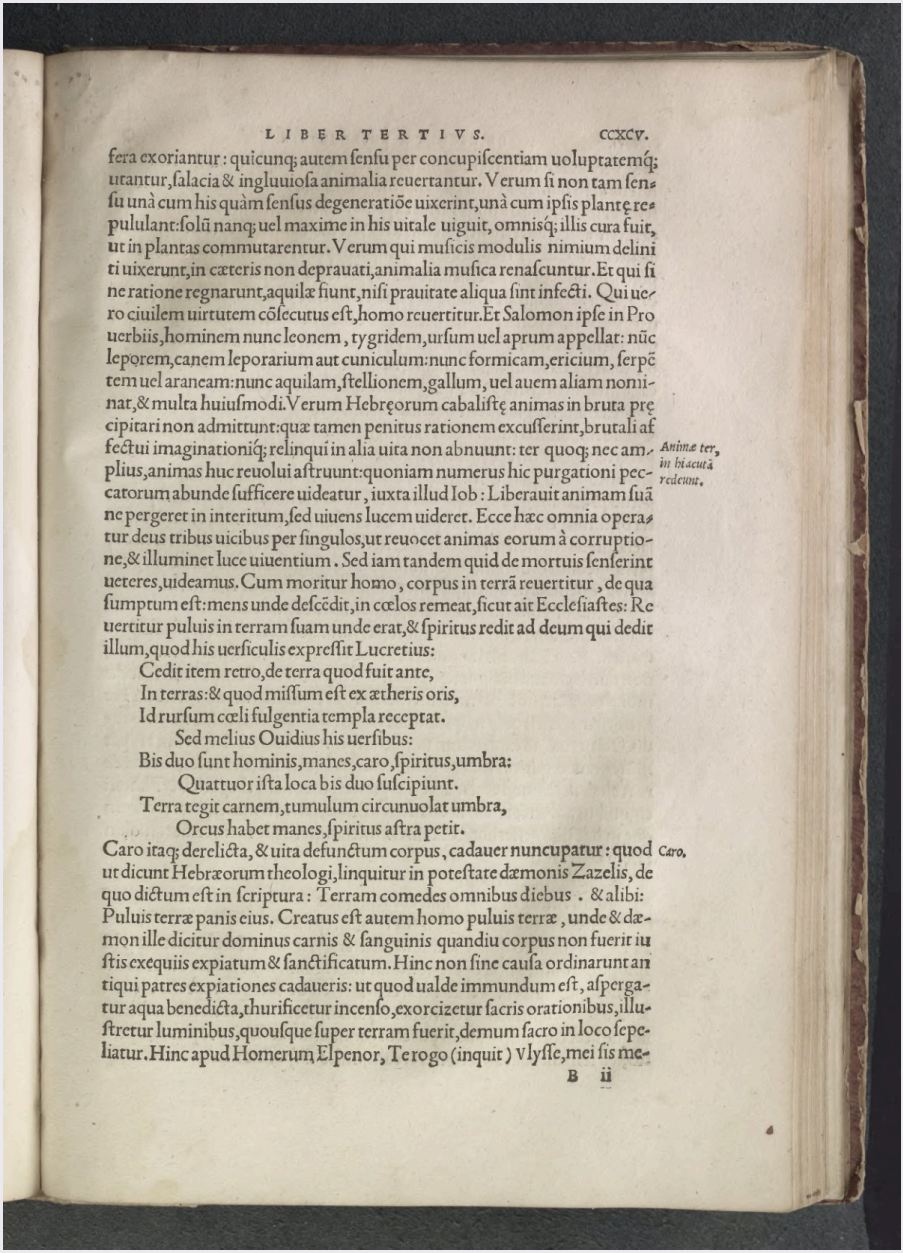
character ille in nobis extinctus est, sed quanto magis quis grauatur peccato, tãto magis à diuinis istis characteribus longius abest, minusq; recipit: & unde benignitatem & reuerentiam recipere deberet, ipse in aliorum cadit seruitutẽ atq; timorem, cum animalium tum hominũ & dæmonum. Quod sentiens Cain timebat, inquiẽs ad deũ: Omnis qui inuenier me occidet me: bestias quippe & dæmones timebat, non tam homines qui paucissimi erant. Antiquitus autem multi homines qui in innocentia uiuebant, optimam uitam agentes, adhuc illa fruebantur obedientia & potestate, sicut Samson, David & Daniel in leones, Helisæus in ursas, Paulus in uiperam, & multi anachoretæ habitabant in desertis, in cauernis & speluncis ferarum, non timentes, nec nocumentum ullum accipientes: sicut enim per peccatum obtenebratur diuinus ille character: sic expurgato & expiato peccato, rursus ille magis magisq; illucescit.

Quid de homine post mortem, opiniones uariæ. Caput XLI.

OMnibus hominibus communiter semel mori statutũ est, mors omnibus fatalis est: sed alia naturalis, alia uiolenta, alia uoluntarie susceptа: alia ob delictum humanis legibus irrogata, aut propter crimen infligente illam deo, ut non naturæ debitum, sed pro delictis pœnam reddidisse uideantur: quam (ut dicunt Hebræorum magistri) deus nulli remittit. Vnde tradidit conuentus Ezechiæ, quod post dirutam sanctuarii domum, licet nullus iudiciariæ executionis superfuisset ordo, tamen quadrifaria suppliciorum genera, quibus condemnari solebãt, neminem mortis reum sine retalatione euasisse: nam qui lapidibus mortẽ promeruerat, iis dispensante deo, aut recto præcipitabatur, aut à feris conculcabatur, aut ruina aut casu obruebatur: qui uero meruisset ignem, hic aut incendio absumebatur, aut uenenato morsu, aut serpentis ictu, aut toxico uitam finiuit: qui autem gladio interiturus fuisset, aut imperii uiolentia, aut populi tumultu, aut factione, aut prædonum insidiis trucidabatur: qui laqueo suspendendus erat, aut aquarum uortice suffocabatur, aut alia quauis strangulatoria lue extinguebatur. Et hac doctrinæ ratione etiã magnus ille Origenes enarrandum censuit illud Christi euangeliũ: Qui gladio ferit, gladio perit. Quin & ethnici philosophi eiusmodi retaliatiõis ordinẽ Adrastiam esse pronunciant, uidelicet diuinarum legum inceitabilẽ potestatem, qua futuris circuitibus rependatur unicuiq; pro ratione & meritis uitæ prioris, ut qui iniuste dominabatur in uita priore, uita alia in seruilẽ relabatur statũ: qui manus sanguine polluerit, talionẽ subire cogat: qui bestia lẽ uixerit uitã, in brutale corpus reuolutus præcipitet. de istis scribit Plotinus in libro de Proprio cuiusq; dæmone, ingens: Quicunq; proprietatẽ seruauerũt humanam hoĩes iterum nascũtur: Quicunq; uero solo usi fuerint sensu, bruta animalia redeũt, ita tamen, ut qui sensu præcipue unà cũ ira, animalia

Adrastia.

Plotinus.

fera exoriantur: quicunq; autem ſenſu per concupiſcentiam uoluptatemq; utantur, ſalacia & ingluuioſa animalia reuertantur. Verum ſi non tam ſenſu unà cum his quàm ſenſus degeneratiõe uixerint, unà cum ipſis plantę repululant: ſolũ nanq; uel maxime in his uitale uiguit, omnisq; illis cura fuit, ut in plantas commutarentur. Verum qui muſicis modulis nimium delinĩti uixerunt, in cæteris non deprauati, animalia muſica renaſcuntur. Et qui ſine ratione regnarunt, aquilæ fiunt, niſi prauitate aliqua ſint infecti. Qui uero ciuilem uirtutem cõſecutus eſt, homo reuertitur. Et Salomon ipſe in Prouerbiis, hominem nunc leonem, tygridem, urſum uel aprum appellat: nũc leporem, canem leporarium aut cuniculum: nunc formicam, ericium, ſerpẽtem uel araneam: nunc aquilam, ſtellionem, gallum, uel auem aliam nominat, & multa huiuſmodi. Verum Hebręorum cabaliſtę animas in bruta prę cipitari non admittunt: quæ tamen penitus rationem excuſſerint, brutali affectui imaginationiq; relinqui in alia uita non abnuunt: ter quoq; nec amplius, animas huc reuolui aſtruunt: quoniam numerus hic purgationi peccatorum abunde ſufficere uideatur, iuxta illud Iob: Liberauit animam ſuã ne pergeret in interitum, ſed uiuens lucem uideret. Ecce hæc omnia operatur deus tribus uicibus per ſingulos, ut reuocet animas eorum à corruptione, & illuminet luce uiuentium. Sed iam tandem quid de mortuis ſenſerint ueteres, uideamus. Cum moritur homo, corpus in terrã reuertitur, de qua ſumptum eſt: mens unde deſcẽdit, in cœlos remeat, ſicut ait Eccleſiaſtes: Reuertitur puluis in terram ſuam unde erat, & ſpiritus redit ad deum qui dedit illum, quod his uerſiculis expreſſit Lucretius:

Animæ ter, in biacutã redeunt.

Cedit item retro, de terra quod fuit ante,
In terras: & quod miſſum eſt ex ætheris oris,
Id rurſum cœli fulgentia templa receptat.

Sed melius Ouidius his uerſibus:

Bis duo ſunt hominis, manes, caro, ſpiritus, umbra:
Quattuor iſta loca bis duo ſuſcipiunt.
Terra tegit carnem, tumulum circunuolat umbra,
Orcus habet manes, ſpiritus aſtra petit.

Caro itaq; derelicta, & uita defuncta corpus, cadauer nuncupatur: quod ut dicunt Hebræorum theologi, linquitur in poteſtate dæmonis Zazelis, de quo dictum eſt in ſcriptura: Terram comedes omnibus diebus. & alibi: Puluis terræ panis eius. Creatus eſt autem homo puluis terræ, unde & dæmon ille dicitur dominus carnis & ſanguinis quandiu corpus non fuerit iuſtis exequiis expiatum & ſanctificatum. Hinc non ſine cauſa ordinarunt antiqui patres expiationes cadaueris: ut quod ualde immundum eſt, aſpergatur aqua benedicta, thurificetur incenſo, exorcizetur ſacris orationibus, illuſtretur luminibus, quouſque ſuper terram fuerit, demum ſacro in loco ſepeliatur. Hinc apud Homerum Elpenor, Te rogo (inquit) Vlyſſe, mei ſis me-

Caro.

mor,neq; inde diſcedens,me inhumatū relinque,ne inſepultus deorū ira fiã. Mens uero humana,cuius ſacra natura & diuinum genus exiſtit,quia culpę ſemper inſors,etiam omnis pœnæ expers euadit. Anima uero ſi bene operata fuerit congaudet menti,& cum æthereo ſuo uehiculo egrediens,libera ad heroum choros tranſcendit,aut ſuperos petit: ubi omnibus ſenſibus & potentiis ſuis perpetua felicitate beata,perfecta omnium rerum cognitione,inſuper & diuina uiſione ac regni cœlorum poſſeſſione fruitur,diuinęq; poteſtatis particeps,in inferiora hæc beneficia,uaria dona largitur,ceu immortalis deus:ſi male egerit,mẽs iudicat illam atq; relinquit dæmonis arbitrio:at mœſta anima,ſine mente,uagatur apud inferos idolum,quam uocant imaginem,ſicut apud Vergilium conqueritur Dido:

Et nunc magna mei ſub terras ibit imago.

Quare hæc anima tunc expers intelligibilis eſſentiæ,furentis phantaſiæ imperio relicta,etiam corporearum qualitatum cruciatu ſubiicitur,cognoſcẽs ſeſe iuſto dei iudicio,ob ſuam culpã,diuina uiſiõe,ad quam creata erat,perpetuo priuatam:quæ quidem diuina uiſio,ſicut teſtatur ſcriptura,eſt preſentia omnium malorum,quæ pœna eſt omnium acerbiſſima,quam uocant ſacræ literæ effuſionem iræ dei. Hæc itaq; animæ imago,quandoq; ærẽũ corpus ingreditur umbram,qua inuoluta,nunc conſulit amicos,nunc exagitat hoſtes,quemadmodum apud Vergilium Dido minatur Aeneæ,inquiens:

Omnibus umbra locis adero,dabis improbe pœnas.

Nam cũ in anima ſeiuncta à corpore,perturbationes & memorię ſenſusq; remanent,dicũt Platonici animas,præcipue interfectorum,hoſtes exagitare,non tam humana indignatione id efficiẽte,quàm etiã diuina Nemeſi,ac dæmone prouidente & permittente. Sic ſpiritus Naboth (ut interpretãtur Hebræorũ magiſtri) quia in ipſius uitæ extremo cũ ultionis deſiderio emigrauit,factus fuit(ad explendum uindictã)ſpiritus mendacii,& egreſſus eſt permittente deo,ſpiritus mẽdax in ore omniũ prophetarũ,donec faceret aſcẽdere Achab in Ramod Galaad. Et Vergilius ipſe cum Pythagoricis & Platonicis,quibus adhæret etiam noſter Auguſtinus,fatẽ animas ſeparatas eorum quę in hac uita geſſerunt,nondum extinctam,retinere memoriã atq; uolutatem ubi canit:

Quæ gratia curruum
Armorumq; fuit uiuis,quæ cura nitentes
Paſcere equos,eadem ſequitur tellure repoſtos.

Et Algazel in libro de ſciẽtia diuina. Cæteriq; Arabes & Mahometiſtæ philoſophi,ſentiunt quod operationes animę coniuncto corpori cõmunes,imprimunt in animã uſus & exercitii characterẽ:quo fortiter impreſſo utetur,ſeparata ad conſimiles operationes & paſſiones quæ in uita non ſunt deletę,itaque licet corrumpatur corpus & organum,non ceſſabit propterea operatio,ſed remanebunt affectiones & conſimiles diſpoſitiones.

Et has animas priſci communi uocabulo manes uocant: quarum quæ in hac uita innocẽtes, aut uirtutib⁹ moralibus purgatæ, atq; ut canit Vergilius, *Manes.*

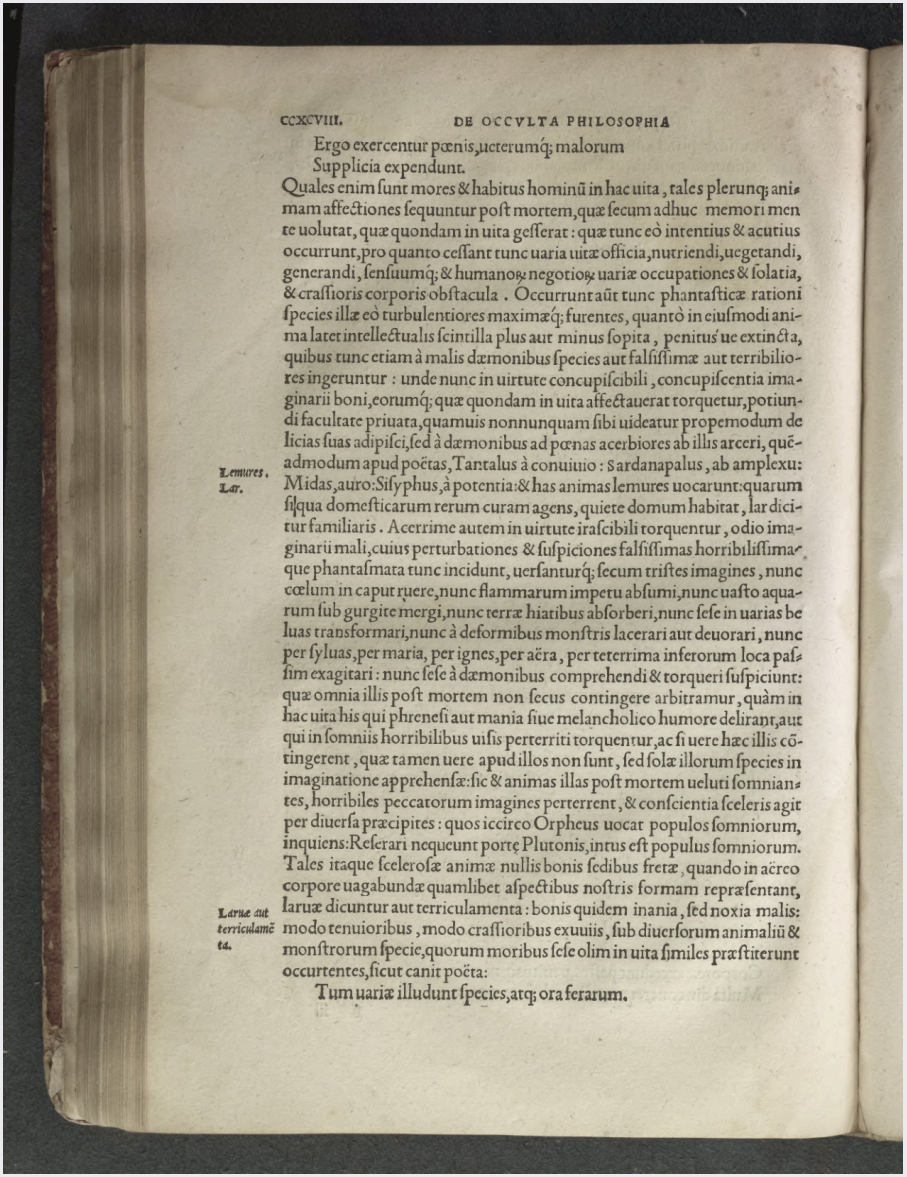
Qui manus ob patriam pugnando uulnera paſſi,
Quiq; ſacerdotes caſti, dum uita manebat,
Quiq; pii uates & Phœbo digna locuti,
Inuenias aut qui uitam excoluere per artes,
Quiq; ſui memores alios fecere merendo,

Licet extra gratiam & fidei iuſtitiam deceſſerint, putant illas pleriq; theologi, impatibiles in quoſdam campos fortunatos rapi: &, ut ait Vergilius,

Deuenire lætos locos & amœna uireta,
Fortunatorum nemorum ſedesq; beatas,

Vbi fruantur miris quibuſdam uoluptatibus: atq; etiam cognitione, cũ ſenſitiua tum intellectuali & reuelata gaudere: forte etiam eruditi in fide & iuſtitia, haud minus atq; quondam ſpiritus illi quibus Chriſtus prædicauit Euãgelium in carcere: Nam ut certum eſt neminem ſine fide Chriſti poſſe ſaluum fieri, ita probabile eſt, hanc fidẽ adhuc multis paganis & Saracenis poſt hanc uitam prædicari in illis animarum receptaculis ad ſalutem, atq; in illis ueluti in communi cuſtodia detineri, donec tẽpus adueniat quo maximus iudex meritorum facturus ſit examen: à qua opinione etiam Lactantius & Irenæus, & Clemens & Tertulianus, & Auguſtinus, & Ambroſius, & multi præterea Chriſtiani ſcriptores non abhorrent. Quæ uero impuræ incontinentesq; & peccatis iniuſtæ migrant animæ, non tam felicibus ſomniis agũtur, ſed horribilibus phantaſmatibus locisq; deterioribus uagantur, nulla libera cognitione freti, niſi abſtracta per cõceſſionem aut manifeſtationem, tum continua carnis & ſanguinis appetentia, ob corporeę labis ęruginẽ etiã ſenſui doloris ſubiiciuntur, timentq; gladios & enſes. Hæc proculdubio ſenſiſſe uidetur Homerus, quando in undecimo libro Odyſſeæ introducit matrem Vlyſſis defunctam illi immolanti aſtantem, ſed illum nec cognouiſſe nec allocutam eſſe, quantiſper ipſe euaginato gladio umbras à ſacrificii ſanguine prohibebat. Poſtquam uero ſuadente Tyreſia uate, de ſacrificio illo libaſſet mater, bibitq; ſanguinẽ nebulo nigrum, ſtatim cognouit filium, & lachrymans allocuta eſt: Verum Tyreſiæ uatis anima, nulla obſtante euaginati gladii prohibitione, etiam ante libatum ſanguinem, & agnouit Vlyſſem, & allocuta eſt, & matris umbram adſtare indicauit. Quæ ergo animæ contracta in corpore ſcelerum uitia, in hac uita non expiarunt, illorum habitus ſecum ferentes apud inferos eluere coguntur, & expendere commiſſorum pœnas, quod poëta explicauit his uerſibus:

Quin & ſupremo cum lumine uita reliquit,
Non tamen omne malum miſeros, nec funditus omnes
Corporeæ excedunt peſtes, penitusq; neceſſe eſt
Multa diu concreta modis inoleſcere mores

Ergo exercentur pœnis, ueterumq; malorum
Supplicia expendunt.

Quales enim sunt mores & habitus hominũ in hac uita, tales plerunq; animam affectiones sequuntur post mortem, quæ secum adhuc memori mente uolutat, quæ quondam in uita gesserat: quæ tunc eò intentius & acutius occurrunt, pro quanto cessant tunc uaria uitæ officia, nutriendi, uegetandi, generandi, sensuumq; & humanorũ negotiorũ uariæ occupationes & solatia, & crassioris corporis obstacula. Occurrunt aũt tunc phantasticæ rationi species illæ eò turbulentiores maximæq; furentes, quantò in eiusmodi anima latet intellectualis scintilla plus aut minus sopita, penitusue extincta, quibus tunc etiam à malis dæmonibus species aut falsissimæ aut terribiliores ingeruntur: unde nunc in uirtute concupiscibili, concupiscentia imaginarii boni, eorumq; quæ quondam in uita affectauerat torquetur, potiundi facultate priuata, quamuis nonnunquam sibi uideatur propemodum delicias suas adipisci, sed à dæmonibus ad pœnas acerbiores ab illis arceri, quẽadmodum apud poẽtas, Tantalus à conuiuio: Sardanapalus, ab amplexu: Midas, auro: Sisyphus, à potentia: & has animas lemures uocarunt: quarum sisqua domesticarum rerum curam agens, quiete domum habitat, lar dicitur familiaris. Acerrime autem in uirtute irascibili torquentur, odio imaginarii mali, cuius perturbationes & suspiciones falsissimas horribilissimaque phantasmata tunc incidunt, uersanturq; secum tristes imagines, nunc cœlum in caput ruere, nunc flammarum impetu absumi, nunc uasto aquarum sub gurgite mergi, nunc terræ hiatibus absorberi, nunc sese in uarias beluas transformari, nunc à deformibus monstris lacerari aut deuorari, nunc per syluas, per maria, per ignes, per aëra, per teterrima inferorum loca passim exagitari: nunc sese à dæmonibus comprehendi & torqueri suspiciunt: quæ omnia illis post mortem non secus contingere arbitramur, quàm in hac uita his qui phreneſi aut mania siue melancholico humore delirant, aut qui in somniis horribilibus uisis perterriti torquentur, ac si uere hæc illis cõtingerent, quæ tamen uere apud illos non sunt, sed solæ illorum species in imaginatione apprehensæ: sic & animas illas post mortem ueluti somnientes, horribiles peccatorum imagines perterrent, & conscientia sceleris agit per diuersa præcipites: quos iccirco Orpheus uocat populos somniorum, inquiens: Referari nequeunt portę Plutonis, intus est populus somniorum. Tales itaque sceleratæ animæ nullis bonis sedibus fretæ, quando in aëreo corpore uagabundæ quamlibet aspectibus nostris formam repræsentant, laruæ dicuntur aut terriculamenta: bonis quidem inania, sed noxia malis: modo tenuioribus, modo crassioribus exuuiis, sub diuersorum animaliũ & monstrorum specie, quorum moribus sese olim in uita similes præstiterunt occurrentes, sicut canit poẽta:

Lemures, Lar.

Larue aut terriculamẽta.

Tum uariæ illudunt species, atq; ora ferarum.

Fiet enim ſubito ſus horridus,atraq; tygris,
Squammoſusq; draco,& fulua ceruice leæna.
Aut acrem flammis ſonitum dabit,
Omnia transformans ſeſe in miracula rerum,
Ignemq;,horribilemq; feram,fluuiumq; liquentem.

Anima enim hominis immunda, quæ in hac uita nimium habitum contraxit ad corpora, intimo quodam elementalis corporis affectu, aliud ſibi corpus ex elementorum uaporibus contexit, ex materia facili, quaſi hauſtu quodam reficiens corpus illud iugiter euaneſcens: cui inſuper ueluti carceri & ſenſibili inſtrumento lege quadam diuina mancipata, in illo patitur frigus & ignem:& quicunque corpus & ſpiritum & ſenſum offendunt, fœtores, ululatus, planctus, ſtridores, uerbera, laceratus & uincula ſicut cecinit Vergilius:

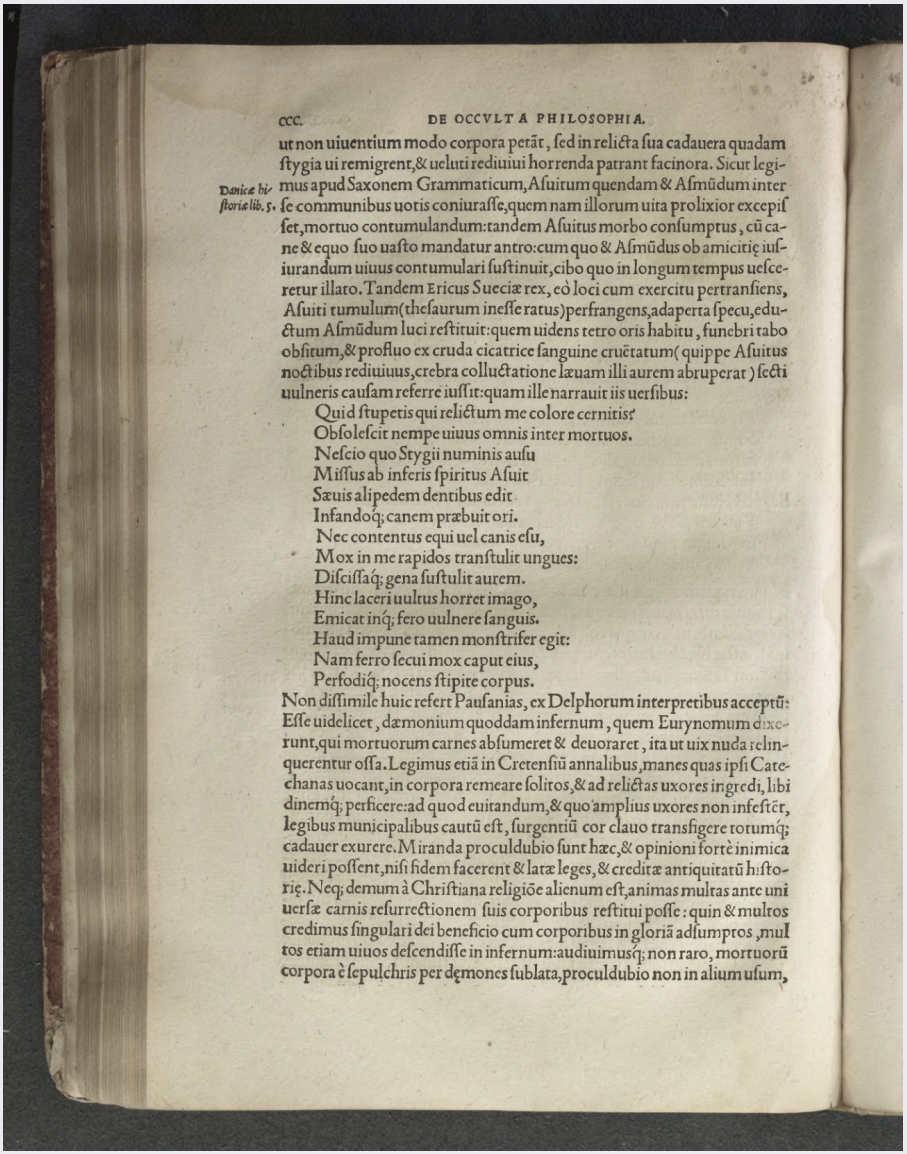
Ergo exercentur pœnis,ueterumq; malorum
Supplicia expendunt:aliæ panduntur inanes
Suſpenſæ ad uentos,aliis ſub gurgite uaſto
Infectum eluitur ſcelus,aut exuritur igni.

Et apud Homerũ in eius Necyomantia Alcinous Vlyſſi enarrat:

Vidimus & Tytium celebrem telluris alumnum
Expanſumq; nouem corpus per iugera,cuius
Vtrinq; aſſidens contundit uiſcera uultur.

Nonnunquam animæ illæ non hæc figuralia corpora ſolum inhabitant, ſed nimio carnis ſanguiniſ́que affectu etiam in animalia ſeſe præcipitant, & reptilium brutoruḿque corpora, cuiuſcunque ſpeciei ingreſſa, dæmonum inſtar illa obſidentes corripiunt. Aſtipulantur iſtis Pythagoras,& ante illum Triſmegiſtus,adſerentes prauas animas ſępe in reptilia & bruta prę cipitari. Neque tamen illa corpora ueluti eſſentiales formæ uiuificant & informant, ſed inquilini more ueluti carcerem inhabitant, ſiue per indiſtantiam localem illis adſiſtunt, ut motor intrinſecus ſuo mobili: aut circa illa alligata cruciantur,ut Ixion ad ſerpentum rotas,Syſiphus ad ſaxum: neque ſolum bruta,ſed quandoque etiam homines corripiunt, ſicut de anima Naboth diximus,qui egreſſus eſt ſpiritus mendax in ore prophetarum. Hinc aſſeruere nonnulli, ſceleſtorum hominum uitas ſiue ſpiritus, in quorundam corpora ingredientes,illos diu male habere,& nonnunquam interimere. Quod multo meliori ſorte etiam beatis animis conceſſum eſt, ut bonorum angelorum inſtar nos habitare & illuſtrare poſſint, quemadmodũ de Helia legimus,quòd ſublato eo ex hominibus, inclinauit ſpiritus eius ſuper Heliſæũ:& alibi legimus,abſtuliſſe deũ de ſpiritu qui erat in Moſe,& dediſſe ſeptuaginta uiris. Magnũ hic latet,ſed nõ temere reuelãdũ myſteriũ. Quandoq; etiam (quod tamen rariſſimũ eſt) tanta inſania aguntur animæ,

Animæ prãuæ, in bruta præcipitant

ut non uiuentium modo corpora perãt, ſed in relicta ſua cadauera quadam ſtygia ui remigrent,& ueluti rediuiui horrenda patrant facinora. Sicut legimus apud Saxonem Grammaticum, Aſuitum quendam & Aſmũdum inter ſe communibus uotis coniuraſſe, quem nam illorum uita prolixior exciſ ſet, mortuo contumulandum: tandem Aſuitus morbo conſumptus, cũ cane & equo ſuo uaſto mandatur antro: cum quo & Aſmũdus ob amicitię iuſiurandum uiuus contumulari ſuſtinuit, cibo quo in longum tempus ueſceretur illato. Tandem Ericus Sueciæ rex, eò loci cum exercitu pertranſiens, Aſuiti tumulum (theſaurum ineſſe ratus) perfrangens, adaperta ſpecu, eductum Aſmũdum luci reſtituit: quem uidens tetro oris habitu, funebri tabo obſitum,& profluo ex cruda cicatrice ſanguine cruẽtatum (quippe Aſuitus noctibus rediuiuus, crebra colluctatione læuam illi aurem abruperat) ſecti uulneris cauſam referre iuſſit: quam ille narrauit iis uerſibus:

Danicæ hiſtoriæ lib. 5.

Quid ſtupetis qui relictum me colore cernitis?
Obſoleſcit nempe uiuus omnis inter mortuos.
Neſcio quo Stygii numinis auſu
Miſſus ab inferis ſpiritus Aſuit
Sæuis alipedem dentibus edit
Infandoq; canem præbuit ori.
Nec contentus equi uel canis eſu,
Mox in me rapidos tranſtulit ungues:
Diſciſſaq; gena ſuſtulit aurem.
Hinc laceri uultus horret imago,
Emicat inq; fero uulnere ſanguis.
Haud impune tamen monſtrifer egit:
Nam ferro ſecui mox caput eius,
Perfodiq; nocens ſtipite corpus.

Non diſſimile huic refert Pauſanias, ex Delphorum interpretibus acceptũ: Eſſe uidelicet, dæmonium quoddam infernum, quem Eurynomum dixerunt, qui mortuorum carnes abſumeret & deuoraret, ita ut uix nuda relinquerentur oſſa. Legimus etiã in Cretenſiũ annalibus, manes quas ipſi Catechanas uocant, in corpora remeare ſolitos,& ad relictas uxores ingredi, libi dinemq; perficere: ad quod euitandum,& quo amplius uxores non infeſtẽt, legibus municipalibus cautũ eſt, ſurgentiũ cor clauo transfigere totumq; cadauer exurere. Miranda proculdubio ſunt hæc,& opinioni fortè inimica uideri poſſent, niſi fidem facerent & latæ leges,& creditæ antiquitatũ hiſtorię. Neq; demum à Chriſtiana religiõe alienum eſt, animas multas ante uniuerſæ carnis reſurrectionem ſuis corporibus reſtitui poſſe: quin & multos credimus ſingulari dei beneficio cum corporibus in gloriã aſſumptos, multos etiam uiuos deſcendiſſe in infernum: audiuimusq; non raro, mortuorũ corpora è ſepulchris per dęmones ſublata, proculdubio non in alium uſum,

quàm in carcerandis torquendisq; suis manibus. Verum ad hos corporum carceres & uincula, accedũt etiam uilissimorum ac teterrimorum locorum habitacula, ubi Aetnei ignes, aquarum ingluuies, fulgurum & tonitruorum concutus, terrarum uoragines, atq; ubi regio lucis inops nec radiorũ solis ca pax, ignaraq; syderum splendoris, perpetuis tenebris & noctis specie caligat. Quo apud Homerum peruenisse fertur Vlysses ubi canit:

Cymmerios fama est populos hic esse, cauernis
Perpetua nebula cæcaq; caligine mersos,
Quos oriens nunquàm, nec cum declinat in undas
Sol uidet, æterna miseri sed nocte premuntur.

Neq; uero oĩa illa inanes nugæ sunt, quæ de Patricii antro, Vulcani spelun cis, Aetneis crateribus, Nursiæ specu multi memoria prodiderunt, atq; quę inibi uiderunt, & cognouerunt, testati sunt. Narrant siquidẽ istis maiora Sa xo grãmaticus de Geruthi regia & Vgarthiloci cauo: Tum Plinius, Solinus, Pythias, Clearchus, de maris septentrionalibus stupendis prodigiis, de quo & Tacitus in Drusi historia, Germanico pelago deuiasse milites indicat, & uaria rerum miracula in eo mari illis uisa testatur, uim scilicet turbinum, in auditas uolucrum species, monstra maris ambiguas formas habẽtia homi num atq; animalium. & in libro de Germania, Helduſios & Axionas, qui sub uultu humano membra cætera bestiis æqualia gerũt, illic habitare ait: quæ proculdubio non nisi inanium atque dæmonum opera sunt: de istis etiam Claudianus olim cecinit:

Est locus extremum pandit qua Gallia littus,
Oceani prætentus aquis, qua fertur Vlysses
Sanguine libato populum uouisse silentum.
Illic umbrarum tenui stridore uolantum
Flebilis auditur questus, simulacra coloni
Pallida, defunctasq; uident migrare figuras.

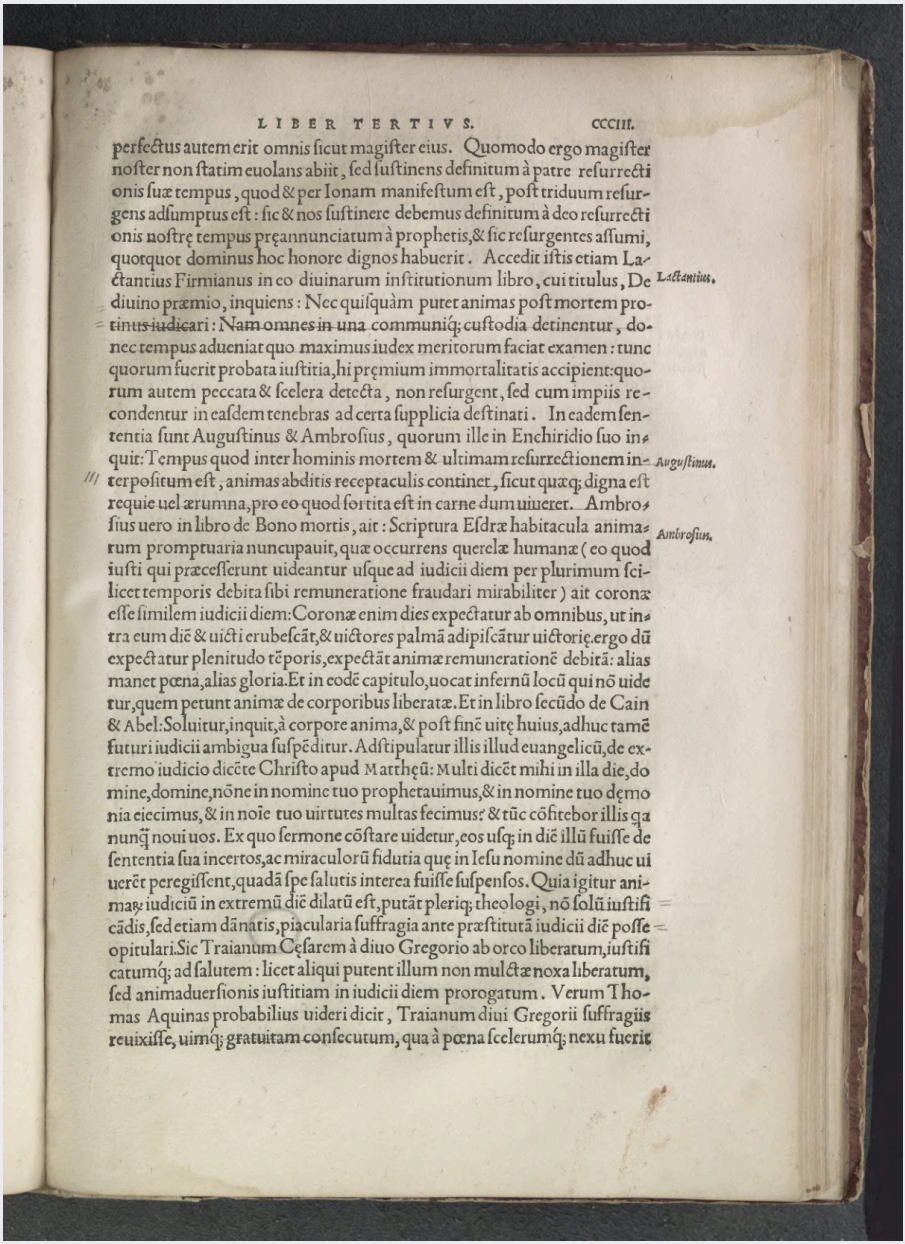
Narrat Aristoteles Aeolias iuxta Italiam Insulas, in Lipara tumulum quen dam fuisse, ad quem noctu non tuto accederetur: ibiq; Cymbala & Crota lorum boatus, cũ inconditis quibusdã cachinnis, tumultus etiam & inanes so nos exaudiri, accolæ cõstanter asseuerabãt. Eoq; loci aliquãdo ebriũ iuue nẽ accessisse, & sub noctẽ apud tumuli specũ obdormiuisse, ibiq; post tertiũ tandem diẽ à quæritantibus repertũ, ac pro mortuo sublatum: cũq; paratis exequiis educeretur funus, subito experrectum, multaq; quæ uidisset, quæq; perpessus fuisset, magna omniũ cum admiratione seriatim narrasse. Est etiã in Noruegia mõs quidam oĩm formidolosissimus, mari circũseptus, uulgo Hechelbergiũ nuncupant, inferni speciẽ præ se ferẽs, unde tantę eiulantiũ la chrymabiles uoces & clamores exaudiuntur, ut ad unũ fermè miliare circũ horrisoni illi strepitus dilatentur, quem insuper horrendis clamoribus in gentes uultures atque corui nigerrimi circumuolantes, perterrefaciendq

accessum prohibent: præterea fontes inde duo scaturiunt, unus intractabili frigiditate, alter intentissimo calore intolerabiles, & cætera elementa longe excedentes. Est & in eadem regione ad meridionalem plagam promontorium Nadhegryn nuncupatum, ubi dæmones loci in aëreo corpore in præsentia cernuntur ab omnibus. Est etiam in Scotia mons Dolorosus, horribili lamentantium stridore terrificus: & in Thuringia mons quem Horrisonũ uocant, ubi Syluanos satyrosq; inhabitare cum fama diuulgauit, tum aliquorum experientia docuit, fidiq; scriptores testantur. Sunt in diuersis regionibus & prouinciis istis similia miracula: sed & ipse ego quæ meis oculis uidi & manibus tetigi, hoc loci referre nolo, ne me ob rerum stupẽdam admirationẽ, ab incredulis de mendacio argui contingat. Neq; uero prætereundum hic censeo, quid de animarum receptaculis pleriq; ex nostris senserint, ab his quæ iam diximus non admodum discrepantes: è quibus Tertullianus libro quarto aduersum hæreses Marcionis ait: Apparet sapienti cuiq; qui elysios aliquando audierit, esse aliqualem localem determinationem, quæ sinus dicta sit Abrahæ, ad recipiendas animas filiorum eius, eamq; regionem non cœlestem, sublimiorem tamen inferis, ubi conquiescant animæ iustorum, donec cõsummatio rerum resurrectionem omnium plenitudine mercedis restituat. Quin & Petrus apostolus Clementi de his rebus interroganti, Cogis me (inquit) ò Clemens aliqua de ineffabilibus publicare: ueruntamen quoadusq; proferre licet, non pigebit: Christus, qui ab initio & semper erat, per singulas generationes piis, latenter licet, semper tamen aderat, his præcipue, à quibus expectabatur, quibusq; frequenter apparuit: sed non erat tẽpus, ut tunc resolutis corporibus fieret resurrectio: sed hæc magis remune ratio uidebatur à deo, ut qui iustus inueniretur, diutius permaneret in corpore, aut certe (sicut de quodam iusto euidẽter refertur in literis) quod trãstulerit eum dominus. Simili exemplo etiam cũ cæteris gestum est, qui eius uoluntati placuerunt, ut ad paradisum translati, seruentur ad regnum: eos uero qui non ad integrum potuere explere normam iustitiæ, sed aliquas in carne sua malitiæ reliquias habuere, corpora quidem resoluuntur, animæ uero seruantur in bonis lętisq; regionibus, ut in resurrectione mortuorum cũ corpora sua receperint, ipsa iam resolutione purgata, pro his quæ bene gesserant, æterna hęreditate potiantur. Ipse quoq; Irenęus in calce libri quem aduersus hæreses Valentianorum cõscripsit, ait: Cum dominus in medio umbræ mortis abierit, ubi animæ mortuorum erant, post deinde corporaliter resurrexit, & post resurrectionem adsumptus est, manifestũ est quia & discipulorum eius (propter quos & hæc operatus est dominus) abibunt animæ in inuisibilem locum definitum eis à deo, & ibi usq; ad resurrectionem commorabuntur, sustinentes resurrectionem, post recipientes corpora, & perfecte resurgentes, hoc est corporaliter, quemadmodũ & dominus resurrexit, sic uenient ad conspectum dei: Nemo est enim discipulus super magistrũ:

Tertullianus.

Petrus Apostolus.

Irenæus.

perfectus autem erit omnis ſicut magiſter eius. Quomodo ergo magiſter noſter non ſtatim euolans abiit, ſed luſtinens definitum à patre reſurrecti onis ſuæ tempus, quod & per Ionam manifeſtum eſt, poſt triduum reſurgens adſumptus eſt: ſic & nos ſuſtinere debemus definitum à deo reſurrecti onis noſtrę tempus pręannunciatum à prophetis, & ſic reſurgentes aſſumi, quotquot dominus hoc honore dignos habuerit. Accedit iſtis etiam La- *Lactantius.*
ctantius Firmianus in eo diuinarum inſtitutionum libro, cui titulus, De diuino præmio, inquiens: Nec quiſquàm putet animas poſt mortem protinus iudicari: Nam omnes in una communiq; cuſtodia detinentur, donec tempus adueniat quo maximus iudex meritorum faciat examen: tunc quorum fuerit probata iuſtitia, hi prȩmium immortalitatis accipient: quorum autem peccata & ſcelera detecta, non reſurgent, ſed cum impiis recondentur in eaſdem tenebras ad certa ſupplicia deſtinati. In eadem ſententia ſunt Auguſtinus & Ambroſius, quorum ille in Enchiridio ſuo in- *Auguſtinus.*
quit: Tempus quod inter hominis mortem & ultimam reſurrectionem interpoſitum eſt, animas abditis receptaculis continet, ſicut quæq; digna eſt requie uel ærumna, pro eo quod ſortita eſt in carne dum uiueret. Ambro- *Ambroſius.*
ſius uero in libro de Bono mortis, ait: Scriptura Eſdræ habitacula animarum promptuaria nuncupauit, quæ occurrens querelæ humanæ (eo quod iuſti qui præceſſerunt uideantur uſque ad iudicii diem per plurimum ſcilicet temporis debita ſibi remuneratione fraudari mirabiliter) ait coronæ eſſe ſimilem iudicii diem: Coronæ enim dies expectatur ab omnibus, ut intra eum diē & uicti erubeſcāt, & uictores palmā adipiſcātur uictorię. ergo dū expectatur plenitudo tēporis, expectāt animæ remunerationē debitā: alias manet pœna, alias gloria. Et in eodē capitulo, uocat infernū locū qui nō uidetur, quem petunt animæ de corporibus liberatæ. Et in libro ſecūdo de Cain & Abel: Soluitur, inquit, à corpore anima, & poſt finē uitę huius, adhuc tamē futuri iudicii ambigua ſuſpēditur. Adſtipulatur illis illud euangelicū, de extremo iudicio dicēte Chriſto apud Matthęū: Multi dicēt mihi in illa die, domine, domine, nōne in nomine tuo prophetauimus, & in nomine tuo dęmonia eiecimus, & in noīe tuo uirtutes multas fecimus? & tūc cōfitebor illis qa nunq̄ noui uos. Ex quo ſermone cōſtare uidetur, eos uſq; in diē illū fuiſſe de ſententia ſua incertos, ac miraculorū fidutia quę in Ieſu nomine dū adhuc uiuerēt peregiſſent, quadā ſpe ſalutis interea fuiſſe ſuſpenſos. Quia igitur animaꝝ iudiciū in extremū diē dilatū eſt, putāt pleriq; theologi, nō ſolū iuſtifi cādis, ſed etiam dānatis, piacularia ſuffragia ante præſtitutā iudicii diē poſſe opitulari. Sic Traianum Cęſarem à diuo Gregorio ab orco liberatum, iuſtificatumq; ad ſalutem: licet aliqui putent illum non mulctæ noxa liberatum, ſed animaduerſionis iuſtitiam in iudicii diem prorogatum. Verum Thomas Aquinas probabilius uideri dicit, Traianum diui Gregorii ſuffragiis reuixiſſe, uimq; gratuitam conſecutum, qua à pœna ſcelerumq; nexu fuerit

liberatus. Et ſunt ex theologis, qui ſuffragiorũ inferiis nec pœnam tolli, nec mulctæ detrahi, ſed duntaxat dolorũ ſolatia & fomenta quædam adferri opinantur, idq; æſtuantis geruli ſimilitudine, qui conſperſione aquæ uideatur preſſu ponderis leuari, ſiue ad facilius ferendũ iuuari, quãq; nihil ſit ex pondere detractum. Communis tamen theologorũ ſententia negat reis in Ditis antro preces & funebria quicq; ſuffragari. Verũ hæc omnia cum ſint incomprehenſibilis obſcuritatis, multi in illis ingeniũ fruſtra exacuerunt. Itaq; accedẽtes Auguſtini ſentẽtiæ, ſicut ille in Geneſim libro decimo ait, dicamus: Melius eſt dubitare de occultis, quàm litigare de incertis. Illum quippe diu tem in ardore pœnarũ, & illum pauperem in refrigerio gaudioꝝ, intelligendos eſſe non dubito: ſed quomodo intelligẽda illa flamma inferni, ille ſinus Abrahę, illa diuitis lingua, ille digitus pauperis, illa ſitis tormenti, illa ſtilla refrigerii, uix à manſuetè quærentibus, à contentioſe autẽ certantibus nunq; inuenitur. Sed iſtis iam omiſſis, ad ulteriora properantes, de animaꝝ reſtitutionibus diſſeremus.

Præclara Auguſtini ſententia.

Quibus rationibus Magi & Necromãtes mortuorum animas euocare ſe poſſe putabãt. Cap. XLII.

EX his quæ iam dicta ſunt patet, quòd animæ illæ quę poſt mortem adhuc relicta corpora diligũt, quemadmodũ ſunt animæ corporum ſepultura debita carentiũ, ſeu quę corpus ſuum uiolenta morte reliquerunt, & adhuc in turbido illo humidoq; ſpiritu circa cadauera ſua oberrant, tanq; circa cognatum aliquod eas alliciens, cognitis his mediis per quæ quondam ſuis cõiungebantur corporibus, per conſimiles uapores, liquores nidoresq; facile euocari & allici poſſunt, adhibitis etiã certis artificialibus luminibus, cãtibus, ſonis & huiuſmodi, quę ipſam animæ imaginatiuã ſpiritalemq; commoueant harmoniã, ſacris etiam inuocamentis & huiuſmodi, quæ ex religione ſunt, nõ neglectis, propter rationalem animæ portionem naturæ ſuperiorem. Sic Phytoniſſa euocaſſe legitur Samuelem: ſic Theſſala uates apud Lucanum cadauer erexit. Hinc legimus apud poẽtas & huiuſmodi rerum narratores, animas mortuorũ non euocari abſq; ſanguine & cadauere: umbras autẽ ex illorũ fumigiis facile allici, additis ouis, lacte, melle, oleo, uino, aqua, farina, tanq; aptum medium præſtantibus animabus ad ſumenda corpora, quemadmodũ hæc apud Homerũ lõga inſtructione Cyrce docet Vlyſſem. Arbitrantur autẽ, hęc non niſi in his locis duntaxat fieri poſſe, ubi huiuſmodi animę plurimũ uerſari dinoſcunt, uel propter cognatum aliquod, ſicut corpus relictũ eas alliciens, uel propter affectum aliquem in uita quondam impreſſum, animã ipſam ad certa loca trahentẽ, uel propter loci, ad cuius tartaream naturam iccirco purgãdis uel puniendis animis aptum, cuiuſmodi loca plurimũ experiẽtia uiſionum nocturnarumq; incurſionũ & cõſimilium phantaſmatũ occurſione cognoſcũtur, aliqua per ſe ſatis nota ſunt, ut cœmiteria, & loca illa in quibus fieri ſolet

executio criminalis iudicii,& in quibus recentibus annis publicæ ſtrages factæ ſunt, uel ubi occiſorum cadauera necdum expiata nec rite ſepulta recẽtioribus annis ſubhumata ſunt. Expiatio nanq; exorciſatioq; alicuius loci, tum ritus etiam ſacer ſepulturæ corporibus debite adhibitus, ſæpe animas ipſas accedere prohibet,longiusq; ad loca iudicii repellit. Hinc necromantia nomen habet,quia in mortuorum cadueribus operatur,ac per manes & mortuorum umbras,ſubterraneosq; dæmones reſponſa petit,alliciens illos in mortuorum cadauera,per ſtygia quædam carmina & infernales inuocationes,perq; feralia ſacrificia & impias immolationes, quales apud Lucanũ legimus, de Erichthone illa malefica,quæ mortuum euocauit,qui Sexto Pompeio omnem Pharſalici belli euentum prædixit. Erantq; etiam in Phigalia Arcadiæ ciuitate quidam Magi ſacerdotes ſacrorum peritiſſimi,& animarum quæ uita functæ eſſent euocatores,& ſacræ literæ teſtantur, Phytoniſſam quandam mulierem euocaſſe animam Samuẽlis. Ita enimuero etiã ſanctorum animæ ſua corpora diligunt,magisq; & promptius exaudire ſolent,ubi reliquiarum ſuarum pignora ſeruantur. Sunt autem duæ necromãtiæ ſpecies,una necyomantia,erigens cadauer quę non ſit abſq; ſanguine: Altera ſcyomantia,in qua ſola ſufficit umbræ euocatio. Deniq; omnia experimenta ſua per trucidatorum cadauera & oſſa,& membra,& quæ ex illis ſunt, operatur:quoniam adſit illis dæmonica poteſtas ipſis amica: ideoq; improborum dæmonum defluxus facile pelliciunt, propter ſimilitudinẽ proprietatemq; ualde familiarẽ:qui cum in rebus terrenis humanisq; poſſunt quãplurimum,illorum opera freti necromantici,illicitos accendũt amores,immittunt ſomnia,& morbos,& odia,paſſionesq; conſimiles,ad quas tunc poſſunt etiam conferre uires animarum illarum, quæ adhuc in ſpiritu humido turbidoq; inuolutæ,circa exuuias ſuas oberrantes,eadem quæ improbi dæmones committunt. Quoniam igitur hæc illis experientia comperta ſunt, quod prauæ & impuræ animæ à corporibus ſuis uiolẽter auulſæ, hominũq; non expiatorum & ſepultura carentium, circa corpora immorantur, & ad cognatum ſibi trahantur,facile abuntur illis malefici ad maleficia ſua efficienda, infelices animas appoſitione corporis uel partis eiuſdem aſſumptione allicientes, tum ſtygiis inuocationibus compellentes, obteſtando per diſperſa latis campis informia cadauera,& ſepultura carentium uagabũdas umbras,manesq; Acheronte remiſſos,& hoſpites inferum,quos immatura mors in tartara abſtraxit, perq; horrenda damnatorum deſideria, dæmonesq; ſuperbos,ultores ſcelerum. Qui autem uere animas ſuis corporibus reſtituere debeat,oportet illum ſcientem eſſe,quę ſit animæ natura propria,unde progrediatur,quantis & quot gradibus perfectionis referta, qua intelligẽtia communita,quibus mediis in corpus diffuſa, qua harmonia cũ ipſo fuerit cõpacta,quam affinitatem habeat cũ deo, cum intelligentiis, cũ cœlis,cum elementis & cæteris omnibus,quorum imaginẽ & ſimulacrũ te-

Necromantiæ ſpecies duæ.

Animuere corpori reſtituere cupientẽ,ſcire ꝙd oporteat

C

net, deniq; quibus influxibus compaginatū sit corpus: hæc enim omnia requirit ars suscitationis mortuorum, quæ non hoīm, sed solius dei est, & quibus ille uoluerit cōmunicare, sicut Helizæo, qui filium Sunamitidis mortuum reuiuiscere fecit. Sic & Alceſtis narratur ab Hercule resuscitata, rursum diu uixisse: & Tyanensis Apollonius, mortuam puellam uitæ restituit. Atque hic notandū est, quia accidit aliquādo hominibus, ut retrahatur in illis spiritus uiuificus, & appareant mortui & non sentientes, cum tamen intellectualis natura unita maneat corpori habeatq; eandem formam, & maneat idem corpus, licet uis uiuificandi se in illud actu non extendat, sed retracta maneat in unione cum intellectuali natura, tamen non desinit esse: & licet ille homo iam uere mortuus dici possit, quatenus mors est carentia uiuificātis, tamen non foret corpus illud ueraciter separatum, potestq; rursum expergefieri & reuiuiscere: & sic multa in his apparēt miracula, cuiusmodi præcedentibus seculis apud gentiles & Iudæoss multa uisa sunt, è quorum numero est, quod Plato recitat libro decimo de Republica, uidelicet, Phereū quēdam Pamphilium, inter eos qui in acie ceciderant, decem diebus iacuisse, biduoq; postquam inde sublatus esset, impositum rogo reuixisse, ac mira quædam quæ tempore mortis illius uiderit, narrasse: & de his partim locuti sumus in libro primo, & adhuc latius dicemus inferius, ubi de oraculis, quæ in raptu, & extasi, & agone morientium proueniunt, dicemus.

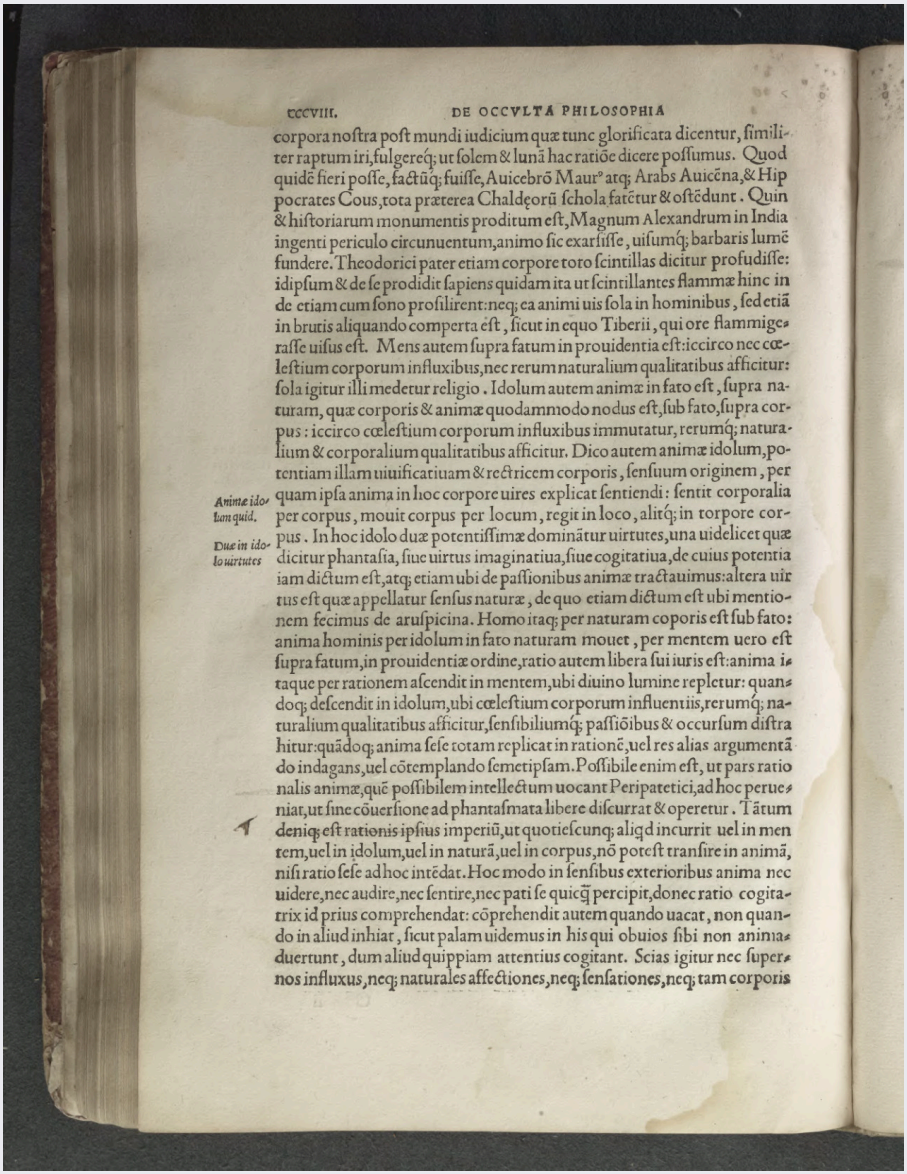
De humanæ animæ potestate, in mente, ratione & idolo. Caput XLIII.

Aia humana globus cōstet.

ANima humana constat mente, ratione & idolo: mens illuminat rationem, ratio fluit in idolum, omnia una est anima. Ratio nisi per mentem illuminetur, ab errore nō est immunis: Mens autem lumen rationi non præbet, nisi lucescente deo, primo uidelicet lumine: prima enim lux in deo est supereminens omnē intellectū: qua propter non potest lux intelligibilis uocari, sed lux illa quando infunditur menti, fit intellectualis atque intelligi potest: deinde quando per mētem infunditur rationi, fit rationalis, ac potest non solum intelligi, sed etiam cogitari. Deinde quando per rationem infunditur in idolum animæ, efficitur nō solum cogitabilis, sed etiam imaginabilis, nedum tamen corporea: quando uero exinde migrat in æthereum animæ uehiculum, efficitur primum corporea, non tamen manifeste sensibilis, donec transierit in corpus elementale, siue simplex aëreumq;, siue compositum, in quo efficitur lux manifeste uisibilis ad oculum. Hunc lucis progressum considerantes Chaldęorū philosophi, stupendam quandam narrāt mentis nostræ potentiam, uidelicet fieri posse, ut mens ipsa tota acie in deum defixa, diuino numine impleatur, atq; sic impleta lumine, effusis radiis per singula media, usq; ad hoc crassum, tenebrosum, graue, mortale corpus, ipsum quoq; copioso lumīe circūfundat, reddatq; stellis simile & æque coruscans, tum etiam radiorum suorum copia

ac leuitate tollat in altum,tanq̃ ſtuppam eleuatam per flammam ignis, aliquando ſtatũ corpus ueluti ſpiritum ad longinquas partes transferat: ſicut de Philippo legitur in Actibus apoſtolorũ, quando baptizato Eunucho in India, ſtatim inuẽtus eſt in Azoto,& de Abacuc ſimilia apud Danielẽ. Sic alii penetrantes clauſas portas,cuſtodes & uincula euaſerũt,ut de Petro apoſtolo,& de Petro exorciſta legitur. Minus hoc miretur,q̃ uiderit famoſos iſtos melancholicos,qui ambulant in ſomniis, & per inuia uadunt, & aſcendunt per inacceſſa,& exercent opera uigilantium,& quæ uigilantes minime poſſent:quorum non eſt alia ratio in natura,quàm fortis imaginatio & exterminata. In quolibet autẽ homine eſt iſta uirtus,& ineſt animę humanę à radice creationis ſuæ,ſed uariatur in diuerſis hominibus,in fortitudine & debilitate,& augetur & minuitur ſecundum exercitium & uſum,per quæ de potentia extrahitur in actum:quod qui rite nouit,poteſt aſcendere in cognitione ſua,quouſque imaginatiua uirtus ſua tranſcendat & ungatur cum uirtute uniuerſali,quem Alchindus, Bacon & Gulielmus Pariſiẽſis,uocant ſenſum naturæ, Vergilius ſenſum æthereum,& Plato ſenſum uehiculi appellant: efficiaturque cogitatio ſua fortiſſima,quando effunditur ſuper ipſam uirtus illa ætherea & cœleſtis, cuius ſplendore confortatur, donec apprehendat ſpecies,& notiones,& ſcientiam rerum uerarum, adeo ut illud quod cogitauerit in mente ſua,proueniat ſicut ipſe cogitauit,& adiſpiſcatur tantam potentiam,ut poſſit ſe immergere,& iungere, & inſinuare hominum animis,& reddere illos certos de cogitationibus ſuis,& de uoluntate & deſiderio ſuo,etiam per magna & remota ſpatia,ac ſi illa ſenſibus ſuis à prẽſente obiecto comprehenderent,& poteſt in modico tempore facere multa, ac ſi eſſent facta ſine tempore:atque hæc non ſunt data omnibus,ſed quorum uirtus imaginatiua & cogitatiua eſt fortiſſima,& peruenit ad finem ſpeculationis:& is eſt idoneus apprehendere & nunciare omnia per ſplendorem uirtutis uniuerſalis,ſiue intelligentiæ & apprehenſionis ſpiritualis quæ eſt ſuper ipſum:& hæc eſt uirtus neceſſaria quam ſequi oportet, & cui obedire debet omnis qui ſequitur ueritatem. Si itaque nunc tanta uirtus imaginationis,ut ſe poſſit inſinuare cui uelit,nulla loci neque temporis intercapedine impedita,neque prohibita,atque quorſum ipſa ſomniat & imaginatur, nonnunq̃ ſecum trahat graue corpus, non eſt dubitandum quin maior ſit potentia mentis,ſi quãdo fuerit ſuam naturam adſequuta,nec ſenſuum illecebris grauata,perſeueraueritque incorrupta ſuique ſimilis. Sed nunc ad exemplar tã copioſo lumine cœleſtium ſtellarum animæ abũdant,& ingens inde in corpora ſua redunder copia luminis. Sic Moſis facies ſplendebat adeo, ut non poſſent intendere filii Iſraël illum ob ſplendorem uultus eius. Sic Socrates transfiguratus legitur,ſolis luciferas uti uicerit lumine rotas,ſic Zoroaſtem trãſſiguratum ſublatumq̃ corpore ſurſum: ſic Enoch & Heliam igneo quodam curru cœlos aſcendiſſe: ſic Paulum in tertium cœlum raptum eſſe: ſic

Senſus naturæ,æther eus & uehiculi.

corpora noſtra poſt mundi iudicium quæ tunc glorificata dicentur, ſimiliter raptum iri, fulgereq; ut ſolem & lunã hac ratiõe dicere poſſumus. Quod quidẽ fieri poſſe, factũq; fuiſſe, Auicebrõ Maur° atq; Arabs Auicẽna, & Hippocrates Cous, tota præterea Chaldęorũ ſchola fatẽtur & oſtẽdunt. Quin & hiſtoriarum monumentis proditum eſt, Magnum Alexandrum in India ingenti periculo circunuentum, animo ſic exarſiſſe, uiſumq; barbaris lumẽ fundere. Theodorici pater etiam corpore toto ſcintillas dicitur profudiſſe: idipſum & de ſe prodidit ſapiens quidam ita ut ſcintillantes flammæ hinc inde etiam cum ſono proſilirent: neq; ea animi uis ſola in hominibus, ſed etiã in brutis aliquando comperta eſt, ſicut in equo Tiberii, qui ore flammigeraſſe uiſus eſt. Mens autem ſupra fatum in prouidentia eſt: iccirco nec cœleſtium corporum influxibus, nec rerum naturalium qualitatibus afficitur: ſola igitur illi medetur religio. Idolum autem animæ in fato eſt, ſupra naturam, quæ corporis & animæ quodammodo nodus eſt, ſub fato, ſupra corpus: iccirco cœleſtium corporum influxibus immutatur, rerumq; naturalium & corporalium qualitatibus afficitur. Dico autem animæ idolum, potentiam illam uiuificatiuam & rectricem corporis, ſenſuum originem, per quam ipſa anima in hoc corpore uires explicat ſentiendi: ſentit corporalia per corpus, mouit corpus per locum, regit in loco, alitq; in torpore corpus. In hoc idolo duæ potentiſſimæ dominãtur uirtutes, una uidelicet quæ dicitur phantaſia, ſiue uirtus imaginatiua, ſiue cogitatiua, de cuius potentia iam dictum eſt, atq; etiam ubi de paſſionibus animæ tractauimus: altera uirtus eſt quæ appellatur ſenſus naturæ, de quo etiam dictum eſt ubi mentionem fecimus de aruſpicina. Homo itaq; per naturam coporis eſt ſub fato: anima hominis per idolum in fato naturam mouet, per mentem uero eſt ſupra fatum, in prouidentiæ ordine, ratio autem libera ſui iuris eſt: anima itaque per rationem aſcendit in mentem, ubi diuino lumine repletur: quandoq; deſcendit in idolum, ubi cœleſtium corporum influentiis, rerumq; naturalium qualitatibus afficitur, ſenſibiliumq; paſſiõibus & occurſum diſtrahitur: quãdoq; anima ſeſe totam replicat in rationẽ, uel res alias argumentãdo indagans, uel cõtemplando ſemetipſam. Poſſibile enim eſt, ut pars rationalis animæ, quẽ poſſibilem intellectum uocant Peripatetici, ad hoc perueniat, ut ſine cõuerſione ad phantaſmata libere diſcurrat & operetur. Tãtum deniq; eſt rationis ipſius imperiũ, ut quotieſcunq; aliq̃d incurrit uel in mentem, uel in idolum, uel in naturã, uel in corpus, nõ poteſt tranſire in animã, niſi ratio ſeſe ad hoc intẽdat. Hoc modo in ſenſibus exterioribus anima nec uidere, nec audire, nec ſentire, nec pati ſe quicq̃ percipit, donec ratio cogitatrix id prius comprehendat: cõprehendit autem quando uacat, non quando in aliud inhiat, ſicut palam uidemus in his qui obuios ſibi non animaduertunt, dum aliud quippiam attentius cogitant. Scias igitur nec ſupernos influxus, neq; naturales affectiones, neq; ſenſationes, neq; tam corporis

Animæ idolum quid.

Duæ in idolo uirtutes

q̃ animi paſſiones, nec quodcunq; ſenſibile in animã poſſet agere uel penetrare, niſi per rationis ipſius iudiciũ. Itaq; per ſuum actum, non per ullam forinſecam uiolentiam poteſt animus uel affici uel perturbari, quod etiam innumeri martyres ipſo facto comprobarunt. Sic Anaſarchus Abderites philoſophus, iuſſu Nicocreontis Cypriorum tyranni, in ſaxum concauũ conIectus, ferreis malleis dum cæderetur, corporis pœnam negligens, aiſſe fertur: Tunde tũde Anaſarchi uaſculum, Anaſarchum ipſum nihil terres. Iuſſitq; tyrannus illi linguam præſcindi: at ille propriis dentibus præſciſam in tyranni faciem conſpuit. *Anaſarchi conſtantia.*

De gradibus animarum, & earũdem interitu aut immortalitate. Cap. XLIIII.

MEns quia à deo eſt, ſiue à mundo intelligibili, iccirco immortalis eſt & æterna: ratio autẽ cœleſtis à cœlo ſuæ originis beneficio lõgæua eſt: idolum uero quia ex materiæ gremio ac ſublunari natura dependet, interitui atq; corruptioni ſubiicitur. Anima itaq; per mentem ſuam immortalis, per rationem in ętherео ſuo uehiculo longęua, ſed reſolubilis, niſi in noui corporis circuitu reſtauretur: nõ ergo immortalis eſt niſi uniatur menti immortali: ita idolum animæ ſiue ipſa ſenſibilis & animalis anima, quia ex corporeę materię gremio educta eſt, reſoluto corpore unà cum illo interit, aut in corporis ſui reſoluti uaporibus non diu ſupereſt umbra, nihil participãs immortalitatis, niſi ipſa quoq; ſublimiori potentiæ uniatur. Quæ igitur mẽti unita eſt anima, hæc dicitur anima ſtans & non cadens: uerum non omnes homines mentẽ adepti ſunt, quoniam (ut inquit Hermes) uoluit illam deus pater tanq̃ certamen præmiumq; animarũ proponere: quod qui neglexerint mentis expertes, corporeis ſenſibus manci pati, irrationalibus animalibus ſimiles facti, eundem cum eiſdem ſortiũtur interitum, ſicut ait Eccleſiaſtes, inquiens: Vnus interitus eſt hominis & iumentorum, & æqua utriuſq; conditio: ſicut moritur homo, ſic & illa moriuntur. Similiter ſpirant omnia, & nihil habet homo iumento amplius. hæc ille. Hinc putant pleriq; theologorũ, huiuſmodi animas nullam manere immortalitatem poſt hoc exutũ corpus, niſi ſolam ſpem reſurrectionis, quando omnes homines inſtaurandi ſunt. Talem Auguſtinus refert fuiſſe Arabum hæreſim, qui animas ſimul cum corpore interire dicebant, & in iudicio iterum cum illo ſurrecturas. Quicunq; uero diuina gratia fulti mentẽ conſecuti ſunt, hi ſecundum operum comparationẽ immortales euadunt, ut inquit Hermes, intelligentia ſua cuncta complexi, quæ in terra ſunt, & quæ in mari, & quæ in cœlis: & ſi quid eſt præter ea ſuper cœlum, ut ipſum quoq; bonum intueantur: quos uero mediã uitã uiuere contingit, licet diuinã intelligentiam non ſint conſecuti, ſed eius quandã rationalem imaginem, horum animæ cum è corpore exceſſerint, ad ſecreta quædam relegatæ receptacula, ubi ſenſibilibus uiribus affectę ac in quodam actus genere uerſantes, ex opi- *Non omnes homines mẽtem adipiſcuntur.*

natione,& irascibili,& concupiscibili uirtutibus,aut effuse lætantur,aut grauiter dolent,in qua opinione fuit etiam diuus Augustinus in eo libro, quem scripsit, De spiritu & anima. Hanc animã Indorum,Persarũ,Aegyptiorum & Chaldæorũ sapientes,corpore suo longeque superuiuere tradiderunt, tamẽ non protinus immortalem fieri,nisi per transcorporationẽ:uerum theologi nostri de his longe aliter philosophantur,dicunt enim, quod &si animarum omniũ cõmunis sit origo & idem ortus,diuersis tamen gradibus ab opifice inter se distinctæ sunt,non solum accidẽtalibus, sed gradibus quibusdã intrinsecis,in essentia ipsarum radicatis, quibus unaquæq; anima differt ab alia,per illud quod est ipsi proprium:quam sententiam ita tenet Ioãnes Scotus:& Parisienses theologi ita sentiendum esse in eorum articulis decreuerunt. Hinc ait Sapiens: Puer eram ingeniosus, & sortitus sum animam bonam, uidelicet meliorem quàm multi alii. Et secundum hanc animarum inæqualitatem in gradibus suis unaquæq; capax est sui muneris, quod suscipit à deo donum gratuitum,sicut legitur in euangeliis:Quia uni dedit quinque talenta,alii duo,alii unum,unicuique secundum propriam uirtutem:& Apostolus inquit:Dedit aliquos fieri apostolos, alios prophetas,alios euangelistas & doctores,ad consummationem sanctorum in opus ministerii, in ædificationem corporis Christi. Sunt enim (ut inquit Origenes) quædam inuisibiles uirtutes, quibus ea quæ sunt super terrã dispẽsanda credita sunt, in quibus non parua differentia est, sicut & in hominibus requiritur: quare alius summum gradum sapientiæ aut dignitatis attingit, alius paulò distat à bestiis,& bestias pascens fit semibestia:alius uirtutibus abũdans & fortuna diues, alius uel nihil uel modicum habet,sepe etiam id paululum quod habet aufertur ab eo & datur habenti. Atque ea est diuina iustitia, in distributione donorum,ut correspondeant uirtuti uniuscuiusque recipientis,quibus etiam præmia redduntur secundum opera ipsorum, ut quæ sit proportio munerum ad munera, & meritorum ad merita,eadem sit proportio præmiorum ad præmia. Illud tandem sciendum est,quia omnis nobilis anima quadruplicem habet operationem: unam diuinam per imaginam diuinæ proprietatis,alteram intellectualem per formalitatem participationis cum intelligentiis:tertiam rationalem, per perfectionem propriæ essentialitatis: quartam animalem siue naturalem,per communionem ad corpus,& ad hæc inferiora,ut nullum opus sit in tota mundi serie tam admirabile,tam excellens, tam miraculosum, quod anima humana suam diuinitatis imaginem complexa,quam uocant Magi animam stantem & non cadentem,sua propria uirtute absque omni externo adminiculo non queat efficere. Forma igitur totius magicæ uirtutis est ab anima hominis stante & non cadente.

Ãïæ nobilis, quadruplex operatio.

Anima stãs & nõ cadẽs

De uaticinio & furore.

Caput XLV.

VAticinium est quo perciti sacerdotes uel alii,& rerum causas cer nunt,& futura etiam prævident,quando scilicet à diis, uel à dæmonibus descendunt in illos oracula,spiritusq; tradũtur ab eis, quos quidem descensus uocant Platonici superiorum animorũ in nostros animos illapsiones: & Mercurius uocat eos dæmonũ sensus, ac dæmonum animos. Cuiusmodi dęmones Eurideas & Pythonas ueteres uo cauerunt, quos hominũ ingredi corpora solitos,& eorum uti uocibus & lin guis ad futurorũ prædictiones, & constanter credidit antiquitas: de q̃bus e- tiam meminit Plutarchus in Dialogo de causis deficientium oraculorum. Verum Cicero Stoicos secutus,præscientiam futurorum tantundẽ diis cõ petere affirmat:& Prolemæus astrologus ait:Soli numine afflati, prędicunt particularia. Astipulatur istis Petrus apostolus,inquiens:Non enim uolun tate humana allata est aliquãdo prophetia,sed spiritu sancto inspirati locu ti sunt sancti dei homines. Quod autem futurorum uaticinia,diuinarumq; illapsionum propria sit,affirmat Esaias inquiens: Annunciate nobis quæ uẽ tura sunt,& dicemus quia dii estis uos. Illapsiones uero huiusmodi siue sen sus non transferunt in animam nostram,quando illa in aliud quidem attẽ tius inhians est occupata:sed transeunt quando uacat:uacatiõis autem eius- modi tria sunt genera, scilicet furor,raptus & somnium, de quibus singulis nunc per ordinem dicemus.

Futurorum præscietiã solus diis cõpetere.

Tria uacatiõis genera.

De prima specie furoris à Musis. Caput XLVI.

RVror est illustratio animæ à diis uel à dæmonibus proueniens, unde Nasonis hoc carmen:

Est deus in nobis,sunt & commercia cœli,
Sedibus æthereis spiritus ille uenit.

Plato hũc definit per alienationem & nexum:abstrahit siquidem ab his qui- bus corporei sensus excitãtur,ab animali homine alienus,numini adhæret, à quo suscipit,quę propriis uirib⁹ nequit indagare:quãdo enim anim⁹ liber & solutus, relaxatis corporis habenis, uelut incustodito carcere, licentius e- gressus,membrorum uincula transgreditur, nullo cohibente, suis stimulis impulsus,diuino spiritu concitatus,omnia cõprehendit & futura prævidet. Sunt autem quatuor diuini furoris species,à singulis numinibus procedẽtes, scilicet à Musis,à Dionysio,ab Apolline,& à Venere. Primus itaque furor à Musis procedens,hic animũ suscitat atque temperat,redditq; diuinum,per res naturales superiora trahendo ad inferiora: sunt autem Musæ sphæra- rum cœlestium animæ, secundum quas singuli reperiuntur gradus, qui- bus superiorum ad inferiora fit attractus:horum inferior sphæram lunæ re ferens, tenet quæ ex uegetabilibus sunt, ut plantas, fructus arborum, radi- ces, & quæ ex materiis durioribus sunt, ut lapides & metalla, earum alliga- tiones & suspensiones:sic fertur quòd lapis selenites,& lapis hyenæ præstant diuinationem: similiter uerbena & herba theangelida uaticinium præstant,

Furoris diuini q̃uatuor species.

Furor à Musis.

quemadmodum de his ſuperius dictum eſt. Secundus gradus referēs Mercurium, tenet quæ ex animalibus ſunt, & quæ ex diuerſarum rerum naturalium adinuicem commixtione componuntur, pocula & eſculenta: hoc modo cor talpæ, ſi quis ipſum recens palpitansq; uorauerit, diuinationi & ad rerum efficiendarum euentum conferre dicitur. Et narrat Rabi Moſes Cuſenſis in commentariis ſuper Leuiticum, eſſe animal יהוד Iedua dictum, humanę formæ, cui de umbilici medio emittitur funiculus, quo cucurbitæ inſtar humo adfigitur: & quantū longitudo illius funiculi protrahitur omnia circumueſcens deuorat atq; conſumit, uiſumq; fallens capi nequit, niſi ſagittarum ictu funis amputetur: quo præciſo expirat: cuius deinde oſſibus certa quadam lege ori impoſitis, ſtatim quiſquis id fecerit, furore corripitur, ac de expetitis quibuſq; edicit oracula. Tertius gradus correſpondet ſphæræ Veneris: hic tenet puluereſ ſubtiliſſimos, uapores & odores, & quæ ex his conficiuntur unguenta & ſuffumigationes, de quibus ſuperius dictum eſt. Quartus gradus pertinet ad ſphęram Solis: hic tenet uoces, uerba, cantus & ſonos harmonicos, per quorum ſuauem conſonantiam turbidam pellit ex anima diſcordiam, erigitq; animum. Vnde Hermes, Pythagoras, Plato, diſſonantē animum iubent cantu & harmonia componere & erigere. Sic Timotheus Alexandrum regem ſonis fertur excitaſſe in furorem: ſic ſacerdos Calamenſis (teſte Aurelio Auguſtino) ſolebat ſeſe ſuo arbitratu querula quadā harmonia euocare à corpore in raptum & extaſim. de his etiam ſuperius ſermo habitus eſt. Quintus gradus conuenit Marti: hic tenet uehementes imaginationes & animi affectiones, cōceptus & motus, de quibus omnibus ſupra pater. Sextus gradus reſpondet Ioui: hic tenet rationis diſcurſus, deliberationes, conſultationes moralesq; purgationes: de his partim ſuperius mentio facta eſt, partim dicetur inferius. Habet præterea ſub ſe admirationes & ueneraciones, quorum ſtupore aliquando phantaſia atq; ratio ſic infrenantur, ut ſubito omnes ſuos actus prætermittant: unde tunc mens ipſa libera, ſoli numini, ſiue deo alicui ſiue dæmoni expoſita, ſupernos diuinosq; concipit influxus, eos ſcilicet, de quibus antea deliberauerat. Sic legimus Sibyllas ac Pythiæ ſacerdotes in Iouis & Apollinis antris oracula ſuſcipere ſolitos. Septimus gradus refert Saturnum: hic tenet ſecretiores intelligentias, & tranquillas mentis contemplationes: dico autem hic contemplationem, liberam mentis perſpicaciam, in ſpectacula ſapientię, cum admiratione ſuſpēſam. Nam illa excogitatio quæ per ænigmata aut imagines fit, ſpeculatio autem diſcurſus quidam eſt, ad Iouem pertinens, non contemplatio. Octauus gradus referens cœlum ſtellatum: hic cœleſtium corporum obſeruat ſitum, motum, radios & lumen: tenet quoq; imagines annulos, & ſimilia, quæ ad cœleſtium normam fabricantur, de quibus ſupra dictum eſt. Nonus gradus correſpondet primo mobili, ſcilicet nonæ ſphæræ ſiue ipſi uniuerſo: hic tenet res magis formales, ut numeros, figuras, characteres, & occultas in

Contẽplatio

telligentiarum cœli obſeruat influentias, cæteraq; myſteria, quæ quia cœleſtium numinum & inuocatorum ſpirituum gerunt effigiem, illos facile alliciũt, & uelut conformitatis quadam neceſſitate impulſos, accedere cogunt: atque ne recedant facile detinent, de quibus apud Porphyrium in oraculis legimus:

Ceſſa nunc tandem, & uerbis parce, uittæq;
Da requiem, ſoluens priſcas cedensq; figuras,
Et remoue à membris, & lintea dura reſolue.

Et ibidem alio loco:

Soluite ſerta pedes, liquidis & ſpargite lymphis
Aquæ, manu ramum laurus auferte uirenteis,
Linea ſitq; omnis deleta, omnisq; character.

De his omnibus ſuperius ad longum ſatis tractatum eſt, & adhuc dicetur inferius.

De ſecunda ſpecie à Dionyſio.

Caput XLVII.

Secundus autem furor procedit à Dionyſio: hic per expiationes exteriores & interiores, & per exorciſmata, per ſacramenta, per ſolennia, ritus, phana, obſeruationes, animam in mentem ſupremam ſui partem dirigit, ac tanquam dignum & incontaminatum deorum templum efficit, in quo diuini ſpiritus inhabitẽt, quos anima tunc uitæ ſocios poſſidens, ab illis felicitate, ſapientia oraculisque repletur, non in ſignis aut notis, aut coniecturis, ſed concitatione quadam animi, ac ſoluto liberoq; motu: ſic Bacchus Bœotiis, & Epimenides Cois, & Sibylla Erythrea Troianis uaticinabantur. Nonnunquam hic furor contingit per claram uiſionem, quandoq; per expreſſam uocem: ſic Socrates à ſuo dæmone regebatur, cuius monitis ſedulo obtemperabat, cuius uocem auribus ſæpenumero audiebat, cui etiam forma dæmonis ſæpe uiſa eſt. Solent enim fatidici ſpiritus bene expurgatis animis etiam ſeſe uiſibiles præbere & comites, cuius exempla multa ſunt in ſacris literis, ut in Abrahamo & ancilla eius Agar, in Iacob, Gedeone, Helia, Tobia, Daniele & multis aliis. Sic Adam familiarem conſuetudinem habuit cum angelo Raziele: Sem filius Noë, cum Iophiele: Abraham cum Zadkiele: Iſaac & Iacob, cũ Peliele: Ioſeph & Ioſue & Daniel, cũ Gabriele: Moſes cum Metattron: Helias, cum Maltiele: Tobias iunior, cum Raphaële: Dauid cum Cerniele: Manne cum Phadaële: Cenez, cum Ceruele: Ezechiel, cum Haſmaële: Eſdras, cum Vriele: Solomon, cum Michaële. Nonnunq; ſpiritus iſti uirtute ſua animatũ & organicum corpus, ſiue brutũ ſiue rationale, ingrediũtur & corripiũt, ac anima illius tanq; baſi utẽtes, per corpora

Quos angelos antiqui patres familiares habuerint.

instrumenta uoces reddunt, sicut hoc in asina Balaam manifestum est, & in Saul, in quem insiliit spiritus domini & prophetabat. De istis sic ait Apollo in responsis apud Porphyrium:

Carminibus domitus Phœbeus fulgur, ab alto
Defluxit, tacitus purumq; per aera uectus,
Afflatu spirans labensq; in corda sonoro,
Et subiit mentem innocua, sanctiq; capacem
Numinis, & peperit mortali ex gutture uocem.

De tertia specie furoris, ab Apolline. Caput XLVIII.

TErtius uero furor ab Apolline procedit, scilicet mundi mente: Hic sacris quibusdam mysteriis, uotis, sacrificiis, adoratiõibus, inuocationibus & sacris quibusdam artificiis, uel arcanis quibusdam confectionibus, quibus dii sui spiritus uirtutem infuderunt, animam supra mentem assurgere facit, ipsum cum numinibus dæmonibusq; coniũgendo: sicut legimus de Ephod, quo applicato mox prophetabant: sic legimus in libro Senatorum, in capitulis Eleazar, Rabi Ismaelem confeciſſe quasdam placentulas, quibusdam diuinis angelicisq; nominibus inscriptas, atq; sic consecratas, quibus qui cum fide, spe & charitate uescebatur, mox prophetico sapientiæ spiritu effulgebat. Legimus ibidem, Rabi Iohenam filium Iochahidis, rudem quendam agricolam nomine Eleazarum, oĩs literaturæ expertẽ, taliter illuminasse, ut repẽtino fulgore circũfusus, inopinate tam alta legis mysteria in cœtũ sapientum concionaretur, ut astantibus omnibus stupori fuerit: & de quodã Heraisco Aegyptio memorię proditum est, illum diuina quadam natura prędituin, ita ut solo simulacrorum contuitu, quæ aliquod in se numen haberent, diuino furore protinus conciaretur. Legimus quoq; in sacris literis, cum Saul esset inter prophetas, insiliisse sup enim spiritũ dñi & prophetasse: cũq; à prophetarũ cuneo abiret, cessesse prophetare. Simile accidit lictoribꝰ illis quos misit Saul ut caperẽt Dauid: qui cum uidissent cuneum prophetarũ, & Samuelem stãtem super eos, factus est spiritus domini etiam in illis, & prophetarũt etiam ipsi. Tanta est sæpe in prophetis diuino furore correptis diuini luminis exuberantia, ut etiam propinquos illis corripiat, similiq; spiritu furere compellat: non ergo incredibile est aliquem ex ignorante repente posse fieri sapientem, & iterum ex sapiente ignorãtem: est enim ars quædam (sed paucissimis cognita) taliter informandi, exornandi, & illustrandi, fidelem & purum hominis animũ, ut ex ignorantię tenebris repente ad sapientiæ & doctrinarũ lumina eue hatur: est econuerso facultas immũdos & incredulos, reconditis quibusdam arcanis, eodem sapientiæ & doctrinarum dono rursus exuere, & pristinæ suę ignorantiæ restituere. Potest etiam animus humanus (teste Apuleio) præsertim simplex & purus, sacrorũ quorundam auocamento ac delinimento soporari & externari ad prędentium obliuionem, ita ut remota corporis me

Aysmira.

moria, redigatur in naturam ſuam diuinam, atque ſic diuino lumine luſtratus ac furore diuino afflatus, futura rerum præſagire, tum etiam mirabilium quorundam effectuum cum hoc ſuſcipere uirtutem. Vnde inquit Iamblichus: Cum uates dei numine afflantur, nihil timent, nihil uerentur: nam per inuia uadunt, atque in ignem illæſi feruntur, & flumina tranſeunt. Sic legimus antra quædam, ut Apollinis & Trophonii, & tripodas, & ſpecus, & fontes, & lacus, & eiuſmodi hoc modo diis ſacrata, uel eo myſterio fabricata fuiſſe, ut exinde ſacerdotes uaticinandi ſpiritum hauſerint, quemadmodum Iamblichus ad Porphyrium: Sibylla (inquit) in Delphis duplici ratione deum ſuſcipere ſolita eſt: aut enim per tenuem ſpiritum, & ignem, qui alicubi ex ore antri prorumpebat: aut ipſa etiam in adytu ſedens, ſuper æneam ſellam tripodem numini dicatam, & utrobique hoc diuino ſpiritu acta, uaticinia fundebat: tum plurimus ignis ex antro uolans, uati undique circunfunditur, eamq; ſuo numine repletam agitat, aut ſacræ ſedi adhærens, per quam deo afflata, protinus ad uaticinia erumpit. Sed & uates fatidica in branchis, quæ in axe conſedit, aut uirgam manu geſtat à numine ſibi aliquo conceſſam, uel pedes interdum lymbumq; undis proluit, uel ignis uaporem ex undis haurit. His omnibus diuino ſplendore repletur, editaque plena rerum pandit oracula. Legimus etiam in Thraciæ regione adytum fuiſſe Libero ſacrum, ex quo uaticinia & oracula reddi ſolebãt: cuius templi antiſtites uino affatim epoto res peragebant. Apud Clarios etiam, ubi Clarii Apollinis templum erat, quibus diuina effari permiſſum fuerat, aqua prius aſſumpta res peragebant. Erat etiam fatidicus Achaiæ Patris fonticulus, ante Cereris templum conſtitutus, ubi de ægrotorum ſucceſſibus conſulentes, ſpeculum tenui funiculo alligatum, uſque ad ſupremas fontis aquas ſenſim dimittebant: peractisq; certis ſupplicationibus & ſuffitibus, rei ipſius euentus in ſpeculo ſeſe offerebat. Erat etiam haud procul ab Epidauro Laconiæ ciuitate alta palus, quæ Iunonis aqua uocabatur: in quam coniectis frumentaceis placentulis, reſponſa dabantur: proſpera, ſi undæ iniectas placide retinuiſſent: aduerſa autem, ſi ueluti aſpernatæ illas reiecciſſent. Simile etiam Aetnæ crateres factitaſſe proditum eſt, in quas iniecta numiſmata aut uictimæ, idem præſagii læti aut triſtis, iniectorum retentione uel reiectu oſtendebant. Similia quoque narrat Dion in Romana hiſtoria, de loco quem Nympheum appellatum dicit: ubi thure hoc modo in flammas coniecto, oracula capiebantur de omnibus quæ quis ſcire cupiebat, præterquã de morte, & quæ ad nuptias pertinerent. Mirum quoque quod de Paliſcorum Siciliæ fonte tradidit Ariſtoteles, ad quem iuraturi accedentes, quæcunque affirmare uoluiſſent, tabellis inſcripta & obſignata in fontem deiiciebant: quæ ſi recta fuiſſent, ſuper aquas fluitare uidebantur: ſin uero falſa & dolo malo peierata, ſtatim mergebantur unà petentes: tum exiliens ſubito ignis, correptum periurii reum, in ci-

Vates numine afflati, nec timent

neres exurebat. Erat quoq; in urbe Dodona quercus, quæ ubi quis ad capiendum responsum ingrediebatur, protinus mouebatur & sonitum edidit: erat & ibidem statua uirgam ferens, quæ lebetem (scilicet peluim) quæ prope aderat percutiebat, ex qua responsum moderatis ictibus peluis referebat. Vnde legitur in Epistola Ausonii ad Paulinum:

Nec Dodonei cessat tinnitus aheni,
Ad numerum quoties radiis ferientibus ictæ,
Respondent dociles moderato uerbere pelues.

De quarta specie furoris à Venere. Caput XLIX.

QVartus autem furor à Venere proueniens, hic feruenti amore animum in deum conuertit & transmutat, efficitq; deo penitus similem, tanquam propriam dei imaginem. Vnde inquit Hermes: O Asclepi, magnum miraculum est homo, animal honorandum & adorandum: hic enim in naturam dei trāsit, qua ipse sit deus: hic dæmonum genus nouit, utpote qui cum iisdem ortum se esse cognoscat: hic humanæ naturæ partem in seipso despiciens, alterius partis diuinitate confisus. Anima itaq; iam cōuersa, deo quoq; similis effecta, sic à deo formatur, ut supra omnem intellectum essentiali quodam diuinitatis cōtactu omnia cognoscat: ideoq; amorem Orpheus sine oculis describit, quia est supra intellectum. Iamq; etiam anima amore in deum sic conuersa, & supra intellectualem sphærā sublimata, præter hoc quod integra sua uirtute uaticinii ac prophetiæ spiritum adsecuta sit, aliquando etiam mirabiliora & maiora q̄ ipsa mūdi natura operatur, quod quidem opus miraculum appellatur: nam quē admodum cœlum imagine sui, & suo lumine atq; calore ea agit quę uis ignis naturali non efficit qualitate (quod in Alchymicis uel ipsa experientia notissimum est) sic etiam deus per sui imaginem ac lucem ea perficit, quæ mūdus innata sibi uirtute agere non potest: imago autem dei homo est, saltem qui iam Venereo furore deo similis effectus, sola uiuit mente, atq; capit toto pectore Iouem. Tamen anima hominis secundum Hebræorum doctores ac Cabalistas diffinitur, esse lumen dei, & ad imaginem uerbi causæ causarum primi exemplaris creata, substantia dei, sigilloq; figurata, cuius character est uerbum æternum. Quod intuens Hermes Trismegistus, talem hominē ait esse uel cœlicolis præstantiorem, uel saltem æquali sorte potiri.

Amor cur cæcus.

Miraculum.

Anima hois.

De raptu & extasi, & uaticiniis quæ iis qui morbo comitiali & syncopi corripiuntur, & quæ agonizantibus cōtingunt. Caput L.

Raptus qd.

RAptus est abstractio, & alienatio & illustratio animæ à deo proueniens, per quem deus animam à superis delapsam ad infera, rursus ab inferis retrahit ad supera. Huius causa est in nobis cōtinua cōtemplatio sublimiorum, quæ quatenus profundissima mentis intentione animum incorporeæ sapientiæ coniungit, eatenus uche-

mentioribus ſuis agitatiõibus ipſum à ſenſibilibus corporeq; ſeuocat, & (ut inquit Plato)taliter quandoq;,quòd nonnunq̃ corpus ipſum uel effugiat & quaſi diſſolui uideatur,quemadmodum Aurelius Auguſtinus narrat de ſacerdote Calamenſi (cuius ſupra meminimus) iacebat,inqt,ſimilimus mortuo,ſine anhelitu:& cum ureretur & ſecaretur,non ſentiebat. Tãtum igitur eſt animæ imperium,quando ſcilicet ſuam naturam fuerit adſecuta,nec ſenſuum illecebris grauata,ut uirtute ſua ſubito aſcendat,non modo in corpore manens, ſed etiam aliquando compedibus ſoluta extra corpus uolitans ad ſupercœleſtem cohabitationem,ubi iam deo q̃ proxima & q̃ ſimilima,diuinorum effecta receptaculum,diuino lumine oraculisq; repletur. Vnde inquit Zoroaſtes: Aſcendendũ tibi eſt ad lumen ipſum,& ad patris radios,unde tibi miſſa eſt anima,plurimam induta mentẽ. Et Triſmegiſtus ait: Aſcẽdere te oportebit ſupra cœlos,chorisq; dæmonum longe abeſſe, & Pythagoras ait:Si tu relinquendo corpus in ætherem liberũ tranſieris, eris immortalis deus. Sic legimus Hermetẽ,Socratem,Xenocratẽ,Platonem, Plotinum, Heraclitum, Pythagorã & Zoroſtem, raptu ſolitos ſeuocari,atq; ſic multarum rerum ediſcere ſapientiam. Legimus etiam apud Herodotum,fuiſſe in Procõneſo philoſophum mirifice ſcientiæ Atheum nomine,eiusq; animã quandoq; corpus exire,ac poſt uiſa longinqua ſpatia curſus in corpus redire doctiorem. Idem tradit Plinius,conſueuiſſe animã Harmonis Clazomenii,eamq; relicto corpore uagari ſolitã,multa quoq; ac uera è lõginquo nunciare. Et ſunt adhuc in hunc diem apud Nouergios & Pilappios perplures, qui ſe in totum triduũ ſeuocant à corpore, reuerſiq; multa à longinquis renunciant:atq; illos interea cuſtodire oportet,ne quod uiuũ animal illos ſupergrediatur contingatq;,aliàs ferunt in corpus ſuum non reuerti. Sciendũ ergo quòd(iuxta Aegyptiorum doctrinã) cum anima lumen ſit quoddam ſpirituale,quando à corpore eſt ſoluta,omnem locum & omne tempus cõprehendit,non ſecus atq; lumen in laterna incluſum,quia aperta, uſq;quaq; diffunditur,neq; deficit:nã ubiq; eſt & ſemp:& Cicero in ſuo de Diuinatione libro ait:Nec aliquãdo animus hominis diuinat,niſi cum ita ſolutus eſt, ut ei planè nihil ſit cum corpore aut parum. Cum igitur peruenerit ad illũ ſtatum qui eſt ſupremus gradus contemplatiuæ perfectionis, tunc rapitur ab omnibus creatis ſpeciebus,& intelligit non per ſpecies acquiſitas,ſed per inſpectionẽ ad ideas,omniaq; in idearum lumine cognoſcit: cuius luminis Plato dicit pauciſſimos homines participes fieri in hac uita, ſed pene deos omnes. Syncopis etiam morbiq; comitiales raptum quodammodo imitantur,atq; in ipſis ſæpiſſime ſicut in raptu uaticinia proueniunt, quo quidem uaticinãdi genere legimus Herculem Arabesq; q̃ plures excelluiſſe. Et ſunt quædam uaticinia,quæ inter confinia naturalium diuinationum & tranſnaturalia oracula media ſunt,uidelicet quæ ex paſſionis alicuius exceſſu, ut amore nimio,uel triſtitia,uel inter crebra ſuſpiria,aut in mortis agone futu-

Aĩa à corpore ſoluta omnẽ locũ & tẽpus comprehendit.

D

ra pronuntiant, ſicut apud Statium de matre Achillis:

Nec uana parentum
Expauit uitreo ſub gurgite remos.

Ineſt enim animis noſtris quædã uis perſpicua & capax rerũ oĩm, ſed caligine corporis & mortalitatis obſita & impedita, poſt mortẽ autẽ immortalitatem conſecuta & à corpore ſoluta, plenam & perfectam habet cognitionem. Hinc accidit morti uicinis & ſenecta debilitatis, nonnunq̃ aliquid inſueti luminis, quia anima tunc ſenſibus minus præpedita eſt, & acutius intelligit, & iam quaſi paululum relaxata uinculis, corpori amplius non omnino obnoxia, & quaſi loco quo migratura eſt uicina, reuelationes facile percipit, quæ agoniis ſuis permixta, ſibi tũc offerũtur. Vnde Ambroſius libro de Fide reſurrectionis ait: Anima noſtra corporeum iſtud euadere geſtit ergaſtulũ, quæ motu aëreo libera neſcit quo uadat aut unde ueniat. Scimus tamẽ quòd corpori ſuperuiuat, & ea iam depoſitis proprii ſenſus repagulis expedita, libero cernat obtutu, quæ ante ſita in corpore non uidebat, quod exemplo dormientium poſſumus æſtimare, quorum animi uelut quieti ſepulto corpore ad altiora ſe ſubrigunt, & renunciant corpori rerum abſentium uel etiã cœleſtium uiſiones.

De ſomnio prophetico. Caput LI.

Omnium dico nunc, quod ex ſpiritu phantaſtico & intellectu inuicem unitis, aut per illuſtrationẽ intellectus agẽtis ſuper animã noſtrã, aut per mirã reuelationẽ numinis alicuius, purgata atq; tranquilla mẽte procedit: ab hoc enim anima noſtra uera recipit oracula, affatimq́; nobis uaticinia præſtat: nã in ſomniis & interrogare uidemur, & diſcere, & legere, & inuenire: multa quoq; dubia, multa cõſilia, multa incognita inopinataq́;, neq; unq̃ tentata animis noſtris, nobis in ſomniis patefiũt, apparentq́; imagines ignotorũ locorũ, & ſimulacra hominũ tam uiuentiũ q̃ mortuorũ: portẽduntur q́; futura quæ nondum prouenerunt, & reuelantur proueniſſe uſpiam, quæ nulla adhuc ſcientiæ fama innotuerunt: & hæc ſomnia nulla egent alia interpretãdi arte, ſicut illa de quibus in primo libro locuti ſumus, quæ diuinationis ſunt, non præſcientiæ: contingitq́; eos qui uiderunt, ut plurimũ non intelligere: quia (ut inquit Abdala Arabs) ſicut uidere ſomnia, eſt à fortitudine imaginationis: ita intelligere ea, eſt à fortitudine intellectus. Cuius ergo intellectus nimio carnis demerſus cõmercio ſopitus eſt, aut ſpũs imaginatiuus ſiue phãtaſticus tã hebes ac impolitus eſt, ut ſuperni intellectus ſpecies influentes q́; imagines nequeat excipere, exceptas q́; retinere, hic ad ſomniorũ uaticinia planè inutilis eſt: Oportet ergo ualentẽ uera recipere ſomnia, ſpiritũ phantaſticum purum, inconcuſſum imperturbatumq́; ſeruare, atq; ita componere, ut dignus efficiatur cui mens atq; intellectus præſideat atq; innoteſcat; talis nanq; ſpiritus uaticiniis aptiſſimus, omnium idolorum à rebus undiq; manantium (ut inquit

Sõnia uidere, & ea intelligere, un de cõtingat.

Synesius)speculũ est clarissimum. Cum igitur corpore iam sani sumus,non perturbati animo, non cibo potius grauati, nec mœrentes inopia, nullisq; nobis obstrepentibus libidinis aut iracundiæ uitiis,castè cubitũ euntes dormimus,tunc anima nostra pura atq; diuina,ab omni noxia cogitatione soluta,per somnium iam libera,hoc diuino spiritu instrumento freta,radiantes & refulgentes à mentibus diuinis in se susceipit radios & effigies, atq; tanq̃ in quodam deifico speculo,omni intellectus uulgari indagatione rationisq; discursu longe quidem certius,clarius efficaciusq; contuetur, instruentibus diuinis potestatibus inuitatam ad cœtum illorum animam nocturnæ solitudinis opportunitate, neq; etiam tunc uigilanti deerit propitia diuinitas, quæ illius actus moderetur. Quicunq; igitur spiritum suum meditatione trãquilla ac religiosa,tum per uictum temperatum ac moderatum secundum naturam conseruat purum, hoc utitur admodum præparato, ut eiusmodi ratione diuinus euadat atq; sciens:quicunq; uero cõtrà phantastico spiritu languet,non recipit perspicua discretaq; uisa:sed quemadmodum luscus oculus,propter debilitatem confuse indiscreteq; iudicat:sic etiam quãdo crapula uinoq; repleti sumus,tunc spiritus noster noxiis uaporibus oppressus (sicut aqua turbida sub eadem forma solet dissimiliter affici) decipitur atq; hebescit, quam ob causam Amphiaraus uates(ut legim⁹ apud Philostratũ) uolentem recipere oracula, iussit integrum diem à cibo, à uino autem triduo abstinere:quia non possit recte uaticinari anima, nisi esset uino ciboq; liberata:sobriis enim animis ac religiosis,diuinoq; cultui uacantibus,solent dii tribuere oracula. Vnde Orpheus exclamat:

Simile.

Philostratus lib.2.ca.14.

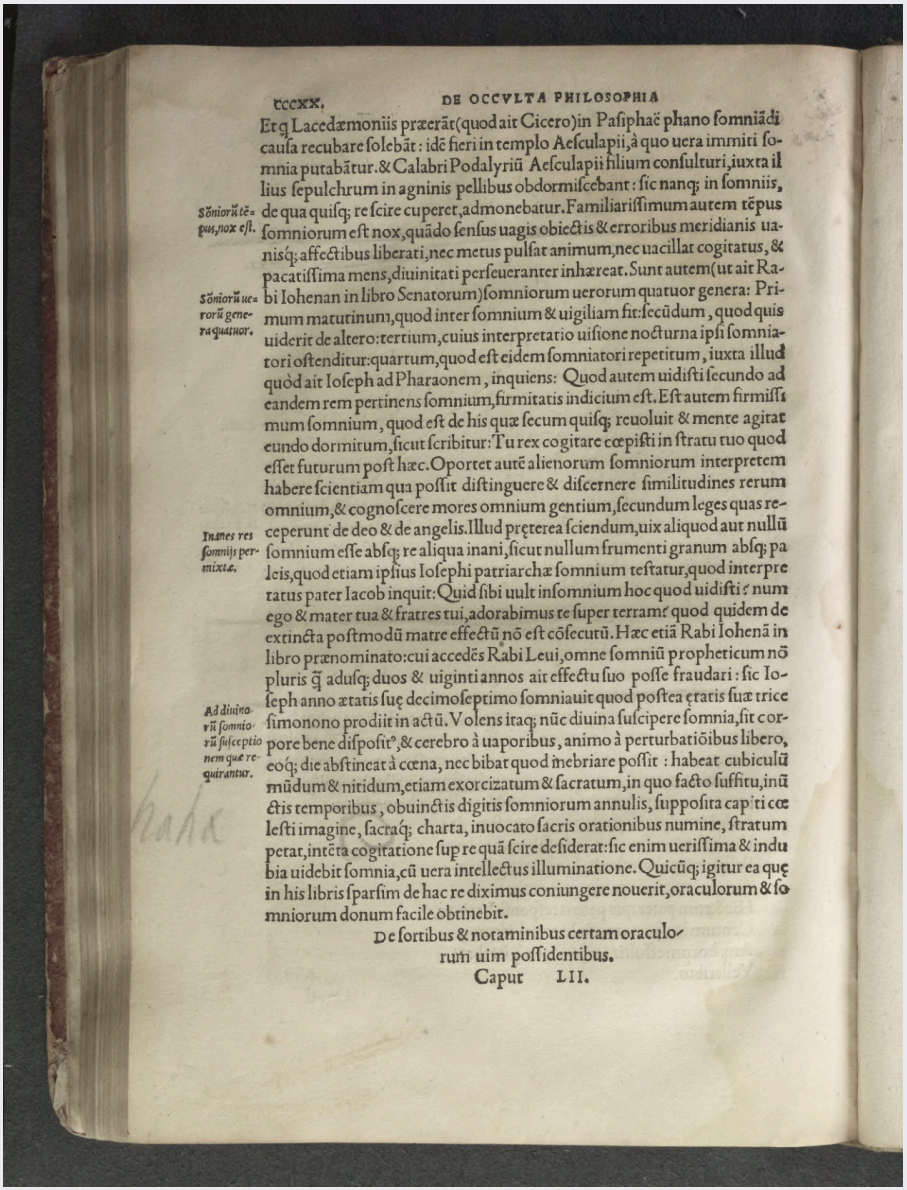
Nuncie futurorum uaticinator maxime,
Accedis ad animas sonum quiete demulctas.
Easq; compellans suscitas mentem,
Sententias numinum beatorum eis per somnium subinseris,
Silens silentibus animis uentura pronuncians,
His inquam animis,quorum mens diuino cultu rectissime utitur.

Hinc apud ueteres moris erat,ut qui respõsa accepturi essent, prius celebratis sacris quibusdam expiationibus & sacrificiis,peracto diuino cultu, etiam sacrato cubiculo, uel saltem suarum immolationum uelleribus,religiosius incubarent,cuius quidem ritus meminit Vergilius in his uersibus:

In dubiis responsa petunt,huc dona sacerdos
Contulit,& cæsarum ouium sub nocte silenti
Pellibus incubuit stratis,somnosq; petiuit.

Et paulo post canit:

Hic & tum pater ipse petens responsa Latinus,
Centum lanigeras mactabat rite bidentes,
Atq; horum effultis tergo stratisq; iacebat
Velleribus.

Et q Lacedæmoniis præerāt(quod ait Cicero)in Paſiphaē phano ſomniādi cauſa recubare ſolebāt: idē fieri in templo Aeſculapii,à quo uera immiti ſomnia putabātur.& Calabri Podalyriū Aeſculapii filium conſulturi,iuxta illius ſepulchrum in agninis pellibus obdormiſcebant: ſic nanq; in ſomniis, de qua quiſq; re ſcire cuperet,admonebatur.Familiariſſimum autem tēpus ſomniorum eſt nox,quādo ſenſus uagis obiectis & erroribus meridianis uanisq; affectibus liberati,nec metus pulſat animum,nec uacillat cogitatus,& pacatiſſima mens,diuinitati perſeueranter inhæreat.Sunt autem(ut ait Rabi Iohenan in libro Senatorum)ſomniorum uerorum quatuor genera: Primum matutinum,quod inter ſomnium & uigiliam fit:ſecūdum, quod quis uiderit de altero:tertium,cuius interpretatio uiſione nocturna ipſi ſomniatori oſtenditur:quartum,quod eſt eidem ſomniatori repetitum, iuxta illud quòd ait Ioſeph ad Pharaonem, inquiens: Quod autem uidiſti ſecundo ad eandem rem pertinens ſomnium,firmitatis indicium eſt.Eſt autem firmiſſimum ſomnium, quod eſt de his quæ ſecum quiſq; reuoluit & mente agitat eundo dormitum,ſicut ſcribitur:Tu rex cogitare cœpiſti in ſtratu tuo quod eſſet futurum poſt hæc.Oportet autē alienorum ſomniorum interpretem habere ſcientiam qua poſſit diſtinguere & diſcernere ſimilitudines rerum omnium,& cognoſcere mores omnium gentium,ſecundum leges quas receperunt de deo & de angelis.Illud pręterea ſciendum,uix aliquod aut nullū ſomnium eſſe abſq; re aliqua inani,ſicut nullum frumenti granum abſq; paleis,quod etiam ipſius Ioſephi patriarchæ ſomnium teſtatur,quod interpretatus pater Iacob inquit:Quid ſibi uult inſomnium hoc quod uidiſti? num ego & mater tua & fratres tui,adorabimus te ſuper terram? quod quidem de extincta poſtmodū matre effectū nō eſt cōſecutū.Hæc etiā Rabi Iohenā in libro prænominato:cui accedēs Rabi Leui,omne ſomniū propheticum nō pluris q̄ aduſq; duos & uiginti annos ait effectu ſuo poſſe fraudari: ſic Ioſeph anno ætatis ſuę decimoſeptimo ſomniauit quod poſtea ęraris ſuæ trice ſimonono prodiit in actū.Volens itaq; nūc diuina ſuſcipere ſomnia,ſit corpore bene diſpoſit⁹,& cerebro à uaporibus, animo à perturbatiōibus libero, eoq; die abſtineat à cœna, nec bibat quod inebriare poſſit: habeat cubiculū mūdum & nitidum,etiam exorcizatum & ſacratum,in quo facto ſuffitu,inūctis temporibus, obuinctis digitis ſomniorum annulis, ſuppoſita capiti cœleſti imagine, ſacraq; charta, inuocato ſacris orationibus numine, ſtratum petat,intēta cogitatione ſup re quā ſcire deſiderat:ſic enim ueriſſima & indubia uidebit ſomnia,cū uera intellectus illuminatione.Quicūq; igitur ea quę in his libris ſparſim de hac re diximus coniungere nouerit,oraculorum & ſomniorum donum facile obtinebit.

Sōniorū tēpus,nox eſt.

Sōniorū uerorū genera quatuor.

Inanes res ſomnijs permixtæ.

Ad diuinorū ſomniorū ſuſceptionem quæ requirantur.

De ſortibus & notaminibus certam oraculorum uim poſſidentibus.

Caput LII.

VNt etiam ſortes quædam diuinam oraculorum poſſidẽtes uir tutem,ac tanquam diuini iudicii indices, antea multa prece & obſecratione illorum qui hoc exquirunt petitæ,aliquando etiã à deo ipſo fieri præceptæ, quemadmodum in Leuitico legitur de hirco offerendo domino,& de capro emiſſario: & in Numerorum libro, de uirgis tribuum Iſraël. Iam uero & Moſes, & Ioſue, miſſis ſortibus in conſpectu domini diuiſerunt terras & hæreditates tribubus Iſraël ſecundum prę ſcriptum dei. Apoſtoli Chriſti præmiſſis precibus,per ſortem elegerũt Mathiam in locum proditoris Iudæ. Ionas propheta cum fugiens à facie domini nauigaret Tharſum,ſuborta tempeſtate nautę per ſortem inuenerunt illum cauſam periculi, proiectumq; in mare ceſſaſſe tempeſtatem. Narrat Ceſar de. M. Valerio Procillo capto ab hoſtibus, ter ſortibus conſultum, utrum igne ſtatim necandus eſſet,an in aliud tempus reſeruandus, ſortium beneficio euaſiſſe incolumen. Erat quondam apud Buram Achaiæ oppidũ Herculis oraculum ex talis & abaco conſtitutum,ubi conſulturus de re quapiam,poſt peractas deo preces,talos quatuor iaciebat,quorum ſitum atq; figuras obſeruãs uates,quid uenturum eſſet,in abaco ſcriptum comperiebat: erant autem tali omnes ex hoſtiarum oſſibus confecti. Illud uero ſciendum uetuſtos patres non ſolitos qualibet leui de cauſa mittere ſortem,ſed aut neceſſitate aut grandi utilitate urgente,nec niſi cum magna religione,reuerẽtia,expiationibus,ieiuniis,munditia precibus,inuocationibus,uotis,ſacrificiis, cõſecrationibus,cæteriſq; adhibitis religionum ſacris myſteriis. Solent enim ſacra ipſa operibus noſtris rite præmiſſa,ut maxime diuinam prouocare uoluntatem ac beneuolentiam,diuinorumq; ſpirituum pręſentiã,quorum diſpenſatione ſorte directa,rei quæſitæ ueram ſuſcipimus ſententiam. Oportet ergo quemcũq; per ſortes operantem,accedere animo bene diſpoſito,non perturbato,non diſtracto,& cum forti deſiderio,firma deliberatione ac conſtanti intentione ſciendi id quod quæſitum fuerit: præterea erga deum & cœleſtia puritate,caſtitate,ſanctimonia pollẽtem,indubia ſpe & firma fide,ſacris orationibus inuocare, ut dignus efficiatur cui diuini ſpiritus congrediantur,diuinaq; uolũtas innoteſcat: ſic nanq; ſi fueris diſpoſitus, uirtute ſortium maxima ſecreta tibi patefient,eriſq; uates ueridicus, præterito rum, pręſentium & futurorum,de quibus fueris requiſitus. Quod autem de ſortibus hic diximus, etiam in ominũ & notaminum auguriis obſeruandũ eſt, quando uidelicet cum formidine,tamen firma cum expectatione notamina quædam uaticinandi cauſa nobis præfigimus, aut ſignũ poſtulamus, ſicut uernaculus Abrahę Eleazar,& Gedeon iudex in Iſraël feciſſe leguntur. Erat quondam Pharis Achaiæ ciuitate medio foro Mercurii ſimulacrum, ubi omen accepturus,ſuffito thure & accenſis lucernis quæ ante aſtabãt,oblatoq; patrio numiſmate in ſimulacri dexteram, tum quodcũq; percũctari uoluiſſet,in ſimulacri aurem inſuſurrabat,moxq; ambabus manibus obtu-

Nõ temere ſortiebantur antiq patres

Diſpoſitiones, qui per ſortes uult operari.

ratis auribus ſuis, ocyus à foro diſcedebat: cuius limites egreſſus, ilico apertis auribus, quã primã uocẽ excepiſſet, ſibi pro rato omine, & tanq̃ dato oraculo obſeruabat. Licet igitur ſortes eiuſmodi ignorantibus (tanq̃ à caſu uel à fortuito euentu ſint) nihil rationis habere uideantur, tamen à deo & ſublimioribus uirtutibus certis rationibus diſponuntur, neq; cadunt præter intẽtionẽ eas moderãtis. Nonne in electione Saul in regem Iſraël, ſors in illũ caſu & fortuito cecidiſſe putabatur? Attamẽ iam antea à dño ſtatutus fuit rex & unctus à Samuele propheta: & q ſtatuerat illũ regẽ deus, diſpoſuit & ſortes ut caderent ſuper illũ. Atq; de his hactenus ſatis.

Quomodo ſe diſponere debeat uolens ſuſcipere oracula. Caput LIII.

Vicunq; ad ſupremũ animæ ſtatum accedere cupiens, ad oracula petenda proficiſcitur, oportet eũ caſte ſanctẽq; diſpoſitũ, purũ mundũq; accedere, ita ut nullius ſordis impetigine anima eius inquinetur, nullasq; peccatorũ cicatrices pectori gerat impreſſas: oportebitq; animum penitus ſegregare & purgare, quatenus naturæ permittat neceſſitas, ab omni morbo, hebetudine, malitia & eiuſmodi paſſionibus, omniq; irrationali cõditione, quæ ſequitur eam tanq̃ ferrũ rubigo, rite cõponendo & diſponẽdo quæ ad mẽtis pertinẽt tranquillitatẽ: ſic enim uehementiora efficacioraq; accipiet repoſa. Quibus uero purgetur animus, & in diuinã ſuam reſtituatur puritatẽ, à religiõe nobis ſapiẽtiaq; eſt perdiſcendũ: neque enim ſine religione ſapientia, nec ſine ſapiẽtia probãda eſt religio. Sapiẽtia enim (inquit Solomon) lignũ uitæ eſt his qui apprehenderint eã: & Lucretius ait, eam eſſe inuentũ dei, ſeu ſpiraculum dei, ubi canit:

Hic deus ille fuit, deus inclyte Memmi,
Qui princeps uitæ rationem inuenit eam, quæ
Nunc appellatur ſapientia, quiq; per artem
Fluctibus è tantis uitam tantisq; tenebris
In tam tranquilla & tam clara luce locauit.

Intelligit quoq; eam eſſe illuſtrationẽ diuinã, unde Democritus nullos uiros ſapiẽtes arbitratur, præter illos qui furore quodã diuino perciti ſunt, quẽ admodũ Minos ille Cretẽſis, quẽ ferunt à Ioue cũcta didiciſſe, cũ eſſet ei in Ida mõte frequẽs cũ deo cõuerſatio: ſic etiã Meleſagorã Eleuſinũ Athenienſes ferũt à nymphis edoctũ: ſic & Heſiodũ cũ eſſet pecudũ paſtor in Bœotia, gregem iuxta quendam Helicona montẽ egiſſet, legimus à Muſis condonatum fuiſſe aliquot calamis: quibus acceptis, poëſim repente adeptum eſſe, quæ quidẽ & huiuſmodi in momento adſequi, pro certo nõ eſt humani animi, ſed diuinitus inſpirati, uidelicet cui ineſt deus oĩa operans: ipſe nanq; deus in animas ſanctas ſe transferẽs, prophetas & mirandorũ opifices cõſtituit, potentes in opere & ſermone, ſicut aſſerũt Plato & Mercurius, atq; ipſe etiã Xyſtus Pythagoricus, aſſerẽtes eiuſmodi hoĩem dei tẽplum, deũ autem

Homo dei tẽplum.

hoſpitem:cui aſtipulatur & noſter Paulus,hominē uocans templū dei,& alibi de ſeipſo inquit:Omnia poſſum in eo qui me cōfortat deus:ipe enim eſt uirtus noſtra,ſine quo(ut ipſemet perhibet) nihil poſſumus,quod etiam Ariſtoteles in Metcoris & Ethicis fatetur,nullam eſſe uirtutē, ſiue naturalem ſiue moralē,niſi per deū:& in ſecretis ſuis aſtruit,intellectū bonū & ſanū poſſe in naturæ ſecreta,dūmodo adſit diuinæ uirtutis influentia, aliàs nequaq̄. Hanc autē influentiā tūc ſolū ſuſcipimus,quādo nos abſoluimus ab impedimentis aggrauantibus,à carnalibus & terrenis occupationibus,& ab omni externa agitatione:neq; enim poteſt lippus & immundus oculus res nimiū lucentes intueri:nec capere poterit diuina,qui purgationē animi ignorarit. Oportet autē pedetentim & uelut per gradus quoſdā ad hanc animi puritatem peruenire:neq; enim unuſquiſq; de nouo iis myſteriis initiatus, ſtatim lucida omnia cōprehendit,ſed aſſuefaciendus paulatim eſt animus,quouſq; in nobis emineat intellectus,ac diuinæ luci applicans illi permiſceatur. Anima itaq; humana quādo rite fuerit purgata & expiata,tum ab omni uarietate ſoluta,libero motu foras emicat,ſurſum aſcēdit,diuina capit etiā ſeipſam erudit,quādo fortè aliunde eruditi uidetur:neq; enim cōmemoratione,neq; demonſtratione tunc indiget,ob naturalem ſui ſolertiam, tum per mētem ſuam quæ animæ caput & auriga eſt,ſuapte natura angelos imitata,non ſucceſſione,non tempore,ſed ſubitaneo momento quod cupit aſſequitur. Dauid enim literas non didicit,& ex paſtore effectus eſt uates,& diuinarum rerum ſcientiſſimus. Solomon in unius noctis ſomnio,omniū ſuperum & inferum ſapientia repletus fuit:ſic Eſaias,Ezechiel,Daniel, cæteriq; prophetæ & apoſtoli eruditi ſunt:poteſt enim anima(quæ cōmunis Pythagoreorū & Platonicorum ſententia eſt)per uiam purgatoriam abſq; alio ſtudio uel inueſtigatione,per ſolam modicam & facilimam collationē & aduentitiā, ſupiam deſuper habita intelligibilia,perfectā omniū ſcibiliū ſcientiā acquirere: poteſt etiā per extrinſecā expiationē ad hoc deuenire,ut omnia per ſubſtantialem ſuā formā indiuiſibiliter intelligat. Purgatur autem animus & expiatur per mūditiā,per abſtinentiā,per pœnitentiā,per eleemoſynā:tū etiā cōferunt ad idem ſacra quædā inſtituta,ut hic inferius patebit,curāda enim eſt anima per religionū ſtudia,uulgo quidē occulta, ut ſanitati reſtituta,uerita te firmata,& diuinis præſidiis munita nō timeat ſuboriētes concuſſiones.

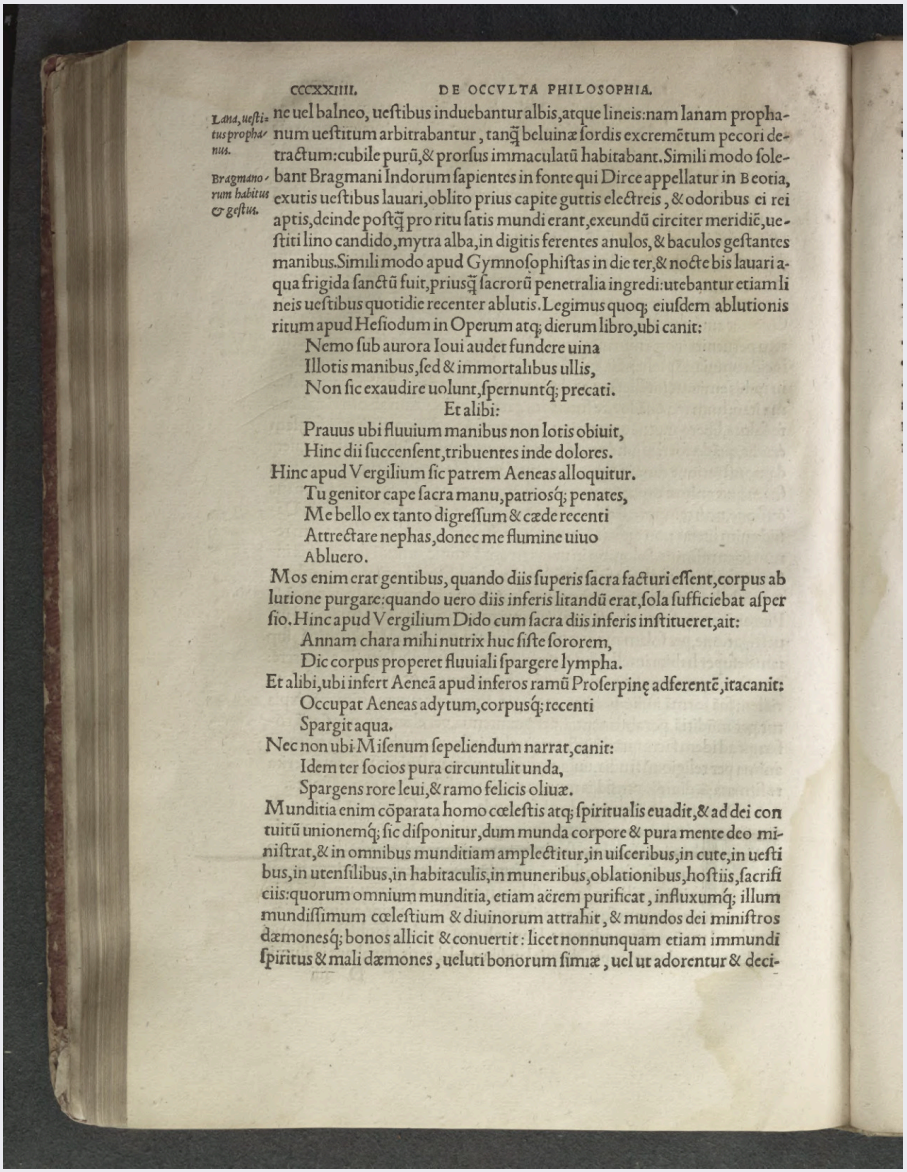
Pedetentim ad animi puritatē peruetiendum.

Dauid, Solomō cæteriq; & prophetæ & apoſtoli ſubito edocti.

Animus quō expiandus.

De mūditia,& quomodo obſeruanda. Caput LIIII.

MVnditiam igitur imprimis oportebit ſeruare,in uictu, in operibus,in affectibus, ſordeſq; omnes & animi perturbatiōes,& quæcunq; ſenſum ac ſpiritū offendūt,expellere,& quæ inſunt homini diſſimilia cœlo,non ſolum ſi in animo & ſpiritu, uerūetiā ſi in corpore, ſi circa corpus fuerint : talis nanq; mūditia exterior animi puritatem haud parū creditur adiuuare. Hanc ob cauſam philoſophi Pythagorici auiditate oraculorum capti, diuinis laudibus celebratis, lauabant in flumi-

Lana, ueſtitus prophanus.

ne uel balneo, ueſtibus induebantur albis, atque lineis: nam lanam prophanum ueſtitum arbitrabantur, tanq̃ beluinæ ſordis excremẽtum pecori detractum: cubile purũ, & prorſus immaculatũ habitabant. Simili modo ſolebant Bragmani Indorum ſapientes in fonte qui Dirce appellatur in Beotia, exutis ueſtibus lauari, oblito prius capite guttis electreis, & odoribus ei rei aptis, deinde poſtq̃ pro ritu ſatis mundi erant, exeundũ circiter meridiẽ, ueſtiti lino candido, mytra alba, in digitis ferentes anulos, & baculos geſtantes manibus. Simili modo apud Gymnoſophiſtas in die ter, & nocte bis lauari aqua frigida ſanctũ fuit, priusq̃ ſacrorũ penetralia ingredi: utebantur etiam lineis ueſtibus quotidie recenter ablutis. Legimus quoq; eiuſdem ablutionis ritum apud Heſiodum in Operum atq; dierum libro, ubi canit:

Bragmanorum habitus & geſtus.

Nemo ſub aurora Ioui audet fundere uina
Illotis manibus, ſed & immortalibus ullis,
Non ſic exaudire uolunt, ſpernuntq; precati.

Et alibi:

Prauus ubi fluuium manibus non lotis obiuit,
Hinc dii ſuccenſent, tribuentes inde dolores.

Hinc apud Vergilium ſic patrem Aeneas alloquitur.

Tu genitor cape ſacra manu, patriosq; penates,
Me bello ex tanto digreſſum & cæde recenti
Attrectare nephas, donec me flumine uiuo
Abluero.

Mos enim erat gentibus, quando diis ſuperis ſacra facturi eſſent, corpus ablutione purgare: quando uero diis inferis litandũ erat, ſola ſufficiebat aſperſio. Hinc apud Vergilium Dido cum ſacra diis inferis inſtitueret, ait:

Annam chara mihi nutrix huc ſiſte ſororem,
Dic corpus properet fluuiali ſpargere lympha.

Et alibi, ubi infert Aeneã apud inferos ramũ Proſerpinę adferentẽ, itacanit:

Occupat Aeneas aditum, corpusq; recenti
Spargit aqua.

Nec non ubi Miſenum ſepeliendum narrat, canit:

Idem ter ſocios pura circumtulit unda,
Spargens rore leui, & ramo felicis oliuæ.

Munditia enim cõparata homo cœleſtis atq; ſpiritualis euadit, & ad dei contuitũ unionemq; ſic diſponitur, dum munda corpore & pura mente deo miniſtrat, & in omnibus munditiam amplectitur, in uiſceribus, in cute, in ueſtibus, in utenſilibus, in habitaculis, in muneribus, oblationibus, hoſtiis, ſacrificiis: quorum omnium munditia, etiam aërem purificat, influxumq; illum mundiſſimum cœleſtium & diuinorum attrahit, & mundos dei miniſtros dæmonesq; bonos allicit & conuertit: licet nonnunquam etiam immundi ſpiritus & mali dæmones, ueluti bonorum ſimiæ, uel ut adorentur & deci-

piant, huiuſmodi munditiam exquirunt: ideoq; imprimis obſeruandum eſt, ut habeatur animus mundus & cor purum, ad quæ tunc immundæ poteſtates nequeunt aſcendere.

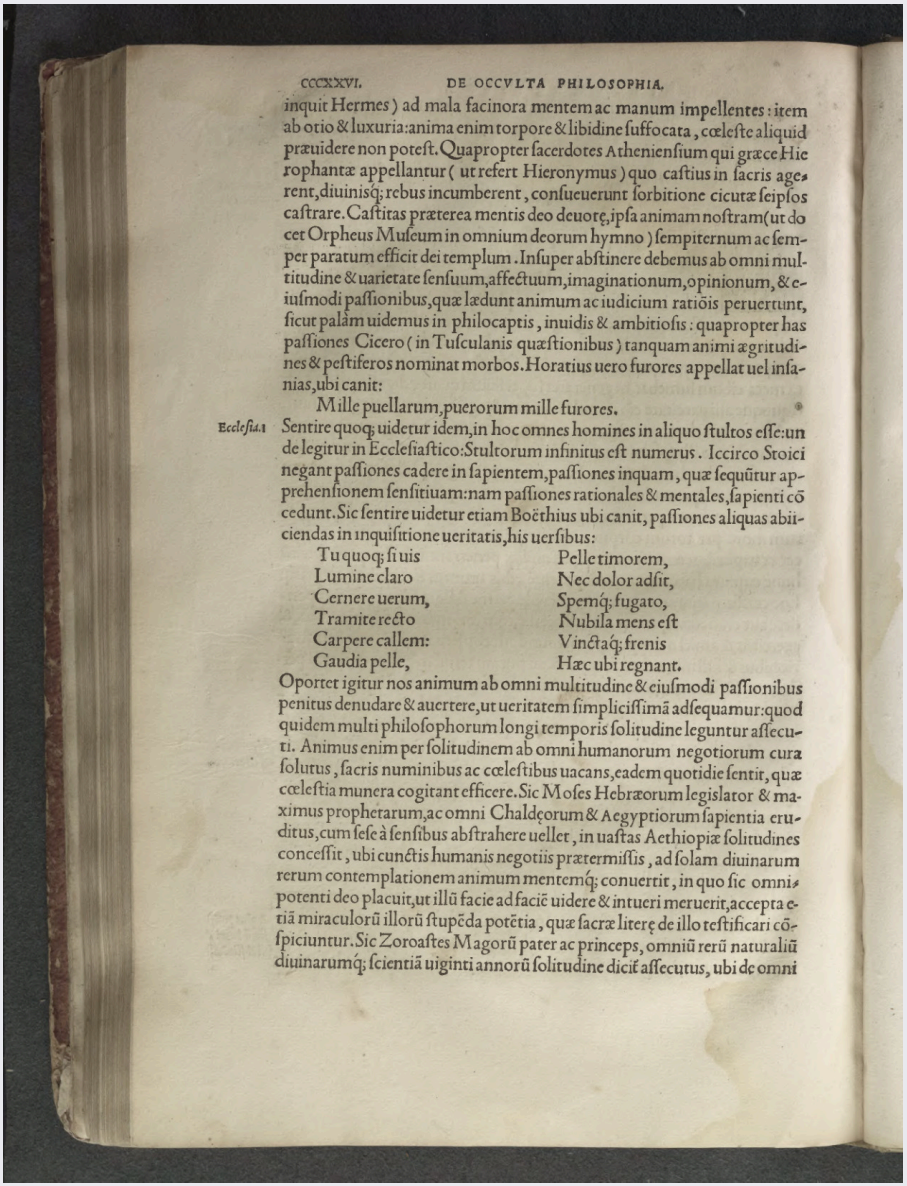
De abſtinentia & ieiuniis, & caſtitate, ſolitudine, & animi tranquillitate atque aſcenſu.

Caput LV.

ABſtinentia quoque ſuos paſſim obſeruatores contra uitia & malos dæmones familiariter munit atque tuetur, & quaſi templū dei incontaminatum reddit animum, mētemq; deo coniungit: nihil etiam ad ſanitatem complexionisq; temperantiam melius, quàm ſuperflua minime congregare, modumq; neceſſarii uictus non excedere: neque enim nutrimentum natura ualentius adſumendum eſt, ſed quo potius natura ſit ualentior, ſicuti de Chriſto aſſerunt nonnulli, quòd ea meta cibum ſumebat, ut generaret ſuperfluum quartæ digeſtionis. Multi quoque alii parcitate cibi ſimul & ſanitate & agilitate corporis gauiſi ſunt, ut Moſes & Helias, qui uſque ad quadrageſimum diem ieiunium protraxerunt: Vnde ille ſplendebat facie, & iſte ſubuectus corpus ſuum ueluti ſpiritum facile ducebat ad nutum. Nam aſſerunt magi & philoſophi, ſpiritum noſtrum non quemadmodum terrenum, aut corpus ex ciborum aut potuum concoctione per certa organa recepto alimento nutriri, ſed ſpongiarum more per totum corpus undique alimentum ſuum haurire, uidelicet ex uaporibus tenuiſſimis corpus undiq; penetrantibus. Itaq; qui ſpiritū hunc cupiunt habere purum & potentē, cibis utuntur ſiccioribus, corpusq; hoc craſſum ieiuniis extenuant, ac facile permeabile reddunt, ne eius pondere aut craſſeſcat ſpiritus aut ſuffocetur, tum lotionibus & fricationibus, & exercitiis, & amictu corpus ipſum mundum conſeruant, ſpiritumq; luſtrationibus & ſuffitibus corroborant, & ad puram tenuemq; ſynceritatem perducunt. Debemus igitur in ſumendis cibis eſſe puri atq; abſtinentes, quēadmodū philoſophi Pythagorici, mēſam ſacram atq; ſobriam ſeruantes, uitā in omni temperantia protrahebant. Temperantia enim uitæ cōplexionisq; quia talis nullum infert nobis alicuius ſuperantis humoris tumultum, qui ad ullam imaginem commoueat phantaſiam, efficit ut anima noſtra ſæpiſſime ſomnians, nonnunq; etiam uigilans, ſemper ſupernis influxibus ſubiiciatur. Inſuper Pythagorici, ſi quis per abſtinentiam prudenter moderetur ſingulas tum animi tum corporis ſui motiones, perpetuam utriuſq; ſanitatem, ac etiam diuturnam uitam pollicentur. Sic Bragmani nullos ad ipſorum admittebant collegium, niſi abſtinentes à uino, & carnibus, & uitiis: dicentes neminem poſſe deum intelligere, niſi qui illum diuina cōuerſatione æmularetur: quòd etiam inferiores Indos apud Philoſtratum docuit Phraotes. Præterea abſtinere nos oportet ab omnibus quæcunq; animum ſpiritumq; inficiunt, à cupiditatibus & inuidentia, quæ iniuſtitiæ famulę ſunt (ut

Tēperantia effectus.

A gbus potiſſimū hominī abſtinēdū

inquit Hermes) ad mala facinora mentem ac manum impellentes: item ab otio & luxuria: anima enim torpore & libidine ſuffocata, cœleſte aliquid præuidere non poteſt. Quapropter ſacerdotes Athenienſium qui græce Hierophantæ appellantur (ut refert Hieronymus) quo caſtius in ſacris agerent, diuinisq; rebus incumberent, conſueuerunt ſorbitione cicutæ ſeipſos caſtrare. Caſtitas præterea mentis deo deuotę, ipſa animam noſtram (ut docet Orpheus Muſeum in omnium deorum hymno) ſempiternum ac ſemper paratum efficit dei templum. Inſuper abſtinere debemus ab omni multitudine & uarietate ſenſuum, affectuum, imaginationum, opinionum, & eiuſmodi paſſionibus, quæ lædunt animum ac iudicium ratiõis peruertunt, ſicut palàm uidemus in philocaptis, inuidis & ambitioſis: quapropter has paſſiones Cicero (in Tuſculanis quæſtionibus) tanquam animi ægritudines & peſtiferos nominat morbos. Horatius uero furores appellat uel inſanias, ubi canit:

Mille puellarum, puerorum mille furores.

Eccleſia. 1 Sentire quoq; uidetur idem, in hoc omnes homines in aliquo ſtultos eſſe: unde legitur in Eccleſiaſtico: Stultorum infinitus eſt numerus. Iccirco Stoici negant paſſiones cadere in ſapientem, paſſiones inquam, quæ ſequũtur apprehenſionem ſenſitiuam: nam paſſiones rationales & mentales, ſapienti cõcedunt. Sic ſentire uidetur etiam Boẽthius ubi canit, paſſiones aliquas abiiciendas in inquiſitione ueritatis, his uerſibus:

Tu quoq; ſi uis — Pelle timorem,
Lumine claro — Nec dolor adſit,
Cernere uerum, — Spemq; fugato,
Tramite recto — Nubila mens eſt
Carpere callem: — Vinctaq; frenis
Gaudia pelle, — Hæc ubi regnant.

Oportet igitur nos animum ab omni multitudine & eiuſmodi paſſionibus penitus denudare & auertere, ut ueritatem ſimpliciſſimã adſequamur: quod quidem multi philoſophorum longi temporis ſolitudine leguntur aſſecuti. Animus enim per ſolitudinem ab omni humanorum negotiorum cura ſolutus, ſacris numinibus ac cœleſtibus uacans, eadem quotidie ſentit, quæ cœleſtia munera cogitant efficere. Sic Moſes Hebræorum legislator & maximus propheratum, ac omni Chaldęorum & Aegyptiorum ſapientia eruditus, cum ſeſe à ſenſibus abſtrahere uellet, in uaſtas Aethiopiæ ſolitudines conceſſit, ubi cunctis humanis negotiis prætermiſſis, ad ſolam diuinarum rerum contemplationem animum mentemq; conuertit, in quo ſic omnipotenti deo placuit, ut illũ facie ad faciẽ uidere & intueri meruerit, accepta etiã miraculorũ illorũ ſtupẽda potẽtia, quæ ſacræ literę de illo teſtificari cõſpiciuntur. Sic Zoroaſtes Magorũ pater ac princeps, omniũ rerũ naturaliũ diuinarumq; ſcientiã uiginti annorũ ſolitudine dicit aſſecutus, ubi de omni

diuinandi ac uaticinandi arte plura conscripsit ac fecit. Similia operatum esse Orpheum in Thraciæ desertis, scripta eius ad Musæum declarant. Sic legimus Epimenidem Cretensem longissimo quodam somno fuisse eruditum, nam annis quinquaginta dormiuisse aiunt: hoc intelligunt latuisse. Pythagoras quoq; similiter decem annis latuisse fertur, atq; Heraclitus & Democritus eandē ob causam solitudine delectabātur: quāto magis enim animalē uitam relinquimus & humanam, tanto magis uiuimus angelos & deū, quibus coniūcti & in meliorem sortem restituti, in omnia possumus, omnibus dominantes. Qualiter autem animus noster segregandus sit à uita animali, & ab omni multitudine, atq; erigēdus, quousq; ascendat ad ipsum unum, bonum, uerum, pulchrum, per singulos tam cognobilium q̄ cognitionū gradus, docet Proclus in cōmentariis super Alcibiadem, ostendēs quomodo im primis fugienda sensibilia, ut ad essentiam incorpoream nos transferamus: ubi animarū ordinē, multiplicatū tamē per rationes plurimas, habitudines proportionesq; uarias, & uincula multa, uarietatemq; uirium multiformē superare oportet, & ad intellectum & intelligibilia regna contēdere, & quanto interuallo hæc sint animis meliora, contēplari: porrò ipsam etiā intellectualem multitudinē licet unitam & indiuiduā relinquere, atq; ad superintellectualem essentialemq; unitatem ab omni multitudine absolutam, ipsiusq; boni & ueri fontem peruenire. Simili ratione fugere nos oportet, omnē cognitionem multifariam distrahentem atq; fallentem, ut ueritatem simplicissimam consequamur. Relinquenda igitur multitudo affectuū, & sensuū, imaginationū, opinionū, quæ tam in se diuersa est, ut alia aliis in quolibet sint contraria, ascendendūq; ad scientias, in quibus licet uaria multitudo sit, cōtrarietatem tamē habet nullā: omnes enim sibi inuicē connexæ, & subalternatim una alteri ministrat atq; inseruit, usq; ad unā ab omnibus præsupposita m, & nullam ulterius supponētem, ad quam omnes cæteras referre oportet: tamen non est ibi summus cognitionum apex, sed super eam est intellectus purus. Itaq; depositis omni compositione, diuisione multiformiq; discursu, ad intellectualem uitam simplicemq; intuitū ascendentes, intelligibilem essentiam perceptionibus indiuiduis & simplicibus speculātes, ut ipsam summam animæ existentiam, per quam unū sumus, & sub qua unitur multitudo nostra, consequamur: atq; sic primū unū, à quo omnibus inest unio, per ipsum unum, tanq̄ essentiæ nostræ florem attingamus: quod tūc demum assequimur, quando omnē multitudinē fugientes: in ipsam unitatē nostram consurgimus, unūq; efficimur & uniformiter agimus.

Homini quæ potißimum fugienda.

De pœnitentia & eleemosyna. Caput LVI.

Maxima autē purgationū pars est, uolūtaria pœnitētia delictorū: nā (ut ait Seneca in Thyeste) quē pœnitet peccasse, penè est innocēs. Hęc enim maximā nobis adfert expiationē, dū molestiā delectamētis oppōit, stupidāq; expurgat ex aīa lętitiā, tribuitq; uim q̄dā pecu-

Potior pars purgationum pars quæ sit.

Pœnitentiæ quid.

liarem ad ſupera reducentem. Eſt itaq; pœnitentia non modo mortificatio uitiorum, ſed & animæ ſpiritale martyrium, quę gladio ſpiritus ex omni parte confoditur: gladius autem ſpiritus eſt uerbū dei. Vnde inquit Hieremias propheta, & etiā Paulus ad Epheſios ſcribens: Maledictus qui prohibet gladium ſuum à ſanguine: & Pſalmiſta canit: Gladius in labiis ipſorum. Ideo exponendę ſunt cogitationes & affectus animi, & omnia mala quæ exeunt de corde & ore noſtro, ſacerdoti in confeſſione, ut ipſe iuxta uerbum dei ea iudicet, & ſecundum poteſtatē illi conceſſam à deo, pœnitentia iniuncta mundet & expurget, dirigatq; in bonum, neq; uero ullum in religione abolendis piaculis pœnitentia reperitur ualētius ſacramentum: hinc dii ipſi (teſte Ouidio in Ponto)

Sæpe leuant pœnas, ereptaq; lumina reddunt,
Quum bene peccati pœnituiſſe uident.

Eleemoſynæ laus.

Eſt adhuc aliud expiationis ſacramētum, ipſa uidelicet eleemoſyna, de qua parum aut nihil me legiſſe memini apud philoſophos, ſed docuit nos illam ſumma ueritas, inquiens, Date eleemoſynam, & omnia munda ſunt uobis: & apud Eccleſiaſticum legitur: Sicut aqua extinguit ignem, ſic eleemoſyna extinguit peccatum: & Daniel regē Babylonis docuit, ut eleemoſynis redimeret peccata, & Raphael angelus teſtatur ad Tobiā. Quoniam eleemoſyna à morte liberat, & ipſa eſt quę purgat peccata & facit inuenire uitam ęternam. Hinc Chriſtus ad patrem orare iuſſit, dimitte ſicut dimittimus, & da ſicut damus: de quo dixit alibi: Cētuplum accipietis, & uitam ęternam poſſidebitis. Idē iudicaturus uiuos & mortuos, præ cæteris improperabit damnatis, neglectas eleemoſynas & miſericordiæ opera, dū dicet: Eſuriui & ſitiui & nō dediſtis mihi manducare neq; bibere: & adhuc in alio loco de pauperibus locutus inqt: Quod uni illorū feceritis mihi feciſtis. Quod mihi etiā ſenſiſſe uidetur Homer⁹, ubi introducit iuuenē ad Antinoē procū in hæc uerba dicentē: Antinoē non quidem pulchre cecidiſti miſerum mendicū, perdet te ſi usq; deus ſupracœleſtis eſt, nam & dii alienis hoſpitibus aſſimilati, in uniuerſum exeuntes, ciuitates euertunt hoīm, iniurias ſimul & nefas aſpicientes.

De his quæ extrinſecus adminiſtrata ad expiationem conducunt. Caput LVII.

Reditum eſt & à ſacrorum peritis traditum, expiari etiam animum ſacris quibuſdam inſtitutis & ſacramentis ab extra miniſtratis, ut per ſacrificia, per baptiſmata, per exorciſmata, per benedictiones, per conſecrationes, per aquæ purificatæ uel benedictæ aſperſiones, etiam per quaſdam inunctiones, & ſuffumigationes, non tam ad hoc ſacratas, quàm etiam naturaliter hanc uim poſſidentes. Hoc modo habet in religionibus locum ſulphur, ad expiandum ſuffitu malos dæmones: ouū quoq; ſimiliter in purgationibus uſurpari ſolebat, hinc oua luſtralia dicta ſunt, unde Ouidius:

Veniat quæ luſtret anus lectumq́; locumq́;
Deferat & tremula ſulphur & oua manu.

Scribit etiam Proclus, ſacerdotes in purificationibus uti ſolitos ſulphure atque aſphalto, aut ablutione aquæ marinæ: quoniã purificat ſulphur propter odoris acumen, aqua uero marina propter igneam portionem. Simili modo purificat herba pentaphyllon, quapropter ob puritatẽ ſuam ſacerdotes antiqui utebãtur ea in purificationibus. Similiter & ramis oliuarũ: hęc enim tantæ puritatis eſſe dicitur, ut ferant oliuam à meretrice plãtatam, uel infructuoſam perpetuo manere, uel omnino exareſcere. Simili modo conferunt expiationi thus, myrrha, uerbena, Valeriana, quæ & herba lucia dicitur, Arabice Fu appellatur: item benedicta & gariofilata: ſimiliter fel canis nigri ſuffitum, in his maxime præſtare dicitur, tam ad expiandum dęmones malos, q̃ maleficia ubicunq; fuerint: ſimiliter pennæ upupæ ſuffitæ phantaſmata pellunt. Mirum autem & uix credibile, niſi illud narraret grauis & non contemnendus autor Ioſephus, in Hieroſolymitana hiſtoria, de radice Baaras, à loco iuxta Macheruntem Iudęæ oppidum ſic nũcupata: hanc ait colore flãmeo, nocte ſplendorem emittere, captu tamen admodum difficilem, ut captantis manus fallat oculoſq́; refugiat, neq; prius cõſiſtat, quã menſtruatæ mulieris lotio fuerit cõſperſa: neq; tamẽ hoc modo retẽta ſine periculo euellitur, quippe extrahentẽ preſentanea mors conſequitur, niſi eiuſdem radicis amuleto fuerit cõmunitus: quo cauentes, terram circumcirca ſcarificãtes, radicem laqueo uinctam cani alligant, ac repente diſcedunt: tãdem nimio conatu ſecuturus canis, radicem extrahit, & ueluti domini perſoluẽs uices, illico cõmoritur, nulloq́; poſtmodum periculo radix illa à quouis tractari poteſt: cuius uis in expiationibus præſtantiſſima, ut etiam eos qui à ſpiritibus uexantur immundis, protinus liberare cõpertum ſit. Materias autẽ huiuſmodi in ſpirituales ſubſtantias agere, fugando uel alliciendo, uel mitigãdo, uel incitando, non ſecus arbitrantur, atq; ignis in Sicilia agit in animas: qui (teſte Guilielmo Pariſienſi) corpora non lædens, animas intolerabiliter cruciat propinquantium. Cæterum de his partim ſuperius tractatum eſt.

Mira de radice Baaras.

Ignis in Sicilia.

De adorationibus & uotis. Caput LVIII.

ADorationes quidem & uota, ſacrificia atque oblationes, gradus quidem ſunt in ſacris ad deum inueſtigandum: & qui principaliter diuinam prouocant uoluntatem, atq; ſacram indiſſolubilemq́; ad deos conflant animabus communionem, ex orationibus enim quas uerbis ueris & ſacris ſenſu & mẽte proferimus, magnã uim cõparamus, quando applicantes illas numini alicui, mouent illud, ut in nos dirigat ſermonem ſuum & reſponſum, per radium diuinum, quo radio (ut inquit Dionyſius) loquitur cum hominibus deus, ſed adeo occulte, ut uix pauci percipiant. Percepit autem ſæpiſſime rex ille & propheta Dauid. Quãdo (inquit) audiam quid in me loquatur dominus deus? Adoratio itaq; diutiſſi-

E

me cõtinuata & ſæpiſſime frequẽtata, perficit intellectũ, & animã ad ſuſcipiẽ da diuina lumina efficit ampliorẽ, amorẽ diuinũ accendens, ſpem fidemq; & mores ſacros inferens, animã ab omni contrario & aduerſo expurgat, etiam mala multa repellit, quæ alioquin naturaliter euenirẽt. Hinc canit Ouidius:

Flectitur iratus uoce rogante deus.
Sæpe Iouem uidi cum fœua mittere uellet
Fulmina, thure dato ſuſt inuiſſe manum.

Homo ad deũ quõ reuertitur.

Reuertitur autem homo ad deum per orationes: quo peruenies (inquit Plato in Phędro) ſiſtit equos, & cubiculum ſympoſii intrat, ubi paſcitur ambroſia & potatur nectare. Ideo qui uirtutẽ aliquam poſſidere cupiunt, orandũ illis eſt, & ſupplicandum crebro ad eum qui in ſe omnem continet uirtutẽ. Melior autem & optima oratio, quæ nõ ore profertur, ſed quæ ſilentio ſancto, & cogitatione integra deo offertur, quæq; uoce mentis inclamans, uerbis intellectualis mundi ueneratur præſules deos. Votum autem eſt ardens affectus caſti animi deo deditus, qui uouẽdo, quod bonum uidetur, exoptat: hic affectus (ut teſtantur Iamblichus & Proclus) ita animas deo coniungit, ut una aliquando dei atq; animi operatio fiat: dei uidelicet tanq̃ artificis, animi uero tanq̃ inſtrumenti diuini: hinc per uota nõnunq̃ fieri miracula morbosq; curari, tempeſtates auerti, & ſimilia, omnis teſtatur antiquitas. Hinc legimus, excellentiſſimos quoſq; & apud omnes nationes ſapientiſſimos uiros, Indorum Bragmanas, Perſarum magos, Aegyptiorum gymnoſophiſtas, Græcorum Chaldęorumq; theologos, qui feſta deorum & abdita myſteria ſanxere, diuinis uotis ac orationibus potiſſimũ incubuiſſe, ac mirãda multa effeciſſe. Ad uoti autem & adorationis perfectionem (neq; enim ſine adoratione uotum, nec ſine uoto uſq; quaq; perfecta eſt adoratio) duo potiſſimum requiruntur, primo uidelicet notio eius quod adorandum & cui uouendũ eſt, ac qua ratione, quo ordine, quibus mediis ſit colendũ: ſunt enim multiplices dei cooperatores & inſtrumẽta, uidelicet cœli, ſtellę, adminiſtratorii ſpũs, cœleſtesq; animæ ac heroes, quos ueluti ianitores, interpretes, adminiſtratores, mediatores, primũ implorare oportet eũ, q pergit ad archetypũ deũ, q ſolus eſt terminus extremus adoratiõis: cætera numina tanq̃ aditus ſunt ad ipm deũ. Scias itaq; odorationes ac uota ad ſolũ unũ deũ, ſummũ patrẽ, deos & oĩm regẽ ac dñm, pura ac pia mẽte principaliter faciẽda eſſe: quãdo uero ad inferiores deos proceſſerint, niſi ſubdelegatę à ſummo patre adminiſtrationis minime ſit intẽtio. Itaq; adorationibus ac uotis, quãdo ad inferiora numina diriguntur, Zoroaſtes & Orpheus ſuffumigationes & charæteres & eiuſmodi, adhiberi licitum putabant: quãdo uero ad ſupremi Iouis maieſtatẽ erigũtur, fieri illa minime debere: quod etiã Hermes & Plato fieri uetant. Vnde Hermes ad Tatiũ: Hoc (inquit) ſacrilegio ſimile eſt, cũ deũ ores, uelle thus & ſimilia accẽdere: aliena enim hęc ſunt (ut ait Porphyrius) ab omni pietate: nihil enim materiale inueniri poteſt, qđ immateriali deo non

Vot ũ quid.

Ad uoti perfectionẽ duo requiruntur

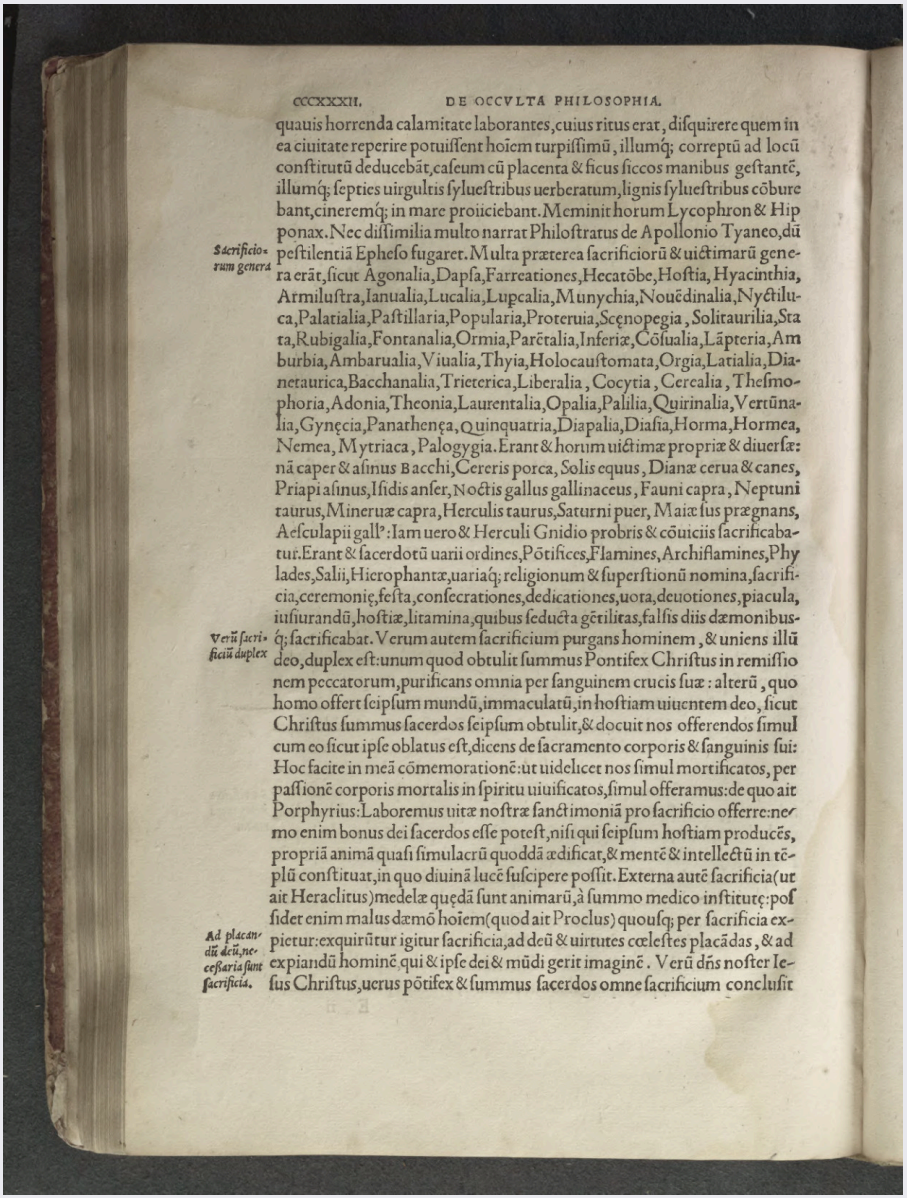
sit obscœnum: iccirco neq; oratio ei, quæ uoce proferatur, conuenit: sed nec interior oratio, si animus uitio contaminetur. Secundo autem requiritur assimilatio quædam uitæ nostræ ad uitam diuinam, puritate, castitate sanctimoniaq; proficiscens, cū eius quod optamus licito desiderio: hoc enim sum me diuinam captamus beneuolentiam, diuineq; subiicimur lagitioni: nam nisi nos purgato animo digni simus exaudiri, tum ea quæ petim⁹ digna sint fieri, manifestum est deos precibus nostris minime adesse: unde inquit diuinus Plato, deum nullis precibus aut donis ad iniqua flecti. Nihil igitur à deo petamus, quod uelle nos indecorum est: hoc enim solo plurimos uidemus orationibus ac uoto frustrari, quia nec ipsi religiose dispositi sunt, nec desideria & petitiones ipsorū fiunt de his, quę sunt deo beneplacita, nec sciūt discernere, quo ordine adorādum sit, & per quos mediatores ipse deus sit adeundus: quorum ignorantia, orationes ac preces nostras sæpissime ad nihilū redigit, & uota supplicationibus nostris abnegari facit.

De sacrificiis & oblationibus, eorumq; generibus & modis. Caput LIX.

Sacrificium autem est oblatio, quæ & sacra fit offerēdo, & sacrat seu sanctificat offerentem, nisi illum aut irreuerentia, aut aliud quoddam impediat peccatum. Hæc itaq; sacrificia & oblatiōes multam nobis præstant fiduciam, & de familia dei efficiūt, malaq; multa nobis imminentia repellunt: quod quidem Hebræorum doctores præ cæteris confirmant, inquiētes: per hoc quod animalia nostra macta mus, atq; res nostras sacrificio dissipamus, imminētia mala à nobis ad eiusmodi deflecti, tum sicut mortalis hic sacerdos, in hoc inferiore mūdo sacrificat deo animas animaliū irrationabiliū, per interitū corporis ab anima, ita Michaël archāgelus sublimioris mūdi sacerdos, sacrificat animas hominū, idq; per separationē animæ à corpore, non corporis ab anima, nisi per accidens, sicut cōtingit in furore, raptu & extasi, & somnio, similibusq; animæ uacationibus, quem Hebræi uocant mortē osculi. Sacrificia uero & oblationes primo ac principaliter ad summū deum facienda sunt: quando autem ad secunda numina diriguntur, hoc intellige fieri, quemadmodum de oratione & uoto dictum est: tum quęcunq; ibi dicta sunt, hic etiam per similitudinem subintelligemus. Sunt uero sacrificiorum plura genera: nam quoddam dicitur holocaustum, quando igne hostia consumitur: quoddā immolatio propter sanguinis effusionē. Præterea quædā dicūtur sacrificia salutaria, quæ fiunt pro salute obtinēda: quædā pacifica, pro pace obtinenda: quædā laudes, pro liberatione à malis uel largitione bonorū: quædā gratulatoria, pro uenerationē diuina & gratiarū actione: quædā etiā fiunt nec propter honorē dei, nec ex bona uolūtate, quale erat apud Hebræos, sacrificiū zelotypiæ, quod solū fiebat causa detegendi occultū adulteriū. Eratq; olim apud gentes sacrificium expiationis, quo expurgabantur ciuitates, fame aut pestilētia, aut alia

Sacrificiorum genera multa.

Expiationis sacrificium.

quauis horrenda calamitate laborantes, cuius ritus erat, diſquirere quem in ea ciuitate reperire potuiſſent hoïem turpiſſimũ, illumq; correptũ ad locũ conſtitutũ deducẽbãt, caſeum cũ placenta & ficus ſiccos manibus geſtantẽ, illumq; ſepties uirgultis ſylueſtribus uerberatum, lignis ſylueſtribus cõburebant, cineremq; in mare proiiciebant. Meminit horum Lycophron & Hipponax. Nec diſſimilia multo narrat Philoſtratus de Apollonio Tyaneo, dũ peſtilentiã Epheſo fugaret. Multa præterea ſacrificiorũ & uictimarũ genera erãt, ſicut Agonalia, Dapſa, Farreationes, Hecatõbe, Hoſtia, Hyacinthia, Armiluſtra, Ianualia, Lucalia, Lupcalia, Munychia, Nouẽdinalia, Nyctiluca, Palatialia, Paſtillaria, Popularia, Proteruia, Scẽnopegia, Solitaurilia, Stata, Rubigalia, Fontanalia, Ormia, Parẽtalia, Inferiæ, Cõſualia, Lãpteria, Amburbia, Ambarualia, Viualia, Thyia, Holocauſtomata, Orgia, Latialia, Dianetaurica, Bacchanalia, Trieterica, Liberalia, Cocytia, Cerealia, Theſmophoria, Adonia, Theonia, Laurentalia, Opalia, Palilia, Quirinalia, Vertũnalia, Gynęcia, Panathenęa, Quinquatria, Diapalia, Diaſia, Horma, Hormea, Nemea, Mytriaca, Palogygia. Erant & horum uictimæ propriæ & diuerſæ: nã caper & aſinus Bacchi, Cereris porca, Solis equus, Dianæ cerua & canes, Priapi aſinus, Iſidis anſer, Noctis gallus gallinaceus, Fauni capra, Neptuni taurus, Mineruæ capra, Herculis taurus, Saturni puer, Maiæ ſus prægnans, Aeſculapii gall?: Iam uero & Herculi Gnidio probris & cõuiciis ſacrificabatur. Erant & ſacerdotũ uarii ordines, Põtifices, Flamines, Archiflamines, Phylades, Salii, Hierophantæ, uariaq; religionum & ſuperſtionũ nomina, ſacrificia, ceremonię, feſta, conſecrationes, dedicationes, uota, deuotiones, piacula, iuſiurandũ, hoſtiæ, litamina, quibus ſeducta gẽtilitas, falſis diis dæmonibusq; ſacrificabat. Verum autem ſacrificium purgans hominem, & uniens illũ deo, duplex eſt: unum quod obtulit ſummus Pontifex Chriſtus in remiſſionem peccatorum, purificans omnia per ſanguinem crucis ſuæ: alterũ, quo homo offert ſeipſum mundũ, immaculatũ, in hoſtiam uiuentem deo, ſicut Chriſtus ſummus ſacerdos ſeipſum obtulit, & docuit nos offerendos ſimul cum eo ſicut ipſe oblatus eſt, dicens de ſacramento corporis & ſanguinis ſui: Hoc facite in meã cõmemorationẽ: ut uideliceet nos ſimul mortificatos, per paſſionẽ corporis mortalis in ſpiritu uiuificatos, ſimul offeramus: de quo ait Porphyrius: Laboremus uitæ noſtræ ſanctimoniã pro ſacrificio offerre: nemo enim bonus dei ſacerdos eſſe poteſt, niſi qui ſeipſum hoſtiam producẽs, propriã animã quaſi ſimulacrũ quoddã ædificat, & mentẽ & intellectũ in tẽplũ conſtituat, in quo diuinã lucẽ ſuſcipere poſſit. Externa autẽ ſacrificia (ut ait Heraclitus) medelæ quędã ſunt animarũ, à ſummo medico inſtituręq: poſſident enim malus dæmõ hoïem (quod ait Proclus) quouſq; per ſacrificia expietur: exquirũtur igitur ſacrificia, ad deũ & uirtutes cœleſtes placãdas, & ad expiandũ hominẽ qui & ipſe dei & mũdi gerit imaginẽ. Verũ dñs noſter Ieſus Chriſtus, uerus põtifex & ſummus ſacerdos omne ſacrificium concluſit

Sacrificiorum genera

Verũ ſacrificiũ duplex

Ad placandũ deũ, neceſſaria ſunt ſacrificia.

in ſolo pane & uino, tanq̃ in primaria ſubſtantia humani cibi, nullorum animalium nec aliarum rerum, aut effuſi ſanguinis immolatione, in quo mundemur, ulterius indigentes, qui iam in ſanguine illius perfecte mundati ſumus. Erant etiam apud Aegyptios ſexcẽta ſexaginta ſex genera ſacrificiorũ, tum ſingulis ſtellis ac planetis diuinos honores ſacraq; ſacrificia ſtatuerũt, eo quod eſſent diuina animalia, intellectualem animam mentemq; diuinã participantia: unde ferunt ipſas ſtellas ſuppliciter deprecatas, noſtras preces exaudire, & cœleſtia dona largiri, non tam naturali quodam pacto, q̃ libero ſuo arbitrio. Et hoc eſt quod dicit Iamblichus, cœleſtia corpora mundana q; numina, uires quaſdam in ſe diuinas ac ſuperiores, quaſdam uero naturales & inferiores habere, quas quidem Orpheus claues appellat ad aperiendum & claudendum: atq; per has fatalibus nos influentiis obligare, per illas uero à fato ſoluere. Vnde ſi cui infortunium aliquod immineat à Saturno, uel Marte, iubent Magi nõ protinus ad Iouem uel Venerem, quam ad eum ipſum confugere Saturnum uel Martem. Sic Apuleiana illa Pſyche, ob formæ parilitatem à Venere perſecuta, non à Cerere neq; à Iunone, ſed ab ipſamet Venere gratiam promereri coacta eſt. Sacrificabãt autem ſingulis ſtellis cum illi pertinentibus: ſoli, cum rebus ſolaribus & ſuis animalibus, puta lauro, gallo, cygno uel tauro: Veneri per animalia ſua, ut columbam uel turturem, & per plantas ſuas, ut uerbenam, ſicut canit Vergilius:

Effer aquam, & molli cinge hæc altaria uitta,
Verbenasq; adole pingues, & maſcula thura.

Præterea Magi quandocunq; confectionem aliquam uel naturalem uel artificialem ad ſtellam aliquam pertinentem perfecerant, hãc poſtea religioſius eidem ſtellæ ſacrabant & offerebant, non tam ab influxu illius opportunè ſuſcepto naturalem uirtutem adepturi, quàm etiam per oblationẽ ipſam religioſam eandem diuinitus confirmatam fortioremq; recepturi: oblatio enim cuiuslibet rei, quando deo aliquo modo rite offertur, non ſecus ac ſacrificium ipſa oblatione res illa & deo ſanctificatur, & pars eius efficitur. Præterea cœleſtibus & æthereis diis cãdidę hoſtiæ mactabantur: terreſtribus autem & infernis, nigræ: ſed terreſtribus ſuper aras, infernis uero in foueis, aëreis autem & aqueis uolatilia: ſed illis alba, iſtis atra. Deniq; omnibus diis dæmonibusq; præterq̃ terreſtribus & infernis uolatilia immolabantur, illis autem ſolæ quadrupedes, ſimili nanq; ſimile gaudet. Ex his deniq; quæ cœleſtibus & æthereis immolabãtur, ſolummodo ueſci licebat, extremitatibus numini reſeruatis, de aliis minime. Sed hęc omnia Apollinis oraculum his uerſibus expreſſit:

Terna quidem diuis cœleſtibus hoſtia, & ipſa
Candida mactanda eſt terna & terreſtribus, atq;
Atra eadem gaudent. Porrò & capiuntur apertis
Cœleſtes aris, foueas cum numina contrà

DCLXVI. *ſacrificiorũ genera apud Aegyptios.*

Stellæ preces exaudiunt, & cœleſtia dona largiuntur.

Stellis quõ ſacrificauerint antiq.

Quibus diis quæ hoſtiæ mactari ſolitæ.

Expoſcant atro imbutas inferna cruore.
Nec placeat niſi quæ terræ mandetur humata
Hoſtia: mel uero nymphæ atq; liquentia uina
Afferri lætantur, ac ignem accendier aris,
Quæ circum uolitant terram ſibi numina poſcunt,
Imponiq; atrum corpus, tum thura ſimulq;
Iniicier ſalſas fruges & dulcia liba.
Hæc facito: uerum quibus eſt data cura profundi,
His ipſa ſemper fer ſacra in littore, totum
Proiiceq; in fluctus animal, cœleſtibus autem
Extremas reddes partes, atq; igne cremabis.
Quod ſupereſt propone tibi dapibusq; reſerua,
Sudet adoratis craſſisq; uaporibus aër.

Hæc in libris Reſponſorum narrat Porphyrius, cui adſentiunt & reliqui: dicunt enim ſacrificia hæc media quædã eſſe naturalia, inter deos & homines: quod aſſerens Ariſtoteles inquit, ſacrificare deo ineſt homini à natura. Sunt itaq;, inquiunt, media, quæ utriuſq; naturam ſapiunt, & diuina anologice repræſentant, habẽtq; cum eo numine cui offeruntur, ſimul & cum iis qui expiantur, ſymbola quædã conuenientiſſima, ſed adeo occulta, ut uix capere queat humanũ ingeniũ, quæ deus & numina in particulari requirunt pro noſtra expiatione, quibus placentur uirtutes cœleſtes, & ſeſe contineant ab executione punitionis, quam merentur delicta noſtra: atq; hæ ſunt (quas uocat Orpheus, claues quæ aperiunt portas elemẽtorum atq; cœlorum, ut per illas penetret homo ad ſupercœleſtia, & ad illum deſcendant intelligentiæ cœlorum & dæmones elementorum. Homines autem perfecti & uere religioſi iſtis nõ egent, ſed illi ſoli, qui (ut ait Triſmegiſtus) in harmoniam lapſi, cœlorum & creaturarum ſerui effecti ſunt: qui quia ſubiiciuntur cœlis, iccirco fauore cœleſtis uirtutis corroborandos putant, quouſq; altius euolantes, ab illarum præſidentia abſoluantur, atq; illis ſublimiores euadant.

Quas imprecationes & ritus ueteres adhiberi ſolebant ſacrificiis & oblationibus. Caput LX.

Sacrificantis uerba.

NVnc uideamus quas imprecationes oblationibus atq; ſacrificiis adiungebant: hæc enim dicebat uel ſimilia, quicũq; offerẽs & ſacrificãs deo: Ego ſeruitor tuus hęc tibi offero & ſacrifico, autorẽ ſẽtitatis te cõfiteor, & ad ſanctificandũ inuoco hãc oblationẽ, ut infundas tibi uirtutem ſpiritus tui alti ac honorati, ut per eam obtineamus quod petimus. Cæterum uero ſicut res iſta præſens oblatione mea, tua efficitur, ita ut de cætero tibi uiuat & moriatur, ita & ego tuus efficiar, qui per hãc oblationem & cõmunionem, per hoc quod ad offerendũ & ſacrificandũ tibi uenio, de familia & cultoribus tuis me eſſe profiteor. Præterea in immolationibus dicebatur: Sicut iſtud animal in poteſtate mea eſt ad occidendum ſi

uoluero,uel ad ſaluandum:ita in poteſtate tua eſt, ad auferendum per iram tuam,uel ad largiendum per beneuolentiam tuam id quod optamus. Deinde ubi pro expiatione uel euitatione alicuius mali fiebat ſacrificium, dicebatur:Sicut moritur iſtud animal in manu mea, ſic moriatur in me omne uitiũ & omnis immunditia,uel ſic moriat & annihilet tale uel tale malũ ſiue incõmodum. Item,ſicut effunditur ſanguis huius animalis de corpore ſuo, ita effluat à me omne uitium & immunditia. In holocauſto dicebatur:ſicut hæc oblatio igne iſto præſenti conſumitur,ita quod nihil remaneat ex ea:ita conſumatur in me omne malum,ſeu tale uel tale incommodum, quod tũc uoluerimus repellere & euitare. Mos quoq; erat inter imprecandum etiam aram ipſam manibus cõtingere,ab omnibus his pro quibus tale fiebat ſacrificium:quiq; eius participes eſſe cupiebant,quia litare ſola non poteſt precatio,niſi is qui precatur etiam aram manibus tangat,unde apud Vergilium:

Talibus orantem dictis arasq; tenentem
Audiit omnipotens.

Et alibi:

Tango aras medios ignes & numina teſtor.

Quomodo hæc tum ad deum tum ad inferiora numina exhibenda ſunt. Caput LXI.

OMnis itaq; adoratio,oblatio ſiue ſacrificatio,deprecatio, inuocatio in hac uerſatur differẽtia,uidelicet quia aut ad ſolũ deum fit,aut ad inferiora numina,ut angelos,ſtellas,heroas. In his itaque tales tibi obſeruandæ ſunt regulæ,ut quoties ſoli deo offerenda eſt oratio,ad aliquem effectum obtinendum,hoc fiat cum cõmemoratione alicuius operis,miraculi,ſacramenti uel promiſſionis, alicubi ex ſacris ſcripturis educta:ut ſi fiat deprecatio pro deſtructione inimicorum,cõmemoretur,quemadmodum deus deſtruxerit gigãtes in diluuio aquarum, & conatus Babel in confuſione linguarum,Sodomam & Gomorram in pluuia ignis, exercitũ Pharaonis in mari Rubro,& eiuſmodi: addẽdo iſtis quicquid maledictionis ex pſalmis,& hincinde ex ſacris literis colligi poteſt. Cõſimili ratione deprecaturi contra pericula aquarum, commemoremus ſaluationem Noë in diluuio,tranſitum filiorum Iſraël per medium maris Rubri,& Chriſtum ſiccis pedibus ambulantem ſuper aquas,eundemq; periclitantem ſaluaſſe nauiculam,imperaſſe uentis & fluctibus, & Petrum mergentem eduxiſſe ex aquis maris,& huiuſmodi. Quod ſi pro oraculis uel ſomniis petendis,ſiue ad deum,ſiue ad angelos & heroas oratio neceſſaria eſt, iam ſe ſe offerunt ex uetere teſtamẽto innumera loca, ubi deus cũ hoĩbus locutus legitur,cũ multis admodũ uerſiculis,præſagia & reuelationes pollicentibus, tũ uaria prophetica ſomnia,Iacob,Ioſeph,Pharaonis, Danielis, Nabuchodonoſor:tũ quicqd in nouo teſtamẽto & uniuerſa religiõe inueniẽt reuelationũ,Ioãnis,Pauli,Sctõrũ Magorũ,tũ Helenæ & Cõſtãtini,& Caroli: tum re-

centiorum prophetarũ, Methodii, Cyrilli, Ioachim, Merlini, Brigittæ, Mechtyndis, Hildegardis, quorum numina pie inuocata, ſæpe reddunt nos diuinarum reuelationum participes. Præterea inuocamus etiam ſacra dei nomina, ſed ea præcipue, quę rei optatę ſunt ſignificatiua, ſiue illis quoquo modo accommodata: ut pro deſtructione inimicorũ inuocamus nomina iræ dei, uindictæ dei, timoris dei, iuſtitiæ dei, fortitudinis dei: ad euitandum uero periculum aliquod, inuocamus nomina miſericordiæ, defenſionis, ſalutis, bonitatis & ſimilia. Porrò poſtulamus nobis eius quod optamus deſiderii executorem ſuum angelum aliquem, ſiue ſtellam, ſiue unum ex heroibus, cui id officii incumbit, ad quem ſimiliter ſua dirigatur inuocatio, quæ & ipſa fabricanda eſt debita numero, pondere & menſura, iuxta regulas traditas ubi de incantamentis componendis tractauimus. Nihil enim intereſt, niſi quia incantamenta ſunt, quatenus animum noſtrum afficiunt, eiuſq; paſſiones diſponunt certis numinibus conformes: orationes autem ſunt, quatenus alicui numini pro cultu ac ueneratione exhibentur, & ex hac eadem radice etiã conſecrandi ratio ſumi poteſt, de qua nunc conſequenter dicemus.

In incantamentorũ & orationũ differentia.

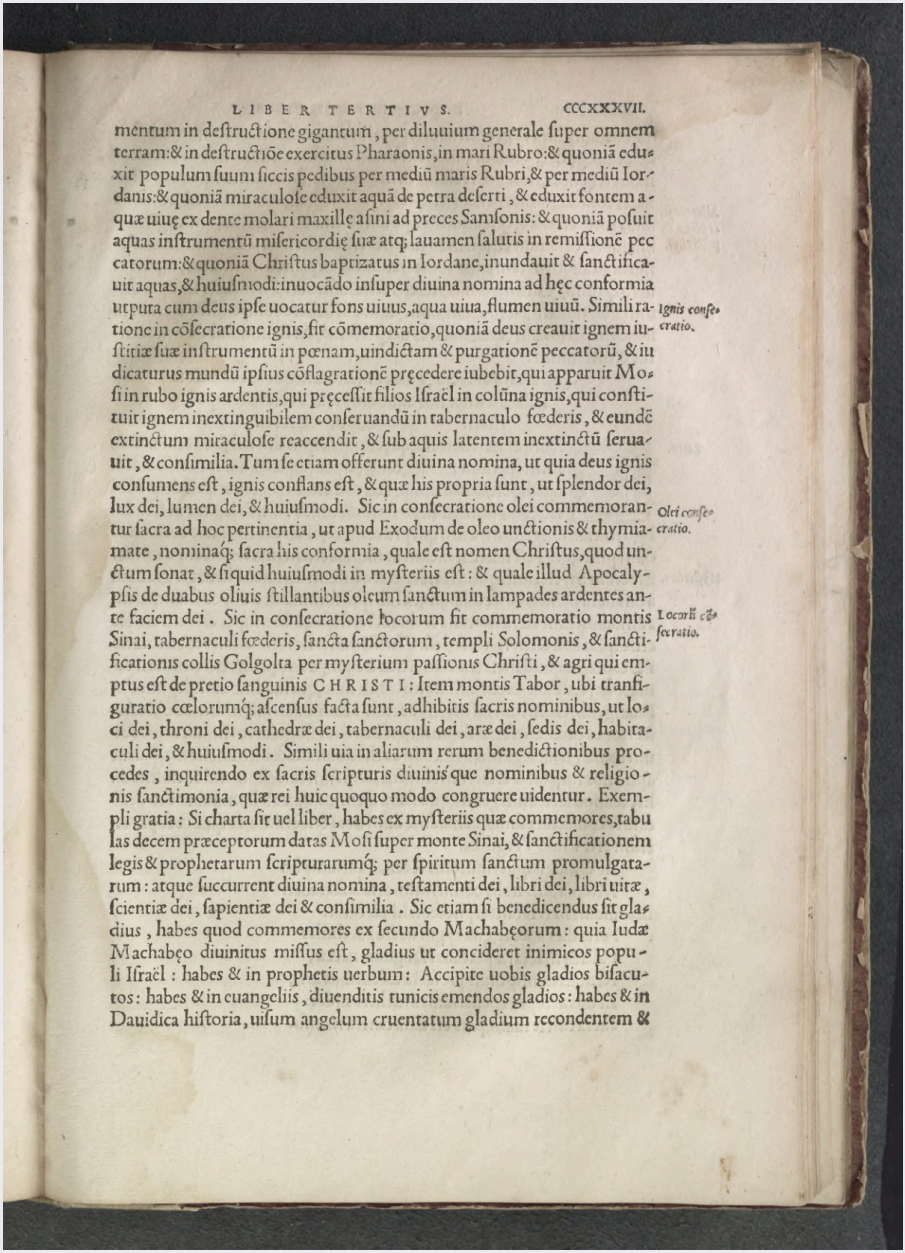
De conſecrationibus & earum ratione. Caput LXII.

Conſecratio eſt ſublimatio experimentorum, per quam in materiam operum noſtrorum ſecundum artis magicæ traditionem rite & legitime præparatam, anima ſpiritalis, proportione & cõformitate tracta, infunditur, opusq; noſtrum per ſpiritũ intellectus uiuificatur. Efficacia cõſecrationum duobus potiſſimum perficitur, uidelicet uirtute ipſius perſonę conſecrãtis, & uirtute ipſius orationis: ritusq; quibus conſecratio miniſtratur, in perſona requiritur, uitæ ſanctimonia & ſanctificandi poteſtas: primum natura præſtat & meritum, ſecundum per initiationem & dignificationem acquiritur, de quibus diximus alibi: deinde oportet quod ipſe conſecrans hanc uirtutem & poteſtatem firma & indubia fide in ſeipſo cognoſcat. Quæ autem in oratione requirantur nũc dicere eſt intentio. Ipſa eſt quædam ſanctificandi poteſtas illi diuinitus inſita, ut ſi ſit ad hoc ipſum à deo ſic ordinata, quales pleraſq; legimus in ſacris bibliæ eloquiis: uel ſi ſit uirtute ſpiritus ſancti ex ordinatiõe eccleſiæ ad hoc inſtituta: ciuſmodi plures etiam paſſim extant: aut ineſt hæc ſanctimonia ipſi orationi non uirtute inſtitutionis, ſed commemorationis rerum ſacrarum, utputa ſacrarũ literarũ, hiſtoriarũ, miraculorum, operũ, effectuum, gratiarum, promiſſionum, ſacramentorum & ſacramentalium, quæ rei conſecrandæ proprie uel improprie, uel per ſimilitudinem aliquam cohærere uidebuntur: atque huius nunc exempla aliqua dabimus, per quæ facile patebit uia ad totã hanc conſiderationem. Sic in conſecratione aquæ commemoratio fit, quoniam deus collocauerit firmamẽtum in medio aquarum: quoniam in paradiſo terreſtri ſacrum conſtituit fontem, ex quo per quatuor ſacra flumina irrigatur uniuerſus orbis terrarum: quoniam fecit aquas iuſtitiæ ſuæ inſtru-

Conſecratio nũ efficacia duobus perficitur.

Oratio & eius uis.

Aquæ conſecratio.

mentum in deſtructione gigantum, per diluuium generale ſuper omnem terram: & in deſtructiõe exercitus Pharaonis, in mari Rubro: & quoniã eduxit populum ſuum ſiccis pedibus per mediũ maris Rubri, & per mediũ Iordanis: & quoniã miraculoſe eduxit aquã de petra deſerti, & eduxit fontem aquæ uiuę ex dente molari maxillę aſini ad preces Samſonis: & quoniã poſuit aquas inſtrumentũ miſericordię ſuæ atq; lauamen ſalutis in remiſſionẽ peccatorum: & quoniã Chriſtus baptizatus in Iordane, inundauit & ſanctificauit aquas, & huiuſmodi: inuocãdo inſuper diuina nomina ad hęc conformia utputa cum deus ipſe uocatur fons uiuus, aqua uiua, flumen uiuũ. Simili ratione in cõſecratione ignis, fit cõmemoratio, quoniã deus creauit ignem iuſtitiæ ſuæ inſtrumentũ in pœnam, uindictam & purgationẽ peccatorũ, & iudicaturus mundũ ipſius cõflagrationẽ pręcedere iubebit, qui apparuit Moſi in rubo ignis ardentis, qui pręceſſit filios Iſraël in colũna ignis, qui conſtituit ignem inextinguibilem conſeruandũ in tabernaculo fœderis, & eundẽ extinctum miraculoſe reaccendit, & ſub aquis latentem inextinctũ ſeruauit, & conſimilia. Tum ſe etiam offerunt diuina nomina, ut quia deus ignis conſumens eſt, ignis conflans eſt, & quæ his propria ſunt, ut ſplendor dei, lux dei, lumen dei, & huiuſmodi. Sic in conſecratione olei commemorantur ſacra ad hoc pertinentia, ut apud Exodum de oleo unctionis & thymiamate, nominaq; ſacra his conformia, quale eſt nomen Chriſtus, quod unctum ſonat, & ſiquid huiuſmodi in myſteriis eſt: & quale illud Apocalypſis de duabus oliuis ſtillantibus oleum ſanctum in lampades ardentes ante faciem dei. Sic in conſecratione locorum fit commemoratio montis Sinai, tabernaculi fœderis, ſancta ſanctorum, templi Solomonis, & ſanctificationis collis Golgolta per myſterium paſſionis Chriſti, & agri qui emptus eſt de pretio ſanguinis CHRISTI: Item montis Tabor, ubi tranſiguratio cœlorumq; aſcenſus facta ſunt, adhibitis ſacris nominibus, ut loci dei, throni dei, cathedræ dei, tabernaculi dei, aræ dei, ſedis dei, habitaculi dei, & huiuſmodi. Simili uia in aliarum rerum benedictionibus procedes, inquirendo ex ſacris ſcripturis diuinisque nominibus & religionis ſanctimonia, quæ rei huic quoquo modo congruere uidentur. Exempli gratia: Si charta ſit uel liber, habes ex myſteriis quæ commemores, tabulas decem præceptorum datas Moſi ſuper monte Sinai, & ſanctificationem legis & prophetarum ſcripturarumq; per ſpiritum ſanctum promulgatarum: atque ſuccurrent diuina nomina, teſtamenti dei, libri dei, libri uitæ, ſcientiæ dei, ſapientiæ dei & conſimilia. Sic etiam ſi benedicendus ſit gladius, habes quod commemores ex ſecundo Machabęorum: quia Iudæ Machabęo diuinitus miſſus eſt, gladius ut concideret inimicos populi Iſraël: habes & in prophetis uerbum: Accipite uobis gladios biſacutos: habes & in euangeliis, diuenditis tunicis emendos gladios: habes & in Dauidica hiſtoria, uiſum angelum cruentatum gladium recondentem &

Ignis conſecratio.

Olei conſecratio.

Locorũ cõſecratio.

huiuſmodi plura in prophetis & Apocalypſi inuenies, ſacraq; nomina gladii dei, uirgę dei, baculi dei, uindictæ dei & huiuſmodi. Et hæc de conſecrationibus & benedictionibus realibus exemplificata, ſufficiant: ex quibus perſonales conſecrationes benedictionesq; facile deprehenduntur. Sed eſt adhuc alius conſecrandi & expiandi ritus, potens & multæ efficaciæ, qui ex generibus ſuperſtitionum eſt, quando uidelicet ritus alicuius ſacramenti tranſſumitur ad aliquam rem, quæ conſecranda uel expianda intenditur, utputa ritus baptiſmi, confirmationis, funeris & huiuſmodi. Sciendum inſuper uotum, oblationem, ſacrificium, uim quandam habere conſecrationis tam realis quàm perſonalis, quatenus res uel perſonæ, certis numinibus deuouentur & offeruntur.

Alius conſecrãdi & expiãdi ritus.

Quæ dicantur ſacra, quæ conſecrata: & quomodo hæc ſe habeant inter nos aque diuos, ac de ſacris temporibus. Caput LXIII.

Sacra.

Dicuntur autem ſacra, quęcunq; ab ipſis diis uel dæmonibus ſuis adſiſtẽtiis ſunt ſacrata, tanq; (ut ita loquar) à diis ipſis nobis dedicata: hoc modo dicimus ſacros dæmones, quia in ipſis deus habitat, cuius nomen ſæpe ferre dicuntur. Vnde legitur in Exodo: Ego mittam angelum meum qui præcedet te, obſerues eum, nec contemnẽdum putes, quia eſt nomen meum in illo. Sic etiam myſteria ſacra dicũtur. Eſt enim myſterium quod ſacratam & ocultam uirtutem habet & gratiam à diis uel à dęmonibus collatam, uel ab ipſo ſummo deo diſpenſatam, quem admodum ſunt ſacra nomina & characteres, de quibus ſupra dictum eſt. Sic crux ipſa ſacra & myſterioſa, Ieſu Chriſti paſſione ſacrata: hinc eriam orationes & preces quædam ſacræ & myſticæ nuncupatur, quæ non hominum deuotione, ſed diuina reuelatione inſtitutæ ſunt, quemadmodum legimus in Euangeliis, Chriſtum inſtituiſſe orationẽ dominicam. Simili modo & confectiones quædam ſacræ dicuntur, quibus deus ſingularem ſuę uirtutis radium indidit, ſicut legimus in Exodo de thymiamate & oleo unctionis, & ſicut apud nos fons ſacer & ſacrum chriſma, & oleum catechumenõ & eiuſmodi. Eſt & aliud ſacrorum genus, quo ſacra dicimus, quæ ab hominibus deo dedicata & conſecrata ſunt, quemadmodum uota & ſacrificia, de quibus ſupra dictum eſt. Vnde Vergilius:

Myſterium.

At Cæſar triplici inuectus Romana triumpho
Mœnia, diis Italis uotum immortale ſacrabat.

Et Ouidius in Metamorphoſeon libris canit:

Feſta dies aderat, qua cygni uector Achilles
Pallada mactatæ placabat ſanguine uaccæ,
Munus ut impoſuit profecta calentibus aris,
Et diis acceptus penetrauit in æthera nidor:
Sacra tulere ſuam, pars eſt data cætera menſis.

Simili modo dicuntur ſacra ſimulacra, delubra, idola, ſtatuę, imagines, picturæ ad deorum ſimilitudinem effecta, uel diis ipſis dedicata, quemadmodum canit Orpheus in hymno ad Lyciam Venerem:

Noſtri nanq; duces patriæ diuina tuentes
Oppidulum propter ſacrum ſtatuere coloſſum.

Et Vergilius:

Tu genitor cape ſacra manu patriosq́; penates.

Hinc diuinus Plato in undecimo de legibus, præcepit honorandas eſſe ſacras deorum ſtatuas & imagines, non propter ſe, ſed quia deos nobis repræſentant, quemadmodum antiqui uenerabantur Iouis illud ſimulacrum, ita interpretati: nam per hoc quod hominis ſimulacrum gerit, ſignificari quoniã mens eſt, quę cuncta ratione ſeminali producit: ſedere autẽ fingitur, ut ſtabilis uirtus atq; incommutabilis exprimatur: nuda apertaq́; habet ſuperiora, quoniam conſpicuus eſt intelligentiis & ſuperioribus: inferiora uero tegunt, quoniã occultatur inferioribus creaturis: ſceptrũ læua tenet, quia in his corporis partibus ſpiritaliſſimum uitæ domicilium inuenitur: creator autẽ intellectus, rex ſpiritusq́; uiuificus mundi eſt: dextra uero & aquilam protendit, & uictoriam: alterum, quia cæterorum deorum dominus, quemadmodum aliarum auium aquila eſt: alterum, quia omnia ſibi ſubiecta ſunt. Simili modo & nos ueneramur figuram agni, quia repræſentat Chriſtum: & figuram columbæ, quia notat ſpiritum ſanctum: & figuras leonis, bouis, aquilæ, hominis, ſignificantes euangeliſtas, & alias ſimiles, quas in reuelationibus prophetarum, in ſacris literis uariis locis reperimus expreſſas. Quin ipſæ quoq; ad conſimiles reuelationes & ſomnia conferunt, & ſacræ picturæ iccirco dicuntur. Sunt etiam ſacri ritus & ſacræ obſeruationes, quæ fiunt ad uenerationem deorum & religionis, quemadmodum ſunt geſtus deuoti, genuflexiones, capitis apertiones, ablutiones, aquæ benedictæ aſperſiones, ſuffumigationes, exteriores expiationes, item ſupplicationum proceſſiones: & laudum diuinarum exterior ornatus, ut muſicalis reſonantia, cereorum & lampadum accenſio, ſignorum & campanarum pulſatio, templorum, altarium & ſimulacrorum ornatus, in quibus omnibus ſummus ac ſpecioſiſſimus cultus ac decor requiritur: quare adhibentur ad hæc quæcunq; ſpecioſiſſima & pulcherrima & pretioſa, aurum, argentum & lapides pretioſi & eiuſmodi: quæ quidem uenerationes, & ſacra exteriora ſunt tanq̃ eruditiones, & inuitationes ad ſacra ſpiritualia, ad impetranda beneficia deorum, ſicut de his teſtata eſt Proſerpina his uerſibus:

Iouis ſimulacri interpretatio.

Quis nam hominum formas æris neglexerit unq̃,
Aut auri flaua, aut argenti candida dona:
Quis non miretur, quis non hæc ipſa deorum
Dixerit?

Dicuntur etiam ſacri ſacerdotes numinum deorumq; miniſtri,& ipſis ſacrati:tũ & ſacra quælibet adminiſtrantes,resq; conſecrãtes. Vnde Lucanus:

Pontifices ſacri,quibus eſt permiſſa poteſtas.

Et Vergilius de Heleno Apollinis ſacerdote ait:

Exorat pacem diuum,uittasq; reſoluit
Sacrati capitis.

Sunt uero ſacra huiuſmodi tanq̃ quædam pacta inter deos & nos ſub laude, uel ueneratione, uel obedientia exibita,quibus mediantibus ſæpe uirtutem aliquam mirandam obtinemus ab eo numine, cui talis ueneratio impenditur: ſic ſunt ſacri hymni,& ſermones & exorciſmata, & incantationes, & uoces,quæ ad deorum laudes & ueneraciones ſunt compoſita & dedicata. Vnde Orpheus in carmine ad aſtra compoſitum:

Vocibus ergo ſacris,iam dæmones inuoco puros.

Et eccleſia primitiua utebatur ſacris quibuſdam incantamentis, contrà morbos,& tempeſtates, quæ omnia ſub uenerationе alicuius numinis uel pronunciando orantes,uel etiam aliquando ſcripta,appenſa ſiue alligata deferẽtes,ſæpe uirtutem aliquam à tali numine obtinemus, quam homines ualde admirãtur:hoc modo ſunt etiã ſacra nomina,figurę & characteres, & ſignacula, quæ contemplatiui homines pro arcanis ſuis uotis,pura mente, ad dei uenerationem deuouerunt,dedicarunt & conſecrarunt, quæ quidem ſi poſtea quiſpiam eadem mentis puritate, qua primitus ſunt inſtituta pronunciet, mirabilia ſimiliter efficiet,tum etiam quatenus ſeruetur modus & regula à primo inſtitutore tradita:nam qui hæc ignorant,operam perdunt,& fruſtra laborant. Hoc modo non ſolum uerbis barbaris,ſed etiam Hebræis,Ac gyptiis,Græcis,Latinis,& alterius cuiuſq; linguę nominibus,deo deuotis, ac ſuæ eſſentiæ,uel uirtuti,uel operationi attributis ac dedicatis,mira aliquando efficimus.Sic ſunt apud Iamblichũ nomina ſcilicet Oſiris,Iꝯ,Emeph, Ptha,Epies,Amun:ſic apud Platonem,& Græcos, ἀὴρ,ἀνταῦθα, ſic Græci uocant Iouem ζῆνα,διὰ τὸ ζῆν quod eſt uiuere, quia ſingulis uitam præbet: ſimiliter Δία, quod ſignat per, quia per ipſum omnia fiunt: ſic ἀθάνατον, quod ſignificat immortalem. Sic apud Latinos dicitur Iupiter, quaſi iuuans pater, & horum ſimilia, quemadmodum & propria quædam nomina etiam hominibus ad uotum tribuũtur, ut Eutychidem,Soſiam Theophilum, hoc eſt proſperum,ſeruitorẽ,deo charum. Similiter res quædam materiales concipiũt haud parum ſanctitatis ac uirtutis ex cõſecratione,maxime ſacerdotali,quẽ admodum uidemus ſigilla illa cõrea,quibus inſcripta habetur figura agnorum,uirtutem accipere per benedictionem Romani pontificis, contra fulgura & tempeſtates ne lædant ea geſtantes:inſpiratur enim diuina uirtus,in ſacratas huiuſmodi imagines,& continetur in illis,quaſi in ſacra quadã litera,quę dei habet imaginem.Similem uirtutem accipiunt cerei illi benedicti in feſto paſchę,& in feſto Purificationis diuę uirginis:ſimiliter campanæ,ex

Mira in nominibus quãdoq; uis.

cõrea

consecratione & benedictione sua accipiunt uirtutem, ut arceant & compescant fulgura & tempestates, ne noceant in locis ubi sonitus earum eo tempore auditus fuerit. Simili modo sal & aqua per suas benedictiones & exorcismata accipiunt uirtutem expiandi & effugandi malos dæmones, & sic de similibus. Sunt etiam sacra tempora, apud omnis religionis gentes summa semper ueneratione obseruata, quæ aut à diis ipsis sanctificari nobis præcepta, aut à patribus & maioribus in accepti à diis beneficii cõmemorationem perpetuamq; gratiarũ actionẽ illis dedicata. Sic Hebræi sua sabbatha, sic ethnici suas ferias, sic nos sacrorum nostrorũ solennes dies summa semper celebritate accepimus uenerandos. Sunt etiã his cõtraria tempora, quæ piacularia dicimus, & quos dies atros uocamus, eo quod illis diebus insignẽ aliquã cladẽ calamitatem ue respublica passa esset: cuiusmodi apud Romanos erat ante diẽ quartũ nonas sextilis: quia eo die cladem illã uastissimã pugnæ Cannensis passi sunt: simili ratione dies omnes postriduani, atri dicti sunt, quibus sæpissime ab illis male dimicatum est. Sic apud Iudæos dies atri sunt, decimus septimus mensis Iunii, quoniam eo die Mosen confregisse tabulas, Manassen erexisse idolũ in sancta sanctorũ, murosq; Hierusalem ab hostibus dirutos ratum habent. Similiter ater illis dies est nonus Iulii, quia eo die utraq; templi destructio perpetrata est. Hac ratiõe dicti sunt dies Aegyptiaci, olim ab Aegyptiis obseruati: & quælibet natio hac ratione similem sibi fausto rum infaustorumq; dierum calculum facile fabricare potest: atque hos sacros religiososq; dies Magi non secus q̃ planetarios dies cœlestesq; dispositiones obseruari iubent: quin illos multo efficaciores esse perhibẽt, maxime ad spiritales diuinasq; uirtutes adsequẽdas: quia illorum uirtus atq; influentia non tam ab elementis corporibusq; cœlestibus, sed ab intelligibili supercœlestiq; mundo descendens, communibusq; diuorum suffragiis adiuta, nulla cœlestium corporum aduersante dispositione frangatur, nec elementorum corruptibili contagione frustretur, modo nõ desit firma credulitas ac ueneratio religiosa, hoc est, cum metu horroreq; coniuncta, id enim proprie sonat religio. Hinc dies illi religiosi dicti, quos nefas est uiolare, quos anxie obseruamus, metuentes ingens aliquod malum, si quid in illis secus factum sit quàm oporteat.

Tẽpora sacra.

Tẽpora piacularia.

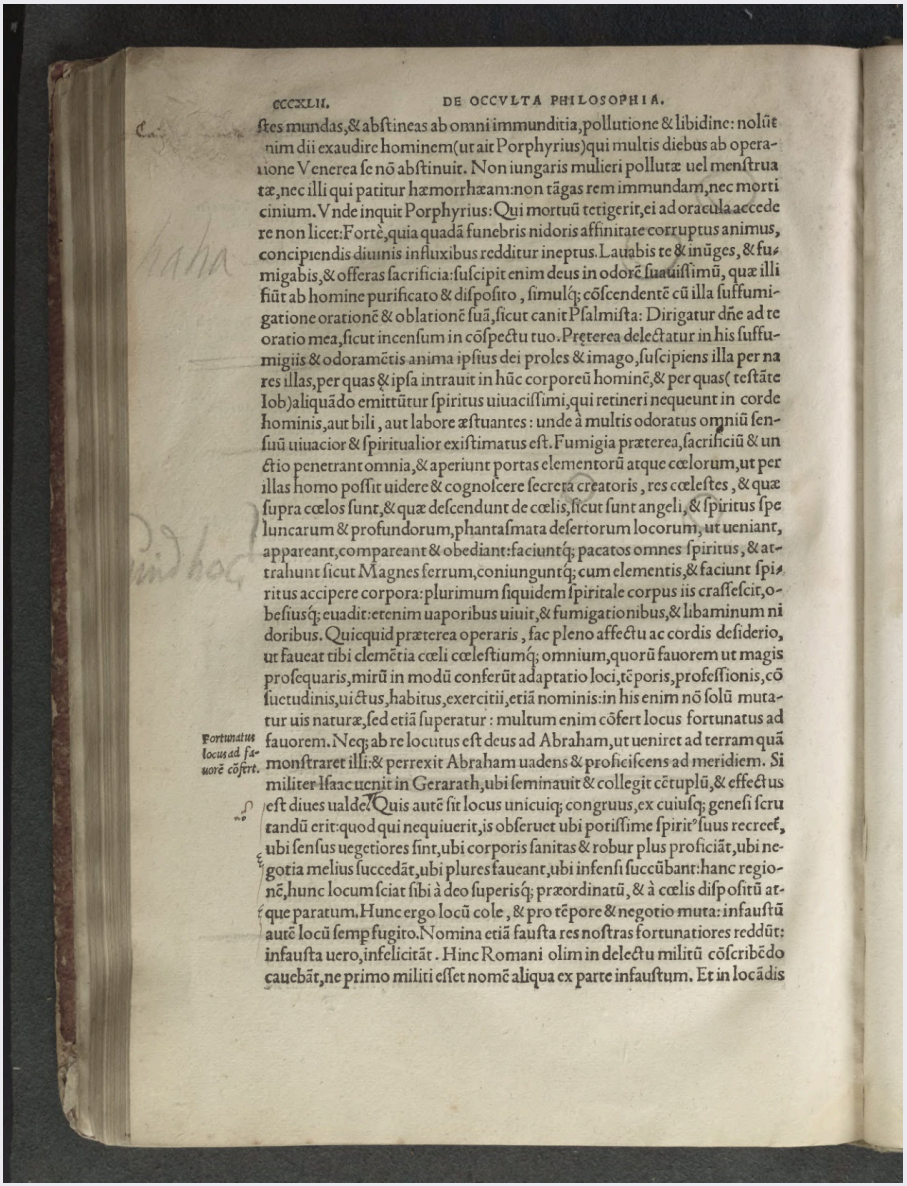
Atri dies.

Dies Aegyptiaci.

De religiosis quibusdam obseruationibus, ceremoniis & ritibus suffituum, unctionum & similium. Caput LXIIII.

IGitur quicunq; in hac facultate operari desideras, in primis piis precibus obsecra deum patrem unum, ut tu quoq; sis unus illius clementia dignus, sis mũdus ab intra & ab extra, & in loco mundo, quia scriptum est in Leuitico: Omnis homo qui accesserit ad ea quæ cõsecrata sunt, in quo est immũditia, peribit coram dño. Propterea lauare sẽpius, & per statutos dies, iuxta numerorũ mysteria: induas ue

F

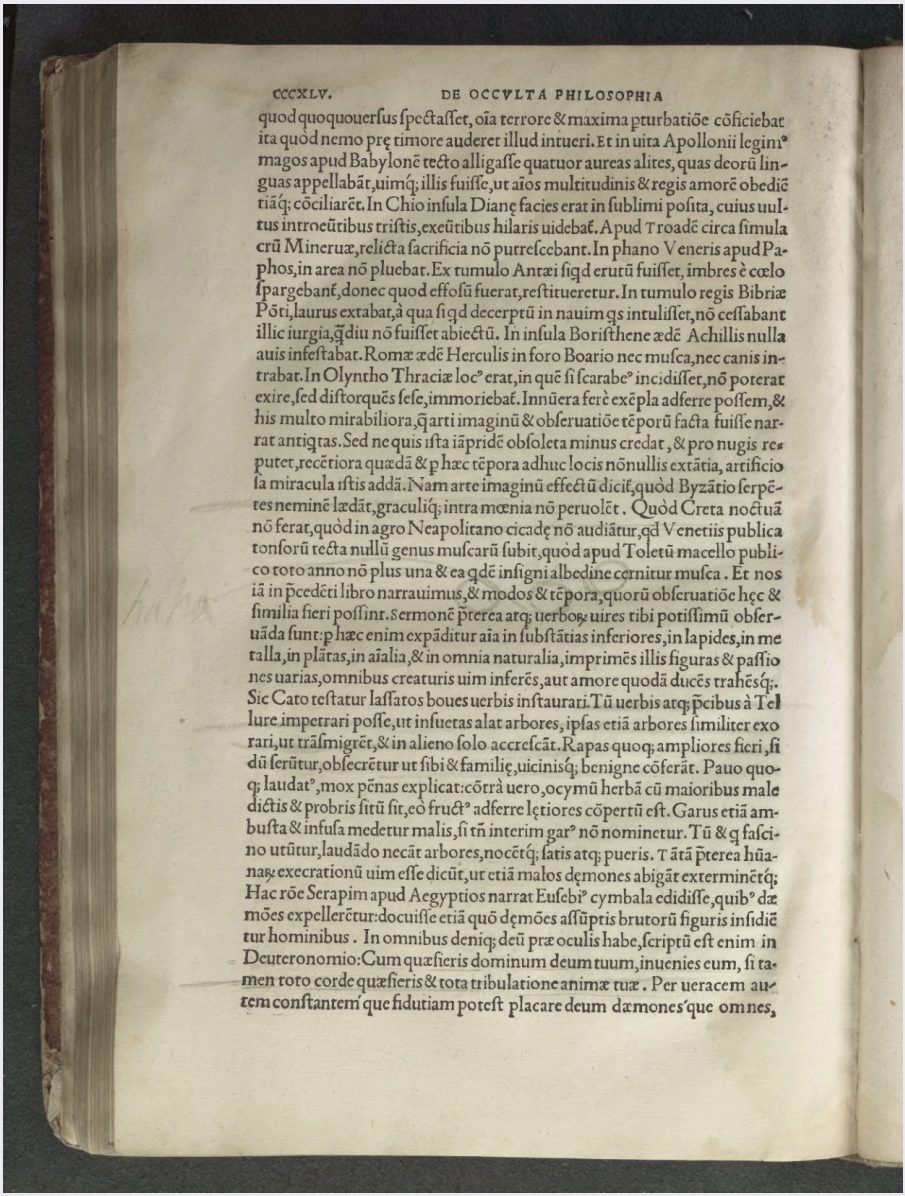

stes mundas,& abstineas ab omni immunditia,pollutione & libidine: nolūt nim dii exaudire hominem(ut ait Porphyrius)qui multis diebus ab operatione Venerea se nō abstinuit. Non iungaris mulieri pollutæ uel menstruatæ,nec illi qui patitur hæmorrhæam:non tāgas rem immundam,nec mortuum. Vnde inquit Porphyrius: Qui mortuū tetigerit,ei ad oracula accedere non licet: Fortè,quia quadā funebris nidoris affinitate corruptus animus, concipiendis diuinis influxibus redditur ineptus. Lauabis te & inūges, & fumigabis,& offeras sacrificia: susc ipit enim deus in odorē suauissimū, quæ illi fiūt ab homine purificato & dispositō, simulq; cōscendentē cū illa suffumigatione orationē & oblationē suā,sicut canit Psalmista: Dirigatur dñe ad te oratio mea,sicut incensum in cōspectu tuo. Præterea delectatur in his suffumigiis & odoramētis anima ipsius dei proles & imago,susc ipiens illa per nares illas,per quas & ipsa intrauit in hūc corporeū hominē,& per quas(testāte Iob)aliquādo emittūtur spiritus uiuacissimi,qui retineri nequeunt in corde hominis,aut bili, aut labore æstuantes: unde à multis odoratus omniū sensuū uiuacior & spiritualior existimatus est. Fumigia præterea,sacrificiū & unctio penetrant omnia,& aperiunt portas elementorū atque cœlorum,ut per illas homo possit uidere & cognoscere secreta creatoris, res cœlestes, & quæ supra cœlos sunt,& quæ descendunt de cœlis,sicut sunt angeli,& spiritus speluncarum & profundorum,phantasmata desertorum locorum,ut ueniant, appareant,compareant & obediant: faciuntq; pacatos omnes spiritus, & attrahunt sicut Magnes ferrum,coniunguntq; cum elementis,& faciunt spiritus accipere corpora: plurimum siquidem spiritale corpus iis crassescit,obesiusq; euadit: etenim uaporibus uiuit,& fumigationibus,& libaminum nidoribus. Quicquid præterea operaris, fac pleno affectu ac cordis desiderio, ut faueat tibi clemētia cœli cœlestiumq; omnium,quorū fauorem ut magis prosequaris,mirū in modū conferūt adaptatio loci,tēporis,professionis,cōsuetudinis,uictus,habitus,exercitii,etiā nominis: in his enim nō solū mutatur uis naturæ,sed etiā superatur: multum enim cōfert locus fortunatus ad fauorem. Neq; ab re locutus est deus ad Abraham,ut ueniret ad terram quā monstraret illi: & perrexit Abraham uadens & proficiscens ad meridiem. Si militer Isaac uenit in Gerarath,ubi seminauit & collegit cētuplū,& effectus est diues ualde. Quis autē sit locus unicuiq; congruus,ex cuiusq; genesi scrutandū erit: quod qui nequiuerit,is obseruet ubi potissime spiritꝰ suus recreet, ubi sensus uegetiores sint,ubi corporis sanitas & robur plus proficiāt,ubi negotia melius succedāt,ubi plures faueant,ubi infensi succūbant: hanc regionē,hunc locum sciat sibi à deo superisq; præordinatū, & à cœlis dispositū atque paratum. Hunc ergo locū cole, & pro tēpore & negotio muta: infaustū autē locū semp fugito. Nomina etiā fausta res nostras fortunatiores reddūt: infausta uero,infelicitāt. Hinc Romani olim in delectu militū cōscribēdo cauebāt,ne primo militi esset nomē aliqua ex parte infaustum. Et in locādis

Fortunatus locus ad fauorē cōfert.

uectigalibus,& luſtrandis coloniis aut exercitibus, CENSS. bonis nominibus eligebant. Tum & infauſtis nominibus in felicia mutatis, rerũ quoq; fortunam in melius mutari crediderunt. Sic Epidamnum, ne in damnum eò nauigantes irent, Dyrrachium uocari inſtituerunt. Eadẽ ratiõe Maleoton, ne quid mali adferret, Beneuentum uocauerunt. Lacum uero Lucrinum, ob nominis felicitatem, omnium feliciſſimum putauerunt. Horas etiam, & dies pro operibus tuis elige, neque enim ſine cauſa dixit ſaluator: Nonne duodecim ſunt horæ dieiꝰ & quæ ſequuntur. Tempora enim rebus noſtris certã fortunam præſtare poſſe docuerunt Aſtrologi, obſeruarunt magi. Omnes denique ſapiẽtiſſimi ueteres in hoc conſentiunt, permaximi interreſſe, quo quidq; temporis momento, quaue cœleſtium diſpoſitione in hoc mũdo eſſe ſuum acceperit, non tam naturale, q̃ etiam artificiale: Tantã enim uim habere hoc initii momentum tradiderunt, ut omnem fortunæ curſum, inde pẽdere & prædici poſſe, pariq; ratione ex cuiuſq; rei fortunæ ſucceſſibus, illius initium retro ſcrutari poſſe, & firmiter crederent, & ipſa experiẽtia teſte adſeuerarent, quemadmodum Sulla Aſtrologus, Caligulæ conſulenti de natura certiſſimam necẽ appropinquare prædixit. Metheon aſtrologus, Athenienſibus in Syracuſanos expeditionem agitantibus, futuram belli calamitatem præuidit: iiſdem nauigaturis in Sicilam, Meſon aſtrologus tempeſtatẽ præ dixit. Anaxagoras hac temporum ſcientia, quibus diebus ſaxum è ſole caſurum eſſet, præmonuit, ſicut poſtea factum eſt ad Aegos Thraciæ flumẽ. Cõtrà, L. Tarnucius Firmianus ex Romuli geſtis atq; fortuna & cõceptionem & natiuitatem illius inuenit. Idem urbis Romæ natalem diem adinuenit, ex annotatis illius fortunæ ſucceſſibus. Sic etiam mũdi initium geniturã ue, ex rerum euentibus compertam fuiſſe, refert Maternus. Quòd autem tẽpora in rebus naturalibus plurimum poſſint, multis exẽplis patere poteſt. Sunt nanq; arbores, quæ poſt ſolſtitiũ inuertũt ſua folia, ut populus, ulmus, olea, tilea, alba ſalix. Et cõchylia, & cancri, & oſtreæ, creſcẽte luna augeſcũt, decreſcẽte macreſcũt: & maria ſuo fluxu atq; refluxu, lunæ motus tẽporaq; obſeruant. Et Euripus in Eubœa nõne ſepties mira celeritate defluit & refluit? Idẽ tribus diebus unoquoq; mẽſe, uidelicet ſeptima, octaua, nona luna, ſtat immotus. Et apud Troglodytas lacus eſt, q̃ ter in die fit amarus ac ſalſus, & rurſus dulcis. Iam uero die brumali cum marcẽt omnia, pulegiũ aridũ flore ſcit. Eodẽ die aiunt inflatas ueſicas diſrũpi: ſalictorũ folia, & malorũ grana uerti ac circumagi. Et manifeſtũ eſt, id quod ego & in Italia & Gallia uidi, & ſationẽ eius noui, uidelicet nucẽ quæ per totũ annum arida, ſub ipſa diui Iohãnis Vigilia, & folia, & flores, & maturos fructꝰ produceret. Et totũ hoc miraculũ ex ſola tẽporis obſeruatiõe in ſatione illius cõſiſtit. Quòd aũt tẽpora rebus artificialibus aliquas mirabiles poſſint præſtare uirtutes, ipſi Aſtrologi in ſuis Electionũ & Imaginũ libris cõſtanter affirmãt. Et hac ratione legimus apud Plutarchũ, Simulacrũ apud Peleneos ea arte fabricatum fuiſſe,

Tẽpora fortunã præſtã repoſſunt.

quod quoquouersus ſpectaſſet, oĩa terrore & maxima pturbatiõe cõficiebat ita quòd nemo prę timore auderet illud intueri. Et in uita Apollonii legim⁹ magos apud Babylonẽ tecto alligaſſe quatuor aureas alites, quas deorũ linguas appellabãt, uimq; illis fuiſſe, ut aĩos multitudinis & regis amorẽ obediẽtiãq; cõciliarẽt. In Chio inſula Dianę facies erat in ſublimi poſita, cuius uultus introeũtibus triſtis, exeũtibus hilaris uidebat. Apud Troadẽ circa ſimulacrũ Mineruæ, relicta ſacrificia nõ putreſcebant. In phano Veneris apud Paphos, in area nõ pluebat. Ex tumulo Antæi ſiqd erutũ fuiſſet, imbres è cœlo ſpargebant, donec quod effoſũ fuerat, reſtitueretur. In tumulo regis Bibriæ Põti, laurus extabat, à qua ſiqd decerptũ in nauim qs intuliſſet, nõ ceſſabant illic iurgia, q̃diu nõ fuiſſet abiectũ. In inſula Boriſthene ædẽ Achillis nulla auis infeſtabat. Romæ ædẽ Herculis in foro Boario nec muſca, nec canis intrabat. In Olyntho Thraciæ loc⁹ erat, in quẽ ſi ſcarabe⁹ incidiſſet, nõ poterat exire, ſed diſtorquẽs ſeſe, immoriebat. Innũera ferè exẽpla adferre poſſem, & his multo mirabiliora, q̃ arti imaginũ & obſeruatiõe tẽporũ facta fuiſſe narrat antiqtas. Sed ne quis iſta iãpridẽ obſoleta minus credat, & pro nugis reputet, recẽtiora quædã & p hæc tẽpora adhuc locis nõnullis extãtia, artificioſa miracula iſtis addã. Nam arte imaginũ effectũ dicit, quòd Byzãtio ſerpẽtes neminẽ lædãt, graculiq; intra mœnia nõ peruolẽt. Quòd Creta noctuã nõ ferat, quòd in agro Neapolitano cicadę nõ audiãtur, qd Venetiis publica tonſorũ tecta nullũ genus muſcarũ ſubit, quòd apud Toletũ macello publico toto anno nõ plus una & ea qdẽ inſigni albedine cernitur muſca. Et nos iã in p̃cedẽti libro narrauimus, & modos & tẽpora, quorũ obſeruatiõe hęc & ſimilia fieri poſſint. Sermonẽ p̃terea atq; uerbos; uires tibi potiſſimũ obſeruãda ſunt: p hæc enim expãditur aĩa in ſubſtãtias inferiores, in lapides, in metalla, in plãtas, in aĩalia, & in omnia naturalia, imprimẽs illis figuras & paſſiones uarias, omnibus creaturis uim inferẽs, aut amore quodã ducẽs trahẽsq;. Sic Cato teſtatur laſſatos boues uerbis inſtaurari. Tũ uerbis atq; p̃cibus à Tellure impetrari poſſe, ut inſuetas alat arbores, ipſas etiã arbores ſimiliter exorari, ut trãſmigrẽt, & in alieno ſolo accreſcãt. Rapas quoq; ampliores fieri, ſi dũ ſerũtur, obſecrẽtur ut ſibi & familię, uicinisq; benigne cõferãt. Pauo quoq; laudat⁹, mox pẽnas explicat: cõtrà uero, ocymũ herbã cũ maioribus male dictis & probris ſitũ ſit, eò fruct⁹ adferre lętiores cõpertũ eſt. Garus etiã ambuſta & infuſa medetur malis, ſi tñ interim gar⁹ nõ nominetur. Tũ & q faſcino utũtur, laudãdo necãt arbores, nocẽtq; ſatis atq; pueris. Tãtã p̃terea hũanæ execrationũ uim eſſe dicũt, ut etiã malos dęmones abigãt exterminẽtq; Hac rõe Serapim apud Aegyptios narrat Euſebi⁹ cymbala edidiſſe, quib⁹ dæmões expellerẽtur: docuiſſe etiã quõ dęmões aſſũptis brutorũ figuris inſidiẽtur hominibus. In omnibus deniq; deũ præ oculis habe, ſcriptũ eſt enim in Deuteronomio: Cum quæſieris dominum deum tuum, inuenies eum, ſi tamen toto corde quæſieris & tota tribulatione animæ tuæ. Per ueracem autem conſtantem q̃ que fidutiam poteſt placare deum dæmones q̃ que omnes,

unde apud Marcum legitur: Omnia quæcunq; orantes petitis, credite quia accipietis, & euenient uobis. & apud Matthæum dicitur: Si habueritis fidem ſicut granũ ſinapis, nihil impoſſibile erit uobis. Multum quoq; ualet oratio iuſti aſſidua: Helias enim (ut ait Iacobus) homo erat ſimilis nobis, paſſibilis, & orauit oratione ut non plueret ſuper terram, & non pluit annos tres & mẽſes ſex: & rurſum orauit, & cœlum dedit pluuias, & terra dedit fructum ſuũ. Caue autem in orationibus, ne optaueris aliquid uanũ, uel quod ſit contra diuinam uoluntatem: uult autẽ deus omnia bona: neq; enim uſurpabis nomen dei tui fruſtra, quia non erit impunitus, qui ſub re uana nomen eius aſſumpſerit. Facias abſtinentiã, & des eleemoſynas, quoniã dicente angelo ad Tobiam, bona eſt oratio cũ ieiunio & eleemoſyna. & in libro Iudith legitur: Scitote quoniam exaudiet dominus preces ueſtras, ſi manentes permanſeritis in ieiuniis & orationibus in conſpectu domini.

Operis totius concluſio. Caput LXV.

HAec ſunt quę ad magiæ introductionem ex traditione antiquorum, cõpilatione diuerſa in hunc librũ coegimus, ſermone quidem breui, ſed ſufficienti his qui intellecturi ſunt. Horum autẽ quædam cum ordine, quędã ſine ordine ſcripta ſunt, quædã per fragmenta tradita ſunt quædam etiam occultata, & inueſtigatione intelligẽtium relicta, qui in his quæ ſcripta ſunt acutius ſpeculantes & perſcrutantes, artis magicæ cõpleta documẽta ſimul & infallibilia experimẽta conſeq; poſſunt: tradidim⁹ enim hãc artẽ taliter, ut prudẽtes & intelligẽtes latere nõ accidat: prauos uero & incredulos, ad ſecretorũ illorum arcana nõ admittat, ſed in ſtuporem adductos, ſub ignorantiæ & deſperationis umbraculo deſtitutos relinquat. Vos igitur doctrinę & ſapientiæ filii, perquirite in hoc libro, colligendo noſtram diſperſam intentionẽ, quam in diuerſis locis propoſuimus, & quod occultatum eſt à nobis in uno loco, manifeſtum fecimus illud in alio, ut ſapientibus uobis patefiat, uobis enim ſolis ſcripſimus, quorũ animus incorruptus, ad rectum uiuendi ordinẽ inſtitutus, quorũ caſta & pudica mens ac illibata fides deũ timet ac reuereatur, quorũ manus ſunt ab omni ſcelere & crimine ſeparatæ, ac mores pudici, ſobrii & modeſti: uos enim ſoli ſeruatã uobis doctrinã inuenietis, & arcana multis ænigmatibus abſcõdita, quæ non eliciuntur niſi intelligentia abſcondita, quã ubi adſecuti fueritis, integra ſe uobis inexpugnabilis magicæ diſciplinæ ſcientia inſinuabit, apparebuntq; uobis uirtutes illę, quales olim Hermes, Zoroaſtes, Apollonius & cęteri mirabilium operatores conſecuti ſunt. Vos autem maleuoli calũniatores, prauæ ignorantiæ & inſipientis nequitiæ filii, hæc noſtra fugite, nam inimica uobis ſunt, & poſita in præcipitium, ut erretis & incidatis in miſeriam. Si quis igitur propter ſuam incredulitatẽ & intellectus inertiam, ſuum deſiderium non obtineat, ignorantiæ ſuæ culpam mihi non imputet, nec me erraſſe, aut falſa ex propoſito ſcripſiſſe, aut mentitum dicat, ſed ſeipſum accu-

set qui scripta nostra non intelligit: obscura enim sunt, uariisq; obducta mysteriis, in quibus facile multos continget errare & perdere sensum suum. Nemo ergo iraſcatur mihi, ſi ueritatem huius scientiæ ænigmatibus intricatã, & uariis locis dispersam abscondimus: non enim ſapientibus abscondimus, ſed prauis & improbis, eamq; tali ſermone tradidimus, quẽ latere inſipientẽ necessario accidet, & ad illius intellectum ſapientem facile admittat.

LIBRI TERTII FINIS.

VENERABILI PATRI SACRAE THEOLGIAE MAGISTRO Aurelio ab Aquapendente Auguſtiniano Hen. Corn. Agrippa. S. D.

EX literis quas ad me à ſecũdo huius menſis dediſti, perſpexi erga me animi tui candorem P. R. & cognoui te uirum cyclice doctũ, eorumq; quæ adhuc in tenebris delitescũt curioſum exploratorem. Gauiſus ſum ilico, atque mihi gratulor, nactũ me amicitiam talis uiri, qui cum poſſem aliquãdo & genium & ingeniũ excolere: teq; nũc (teſte hoc chirographo) inter amiciſſimos recipio. Sed heus tu qui ſunt duces tui quos ſequeris, tu qui audes irremeabilem domum intrare Dedali, atque tremẽdi Minois, Ire per excubias, & te committere Parcis? Qui ſunt magiſtri tui, tu qui uerſaris circa immenſa, auſus conari uagum ſtabilem, perfidum affidum, ac deorum omnium fugaciſſimum reddere, uel ipſa Adraſtia conſtantiorem? Caue ne decipiare ab his qui fuerunt decepti. Neque enim hic te dirigere poterit quantacunque librorum lectio, quum non niſi mera ænigmata ſonent. O quanta leguntur ſcripta de inexpugnabili magicæ artis potentia, de prodigioſis aſtrologorum imaginibus, de mõſtrifica alchymiſtarũ metamorphoſi, deq; lapide illo benedicto, quo Midæ inſtar contacta æra, mox omnia in aurum argentumue permutentur, quæ omnia comperiuntur uana, ficta & falſa quoties ad literam practicãtur. Atque tamen traduntur iſta, ſcribunturq; à magnis grauiſſimiſq; philoſophis & ſanctis uiris, quorum traditiões quis audebit dicere falſas: Quinimo credere impium eſſet, illos data opera ſcripſiſſe mendacia: Alius eſt ergo ſenſus quàm literis traditur, isq; uariis obductus myſteriis, ſed hactenus à nullo magiſtrorũ palam explicatus, quem neſcio ſi quis ſine perito fidoq; magiſtro ſola librorum lectione poſſit adſequi, niſi fuerit diuino numine illuſtratus quod datur pauciſſimis: ideoq; in uacuum currunt multi qui hæc ſecretiſſima naturæ arcana proſequuntur, ad nudam lectionis ſeriem referentes animum. Nam inauſpicato ingenio à uero intellectu prolapſi, in

falsas imaginationes, exteriorum spirituum uaframentis irretiti, illorum quorum dominari datum est, periculosi serui effecti sunt, & ignorantes semetipsos, abeunt retro post uestigia gregum suorũ, quærentes extra se quod intus possident. Atque hoc est quod te nunc scire uolo, quia in nobis ipsis est omnium mirabilium effectuum operator, qui quicquid portentosi mathematici, quicquid prodigiosi magi, quicquid inuidentes naturæ persecutores alchymistę, quicquid dæmonibus deteriores malefici necromantes promittere audent, ipse nouit discernere & efficere, idq; sine omni crimine, sine dei offensa, sine religionis iniuria. In nobis inquam est ille mirãdorũ operator:

Nos habitat, non tartara, sed nec sydera cœli,
Spiritus in nobis qui uiget, illa facit.

Verum de his nobis q̃ latissime tecum conferendum esset, sed coram: Non enim cõmiruntur hęc literis, nec scribuntur calamo, sed spiritu spiritui, paucis sacrisq; uerbis infunduntur. Idq; si quando nos ad te uenire contigerit. Cæterũ quos postulas libros, aliq illorũ aliquãdo fuerũt penes me, sed iam nõ sunt: qui uero penes uos circunferuntur libri adolescentiæ meę, de Occulta philosophia intitulati, horũ priores duo in multis deficiunt, tertius totus mancus, nec nisi scriptorum meorum epitome quoddã continet. Sed ego totum opus, fauente domino, integrũ recognitumq; aliquãdo in lucem dabo, claue tamẽ operis solis amicissimis reseruata, quorũ te unũ esse non dubites. Vale felicissime, è Lugduno. XXIIII. Septemb. Anno. M. D. XXVII.

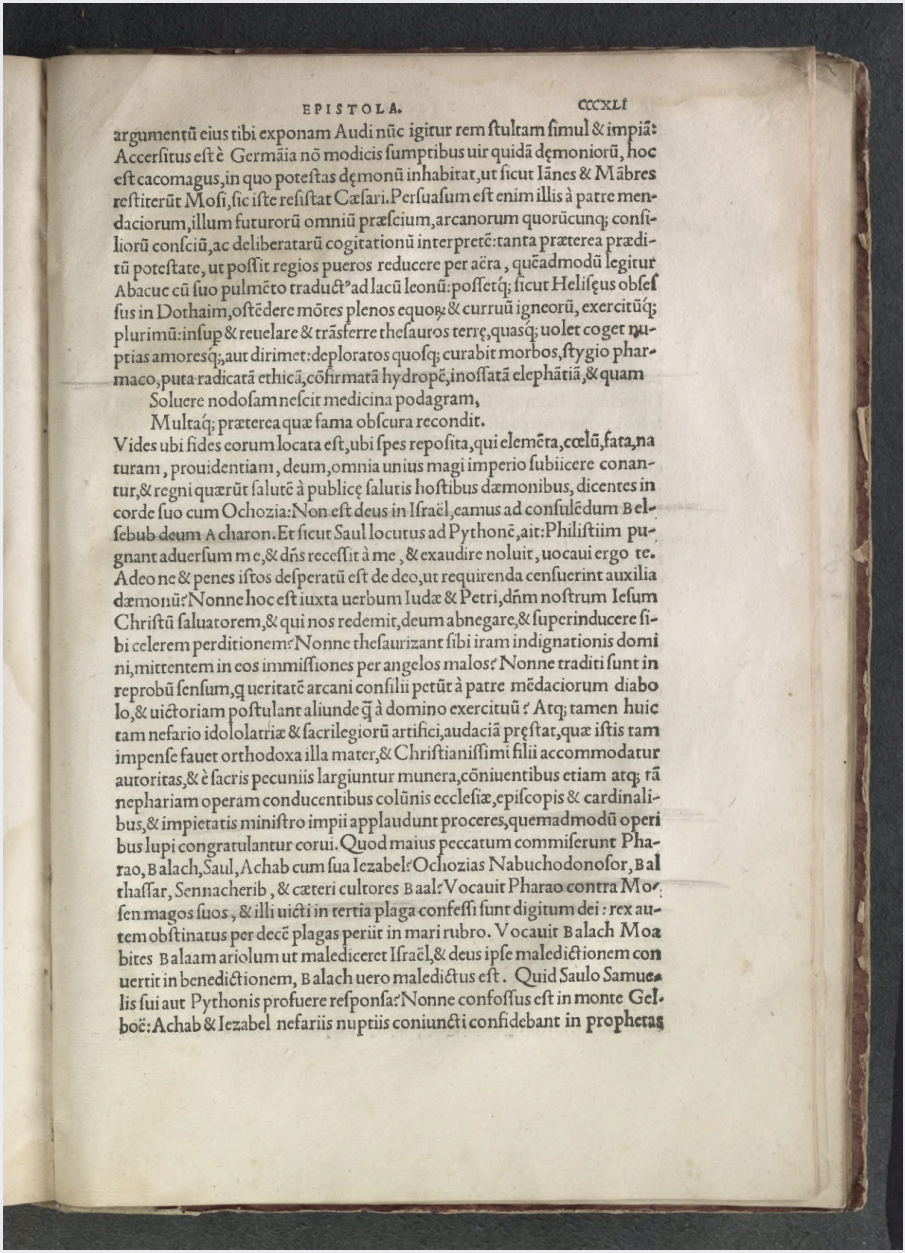
AD EVNDEM.

EX humanissimis tuis literis (uenerande pater) quasi ad speculum animum tuum introspexi totum, illumq; amplector totus, uoloq; sic tibi persuasum habeas, te mihi supra quàm literis demonstrari possit gratissimum fore, altissimeq; insidere animo: me uero talem esse, qui ex abundantia cordis hoc scribam, quiq; eos qui se meæ amicitiæ commiserunt, nulla unquam tempestate soleam deserere. Quare ut tu uota consequaris tua, meis non minora, ego propediem ad te ueniam. Vbi cum coram dabitur mutuas audire & reddere uoces, scio amicitiam nostram indissolubilẽ fore perpetuoq; duraturam. Iam uero quod ad postulatam Philosophiam attinet, te scire uolo, quòd omnium rerum cognoscere opificem ipsum deum, & in illum tota similitudinis imagine (ceu essentiali quodam contactu sue uinculo) transire, quo ipse transformeris efficiareq; deus quemadmodum de Mose ait dominus, inquiens: Ecce ego constitui te deum Pharaonis. Hæc est illa uera & summa mirabiliũ operũ occultissima philosophia: Clauis eius intellectus est: quãto enim altiora intelligimus, tãto sublimiores induimus uirtutes, tantoq; maiora & facilius & efficacius operamur. Verum intellectus noster carni inclusus corruptibili, nisi uiã carnis superauerit, fueritq; propriam naturam sortitus, diuinis illis uirtutibus non poterit uniri (non enim nisi sibi quàm similibus congrediuntur) ac

peruidendis illis occultissimis dei & naturæ secretis, omnino inefficax est, at que hoc opus, hic labor est, superas euadere ad auras. Quomodo enim qui in cinere & mortali puluere seipsum amisit, deum ipsum inueniet? Quomodo apprehendet spiritualia carni immersus & sanguini? An uidebit dominũ homo & uiuet? Quem fructum adferet granum frumenti si prius mortuũ non fuerit? Mori enim oportet, mori inquam mũdo & carni, ac sensibus omnibus, ac toto homini animali, qui uelit ad hæc secretorum penetralia ingredi, non quòd corpus separetur ab anima, sed quòd anima relinquat corpus: de qua morte Paulus scribit Colossensibus: Mortui estis, & uita uestra abscondita est cum Christo. Et alibi clarius de seipso ait: Scio hominẽ in corpore uel extra corpus, nescio, deus scit, raptum usq; ad tertium cœlũ, & quæ reliqua sequuntur. Hac inquam pretiosa in conspectu domini morte, mori oportet, quod contingit pauciss imis, & forte non semper: Nam pauci quos æquus amauit Iuppiter, aut ardens euexit ad æthera uirtus, diis geniti potue re. Primum qui non ex carne & sanguine, sed ex deo nati sunt: proxime, qui naturæ beneficio ac cœlorum genethliaco dono, ad id dignificati sunt: cæteri meritis nituntur & arte, de quibus uiua uox te certiorem reddet. Verum hoc te admonitum uolo, ne circa me decipiaris, ac si ego aliquando diuina passus, tibi ista prædicem, aut tale quid mihi arrogare uelim, uel concedi pos se sperem, qui hactenus humano sanguine sacratus miles, semper fere aulicus, cũ carnis uinculo charissimæ uxori alligatus, omnibusq; instabilis fortunæ flatibus expositus, totusq; à carne, à mundo, à domesticis curis transuersim actus, tam sublimia immortalium deorum dona nõ sum adsecutus: Sed accipi me uolo uelut indicem, qui ipse semper prę foribus manens, aliis quod iter ingrediendum sit, ostendit. Cæterum de amore in te meo tu quidem minime falleris, beneficiis meis quid debeas, non uideo, quippe qui non contulerim in te quicquam, nisi quòd paratus sum dum dabitur occasio, cõferre omnia. Tu nũc felicissime Vale, è Lugduno XIX. Nouemb. Anno M. D. XXVII.

HENRICVS CORNELIVS AGRIPPA CVIDAM AMICO suo in Aula Regis. S. D.

SOlebant ueteres ędito prouerbio insignem stultitiã notare, Noctuas Athenas inferre: sed non minoris stultitiæ est, impietatis autem maximę, dæmones inferno addere. Scis quem dico infernum, illam inquam scelerum scholam, quam indignatus alibi suis coloribus egregie depinxi aulam. Sed nunquam antea tam iusta scribendi simul & indignandi occasio data est atque nunc, si per occupationes liceret rem pro dignitate tractare. Continere tamen nequeo calamum, quin

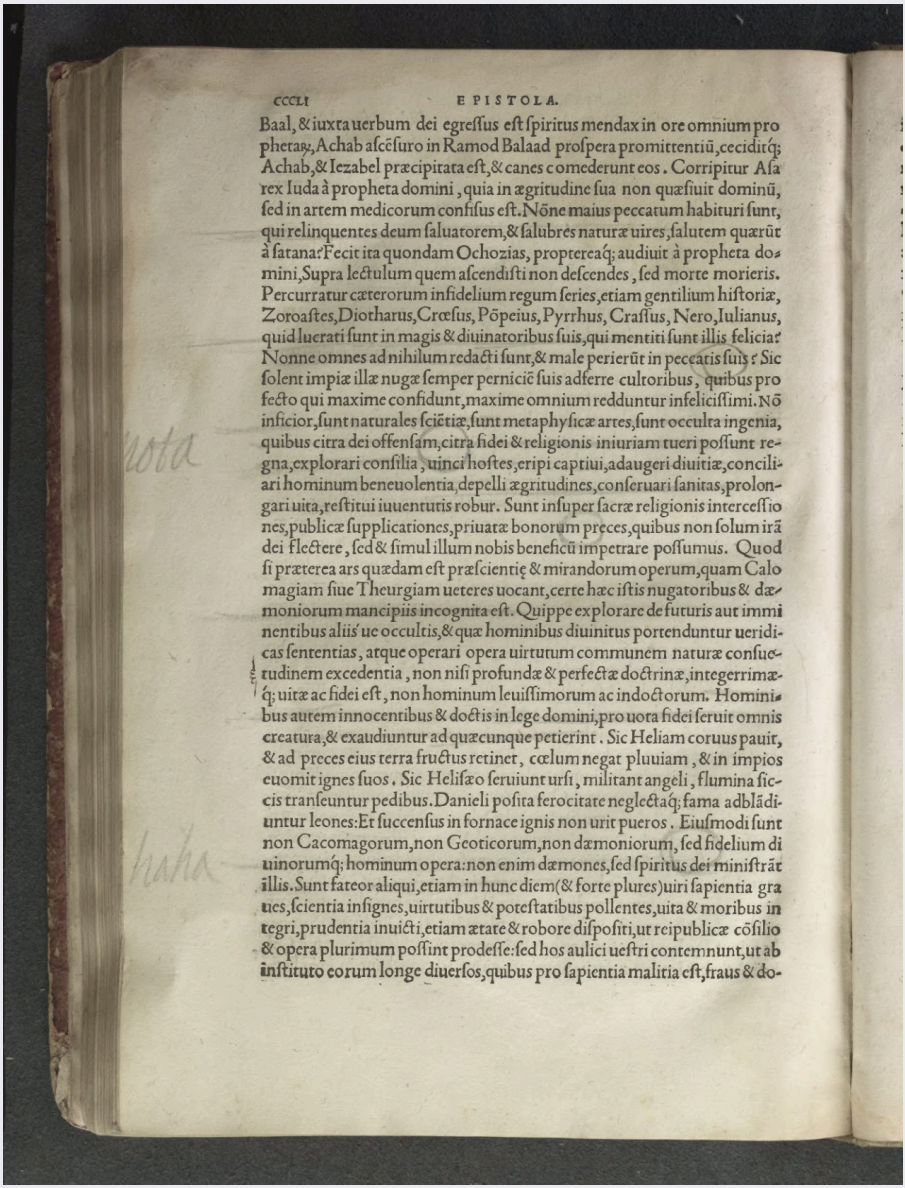

EPISTOLA. CCCXLI

argumentū eius tibi exponam Audi nūc igitur rem ſtultam ſimul & impiā: Accerſitus eſt è Germāia nō modicis ſumptibus uir quidā dęmoniorū, hoc eſt cacomagus, in quo poteſtas dęmonū inhabitat, ut ſicut Iānes & Mābres reſtiterūt Moſi, ſic iſte reſiſtat Cæſari. Perſuaſum eſt enim illis à patre mendaciorum, illum futurorū omniū præſcium, arcanorum quorūcunq; conſiliorū conſciū, ac deliberatarū cogitationū interpretē: tanta præterea prædituū poteſtate, ut poſſit regios pueros reducere per aëra, quēadmodū legitur Abacuc cū ſuo pulmēto traductū ad lacū leonū: poſſetq; ſicut Heliſęus obſeſſus in Dothaim, oſtēdere mōtes plenos equoū & curruū igneorū, exercituq; plurimū: inſup & reuelare & trāsferre theſauros terrę, quasq; uolet coget nuptias amoresq;, aut dirimet: deploratos quoſq; curabit morbos, ſtygio pharmaco, puta radicatā ethicā, cōfirmatā hydropē, inoſſatā elephātiā, & quam

Soluere nodoſam neſcit medicina podagram,
Multaq; præterea quæ fama obſcura recondit.

Vides ubi fides eorum locata eſt, ubi ſpes repoſita, qui elemēta, cœlū, fata, naturam, prouidentiam, deum, omnia unius magi imperio ſubiicere conantur, & regni quærūt ſalutē à publicę ſalutis hoſtibus dæmonibus, dicentes in corde ſuo cum Ochozia: Non eſt deus in Iſraēl, eamus ad conſulēdum Belſebub deum Acharon. Et ſicut Saul locutus ad Pythonē, ait: Philiſtiim pugnant aduerſum me, & dñs receſſit à me, & exaudire noluit, uocaui ergo te. Adeo ne & penes iſtos deſperatū eſt de deo, ut requirenda cenſuerint auxilia dæmonū? Nonne hoc eſt iuxta uerbum Iudæ & Petri, dñm noſtrum Ieſum Chriſtū ſaluatorem, & qui nos redemit, deum abnegare, & ſuperinducere ſibi celerem perditionem? Nonne theſaurizant ſibi iram indignationis domini, mittentem in eos immiſſiones per angelos malos? Nonne traditi ſunt in reprobū ſenſum, q ueritatē arcani conſilii petūt à patre mēdaciorum diabolo, & uictoriam poſtulant aliunde q̄ à domino exercituū? Atq; tamen huic tam nefario idololatriæ & ſacrilegiorū artifici, audaciā præſtat, quæ iſtis tam impenſe fauet orthodoxa illa mater, & Chriſtianiſſimi filii accommodatur autoritas, & è ſacris pecuniis largiuntur munera, cōniuentibus etiam atq; rā nephariam operam conducentibus colūnis eccleſiæ, epiſcopis & cardinalibus, & impietatis miniſtro impii applaudunt proceres, quemadmodū operibus lupi congratulantur corui. Quod maius peccatum commiſerunt Pharao, Balach, Saul, Achab cum ſua Iezabel? Ochozias Nabuchodonoſor, Balthaſſar, Sennacherib, & cæteri cultores Baal? Vocauit Pharao contra Moſen magos ſuos, & illi uicti in tertia plaga confeſſi ſunt digitum dei: rex autem obſtinatus per decē plagas periit in mari rubro. Vocauit Balach Moabites Balaam ariolum ut malediceret Iſraēl, & deus ipſe maledictionem conuertit in benedictionem, Balach uero maledictus eſt. Quid Saulo Samuelis ſui aut Pythonis profuere reſponſa? Nonne confoſſus eſt in monte Gelboë: Achab & Iezabel nefariis nuptiis coniuncti confidebant in prophetas

CCCLI EPISTOLA.

Baal, & iuxta uerbum dei egreſſus eſt ſpiritus mendax in ore omnium pro phetarꝫ, Achab aſcẽſuro in Ramod Balaad proſpera promittentiũ, cecidit q̃; Achab, & Iezabel præcipitata eſt, & canes comederunt eos. Corripitur Aſa rex Iuda à propheta domini, quia in ægritudine ſua non quæſiuit dominũ, ſed in artem medicorum confiſus eſt. Nõne maius peccatum habituri ſunt, qui relinquentes deum ſaluatorem, & ſalubres naturæ uires, ſalutem quærũt à ſatana? Fecit ita quondam Ochozias, propterea q̃; audiuit à propheta domini, Supra lectulum quem aſcendiſti non deſcendes, ſed morte morieris. Percurratur cæterorum infidelium regum ſeries, etiam gentilium hiſtoriæ, Zoroaſtes, Diotharus, Crœſus, Põpeius, Pyrrhus, Craſſus, Nero, Iulianus, quid luerati ſunt in magis & diuinatoribus ſuis, qui mentiti ſunt illis felicia? Nonne omnes ad nihilum redacti ſunt, & male perierũt in peccatis ſuis? Sic ſolent impiæ illæ nugæ ſemper pernicič ſuis adferre cultoribus, quibus pro fecto qui maxime confidunt, maxime omnium redduntur infeliciſſimi. Nõ inficior, ſunt naturales ſciẽtiæ, ſunt metaphyſicæ artes, ſunt occulta ingenia, quibus citra dei offenſam, citra fidei & religionis iniuriam tueri poſſunt regna, explorari conſilia, uinci hoſtes, eripi captiui, adaugeri diuitiæ, conciliari hominum beneuolentia, depelli ægritudines, conſeruari ſanitas, prolongari uita, reſtitui iuuentutis robur. Sunt inſuper ſacræ religionis interceſſiones, publicæ ſupplicationes, priuatæ bonorum preces, quibus non ſolum irã dei flectere, ſed & ſimul illum nobis beneficũ impetrare poſſumus. Quod ſi præterea ars quædam eſt præſcientię & mirandorum operum, quam Calomagiam ſiue Theurgiam ueteres uocant, certe hæc iſtis nugatoribus & dæmoniorum mancipiis incognita eſt. Quippe explorare de futuris aut immi nentibus aliis ue occultis, & quæ hominibus diuinitus portenduntur ueridicas ſententias, atque operari opera uirtutum communem naturæ conſuetudinem excedentia, non niſi profundæ & perfectæ doctrinæ, integerrimæq; uitæ ac fidei eſt, non hominum leuiſſimorum ac indoctorum. Hominibus autem innocentibus & doctis in lege domini, pro uota fidei ſeruit omnis creatura, & exaudiuntur ad quæcunque petierint. Sic Heliam coruus pauit, & ad preces eius terra fructus retinet, cœlum negat pluuiam, & in impios euomit ignes ſuos. Sic Heliſæo ſeruiunt urſi, militant angeli, flumina ſiccis tranſeuntur pedibus. Danieli poſita ferocitate neglectaq; fama adblãdiuntur leones: Et ſuccenſus in fornace ignis non urit pueros. Eiuſmodi ſunt non Cacomagorum, non Geoticorum, non dæmoniorum, ſed fidelium diuinorumq; hominum opera: non enim dæmones, ſed ſpiritus dei miniſtrãt illis. Sunt fateor aliqui, etiam in hunc diem (& forte plures) uiri ſapientia graues, ſcientia inſignes, uirtutibus & poteſtatibus pollentes, uita & moribus integri, prudentia inuicti, etiam ætate & robore diſpoſiti, ut reipublicæ cõſilio & opera plurimum poſſint prodeſſe: ſed hos aulici ueſtri contemnunt, ut ab inſtituto eorum longe diuerſos, quibus pro ſapientia malitia eſt, fraus & do-

ius pro consilio, astus & cālliditas pro scientia, deceptio & perfidia pro prudentia est. Religionis locum possidet superstitio, & in afflictiōibus blasphematur deus: & quæ (ut ait Apostolus) in infirmitate perficitur fides, contemnitur: sed recurritur ad inuocamenta malorum dæmonum. Bonus quisque apud eos irridetur, audax hypocrisis prouehitur, ueritas pro crimine est, laus & præmia stultitiæ & sceleribus reposita sunt. O stulti & impii, qui his artibus stabilire uultis regnum, quibus olim potentissima imperia ceciderunt funditusq; euersa sunt. De quibus uere dictum est per Hieremiam: Cecidit corona nostra, uæ quia peccauimus. Quod utinam non tam uere quàm excogitata ingeniosa sorte in uos quadraret. Siquidem ille uersiculus collectis inuicem numeralibus literis. M.C.V.I. annum exprimit M. D. XXIIII. quo iuxta uestrum calculum, rex uester apud Papiam captus est. Nōne hæc uidistis & admirati estis, quę ante facta q̄ fuissent impossibilia iudicastis? Et adhuc superbitis & obdurati estis in infelicitatibus uestris. Contemnitis prophetas, & dei comminationes uobis pro fabulis sunt. En prope est, & adhuc uidebitis & sentietis magnalia dei in orbe terrarum, & collapsi in fata contremiscetis, quia ueniet super uos miseria quam nescitis: quo tunc fugietis? State cum incantatoribus uestris & cum multitudine maleficorum uestrorum, si forte quid prosint uobis, aut possitis fieri fortiores. Nonne accersitus Germanicus cacomagus saluabit uos, & mendaces faciet prophetas, ac prævalebit contra iram domini, & liberabit uos à malo? Non sic impii non sic. Nisi dominus ędificauerit & custodierit ciuitates & regnum, in uanum laborant & uigilant omnes custodes eius. Solius dei est, non dæmonum, non magorum, suspendere aut mutare prophetarū sententiā: si uos toto corde conuersi ad eius misericordiam, uestram mutaueritis malitiam atque perfidiam. Sic nanq; Nabuchodonosor Danielis consilio peccata eleemosynis redimens, & iniquitates in misericordiis pauperū, imminentem dei iram ad tempus effugit, donec in aula Babylonis uoce elationis suæ rursus illam in se reuocauit. Achab impiissimus cum sua Iesabele, cui mortem per Heliam dominus nunciauit, quia conuersus est ad deum, factus est iterum sermo domini ad Heliam: Quia reueritus est Achab faciem meā, non inducam malū in diebus eius. Niniuitę quia ex edicto regis & principū egerunt pœnitentiā ad prædicationē Ionæ, ab imminenti protinus excidio liberati sunt. Intimauit Esaias Ezechiæ sententiam, ut disponeret domui suę cito moriturus: Ille orauit & fleuit, & sanatus est, adauctis ei annis uitæ quindecim: Sic enim ad eum per eundem prophetam locutus est dominus: Vidi lachrymas tuas, & exaudiui orationem tuam: ecce ego adiiciam super dies tuos quindecim annos. Insuper & de manu regis Assyriorum eruam te, & ciuitatem istam, & protegam eam. Tantum potuit conuersio & oratio pii regis, ut qui pro se solo orauit, tamen non pro se solo impetrauit, sed etiam pro ciuitate & populo. Solus dominus est qui saluū fecit regem,

& qui ſapientiam dat filio regis. Ad hũc magiſtrum confugere oportet, qui quærunt ſalutem, non ad magos & ariolos. Induimini iuſtitiam, & timete dominum, uos qui quæritis felicia. Si regni firmitas quæritur, ſcriptum eſt: Iuſti hæreditabunt terram: In memoria æterna erit iuſtus, & in æternum nõ commouebitur. Si ſecuritas quæritur: Qui timent dominum, ab auditione mala non timebunt, ſed & omnes deſpicient inimicos. Si honor & opes quæruntur: Gloria & diuitiæ in domo eius. Si laus & fauor: Generatio rectorum benedicetur. Si potentia: Potens in terra erit ipſe & ſemen eius: Fortitudo eius exaltabitur in gloria. Si nuptiæ & coniugii proſperitas: Vxor eius ſicut uitis abundans in lateribus domus, & filii eius ſicut nouellæ oliuarum. Si corporis ſanitas & robur: Non dabit dominus ſanctos ſuos uidere corruptionem. In omnibus deniq; beatus eſt uir qui timet dominum, qui immaculatus in uia, qui non abiit in conſilio impiorum, qui miſeretur ſuper egenum & pauperem: nam in die mala liberabit eum dominus, & non tradet eũ in manus inimicorum eius: peccatores autẽ uidebunt & iraſcẽtur, dentibus fremẽt & tabeſcent, deſiderium eorum peribit. Hæc nũc admonuiſſe ſatis. Nolo enim curioſius hanc rem proſequi, ne forte malitia ſubiectæ materiæ calamum protrudat quo non expedit. Vale ex Lutetia Pariſiorum XIII. Februarii Anno. M. D. XXVIII. Romano calculo.

HENRICI COR. AGRIPPAE CENSVRA SIVE RETRACTATIO De magia ex ſua declamatione de Vanitate ſcientiarum & excellentia Verbi dei.

DE MAGIA IN GENERE.

EXigit etiam hic locus, ut de Magia dicamus, nam & ipſa cum aſtrologia ſic coniuncta atq; cognata eſt, ut qui magiam ſine aſtrologia profiteatur, is nihil agat, ſed tota aberret uia. Suidas magiam à Maguſeis, & nomen & originem traxiſſe putat. Cõmunis opinio eſt nomen eſſe Perſicum, cui aſtipulãtur Porphyrius & Apuleius, & ſignificare eorum lingua idem quod ſacerdotem, ſapientem ſiue philoſophum. Magia itaq; omnem philoſophiam, Phyſicam, & mathematicã complexa, etiam uires religionum illis adiungit. Hinc & Goetiam & theurgiam in ſe quoq; continet. Qua de cauſa magiam pleriq; bifariam diuidunt, in naturalem uidelicet & ceremonialem.

DE MAGIA NATVRALI.

NAturalem magiam, non aliud putant, q̃ naturalium ſcientiarum ſummam poteſtatem, quam idcirco ſummum philoſophiæ naturalis apicem, eiusq; abſolutiſſimam conſummationẽ uocant, & quæ ſit actiua portio philoſophiæ naturalis, quæ naturalium

uirtutū adminiculo,ex mutua earū & opportuna applicatione opera edit,ſupra omnē admirationis captū:qua magia Aethiopes maxime & Indi utebā-tur,ubi herbas,& lapidū,cæterorumq; ad id ſpectantiū facultas ſuppetebat. Eius meminiſſe uolunt Hieronymū ad Paulinū, ubi ait Apolloniū Tyaneū fuiſſe magū,ſeu philoſophū,ut Pythagorici. Eius etiā generis fuiſſe magos, qui Chriſtū natū muneribus inuiſentes adorauerūt, quos euangelios interpretes exponunt Chaldæorum philoſophos: quales fuere Hiarchas apud Bragmanas, Teſpion apud Gymnoſophiſtas, Budda apud Babylonios, Numa Pompilius apud Romanos, Zamolxides apud Thracas, Abbaris apud Hyperboreos, Hermes apud Aegyptios, Zoroaſtes Oromaſi filiꝰ apud Perſas, Nā Indi, & Aethiopes, & Chaldæi, & Perſæ hac maxime præcelluere magia: qua idcirco (ut narrat Plato in Alcibiade) imbuuntur Perſarū regū filii, ut ad mundanæ reipublicæ imaginē ſuā & ipſi rempublicā adminiſtrare, diſtribuereq; condiſcāt: & Cicero in Diuinationū libris ait, neminē apud Perſas regno potiri, qui prius magiā non didicerit. Magia itaq; naturalis ea eſt, quæ rerū omniū naturaliū atq; cœleſtiū uires contēplata, earundemq; ſympathiā curioſa indagine ſcrutata, reconditas ac latētes in natura poteſtates ita in apertū producit: inferiora ſuperiorū doribus, tanq; quaſdam illecebras, ſic copulans, p eorū mutuā applicationē ad inuicē, ut exinde ſtupenda ſæpe cōſurgant miracula, nō tā arte q; natura, cui ſe ars iſta miniſtrā exhibet hęc operāti. Nā magi, ut naturæ accuratiſſimi exploratores, cōducentes ea, quę à natura præparata ſunt, applicando actiua paſſiuis, ſæpiſſime ante tēpus à natura ordinatū effectus producunt, quæ uulgus putat miracula, cū tamen naturalia opera ſint, interueniente ſola tēporis præuentione: ut ſi quis in mē ſe Martio roſas producat, & maturas uuas, aut ſatas fabas, uel petroſelinū intra paucas horas excreſcere faciat in perfectā plantā, & iis maiora, ut nubes, pluuias, tonitrua, & diuerſorū generū animalia, & rerū trāſmutationes q; plurimas, cuiuſmodi multas feciſſe ſe iactat Rogerius Bachon pura & naturali magia. Scripſerunt de illius operibus Zoroaſtes, Hermes, Euanthes rex Arabum, Zacharias Babylonius, Ioſeph Hebræus, Bocus, Aaron, Zenotenus, Kirānides, Almadal, Therel, Alchindus, Abel, Ptolemæus, Geber, Zahel, Nazarabub, Tebith, Berith, Salomon, Aſtaphon, Hipparchus, Alcmeon, Apollonius, Triphon, & pleriq; alii, quorū aliqua opera adhuc integra, & pleraq; fragmēta adhuc extāt, & ad manus meas aliquā do puenerunt. Ex recētioribus uero ſcripſerūt in naturali magia pauci, & illi quidē pauca, ut Albertus, Arnoldus de uilla noua, Raimūdus Lullius, Bachon, & Apponus, & autor libri ad Alfonſum, ſub Picatricis nomine editus, qui tamen unà cū naturali magia plurimum ſuperſtitionis admiſcet, quod quidem fecerunt & alii.

DE MAGIA MATHEMATICA.

SVnt præterea alii naturæ ſagaciſſimi æmulatores, inquiſitoresq; audaciſſimi, qui abſq; naturalibus uirtutibus, ex ſolis mathematicis diſcipli-

G

nis,adſcitis cœlorũ influxibus, ſeſe naturæ operum ſimilia producere poſſe pollicentur, ut corpora euntia uel loquẽtia, quæ tamẽ nõ habeant uirtutes animales: qualis fuit colũba Architæ lignea, quæ uolabat, & ſtatuæ Mercurii, quæ loquebãtur: & caput æneũ ab Alberto Magno fabricatũ, quod locutũ phibẽt. Excelluit in iſtis Boëthius, uir maximi ingenii, & multiplicis eruditionis: ad quẽ de iſtiuſmodi ſcribens Caſſiodorus: Tibi (inqt) ardua cognoſcere, & miracula monſtrare propoſitum eſt: tuæ artis ingenio metalla mugiũt, Diomedes in ære grauius buccinatur, æneus anguis inſibilat, aues ſimulatæ ſunt, & q̃ uocẽ propriã neſciũt habere, dulcedinẽ cantilenæ probantur emittere, parua de illo referimus, cui cœlũ imitari phas eſt. De iſtis puto artificiis dictũ eſt, quod apud Platonẽ legimus in undecimo de Legibus: Ars data eſt mortalibus, qua res poſteriores quaſdã generarẽt, nõ quidem ueritatis & diuinitatis participes, ſed ſimulacra quædã ſibiipſis cognata deducerẽt: atque eouſq; progreſſi ſunt magi homines audaciſſimi omnia perpetrare, fauente maxime antiquo illo & ualido ſerpẽte ſcientiarũ pollicitatore, ut ſimiles illi tanquam ſimiæ, deum & naturam æmulari conarentur.

DE MAGIA VENEFICA.

Est præterea naturalis magiæ ſpecies, quã ueneficam, ſiue pharmaciã uocãt, quę poculis, phyltris, uariiſq; ueneficiorũ medicamentis perficitur: cuiuſmodi Democritus confeciſſe legitur, quo boni, felices, fortunatiq; filii gignantur: & aliud, quo auiũ uoces rite intelligamus, ſicut de Apollonio narrant Philoſtratus atq; Porphyrius. Vergilius etiam de quibuſdam herbis Ponticis locutus dixit:

His ego ſæpe lupum fieri, & ſe condere ſyluis
Mœrim, ſæpe animas imis exire ſepulchris,
Atq; ſatas aliò uidi traducere meſſes.

Et Plinius narrat, quendam Demarchũ Parrhaſiũ in ſacrificio, quod Arcades Ioui Lyceo humana hoſtia faciebant, immolati pueri exta deguſtaſſe, & in lupũ ſe cõuertiſſe: propter quã hoĩm in lupos immutationẽ, putat Auguſtinus Pani Lyceo, & Ioui Lyceo nomẽ eſſe impoſitũ. Narrat idẽ Auguſtinus, dum eſſet in Italia, quaſdã fœminas magas, Circes inſtar, dato uiatoribus ueneficio in caſeo, eos in iumẽta uertiſſe: cumq; portaſſent quæ placuiſſent onera, rurſus in homines reſtituiſſe, idq; patri cuidam Præſtantio tunc accidiſſe. Sed & ne quis hæc putet omnino deliramenta eſſe & impoſſibilia, is recordetur quomodo ſacræ literæ narrant, Nabuchodonoſor regẽ mutatum in bouem, & ſeptem annis fœno uixiſſe, tandem dei miſericordia in hominem rediiſſe: cuius corpus poſt mortem illius filius Euilmerodat in eſcã dedit uulturibus, ne quãdo reſurgeret à mortuis, q iã de beſtia redierat in hominẽ, & eiuſmodi plura de magis Pharaonis narrat Exodus. Verũ de iis ſiue magis ſiue ueneficis loqtur Sapiẽs, dũ dicit: Exhorruiſti illos deus, qa horribilia opa tibi faciebãt p medicamina. Illud præterea uos ſcire uolo, nõ ſolũ

naturalia ſcrutari hos magos,uerumetiã ea quæ naturã comitantur, ac quo dammodo exuunt,ut motus,numeros,figuras,ſonos,uoces,concẽtus,lumina,& animi affectus atq; uerba. Sic Pſylli & Marſi conuocabant ſerpentes, alii aliis deprimentes fugabant:ſic Orpheus Argonautarũ tempeſtatem hymno cõpeſcuit:& Homerus narrat Vlyſſi ſanguinẽ uerbis reſtrictũ:& in lege duodecim tabularum iis,qui meſſes excantaſſent,pœna conſtituta eſt:ut non dubium ſit,magos etiam ſolis uerbis & affectibus,aliisq; ſimilibus,non in ſeipſos modo,ſed etiam in res extraneas ſæpe mirum aliquẽ producere effectũ:quæ omnia nõ ſecus uim inſitã in res alias profundere,illasq; ad ſe trahere,uel abs ſe repellere,ſeu alio quouis modo afficere putant,q̃ magnes ferrum,& ſuccinum paleas trahũt:ſiue adamas,& allium magnetem ligant:ſicq; per hãc rerum gradariam ac concatenatam ſibi ſympathiam, non ſolum dona naturalia & cœleſtia,ſed etiã intellectualia & diuina Iamblichus, Proclus,atq; Syneſius,ex magorum ſententia,deſuper ſuſcipi poſſe confirmant, quod Proclus in libro de Sacrificio & magia fatetur,ſcilicet per huiuſmodi rerum conſenſum,magos etiã numina euocare ſolitos. Ad tantã enim quidam eorum deuoluti ſunt inſaniam,ut ex diuerſis ſtellarum conſtellationibus,per temporum interualla,& quadam proportionũ ratione rite obſeruatis,conſtructã imaginem cœlitum nutu uitæ intellectusq; ſpiritũ accepturam putent,quo conſulentibus illam,reſpõdeat,& occulte ueritatis arcana reueleꝛ.Hinc patet hanc naturalẽ magiã nonnunq̃ in goëtiã & theurgiã recidi natã,ſæpiſſime malorum dæmonũ uaframentis,erroribusq; obretiri.

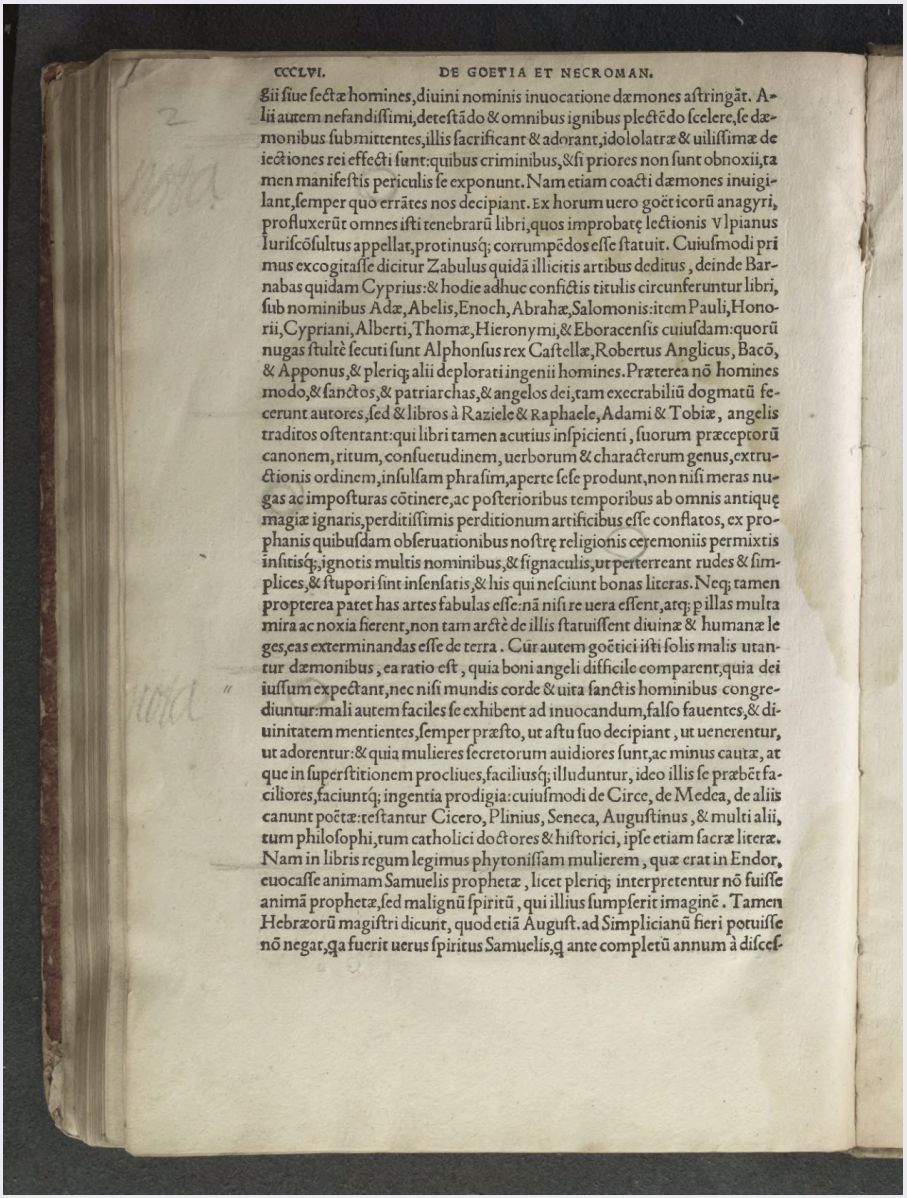
DE GOETIA ET NECROMANTIA.

Eremonialis autẽ magię partes ſunt goëtia atq; theurgia. Goëtia,immundorum ſpirituum cõmerciis inauſpicata,nefariæ curioſitatis ritibus,illicitis carminibus,& deprecamẽtis concinnata,omniũ legum placitis eſt exterminata & execrata. Huius generis ſunt,quos necromanticos,& maleficos hodie nuncupamus.

Gens inuiſa deis,maculandi callida cœli,
Quas genuit natura mali,qui ſidera mundi,
Iuraq; fixarum poſſunt peruertere rerum.
Nam nunc ſtare polos,& flumina mittere norunt,
Aethera ſub terras adigunt,montesq; reuellunt.

Hi ſunt ergo,qui defunctorũ inclamant animas,& illi quos ueteres dicebãt epodos,qui excantant pueros,& in eloquium oraculi eliciunt,& qui dæmones paredros circunferunt, quale quiddam de Socrate legimus: & qui, ut dicitur,ſpiritus paſcunt in uitro,per quos ſe prophetare mentiuntur. Et hi oẽs bifariam procedunt. Nam alii dæmones malos uirtute quadam maxime diuinorum nominum adiuratos,aduocare & cogere ſtudẽt: quippe cũ omnis creatura timeꝛ & reueretur nomẽ illius,qui fecit eam, non mirum ſi goëtici, & quiq; etiam infideles,pagani,Iudæi,Saraceni,& cuiuſcunq; prophani colle

CCCLVI. DE GOETIA ET NECROMAN.

gii siue sectæ homines, diuini nominis inuocatione dæmones astringãt. Alii autem nefandissimi, detestãdo & omnibus ignibus plectẽdo scelere, se dæmonibus submittentes, illis sacrificant & adorant, idololatræ & uilissimæ dejectiones rei effecti sunt: quibus criminibus, & si priores non sunt obnoxii, tamen manifestis periculis se exponunt. Nam etiam coacti dæmones inuigilant, semper quo errãtes nos decipiant. Ex horum uero goëticorũ anagyri, profluxerũt omnes isti tenebrarũ libri, quos improbatę lectionis Vlpianus Iurisconsultus appellat, protinusq; corrumpẽdos esse statuit. Cuiusmodi primus excogitasse dicitur Zabulus quidã illicitis artibus deditus, deinde Barnabas quidam Cyprius: & hodie adhuc confictis titulis circunferuntur libri, sub nominibus Adæ, Abelis, Enoch, Abrahæ, Salomonis: item Pauli, Honorii, Cypriani, Alberti, Thomæ, Hieronymi, & Eboracensis cuiusdam: quorũ nugas stultè secuti sunt Alphonsus rex Castellæ, Robertus Anglicus, Bacõ, & Apponus, & plerique alii deplorati ingenii homines. Præterea nõ homines modo, & sanctos, & patriarchas, & angelos dei, tam execrabiliũ dogmatũ fecerunt autores, sed & libros à Raziele & Raphaele, Adami & Tobiæ, angelis traditos ostentant: qui libri tamen acutius inspicienti, suorum præceptorũ canonem, ritum, consuetudinem, uerborum & characterum genus, extructionis ordinem, insulsam phrasim, aperte sese produnt, non nisi meras nugas ac impostoras cõtinere, ac posterioribus temporibus ab omnis antiquę magiæ ignaris, perditissimis perditionum artificibus esse conflatos, ex prophanis quibusdam obseruationibus nostrę religionis ceremoniis permixtis insitisq; ignotis multis nominibus, & signaculis, ut perterreant rudes & simplices, & stupori sint insensatis, & his qui nesciunt bonas literas. Neq; tamen propterea paret has artes fabulas esse: nã nisi re uera essent, atq; pillas multa mira ac noxia fierent, non tam arctè de illis statuissent diuinæ & humanæ leges, eas exterminandas esse de terra. Cũr autem goëtici isti solis malis utantur dæmonibus, ea ratio est, quia boni angeli difficile comparent, quia dei iussum expectant, nec nisi mundis corde & uita sanctis hominibus congrediuntur: mali autem faciles se exhibent ad inuocandum, falso fauentes, & diuinitatem mentientes, semper præsto, ut astu suo decipiant, ut uenerentur, ut adorentur: & quia mulieres secretorum auidiores sunt, ac minus cautæ, atque in superstitionem procliues, faciliusq; illuduntur, ideo illis se præbẽt faciliores, faciuntq; ingentia prodigia: cuiusmodi de Circe, de Medea, de aliis canunt poëtæ: testantur Cicero, Plinius, Seneca, Augustinus, & multi alii, tum philosophi, tum catholici doctores & historici, ipse etiam sacræ literæ. Nam in libris regum legimus phytonissam mulierem, quæ erat in Endor, euocasse animam Samuelis prophetæ, licet plerique interpretentur nõ fuisse animã prophetæ, sed malignũ spiritũ, qui illius sumpserit imaginẽ. Tamen Hebræorũ magistri dicunt, quod etiã Augustinus ad Simplicianũ fieri potuisse nõ negat, qa fuerit uerus spiritus Samuelis, q ante completũ annum à discess-

ſu ex corpore facile euocari potuit, prout docẽt Goetici. Quin etiam magi, necromatici, illud naturalibus quibuſdam uiribus ac uinculis fieri poſſe autumãt, ſicut nos in libris noſtris de Occulta philoſophia tractamus. Ideoq; antiqui patres, rerum ſpiritualium periti, non ſine cauſa ordinauerũt, ut corpora mortuorum ſepelirentur in loco ſacro, & luminibus ſocientur, aqua benedicta aſpergantur, thure & incenſo ſuffumigẽtur, & expiẽtur orationibus, quouſq; ſuper terram extiterint. Nam ut aiũt magiſtri Hebræorum, omne corpus noſtrũ, & carnale animal, & quicquid in nobis ſuper materia carnis male diſpoſita innititur, relinquitur in cibum ſerpenti, & ut ipſi uocant Azazeli, qui eſt dominus carnis & ſanguinis, & princeps huius mundi, & uocatur in Leuitico princeps deſertorum, cui dictum eſt in Geneſi: Terram comedes omnib⁹ diebus uitę tuę. Et in Iſaia: Puluis panis tuus, hoc eſt, corpus noſtrum creatum ex puluere terræ, q̃diu non fuerit ſanctificatum, & tranſmutatum in melius, ut non amplius ſerpentis, ſed dei ſit effectum, uidelicet ex carnali ſpirituale, iuxta uerbum Pauli dicẽtis: Seminatur quod animale eſt, & reſurget quod ſpirituale eſt. Et alibi: Omnes quidem reſurgent, ſed non omnes immutabuntur, quia multi remanſuri ſunt in perpetuum cibum ſerpentis. Hanc itaq; turpem & horridam carnis materiam, ac ſerpentis cibum morte deponimus, illam aliquando in meliorem ſortem, & ſpiritualem trãſmutatam reaſſumpturi, quod erit in reſurrectione mortuorum. Et iam factum eſt in his, qui primitias reſurrectionis deguſtarũt, & multi hoc ipſum uirtute deifici ſpiritus in hac uita conſecuti ſunt, Enoch, & Helias, & Moſes, quorum corpora tranſmutata in naturam ſpiritualem, non uiderunt corruptionem: nec ſicut cætera cadauera poteſtati ſerpentis relicta ſunt. Atq; hęc eſt illa diſceptatio diaboli cũ Michaele de corpore Moyſi, cuius meminit in epiſtola ſua Iudas, ſed de Goetia & Necromãtia hæc ſatis.

DE THEVRGIA.

THeurgiam uero pleriq; putant haud illicitam, quaſi hæc bonis angelis, diuinoq; numine regatur, cum ſepiſſime tamen ſub dei & angelorum nominibus malis dæmonum fallaciis obſtringatur: non ſolum ſiquidem naturalibus uiribus, ſed etiam certis ritibus & ceremoniis cœleſtes, & per illas diuinas uirtutes nobis conciliamus & attrahimus: de quibus multis regulis antiqui magi editis uoluminibus pertractant. Omnium autem ceremoniarum pars maxima, in munditia ſeruãda conſiſtit, primum quidem animi, deinde etiam corporis, & eorum quę circa corpus ſunt, ut in cute, in ueſtibus, in habitaculis, in uaſis, in utenſilibus, oblationibus, hoſtiis, ſacrificiis, quorum munditia ad diuinorum conſuetudinem & contuitum diſponit, & in ſacris ſummopere efflagitatur, iuxta uerba Iſaiæ: Lauamini & mundi eſtote, & auferte malum cogitationum ueſtrarum. Immunditia uero, quia aërem frequenter & hominem inficit, mundiſſimum illum cœleſtium & diuinorum influxum diſturbat, & mũdos dei ſpi-

ritus fugat. Verum nonnunq̃ immũdi ſpiritus,& deceptrices poteſtates, ut uenerentur & adorẽtur pro diis,etiam hanc munditiã exquirũt:ideo hic maxima opus eſt cautela, de quib⁹ late in libris noſtris de Occulta philoſophia diſſeruimus. Verum de hac theurgia, ſiue diuinorũ magia plura diſputans Porphyrius,tandẽ concludit theurgicis cõſecrationibus poſſe quidẽ animã hominis idoneã reddi,ad ſuſceptionẽ ſpirituũ & angelorũ, ad uidẽdos deos: reditũ uero ad deũ hac arte præſtari poſſe inficiat omnino. Eius itaq; ſcholæ ſunt,ars almadel,ars notoria,ars Paulina,ars reuelationũ, & eiuſmodi ſupſtitionũ plura,quæ eo ipſo ſunt pniciofiora,quo apparẽt imperitis diuiniora.

DE CABALA.

VErum occurrunt hic mihi uerba Plinii,q,eſt & alia inquit magices factio,à Moſe etiamnũ & Latopea Iudæis pẽdens: quæ uerba me de cabala Iudæorũ cõmonefaciunt, quã in monte Sina à deo ipſo Moſi datam penes Hebræos conſtãs opinio eſt,ac deinceps per ſucceſſionũ gradus citra literarũ monumenta,uſq; in Ezræ tẽpora poſterioribus ſola uiua uoce tradita:quẽadmodum Pythagorica dogmata olim ab Archippo & Lyſiade,qui in Græcia Thebis ſcholas habuere tradebantur,in quibus diſcipuli memoriter doctorũ præcepta tenẽtes, ingenio & memoria pro libris utebãtur:ſic & Iudæi quidam literas aſpernati, in memoria & obſeruatione,ac uocali traditione hanc collocarũt:unde cabala ab Hebræis,quaſi ſolo auditu unius ab altero receptio,nuncupata eſt. Ars (ut fertur)peruetuſta,nomen autem nõ niſi recẽtibus tempõribus apud Chriſtianos cognitũ. Eius uero duplicem tradunt ſcientiam, unã de Breſith, quã & coſmologiam uocant, uidelicet rerum creatarũ naturaliũ & cœleſtium uires explicantem,& legis bibliæq; arcana philoſophicis rationibus exponentẽ:quæ profecto hac ratione nihil differt à magia naturali,in qua Salomonẽ regẽ præſtitiſſe credimus. Legitur nãq; in ſacris Hebræorũ hiſtoriis, illũ diſputare ſolitũ à cedro Libani,uſq; ad hyſſopum:itẽ de iumentis,uolucribus, reptilibus,& piſcibus,quæ omnia magicas quaſdam naturæ uires prę ſe ferre poſſunt. Ipſe quoq; inter poſteriores Moyſes Aegyptius, in expoſitionibus ſuis ſuper Pẽtateuchũ,& plures thalmudiſtæ hanc inſecuti ſunt. Alterã uero eius ſcientiã uocant de Mercaua,quæ eſt de ſublimioribus diuinarũ, angelicarũq; uirtutũ,ac ſacrorũ nominũ,& ſignaculorum contẽplationibus,quædam quaſi ſymbolica theologia,in qua literæ,numeri,figuræ,res & nomina, & elementorũ apices,ac lineæ,puncta & accentus, omnia ſunt profundiſſimarũ rerum,& magnorũ arcanorũ ſignificatiua. Hanc rurſus bifariã ſecãt, in Arithmantiã,uidelicet quæ notariacon uocatur, de angelicis uirtutibus, nominibus,ſignaculisq;,etiã dæmonũ ac animarũ cõditionibus tractans:atque in theomantiã,quę diuinę maieſtatis myſteria,emanationes,ſacraq; nomina,& pentacula ſcrutatur:quã qui norit,hunc aiunt admirãdis pollere uirtutibus,ita quod dũ uelit futura omnia præſciat,toti naturæ imperet,in dæ-

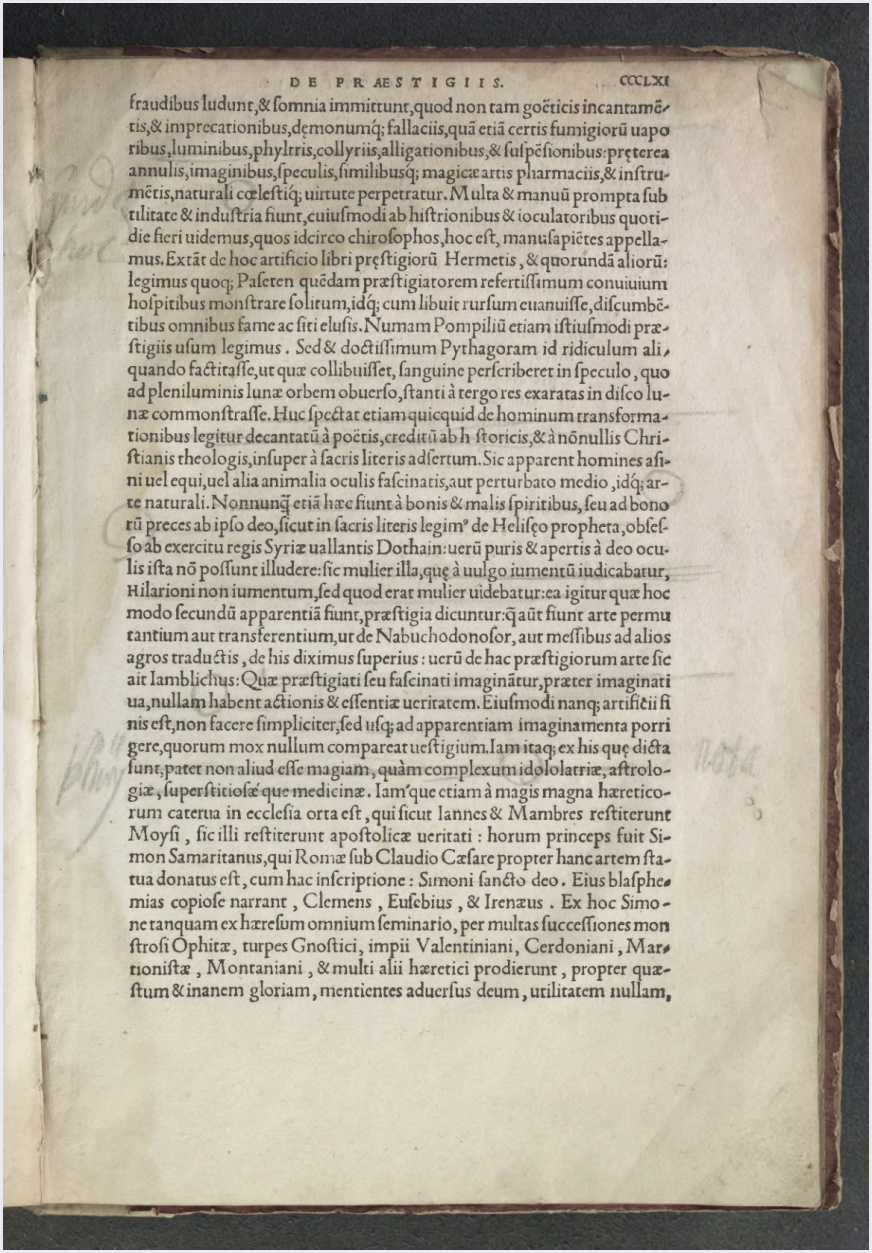
Cabala duplex.

mones & angelos ius habeat,& miracula faciat. Hac putant Moysen tot signa edidisse:uirgã in colubrũ,aquas in sanguinẽ uertisse:ranas,muscas, pediculos,locustas,bruchos,ignẽ cum grãdine,uesicas & tabes Aegyptiis immisisse:primogenitũ omne ab homine usq; ad pecus interemisse: suosq; deducentẽ,mare aperuisse,fontẽ de petra,coturnices de cœlo produxisse:aquas amaras dulcorasse:fulgura & nubes p diẽ,columnã ignis per noctẽ, suis p̃misisse:uocẽ dei uiuẽtis ad populũ,è cœlis deuocasse:arrogãtes igne,murmurãtes lepra,pcussisse:male merẽtes subita strage,alios terræ hiatu absorptos affecisse:populũ cœlesti cibo pauisse:serpẽtes placasse:uenenatos curasse: numerosam turbã ab infirmitate,uestes eorũ à corrosione cõseruasse:& hostiũ uictricẽ reddidisse. Hac deniq; miraculorũ arte & Iosue stare solẽ præcepisse, Eliã ignẽ in aduersarios è cœlo deuocasse,puerũ mortuũ uita restituisse,Danielẽ leonũ ora perstrinxisse,tres pueros in camino æstuãtis incẽdii carmina lusisse. Porrò hac arte astruũt pfidi Iudęi etiã Christũ tã admirãda sępe fecisse, Salomonẽ quoq; hãc percalluisse,atq; ex ea artẽ cõtra dæmones, eorundẽq; uincula,& cõiurationũ modos,ac cõtra morbos excãtamẽta tradidisse, ut autor est Iosephus. Verũ ego deũ Moysi, cæterisq; prophetis multa,quæ cõtinerẽtur sub cortice uerborũ legis,prophano uulgo nõ cõicãda mysteria retexuisse,ut nõ dubito,sic hãc quã iactant Hebræi cabalæ artẽ,quã ego mùlto labore aliquãdo scrutatus sum,nõ nisi merã superstitiõis rapsodiã,ac theurgicã quandã magiam agnosco: quod si(quod Iudæi iactãt)à deo profecta ad uitæ perfectionẽ,ad hominũ salutẽ,ad dei cultum,ad intelligẽtiæ ueritatẽ cõduceret, profecto spiritus ille ueritatis,qui repudiata synagoga uenit nos docere omnẽ ueritatẽ,hanc usq; in hæc postrema tẽpora,suã non celasset ecclesiã:quæ profecto omnia nouit quæ sunt dei,cuius benedictio, baptismus, cæteraq; salutis sacramẽta reuelata,& perfecta sunt in omni lingua. Vniuscuiusq; enim linguæ par est & eadẽ uirtus, modo par sit & eadẽ pietas: nec est aliud nomẽ in cœlis,nec in terra,in quo oporteat nos saluos fieri, & in quo operemur uirtutẽ, prẽter unũ nomẽ Iesu,in quo recapitulant,& cõtinent oĩa. Hinc Iudęi in diuinis nominibus pertissimi, pax aut nihil post Christũ operari possunt,sicut prisci illoꝝ patres. Quod autẽ experimur,& uidemus huius artis(ut uocãt)reuolutiõibus,sæpe miras magnorũ mysteriorũ à sacris literis extorqueri sentẽtias,totũ hoc nihil aliud est,q̃ lusus quidã allegoriarũ, q̃s otiosi hoĩes,in singulis literis & pũctis & numeris occupati,quod hęc lingua & scribẽdi ritus facile patiũtur, pro eorũ arbitrio fingũt,atq; refingũt:quę & si nõnunq̃ magna sonent mysteria,nihil tamẽ probare,nec euincere queũt, quin iuxta uerba Gregorii eadẽ facilitate cõtemnere liceat, qua asseruntur. Consinxit simili artificio pleraq; Rabanus monachus,sed latinis characteribus & uersibus,insertis uariis imaginibus,qui quaq; uersus lecti, per quælibet superficiei ac imaginum lineamenta sacrũ aliquod enuntiant mysteriũ,depictæ illic historiæ repręsentatiuũ: quæ etiam ex prophanis literis extorque-

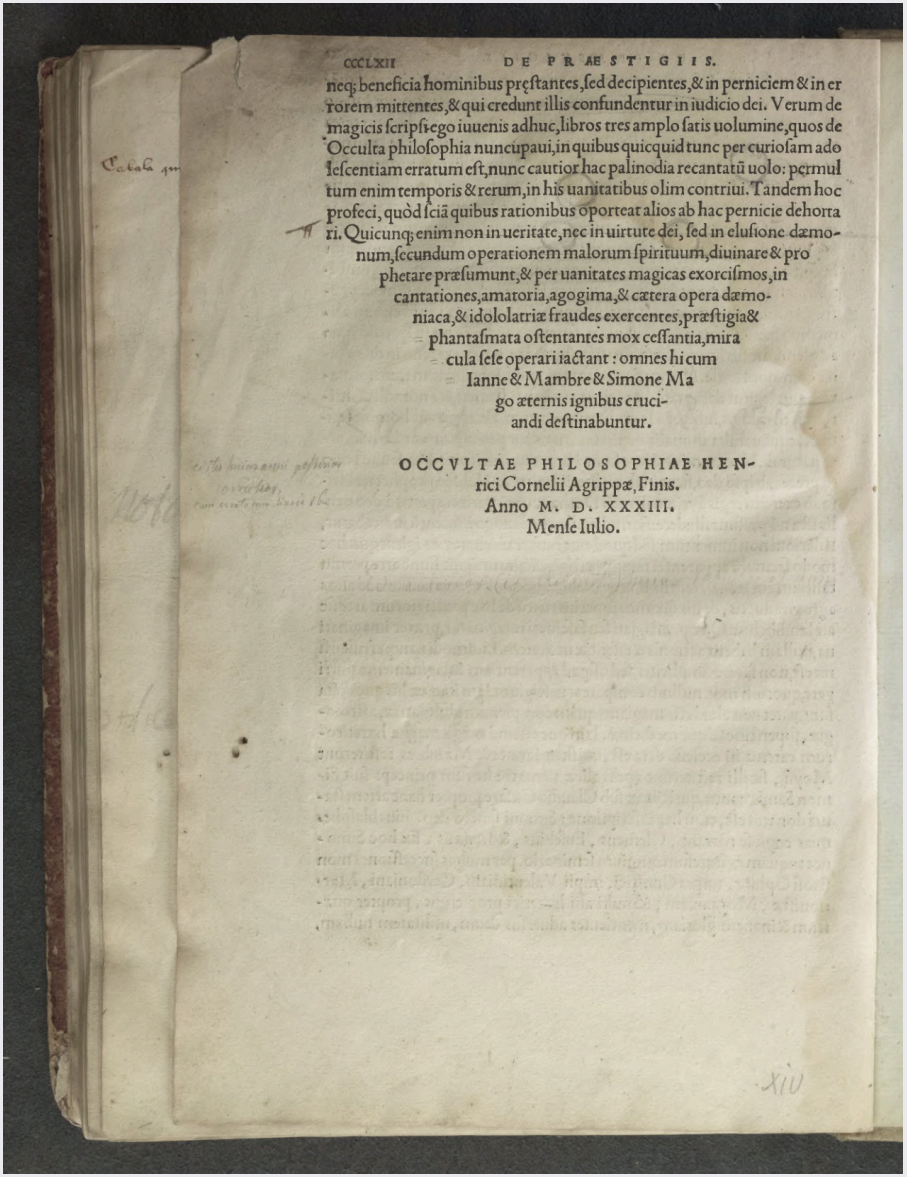
ri posse nemo ignorat, qui Valeriæ Probæ ex Vergilii carminibus compositas de Christo centones legerit, quæ omnia & eiusmodi sunt speculationes otiosorum hominum. Quod autem ad miraculorum operationem attinet, neminem uestrũ puto tam stolidæ ceruicis, qui de iis credat aliquã haberi artem uel scientiam. Est itaq; nihil aliud hæc Iudæorum cabala, q̃ pernicioſissima quædam superstitio, qua uerba, & nomina, & literas, sparsim in scriptura positas pro arbitrio suo colligunt, diuidunt, transferunt: & alterum ex altero facientes, soluunt membra ueritatis, sermones, inductiones & parabolas hinc inde ex propriis fictionibus cõstruentes: aptare illis uolũt eloquia dei, infamantes scripturas, & dicentes sua figmenta ex illis constare: calumniantur legem dei, & per impudenter extortas supputationes dictionum, syllabarum, literarum, numerorum tentant uiolêras & blasphemas perfidiæ suæ inferre probatiões. Præterea iis nugis inflati, ineffabilia dei mysteria, & quæ sunt supra scripturam arcana, sese inuenire & scire iactant, per quæ etiam prophetare, & uirtutes & miracula sese perficere, sine rubore, magnaq; audacia mentiri non erubescunt. Sed accidit illis, quod cani Aesopico, qui pane relicto, & in umbram eius inhians, perdidit escam: sic perfidum hoc & duræ ceruicis hominum genus, semper in umbris scripturæ occupatum, & circa illas uanitates sua artificiosa, sed superstitiosa cabala impetum faciẽs, amittit panem uitæ æternæ, & inanibus nominibus depastum perdit uerbum ueritatis. Ex hoc cabalisticæ superstitionis Iudaico fermento prodierunt puto Ophitæ, Gnostici, & Valentiniani hæretici, qui ipsi quoq; cum discipulis suis Græcam quandam cabalam cõmentati sunt, omnia Christianæ fidei mysteria peruertentes, & hæretica prauitate ad Græcas literas & numeros protrahentes, ex illis constituentes corpus, quod uocant ueritatis, docentes, absque illis literarum & numerorum mysteriis non posse in euangelicis literis inueniri ueritatem, quia uariæ sunt, & alicubi sibi repugnantes, plenæq; parabolis scriptæ, ut uidentes nõ uideant, & audientes non audiant, & intelligẽtes non intelligant, sed cæcis & errantibus iuxta suæ cæcitatis & erroris capacitatem propositas: latentem uero sub illis synceram ueritatem solis perfectis, non per scripta, sed per uiuæ uocis successiuam pronuntiationem esse creditam, atq; hanc esse illam alphabetariam & arithmanticam theologiam, quã Christus secreto manifestauit apostolis, & quam Paulus se loqui dicit non nisi inter perfectos. Cum enim hæc altissima sint mysteria, ideo nec scripta esse, nec scribi, sed in silentio seruari apud sapientes, in absconditо secum illa custodientes. Sapiens autem apud eos nemo, nisi qui maxima hæreseos mõstra fabricare nouit.

DE PRAESTIGIIS.

Sed redeamus ad magiam, cuius particula etiam est præstigiorum artificium, hoc est illusionum, quæ secundum apparentiam tantum fiunt, quibus magi phantasmata edunt, multaq; miracula circulatoriis

fraudibus ludunt,& ſomnia immittunt,quod non tam goëticis incantamẽ-
tis,& imprecationibus,dęmonumq; fallaciis,quã etiã certis fumigiorũ uapo
ribus,luminibus,phylrris,collyriis,alligationibus,& ſuſpẽſionibus:prętera
annulis,imaginibus,ſpeculis,ſimilibusq; magicæ artis pharmaciis,& inſtru-
mẽtis,naturali cœleſtiq; uirtute perpetratur. Multa & manuũ prompta ſub
tilitate & induſtria fiunt,cuiuſmodi ab hiſtrionibus & ioculatoribus quoti-
die fieri uidemus,quos idcirco chiroſophos,hoc eſt, manuſapiẽtes appella-
mus. Extãt de hoc artificio libri prętigiorũ Hermetis, & quorundã aliorũ:
legimus quoq; Paſeten quẽdam præſtigiatorem refertiſſimum conuiuium
hoſpitibus monſtrare ſolitum,idq; cum libuit rurſum euanuiſſe,diſcumbẽ-
tibus omnibus fame ac ſiti eluſis. Numam Pompiliũ etiam iſtiuſmodi præ-
ſtigiis uſum legimus. Sed & doctiſſimum Pythagoram id ridiculum ali,
quando factitaſſe,ut quæ collibuiſſet, ſanguine perſcriberet in ſpeculo, quo
ad pleniluminis lunæ orbem obuerſo,ſtanti à tergo res exaratas in diſco lu-
næ commonſtraſſe. Huc ſpectat etiam quicquid de hominum transforma-
tionibus legitur decantatũ à poëtis,creditũ ab hſtoricis,& à nõnullis Chri-
ſtianis theologis,inſuper à ſacris literis aſſertum. Sic apparent homines aſi-
ni uel equi,uel alia animalia oculis faſcinatis,aut perturbato medio,idq; ar-
te naturali. Nonnunq; etiã hæc fiunt à bonis & malis ſpiritibus, ſeu ad bono
rũ preces ab ipſo deo,ſicut in ſacris literis legim⁹ de Heliſęo propheta,obſeſ-
ſo ab exercitu regis Syriæ uallantis Dothain: uerũ puris & apertis à deo ocu-
lis iſta nõ poſſunt illudere: ſic mulier illa,quę à uulgo iumentũ iudicabatur,
Hilarioni non iumentum,ſed quod erat mulier uidebatur: ea igitur quæ hoc
modo ſecundũ apparentiã fiunt,præſtigia dicuntur: q̃ aũt fiunt arte permu
tantium aut transferentium,ut de Nabuchodonoſor, aut meſſibus ad alios
agros traductis, de his diximus ſuperius: uerũ de hac præſtigiorum arte ſic
ait Iamblichus: Quæ præſtigiati ſeu faſcinati imaginãtur,præter imaginati
ua,nullam habent actionis & eſſentiæ ueritatem. Eiuſmodi nanq; artificii ſi
nis eſt,non facere ſimpliciter,ſed uſq; ad apparentiam imaginamenta porri
gere,quorum mox nullum compareat ueſtigium. Iam itaq; ex his quę dicta
ſunt,patet non aliud eſſe magiam, quàm complexum idololatriæ, aſtrolo-
giæ, ſuperſtitioſæ que medicinæ. Iam'que etiam à magis magna hæretico-
rum caterua in eccleſia orta eſt, qui ſicut Iannes & Mambres reſtiterunt
Moyſi, ſic illi reſtiterunt apoſtolicæ ueritati: horum princeps fuit Si-
mon Samaritanus,qui Romæ ſub Claudio Cæſare propter hanc artem ſta-
tua donatus eſt, cum hac inſcriptione: Simoni ſancto deo. Eius blaſphe-
mias copioſe narrant, Clemens, Euſebius, & Irenæus. Ex hoc Simo-
ne tanquam ex hæreſum omnium ſeminario, per multas ſucceſſiones mon
ſtroſi Ophitæ, turpes Gnoſtici, impii Valentiniani, Cerdoniani, Mar-
tioniſtæ, Montaniani, & multi alii hæretici prodierunt, propter quæ-
ſtum & inanem gloriam, mentientes aduerſus deum, utilitatem nullam,

CCCLXII DE PRAESTIGIIS.

neq; beneficia hominibus prestantes, sed decipientes, & in perniciem & in errorem mittentes, & qui credunt illis confundentur in iudicio dei. Verum de magicis scripsi ego iuuenis adhuc, libros tres amplo satis uolumine, quos de Occulta philosophia nuncupaui, in quibus quicquid tunc per curiosam adolescentiam erratum est, nunc cautior hac palinodia recantatū uolo: permultum enim temporis & rerum, in his uanitatibus olim contriui. Tandem hoc profeci, quòd scia quibus rationibus oporteat alios ab hac pernicie dehortari. Quicunq; enim non in ueritate, nec in uirtute dei, sed in elusione dæmonum, secundum operationem malorum spirituum, diuinare & prophetare præsumunt, & per uanitates magicas exorcismos, incantationes, amatoria, agogima, & cætera opera dæmoniaca, & idololatriæ fraudes exercentes, præstigia & phantasmata ostentantes mox cessantia, miracula sese operari iactant: omnes hi cum Ianne & Mambre & Simone Mago æternis ignibus cruciandi destinabuntur.

OCCVLTAE PHILOSOPHIAE HENrici Cornelii Agrippæ, Finis.
Anno M. D. XXXIII.
Mense Iulio.